ИСТОРІЯ

РЕЛИГІЙ

ТАЙНЫХЪ РЕЛИГІОЗНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ

ОБРЯДОВЪ и ОБЫЧАЕВЪ

ДРЕВНЯГО МІРА.

Проверено в 1953 г.

1962

1961 г.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

I ТОМЪ.

ЕГИПЕТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Дома Призрѣнія Малолѣтнихъ Бѣдныхъ. Лиговка, д. № 18.

1883.

I.

ИНДІЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Географическій очеркъ страны. Вѣроисповѣданіе индусовъ. Священныя ихъ книги. Міроздание. Четыре вѣка бытія міра. Древность земного шара по толкованію индусовъ.

Миѳологія каждаго народа древности находится въ тѣсной связи съ мѣстными и климатическими условіями обитаемой имъ страны.

Въ Индіи, природа, являясь въ полномъ блескѣ первобытной своей красоты, щедрою, неоскудѣвающею рукою расточаетъ человѣку драгоцѣннѣйшіе дары всѣхъ своихъ трехъ царствъ. Здѣсь горы, высочайшія въ мірѣ—съ золотоносными нѣдрами, алмазными, рубиновыми и изумрудными копями; лѣса, снабжающіе весь свѣтъ пряностями и ароматами, населенные красивѣйшими звѣрями и птицами; роскошныя долины, и, въ числѣ ихъ, очаровательная долина Кашмира, окаймленная горами Гималайи... Здѣсь гора Меру, жилище боговъ, источающая четыре священныя рѣки: Брамапутру, Гангъ, Джумну и Синдъ ([1]). На зеркальной поверхности послѣдняго, красуются цвѣты символическаго лотоса (nymphea nelumbo

---

([1]) *Брамапутра*, по индійски: дочь Брамы, *Гангъ*: рѣка изъ рѣкъ, *Синдъ*: темно-синяя рѣка, *Джумна*: древній Оксъ.

*

L); по его прибрежьямъ растутъ папирусъ и тростники для письма, бенгальская смоковница (ficus bengalensis L)—любимица Брамы; чудесный мангль (rhizophora mangle L), сандаловое дерево, въ которое, по преданію, превратилось тѣло умершаго Кришны, и кусты драгоцѣннаго нарда. Такова Индія — страна чудесъ, можно было бы сказать „рай земной", еслибы она же не изобиловала произведеньями, гибельными для человѣка: въ той же самой Индіи, рядомъ съ бананомъ, высится ядовитый упасъ, благодѣтельную пальму обвиваетъ удавъ своими кольцами, въ чашечкахъ упоительно-ароматныхъ цвѣтовъ гнѣздятся прелестныя, но, тѣмъ не менѣе ядовитыя змѣйки... Между цѣлебными травами растутъ смертоносныя, изъ подъ сребристыхъ струй священныхъ рѣкъ сверкаютъ глаза крокодила; въ лѣсахъ водятся тигры, въ долинахъ—львы... Наконецъ, если рѣки Индіи,—колыбели ея божествъ, то въ ея болотахъ колыбель адскаго чудовища—холеры! Нигдѣ въ мірѣ, можетъ быть, добро и зло не идутъ такъ дружно рука объ руку, и вотъ почему древніе индусы, первые—въ лицѣ одного и того-же многорукаго божества изображали подателя благъ и бѣдствій, созидателя и разрушителя, источникъ жизни и смерти.

Религія индусовъ слагалась вѣками, въ теченіе которыхъ число священныхъ книгъ возросло до баснословной цифры. Изъ нихъ первое мѣсто принадлежитъ *Ведамъ*, написаннымъ, какъ гласятъ преданія, на древнемъ санскритскомъ языкѣ самимъ Брамою. Всѣхъ Ведъ—четыре: ***Ригъ*** или ***Ригъ-Веда***, содержащая въ себя гимны и молитвы въ стихахъ; ***Яджуръ-Веда*** — тоже, въ прозѣ, ***Сама-Веда***—божественныя пѣснопѣнія — и, ***Атгарван-Веда***, правила богослужебныхъ обрядовъ, покаянія и образцы заклинаній. Каждая Веда состоитъ изъ двухъ частей: собственно молитвъ (*мантрасъ*) и наставленій (*браманасъ*). За Ведами слѣдуютъ въ числѣ восемнадцати ***Пураны***, заключающія въ себѣ отдѣльные миѳы, сказанія о героях и важнѣйшихъ историческихъ событіяхъ. Послѣ Ведъ и Пуранъ, третье мѣсто принадлежитъ эпопеямъ, воспѣвающимъ подвиги боговъ въ человѣческомъ образѣ; замѣчательнѣйшія изъ эпопей: ***Рамайяна*** и ***Магабарата***. Но этимъ духовная литература индусовъ не ограничивается; не можемъ не упомянуть объ исторіи мірозданія и собраніи законовъ Мену (***Манава-Дгарма-Састра***) и книгахъ шести философовъ въ трехъ отдѣлахъ: ***Ніайя***, ***Миманса***, ***Санкхійя***; что же касается до отдѣльныхъ богословскихъ трактатовъ, поэмъ, трагедій, мистерій—исчисленію ихъ надобно посвятить цѣлые томы.

Религію индусовъ можно раздѣлить на четыре вѣроисповѣданія: поклонниковъ ***Брамы***, ***Вишну***, ***Сивы*** и послѣдователей ученія ***Будды***. Послѣднее, какъ расколъ, въ крайнемъ пренебреженіи у индусовъ, хотя они и признаютъ Будду ученикомъ Вишну, даже самимъ богомъ Вишну, принявшимъ образъ Будды. У каждаго вѣроисповѣданія одни и тѣ же боги, но есть разница въ миѳологіяхъ и обрядахъ; всѣ секты поклоняются Сивѣ, Вишну и Брамѣ, въ видѣ трехглаваго божества ***Тримурти***. Изъ сказаній миѳологическихъ можно понять, что первоначально люди поклонялись Сивѣ олицетворенію производительныхъ силъ природы, которую символически изображая *лингамъ* (въ растеніяхъ это—пестикъ и тычинки,—но тутъ рѣчь о человѣческомъ организмѣ). Неукротимое распутство и кровавыя жертвоприношенія богинѣ смерти Кали - основные догматы ученія Сивы. Законъ Вишну имѣлъ цѣлью отвратить людей отъ гнуснаго поклоненія лингаму, но оно укоренилось до такой степени, что только половина индусовъ приняла новое ученіе... Законъ Брамы примирилъ, на сколько было возможно, поклонниковъ Сивы и Вишну. Вотъ толкованія браминовъ о Богѣ и мірозданіи: „Есть духъ верховный, единый, самобытный, безначальный, безконечный, всемогущій, всеблагій, всесовершенный. Существо вѣчное, безплотное, незримое, но вездѣсущее, исходящее изъ глубины своего бытія для мірозданія въ тройственномъ видѣ: ***созидателя*** (Брама), ***хранителя*** (Вишну), ***сокрушителя и возобновителя*** (Сива)." Символомъ перваго была земля, второго—вода, третьяго - огонь; всѣ три бога символически означаются тремя санскритскими буквами: *оум*. Имя единому божеству ***Брамъ*** (самобытный) или ***Мага-атма*** (великій духъ). Подъ именами: ***Бгава***,

Тримурти.

Бгагисъ, *Бгагаванъ*, *Део-нахъ* и проч. оно является подателемъ всѣхъ благъ и счастья, украшенное питательными или врачебными растеніями, сопутствуемое полезными животными; оно же подъ именами—*Рудры*, *Калы*, *Гары*, *Угры* и т. д. податель всѣхъ волъ и бѣдствій. Тогда божество украшено мертвыми головами, змѣями, цѣпями, ядовитыми растевіями... словомъ, всѣми атрибутами ужаса и отчаянія.

Вотъ повѣствованія индійской миѳологіи о сотвореніи міра:

Прежде всего, видимаго и невидимаго, *Свайямбгу* (самобытный) создалъ богиню *Бгавани* (море), матерь всему живущему. Мракъ царилъ повсюду и море не производило ничего, покуда богъ *Сива* (огонь) не бросилъ въ него плодотворнаго начала. Тогда на поверхности моря явилось золотое яйце, и отъ усилій заключеннаго въ немъ *Брамы* лопнуло на двѣ ровныя части. Изъ одной половины скорлупы образовался сводъ небесный, изъ другой—земля. Послѣ того, Брама создалъ безплотныхъ духовъ (*девасъ*), растенія, животныхъ и человѣка. Такъ начался видимый нами міръ. Бытіе его индусы дѣлятъ на четыре вѣка; три уже прошли—мы живемъ въ четвертомъ. Первый вѣкъ — *Крита* или *Сатійяюга*, обнимаетъ періодъ въ 1728000 лѣтъ человѣческихъ. Это былъ вѣкъ правды и чистой совѣсти; люди, непорочные какъ агнцы, наслаждались блаженствомъ и долголѣтіемъ. Второй вѣкъ, *Трета-юга*, длился 1296000 лѣтъ; и въ этотъ періодъ люди были счастливы — но все же не такъ, какъ въ первый. Третій вѣкъ, *Двапара-юга*, продолжался 864000 лѣтъ—и зло воцарилось на землѣ, нравы ожесточились — болѣзни и смерть укоротили вѣкъ людской. Четвертый *Кали-юга*; (въ который мы живемъ), продлится только 288000 лѣтъ; 4970 лѣтъ уже истекли. Это худшій изъ всѣхъ вѣковъ: вѣкъ неправды, злобы и скорбей. Такимъ образомъ, отъ сотворенія міра до нашего времени, индусы считаютъ 3892970 лѣтъ человѣческихъ. Предѣлъ бытія дева или безплотнаго духа, индусы полагаютъ въ 4320000 лѣтъ; умноживъ это число на 71, вы получите число лѣтъ царствованія Мену (полубога), а тысяча этихъ царствованій составляетъ *кальпу* или *одинъ день* Брамы!! Каждая кальпа оканчивается разрушеніемъ міра, слѣдующая начинается его обновленіемъ...

Надобно отдать справедливость индійскимъ богословамъ: едва-ли возможно остроумнѣе и поразительнѣе выразить цифрами величіе Бога. Одинъ *день* Брамы состоитъ изъ 3,067,200,000,000 лѣтъ! На основаніи астрономическихъ данныхъ (¹), но безъ особеннаго вниманія къ великимъ геологическимъ открытіямъ, доказывающимъ давность міра—начало перваго вѣка относятъ только къ 3164 г. втораго—къ 2204; третьяго—1484, а четвертаго—къ 1004 г. до Р. Х.

Въ первомъ вѣкѣ царствовали семь Мену; послѣдній изъ нихъ, *Вайясвати*, развратился и позабылъ законы божіи; онъ поклонялся гнусному лингаму и Сивѣ. Это поклоненіе вызвало появленіе на землѣ бога Вишну.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Девять воплощеній Вишну. Рама. Кришна. Будда. Десятое (будущее) воплощеніе Вишну. Сущность ученія его поклонниковъ. Богиня Бгавани. Произведенія всѣхъ трехъ царствъ природы, въ которыхъ незримо присутствуетъ Вишну.

Окончивъ великое дѣло мірозданія, Брама предался отдохновенію, и въ это время изъ устъ его истекали Веды. Демонъ *Гайягрива*, подкравшись къ богу, похитилъ ихъ у Брамы, и люди стали беззаконниками.

Тогда на землѣ царствовалъ *Сатіаврата*, мудрый и благочестивый поклонникъ великаго духа. Строгій постникъ, онъ питался только водою и всѣ свои дни проводилъ въ молитвахъ и созерцаніи дѣлъ рукъ божіихъ. Однажды, во время своего омовенія на рѣкѣ *Критамаль*, царь захватилъ въ пригоршнѣ воды крошечную рыбку, принесъ ее домой и положилъ въ чашу съ водою.

(¹) Benthley. Asiatic Reserches VIII p. p. 224 et seq.

Здѣсь рыбка, изъ едва примѣтной для глаза, мгновенно достигла такихъ размѣровъ, что царь былъ принужденъ, изъ чаши перемѣстить ее въ садокъ, потомъ въ прудъ... но размѣры рыбы все увеличивались по мѣрѣ ея перемѣщеній; Сатіавратѣ пришлось, наконецъ, пустить ее въ море. Тогда Вишну (принявшій на себя видъ этой рыбы) сказалъ царю: „Еще семь дней и море выступитъ изъ береговъ и всѣ на землѣ живущіе погибнутъ—тебѣ-же пришлю корабль. Ты возьмешь на него съ собою цѣлебныя травы, сѣмена хлѣбныя и древесныя, семерыхъ мудрецовъ (*риши*) и попарно всѣхъ звѣрей, кромѣ обреченныхъ на гибель. Оставайся на кораблѣ во все время потопа и тогда познаешь мое величіе!“

Сказавъ это, богъ въ видѣ рыбы скрылся въ пучину моря.... Дождь хлынулъ на землю, рѣки выступили изъ береговъ, море затопило всю землю. Сатіаврата, заблаговременно исполнивъ повелѣнія божіи, сѣлъ на корабль вмѣстѣ съ мудрецами, звѣрями и запасомъ растеній. Корабль этотъ онъ привязалъ къ рогу огромной рыбы, употребивъ, вмѣсто каната, змѣя непомѣрной длины. Змѣй этотъ, *Гери*, былъ никто иной, какъ самъ Брама. Онъ отнялъ Веды у похитившаго ихъ Гайягривы и умертвилъ похитителя.

Это первое воплощеніе Вишну называется *Матсіаватара* (явленіе рыбы). Слѣдовавшее затѣмъ второе, *Курмаватара*—было его превращеніе въ черепаху.

Боги изобрѣли *Амриту*, питіе безсмертія. Добрые и злые духи, жаждавшіе этого напитка, заспорили и стали бороться. Во время борьбы, они задѣли за гору Меру, на которой держится шаръ земной [1]; гора рухнула въ молочное море, а землю удержалъ Вишну на своей спинѣ, превратясь въ огромную черепаху. Гора, упавъ въ море, запуталась въ кольцахъ змѣя *Сеши* или *Вазуки*. Злые духи ухватили его за голову, боги за хвостъ, и, такимъ образомъ, гора завертѣлась, а измученный змѣй плюнулъ ядомъ на всю вселенную. Чтобы спасти ее, Вишну проглотилъ этотъ ядъ и хотя

[1] По другимъ сказаніямъ, нынѣ земля держится на четырехъ или на восьми слонахъ, стоящихъ на спинѣ громадной черепахи. По нашему *остроумному* народному повѣрью, міръ стоитъ на трехъ китахъ.

остался невредимъ, но у него посинѣло горло. По этой причинѣ его называютъ *нилаканта* (синегорлый). Вслѣдствіе верчѣнья горы, Амрита выступила на поверхность молочнаго моря, а слѣдомъ за нею шесть чудесъ: 1) луна, 2) *Айравата*—бѣлый слонъ съ тремя хоботами; 3) Небесный врачъ *Данвантари*, собравшій воду жизни въ сосудъ; 4) драгоцѣнный камень *Кастрала*, озаряющій сокровеннѣйшіе предметы и отражающій въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, весь міръ. Камень этотъ Вишну надѣлъ себѣ на грудь. 5) *Утшаисрава*—конь съ четырьмя или семью головами и 6) красавица *Лакми*, которую Вишну взялъ себѣ въ жены. Вмѣстѣ съ этими чудесами со дна взбаламученнаго, молочнаго моря выступила: *Ма-деви*—богиня раздора и нищеты, *Сарасвати*—жена Брамы, *Камадгени*—крылатая корова и дерево *Кальпаврикгамъ*. Подобраннымъ съ поверхности моря напиткомъ безсмертія Вишну угостилъ боговъ и добрыхъ духовъ, демоны же, превратясь въ великановъ, разошлись по землѣ, размножились и стали угнетать людей, заставляя ихъ воздавать себѣ божескія почести.

Составивъ заговоръ противъ боговъ, демоны или великаны вздумали опять низвергнуть міръ... но Вишну, внявъ молитвамъ богини земли, *Притгиви*, принялъ видъ вепря (*Варагаватара*) и на одномъ клыкѣ удержалъ шаръ земной. Въ четвертый разъ, Вишну превратился въ льва (*Наразингхаватара*), чтобы растерзать злаго великана *Гаранью*.

Во второмъ вѣкѣ бытія міра считаютъ три превращенія Вишну. Первое — *Ванамаватара*, произошло слѣдующимъ образомъ:

Великанъ *Бали* овладѣлъ тремя областями—океаномъ, землею, преисподнею, и самовластно правилъ ими. Однажды къ нему явился чуть видный отъ земли карло *Ванама* и смиренно попросилъ у него въ подарокъ три шага земли. Смѣясь этой просьбѣ Бали согласился. Карло мгновенно выросъ и сталъ выше самаго великана: шагнувъ разъ—онъ овладѣлъ океаномъ, шагнувъ другой—землею, шагнувъ третій—овладѣлъ-бы и преисподнею, если бъ Бали, узнавъ въ немъ Вишну, не попросилъ пощады. Богъ великодушно предоставилъ ему подземное царство, изъ котораго однако же ежегодно, въ августѣ и ноябрѣ мѣсяцѣ, великанъ выходитъ на поверхность

земли, чтобы бороться съ богомъ. Вишну въ видѣ карла называютъ также—*Тривикрамою* (три шага).

Въ другой разъ, цари изъ племени дѣтей солнца или воины (*Катрійаксы*), возмутясь противъ боговъ, стали притѣснять *браминовъ*, ихъ служителей. Взявъ у боговъ чудесный бердышъ (*паразу*), Вишну истребилъ мятежниковъ и избавилъ отъ нихъ угнетенныхъ браминовъ. Послѣдніе, сначала благодарные, вскорѣ однако позабыли о милости къ нимъ Вишну. Тогда богъ, въ негодованіи, уединился отъ людей въ горы, до половины залитыя водою, но и здѣсь, въ доказательство своего могущества, создалъ изъ моря Малабарскій берегъ.

Всѣ эти превращенія составляютъ предметъ Магабгараты. Слѣдующее (седьмое) описано въ знаменитой поэмѣ Рамайянѣ.

Въ городѣ *Айодгійя* (Аудѣ), у *Каусалійи*, одной изъ четырехъ женъ тамошняго царя *Даза-Раты*, родился сынъ *Рама* (красавецъ). Отецъ, желая чтобы ему наслѣдовалъ сынъ другой его жены, изгналъ въ пустынные лѣса Раму, жену его *Ситу* и одного изъ его братьевъ—*Ламану*. Рама очистилъ лѣса и пустыни отъ жившихъ тамъ великановъ, чѣмъ оказалъ огромную услугу окрестнымъ жителямъ. Великанъ *Равана*, царь острова Ланки (Цейлона), плѣнясь Ситою, обманомъ похитилъ ее у мужа и увезъ къ себѣ на Цейлонъ. Рама рѣшился пуститься въ погоню за хищникомъ. Царь горныхъ обезьянъ, *Сугрива*, съ воеводою своимъ *Ганумановъ* и царь медвѣдей *Ямбаванта* предложили ему великодушное содѣйствіе и Рама двинулся къ Цейлону. Для переправы на островъ, обезьяны сложили мостъ изъ скалъ, чрезъ который и перешла вся армія. Послѣ двадцати сраженій между войсками Рамы и Раваны, послѣдній—благодаря предательству брата своего *Вимишаны*—былъ убитъ, низринутъ въ пропасть, а Сита освобождена. Переправясь съ острова на твердую землю, обезьяны разрушили построенный ими мостъ (остатки котораго цѣлы и по нынѣ) (¹), а Рама, желая умилостивить Сиву, которому поклонялся великанъ, соорудилъ на берегу великолѣпный храмъ. Возвратясь въ

(¹) Гряда скалъ у береговъ Цейлона.

Аудъ послѣ двѣнадцатилѣтнихъ скитаній, Рама восшелъ на престолъ и въ мудрое его царствованіе смягчились нравы, процвѣтали науки, совершенствовалось земледѣліе и люди блаженствовали. Передавъ тронъ своему сыну *Кушъ*, Рама вмѣстѣ съ Ситою вознесся на небо, гдѣ принялъ прежній свой видъ—бога Вишну.

Рама. Сита, Гануманъ и обезьяны.

Въ восьмой разъ онъ явился на землѣ въ видѣ *Кришны*.

Кришна родился въ *Матуръ*, у царя *Васудевы* и жены его *Деваки*, сестры царя *Канши*. Послѣднему, похитителю престола въ Матурѣ, было предсказано, что онъ будетъ свергнутъ однимъ изъ племянниковъ. Во избѣжаніе этого, Канша повелѣлъ убивать новорожденныхъ сыновей сестры. Такъ погибло семь младенцевъ; восьмой же, благодаря подмѣну — уцѣлѣлъ. Это былъ Кришна. Онъ родился при восходѣ луны, въ самую полночь, окруженный божественнымъ сіяніемъ и тотчасъ же объявилъ родителямъ, чтобы они отдали его на воспитаніе пастухамъ города *Гакулама*, по ту сторону рѣки *Ямуны* (Джумны). Отецъ и мать исполнили приказаніе Кришны и въ Гакуламѣ росъ Кришна между дѣтьми пастуховъ, удивляя сверстниковъ подвигами необыкновенными. Онъ, напримѣръ, поднималъ цѣлыя горы на одномъ пальцѣ, побѣждалъ чудовищъ, а разъ, опутанный по рукамъ и по ногамъ страшнымъ змѣемъ *Калійею*, высвободясь изъ его колецъ, плясалъ на его головѣ. Превосходный музыкантъ, Кришна звуками

флейты очаровывалъ звѣрей; нужно ли говорить, что звуки эти заставляли плясать пастуховъ и пастушекъ. Изъ послѣднихъ красавицъ, юноша выбралъ себѣ семерыхъ любимицъ (*гописы*), восьмая же изъ нихъ, *Радха*, пользовалась особеннымъ его расположеніемъ. Въ полномъ сознаніи своихъ правъ и силы, Кришна, собравъ многочисленную рать изъ прежнихъ товарищей дѣтства пошелъ войной на своего дядю Канцу. Похититель, согласно пророчеству, былъ убитъ, отецъ и мать Кришны освобождены изъ плѣна. Послѣ того герой велъ войну съ пятиглавымъ великаномъ и отнялъ у него бывшихъ въ неволѣ 16,000 дѣвственницъ. Всѣ эти красавицы влюбились въ ихъ освободителя, и Кришна женился на всѣхъ, восемерыхъ изъ нихъ назвавъ царицами и поставивъ въ главѣ ихъ *Рукмини*. Послѣднимъ подвигомъ Кришны была побѣда надъ великаномъ, угнетавшимъ его братьевъ, и затѣмъ духъ его преобразился въ Вишну, а тѣло превратилось въ сандаловое дерево.

Презирая ученіе *Будды*, и называя его расколомъ, индусы признаютъ однако же, что Будда былъ девятымъ превращеніемъ Вишну. Будда родился у *Магамайи*, жены *Сутаданны*, царя магадскаго. Десять мѣсяцевъ Магамайя носила его и произвела на свѣтъ безъ всякихъ страданій, подъ тѣнію благоухающихъ деревъ. Новорожденный, при появленіи своемъ на свѣтъ, не прикоснулся земли: его принялъ самъ Брама въ золотой сосудъ, а присутствовавшіе при родинахъ *муни* (святые) и *пандиты* (пророки), угадавъ въ младенцѣ божественное происхожденіе, дали ему имя *Девата-Дева* (богъ боговъ), хотя между людьми онъ носилъ родовое свое прозвище *Сакія*. Развиваясь не по лѣтамъ, онъ оказывалъ необыкновенные успѣхи въ наукахъ, и когда сидя на смоковницѣ училъ людей закону, истолковывая Веды, тысяча слушателей, внимая ему, не знали чему болѣе удивляться: красотѣ, свѣтлому разуму или увлекательному краснорѣчію учителя? Сакія женился на княжнѣ — такомъ же совершенствѣ въ женщинахъ, какимъ онъ самъ былъ въ мужчинахъ, имѣлъ отъ нея сына и дочь... Но, видя неправду людскую и порочные нравы, покинулъ семью, дворецъ, городъ и удалился въ пустыню. Здѣсь обрилъ голову и, избравъ себѣ пятерыхъ учениковъ, провелъ нѣсколько лѣтъ въ покаяніи, постѣ и молитвѣ. Онъ перемѣнилъ имя Сакіи на имя

Гаутама, и до того исхудалъ и обезсилѣлъ отъ долгаго поста, что молоко 500 коровъ едва могло возстановить его силы. Выдержавъ тяжкіе искусы. Гаутама объявилъ ученикамъ, что пришло время просвѣтить міръ и отправился въ *Варанзаси* (Бенаресъ) чтобы учить закону. Народъ, восхищенный его ученіемъ, далъ ему прозвище *Сакія-Муни*.

Дядя мудреца, *Девадати*, всячески старался вредить ему. Для этого онъ вошелъ въ союзъ съ пришедшими въ то время изъ Персіи огнепоклонниками, и принявъ ихъ вѣру соблазнялъ народъ. Сакія-Муни своими диспутами и вооруженной рукой отстоялъ поклоненіе Тримурти. Тогда слава его разнеслась по всему востоку; Индія, а за нею многія страны послѣдовали его ученію. Умирая, Сакія-Муни предсказалъ, что черезъ 5000 лѣтъ вѣроисповѣданіе его исчезнетъ и будетъ замѣнено другимъ, основателемъ котораго будетъ *Магидари*—Богъ въ образѣ человѣческомъ. Это девятое превращеніе Вишну происходило въ четвертомъ вѣкѣ бытія міра: *десятое* (Калькіаватара) будетъ въ концѣ вѣка. Вишну явится въ божественномъ своемъ видѣ, на ослѣпительно бѣломъ конѣ, съ мечемъ сверкающимъ подобно кометѣ. Явится онъ, для окончательнаго искорененія зла на землѣ. Нечестивцы будутъ низринуты въ преисподнюю и самый міръ обратится въ прахъ. Сива, въ видѣ огненнаго вихря или огнедышущаго змѣя *Сеши*, пронесется по всей вселенной: огонь истребитъ міры, но изъ начатковъ обновленія, скрытыхъ въ чашечкѣ лотуса, явятся міры новые, а вмѣстѣ съ ними начнутся новые вѣка блаженства, чистоты и непорочности!...

Символъ послѣдняго появленія Вишну.

Сущность ученія поклонниковъ Вишну состоитъ въ томъ, что конечнаго разрушенія нѣтъ въ природѣ; вездѣ, всюду и во всемъ зародыши новаго бытія. Душа живетъ вѣчно, измѣняя только формы, въ которыя облекается; самая смерть—ничто иное, какъ начало новой жизни. Вишну — олицетвореніе любви, силы, доброты и разума. Цѣль всѣхъ его превращеній — благо людей, защита слабыхъ и угнетенныхъ, наказаніе притѣснителей. Жена Вишну, *Бга-*

вани иначе называется **Сри** (счастливая) [1], **Падма** (лотусъ) **Падмалайя** (живущая въ лотусѣ). Ей посвящено дерево мангль (rhizophora mangle L) и въ жертву приносятъ рисъ и молоко.

Вишну незримо присутствуетъ во всѣхъ произведеніяхъ природы; престолъ его всюду, гдѣ есть прекрасное и величественное. Вотъ что говорится о немъ въ древнихъ книгахъ браминовъ: „Арджійяна, одинъ изъ кающихся, призвалъ Вишну и спросилъ его, какъ и въ чемъ узнавать его мѣстопребываніе на землѣ; какіе люди ему угоднѣе, какіе звѣри, какія растенія пріятнѣе? Вишну отвѣчалъ: — Въ молитвахъ я Гаитри; въ словахъ оум; въ богахъ—Индра; въ планетахъ—солнце; въ горахъ—Меру; въ ришахъ—Кубера; въ стихіяхъ—огонь; въ браминахъ—Вригаспати; въ герояхъ—Картика; въ мудрецахъ—Капила-Муни; въ оружіяхъ—громовая стрѣла; въ птицахъ—гаруда; въ слонахъ—датрабата; въ коровахъ—шуруба [2]; въ обезьянахъ—гануманъ; въ змѣяхъ—ананта; въ водахъ—океанъ; въ рѣкахъ—Гангъ; въ деревьяхъ—ассуата; въ кустарникахъ—тулови; въ травахъ—дарба; въ камняхъ—салаграма [3]; въ мѣсяцахъ—Варгаширта (ноябрь); въ наукахъ—Сама-веда... Я наконецъ душа и жизнь всему видимому!"

Всѣ поименованные здѣсь предметы одушевленные и неодушевленные—посвящены Вишну, и почитаются у индусовъ священными.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Брама.—Сотвореніе четырехъ кастъ.—Сарасвати.—Воплощенія Брамы.—Вальмика.—Віаза.—Калидаза.—Древнее ученіе браминовъ.—Душа и ея переселенія.

Третье лице Тримурти—Брама; взятое отдѣльно отъ двухъ прочихъ, герой многихъ и весьма любопытныхъ миѳическихъ сказаній.

(1) Ceres—Римлянъ, Изида—Египтянъ, Димитрисъ Грековъ.
(2) Индійскія породы слоновъ и рогатой скотины.
(3) Окаменѣлыя раковины *аммониты*.

Брама творецъ міра по повелѣнію великаго духа. Сидя въ чашечкѣ лотуса (въ которой родился, по мнѣнію послѣдователей его ученія), Брама призвалъ **Баггавана** и тысячеглавое божество явилось на призывъ его. Брама поклонился ему, и тогда Баггаванъ, разсѣявъ тьму и показавъ Брамѣ міры и силы природы погруженные въ глубокій сонъ, повелѣлъ пробудить ихъ къ жизни. Проведя сто лѣтъ въ благоговѣйномъ созерцаніи, Брама приступилъ къ сотворенію міра. Прежде всего онъ создалъ неизмѣримое пространство; затѣмъ, семь звѣздныхъ сферъ (**Сваргасъ**), довѣривъ **деватамъ** (планетамъ) ихъ управленіе; землю (**Мритлока**) съ солнцемъ и луною; семь низшихъ сферъ (**Паталасъ**), озаряемыхъ восемью рубинами, вставленными въ головы восьми змѣй. Первыми живыми существами были духи безплотные, за ними демоны и, наконецъ, люди. Изо-рта Врамы родился **браминъ** (жрецъ). Творецъ далъ ему четыре Веды, приказавъ жить въ уединеніи, созерцать міръ и учиться. Черезъ нѣсколько времени, браминъ явясь къ творцу сталъ жаловаться, что звѣри лѣсные не даютъ ему покоя. Для защиты брамина, Брама, изъ правой своей руки, создалъ воина, (**Кшатрію**), изъ лѣвой жену ему, и повелѣлъ ему защищать брамина. Воинъ вскорѣ предъявилъ свою жалобу: „Я защищаю брамина отъ звѣрей, но не имѣю времени ни собирать плоды, ни обработывать землю для моего пропитанія. Дай мнѣ помощника!" Для сбора плодовъ и обработки земли Брама изъ правой лядвеи создалъ земледѣльца (**Вайсія**), изъ лѣвой жену ему. Земледѣлецъ не замедлилъ явиться къ Брамѣ съ жалобою на свою долю: „Я кормлю моими трудами воина съ женой, свою жену, брамина, иной разъ, одѣляю... Силъ нѣтъ одному на всѣхъ работать. Если бы ты создалъ мнѣ помощника, тогда и дѣло пошло бы на ладъ, да и отъ избытковъ урожая я могъ бы запасъ откладывать! Видитъ Брама земледѣлецъ правъ: и сотворилъ Брама изъ правой своей ступни раба (**Судру**), изъ лѣвой рабыню и велѣлъ имъ быть помощниками земледѣльцу. Бѣдному рабу пришлось избрать себѣ въ помощники только домашнюю скотину.

Таково происхожденіе кастъ, по сказаніямъ миѳологіи. Создавая ихъ представителей изъ частей своего тѣла, Брама былъ вполнѣ увѣренъ, что всѣ касты будутъ жить въ мирѣ и добромъ согла-

сіи. Дѣйствительно всѣ они, воинъ, земледѣлецъ, рабъ, мирно занимались своимъ дѣломъ; одному брамину ученье не шло на умъ, а лѣзли въ голову совсѣмъ другія мысли. Опять онъ пошелъ къ Брамѣ.

— На этотъ разъ чѣмъ ты недоволенъ? спросилъ онъ.

— Недоволенъ я тѣмъ, что ты меня обидѣлъ. Воину, земледѣльцу, рабу ты далъ по женѣ—а чѣмъ же я хуже ихъ? Зачѣмъ ты меня обрекъ на одиночество? Тщетно Брама представлялъ брамину, что созданный изъ одной головы онъ долженъ быть одинъ, что ему, по настоящему, слѣдовало бы жить въ безбрачіи и воздержаніи, что Брамѣ и не изъ чего создать жены брамину. Браминъ не унимался; тогда Брама далъ ему жену изъ проклятаго племени великановъ (демоновъ).—Мысль глубокая! Браминъ, олицетворенное знаніе—мужъ дочери духа тьмы—олицетвореннаго сомнѣнія и безвѣрія.

Устроивъ міръ, Брама возгордился и задумалъ отложиться отъ ***Магадеви*** (Великаго Духа) и быть властителемъ независимымъ. Онъ началъ съ того, что утаилъ часть созданнаго имъ міра; но Сива и Вишну уличили его и отняли похищенную имъ преисподнюю. Брама не смирился, и гордясь своимъ именемъ творца, надменно обходился съ двумя остальными божествами таинственнаго Тримурти. Вскорѣ послѣ неудавшагося покушенія похитить преисподнюю, Брама воспылалъ преступной страстью къ дочери своей ***Сарасвати*** и сталъ ее преслѣдовать докучливыми нѣжностями. Когда она пряталась отъ отца, у него тотчасъ же выростала голова, обращенная лицомъ въ ту сторону, въ которой скрывалась Сарасвати. Выросло, такимъ образомъ, у Брамы четыре головы, смотрѣвшія во всѣ четыре стороны. Бѣдной Сарасвати прятаться болѣе было уже некуда и она взлетѣла на небо... Тогда у Брамы выросла и пятая голова, съ лицомъ обращеннымъ вверхъ. Магадеви (Великій Духъ), разгнѣванный настойчивостію Брамы, отрубилъ ему эту пятую голову, а его низринулъ въ мрачныя пропасти преисподней. Здѣсь Брама, лишенный власти, униженный, окруженный непроглядною тьмою, погрузился въ раздумье о своихъ грѣхахъ; въ душѣ его затеплилась искра раскаянія, и онъ выразилъ готовность искупить свои преступленія самымъ тяжкимъ наказаньемъ. Это смиреніе тронуло Великаго Духа и онъ внезапно предсталъ заплаканнымъ очамъ Брамы.

— Знай, произнесъ Магадеви—что гордость, единый изъ всѣхъ грѣховъ, котораго я не прощаю. Есть однако же тебѣ возможность и вѣрный путь загладить твои преступленья. Для этого ты долженъ, явясь на землѣ и принимая разные виды—пройти сквозь каждое поколѣніе, каждаго изъ четырехъ вѣковъ. Ты гордился предъ Вишну, но знаешь ли ты, кто онъ? Сущій въ каждомъ созданіи, я, не имѣю ни опредѣленнаго вида, ни пространства; я—все, но не имѣю особыхъ храмовъ, гдѣ бы мнѣ воздавали поклоненіе. Кто хочетъ видѣть меня, пусть воззритъ на Вишну; кто поклонится Вишну—мнѣ поклонится. И ты, Брама поклонись ему; напиши книгу о его дѣяніяхъ и тогда будешь прощенъ!

Брама, повинуясь велѣнію Магадеви, принявъ въ первомъ вѣкѣ видъ ворона (***Кабассумъ***) или вороны (***Кака-Буссонда***), воспѣлъ битву боговъ съ великанами. Во второмъ вѣкѣ, онъ родился на землѣ въ тѣлѣ отверженца ***Вальмики***.

Этотъ Вальмика могъ назваться извергомъ рода человѣческаго; для него душегубство было не только средствомъ къ существованію, но и наслажденіемъ. Онъ на большой дорогѣ содержалъ корчму, въ которую зазывалъ путниковъ и когда они усталые ложились спать—рѣзалъ ихъ сонныхъ и обиралъ до нитки. Такъ прошло много времени, до того дня, когда въ корчму къ злодѣю пришли на ночлегъ двое ***риши*** (мудрецовъ). Слѣдуя гнусному своему обыкновенію, Вальмика взявъ ножъ вошелъ въ комнату гдѣ они спали... Здѣсь внезапный ужасъ напалъ на разбойника и привычная рука, на этотъ разъ, не поднялась на этихъ странниковъ. Поникнувъ головой, въ глубокомъ раздумьи онъ стоялъ предъ ихъ ложемъ—и вдругъ, путники проснулись. Ножъ въ рукахъ Вальмики, его смущеніе—были слишкомъ явными уликами злаго умысла—и мудрецы, вмѣсто всякаго наказанія, стали усовѣщивать Вальмику. Рѣчи ихъ были такъ убѣдительны, что злодѣй раскаялся. Онъ бросилъ свое кровавое ремесло, удалился въ пустыню, гдѣ двѣнадцать лѣтъ провелъ въ постѣ и молитвахъ. За это смиреніе Вальмика получилъ отъ Бога мудрость и знаніе всѣхъ наукъ. Покинувъ мѣсто добровольнаго заточенія, Вальмика сталъ обучать людей закону и занялся

толкованіемъ Ведъ. Помня велѣніе Великаго Духа — прославлять Вишну, Вальмика воспѣлъ его четыре превращенія и написалъ пророческую поэму о седьмомъ, уже извѣстную намъ ***Рамайяну.***

О третьемъ превращеніи Брамы, Магабгарата повѣствуетъ слѣдующее:

Одинъ ***риши*** (мудрецъ) тѣсно сблизился съ одной красавицей, которая черезъ четыре часа, послѣ перваго съ нимъ свиданія, родила младенца ***Віазу.*** Новорожденный объявилъ матери, что отказывается отъ ея попеченій и ушелъ въ лѣсъ, давъ ей слово явиться къ ней, по первому ея призыву, если матери будетъ въ немъ надобность. Въ лѣсу, посѣщавшій его отецъ обучилъ Віазу всѣмъ наукамъ. Здѣсь написалъ Віаза нѣсколько пуранъ (религіозныхъ поэмъ) и до того прославился, что заслужилъ отъ индусовъ прозвище ***Муни*** (пророка).

Въ четвертомъ вѣкѣ Брама, подъ именемъ ***Калидазы,*** родился въ семействѣ нищихъ. Царствовавшій тогда раджа ***Викрамадитійя*** пожелалъ имѣть давно утраченныя книги Вальмики. Калидаза взялся написать ихъ вновь, и написалъ не уклонясь ни отъ смысла, ни отъ звучнаго стиха подлинника. Восхищенный раджа принялъ Калидазу ко двору и осыпалъ почестями. Завистливые брамины оклеветали Калидазу, сказавъ раджѣ, что онъ его обманулъ и собственное сочиненіе выдалъ за произведенія Вальмики. Калидаза, принявъ видъ нищаго брамина, обличилъ клеветниковъ, заставивъ ихъ сличить книги Калидазы съ подлинными каменными скрижалями Вальмики, всплывшими со дна Ганга на его поверхность... Срокъ испытанія кончился; Великій Духъ простилъ Браму, который вознесся на небо.—

Во всѣхъ сказаніяхъ о Брамѣ, скрывается глубокій нравственный смыслъ. Брама, — олицетвореніе обоихъ міровъ большаго и малаго. Подъ именемъ послѣдняго надобно разумѣть человѣка. Здѣсь видимъ исторію паденія человѣка, его заблужденія, его обращенію на путь истинный. Гордость источникъ гибели, смиреніе путь къ мудрости. Брама пылаетъ преступной страстью къ своей дочери—такъ всякій человѣкъ, привязываясь къ земному, забываетъ небесное. Сличите превращеніе Вишну и Брамы: первый, въ образѣ человѣка является на землѣ для блага людей, второй—для личной пользы, для искуп-

ленія своихъ грѣховъ; первый своими превращеніями возвышаетъ человѣка до божества, показываетъ ему возможное совершенствованіе; второй — проходитъ сквозь презрѣннѣйшія созданія, чтобы очиститься. Здѣсь начало ученія о переселеніи душъ. По толкованію древнихъ браминовъ, человѣкъ созданъ изъ ***пяти*** (ими признаваемыхъ) стихій: изъ эфира, огня, воздуха, воды и земли. Изъ перваго созданъ разумъ, изъ второго—душа, изъ третьяго—дыханіе, изъ четвертой—кровь, изъ пятой — тѣло. Жизнь, подобно каплѣ воды, падаетъ съ неба на землю, и какъ вода съ пылью, такъ и душа соединяется съ перстью. Душа двойственна; въ ней два естества: божественное (***Перáматма***) и животное (***Дживатма***). Божественное начало—въ головѣ, животное—въ сердцѣ; первое — свѣтъ, второе—огонь. Дживатма— разсадникъ всѣхъ страстей. Параматмѣ — онѣ невѣдомы; она вичѣмъ невозмутима и у нея одна цѣль—Богъ, къ которому Параматма постоянно стремится. „Душа въ тѣлѣ“ — вѣрятъ древніе брамины — „подобна каплѣ воды въ чашечкѣ лотуса. Она и въ немъ и не въ немъ: она не сливается съ существомъ цвѣтка, она къ нему не прирастаетъ!“ Душа человѣка (Параматма) отличается отъ души животныхъ (Дживатмы) тѣмъ, что имѣетъ совѣсть, т. е. способность отличать зло отъ добра. Состоянія, въ которыхъ можетъ быть тѣло безчисленны; для души существуютъ ихъ только три: бдѣніе, сонъ и смерть. Наука и смерть вотъ два пути къ достиженію божества. Въ послѣднемъ случаѣ, при разставаніи съ тѣломъ —душа тоскуетъ и тяжело ей порвать всѣ узы, связывавшія ее съ землею. Въ минуту смерти человѣка, душа, сосредоточивъ въ себѣ всѣ свои чистѣйшія чувства (т. е. тѣ, которыя съ тѣломъ имѣютъ ничего общаго), находитъ себѣ пріютъ въ сердцѣ, угнѣздивается тамъ и остается до окончательнаго разрушенія персти. Тѣло, разлагаясь, возвращаетъ каждой стихіи взятыя изъ нея, свои составныя части. Дальнѣйшая участь души зависитъ отъ дѣяній умершаго: или душа, подобно переплавленному золотому сосуду, облекается по-

Символъ кончины міра у браманистовъ.

вымъ тѣломъ— или, подобно каплѣ воды, возвращается въ тотъ океанъ бытія, изъ котораго когда-то капула па землю. Если человѣкъ дѣлалъ добро *для добра* — душа его, возвращаясь къ Богу, сливается съ нимъ на вѣки и нераздѣльно; если же человѣкъ дѣлалъ добро изъ тщеславія или своекорыстныхъ видовъ, тѣмъ болѣе если дѣлалъ зло—душа его въ новой оболочкѣ огня, эѳира или воздуха, послѣ мученій въ аду возвращается для оживленія тѣлъ низшихъ животныхъ. *Процѣживаясь*, такъ сказать, сквозь нихъ, она въ каждомъ оставляетъ тѣ грязныя побужденія, которыя животному свойственны — и, по окончательномъ очищеніи, подобно доброй душѣ, все-таки сливается съ Богомъ. Здѣсь невѣдомы страсти, заботы, волненья—самая совѣсть поглощена блаженствомъ неизрѣченнымъ! — „Но такъ какъ", заключаютъ брамины это ученіе—„всякій человѣкъ грѣшенъ, то и душа каждаго подлежитъ послѣ смерти очищенію путемъ переселенія изъ тѣла одного животнаго въ другое—и вся природа ничто иное какъ огромное чистилище!.."

Вслѣдствіе ученія о переселеніи душъ, *Мару-джеммы* (метампсихозы), послѣдователи его, индусы нѣкоторыхъ сектъ, отличаются мягкосердіемъ и младенческой жалостливостію къ животнымъ. Не только раненная собака или кошка пользуются ихъ нѣжнѣйшими заботами—они щадятъ малѣйшихъ насѣкомыхъ. Послѣдователь ученія о метампсихозѣ своротитъ съ дороги, чтобы не раздавить лежащаго на ней червя, даже (по разсказамъ путешественниковъ) погаситъ огонь, если около него летаетъ ночная бабочка, чтобы она не опалилась. Эту добрую внимательность къ низшимъ созданіямъ нѣкоторые педальновидные историки язычества называютъ обожаніемъ животныхъ,—оно не совсѣмъ такъ. Правда, у индусовъ есть звѣри и растенія, даже камни, посвященные богамъ, тѣ и другіе служатъ символами божествъ,—но ни одинъ просвѣщенный индусъ не называетъ ихъ богами, предоставляя это нелѣпое суевѣріе грубой черни, которая въ Индіи, какъ и вездѣ, не въ состояніи понимать ни символовъ, ни алегорій. Все прекрасное въ природѣ брамины называютъ „божествомъ", въ переносномъ смыслѣ слова, какъ мы, европейцы, называя льва „царемъ" звѣрей, розу—„царицею" цвѣтовъ, не подразумѣваемъ въ нихъ, ни настоящаго повелителя звѣрей, ни повелительницы цвѣтовъ.

Брамины, желая увѣковѣчить память своихъ божествъ и великихъ людей, именами ихъ назвали планеты и созвѣздія; вслѣдствіе этого простой народъ убѣжденъ, что каждая звѣзда или планета дѣйствительно живое божество, понимая и въ этомъ случаѣ эмблему въ ея буквальномъ смыслѣ... Такъ, назовите какому нибудь европейскому простолюдину: „Малую медвѣдицу", „Возничаго", „волосы Береники" или „щитъ Собіесскаго"—и нѣтъ сомнѣнія, что и онъ, подобно простолюдину индусу, вообразитъ себѣ, что на небѣ дѣйствительно есть и живыя медвѣдицы, и возничіе, и волосы и щиты...

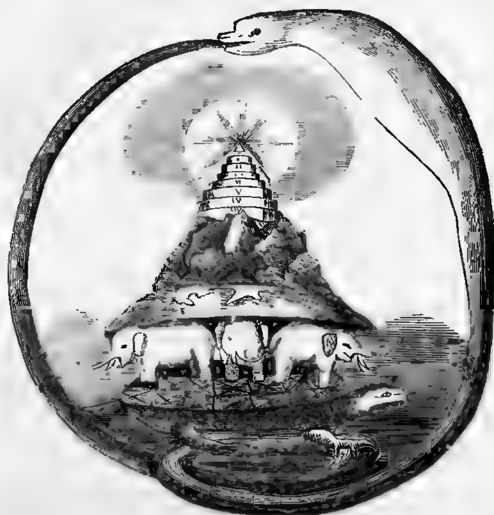
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Области, сферы и міры. Божества второстепенныя. Жилище боговъ. Астрологія. Времена года. Мѣсяцы. Дни. Недѣли. Календарь индусовъ.

Міры, созданные Брамою, раздѣляются на три области: верховную, небесную и земную; изъ нихъ каждая, въ свою очередь, состоитъ изъ семи сферъ или міровъ, управляемыхъ отдѣльными божествами, подчиненными властителямъ областей: Сивѣ, Вишну и Брамѣ—этому таинственному Тримурти, котораго индусы называютъ: „лампадою съ тремя свѣтильнями..." И всѣ повелители сферъ и областей повинуются единому Великому Духу (Магадеви).

Земною областью управляютъ семь *вазу*, предводимыхъ *Индрою*. Индра (эѳиръ) богъ свѣта, видимой тверди (сваргасъ) повелитель громовъ, податель плодотворныхъ дождей. Область его востокъ; изъ животныхъ ему посвященъ слонъ, изъ цвѣтовъ (колеровъ) — красный. Жена его, *Индрани*, окружена многочисленной свитой поющихъ и пляшущихъ *Ансарасъ* или *Гондаврасъ* (звѣзды); изъ

нихъ главнѣйшая *Рамбга.* Жилище Индры и жены его на горѣ Меру, въ великолѣпномъ дворцѣ, построенномъ *Висвакармою* (изобрѣтателемъ зодчества въ Индіи).



Космогонія индусовъ. Семь высшихъ сферъ, поддерживаемыхъ горою Меру, четырьмя слонами и черепахой.

На югѣ властвуетъ *Яма*—богъ мрака и смерти, судья усопшихъ. Ему посвящены: изъ животныхъ буйволъ, изъ колеровъ—оранжевый. Злыми духами повелѣваетъ *Нирути*, властвующій на юго-востокѣ. Изъ колеровъ онъ особенно любитъ темножелтый и появляясь возсѣдаетъ, вмѣсто коня, на спинѣ человѣка; на юго-западѣ *Агни*—богъ огня, двуликій, съ тремя ногами, появляющійся на голубомъ тельцѣ съ красными рогами (цвѣта пламени). Ему посвященъ фіолетовый цвѣтъ. Богъ владычествующій на западѣ называется *Варуна* или *Пратсита* и живетъ въ *Самудрѣ*

океанѣ); этотъ Варуна, богъ-очиститель, податель питанія травамъ и деревамъ, покровитель торговли и мореплаванія. Символы его—бѣлый цвѣтъ, вѣнокъ изъ лотосовъ, крокодилъ и змѣи. Подземные клады, рудники, пещеры находятся въ вѣденіи бога *Куверы* или *Пауластіи.* Ему повинуются *киннорасы* или *якши* (гномы). Область его — сѣверъ, цвѣтъ—розовый, символъ—конь. *Вайу Марута* или *Павана* властитель сѣверо-запада, богъ вѣтра, дыханіе міра, проводникъ звуковъ и благоуханій. Ему посвященъ лазуревый цвѣтъ неба, стройная антилопа или газель его символъ. Вайу другъ Агни и отецъ *Гануманa*—изобрѣтателя *вины* (лиры) и музыки. Седьмой вазу *Изаннія* или *Изана*—богъ земли, властитель сѣверо-востока. Его атрибуты—быкъ и сѣрый цвѣтъ. Супруга его, *Приттиви*, часто навѣщаетъ подземнаго бога Куверу и появляется въ его области. Женъ всѣхъ этихъ боговъ зовутъ родительницами.

Второю, небесною областью управляютъ *Муни* (семь планетъ). 1) *Сурія* (солнце), онъ же: *Адитія* (перворожденный), *Митра* (другъ), *Гамзи* (лебедь)—предводитель восьми мѣсяцевъ, основатель знаковъ зодіака — душа и жизнь всему. Золотую его колесницу, сопровождаемую огромной свитой, влекутъ семь зеленыхъ коней, управляемыхъ *аруною* (аврора, заря). 2) *Сома* (луна) или *Чандра* — начало воспроизводительныхъ влагъ, источникъ росы, тумановъ и дождей, покровитель хлѣбныхъ злаковъ и врачебныхъ растеній. Колесница его запряжена двумя быстроглазыми антилопами. Жены его *Рогини* (плеяды); когда же Сома въ союзѣ съ солнцемъ онъ превращается въ женщину. Это различіе названій одной и той же планеты, судя по ея фазисамъ, тоже что и у насъ: мѣсяцъ и луна. 3) *Мангала* (Марсъ) сынъ земли. Въ его сферѣ живутъ *дивы* (духи). 4) *Будда* (Меркурій), сынъ Индры, основатель всѣхъ наукъ, покровитель ученыхъ, тѣмъ не менѣе родившіеся подъ его звѣздою — несчастливы. 5) *Вригаспати* (Юпитеръ), наставникъ и учитель Будды. Сфера его—жилище святыхъ и пророковъ. 6) *Сукра* (Венера) повелитель злыхъ духовъ, покровитель волхвовъ и чародѣевъ. 7) *Сани* (Сатурнъ). судья людской совѣсти и блюститель переселяющихся душъ, братъ Ямы. Символы его — воронъ и черный цвѣтъ.

Правители верховной области—семь *Мену* (семь звѣздъ созвѣздія медвѣдицы). Имя перваго изъ нихъ *Адими* (первенецъ) и жена его *Иви*. Дѣти ихъ—*риши*. Въ этой области живутъ въ числѣ 3306 *Питри* (патріархи) — отцы *девасъ* (добрыхъ духовъ); злые называются *данавы*. Девасъ, населяющихъ верховную область, насчитываютъ до 600,000,000.

Кромѣ этого дѣленія на три области, небесное пространство раздѣляютъ на шесть обителей: 1) *Сатія-Лока*—обитель Сани (Сатурна), жилище великаго духа; 2) *Тапа-Лока* (обитель Юпитера), жилище Брамы; 3) въ *Яна-Локѣ* (обитель Марса) живетъ Вишну; 4) въ *Магар-Локѣ* (обитель Луны) — Сива; 5) въ *Свар-Локѣ* (обитель Солнца) — Индра; 6) въ *Бур-Локѣ* (обитель Меркурія)—боги-покровители земли.

Не только каждый мѣсяцъ подъ покровительствомъ особаго божества—у каждаго мѣсяца, недѣли, дня, часа, минуты своя звѣзда, свой добрый или злой геній. Индія — колыбель нелѣпаго, и почти по всему свѣту распространеннаго вѣрованія въ тяжелые и легкіе дни, добрые и злые часы, въ счастливыя и бѣдственныя минуты. У индусовъ, каждое повѣрье, каждый предразсудокъ вытекаетъ непосредственно изъ ихъ религіи, о чемъ мы поговоримъ подробнѣе въ слѣдующихъ главахъ, а теперь, для заключенія нашего очерка миѳологіи индусовъ, познакомимъ читателей съ ихъ лѣтосчисленіемъ и астрологическими повѣріями.

Нынѣ четвертый и послѣдній вѣкъ бытія міра — *Кали-юга*, вѣкъ богини смерти, управляемый послѣднимъ изъ семи мену, котораго зовутъ *Данвассита*—царь скорби и мертвецовъ. Шестьдесятъ лѣтъ составляютъ *циклъ*. Нынѣшняя кали-юга состоитъ изъ 4800 цикловъ, изъ которыхъ 802 уже истекли. Годъ лунный, изъ 336 дней, дѣлится на двѣ *айяны*, три *каласы* и двѣнадцать мѣсяцевъ.

Айяна—полугодіе. *Дакшан-аяна* (южная) въ продолженіе которой прибываютъ дни; *Утар-аяна* (сѣверная)—когда прибываютъ ночи.

Каласа состоитъ изъ четырехъ мѣсяцевъ и двухъ *риту* (временъ года). Первая, *знойная*, посвящена огню (Сивѣ), вторая—*дождливая*—землѣ (Брамѣ), третья—*холодная*—водѣ (Вишну). Имена риту по порядку каласъ слѣдующія: *Варанта*, *Грихма*, *Варма*, *Саратъ*, *Геманта* и *Сазира*.

Мѣсяцъ дѣлится на двѣ половины: *сукила-пакша* и *кришна-пакша*; кромѣ того содержитъ одиннадцать *карнъ*... *Карны* разнообразныя превращенія Вишну. День раздробленъ на 27 *югъ* или эпохъ; у каждой особое имя и своя звѣзда.

Каждый день недѣли подъ покровительствомъ божества соименнаго планетѣ. Имена ихъ, начиная съ воскресенья: *Адитіадинамъ* (день первенца) или *Суріадинамъ* (день солнца), *Сомадиваза*. *Сомадинамъ* (день луны), *Мангаладинамъ* (день Марса), *Буддадинамъ* (Меркурія) *Вригаспатидинамъ* (Юпитера), *Сукрадинамъ* (Венеры) и *Санидинамъ* (Сатурна). *Луна*, *Меркурій*, *Юпитеръ* и *Венера* признаются планетами *добрыми*: *Солнце*, *Марсъ* и *Сатурнъ* — *злыми*. У тѣхъ и у другихъ есть звѣзды-помощницы, сами по себѣ добрыя или злыя: добрая планета со злою помощницею можетъ быть гибельна, и наоборотъ, злая планета съ доброю помощницею, можетъ быть благотворна. Дожди и громы происходятъ отъ четырехъ главныхъ тучъ: *Камбарты*, *Абарты*, *Пушкары* (¹) и *Дроны*: отъ первой и четвертой благодѣтельные дожди; отъ второй и третьей—бури, громы и ураганы. Воду для дождей доставляютъ на небеса семь слоновъ. Въ случаѣ засухи индусы говорятъ, что слоны „лѣнятся." Семь змѣй властителей подземной области имѣютъ также огромное вліяніе на произведенія земли и на явленія небесныя. Когда одинъ изъ нихъ ползетъ на небо — происходятъ затмѣнія. Главный змѣй, *Ананта*, золъ и враждебенъ людямъ, *Мага-Падмія*—добрый, благоволящій имъ... Тяжелые дни: воскресенье, вторникъ и субота, а изъ двадцати семи звѣздъ, являющихся на небѣ въ теченіе мѣсяца — двадцать благодѣтель-

(¹) Пушкара—туча производящая *громъ*. Не отсюда-ли этимологія русскаго слова *пушка*? Огнестрѣльныя орудія въ Китаѣ (вѣроятно и въ Индіи) были извѣстны гораздо прежде нежели въ Европѣ. Въ нашихъ лѣтописяхъ упоминается о «Хозарскомъ Туркѣ, стрѣлявшемъ живымъ огнемъ» и бывшемъ въ войскахъ Хана-Половецкаго Кончака въ 1185 г. (см. Ист. Гос. Рос. Карамзина изд. 1834 года Т. V стр. 115).

ныхъ и семь — вредовосвыхъ. Звѣзды-спутницы людей въ минуту ихъ рожденія выпадаютъ изъ луны...

Такова астрологія индусовъ.

Число мѣсяцевъ и знаковъ зодіака у индусовъ тоже, что и у всѣхъ народовъ—двѣнадцать. Представляя перечень тѣхъ и другихъ, мы присоединяемъ и календарь важнѣйшихъ индусскихъ праздниковъ. Годъ начинается съ марта.

I. ***Тшаитра.*** Знакъ его—овенъ (***Меша***). Начало года ***Викрамадитійя.*** 1 день—*угхади*, новый годъ. Въ 6 день поволунія праздникъ ***Картикейя.*** 9—рожденіе ***Сри-Рамы.*** 13 и 14 рожденіе ***Камы.*** Праздники ***Сивы*** и богини ***Бгавани-Вазанти*** (весны).

II. ***Ваисакха.*** Телецъ, или вѣрнѣе —одногорбый быкъ-браминъ (bos indicus L). ***Идава***, ***Вриша*** или ***Машиша.*** Въ 3 число праздникъ нисшествія на землю ***Ганга.*** Поклоненіе этой священной рѣкѣ, ***Сивѣ***, горамъ: Гималайи, Каилазѣ и царю ***Бгорату***, первому властителю Индостана.

III. ***Джійаштра.*** ***Двойни*** (близнецы), мальчикъ и дѣвочка (***Митгуна***). 10—рожденіе Ганга; въ полнолуніе на рѣкѣ омовеніе идола ***Джаганната*** и празднества ***Снана-ятра.***

IV. ***Ашадга.*** Ракъ: ***Карката.*** 2—торжественныя процессіи на колесницѣ, идоловъ: ***Джаганнаты***, ***Бала-Рамы*** и ***Субадры***, ежедневно до 10 числа. 11—день лѣтняго солнцестоянія. Ночь боговъ. Вишну спускается на змѣя Сешу для четырехмѣсячнаго отдыха.

V. ***Сравана.*** Левъ: ***Синга.*** Въ 8 день ущерба луны—рожденіе Кришны. Постъ во все время нахожденія солнца въ знакѣ Льва.

VI. ***Бгадра.*** Дѣва: ***Санійя.*** Въ 11 день, спящій Вишну поворачивается на другой бокъ. 12 большой праздникъ въ честь бога Индры.

VII. ***Асвина.*** Вѣсы: ***Тула.*** Съ 1 по 9 поклоненіе богинѣ ***Дургѣ.*** 6-го начало ***Сгарадійи*** или праздника осени. 7, 8 и 9 — кровавыя жертвоприношенія богинѣ ***Дургѣ.*** 10—изображенія богини бросаютъ въ воду, въ Гангъ. Въ полнолуніе 15 поклоненіе богинѣ ***Лакми***, сходящей съ неба. Въ послѣднюю четверть

луны—ночныя празднества въ ея честь. Приношеніе цвѣтовъ богинѣ смерти ***Сйамѣ*** или ***Кали*** (черной).

VIII. ***Картика.*** Скорпіонъ: ***Вристшика.*** 1 число—ночныя празднества въ честь ***Бали*** царя преисподней; 2 число посвящено его сестрѣ ***Йямунѣ.*** 11 или 14 —пробужденіе Вишну отъ четырех-мѣсячнаго сна. Въ послѣдній день мѣсяца — поклоненіе Картикейѣ.

IX. ***Маргашира*** или ***Аграгайяна.*** ***Дганусъ***—стрѣла или стрѣлецъ. 14—праздникъ богини земли ***Гаури*** или ***Парвати.*** Въ честь ея индусы ѣдятъ рисовыя лепешки, а въ 8-й день ущерба луны предлагаютъ эти лепешки душамъ усопшихъ предковъ.

X. ***Пауша***: козерогъ. У индусовъ—антилопа съ рыбьимъ хвостомъ: ***Макара***, 1 число—утро боговъ; у древнихъ индусовъ около 11 числа начало года. Въ 8 день послѣдней четверти луны—предложеніе мяса душамъ усопшихъ.

XI. ***Мага***, урна съ водою или водолей—***Кумбга.*** 4-го поклоненіе ***Гаури***, богинѣ земли; 5-го празднество богинѣ ***Сри*** или ***Сарасвати*** и память изобрѣтенія письменъ. 7-го женскій праздникъ: ***Сурійя.*** Въ 8 день ущерба луны — предложеніе плодовъ, травъ и овощей душамъ усопшихъ, 14-го ***Сива-ратри***—ночныя празднества лингаму.

XII. ***Фальгуна.*** Рыбы: ***Мина*** или ***Матсія.*** 14-го праздники весны—***Голика***, ***Фальгустава***, въ простонародьи называемые ***Гули.*** Торжественныя процессіи идола ***Говинды***, носимаго на паланкинѣ (доль).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ненависть Индусовъ къ христіанамъ и ея причины. Касты. Паріи. Отчужденіе отъ касты. Происхожденіе цыганъ. Напитокъ очищенія. Презрѣнныя ремесла. Народныя партіи. Разныя племена и секты. Фансегары или душители.

Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ своего существованія, Индія не разъ утопала въ крови междоусобій, стенала подъ игомъ иновѣрцевъ, не разъ измѣняла видъ нѣкоторыхъ мѣстностей вслѣдствіе физическихъ переворотовъ на поверхности и въ нѣдрахъ земли, и, при всемъ томъ, Индія также сохранила свою религію, какъ время пощадило ея древнѣйшіе храмы и памятники. Не побудили индуса быть отступникомъ отъ вѣры праотцевъ—ни своекорыстные виды, ни убѣжденія, ни угрозы — а ужъ насилія, истязанія и подавно. Отъ природы кроткій и незлобный, индусъ съ благороднымъ самоотверженіемъ переносилъ и переноситъ тяжелое иго рабства, налагаемое на него, по неискоренимому на свѣтѣ праву сильнаго, иноплеменникомъ и иновѣрцемъ; онъ смиренно претерпѣвалъ и претерпитъ всевозможныя униженія и обиды, до тѣхъ поръ, покуда дерзкая рука его мучителя не коснется его религіи. Здѣсь предѣлъ терпѣнію индуса и тогда этотъ кроткій рабъ самъ превращается, подобно своему Вишну, въ неистоваго тирана, въ лютаго звѣря, и нѣтъ злодѣйства, на которое бы не подвигнула его тогда фанатическая ярость, нѣтъ адскихъ мукъ, которымъ бы онъ не подвергъ оскорбителя своей религіи. Ближайшій тому примѣръ явило послѣднее возстаніе Индіи въ 1856 — 57 годахъ. Поводомъ къ нему послужили не столько варварства англичанъ, сколько ихъ глумленіе надъ святынею индусовъ, ихъ пренебреженіе къ уставамъ религіи послѣднихъ. Нигдѣ въ мірѣ, подъ стать Индіи, не найдти страны, въ которой бы, при такомъ изобиліи расколовъ въ вѣрѣ, люди выказывали такую непримиримую ненависть къ иновѣрцамъ. Законъ Магомета, такъ искусно принаровленный къ ха-

рактеру жителей востока, такъ увлекательно льстящій ихъ пылкимъ страстямъ,— здѣсь безсиленъ и число его послѣдователей въ Индіи весьма ограничено. При всемъ томъ, къ магометанамъ въ индусахъ нѣтъ той ненависти, которую они питаютъ къ христіанамъ, — и вотъ почему:

У индусовъ сохранились преданія и еще свѣжи въ памяти народной воспоминанія о той язвѣ, которая, подъ личиною христіанства или, вѣрнѣе. подъ рясою патера, свирѣпствовала въ ихъ странѣ два—три вѣка тому назадъ. Довольно сказать читателю, что въ Индіи первыми проповѣдниками Евангелія были мисіонеры-іезуиты, чтобъ онъ понялъ, въ какомъ видѣ явилась тамъ святая истина ученія Христова. Крестъ въ одной рукѣ, кровавый кнутъ въ другой; умилительныя проповѣди о кротости, милосердіи, любви къ ближнему—обращенныя къ человѣку въ ту минуту, когда кости его хрустѣли подъ колесомъ палача безжалостой инквизиціи; молитвы къ Спасителю, при которыхъ съ пѣніемъ клира сливались стоны и зубовный скрежетъ истязуемыхъ язычниковъ... Несомнѣнно, свѣтъ Христовъ просвѣтитъ Индію, какъ и весь міръ: на развалинахъ пагодъ и капищъ воздвигнутся храмы Богу истинному, крестъ— символъ спасенія, возсіяетъ на безоблачной лазури великой страны... но это будетъ дѣломъ Божіимъ, а ужъ никакъ не слѣдствіемъ іезуитскихъ происковъ.

Миновали для Индіи кровавые вѣка инквизиціи и проповѣди іезуитизма. Она подпала подъ власть народа, послѣдователя инаго исповѣданія вѣры Христовой; но улучшился ли отъ этого взглядъ туземцевъ на христіанъ, а теперешніе властители Индіи являются ли истинными послѣдователями ученія евангельскаго? Сами они, презирая язычниковъ, развѣ не поклоняются златому тельцу, развѣ не приносятъ ему кровавыхъ жертвъ? А пытки при сборѣ податей, чѣмъ легче инквизиціонныхъ? Палачи-мисіонеры XVI и XVII столѣтій оправдывали жестокія средства благою цѣлью, а какое оправданіе, кромѣ гнусной корысти, могутъ представить властители Индіи въ XIX вѣкѣ? Іезуиты пытали туземцевъ, чтобы побудить ихъ отречься отъ язычества; англичане, надобно отдать имъ справедливость, за этимъ не гонятся. „Поклоняйся своему Брамѣ, Вишну, камню, быку—кому хочешь“, говорятъ англичане индусамъ,—„по-

давай только деньги!" Мало этого: цѣлыя грузы идоловъ англійской фабрикаціи, механическихъ, съ музыкой и безъ музыки, приплываютъ изъ Европы къ берегамъ Остъ-Индіи, - весьма прибыльный товаръ... но деньги, прежде всего деньги! Исправенъ индусъ во взносѣ своихъ податей, англичанинъ его щадитъ; нѣтъ—тогда просимъ не гнѣваться, сыны Альбіона прибѣгаютъ къ мѣрамъ не хуже инквизиторскихъ! Повѣсить виновнаго головою внизъ и бичевать при этомъ, бросить связаннаго по рукамъ и по ногамъ въ муравейникъ, вдувать ему въ глаза толченый перецъ — это еще легчайшія наказанія, тягчайшія еще возмутительнѣе. По усмиреніи мятежа 1857 года, при совершеніи казней надъ плѣнными *сипаями* ([1]), англійскіе палачи выказали изобрѣтательность, удивленія достойную. Сипаи знали очень хорошо, что ихъ ждетъ неминуемая смерть и не просили пощады, а только умоляли объ одномъ, чтобъ тѣла ихъ послѣ казни были отданы ихъ роднымъ, для сожженія по уставамъ религіи. Этимъ самымъ сипаи только надоумили палачей соединить казнь съ надругательствомъ надъ ихъ вѣрованіемъ. Сипаевъ, живыхъ разумѣется, по два и по три человѣка привязывали спинами къ пушкамъ, заряженнымъ картечью - и тѣла казненныхъ разлетались клочьями!

И это дѣлали люди, исповѣдующіе вѣру, которой первая заповѣдь гласитъ: возлюби своего ближняго, какъ самого себя... Понятна ли теперь ненависть индусовъ къ христіанамъ!

Вмѣстѣ съ религіею, индусы сохранили и древнѣйшее дѣленіе ихъ на касты, которыхъ, какъ мы уже говорили—четыре: 1) *Брамана́съ*, брамины, соединяющіе въ своей средѣ духовное и ученое сословія; 2) *Кшатріи*, воины и князья (раджи), 3) *Вайссіи*: землевладѣльцы и купцы; и 4) *Судры*, земледѣльцы, ремесленники, рабы и вообще, такъ называемая, чернь. Пятое сословіе состоитъ изъ потомковъ отверженцевъ разныхъ кастъ; это—такъ называемые, *парейеры*, болѣе извѣстные европейскимъ народамъ подъ именемъ *парій*. Парія—рабъ раба, заклейменный на вѣки-вѣчные неизгладимымъ позоромъ, обреченный на тяжкіе труды и нищету. Касты

([1]) Мѣстная милиція на англійской службѣ, составленная изъ туземцевъ.

судровъ и сословіе парейеровъ составляютъ $^{9}/_{10}$ суммы всего населенія Индіи.

Одна каста отличается отъ другой уставами, правами, обычаями и особенностями въ одѣяніи; переходъ изъ одной въ другую ни подъ какимъ видомъ не допускается. Жену себѣ индусъ обязанъ брать непремѣнно изъ своей касты, и въ этомъ случаѣ бракъ допускается даже между родственниками въ женскомъ колѣнѣ. Такимъ образомъ зять можетъ жениться на свояченицѣ, дядя на племянницѣ (на дочери сестры, но не брата); двоюродные братъ и сестра могутъ быть мужемъ и женою, если она дочь сестры, а онъ—брата... Сынъ одной сестры не можетъ однако же жениться на дочери другой. Законъ этотъ одинаково строго соблюдается во всѣхъ кастахъ. Каждая каста образуетъ отдѣльную отъ другихъ общину, на самыхъ обширныхъ основаніяхъ круговой поруки. За оскорбленіе одного члена обидчику мститъ вся каста, но она же судитъ и преступника изъ своей среды и приговоръ ея выборныхъ (гуру) имѣетъ неоспоримую законную силу. Изгнаніе изъ касты—тягчайшее изъ всѣхъ наказаній — совершенное подобіе средневѣковой экскомуникаціи (отлученіи отъ церкви) въ западной Европѣ. Отлучникъ отъ касты внѣ закона, ниже самаго презрѣннѣйшаго парейера: никто по закону не долженъ смѣть давать ему ни пищи, ни пристанища; женѣ своей онъ не мужъ, дѣтямъ своимъ не отецъ..... Это моральное клеймо искони вѣковъ было и есть донынѣ — наказаніе жесточайшее всякихъ европейскихъ позорныхъ столбовъ и физическихъ клеймъ. „У тебя нѣтъ касты!.." за эти слова индусъ способенъ убить на мѣстѣ выговорившаго ихъ, это все равно, если напримѣръ, у насъ въ Россіи обозвать человѣка „каторжникомъ".

Поводомъ къ отлученію отъ касты бываетъ иногда самый маловажный проступокъ: несоблюденіе правилъ вѣжливости предъ кѣмъ нибудь изъ старшихъ, сорваніе священнаго цвѣтка или срубъ такого же дерева; вкушеніе пищи изъ посуды нисшей касты, прикосновеніе къ парейеру или даже разговоръ съ нимъ... Изъ всѣхъ же преступленій главнѣйшее, неизбѣжно влекущее за собою безвозвратное отлученіе — это (у послѣдователей закона Вишну и Брамы) вкушеніе коровьяго мяса: ни деньги, ни мольбы, ни покаяніе не купятъ помилованіе подобному изгнаннику — ему одинъ исходъ—

присоединиться къ парейерамъ, если только они захотятъ принять его въ свое отверженное сословіе. Всего чаще отлученные отъ касты безвозвратно и безъ надежды на прощеніе покидаютъ родной край и уходятъ въ чужія страны, гдѣ и ведутъ кочевую жизнь, покуда не присоединятся къ шайкѣ подобныхъ же несчастливцевъ... Въ Испаніи скитальцевъ этихъ зовутъ гитаносами, въ Англіи (полагая, что они выходцы изъ Египта) — джипси, во Франціи, почему-то — богемцами, а у насъ въ Россіи — *цыганами*. Вотъ на основаніи многихъ вѣроятныхъ данныхъ, разгадка происхожденія этого таинственнаго племени, довольно многочисленнаго и въ самой Индіи. Такимъ образомъ — каждый цыганскій таборъ — осколокъ какой-нибудь индійской касты. Суевѣріе и страсть къ гаданьямъ — одна изъ отличительнѣйшихъ чертъ характера индуса, — а въ чемъ состоитъ одинъ изъ главныхъ промысловъ цыганъ, если не въ гаданьяхъ на ладони, продажѣ приворотныхъ корешковъ и т. п.? Цыгане — вороваты... но въ Индіи кража не считается грѣхомъ, тамъ есть даже цехъ *колеровъ* или воровъ, имѣющій уставы, старшину, подобно цехамъ ремесленнымъ. — Но, возвратимся къ начатому разсказу объ отлученіи отъ касты. Отлученный за маловажную вину, задаривъ старшинъ и выборныхъ, можетъ получить прощеніе. Оно сопровождается слѣдующими обрядами: прежде всего виновный бьетъ челомъ выборнымъ отъ всей касты. Это челобитіе (саштанга) состоитъ въ томъ, что человѣкъ долженъ растянуться на землѣ, касаясь ея лбомъ, кистями рукъ, локтями, грудью, животомъ и колѣнами. Послѣ того, смотря по степени вины, прощаемаго подвергаютъ небольшому истязанію: заставляютъ пробѣжать по горячимъ угольямъ; пролѣзть подъ брюхомъ у коровы, прижигаютъ ему кончикъ языка кускомъ сильно-нагрѣтаго золота или клеймятъ тѣло раскаленнымъ желѣзомъ... По исполненіи одного изъ этихъ обрядовъ, паціенту даютъ выпить напитокъ очищенія, *панча-карію*. Нельзя сказать, чтобы эта панча-карія была особенно вкусна; это смѣсь пяти произведеній коровы: молока, топленнаго масла, сыворотки, помета и мочи (¹). Послѣднія два вещества, по мнѣнію индусовъ, при наружномъ и внутреннемъ употребленіи обладаютъ особенной силой очищать тѣло и душу. Въ заключеніе, прощенный и вновь принятый въ касту даетъ обѣдъ и раздаетъ подарки старшинамъ и присутствовавшимъ при обрядѣ браминамъ. Прощеніе это, однако, никогда не возстановляетъ прежней репутаціи прощеннаго; при первой ссорѣ съ нимъ, его противникъ не преминетъ упрекнуть отлученіемъ, хотя-бы тому прошли десятки лѣтъ. По поводу этихъ отлученій индусы разсказываютъ довольно забавный случай, бывшій когда-то съ браминами.

(¹) Каждое изъ пяти веществъ символъ стихіи. Сыворотка воздухъ, молоко эѳиръ, масло — огонь, моча - вода, пометъ — земля.

Одиннадцать браминовъ во время какой-то войны шли въ городъ, резиденцію ихъ высшаго начальства. Дорогой они проголодались, а такъ какъ съ ними былъ небольшой запасъ сухаго рису, то они и рѣшились зайдти въ первый, попавшійся на дорогѣ домъ, чтобы сварить себѣ похлебку. Зашли въ одинъ: видятъ — въ домѣ ни души, хозяева бѣжали, оставивъ мебель и всю домашнюю утварь. Выбравъ чистый котелокъ, брамины сварили свой рисъ и принялись за ѣду, кромѣ одного, который отговорился отсутствіемъ апетита. Закусивъ, брамины пустились въ дальнѣйшій путь и пришли въ городъ. Здѣсь одиннадцатый, не раздѣлявшій съ ними трапезы, злорадостно донесъ начальству, что товарищи, какъ осквернившіеся, повинны отлученію отъ касты: „Они ѣли рисъ, вареный въ посудѣ, принадлежащей, какъ мнѣ подлинно извѣстно, человѣку занимающемуся стиркою!“ подтвердилъ браминъ (а ремесло прачки считается въ Индіи поганымъ).

— Что вы скажете себѣ въ оправданіе? спросило начальство у браминовъ.

Тѣ были народъ догадливый.

— Скажемъ, отвѣчали всѣ десятеро въ одинъ голосъ, — что рисъ, вареный въ поганомъ котелкѣ, ѣлъ онъ одинъ, а мы и не прикасались ни къ рису, ни къ посудѣ.

Свидѣтельство десяти противъ одного не могло не быть уважено; доносчика съ позоромъ отлучили, а винонные были торжественно оправданы.

Всѣ ремесленные цехи въ Индіи принадлежатъ къ кастѣ Судра, но ремесла дѣлятся на чистыя и поганыя. Къ послѣднимъ, кромѣ ремесла прачки, причисляются гончарное мастерство, коже-

венное и въ особенности сапожное; чеботари (чакилы) въ крайнемъ презрѣніи не только у высшихъ кастъ, но и у самыхъ судровъ. Нога почитается вообще самой нечистой частью тѣла, а вслѣдствіе этого самая обувь и тотъ, кто занимается ея шитьемъ. Брадобрѣи, подобно чеботарямъ, тоже не пользуются уваженіемъ. Это ремесло въ Индіи, дѣйствительно, очень неопрятное. Брамины и индусы нѣкоторыхъ кастъ кромѣ бровей, брѣютъ всѣ части тѣла, обросшіе волосами; кромѣ того, брадобрѣй спеціально занимается стрижкой и чисткой ногтей на рукахъ и на ногахъ и проч. Не уважаютъ въ Индіи и музыкантовъ на духовыхъ инструментахъ.

Кромѣ своего дѣленія на цехи, артели, сословія, секты и т. д. каста судровъ раздѣляется еще на двѣ партіи—*лѣвой* и *правой руки*—питающія другъ къ другу вражду непримиримую. Къ лѣвой рукѣ принадлежатъ торговцы, нѣсколько цеховъ и чеботари, отъявленные буяны и пьяницы; правая рука состоитъ изъ судровъ и парій, называемыхъ друзьями правой руки (валангаи-мугаттаръ). Встрѣчи обѣихъ партій никогда не обходятся безъ споровъ, споры—безъ дракъ, драки — безъ кровопролитія. Иной разъ едва можно унять буяновъ вооруженной силой. Причина этой вражды, какъ и всякой, пустяки и мелочь; одна рука оспариваетъ у другой права: ходить въ туфляхъ, ѣздить верхомъ, носить свои значки въ духовныхъ процессіяхъ или цвѣтныя украшенія на одеждѣ. Касты Кшатріевъ и Вайссіевъ (II и III) имѣютъ по закону право носить чрезъ лѣвое плечо снурокъ, шарфъ или ленту — судры этого не смѣютъ и въ замѣнъ этого сами выдумываютъ знаки отличія отъ тѣхъ сословій, которыя почитаютъ еще ниже себя... Однимъ словомъ, индійская чернь, какъ и всякая другая, имѣетъ своего рода честолюбіе и самая-то грязь народная хочетъ образовывать высшіе и низшіе слои... Отверженцы, паріи, даже тѣ дѣлятся на нѣсколько разрядовъ и тоже имѣютъ свою аристократію, свою демократію. Изъ нихъ *валлуверы*— называемые въ насмѣшку парейерскими браминами считаютъ себя старшими, первыми въ послѣднихъ; парія-крѣпостной (*томти*), котораго владѣлецъ вмѣстѣ съ землей можетъ продать кому заблагоразсудитъ, выше паріи вольнаго, потому что судьба его несравненно лучше -его кормитъ хозяинъ. Вольный парія, живущій въ конурѣ, выше лѣснаго паріи-*пуліаха*. Это послѣднее племя отверженцевъ крайняя степень униженія человѣчества. Пуліаха не имѣетъ права строить шалаша и потому устроиваетъ себѣ, какъ птица, гнѣзда на деревьяхъ; завидя встрѣчнаго кастоваго человѣка, онъ обязанъ скрыться съ его глазъ; воинъ, которому, хотя бы нечаянно, пуліаха попался на встрѣчу, имѣетъ право убить его, какъ бѣшеную собаку!

Вообще парейеры всѣхъ разрядовъ—рабы рабовъ, подонки общественной грязи, какая-то особенная порода, составляющая переходъ отъ человѣка къ животному. Парія—труженикъ до послѣдняго издыханія, онъ неусыпный земледѣлецъ и кормилецъ всѣхъ кастъ и при всемъ томъ всѣ чувства человѣческаго достоинства подавлены въ немъ гнетомъ вѣковаго презрѣнія; они сгнили въ той грязи, въ которую втоптаны несчастные паріи. Поставленные закономъ въ такія нелѣпыя отношенія къ обществу — они, весьма естественно, злы и порочны; имъ нѣтъ разсчета быть добродѣтельными; никакіе подвиги добродѣтели, совершенные паріей, не примирятъ съ нимъ именитыхъ кастъ... И парія—пьяница, онъ тиранъ своей семьи, торгашъ жалкими прелестями жены и дочерей; нѣтъ въ мірѣ мерзости, на которую парія не былъ бы способенъ. По закону онъ не долженъ смѣть проходить по той улицѣ, гдѣ живетъ браминъ или раджа; не долженъ смѣть входить ни въ чей домъ, а если войдетъ, хозяинъ можетъ убить его; кто говоритъ съ паріей—оскверняется.

Очевидецъ разсказываетъ, что жилища парій—землянки, въ которыхъ едва можно стоить на четвереньках, пища отверженцевъ—падаль, которую они пожираютъ сырую и сушеную; селеніе паріевъ даетъ знать о себѣ за версту убійственнымъ зловоніемъ. Здѣсь разсадникъ всѣхъ эпидемій, свирѣпствующихъ въ Индіи. Парія, умершій съ голоду—явленіе обыкновенное, не возбуждающее ни въ комъ ни удивленія, ни жалости

Изъ множества племенъ, причисляемыхъ къ кастѣ судровъ, или подобно парейерамъ считающихся внѣ касты—мы исчислимъ только тѣ, которыя образуютъ секту или расколъ.

Въ племени *наимановъ* или *наировъ* въ Траванкорѣ разрѣшено многомужіе. Тамъ же въ племени *намбури* дѣвушка должна непремѣнно быть выдана замужъ до совершеннолѣтія. Въ случаѣ смерти дѣвушки, отецъ и мать обязаны въ день ея кончины

пріискать ей мужа. Пріискавъ охотника, за деньги разумѣется, они приводятъ его къ неостывшему трупу.... и гнусное требованіе законовъ секты исполняется.

Секта *тотіеровъ* разрѣшаетъ своимъ послѣдователямъ прелюбодѣяніе и кровосмѣшеніе во всѣхъ степеняхъ родства. Это совершенное подобіе нашихъ скакуновъ и хлыстовъ.

На востокѣ отъ Меиссура живетъ секта *морса-гакеула-макюлу*, въ которой мать, выдавая дочь замужъ, должна отрубить себѣ два сустава средняго и безымяннаго пальцевъ правой руки. Если невѣста сирота, этой операціи подвергается мать жениха.

У горныхъ племенъ въ Карнатикѣ законъ строжайше запрещаетъ мужчинамъ и женщинамъ мыться, стирать бѣлье и платье; то и другое носится покуда не истлѣетъ на человѣкѣ. За нарушеніе этого закона исключаютъ изъ секты. Причина этому гнусному установленію — рѣдкость воды; въ нагорьяхъ жители пьютъ воду изъ болотъ и трясинъ или дождевыхъ лужъ. Меиссурскіе поклонники Сивы празднуютъ понедѣльникъ, какъ христіане воскресенье. У нихъ понедѣльникъ (день луны), вслѣдствіе сходства молодаго мѣсяца съ рожками быка, посвященъ этому животному, которому сектанты воздаютъ божескія почести.

Изъ бродячихъ племенъ, можно указать на цыганъ, называемыхъ въ Индіи *кураверами* и *калла-бантру*. Они занимаются перевозкой соли, плетеніемъ циновокъ, гаданьемъ на ладони, наведеніемъ религіозныхъ знаковъ на тѣлѣ... въ особенности же воровствомъ. Въ Меиссурѣ есть каста воровъ, *каланоджи*, въ которой родители обучаютъ дѣтей, съ малыхъ лѣтъ, всѣмъ хитростямъ и уверткамъ этого ремесла. Въ случаѣ покражи, индусъ отправляется прямо къ старшинѣ воровской касты, отъ котораго можетъ получить похищенное обратно, за треть его стоимости. Волки сыты и овцы цѣлы.

Каланоджи только воры, но *ламбады*, *бенджары* или *сукаллеры* грабители и разбойники, особенно въ военное время. Въ этой сектѣ совершаются человѣческія жертвоприношенія. Заманивъ какого нибудь прохожаго въ свой притонъ, сукаллеры зарываютъ его по горло въ землю, на голову надѣваютъ шапку изъ тѣста, въ видѣ чаши, наполненную масломъ съ четырьмя фитилями. Зажегши

фитили, изверги пляшутъ вокругъ жертвы, покуда она не умретъ въ невыразимыхъ мученіяхъ. По уставамъ этой же гнусной секты, члены ея должны пить только рѣчную или колодезную воду. Въ крайнемъ случаѣ, они могутъ утолить жажду и озерной, но при этомъ обязаны выкопать ямку на берегу и пить воду, которая въ нее насочится.

На С. З. отъ Меиссура кочуютъ скотоводы *паканатты*, занимающіеся продажей молока. Это люди смирные и кроткіе, большею частью отличные ветеринары. Уставы ихъ секты разрѣшаютъ ѣсть мясо всѣхъ животныхъ, не исключая собакъ и кошекъ; да сверхъ того паканатты, отъ мала до велика, охотники до пальмовой водки, а ихъ жены и дочери въ высшей степени распутны.

Племя *домбару* состоитъ изъ разнаго рода штукарей, фокусниковъ, комедіантовъ и заклинателей змѣй. Наконецъ, секта *малэкондіапру*, на Малабарскомъ берегу, всякое одѣяніе считаетъ грѣхомъ, а потому и ходитъ въ костюмѣ прародителей до грѣхопаденія.

Нельзя умолчать здѣсь еще объ одной ужасной сектѣ, предъ которою блѣднѣютъ всѣ вышеисчисленныя. Это секта *туговъ* или *фансегаровъ* (душителей), распространенная въ Индіи повсемѣстно, одинаково страшная какъ туземцамъ, такъ и иностранцамъ. Туги или фансегары — тайные жрецы богини Кали, самымъ богоугоднымъ для нея дѣломъ считаютъ убійство, но безъ кровопролитія, а посредствомъ удавленія жертвы. Сектаторы узнаютъ другъ друга по особымъ знакамъ, нататуированнымъ (нацарапаннымъ иглою и затертымъ краскою) на правой рукѣ, повыше локтя. Владѣя арканомъ съ удивительною ловкостью, фансегаръ, спрятавшись на деревѣ или въ густой травѣ, подстерегаетъ путника, и накидываетъ ему на шею петлю — съ такой быстротой и силой, что жертва падаетъ, не испустивъ даже стона. Чѣмъ больше передушитъ людей послѣдователь секты богини Кали, тѣмъ онъ считаетъ себя угоднѣе своему страшному божеству. Малолѣтнихъ сиротъ мужскаго пола, остающихся послѣ удавленныхъ ими людей, фансегары похищаютъ и тайно воспитываютъ въ правилахъ своей проклятой секты, образовывая, такимъ образомъ, новое поколѣніе душегубцевъ. — Говорятъ, будто у нихъ есть свой особый старшина, которому они обя-

заны, въ извѣстный срокъ, отдавать отчетъ въ своей дѣятельности; будто мѣстами ихъ сходбищъ по ночамъ — для моленья, бываютъ древніе, покинутые храмы и пещеры, причемъ, нарочно разставленные вокругъ часовые, даютъ имъ знать о приближеніи посторонних, подражая крикамъ какой нибудь птицы или звѣря... Ужаснѣе всего то, что сектаторы существуютъ во всѣхъ кастахъ, можетъ быть даже и въ высшихъ; въ нисшихъ же они маскируются какимъ нибудь мирнымъ промысломъ такъ искусно, что о принадлежности ихъ къ сектѣ фансегаровъ не подозрѣваютъ не только близкіе знакомые, но даже родственники...

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Вѣроисповѣданія. Брамины Вишну и Сивы; лобные знаки и одѣяніе. Жрецы. Молитвы и заклинанія. Санскритскія письмена. Санъ-Кальпи. Жертвоприношенія. Арти. Акшаттасъ Павитрамъ. Пунія. Аватшанн... Пантша Гавія. Очищеніе дома. Пандель.

Религія индусовъ развѣтвляется на четыре вѣроисповѣданія: *сиваизмъ*, *вишнуизмъ*, *браминизмъ* и *буддизмъ*. Послѣдній, какъ ересь, въ Индіи почти не имѣетъ послѣдователей и о немъ нами будетъ упомянуто какъ объ отдѣльной религіи. Три вѣроисповѣданія индусовъ раздѣляются еще на нѣсколько школъ или толковъ. Жрецы каждаго изъ нихъ одинаково принадлежатъ къ кастѣ браминовъ, хотя и питаютъ одинъ къ другимъ обоюдную ненависть. Они отличаются другъ отъ друга одѣяніемъ и лобными знаками. У сиваистовъ главныхъ сектъ четыре: *Вейшнава*, *Смарта*, *Татуводи* и *Утрасса;* семинаріи ихъ (сингассапы) находятся въ Габбалѣ, Тирупатти, Сангвери и Сравенурѣ. Лобные знаки: первой—красная вертикальная полоса; второй – три горизонтальныя полосы; у третьей знакъ не на лбу, но полосы и клейма

раскаленнымъ желѣзомъ по всему тѣлу; у четвертой – вертикальная полоса отъ вершины лба до переносья. Одежда браминовъ Сивы (Сива-бактасъ, лингадары) огненно-краснаго цвѣта, на шеѣ ожерелья изъ крупныхъ черныхъ зеренъ, на которыхъ привѣшано символическое изображеніе *лингама.* Иногда, вмѣсто этого, жрецы обмазываютъ лице и все тѣло золою пережженнаго коровьяго помета. Таковы наружныя отличія служителей Сивы; распутство, жадность — отличительныя черты характера. Когда ихъ старшина объѣзжаетъ свой округъ за сборомъ, послѣдователи ученія Сивы обязаны дѣлать ему подарки, называемые *дакшанаи* и *пода-каникаи* (даръ стопамъ); не довольствуясь этимъ, индійскій прелатъ налагаетъ еще на кого ему вздумается и денежные штрафы. Путешествующіе за сборами простые жрецы (обыкновенно верхомъ на быкѣ) встрѣчаются всюду съ величайшимъ почетомъ. Хозяинъ дома, въ которомъ останавливается жрецъ, обязанъ, въ знакъ уваженія, уйдти со всѣми членами семьи мужскаго пола; женщины остаются и прислуживаютъ гостю... остальное понятно. Жрецы должны быть холосты, но у каждаго изъ нихъ есть непремѣнно кухарка или ключница... и это также не нуждается въ коментаріяхъ.

Амулетка жрецовъ Сивы.

Основные догматы сиваизма заключаются въ отрицаніи ученія о переселеніи душъ (*нару-джемма*), молитвъ объ усопшихъ, необходимости омовеній и почитаніи нечистыми женщинъ въ первые дни послѣ родовъ и во время ихъ цвѣтенія... Мертвыхъ сиваисты не жгутъ, но зарываютъ въ землю; постовъ не соблюдаютъ и ѣдятъ мясо и рыбу. Вообще доктрина ихъ основана на грубой чувственности и составляетъ діаметральную противоположность ученія браминистовъ. Сиваизмъ имѣетъ многочисленныхъ послѣдователей въ простомъ народѣ; это и есть первобытная религія индусовъ, изъ которой впослѣдствіи выработались вѣроисповѣданіи вишнуистовъ и браминистовъ.

Лобный знакъ поклонниковъ *Вишну-бактасъ* или *намадаровъ*—есть намамъ, состоящій изъ двухъ косыхъ бѣлыхъ и одной прямой красной полосы, расположенныхъ въ видѣ римской цифры: V, раздѣленной по срединѣ вертикальной чертой. Красная полоса наводится отваромъ сандала или киноварью, бѣлыя - мѣломъ, называемымъ намамъ, отчего и имя этого знака. Намамъ есть символъ соединенія мужчины и женщины, причемъ красная полоса—знакъ женщины, а бѣлая—мужчины ([1]). Одежда жрецовъ изжелта-краснаго цвѣта; плащъ пестрый или вмѣсто него—львиная или тигровая кожа (сингассана); на головѣ четырехцвѣтная чалма, изъ бѣлой, красной, желтой и черной полосъ. Опять—символы: каждый изъ этихъ цвѣтовъ соотвѣтствуетъ какой нибудь кастѣ и странѣ свѣта. Бѣлый изображаетъ касту браминовъ и востокъ, красный—кшатріевъ и сѣверъ, желтый вассіевъ и югъ, наконецъ, черный—судровъ. На шеѣ у жрецовъ, какъ и у сиваистовъ — четки изъ черныхъ зеренъ. Отправляясь за сборомъ подаяній на храмъ, жрецъ нагмадаръ обвѣшивается колокольчиками, беретъ съ собою бронзовую тарелку, замѣняющую ему бубенъ, изогнутую раковину, сангу, въ которую трубитъ, и жаровню для куренія ладаномъ. Наглость жрецовъ при прошеніи подаяній превосходитъ всѣ предѣлы; кромѣ добровольныхъ пожертвованій они налагаютъ на послѣдователей штрафы за мнимые грѣхи, или подвергаютъ его *пагвадаму*. Пагвадамъ состоитъ въ томъ, что жрецы окружаютъ домъ подвергающагося взысканію, кричатъ, ревутъ, трубятъ въ санги и бьютъ въ бубны, до тѣхъ поръ, покуда хозяинъ не откупитъ своихъ ушей отъ этого истязанія.

Браманизмъ, о которомъ въ слѣдующихъ главахъ поговримъ подробно,—дѣлится на шесть главныхъ школъ или толковъ (саштамата).

Въ духовныхъ празднествахъ послѣдователи всѣхъ исповѣданій принимаютъ одинаковое участіе; есть и обряды общіе, соблюдаемые одинаково сиваистами, вишнуистами и браманистами. Въ одномъ

([1]) Если читатель, при этомъ подозрѣваетъ нѣчто неблагопристойное—мы не будемъ разубѣждать его въ противномъ.

и томъ же семействѣ, мужъ и жена могутъ быть послѣдователями разныхъ ученій. Въ вышеупомянутыхъ двухъ вѣроисповѣданіяхъ, жрецы, или какъ ихъ называютъ *гуру* (учители), пользуются необыкновеннымъ уваженіемъ. Они блюстители благочинія, облеченные властью налагать саштангу (челобитіе), отпускать грѣхи разрѣшительнымъ благословеніемъ (ассирвадамъ) даже единымъ взглядомъ. Подарки изъ ихъ рукъ (прассадамъ) очищаютъ тѣла и души тѣхъ, кому гуру ихъ жалуютъ. Подарки эти составляютъ: щепотки золы коровьяго помета, разжеванный кусокъ, вода выплюнутая при полосканіи рта и помои послѣ мытья ногъ... Сиваисты пьютъ эту воду, въ твердомъ убѣжденіи, что она спасаетъ отъ грѣховъ! Но этого мало: индусы—поклонники Сивы и Вишну, посѣщая отшельниковъ (аграрасъ или аграварасъ) благоговѣйно подбираютъ ихъ экскременты...

Сиваисты вѣрятъ, что проклятіе гуру всегда сбывается, и пораженный имъ—погибшій человѣкъ.

Раджи (князья) того или другаго вѣроисповѣданія имѣютъ свою ихъ придворныхъ гуру, съ которыми неразлучны. Княжескій гуру ежедневно благословляетъ раджу и принимаетъ отъ него поклоненіе. При отбытіи раджи на войну, гуру даетъ ему священную амулетку, которая, вмѣсто самого гуру, сопровождаетъ князя. Гуру раджей богачи и обладатели обширныхъ помѣстій. На улицѣ они являются обыкновенно въ паланкинѣ или на слонѣ, съ огромной свитой тѣлохранителей, музыкантовъ, поющихъ и пляшущихъ *баядерокъ* (жрицъ лингама, индійскихъ вакханокъ). Во все протяженіе пути княжескаго гуру, жители устилаютъ дорогу шалями, коврами, украшаютъ цвѣточными тріумфальными арками, жгутъ ладанъ... и, по мѣрѣ приближенія шествія, падаютъ ницъ... Жилища гуру называются *матта;* городъ—резиденція областнаго гуру — *аграграсъ* или *пунія-сталасъ* (обитель благочестія и добродѣтели). Являясь къ гуру, индусъ бьетъ челомъ, дважды поочередно прикасаясь къ землѣ обоими висками. Гуру произноситъ: „*ассирвадамъ*"! (благословляю) и тогда посѣтитель, вставъ, получаетъ упомянутые выше дары, причемъ у сиваистовъ гуру говоритъ на ухо: „я - твой гуру, и одному мнѣ ты долженъ поклоняться!"

Первый, низшій чинъ брамина называется *пурогита*. Обязан-

ность его опредѣлять по гороскопу, желающимъ, легкіе и тяжелые дни, читать *мантрамы* (молитвы) для отклоненія дьявольскаго наважденія, чаръ; давать имена новорожденнымъ, составлять гороскопы, освящать дома, колодцы, присутствовать при бракахъ и погребеніяхъ. Они же составляютъ альманахи или *пантмангамы* (пятиглавники), показывающіе: 1) числа мѣсяца; 2) виды луны и созвѣздія, 3) божества и звѣзды дней недѣли, 4) солнечныя и лунныя затмѣнія, 5) мѣста планетъ, легкіе и тяжелые дни, благополучныя и гибельныя страны свѣта.

Въ первый день новаго года (угхади) пурогита является на городскую площадь съ музыкантами, пѣвцами и плясуиами, и громогласно возвѣщаетъ имена бога, правителя года, звѣздъ покровительницъ добрыхъ и злыхъ духовъ, имя бога жатвы, съ исчисленіемъ житъ, плодовъ и овощей, на которые будетъ урожай, количество будущихъ дождей, нападеніе саранчи или иныхъ вредныхъ насѣкомыхъ; болѣзни, смертность, войну или миръ... Затѣмъ этотъ живой календарь сбираетъ посильныя пожертвованія своихъ суевѣрныхъ слушателей.

При храмахъ сиваистовъ и вишнуистовъ живутъ, такъ называемыя, жрицы. Эти госпожи, никто иныя, какъ дѣвушки, обольщенныя жрецами или ихъ же наложницы, содержимыя на счетъ храмовыхъ доходовъ. У сиваистовъ ихъ зовутъ *лингамъ-бассви* и вытравляютъ имъ этотъ знакъ на лядвеяхъ; у вишнуистовъ, онѣ—*гаруда-бассви*, и н сятъ на груди татуированное изображеніе этой птицы (гаруда — малабарскій орелъ). Главнѣйшія молитвы (мантрамы) у индусовъ всѣхъ исповѣданій: *гаитри* жреческій и врачебный; заклинанія *биджа-акхардасъ* и *сан-кальпа*.

Мантрамъ — молитва предъ всякимъ дѣломъ, которой повинуются боги; она же вмѣстѣ и заклинанье для злыхъ духовъ. Гуру о мантрамѣ сложили слѣдующій силлогизмъ: „вселенная во власти боговъ, боги — во власти мантрама, мантрамъ — во власти жрецовъ (гуру), слѣдовательно и вся вселенная въ ихъ власти и они — тѣже боги!“. Главнѣйшій мантрамъ называется *гаитри* или *гайятри*, сочиненный въ глубочайшей древности. Есть особыя приготовленныя молитвы, которыя должно читать предъ этимъ мантрамомъ; произносить его слѣдуетъ такъ тихо, чтобы никто не услы-

халъ, особенно женщина во время періодическаго цвѣтенія, ибо тогда гаитри потеряетъ всю силу. Вотъ ея подстрочный переводъ съ санскритскаго: „Поклонимся верховному свѣтилу — солнцу, божеству всей природы, правителю нашего разума, оку висящему на сводѣ небесномъ!“ Таинственный смыслъ, скрывающійся въ этихъ словахъ, извѣстенъ однимъ браминамъ и жрецамъ.

Послѣ мантрама не менѣе могучая молитва слово *оум* — вензель Тримурти. Кромѣ жреческихъ мантрамовъ есть еще и врачебные, для каждой болѣзни (нашептыванья). Если врачъ не произнесетъ надъ лекарствомъ узаконеннаго мантрама, лекарство не принесетъ никакой пользы. Повивальныя бабки имѣютъ тоже свои мантрамы, которые шепчутъ при родахъ и потому бабокъ въ Индіи называютъ *мантрасанасъ*. Есть мантрамы противъ порчи, сглазу и злыхъ чаръ, точно также какъ есть мантрамы, наводящіе порчу. Уличеннымъ въ чародѣйствѣ выдергиваютъ два передніе верхніе зуба для того, чтобы они неясно выговаривали; при дурномъ выговорѣ словъ мантрама, порча наводимая чародѣемъ на другое лице, падаетъ на его же собственную голову.

Кромѣ мантрамовъ есть еще *биджа-акхардасъ*, такъ называемыя *сѣмянныя* (коренныя) буквы, напримѣръ: струмъ, краумъ, грумъ, грагу, гагу и т. д. Умѣющій правильно ихъ выговаривать и сочетать можетъ повелѣвать добрыми и злыми духами, находить клады, обращать однѣ вещи въ другія; словомъ, быть величайшимъ чародѣемъ въ мірѣ.

Употребительнѣйшая формула для заклинанія злыхъ духовъ называется пятисложною молитвою (*пантаксгаримантра*). Формула эта изображена санскритскими письменами на прилагаемомъ рисункѣ. Индусы носятъ ее на шеѣ, въ коробочкахъ, или вырѣзанную

на камнѣ (Второй рисунокъ: узорчатыя санскритскія письмена изъ древняго манускрипта религіозной поэмы о Сивѣ).

Сан-кальпа—молитва, которую брамины обязаны читать ежедневно передъ всякимъ обрядомъ. По буквальному переводу она означаетъ: направленіе намѣреній, и должна быть читана съ особеннымъ вниманіемъ; есть даже приготовительныя молитвы, читаемыя предъ нею. Отъ сан-кальпы зависитъ исполненіе всѣхъ прошеній, обращенныхъ къ божеству, и она отгоняетъ злыхъ духовъ; жертвоприношеніе только тогда и угодно богамъ, когда ему предшествуетъ сан-кальпа.

Молитва эта состоитъ изъ девятнадцати воззваній и поминаній:

1) *Воззванія* къ Вишну, хранителю вселенной, подателю всѣхъ благъ, исполнителю всѣхъ добрыхъ намѣреній; 2) къ Брамѣ, властителю міровъ, творцу 8,400,000 живыхъ существъ и человѣка; 3) *поминанія* превращенія Вишну въ вепря; 4) именъ 14 мену, правителей 14 міровъ; 5) имени Кали-юги; 6) святой родины Индіи (Джамба-Дуипа), святой горы Меру; дерева *Джамбуврукша*, растущаго у ея подножія на восточной сторонѣ. Это чудесное дерево имѣетъ 1000 йоджанъ (1,334,000 верстъ) высоты и столько же въ окружности; изъ зрѣлыхъ его плодовъ точится сокъ, образующій рѣку, которая впадаетъ въ море и имѣетъ свойство превращать въ золото все, къ чему ни прикоснется. Рѣку эту зовутъ золотою (Бангагра-Нади) (¹). 7) Помянуть царя *Багратте*, перваго властителя Индіи; 8) ту сторону горы Меру, къ которой обращено лице брамина во время чтенія сан-кальпы; 9) страну свѣта *Агни-Дику* (востокъ), въ которой лежитъ Индія; 10) землю *Дравиду*, гдѣ говорятъ на языкѣ священныхъ книгъ; 11) теченіе луны и ея фазы; 12) имя текущаго *цикла;* 13) имя *айяны;* 14) имя *риты;* 15) *пакшу* луны; 16) день недѣли; 17) звѣзду дня; 18) *югу* дня; 19) *карну* мѣсяца (²).

(¹) Подъ именемъ этого небывалаго дерева должно подразумѣвать горы Гималайи, а Бангагра-Нади—ничто иное, какъ одна изъ золотоносныхъ рѣкъ, текущихъ съ этихъ горъ. Въ основаніи каждаго миѳологическаго сказанья, подъ баснями, всегда скрывается истина.

(²) Всѣ астрономическіе термины объяснены выше, гл. IV.

Жертвоприношеніе (пуджа) бываетъ великое, среднее и малое. Первое раздѣляется на пятнадцать предложеній:

1) *Авагана*—призваніе божества, которому жертва приносится.

2) *Гассана*—предложеніе львиной, тигровой или антилоповой кожи, для сидѣнія божеству.

3) *Суагатта*—вопроса о состояніи здоровья божества и благополучномъ совершеніи пути.

4) *Падіа*—воды для омовенія ногъ.

5) *Аркіа*—воды съ шафраномъ, цвѣтами и истертыми въ порошокъ опилками сандаловаго дерева.

6) *Атшаманнія*—воды для омовенія лица и полосканья рта.

7) *Маду-парга*—смѣси молока, меду и сахару, для питья, въ металлическомъ сосудѣ.

8) *Снана-джала*—воды для омовенія всего тѣла.

9) *Башан-абаранисса*—одѣянія и разныхъ богатыхъ украшеній.

10) *Ганда*—порошку сандаловыхъ опилокъ.

11) *Акшатта*—рису, пересыпаннаго шафраномъ.

12) *Пушпа*—цвѣтовъ.

13) *Дупа*—ладану.

14) *Дипа*—зажженной лампы.

15) *Неиведдія*—вареннаго рису, плодовъ, топленаго масла, сахару, разныхъ закусокъ и бетеля (¹).

Предъ каждымъ приношеніемъ, браминъ кропитъ освященною водою и до земли кланяется божеству.

При среднемъ жертвоприношеніи совершаютъ только девять послѣднихъ предложеній; при маломъ—шесть.

При жертвоприношеніяхъ демонамъ и злымъ божествамъ, вмѣсто растительной пищи предлагаютъ мясо убитыхъ животныхъ.

Молитва и обрядъ отъ сглазу, *арти* или *аратти*, совершаются только женщинами и дѣвушками—отнюдь не вдовами, такъ какъ послѣднія, по закону, не имѣютъ права принимать участія въ богослуженіи. На металлическое блюдо ставятъ зажженную лампу,

---

(¹) Piper betle L, душистый перецъ для жеванія.

слѣпленную изъ рисоваго тѣста и наполненную топленымъ коровьимъ или кунжутнымъ масломъ; иногда вмѣсто масла сосудъ наполняютъ водою, подкрашенною отваромъ сандала. Блюдо передаютъ женщины одна другой, надъ головою того, для кого обрядъ совершается и затѣмъ обходятъ съ блюдомъ вокругъ него нѣсколько разъ. Арти совершается ежедневно, по два и по три раза, надъ раджами; для него нарочно князья держатъ женщинъ при своихъ свитахъ. Въ храмахъ и во время процессій, арти совершается надъ идолами; въ случаѣ надобности, ему можно подвергать слоновъ, лошадей и вообще домашнюю скотину. Сглазъ у индусовъ называется *дриштидоша*, и сглазить, по ихъ мнѣнію, можно не только человѣка или животное, но и растеніе. Для предохраненія отъ дурнаго глаза плодовъ и овощей, они ставятъ въ своихъ фруктовыхъ садахъ и огородахъ— *глазоотводы*. Глазоотводъ ничто иное, какъ бѣлый глиняный горшокъ, повѣшенный на высокой жерди: первый бросаясь въ глаза входящему, онъ отнимаетъ у его взгляда вредоносную силу и она разряжается.

Акшаттасъ—одинъ изъ главнѣйшихъ атрибутовъ индусскаго богослуженія, состоитъ изъ толченаго рису, подкрашеннаго шафраномъ или киноварью. Бываетъ освященный и простой; послѣдній употребляется при женскомъ туалетѣ и при встрѣчахъ именитыхъ гостей. Хозяинъ предлагаетъ вошедшему чашку акшаттаса и вѣжливость требуетъ, чтобы гость, взявъ щепотку, помазалъ себѣ лобъ.

Другая непремѣнная принадлежность всякаго обряда, священный перстень —*павитрамъ*. Онъ свивается изъ трехъ, пяти или семи стеблей травы дарбы, почитаемой святою. Предъ всякимъ обрядомъ, браминъ, омочивъ павитрамъ въ освященой водѣ, надѣваетъ его себѣ на третій палецъ правой руки. Дарбѣ приписываютъ свойства очищать все къ ней прикасающееся, разверзать очи духовныя, придавать силы разуму. Безъ нея браминъ не имѣетъ власти ни надъ добрыми, ни надъ злыми духами. Тѣми же свойствами, хотя въ слабѣйшей степени, обладаютъ кунжутныя зерна и масло, но они ни въ какомъ случаѣ не замѣняютъ дарбы.

Освященіе воды—*пунія аватшана* (призваніе благодати), свершается слѣдующимъ образомъ:

Очистивъ мѣсто въ домѣ, полъ опрыскиваютъ водою. Младшій

браминъ (пурогита) садится лицемъ къ востоку. Передъ нимъ разстилаютъ банановый листъ, осыпанный рисомъ, а на рисъ ставятъ *шимбу*, мѣдный сосудъ съ водою, краями выбѣленными известью и прикрытый листомъ древокорника (rhizophora mangle L.). Подлѣ шимбы, на полу насыпаютъ кучку сухаго шафрана, изображающую бога препятствій, Ганезу или Вигнессуара. Затѣмъ въ сосудъ, съ молитвою, бросаютъ акшаттасъ и сандаловыя опилки— ему, какъ божеству, подносятъ бетель и бананы. Освященная такимъ образомъ вода превращается въ святую воду рѣки Ганга.

Вигнессуара или Ганезу.

Для приготовленія напитка очищенія *пантша-гавіи* или *пантша-каріи* (см. гл. V, стр. 32), берутъ пять новыхъ глиняныхъ горшечковъ, наполняютъ ихъ молокомъ, сывороткою, коровьими: масломъ, мочею и пометомъ и разставивъ ихъ на подстилкѣ изъ дарбы приносятъ имъ жертву. Поклонясь до земли, слѣдуетъ пробыть нѣсколько минутъ въ благоговѣйномъ размышленіи о совершенствѣ всѣхъ этихъ веществъ и затѣмъ каждый горшо-

чекъ осыпать цвѣтами и окроплять водою. Для омовенія, незримо присутствующему при обрядѣ божеству, предлагаютъ воду съ примѣсью травы гарики, на каждый горшечекъ ставятъ блюдечки акшаттаса и разставляютъ передъ ними цвѣты, ладанъ, бананы, зажженныя лампады и бетель. По исполненіи всѣхъ этихъ предварительныхъ церемоній, браминъ, поклонясь до земли, смѣшиваетъ все содержимое въ горшечкахъ, читая слѣдующую молитву: „Богъ Пантша-гавіи, отпусти всѣ прегрѣшенія всѣмъ тварямъ міра сего тебя пьющимъ и жертву тебѣ приносящимъ. Пантша-гавія, исшедшая изъ тѣла коровы! Возносимъ тебѣ молитвы о прощеніи грѣховъ, очищеніи душъ и тѣлъ пьющихъ тебя. Прости приносящимъ тебѣ жертву грѣхи ихъ нечаянные и умышленные... Прости и спаси!“ И опять поклонясь до земли, браминъ отливаетъ немного этой отвратительной смѣси и разливаетъ по горшкамъ всѣмъ присутствующимъ. Другой родъ напитка очищенія, *пантша-армита*, состоитъ изъ молока, сыворотки, масла, меду и сахару. Сноснѣе перваго на вкусъ, онъ далеко уступаетъ ему въ чудесной силѣ.

Очищеніе или *освященіе* комнаты или дома совершается женщинами. Обрядъ этотъ состоитъ въ намазываніи пола коровьимъ пометомъ. На намазанномъ слоѣ наводятъ полосы и зигзаги мѣломъ и киноварью, а сверхъ всего настилаютъ листья и стебли травы дарбы. Для встрѣчи почетныхъ гостей полъ вообще натираютъ коровьимъ пометомъ. Предписывая этотъ обрядъ, индусскіе законодатели облекли въ религіозную форму чисто гигіеническую мѣру. Коровій пометъ — вѣрнѣйшее средство противъ гадовъ и вредныхъ насѣкомыхъ, которыми изобилуетъ Индія.

При всякой религіозной церемоніи, на дворѣ, у крыльца дома, воздвигаютъ *пандель* — священный шатеръ на двѣнадцати столбахъ, окрашенныхъ бѣлыми и красными полосами, перевитыхъ цвѣточными гирляндами, древесными вѣтвями и лентами; на столбы накидываютъ, смотря по состоянію — шали, куски шелковыхъ матерій, кисеи или полотна. У богачей пандели украшаются разными драгоцѣнностями.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Родоначальники браминовъ. Четыре степени. Обряды касты. Родины. Нареченіе имени. Отнятіе младенца отъ груди. Бритье головы. Празднованіе отрочества. Уставы касты браминовъ. Грѣхи. Обряды очищенія. Посты. Пороки, свойственные кастѣ.

Брамины признаютъ своими родоначальниками семерыхъ, спасшихся отъ потопа, мудрецовъ: ***Кассію***, ***Атри***, ***Барадуаджу***, ***Гагута-Нагу***, ***Виссуаматру***, ***Джамаданью*** и ***Вашишту***. Эти мудрецы, нѣкогда страшные грѣшники, прощенные Брамою, были впослѣдствіи свѣтилами разума, а послѣ смерти превратились въ свѣтила небесныя — въ семь звѣздъ Большой медвѣдицы.

Каста браминовъ раздѣляется на четыре степени или чина: 1) *браматшары* — удостоенный знакомъ тройнаго снурка молодой браминъ — не женатый; 2) *грагаста* — браминъ семейный; 3) *ванапраста* — отшельникъ, удалившійся отъ свѣта вмѣстѣ съ женою; 4) *саніассы* — вдовый и совершенно одинокій отшельникъ, проводящій жизнь въ постѣ, молитвахъ и покаяніи. Отъ колыбели до могилы брамина сопровождаютъ обряды, завѣщанные отдаленнѣйшей древностью, строго соблюдаемые и по нынѣ. Всѣ они подробно описаны въ книгѣ *Наттіа-карма*, изъ которой представляемъ читателю сколь возможно краткія извлеченія.

Обрядъ родинъ, *джатта-карма*, одинъ изъ любопытнѣйшихъ. Лишь только жена брамина почувствуетъ боли, мужъ обязанъ придти къ ней и оставаться близь нея безотлучно до самаго ея разрѣшенія отъ бремени. Онъ записываетъ мѣсяцъ, число, день, звѣзду дня, карну, югу, часъ и минуту появленія младенца на свѣтъ; на основаніи этихъ данныхъ составляютъ *лагну* (гороскопъ) новорожденнаго. Въ теченіе десяти дней домъ, въ которомъ есть новорожденный, почитается нечистымъ и всякое сообщеніе съ нимъ воспрещается. Обрядъ очищенія свершается на одиннадцатый день. Посреди двора, на земляной насыпи подъ панделемъ (см. гл. VI, стр. 48) садятся рядомъ отецъ и мать, послѣдняя съ новорожден-

нымъ на рукахъ. Призванный пурогита, по прочтеніи сан-кальпы, приноситъ жертву и освящаетъ воду. Часть ея онъ вливаетъ на ладони мужу и женѣ, а они, отпивъ немного, мочатъ ею себѣ головы; другой частью пурогита, окропивъ стѣны дома внутри и снаружи и всѣхъ живущихъ въ немъ, остатокъ выливаетъ въ колодезь. Послѣ этого домъ очищенъ, но родильница въ теченіе цѣлаго мѣсяца не чиста, не должна никому показываться на глаза и ни съ кѣмъ не сообщаться. — На двѣнадцатый день происходитъ *нагма-карма*, обрядъ нареченія имени новорожденному. Приглашенные отцомъ родные и знакомые, совершивъ омовеніе, приносятъ жертву огню (*гомамъ*) и планетамъ покровительницамъ. Отецъ сидя подъ пандалемъ на земляной насыпи съ младенцемъ на рукахъ читаетъ сан-кальпу. Подлѣ него ставятъ мѣдное блюдо, наполненное рисомъ: указательнымъ пальцемъ правой руки, въ горсти которой онъ держитъ золотое кольце, отецъ чертитъ на рисѣ мѣсяцъ, день, названіе созвѣздія, подъ которымъ младенецъ родился, и имя, которое желаетъ дать ему. Послѣднее онъ троекратно произноситъ громкимъ голосомъ. Праздникъ заключается роскошнымъ обѣдомъ и раздачей гостямъ бетеля и подарковъ.

Когда ребенку исполнится полгода, его отнимаютъ отъ груди и въ первый разъ даютъ твердую пищу. Этотъ обрядъ называется *анна-прасанна*. Первоначальныя церемоніи тѣ же, какъ и при упомянутыхъ выше обрядахъ; но на этотъ разъ на насыпи сидятъ съ ребенкомъ отецъ и мать, а присутствующія при этомъ женщины при пѣніи гимновъ исполняютъ надъ ребенкомъ *аратти*. Послѣ того, на мѣдномъ луженомъ блюдѣ (которое обязанъ подарить дядя новорожденнаго, братъ матери) приносятъ *параманну*: рисовую кашу съ пряностями и поясной снурокъ, съ небольшимъ передникомъ, носимый мужчинами. Младенцу даютъ прикоснуться къ блюду и снурку, и послѣ молитвы опоясавъ вкладываютъ въ ротъ немного каши. Въ это время неумолкаемо раздается пѣніе, гремитъ музыка; присутствующихъ обносятъ акшаттасомъ и каждый, взявъ щепотку, одну ея часть кладетъ на голову ребенку, другую — себѣ. Обѣдъ и бетель неизбѣжное заключеніе этой, какъ и каждой, церемоніи.

Трехлѣтнему сыну брамина — брѣютъ голову; это обрядъ *тишагулы*. Замужнія женщины одѣваютъ ребенка, сидящаго на насыпи между отцомъ и матерью. Сначала голову и все тѣло намазываютъ растительнымъ масломъ; потомъ, обмывъ его теплой водой, красятъ лобъ и части отваромъ сандала или акшаттасомъ; на руки и на шею надѣваютъ кораловые браслеты и ожерелье. Пурогита по прочтеніи сан-кальпы и совершеніи гомама, киноварью чертитъ предъ ребенкомъ четыреугельникъ и очерченное пространство засыпаетъ нешелушенымъ рисомъ. Съ одной стороны сажаютъ ребенка, съ другой ставятъ идола Вигнессуру, предъ которымъ раскладываютъ плоды священнаго дерева *катрикаги*, сахаръ и бетель — и тогда призванный цирюльникъ брѣетъ ребенку голову, оставляя небольшой чубъ на маковкѣ. По окончаніи бритья, сопровождаемаго пѣніемъ и музыкою, цирюльнику кидаютъ деньги и онъ, подобравъ ихъ, вмѣстѣ съ разсыпанымъ по землѣ рисомъ уходитъ. Женщины купаютъ обритаго ребенка (чтобы очистить отъ прикосновенія нечистаго брадобрѣя) и одѣваютъ въ самыя нарядныя платья. Затѣмъ, обѣдъ и неизбѣжный бетель.

Раздача этого бетеля весьма разумная гигіеническая мѣра: перецъ этотъ, замѣняющій запрещенныя вина и водку, пожеванный послѣ обѣда, способствуетъ пищеваренію и предохраняетъ желудокъ отъ воспалительныхъ болѣзней, почти постоянно свирѣпствующихъ въ Индіи. Европейскіе врачи прошедшихъ столѣтій совѣтовали во время эпидемій, во избѣжаніе заразы носить во рту гвоздички или зерна перцу... Средство, можетъ быть, не безполезное и при холерѣ.

Пятилѣтнему брамину надѣваютъ чрезъ лѣвое плечо отличительный знакъ касты — снурокъ, ссученный изъ трехъ тесемокъ въ девять нитокъ каждая. Хлопокъ для этого снурка долженъ быть взрощенъ на освященной землѣ и ссученъ руками браминовъ. Этотъ обрядъ *уппанайяна* (введеніе въ науки) празднуется четыре дня и совершается исключительно въ мартѣ, апрѣлѣ, маѣ и іюлѣ. Деньги на сопряженные съ нимъ и весьма значительные расходы собираются отцемъ мальчика съ прихожанъ пагоды. Прежде всего совѣтуются съ пурогитою о выборѣ благопріятнаго дня и часа; пурогита приноситъ снурокъ и кожу антилопы для подстилки подъ сидѣнье. Мальчика сажаютъ на насыпь, поютъ гимны, дѣлаютъ жертвоприношеніе богу Вигнессуарѣ; женщины исполняютъ надъ

посвящаемымъ обряды отъ сглазу (аратти) и натираютъ ему виски сурьмою. Закусивъ рисомъ и бетелемъ расходятся по домамъ. Этотъ первый день—прологъ торжества, наступающаго на слѣдующій называемый *мугурта* (великій). Собираются гости; юный браминъ съ отцомъ и съ матерью (всѣ трое лицами къ востоку) садятся на насыпь; женщины перепоясываютъ его чистымъ полотномъ, а пурогита въ это время кидаетъ на жаровню съ угольями куски дерева ассуаты, вареный рисъ и масло. Жаровня эта —олицетвореніе божества; девять браминовъ приносятъ ей особенныя жертвы, и затѣмъ сопровождаемые одною изъ присутствующихъ женщинъ, уносятъ въ особое помѣщеніе въ домѣ, гдѣ огонь въ жаровнѣ этой необходимо поддерживать во все продолженіе церемоніи, если же онъ потухнетъ—это дурной знакъ. Затѣмъ приступаютъ къ устройству *шитты деваты* (бога-друга). Для этого женщины берутъ мѣдный сосудъ, выбѣленный известью по краямъ, съ пѣніемъ идутъ къ рѣкѣ и наполняютъ его водою. Возвратясь домой, сосудъ покрываютъ листьями манголя, на нихъ накладываютъ кокосовый орѣхъ, окрашенный шафраномъ, а тамъ и весь сосудъ обертываютъ кускомъ полотна, шафраномъ же окрашеннаго. Образовавшійся такимъ родомъ чурбанъ ставятъ на кучку рису, къ горлышку его навѣшиваютъ два пальмовые листа, свернутые въ трубку, окрашенные савдаломъ, черное ожерелье и разныя украшенія. Сосудъ принимаетъ тогда подобіе человѣческой фигуры и пурогита читаетъ надъ нимъ молитвы, долженствующія превратить его въ божество. Мать посвящаемаго садится на этотъ сосудъ и ее на носилкахъ съ музыкой и пѣснями обносятъ вокругъ деревни, или по главной улицѣ, если дѣло въ городѣ. По возвращеніи домой новое божество ставится на насыпь и пандель въ честь его обвѣшиваютъ кусками чистаго полотна. Затѣмъ идутъ къ муравейнику *карїй* (термитовъ, бѣлыхъ муравьевъ) и взявъ изъ него земли наполняютъ ею пять новыхъ глиняныхъ горшковъ и сѣютъ въ нихъ разнородныхъ житъ, которыя поливаютъ освященною водою и молокомъ. Молитвы пурогиты каждый изъ этихъ горшковъ превращаютъ въ божество и ихъ разставляютъ вокругъ идола бога-друга... Этой группѣ молятся призывая всѣхъ боговъ и души усопшихъ предковъ и въ самое это время посвящаемому привязываютъ къ правой рукѣ кусокъ *канама* (куркума: желтый имбирь), а брадобрѣй стрижетъ ему ногти на рукахъ и на ногахъ и брѣетъ голову. Послѣ этого—вания и облаченіе женщинами новичка въ платье касты; пурогита читаетъ надъ нимъ молитвы; въ три оборота перепоясываетъ его гирляндой изъ травы дарбы, читая мантрамы. Присутствующихъ браминовъ одѣляютъ мелкими деньгами. Приносятъ жердь изъ дерева мадуги въ три локтя длиною, обвѣшанную десятью мужскими передниками, окрашенными шафраномъ, и кладутъ ее посвящаемому на правое плечо. Пурогита, читая мантрамъ, надѣваетъ на него снурокъ. Это дѣйствіе сопровождается пѣніемъ, музыкой, боемъ въ мѣдныя тарелки, а въ городахъ и колокольнымъ звономъ. Затѣмъ закуска для посвящаемаго и его молодыхъ сверстниковъ. Старшіе въ ней не участвуютъ.

Послѣ закуски, юный браминъ садится на насыпь лицомъ къ востоку, отецъ рядомъ съ нимъ лицомъ къ западу; полы панделя опускаютъ до земли при громкой музыкѣ и пѣніи женщинами молитвъ. Въ это время скрытый отъ глазъ присутствующихъ сынъ выслушиваетъ отъ отца тайныя наставленія о своихъ обязанностяхъ, о силѣ мантрамовъ и правахъ брамина. Главнѣйшее изъ этихъ наставленій заслуживаетъ того, чтобы его привести изъ слова въ слово: „*Знай*“, говоритъ старый браминъ молодому, *знай и помни всегда, что богъ одинъ, что онъ начало всему и владыко всей вселенной*. Поклоняйся и служи ему, одному, но не открывай этой великой тайны глупому простолюдину, иначе на тебя обрушатся страшныя бѣдствія.

Когда молодой браматшары выходитъ изъ-подъ шатра, старые брамины подносятъ ему акшаттасъ, женщины дѣлаютъ надъ нимъ аратти и весь день проходитъ въ роскошномъ пиршествѣ. Вечеромъ весь домъ убираютъ зажженными лампами, молодой браминъ садится на насыпь, а женщины приносятъ жаровню. Пурогита читаетъ сан-кальпу—а посвященный браматшары совершаетъ впервые гомамъ огню, послѣ чего надъ нимъ дѣлаютъ аратти...

На третій день—тѣ же церемоніи, гомамъ огню, роскошный обѣдъ. На четвертый—браматшары совершаютъ вторично свой гомамъ—кидая въ жаровню, окруженную гирляндами дарбы—куски дерева ассуаты, вареный рисъ, топленое коровье масло и сахарный

песокъ. Изъ сосуда, изображающаго бога-друга, раздаютъ присутствующимъ воду, остатокъ выливаютъ въ колодезь. Затѣмъ снимаютъ съ сосуда всѣ украшенія, а съ правой руки браматшары привязанный кусокъ инбирю и кладутъ его въ молоко. Большое освященіе воды, призваніе всѣхъ боговъ и душъ усопшихъ предковъ; частыя аратти надъ браматшары; его въ паланкинѣ торжественной процесіей носятъ по улицамъ. Въ знакъ смиренія и покорности онъ бьетъ челомъ старымъ браминамъ. День своего пожалованія снуркомъ браматшары обязанъ праздновать ежегодно въ полнолуніе мѣсяца срвана (августа). Въ этотъ день онъ даетъ пиръ браминамъ и перемѣняетъ старый передникъ на новый; ему отпускаются всѣ грѣхи за весь годъ и потому праздникъ этотъ называется *праздникомъ отпущенія*.

Право ношенія снурка принадлежитъ и раджамъ. Ихъ жалуютъ снурками ихъ гуру; они же въ день свадьбы раздаютъ снурки и ваиссіямъ (III сектѣ)... Судры не смѣютъ носить снурковъ.

Посвященный браматшары приступаетъ къ изученію закона и учится до самой женитьбы. Кромѣ священныхъ ведъ, астрономіи естественныхъ наукъ и медицины онъ обязанъ изучать исторію своего народа, его нравы, обычаи. Для образованія браматшары есть особыя школы съ весьма строгими уставами. Ученикъ не долженъ употреблять бетеля (средство горячительное и возбуждающее), носить цвѣтныхъ платьевъ или украшеній на головномъ уборѣ, красить лба и смотрѣться въ зеркало... Само собою, что молодые брамины ничего этого не соблюдаютъ и именно вслѣдствіе запрещенія (по натурѣ человѣческой) тайкомъ наслаждаются запрещенными плодами. Скрытность и лицемѣріе—пороки обязательные для брамина, они входятъ въ программу его професіи... Повиновеніе старшимъ должно быть слѣпое и безпрекословное; со старшихъ слѣдуетъ брать примѣръ—и браматшары берутъ его и въ дурномъ, и въ хорошемъ.

Молодой браминъ, пожалованный снуркомъ съ титломъ дурожденнаго (*дуиджага*), получаетъ право: 1) читать веды и 2) толковать ихъ другимъ; 3) приносить жертвы огню (гамамъ) — и 4) учить другихъ обрядамъ жертвоприношенія, 5) раздавать подарки и милостыню, 6) самому принимать и то и другое. Право читать веды

принадлежитъ исключительно кастѣ браминовъ. Чтобы удержать простой народъ отъ этого, ему неподобающаго любопытства, брамины увѣряютъ, что отъ чтенія ведъ у простолюдина голова лопнетъ пополамъ. Браминъ обязанъ читать веды не иначе какъ шопотомъ; за громогласное чтеніе онъ подлежитъ изгнанію изъ касты. Языкъ ведъ непонятенъ и самимъ браминамъ, а толкованія на нихъ (*упанисгардасъ*) рѣшительно ничего не растолковываютъ, а только пуще затемняютъ смыслъ. Пять предметовъ разрѣшено принимать брамину въ подарокъ (*пантшаданасъ*): золото, земли, одежды, зерновой хлѣбъ и коровъ. Подаренныя ему земли браминъ обыкновенно отдаетъ судрамъ на аренду; самъ же строитъ на нихъ усадьбу (*аграгра*). Просить милостыню не стыдится и самый богатѣйшій браминъ, дѣлая это для блага дающаго, спасающаго тѣмъ свою душу; браминъ никогда не благодаритъ за подаяніе, никогда не обижается и на отказъ. Обѣщаніе подаянія брамину должно непремѣнно быть исполненно. Чтобы народъ слѣдовалъ этому правилу брамины съ древнѣйшихъ временъ пустили въ ходъ страшную сказку. Обманувшій брамина послѣ смерти превращается въ демона и носится между небомъ и землей безъ пристанища. Демону этому только и можно садиться на деревья, выть, стенать, и питаться изъ человѣческаго черепа гнилымъ сокомъ пальмы, смѣшаннымъ съ собачьей слюною. Завыванія вѣтра въ лѣсной чащѣ и водащіяся въ лѣсахъ обезьяны — поддерживаютъ въ тупоумномъ народѣ это нелѣпое вѣрованіе.

Податей брамины никакихъ не платятъ; всѣ ремеслинники обязаны даромъ на нихъ работать, уважать браминовъ должны всѣ — отъ раджи до послѣдняго паріи, за убіенія брамина— вѣчное проклятье убійцы, а ту мѣстность, гдѣ жилъ убійца, за наказаніе поражаетъ война или моровое повѣтріе. Въ европейскихъ владѣніяхъ Индіи права браминовъ далеко не такъ велики—властители берутъ съ нихъ подати какъ со всего народа — даже (къ собственному своему позору) подвергаютъ тѣлеснымъ наказаніямъ...

Кто хочетъ видѣть изнанку просвѣщеннѣйшаго европейца, пусть только взглянетъ на него въ другихъ странахъ свѣта!

Первый долгъ брамина— беречься отъ оскверненія тѣлеснаго и душевнаго. Щепетильность индусовъ, въ обоихъ отношевіяхъ, до-

ходитъ до смѣшнаго. Вотъ чѣмъ, по закону индусовъ, браминъ можетъ наружно оскверниться:

Если онъ присутствуетъ при погребеніи, даже если получасть вѣсть о чьей нибудь смерти. Домъ въ которомъ есть покойникъ до похоронъ почитается нечистымъ, а по сожженіи или погребеніи подлежитъ очисткѣ и освященію (мѣра гигіеническая). Браминъ сквернится отъ взгляда на трупъ—и долженъ, въ такомъ случаѣ, подвергаться омовенію.— Если онъ прикоснется или взглянетъ на женщину въ періодъ ея цвѣтенія. Если онъ употребляетъ глиняную посуду, вмѣсто предписанной закономъ—металической.—Если для одѣянія онъ употребляетъ какія либо другія ткани кромѣ шелковыхъ и льняныхъ. Шелкъ предохраняетъ отъ всякой заразы и скверны; по этому врачъ-браминъ щупаетъ пульсъ у больнаго всегда обернувъ его руку шелковымъ лоскуткомъ. Бумажныя ткани нечисты—къ нимъ скверное пристаетъ. Вслѣдствіе этихъ правилъ брамины опрятны и брезгливы въ высшей степени. Идучи, напримѣръ, по улицѣ они подбираютъ полы одеждъ, боязливо смотрятъ подъ ноги, сторонятся отъ стѣнъ домовъ и отъ каждаго встрѣчнаго.—Всѣ животныя кожи, кромѣ тигровой, львиной и антилоповой, нечисты, такъ какъ сняты съ падали. Идучи браминъ обязанъ остерегаться, чтобы не наступить на кость, на тряпку, горшечный черепокъ, обрѣзокъ кожи, листъ, служившій вмѣсто блюда за столомъ, животные или человѣчекіе волосы. Садясь браминъ долженъ подстилать на землю или на полъ тигровую, львиную или антилоповую кожу, а по неимѣнію таковой—садиться на слой коровьяго помета.— За обѣдомъ молчать и начинать разговоръ не иначе какъ по выполосканіи рта и омовеніи рукъ.. Пьетъ не прикасаясь губами къ краямъ сосуда, а льетъ питье себѣ въ горло черезъ край; лѣвой рукой отнюдь не долженъ прикасаться ни къ питью, ни къ кушанью: ея назначеніе служить человѣку только при нечистыхъ отправленіяхъ его тѣла. Остатки отъ обѣда выбрасываются; ихъ нельзя предложить ни рабамъ, ни даже нищимъ—для тѣхъ и для другихъ въ домахъ браминовъ приготовляютъ кушанья особо. Употребленіе ножей и вилокъ запрещено закономъ, ихъ замѣняютъ пальцы; только для горячей пищи позволены деревянныя ложки. Вмѣсто металической посуды можно употреблять за столомъ банановые листы.

Изъ органическихъ выдѣленій человѣческаго тѣла—слюна самое нечистое. Плюнуть—не только на полъ въ домѣ индуса, но даже въ его саду, на землю, почитается величайшей обидой. Честь изобрѣтенія плевальницъ, неоспоримо, принадлежитъ индусамъ: у индусовъ переняли похвальный обычай разставлять ихъ въ комнатахъ сначала голландцы, потомъ англичане. Если слюна посторонняго случайно попадетъ на одежду брамина, послѣдній обязанъ немедленно идти къ рѣкѣ и троекратно погрузиться въ воду; да, кромѣ того, оскверненное платье непремѣнно отдать въ стирку. Абатъ Дюбуа [1] разсказываетъ, какъ однажды знакомый ему браминъ просилъ дать ему рекомендательное письмо къ какому-то важному лицу; письмо, надобно замѣтить, отъ котораго зависѣло чуть не все состояніе брамина. Абатъ, исполнивъ его желаніе, имѣлъ не осторожность запечатать письмо облаткою... и браминъ, осыпавъ его упреками, чуть не проклятьями—убѣжалъ изъ комнаты, чтобъ не оскверниться не только прикосновеніемъ, но и взглядомъ на это мерзкое письмо, запечатанное наслюненною облаткою.—Тоже троекратное погруженіе въ воду, какъ отъ оскверненія слюною, предписано браминамъ отъ прикосновенія къ собакѣ, или, если послѣдняя, ласкаясь, лизнетъ ему руку.

Кромѣ этихъ предосторожностей отъ оскверненія наружнаго, брамины обязаны—остерегаясь внутренняго—быть особенно разборчивыми въ пищѣ, питьѣ, даже въ воздухѣ для дыханія. Мясо, домашняя птица, дичь, яйца, рыба и икра—воспрещены подъ опасеніемъ безвозвратнаго отлученія отъ касты. Составители ведъ затѣмъ именно и повелѣли признавать коровъ и быковъ животными священными, и Вишну, въ миѳологіи, заставили превращаться въ рыбу и вепря,—чтобы предостеречь индусовъ отъ употребленія въ пищу мяса этихъ животныхъ. Мѣра, въ высшей степени разумная въ странахъ восточныхъ, гдѣ рыбная и мясная пища остритъ кровь и бываетъ причинами многихъ внутреннихъ и наружныхъ болѣзней. Вотъ почему жители всѣхъ странъ востока чувствуютъ это инстинктивное омерзеніе и къ свиному мясу, которымъ безнаказанно лако-

[1] Авторъ весьма любопытной книги объ индусахъ (1820).

мятся жители сѣверныхъ странъ. — Индусъ щедро вознагражденъ за отсутствіе мяса въ своей кухнѣ молокомъ и роскошной растительной пищей, доставляемой благословенной родимой почвой. Но и изъ растительной пищи браминъ долженъ избѣгать употребленія плодовъ и овощей напоминающихъ формою голову или нѣкоторыя другія части человѣческаго тѣла: капусту, лукъ, чеснокъ и грибы; послѣдніе въ южныхъ странахъ не безвреднѣе мяса. Вслѣдствіе изысканно-чистой и здоровой пищи у браминовъ невѣроятно тонкое обоняніе, и они также точно по дыханію узнаютъ человѣка, ѣвшаго мясо, какъ не пьющіе вина узнаютъ пьяницу. Къ слову сказать, употребленіе спиртныхъ напитковъ запрещено у браминовъ наравнѣ съ мясомъ. Пьянство, какъ говорится въ ведахъ, мерзѣйшій изъ пороковъ, гнуснѣйшій изъ грѣховъ. Кромѣ чистой воды, молока и сыворотки браминъ не долженъ употреблять иного питья; вода должна быть непремѣнно почерпнута кѣмъ либо изъ своей касты. Въ случаѣ прикосновенія своимъ сосудомъ къ ведрамъ или кувшину кого нибудь изъ низшихъ кастъ, брамину слѣдуетъ воду вылить, сосудъ вычистить и зачерпнуть имъ свѣжей воды. — Если браминъ слышитъ въ воздухѣ запахъ кухоннаго дыма, погребальнаго костра, падали, либо зловонныхъ испареній — онъ долженъ дышать сквозь приложенный къ носу и ко рту кусокъ чистаго холста или шелковой матеріи. Лица низшихъ кастъ, говоря съ браминами, обязаны стоять отъ нихъ, по крайней мѣрѣ, въ пяти шагахъ и ротъ прикрывать правой рукою.—Зѣвая, браминъ обязанъ щелкать пальцами обѣихъ рукъ, для отогнанія демона, который можетъ влетѣть въ разинутый ротъ. „Очищай тѣло омовеніемъ, душу молитвою и покаяніемъ!" говорятъ веды; а одинъ изъ древнѣйшихъ религіозныхъ поэтовъ—*Векіанна*, выражается такъ: „Вода - причина грязи, но водою же и смываютъ грязь.. Воля человѣка совершаетъ грѣхъ, но она же и защитница отъ грѣха..."

И вода, по мнѣнію браминовъ, очищаетъ и тѣло и душу. Грѣшнику достаточно выкупаться въ одной изъ семи священныхъ рѣкъ (1),

(1) Гангъ, Джумна, Синдъ или Индъ, Годаверри, Сарасватти (Брахмапутра), Нербудда и Кавери.

чтобы получить прощеніе; а по невозможности погрузиться въ священную рѣку, можно выкупаться и въ другой какой нибудь, только мысленно называя ее священною. Водоемъ *Камбаканамъ* въ Танджаурѣ, въ двѣнадцать лѣтъ разъ получаетъ отъ боговъ свойство очищать отъ грѣховъ души кающихся, а ручей горы *Тиртам-малаи* тоже самое единожды въ три года.. Кромѣ того, въ Индіи есть множество священныхъ ключей, источниковъ, водопадовъ. Изъ послѣднихъ особенно замѣчательны своею святостью водопады *Кавери.* Не менѣе спасительны отъ грѣховъ морскія купанья во время солнечнаго затмѣнія, въ полнолуніе, новолуніе, въ весеннее и осеннее равноденствія. По неимѣнію вблизи священныхъ рѣкъ, всего лучше считается купаться въ рѣкахъ, текущихъ съ востока на западъ. Кромѣ купанья, для отпущенія грѣховъ достаточны: чтенія Пуранъ, хожденіе на богомолье (*пуніястаіасъ*), восхожденія на высокія горы или даже взираніе на нихъ. Такова гора *Нилагури-малаи* въ Коимбатурѣ.

Главнѣйшихъ, смертныхъ грѣховъ пять (*пантша паттакасъ*): 1) *Брагматтія* — убіеніе брамина; 2) *Шишаттія* — вытравленіе утробнаго плода; 3) *Сурапана* — пьянство; 4) *Сорна-снейя* — похищеніе золота; 5) *Гуру-тарпа-гомана* — обольщеніе жены своего гуру (законоучителя) или начальника. Есть особый демонъ грѣха—страшный, безобразный, отъ навожденія котораго брамины читаютъ ежедневные мантрамы. „Онъ весь состоитъ изъ грѣховъ", такъ писано въ пуранахъ объ этомъ чудовищѣ; каждая часть его тѣла—грѣхъ. Голова убійство брамина, глаза—пьянство, лице воровство, уши—убійство гуру, носъ—убійство женщины, плечи—убійство коровы, грудь—прелюбодѣяніе, шея—искуственный выкидышь, животъ - угнетеніе слабаго, пупокъ—насиліе, совершенное человѣкомъ надъ существомъ, отдавшимся подъ его же защиту, лядвеи и остальныя части—злословіе, клевета, насилованіе женщины, выдача чужой тайны... Наконецъ, каждый волосокъ на тѣлѣ этого демона — какой нибудь изъ маловажныхъ грѣховъ!"

Независимо отъ обязательной воздержности и соблюденія вышеизложенныхъ религіозно-гигіеническихъ правилъ у браминовъ существуютъ еще посты—и весьма строгіе. Ни болѣзнь, ни старость

не избавляютъ отъ нихъ и явное нарушеніе поста можетъ навлечь на преступившаго законъ—изгнаніе изъ касты. Постные дни у браминовъ: 1) ново-и полнолунія; 2) *йяка-дасивраты*, т. е. 10, 11 и 12 числа каждаго мѣсяца. Въ эти дни не должно рѣшительно ни ѣсть и не пить ничего; 3) 13 число каждаго мѣсяца—несчастное: не ѣсть до заката солнца, а предъ вкушеніемъ пищи непремѣнно принести жертву Сивѣ; 4) 14 день мѣсяца мага (февраля) праздникъ *Сива-ратти*: не ѣсть, не пить и не спать въ теченіе 24 часовъ и каждые три часа приносить жертвы Сивѣ; 5) въ 9 день мѣсяца чшантра (марта) въ память превращенія Вишну въ Раму—ѣсть одинъ разъ въ сутки, рису не вкушать, а довольствоваться только горохомъ, мучными лепешками, бананами и кокосами; 6) всѣ вообще дни воплощеній Вишну, дни затмѣній, равноденствій, солнцестояній, сочетаній планетъ; дни смерти отца и матери, своего рожденія, пожалованія снуркомъ, наконецъ дни солнца. Пищу въ постные дни вкушатьоднажды, ни тѣла ни головы масломъ не мазать, женщинамъ не натираться шафраномъ. Наружное употребленіе масла разрѣшено два раза въ недѣлю, но при этомъ должно всегда бросить на землю семь капель въ честь семи главныхъ боговъ, называя ихъ поименно.

Само собою разумѣется, что изъ сотни браминовъ одинъ дѣйствительно строго соблюдаетъ всѣ эти постановленія, прочіе лицемѣрятъ болѣе или менѣе искусно. Впрочемъ самый постъ еще весьма сносенъ при изобиліи плодовъ въ Индіи и въ постные дни брамины вознаграждаютъ себя, если не качествомъ пищи, то ея количествомъ. Обжорство ихъ слабость, которой они не только не скрываютъ, но даже считаютъ ее священною обязанностію; это по ихъ толкованію значитъ: угождать Дживатмѣ, т. е. *душу тѣшить*... и тѣшатъ ее брамины до поту лица, ослабляя за столомъ пояса, снимая для пущаго комфорта одежду, заѣдая кушанья, пищевареніе ради—асса-фетидой. Крѣпкіе напитки (*сура-пана*) запрещены: браминъ замѣняетъ ихъ опіумомъ или крѣпкимъ отваромъ шафрану... Явно убѣгая чувственныхъ, *естественныхъ* наслажденій и снискивая тѣмъ репутацію благочестиваго, браминъ удовлетворяетъ свои страсти тайно и тѣми гнусными противуестественными способами, о которыхъ приличіе заставляетъ насъ умолчать.

Другіе преобладающіе пороки браминовъ и вообще индусовъ—мстительность и злопамятство. Явно простивъ обидчика, индусъ втайнѣ мститъ ему до могилы, выбравъ орудіемъ своего мщенія не ядъ, не кинжалъ, а нѣчто посильнѣе, замѣняющее и то и другое—именно клевету. Простой народъ, воздавая браминамъ чуть не божескія почести, очень хорошо понимаетъ, однакоже, что и они не безъ грѣха и потому издавна сложилъ про нихъ пословицу: „браминъ у себя въ домѣ цѣлый браминъ, вдали отъ дома, но покуда еще на глазахъ—онъ полбрамина, но какъ только скрылся изъ виду, такъ онъ — судра!“

Скрытные, лукавые, но изъ всего народа умнѣйшіе и просвѣщеннѣйшіе брамины легко вкрадывались въ довѣренность древнихъ князей и раджей и служили при нихъ въ качествѣ секретарей и совѣтниковъ при дипломатическихъ сношеніяхъ съ иноземцами; они же были весьма полезными посредниками для вымогательства отъ народа чрезвычайныхъ податей и налоговъ... Донынѣ ходитъ между индусами множество басень, сложенныхъ браминами о герояхъ благочестія, которые, угождая лично имъ, браминамъ, тѣмъ снискали себѣ особенное благоволеніе боговъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Бракъ у браминовъ. Сватовство. Помолвка. Обряды перваго дня: Паланга. Священная жаровня. Канкана. Даръ дѣвственницы. Приданое. Тагли. Мангалашта. Саша. Обряды слѣдующихъ четырехъ дней. Обычаи древнихъ кшатріевъ. Бракъ у прочихъ сектъ.

По законамъ браминовъ, каждый индусъ, какой бы онъ ни былъ касты, достигнувъ совершеннолѣтія, обязанъ жениться для продолженія своего рода и племени. Женатый, какъ они говорятъ, *уплачиваетъ священный долгъ предкамъ*. Неженатый въ та-

комъ только случаѣ пользуется уваженіемъ своей касты, если отказался отъ супружества вслѣдствіе даннаго богамъ обѣта цѣломудрія; вообще же холостыхъ презираютъ какъ безполезныхъ членовъ общества. Многоженство исключительно разрѣшено раджамъ и достаточнымъ людямъ. Раджа можетъ имѣть до пяти законныхъ женъ, лица другихъ кастъ только одну законную жену, прочія же сожительницы, сколько бы ихъ ни было—не жены, но терпимыя закономъ наложницы. Если законная жена неплодна, индусъ имѣетъ право развестись съ нею и сожительствовать со служанкой: разводъ допускается также въ случаѣ фактически доказаннаго нарушенія вѣрности женою. Такимъ образомъ въ Индіи (впрочемъ почти какъ и всюду) законъ вмѣняетъ въ преступленіе женѣ то, что онъ снисходительно разрѣшаетъ мужу. Въ Индіи удѣлъ женщины—вѣчное рабство; въ дѣтствѣ она зависитъ отъ родителей, въ юности, до зрѣлыхъ лѣтъ—отъ мужа, на старости—отъ дѣтей. Вслѣдствіе этого у индусскихъ женщинъ издревле сложились о своихъ правахъ самыя жалкія понятія; онѣ убѣждены, что женщина вообще какая-то переходная порода отъ человѣка къ безсмысленному животному. Сдѣлавъ какую нибудь ошибку или опрометчивость, жена индуса обыкновенно говоритъ себѣ въ оправданіе: „вѣдь я женщина", какъ будто это слово синонимъ безтолковости и тупоумія. Изъ всѣхъ правъ ея, неприкосновенны одни только права матери и предоставлены индускѣ во всей ихъ обширности. Дѣти, по закону, принадлежатъ матери и, въ случаѣ развода, она можетъ взять ихъ всѣхъ отъ мужа, въ чемъ ни онъ, и никто не смѣетъ ей препятствовать. Вторичное замужество вдовѣ запрещено; удѣлъ ея, какъ бы она ни была молода и хороша собой—вѣчный трауръ, отрѣченіе отъ всѣхъ удовольствій и совершенное отчужденіе отъ общества; всеобщее презрѣніе—если она бездѣтна. О древнемъ обычаѣ *сутти* или *шутти*—сожженія вдовы на одномъ кострѣ съ трупомъ мужа—мы подробно поговоримъ въ послѣдующихъ главахъ, теперь же о бракѣ у браминовъ.

Когда молодому брамину исполнится 16—18 лѣтъ, родители, безъ всякаго съ нимъ совѣщанія, сватаютъ ему невѣсту, непремѣнно изъ своей касты, преимущественно богатую и со связями, нерѣдко дѣвочку пяти или шести лѣтъ. Причина этой несообразно-

сти возрастовъ жениха и невѣсты—застрахованіе непорочности послѣдней, такъ какъ въ Индіи дѣвицы всѣхъ кастъ вообще вѣтрены, сластолюбивы и не слишкомъ строгихъ правилъ. Пятилѣтняя невѣста, обрученная восемнадцатилѣтнему брамину, дозрѣваетъ въ домѣ родительскомъ до періода узаконеннаго природою (14—15 лѣтъ) и тогда съ особыми обрядами сдается мужу съ рукъ на руки. Сватовство происходитъ слѣдующимъ образомъ:

По совѣщаніи съ пурогитою, выбравъ благопріятный и легкій день (понедѣльникъ, среду, четвергъ или пятницу), родители жениха отправляются къ родителямъ невѣсты, взявъ съ собою кусокъ полотна, кокосовый орѣхъ, пять плодовъ банана, сандаловый и киноварный порошки. Дорогою обращаютъ вниманіе на хорошія или дурныя примѣты: если, напримѣръ, черезъ дорогу перебѣжитъ кошка, шакалъ, или переползетъ змѣя—то слѣдуетъ возвратиться домой и переговоры о сватовствѣ, до времени, отложить. Если же во весь путь не попалось на встрѣчу ничего такого, что можно было бы принять за дурную примѣту, родители жениха, прійдя въ домъ невѣсты, объявляютъ ея отцу и матери о причинѣ прихода. Договоръ о свадьбѣ бываетъ четырехъ видовъ: 1) отецъ дѣвушки выдаетъ ее безъ всякаго со стороны жениха выкупа и играетъ свадьбу на свой счетъ; 2) свадебные расходы сватья дѣлятъ пополамъ: 3) уплата выкупа отцу невѣсты и свадьба на счетъ жениха и 4) у бѣднѣйшихъ, уступка дочери жениху за самую ничтожную плату. Молодому, въ предпослѣднемъ случаѣ, тесть и теща до тѣхъ поръ не выдаютъ жены, покуда онъ сполна не выплатитъ выкупа, или, по неимѣнію средствъ, не выслужитъ семи лѣтъ въ работникахъ у своего тестя. Само собою разумѣется, что это соблюдается исключительно у низшихъ кастъ, у браминовъ же при сватовствѣ соблюдаютъ только одинъ изъ первыхъ двухъ пунктовъ. Благопріятнѣйшіе мѣсяцы для свадебъ: мартъ, апрѣль, май и іюнь: въ крайнемъ случаѣ—февраль и ноябрь.

Выслушавъ сватовъ, отецъ и мать невѣсты, повернувшись лицами на югъ, внимательно прислушиваются и до тѣхъ поръ не даютъ отвѣта, покуда за стѣною дома не раздастся писка ящерицы [1].

[1] Индія ими изобилуетъ и въ тамошнихъ садахъ ихъ также много

Тогда изъявивъ согласіе, родители невѣсты принимаютъ подарки, принесенные сватами. Вечеромъ весь домъ убираютъ зажженными лампадами и посылаютъ за пурогитой для совѣщаній о назначеніи дня свадьбы. Женщины, отдѣлясь отъ компаніи мужчинъ, приступаютъ къ очисткѣ дома; затѣмъ всѣ молятся богу Вигнессуарѣ. Если во время молитвы опять пропищитъ ящерица—это счастливѣйшее предзнаменованіе. Пурогита назначаетъ день, сваты ударяютъ по рукамъ и, получивъ отъ хозяевъ бетель, возвращаются домой. Весь слѣдующій день проходитъ въ домѣ невѣсты въ молитвахъ домашнимъ богамъ, Вигнессуарѣ и жертвоприношеніяхъ. На третій день отецъ жениха съ блюдомъ акшаттаса обходитъ родныхъ и знакомыхъ, приглашая ихъ къ себѣ въ домъ. Когда всѣ созванные соберутся, жениха сажаютъ лицомъ къ востоку подъ панделемъ на земляную насыпь, накрытую полотномъ. Женщины мажутъ ему голову масломъ, совершаютъ обрядъ *налангу* и обливаютъ голову теплой водой... Всѣ эти церемоніи сопровождаются музыкой и пѣніемъ, женщиныже и одѣваютъ жениха. Вечеромъ весь домъ иллюминовываютъ. Женщины, съ пѣніемъ молитвъ, берутъ деревянный цилиндръ, выбѣленный известью, исполосанный киноварью и украшенный вѣтвями дерева мангля (rhizophora mangle L). Сквозь этотъ цилиндръ сыплятъ шафранъ въ глиняный сосудъ, поставленный подъ панделемъ. Пурогита, окуривъ сосудъ этотъ ладаномъ, кладетъ передъ нимъ земной поклонъ.

Такъ три дня празднуютъ одно только сватовство или помолвку—это прологъ къ пятидневному брачному торжеству.

Весь первый день, *мугурута* (великій), состоитъ изъ обрядовъ и церемоній. По очищеніи дома и по принесеніи жертвъ домашнимъ богамъ—строятъ пандель. Собравшіеся гости, совершивъ омовеніе, натираютъ себѣ голову сандаломъ и акшаттасомъ и строятся въ два ряда—мужчины особо отъ женщинъ. Пурогита, прочитавъ сан-кальпу, поименно призываетъ всѣхъ боговъ и святыхъ и молитъ ихъ присутствовать въ домѣ во все продолженіе предстоящихъ празднествъ.

водится, какъ у насъ кузнечиковъ. Не проходитъ и пяти минутъ, чтобы не было слышно этого вѣщаго писка.

Со своей стороны, женихъ, невѣста и ихъ родители, сидя лицами къ востоку, призываютъ души усопшихъ предковъ. Женщины приносятъ и ставятъ на насыпь подъ пандель новую глиняную жаровню. Пурогита освящаетъ ее, кидая на уголья траву дарбу и обкладывая ее кусками святаго дерева ассуаты. Послѣ того край жаровни, обращенный къ сѣверу, уставляютъ четырьмя сосудами—тремя глиняными и однимъ мѣднымъ. Въ первыхъ трехъ: молоко, масло, сыворотка, въ послѣднемъ вареный и сырой рисъ. Съ южной стороны отъ священной жаровни кладутъ банановый листъ, на которомъ насыпано девять мѣръ рису—во славу планетъ, на жертву богамъ и душамъ усопшихъ предковъ. На востокъ отъ жаровни кладутъ посвященные Брамѣ—траву дарбу, бетель, сахарный песокъ и акшаттасъ на банановомъ листѣ. Призвавъ восьмерыхъ боговъ съ восьми странъ свѣта (*ашта-дикупалагасъ*), сооружаютъ идола бога-друга (см. гл. VII стр. 52).

Отецъ невѣсты, читая мантрамы, приноситъ жертвы Брамѣ, Вишну, Рудрѣ (¹), восьми богамъ, планетамъ и огню. Всѣ жертвы, приносимыя въ этотъ день и въ послѣдующіе, сожигаются на неугасимомъ огнѣ, поддерживаемомъ женщинами въ священной жаровнѣ, къ которой привязываютъ кусокъ куркума. Послѣ тестя женихъ приноситъ жертву Вигнессуарѣ, читаетъ особые мантрамы объ отпущеніи ему грѣховъ и раздаетъ щедрую милостыню. Вообще каждый обрядъ, какъ перваго, такъ и слѣдующихъ дней, сопровождается безчисленными мантрамами, молитвами и жертвоприношеніями... Изъ всѣхъ обрядовъ, входящихъ въ составъ программы церемоній перваго дня, самый любопытный (чтобы не сказать забавный)—мнимое путешествіе жениха въ Касси (Бенаресъ). Одѣвшись по дорожному и взявъ посохъ онъ объявляетъ присутствующимъ, что отправляется въ упомянутый городъ на богомолье, и дѣйствительно уходитъ изъ дому, сопровождаемый музыкою и поющими женщинами. Выйдя изъ деревни или за городъ онъ идетъ на востокъ и здѣсь на первомъ же перекресткѣ его встрѣчаетъ будущій тесть, ушедшій заблаговременно впередъ и его поджидающій. Онъ

(¹) *Рудра*—Сива принявшій на себя видъ обезьяны Ганумана.

начинаетъ всячески уговаривать жениха возвратиться; тотъ упрямится...

— Возвратись, настаиваетъ отецъ невѣсты, — дома ожидаетъ тебя дѣвственница, которую я отдамъ тебѣ въ жены.

На этотъ разъ женихъ уступаетъ: возвращается домой, гдѣ его встрѣчаютъ женщины и дѣлаютъ надъ нимъ аратти. Приходитъ невѣста и тогда совершается обрядъ *канкана*. На металическомъ блюдѣ приносятъ двѣ горсти рису, окрашенный шафраномъ кокосовый орѣхъ и два куска куркума, связанные одной ниткой. Послѣ обычныхъ молитвъ женихъ привязываетъ одинъ изъ этихъ кусковъ къ кисти лѣвой руки невѣсты, а она — другой кусокъ къ правой рукѣ жениха. Будущую тещу, сидящую на чурбанѣ богадруга, съ пѣніемъ носятъ по улицѣ, а по возвращеніи домой гости отъ хозяевъ получаютъ бетель.

Слѣдующій обрядъ называется: *коніара-дана* (даръ дѣвственницы). Новобрачный садится лицомъ къ востоку, тесть подходитъ къ нему и нѣсколько времени молча глядитъ на него, *будучи обязанъ думать*, что зять его самъ Вишну въ человѣческомъ образѣ. Предложивъ зятю сандалъ, цвѣты, акшаттасъ и тѣмъ воздавъ ему божескія почести, тесть, читая мантрамы, троекратно умываетъ ему ноги въ новомъ мѣдномъ блюдѣ водою, молокомъ и опять водою. За омовеніемъ слѣдуетъ чтеніе великой сан-кальпы, поименное призываніе всѣхъ боговъ, семи морей, семи же святыхъ мѣстъ, горъ, рѣкъ, городовъ, знаменитыхъ отшельниковъ; помиповеніе предковъ при пожеланіи имъ и восходящимъ ихъ поколѣніямъ въ числѣ двадцати-одного — вѣчнаго блаженства и *мокши* (рая).

Взявъ въ лѣвую руку бетель, а правую подавъ дочери, тесть подводитъ ее къ молодому. Здѣсь, призывая Вишну, онъ предлагаетъ ему дѣвственницу: соединяетъ руки молодыхъ, окропляя ея руку водою, а ему подавая бетель. Въ придачу къ женѣ, мужъ получаетъ обыкновенно отъ ея отца еще три дара: *го-дану* (коровій даръ), корову или нѣсколько головъ домашняго скота, *бу-дану* (земной даръ), участокъ земли, и *салаграма-дану*—горсть священныхъ раковинъ (аммонитовъ).

Покуда происходитъ эта церемонія, прочія лица, участвующія въ торжествѣ, приготовляютъ и освящаютъ *тагли*—священное ожерелье — знакъ супружества, носимый замужними женщинами. На мѣдный сосудъ, въ который насыпано двѣ горсти рису, кладутъ окрашенный шафраномъ кокосовый орѣхъ, на него желтый снурокъ, свитый изъ 800 нитей, на который нанизаны черныя бусы и разныя золотыя украшенія. Этотъ снурокъ и есть *тагли*. Его окуриваютъ ладономъ, дѣлаютъ ему предложенія какъ божеству, читаютъ мантрамы и благословляютъ. По приготовленіи тагли совершается обрядъ *мангалашта*. Молодые садятся другъ противъ друга, а двѣнадцать браминовъ развертываютъ надъ ними кусокъ шелковой матеріи, призывая всѣхъ боговъ по-парно съ ихъ женами. Приносятъ тагли. Женщины съ лампадами въ рукахъ поютъ, кричатъ, брянцаютъ мѣдными тарелками... Молодая садится лицемъ къ востоку, мужъ, читая молитвы, надѣваетъ ей тагли на шею и завязываетъ его тройнымъ узломъ. Принявъ другъ отъ друга бетель, молодые садятся рядомъ: двѣ замужнія женщины благословляютъ ихъ, мажутъ имъ головы акшаттасомъ и совершаютъ надъ ними аратти.

Тагли у индусовъ замѣняетъ наше обручальное кольце. Это ожерелье женщина носитъ до своей или мужниной смерти; о великомъ значеніи тагли мы еще подробнѣе поговоримъ впослѣдствіи.

На насыпь подъ пандель, уставленную лампадами, ставятъ священную жаровню, а подлѣ нея кладутъ камень, окрашенный сандаломъ. Мужъ рука объ руку съ женою три раза обходитъ вокругъ и каждый разъ, взявъ правою рукою правую ступню жены, ставитъ ее на камень и свою тоже. Въ это время новобрачные должны думать о священной горѣ семи кастъ (*сапта-кула-парвата*), которую изображаетъ красный камень. Жаровню и камень уносятъ и на дворѣ близъ панделя ставятъ рядомъ двѣ высокія бамбуковыя трости и двѣ большія корзинки; въ одну становится мужъ, въ другую жена, а гости начинаютъ осыпать ихъ рисомъ съ головы до ногъ, изъявляя пожеланіе богатой жизни, довольства и размноженія. У древнихъ раджей и богатыхъ князей (*наюбовъ*), вмѣсто рису, новобрачныхъ осыпали жемчугомъ... Этотъ обрядъ (*сана*) длится до тѣхъ поръ, покуда гости не выбьются изъ силъ.

Затѣмъ приступаютъ къ брачной трапезѣ. Мужчины садятся

особо отъ женщинъ. Для начала всѣхъ обносятъ освященнымъ акшаттасомъ: новобрачный подаетъ его мужчинамъ на кускѣ полотна. Непремѣнныя принадлежности свадебнаго стола: *калаванта*—четыре хлѣбныя блюда, приправленныя пряностями и питье изъ лимоннаго сока съ сахаромъ, кардамономъ и анисомъ. По окончаніи обѣда, за которымъ гости должны хранить глубочайшее молчаніе — особо отъ всѣхъ, подъ панделемъ, садятся, въ свою очередь, за обѣдъ новобрачные: онъ, лицомъ къ востоку, она напротивъ. Предъ ними кромѣ кушаньевъ ставятъ банановый листъ со множествомъ зажженныхъ лампадъ и весь пандель вокругъ великолѣпно иллюминуютъ. Во время обѣда женщины прислуживаютъ новобрачнымъ, а по окончаніи стола льютъ каждому изъ нихъ на пальцы растопленное коровье масло, которое они должны до чиста слизнуть. Эта первая и *послѣдняя* трапеза супруговъ за однимъ столомъ (замужняя, по закону, не смѣетъ обѣдать вмѣстѣ съ мужемъ) — залогъ взаимной искренности и единодушія. Вставъ изъ-за стола новобрачные выходятъ на улицу. Здѣсь пурогита показываетъ имъ на небѣ, подлѣ полярной звѣзды, маленькую звѣздочку *Арундетти*, изображающую жену покаявшагося грѣшника, впослѣдствіи святаго *Вашишты*. Новобрачные поклоняются ей и по возвращеніи домой подвергаются обряду отъ сглазу—аратти.

Въ слѣдующіе три дня—ежеминутно однѣ и тѣ же утомительныя церемоніи: мантрамы, сан кальпы, акшаттасы и т. д. въ перемежку съ играми и пѣснями. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ соблюдается строжайшее приличіе. На второй день на голову жены надѣваютъ блестящее головное украшеніе, *бассинамъ*, для отвода дурнаго глаза, на третій—мужъ и жена приносятъ жертву огню—*гомамъ*. Онъ бросаетъ на священную жаровню рисъ сырой, она—поджаренный. На четвертый день—обрядъ *наланга*: новобрачные, по очереди, троекратно натираютъ другъ другу ноги отваромъ шафрана; на пятый—уборка украшеній, прощальные мантрамы и жертвоприношенія богамъ и душамъ усопшихъ предковъ. Тѣхъ и другихъ благодарятъ за незримое присутствіе во время брачныхъ церемоній и просятъ удалиться по мѣстамъ ихъ постояннаго пребыванія. Вечеромъ торжественная прогулка новобрачныхъ въ открытомъ паланкинѣ по улицамъ, съ музыкой, иллюминаціей и фейерверкомъ. Молодымъ, разряженнымъ въ лучшія платья, каждый встрѣчный обязанъ сдѣлать какой-нибудь цѣнный подарокъ и бросить въ паланкинъ кусокъ дорогой матеріи, золотыя украшенія, деньги и т. п. Этотъ невыгодный обычай, въ сущности, не разорителенъ: по возвращеніи домой, молодые въ цѣлости и сохранности отдаютъ назадъ владѣльцамъ брошенныя ими въ паланкинъ драгоцѣнности... Это, такъ сказать, подарки *на прокатъ*, ради шику и пущей важности.

Брачные обряды тѣмъ проще, чѣмъ ниже каста. У кшатріевъ, напримѣръ, они, за немногими исключеніями, почти тѣ же, что у браминовъ, только вмѣсто священной жаровни подъ пандель становятъ арматуру, состоящую изъ связки сабель, кинжаловъ, бердышей, пищалей и всякаго другаго оружія. Въ старину раджи имѣли обыкновеніе (и это почиталось молодечествомъ) брать своихъ невѣстъ съ бою. Вмѣсто того, чтобы засылать сватовъ къ будущему тестю, раджа объявлялъ ему войну и собравъ дружину штурмовалъ дворецъ, гдѣ жила его возлюбленная. Развязка этой траги-комедіи была всегда водевильная: дѣло кончалось веселымъ пиркомъ, да свадебкой... но въ этомъ чужомъ пиру похмѣлье терпѣли бѣдные воины той и другой стороны, слагавшіе головы въ угоду князьямъ.

У вайссіевъ (III каста), по сооруженіи панделя, съ пѣніемъ и музыкой отправляются въ ближайшій лѣсъ за *ара-сагни*—зеленой вѣтвью священнаго дерева асуаты, и водружаютъ ее подъ панделемъ, засвѣтивъ предъ нею лампаду со свѣтильнею изъ 800 нитей. Помолясь вѣтви и принеся ей жертву какъ божеству, пурогита разбиваетъ предъ нею кокосовый орѣхъ. Степень будущаго супружескаго счастія новобрачныхъ узнается по количеству осколковъ, на которые разлетается скорлупа. Тоже соблюдается и у судровъ (IV каста).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Обязанности брамина второй степени: грагасты. Права и обязанности жены. Падма-пурана. Дѣтоубійство. Обрядъ усыновленія. Вдовство. Трауръ. Видува. Мунда. Снятіе тали.

Грагастою называютъ женатаго, преимущественно семейнаго брамина. Грагасты въ одѣяніи не имѣютъ особенныхъ отличій отъ первыхъ чиновъ касты. Они, какъ и прочіе, носятъ ту же бѣлую рясу, тотъ же бѣлый плащъ, четки, длинный посохъ и снурокъ чрезъ лѣвое плечо. Они, подобно браминамъ первой степени, брѣютъ усы, бороду и голову, оставляя на темени длинную косицу. Обязанности, налагаемыя на грагасту уставами религіи, гораздо строже, а молитвы до того многочислены, что въ нихъ приходится ему проводить весь день, съ утра до ночи. Грагаста ежедневно обязанъ вставать до восхода солнца, послѣ омовенія, чистить зубы листьями или корой одного изъ двѣнадцати растеній и деревьевъ, указанныхъ закономъ. — Чистка зубовъ воспрещается ему въ 6, 8, 9, 11, 14 и послѣдній день луны, въ мангаладинамы (вторники), дни рожденія грагасты и дни смерти родителей. Послѣ чистки зубовъ, завязавъ три узелка на косицѣ, грагаста перечисляетъ тысячу именъ Вишну, затѣмъ его отца или матери, молится семи святымъ рѣкамъ (см. гл. VII стр. 58), пьетъ воду и дѣлаетъ возліянія въ честь боговъ. Послѣ возліяній, молитва къ солнцу, причемъ грагаста воздѣваетъ руки къ небу и кружится 12, 24 или 48 разъ, смотря по усердію. Затѣмъ поклоняется святому дереву ассуатѣ, обходя вокругъ него 7, 14, 21, 28, 32, и большее прогрессивное число разъ. По окончаніи этихъ утреннихъ молитвъ грагаста дѣлаетъ жертвоприношенія и молится стихіямъ. Въ честь воздуха онъ сжимаетъ правую ноздрю и 16 разъ произноситъ слово *джонъ*; въ честь огня, сжавъ обѣ ноздри, выговариваетъ слово *ронъ* 32 раза; столько же разъ слово *оум* въ честь воды; слово *лом* съ сильнымъ сопѣніемъ въ честь земли

и наконецъ, нѣсколько разъ слово *джомъ* въ честь всѣхъ стихій. Но дѣло этимъ не ограничивается. За молитвами стихіямъ слѣдуютъ молитвы богамъ, которымъ грагаста посвящаетъ себя, препоручая каждому божеству какую-нибудь часть своего грѣшнаго тѣла. Въ заключеніе грагаста долженъ обойти вокругъ сосѣдняго храма. Если онъ посвященъ Сивѣ три раза, Вишну—два, Вигнесуарѣ—одинъ разъ. Предъ послѣднимъ идоломъ, войдя разувшись въ храмъ, слѣдуетъ, кромѣ того, опуститься на корточки, скрестить руки на груди и, взявшись за уши, присѣсть три раза... По окончаніи всѣхъ этихъ душеспасительныхъ упражненій, употребивъ на нихъ все утро до полудня, грагаста отправляется обѣдать. Никто не смѣетъ быть его собесѣдникомъ. Садясь за столъ грагаста отъ каждаго кушанья удѣляетъ одну часть богамъ другую демонамъ. Послѣ обѣда—вечерния молитвы; предъ отходомъ ко сну мантрамы отъ уязвленія змѣй и ядовитыхъ насѣкомыхъ. Взявъ въ руки стебель травы дарбы, грагаста долженъ призвать Сиву къ себѣ на лобъ, Вишну—на грудь, Браму — на пупокъ, нѣсколько разъ произнесши слово *оум*, щелкая пальцами (для отогнанія злаго духа), лечь въ постель лицомъ на востокъ и засыпая непремѣнно думать о Вишну. Кромѣ упомянутыхъ нами молитвъ есть еще утреннія, полуденныя и вечернія, называемыя *сандіями*. Погруженный такимъ образомъ въ бездну молитвъ и обрядовъ, можетъ ли грагаста заниматься хозяйствомъ и семьей?

Заботы о томъ и о другомъ возлагаются на жену, участь которой, въ Индіи, достойна сожалѣнія, какъ мы уже говорили. Помимо того, что умственныя способности женъ браминовъ не могутъ развиться подъ гнетомъ рабства, онѣ издревле чуждались и чуждаются всякаго образованія; изученіе грамоты считается позоромъ, грамотность въ Индіи удѣлъ публичныхъ женщинъ. Изъ всѣхъ изящныхъ искуствъ одна только музыка доступна женамъ и дочерямъ верховной браминской касты. Къ музыкѣ у тамошнихъ женщинъ вообще какая-то врожденная склонность—и чтобы онѣ ни дѣлали, какой бы работой ни занимались — заунывная пѣсня непремѣнная спутница работы. Для индуски мужъ—властитель, глава, божество. Она не имѣетъ права говорить съ нимъ, покуда онъ первый не удостоитъ ее вопросомъ; стоять къ нему спиною

(знакъ высшаго уваженія), на улицѣ идти сзади мужа. Поцѣловать жену при постороннихъ — верхъ неприличія, такъ же точно какъ постороннему спросить у мужа о здоровьи жены. Спросить у послѣдней о мужѣ—величайшая наглость. Жена обязана быть весела, если мужъ веселъ, грустить—если онъ печаленъ: на его обиды жена обязана отвѣчать лаской, въ случаѣ побоевъ должна цѣловать руку... Всѣ эти правила рабскихъ отношеній жены къ мужу подробно изложены въ священной книгѣ называемой ***Падма-пурана.*** Книга эта — индѣйскій ***Домострой.*** За исключеніемъ нѣсколькихъ, весьма дѣльныхъ гигіеническихъ наставленій, относящихся до омовенія въ извѣстныхъ случаяхъ и до беременныхъ (¹)", прочія по своему пошлому деспотизму во многомъ напоминають намъ знаменитый уставъ древняго славянскаго самодурства! Послѣ мужа, жена обязана особеннымъ уваженіемъ свекру-батюшкѣ и свекрови, которыя въ Индіи (замѣтимъ) большею частью такъ же *добры*, милы и внимательны къ невѣсткамъ, какъ въ простомъ быту у насъ, на святой Руси, т. е. между свекровью и невѣсткой что ни день, то и распря. У сектаторовъ Вишну, въ этомъ случаѣ, приняты весьма разумныя мѣры: тамъ свекровь съ невѣсткой, во избѣжаніе непріятностей, закономъ обязаны изъясняться другъ съ другомъ пантомимами. „Мѣра конечно прекрасная" шутливо замѣчаетъ при этомъ абатъ Дюбуа — „жаль только, что жены и матери браминовъ Вишну употребляютъ иной разъ до того ***выразительныя*** пантомимы, что ихъ приходится—разнимать!"

Неравенство лѣтъ при выдачѣ замужъ — тоже одинъ изъ многочисленныхъ источниковъ горя индусской женщины. Весьма часто дѣвушка, едва вышедшая изъ отроческихъ лѣтъ, дѣлается женою человѣка лѣтъ зрѣлыхъ. Несоразмѣрность возрастовъ, незамѣтная первые два-три года, имѣетъ весьма печальныя послѣдствія. Мужъ дряхлѣетъ въ ту пору, когда жена въ полномъ блескѣ молодости, а страсти ея въ полномъ разгарѣ. Неудивительно, что въ Индіи

(¹) Между прочимъ, чтобы беременная избѣгала грустныхъ, потрясающихъ впечатлѣній, не принимала участія въ похоронныхъ обрядахъ, не сообщалась съ недавно овдовѣвшими или потерявшими дѣтей пріятельницами и т. п.

безотрадная жизнь замужней женщины нерѣдко доводитъ ее до самоубійства. Налагая на себя руки, индусы, особенно женщины, твердо убѣждены, что кровь ихъ падетъ на голову того, кто довелъ ихъ до отчаянія.

Мы говорили, что права матери у индусовъ обширны и неприкосновенны —прибавимъ къ этому: да, если только нелѣпый предразсудокъ не заставитъ окружающихъ женщину умертвить ея дитя чуть не въ первую минуту его появленія на свѣтъ. Въ древности дѣтоубійство закономъ разрѣшалось, и нынѣ разрѣшается въ двухъ случаяхъ: 1) если новорожденный не беретъ груди матери; 2) если онъ родится подъ несчастной звѣздою. То и другое предвѣщаетъ въ младенцѣ будущаго злодѣя, проклятаго богами отверженца: въ обоихъ случаяхъ его топятъ въ рѣкѣ или удавляютъ.

Съ неплодною женой браминъ можетъ развестись; въ случаѣ же смерти сыновей, ему, за неимѣніемъ наслѣдниковъ, разрѣшается усыновить чужое дитя. Дѣлается это за тѣмъ, чтобы было кому изъ ближайшихъ родныхъ присутствовать при сожженіи или погребеніи брамина. Душа усопшаго лишается вѣчнаго блаженства, если на его похоронахъ нѣтъ сына роднаго или нареченнаго. Если никто изъ родныхъ не отдаетъ сына бездѣтному брамину, онъ беретъ его изъ чужой семьи. Усыновленный долженъ отречься отъ родныхъ отца и матери: имя его усыновляющій приписываетъ къ своей родословной грамотѣ. Само собою, что усыновленіе не обходится безъ обрядовъ, до которыхъ индусы такіе страстные охотники.

Выбираютъ по указанію пурогиты счастливый день, ставятъ неизбѣжный пандель, приносятъ жертвы Вигнессуарѣ и планетамъ. Усыновляющіе, браминъ и жена его, становятся на насыпь подъ панделемъ и даютъ родной матери усыновляемаго новое платье и сто или полтораста серебряныхъ монетъ. Это ей плата за кормленье грудью. Она, взявъ младенца на руки, спрашиваетъ громкимъ голосомъ: берете ли вы младенца ***на воспитаніе?*** Ей отвѣчаютъ утвердительно. Слова: „на воспитаніе" говорятся въ знакъ того, что ребенка покупаютъ не какъ раба. Затѣмъ приносятъ блюдо съ шафраннымъ отваромъ, надъ которомъ пурогита читаетъ молитвы. Мать взявъ блюдо подаетъ его усыновляющему и призывая, въ свидѣтели огонь, трижды говоритъ: „отдаю вамъ это дитя и отъ правъ

моихъ на него отступаюсь!» а усыновляющій, взявъ ребенка къ себѣ на колѣни и призывая въ свидѣтели огонь, отвѣчаетъ: „беру ребенка и клянусь водою, которую выпью, что буду воспитывать его какъ роднаго сына". Затѣмъ онъ и жена его пьютъ шафранный отваръ, даютъ его ребенку и, обращаясь къ матери, произносятъ: „Дитя принято въ нашъ родъ (*готрамъ*) и утверждается въ немъ"... Снурокъ надѣтый на пріемыша при нареченіи ему имени снимаютъ и надѣваютъ новый.

Такихъ пріемышей называютъ ***сыновьями шафранной воды***, и въ прозвищѣ этомъ нѣтъ ничего позорнаго. Въ кастѣ судровъ, при обрядѣ, шафранною водою поливаютъ ноги пріемышу и воду эту пьютъ. Иногда дѣло обходится безъ всякихъ церемоній и всѣ обряды ограничиваются обоюдными клятвами водами Ганга или огнемъ. Младенцевъ женскаго пола почти никогда не усыновляютъ.

За весьма рѣдкими исключеніями, участь замужней женщины въ Индіи не завидна и смерть при жизни мужа — самая счастливая развязка ея жизненной драмы. Вдова семейная, *видува*, еще пользуется кой-какими правами; ей есть отрада, хоть въ любви къ дѣтямъ, утѣха въ ихъ уваженіи (если только...), но жизнь вдовы бездѣтной (*мунды*), какъ мы уже говорили—самая несчастная. Мунда обязана жить отшельницей, ни съ кѣмъ не сообщаться, не бывать на праздникахъ, самая встрѣча съ нею предвѣщаетъ бѣду. До могилы она должна брить голову разъ въ мѣсяцъ, одѣваться въ траурное (бѣлое) платье, тѣла шафраномъ не красить, лобныхъ знаковъ не наводить (¹) Самое ея названіе *мунди* (бритая голова) бранное слово.

Посмотримъ, какими обрядами сопровождается у индусовъ печальный переходъ женщины изъ супружескаго рабства въ презираемое всѣми вдовство.

Лишь только мужъ испустилъ послѣдній вздохъ, жена обязана разодѣться въ лучшія свои платья и съ воплями бросаться на тѣло усопшаго, покуда родные ее не оттащутъ. Тогда вдовѣ слѣдуетъ рвать на себѣ волосы, бить себя въ грудь, царапать до крови лице, выть, кататься по землѣ, а потомъ голосить и причитывать, обращаясь къ покойнику: „на кого же ты меня покинулъ? я ли тебя не лелѣяла, я ли не берегла, я ли тебѣ не угождала?" и т. д. Присутствующія при этомъ женщины подтягиваютъ хоромъ, и вой раздается по всему дому. Вдова, во время причитыванья, можетъ роптать на боговъ, даже выбранить ихъ— послѣднее даже служитъ знакомъ искренности скорби и знаніемъ приличія. У богачей къ вою родственницъ присоединяются еще и наемныя плакальщицы; эти воютъ другія пѣсни. „Съ чего же это тебѣ вздумалось умирать", повторяютъ онѣ умершему, „или у тебя жена не красавица? Или въ домѣ твоемъ чего не хватало; или не было нарядныхъ одеждъ, денегъ, рису, молока и всего, всего вдоволь?.." И долгія исчисленія всѣхъ благъ земныхъ, покинутыхъ умершимъ, заключаются словами: „глупѣе этого ты ничего не могъ выдумать!.." Эти рапсодіи продолжаются и по унесеніи мертвеца на костеръ, ибо женщины, по закону, не смѣютъ принимать участія въ похоронномъ обрядѣ. На десятый день вдова, снявъ свой *тагли*, складываетъ его вмѣстѣ съ нарядами и всякими украшеніями на насыпь, которую дѣлаютъ на мѣстѣ сожженія покойнаго мужа; ко вдовѣ же бездѣтной, на десятый день приходятъ всѣ ея родственницы и пріятельницы. Послѣ поминальнаго обѣда, онѣ хоромъ воютъ, выражая сожалѣніе, плачутъ, обнимая вдову — а потомъ, бросаются на нее и опрокидываютъ на землю. Полежавъ нѣсколько времени, вдова садится на скамью; ближайшая родственница перестригаетъ на ней священное ожерелье, тагли, пришедшій цирульникъ брѣетъ ей голову и послѣ омовенія вдова, съ этой минуты —*мунди*, облекается въ траурныя одежды и не снимаетъ ихъ до самой смерти.

(¹) Все это обязательно и для семейныхъ вдовъ. Головы не брѣютъ только вдовы судровъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Сутти или шутти — самосожиганіе вдовъ. Области, въ которыхъ сутти особенно соблюдается. Обрядъ. Памятники сожженнымъ. Три рода погребенія. Покойники, не подлежащіе погребенію. Гнусный обычай вырыванія труповъ изъ могилъ.

Въ упомянутой нами книгѣ *Падма-пурана* сказано: „добрая жена не переживаетъ своего мужа; она слѣдуетъ за нимъ на костеръ, если желаетъ тѣмъ пріобрѣсть вѣчную славу на землѣ и блаженство на небесахъ.“ Ясно, что самосожиганіе вдовъ не обязательно, а предоставляется закономъ только тѣмъ изъ нихъ, которыя добровольно отваживаются на этотъ подвигъ изувѣрства. Въ глубочайшей древности жена какого-то раджи, страстно его любившая, въ порывѣ отчаянія бросилась на его костеръ. Индусы, признавъ ее святою, указывали на нее какъ на образецъ доброй жены; примѣръ ея нашелъ подражательницъ, и съ теченіемъ времени самосожиганіе вошло въ обыкновеніе, сохранившееся и нынѣ. Такъ какъ имущество бездѣтной вдовы-самосожигательницы поступаетъ въ собственность сосѣдняго храма, то понятно, какъ выгодно браминамъ поддерживать варварскій обычай. Обольстительные ихъ разсказы о блаженствѣ, ожидающемъ самоубійцу въ вѣчности, послѣ ея добровольной мучительной смерти; увѣренія, что земной огонь избавляетъ отъ адскаго пламени — нерѣдко вымогали и вымогаютъ у несчасныхъ вдовъ согласіе на самоубійство, особенно въ первыя минуты горя. Согласіе же, разъ выраженное — неотмѣнимо: оно равносильно клятвѣ или присягѣ. Очень можетъ быть, что законъ у индусовъ именно за тѣмъ и обрекаетъ безсемейныхъ вдовъ на жалкое существованіе отверженицъ, чтобы побудить ихъ на самоубійство въ виду безотраднаго будущаго. Впрочемъ, обычай самосожиганія существуетъ въ Индіи не повсемѣстно. Въ англійскихъ владѣніяхъ его стараются по возможности искоренять, а если же изрѣдка допускаютъ, то въ такомъ только случаѣ, если сама вдова твердо рѣшилась

на самосожженіе и всѣ убѣжденія отговорить ее — тщетны (¹). Обычай сутти особенно распространенъ на сѣверѣ Индіи, на Малабарскомъ берегу, въ Агрѣ, въ Нипалѣ, у горныхъ племенъ Парабаттіевъ, въ Газеипурѣ, въ главномъ городѣ области Аллагабадской, въ Бенгалѣ, Ориссѣ, Гузератѣ и Деканѣ. Въ каждой мѣстности особыя церемоніи. Въ Бенгалѣ вдову привязываютъ къ трупу, и обоихъ прикрываютъ вязанками сухаго бамбука; въ Ориссѣ вдова бросается въ яму, въ которой пылаетъ костеръ; въ Деканѣ она должна сидѣть на кострѣ, положивъ голову покойника себѣ на колѣни. Въ Гузератѣ вдову, идущую на костеръ, обыкновенно напаиваютъ опіумомъ или крѣпкимъ отваромъ шафрану, чѣмъ нѣсколько притупляютъ чувствительность, а главное — лишаютъ жертву возможности бѣжать съ костра, изъ адскаго пламени, въ который ввергаютъ несчастную за-живо. — У сектаторовъ Сивы вдовы не сожигаются, но даютъ себя за-живо зарывать въ могилу мужей.

Слѣдующій разсказъ всего лучше ознакомитъ читателей съ варварскимъ обычаемъ сутти и сопровождающими его обрядами:

Въ 1801 году умеръ въ Танджаурѣ послѣдній тамошній раджа, оставивъ послѣ себя несмѣтныя сокровища и четырехъ законныхъ женъ. Двѣ изъ нихъ, будучи бездѣтны, выразили желаніе подвергнуться сутти, объявивъ при этомъ, что считаютъ смерть на кострѣ за особенное счастье. Пользуясь этой фанатической восторженностью, брамины въ одинъ день уладили все нужное для погребальнаго обряда. Верстахъ въ пяти отъ города вырыли ровъ и сложили въ немъ костеръ изъ сандаловаго дерева, съ платформою прикрытой навѣсомъ на четырехъ столбахъ. По четыремъ угламъ костра поставили большіе мѣдные сосуды съ растопленнымъ коровьимъ масломъ и самый костеръ, для успѣшнѣйшаго воспламененія осыпали селитрой, камфорой и разными смолами. Въ полдень шествіе изъ города тронулось. Его открывалъ отрядъ воиновъ въ полномъ вооруженіи, за ними слѣдовали: трубачи, трупъ раджи, несомый на открытомъ па-

(¹) Такъ, весною 1868 года, въ газетахъ было напечатано о случаѣ сутти въ одномъ изъ городовъ въ англійской Индіи. Въ Бомбаѣ однако же, ежегодно, среднимъ числомъ случается до 35 самосожиганій.

ланкинѣ, сопровождаемый гуру (духовникомъ) покойнаго и толпой браминовъ. Всѣ они, въ знакъ траура, шли съ открытыми головами и безъ лобныхъ знаковъ. За покойникомъ несли на двухъ паланкинахъ несчастныхъ вдовъ еще молодыхъ, красивыхъ собою, одѣтыхъ въ лучшія платья, украшенныхъ золотыми браслетами, ожерельями и всякими драгоцѣнностями. Окруженныя толпою прислужницъ, жертвы довольно спокойно разговаривали съ ними, даже улыбались имъ — будто позабывъ, что каждый шагъ носильщиковъ приближаетъ ихъ къ мучительнѣйшей смерти. Родственники раджи и женъ его, свита и десятки тысячъ народа замыкали шествіе... Съ глухимъ рокотомъ и говоромъ этихъ живыхъ волнъ сливался мрачный ревъ трубъ и рѣзкіе возгласы браминовъ, читавшихъ мантрамы...

Такъ процесія приблизилась къ роковому костру. Трупъ съ молитвами положили на платформу; вдовы, сопровождаемыя браминами, пошли къ протекавшей по близости рѣкѣ, для узаконеннаго предсмертнаго омовенія. Не снимая ни одеждъ, ни украшеній онѣ троекратно погрузились въ воду, и выйдя на берегъ пошли къ костру. До восшествія на него, вдова обязана три раза обойти вокругъ... При совершеніи вдовами этого послѣдняго обряда, замѣтно было, по шаткости походки и дикимъ, блуждающимъ взглядамъ жертвъ, что недавняя твердость ихъ смѣнилась ужасомъ, что для нихъ, здоровыхъ, уже наступила предсмертная истома. Взойдя на платформу костра, онѣ легли по обѣимъ сторонамъ трупа, обнявъ его и взявъ за руки. Брамины, читая мантрамы кропили костеръ освященной водою (*тиртамъ*); потомъ, изъ мѣдныхъ сосудовъ, стоявшихъ по угламъ костра, вылили на него масло. Ближайшій родственникъ покойнаго поджегъ первый уголъ, его гуру—второй; двое старшихъ браминовъ одновременно съ ними—третій и четвертый. Въ одинъ мигъ пламя охватило костеръ, навѣсъ надъ платформою рухнулъ, огненные вихри закружились въ клубахъ удушливаго дыму!..

Въ эту минуту брамины должны были три раза окликнуть сожигаемую по имени. Сохранилось преданіе, что когда произнесли имена бывшихъ на кострѣ вдовъ раджи—онѣ, изъ своей огненной могилы, громко и внятно отвѣчали:

— ***Йенъ?!*** (что?)

Трое сутокъ пылалъ костеръ, окруженный дежурными браминами. На четвертыя сутки въ грудахъ золы, угля и потухшихъ головней нашли нѣсколько обугливающихся косточекъ. Часть ихъ положили въ мѣдныя урны и запечатали ихъ царскою печатью. Тридцать браминовъ, съ подобающей церемоніей, отнесли эти урны въ Бенаресъ (Касси) и кинули ихъ въ священныя воды Ганга. Другую часть отрытыхъ изъ золы костей, истолкли въ порошокъ, смѣшали съ рисомъ и двѣнадцать браминовъ съѣли эту смѣсь, для того, чтобы „принять на свои души всѣ грѣхи покойнаго раджи и обѣихъ его вдовъ.“ Вмѣстѣ съ костями найдено на мѣстѣ пожарища нѣсколько слитковъ золота—отъ сплавившихся украшеній, бывшихъ на несчастныхъ жертвахъ. Слитки эти поступили въ пользу браминовъ, которымъ сверхъ того роздано 25,000 рупій (15625 р. с.), а каждому изъ двѣнадцати, которые съѣли кости сгорѣвшихъ, раджа построилъ на свой счетъ домъ и подарилъ въ вѣчное владѣніе. На мѣстѣ костра соорудили высокую башню съ куполомъ, куда съ тѣхъ поръ стекаются ежегодно тысячи поклонниковъ. Въ 1802 году, брамины распустили слухъ о множествѣ чудесъ (разумѣется мнимыхъ), совершающихся надъ молящимися у круглой башни. Погибшія на кострѣ вдовы единогласно признаны святыми...

Разсудокъ отказыватся примирить подобныя звѣрства, допускаемыя браманизмомъ, съ кротостью, лежащей въ основаніи его законовъ, съ проповѣдуемыми имъ любовью и жалостливостью къ животнымъ.

Всѣ мѣста въ Индіи, ознаменованныя сожженіемъ вдовъ на кострахъ мужей—означены памятниками въ видѣ пирамидъ, столбовъ—или просто грудами камней и почитаются священными. Кромѣ того, во многихъ городскихъ храмахъ, въ честь вдовъ-самосожигательницъ ставятъ памятники, состоящіе изъ каменныхъ плитъ, на которыхъ выдолблены четыре слѣда человѣческихъ ногъ—двухъ большихъ и двухъ малыхъ. Малые слѣдки означаютъ вдову *послѣдовавшую* къ вѣчность за усопшимъ мужемъ. Замѣчательнѣйшій изъ подобныхъ памятниковъ находится во дворѣ цитадели города Агры.

Теперь, нѣсколько словъ о способахъ погребенія вообще, принятыхъ въ Индіи.

Тремъ стихіямъ (олицетворяющимъ трехъ боговъ: Браму, Вишну

и Сиву) индусы отдаютъ трупы своихъ усопшихъ—или 1) зарывая ихъ въ землю, или 2) бросая ихъ въ священныя рѣки—или наконецъ, 3) сожигая на кострѣ. Выборъ зависитъ отъ уставовъ того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежалъ покойный: сиваисты (хотя символъ Сивы огонь) зарываютъ своихъ мертвецовъ въ землю, вишнувисты (согласно символу Вишну) бросаютъ въ воду, брамины сожигаютъ. Этотъ уставъ послѣдняго вѣроисповѣданія—опять доказательство разума и предусмотрительности древнихъ законодателей и сочинителей Ведъ и Пуранъ. Разложеніе труповъ зарываемыхъ въ землю, при климатическихъ условіяхъ Индіи, можетъ быть причиною ужасныхъ эпидемій; кромѣ того, мѣсто погребенія, будучи свято и неприкосновенно, не можетъ служить ни пастбищемъ, ни нивой—и дѣлается такимъ образомъ (безъ всякаго каламбура) *мертвымъ* капиталомъ ([1]). Индусскій законъ воспрещаетъ предавать погребенію, повелѣваетъ бросать на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ: умершихъ отъ ранъ, отъ оспы, скарлатины, отъ всякихъ острыхъ сыпей; трупы женщинъ умершихъ въ родахъ, людей бѣлокурыхъ (какрелаковъ или альбиносовъ) и, наконецъ, растерзанныхъ тиграми. Въ память послѣднихъ можно ставить на распутіяхъ памятники изъ пирамидально сложенныхъ камней. Въ случаѣ погребенія трупа изъ категоріи упомянутыхъ отверженцевъ—боги (по увѣренію браминовъ) наказываютъ всю область засухой и неурожаемъ. Вслѣдствіе этого, укоренившагося съ древнѣйшихъ временъ предразсудка, въ Индіи существуетъ обыкновеніе во время засухи вырывать изъ могилъ всѣ тѣла недавно схороненныхъ. Индусы убѣждены, что это вѣрнѣйшій и единственный способъ умилостивить боговъ и побудить ихъ къ ниспосланію плодотворныхъ дождей и подашію урожаевъ.

Какимъ путемъ и когда гнусный, возмутительный обычай язычества могъ попасть на святую нашу Русь—разрѣшить этотъ мудреный вопросъ предоставляемъ другимъ—но здѣсь, не можемъ не

([1]) Вопросъ о сожженіи усопшихъ, по совершеніи надъ ними священныхъ обрядовъ церкви—былъ поднятъ и во Франціи нѣсколько лѣтъ тому назадъ однимъ докторомъ—но остался безъ отвѣта.

напомнить читателю, что во время засухи прошлаго 1868 года, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ были случаи святотатственнаго вырыванія покойниковъ изъ могилъ—именно съ цѣлію прекратить этимъ бездождіе ([1]).

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Погребеніе у браминовъ. Мистическія средства къ возвращенію здоровья умирающимъ. Убіеніе трудно-умирающихъ. Сарва-прайятшитта. Годана. Десять даровъ. Похороны. Сожженіе. Кормленіе воронъ. Купель смерти. Десятидневныя посѣщенія душою усопшаго мѣстъ его кончины. Десятый день. Снятіе тали вдовою. Освобожденіе быка. Поминовенія. Трауръ. Погребеніе женщинъ. Погребальные обряды прочихъ кастъ. Примѣты. Погребеніе животныхъ. Условія переселенія душъ.

Религія встрѣчаетъ человѣка при появленіи его на свѣтъ, ея обряды сопровождаютъ человѣка во всѣхъ возрастахъ—и та же религія напутствуетъ его въ таинственную область жизни будущей. Въ погребальныхъ обрядахъ индусовъ (какъ и всѣхъ вообще народовъ), во всей полнотѣ высказываются основные догматы ихъ религіи. Важность предмета обязуетъ насъ поговорить о немъ съ возможной полнотой и мельчайшими подробностями.

По истощеніи всѣхъ врачебныхъ средствъ надъ больнымъ браминомъ, окружающіе его прибѣгаютъ къ помощи боговъ. Больнаго выносятъ на свѣжій воздухъ и, посадивъ на корову лицомъ къ хвосту, ожидаютъ, когда она начнетъ мочиться; тогда больнаго на-

([1]) Желающіе провѣрить наши слова благоволятъ пересмотрѣть №№ Голоса и С. П.-бургскихъ Вѣдомостей за іюль и августъ мѣсяцы 1868 года.

клоняютъ такъ, чтобы полной струей ему обдавало лице, даже чтобы нѣсколько капель изверженія попало ему въ ротъ. Другое инстическое средство къ возвращенію здоровья умирающему заключается въ растеніи *тулоши*, посвященномъ супругѣ Вишну. Корень этой травы кладутъ въ ротъ больному, три раза тройко произнося названіе травы; лице, уши и грудь покрываютъ ея листьями и все тѣло поливаютъ водою, въ которую погружали траву.

Въ нѣкоторыхъ сектахъ, при продолжительной агоніи больнаго, его выносятъ изъ дому и, положивъ на берегу рѣки подъ самый прибой волны — оставляютъ тамъ на волю боговъ. Этотъ способъ избавленія умирающаго отъ лишнихъ страданій, а себя отъ хлопотъ — оказывается всегда дѣйствительнѣе коровьей мочи и чудесной травы тулоши. Либо умирающій лежа на берегу захлебывается, либо его утаскиваютъ крокодилы, либо, наконецъ, растерзываютъ звѣри. Въ кастѣ браминовъ, замѣтимъ, подобныя варварства не допускаются.

Видя приближеніе смертнаго часа, окружающіе больнаго, снявъ его съ постели, кладутъ на землю, покрытую слоемъ коровьяго помета, травы дарбы и кускомъ полотна. Опоясавъ затѣмъ больнаго другимъ кускомъ полотна, приступаютъ съ его согласія къ обряду полнаго отпущенія грѣховъ (*сарва прайятшита*), при которомъ присутствуютъ пурогита и ближайшій родственникъ умирающаго, онъ же и начальникъ предстоящихъ похоронъ. Приносятъ двѣ мѣдныя блюда. На одномъ золотыя, мѣдныя и серебряныя монеты, на другомъ акшатасъ, сандаловыя опилки и пантшагавія (напитокъ очищенія). Нѣсколько капель послѣдняго пурогита вливаетъ въ ротъ умирающаго, который обязанъ въ это время, если не вслухъ, то хотя мысленно читать мантрамы. Послѣ того, къ одру умирающаго приводятъ корову съ теленкомъ. На рогахъ ея навѣшаны золотыя и мѣдныя кольца, на шеѣ гирлянда изъ священной травы дарбы, на спину наброшена чистая, полотняная попона. Умирающій долженъ подержаться нѣсколько времени за хвостъ этой коровы, которую послѣ дарятъ пурогитѣ. Этотъ обрядъ называется *гадана*.

По ученію браминовъ, душа усопшаго, при появленіи своемъ въ загробномъ мірѣ, должна переплывать огненную рѣку. Душамъ тѣхъ, которые передъ смертію держались за хвостъ коровы, явится на противоположномъ берегу огненной рѣки огромная корова и, кинувъ имъ свой хвостъ, облегчитъ мучительную переправу. Такова цѣль обряда гаданы. Золотыя, серебряныя и мѣдныя деньги, принесенныя передъ этимъ на блюдѣ, раздаются браминамъ, которые будутъ присутствовать на похоронахъ. Количество денегъ должно непремѣнно соотвѣтствовать суммѣ стоимости коровы. Это условіе, не имѣя ни малѣйшаго отношенія къ уставамъ религіи, служитъ только доказательствомъ корыстолюбія индусскаго духовенства и его умѣнья извлекать выгоды изъ печальныхъ обстоятельствъ. На краю могилы, въ виду таинственной вѣчности, человѣкъ (если только гнусная скаредность при жизни не убила въ немъ чувствъ человѣческихъ) не погонится за покидаемыми имъ земными благами. Почему же браминамъ, при сей удобной оказіи, не вынудить у него щедрой благостыни обѣщаніями молитвъ объ успокоеніи его грѣшной души!?

Но заботы о ея спасеніи не ограничиваются подаркомъ коровы пурогитѣ, а суммы ея стоимости браминамъ. Умирающій богачъ обязанъ распорядиться раздачею, имъ же, еще *десяти даровъ* (дасса-дана). „Десять даровъ“ составляютъ: нѣсколько головъ домашней скотины, дарственная запись на участокъ земли, драгоцѣнности, деньги, извѣстное количество зерноваго хлѣба, соли, сахару, коровьяго масла, кунжутныхъ зеренъ и холста. Чѣмъ болѣе будетъ браминскихъ молитвъ о душѣ усопшаго — тѣмъ ей будетъ легче, а чѣмъ болѣе будетъ даровъ — тѣмъ болѣе будетъ и молитвъ. За тлѣнныя блага боги вознаградятъ дателя сокровищами нетлѣнными. Покончивъ всѣ свои земные расчеты — больной, наконецъ, умираетъ. Послѣдній вздохъ онъ долженъ испустить лежа на землѣ для того, чтобы по воскресеніи избавиться отъ лишней тяжести — ибо, по ученію браминовъ, люди воскресаютъ не только въ томъ самомъ видѣ и одѣяніи, въ какихъ покинули земную жизнь — но даже со всею обстановкою ихъ послѣдней минуты. Умершій на постелѣ на ней же воскресаетъ и на томъ свѣтѣ, и долженъ всю вѣчность носить ее на плечахъ.

Немедленно по кончинѣ больнаго — въ домѣ подымается вой всѣми чадами и домочадцами. Вдова разыгрываетъ описанную нами выше мелодраму, а сынъ, или ближайшій по закону родственникъ идетъ къ рѣкѣ, купается въ платьѣ, и по возвращеніи домой брѣетъ, въ

знакъ траура, голову, усы и брови. Послѣ бритья еще купанье. Затѣмъ приготовивъ напитокъ очищенія. дарбу, рисъ, пряности— надѣваетъ на средній палецъ правой руки священный повитрамъ (Гл. VI стр. 46) совершаетъ сан-кальпу, гомамъ и молится объ упокоеніи души усопшаго. Мертвеца обмываютъ, цирюльникъ бреетъ ему голову и прочія части тѣла: по вторичномъ омовеніи женщины окрашиваютъ весь трупъ сандаломъ и акшаттасомъ, на шею надѣваютъ цвѣточныя гирлянды, набиваютъ ротъ бетелемъ и, одѣвъ въ лучшія платья, кладутъ на парадную постель. на которой мертвецъ и остается во все время приготовленій къ похоронамъ. Предъ выносомъ тѣла на костеръ, его завертываютъ въ кусокъ чистаго полотна. Отъ этого куска сынъ отрываетъ длинную полосу, завертываетъ въ нее пластинку желѣза, намазанную кунжутнымъ масломъ, и сплетя изъ этой полосы тройной снурокъ, долженъ беречь его двѣнадцать дней для послѣдующихъ обрядовъ.

На двѣ длинныя жерди привязываютъ соломенными жгутами семь деревянныхъ треугольниковъ и на нихъ кладутъ покойника для несенія на костеръ, связавъ ему передъ этимъ большіе пальцы рукъ и ногъ, и завернувъ все его тѣло въ саванъ, мѣстами перевязанный соломенными жгутами. Лице мертвеца, если онъ былъ женатъ, должно быть открыто. Шествіе открываетъ сынъ (онъ же и распорядитель похоронъ) съ горящей жаровнею въ рукахъ, за нимъ слѣдуютъ родственники съ открытыми головами, а уже въ заключеніе носилки, несомыя и окруженныя браминами. Дорогою дѣлаютъ три остановки, минутъ по пяти, и при каждой кладутъ въ ротъ покойнику пежного рису,—смоченнаго водою. Цѣль этихъ остановокъ—предосторожность на случай мнимой смерти и удостовѣреніе въ дѣйствительной.

По прибытіи на мѣсто, гдѣ должно совершиться сожженіе, роютъ могилу, сажени въ полторы длины и аршина два ширины, при безпрестанномъ чтеніи мантрамовъ, кропленіи святой водою, а по вырытіи бросаютъ на дно нѣсколько золотыхъ или серебряныхъ монетъ. Въ этой могилѣ складываютъ костеръ на него трупъ, положивъ на желудокъ послѣднему кружокъ кизяка (засохшаго коровьяго помета). зажигаютъ его и на этомъ огнѣ совершаютъ жертвоприношеніе планетамъ (гомамъ)... Наступаетъ затѣмъ отвратитель-

нѣйшая церемонія. Распеленавъ покойника сынъ его надъ каждымъ отверстіемъ его тѣла шепчетъ мантрамъ и вливаетъ въ него растительное масло: въ ротъ сынъ кладетъ золотую монету, а каждый присутствующій щепотку рису.

Саванъ и всѣ украшенія съ мертвеца снимаютъ ближайшіе родственники и, прикрывъ его щепками, поливаютъ напиткомъ очищенія. Сынъ, неся на плечѣ глиняный горшокъ со святой водой и кропя умершаго, три раза обходитъ вокругъ костра. На третій разъ, остановясь у изголовья покойника, сынъ разбиваетъ горшокъ въ дребезги. Пурогита, послѣ этого, подаетъ ему зажженый факелъ. Приличіе требуетъ. чтобы сынъ упалъ тогда на землю, билъ себя въ грудь, вылъ и причитывалъ; примѣру его слѣдуютъ и всѣ присутствующіе. Исполнивъ это, онъ поджигаетъ костеръ съ четырехъ угловъ; въ эту минуту и самъ онъ, и всѣ присутствующіе должны удалиться, за исключеніемъ четырехъ браминовъ-носильщиковъ, которые остаются у костра до тѣхъ поръ, покуда отъ него не останется золы и углей. Отъ костра сынъ идетъ на рѣку, гдѣ одѣтый погружается трижды въ воду. Выйдя на берегъ онъ выбираетъ на землѣ чистое мѣсто, разводитъ огонь и варитъ въ глиняномъ горшкѣ рисъ и горохъ, будучи при этомъ обязанъ непрестанно думать и молиться о покойномъ. Сваренные рисъ и горохъ сынъ покойнаго мѣситъ на землѣ, подливая масло и воду сквозь пучекъ травы дарбы и изъ этого тѣста скатываетъ шаръ. Послѣ троекратныхъ возліяній въ честь боговъ и чтенія мантрамовъ, онъ бросаетъ шаръ воронамъ, которыхъ въ Индіи множество. Эти птицы, по тамошнему повѣрью—олицетвореніе демона. Наслѣдникъ покойнаго, бросая имъ кушанье, тѣмъ какъ бы снискиваетъ у нихъ снисхожденіе къ усопшему. Если бы случилось, что вороны не клюютъ брошеннаго имъ рису—это служитъ знакомъ, что душа сожженнаго попала въ адъ. откуда уже не извлекутъ ея ни молитвы, ни мантрамы. Накормивъ воронъ, сынъ возвращается домой, гдѣ ожидаютъ его родственники и гдѣ онъ самъ дожидается возвращенія браминовъ, оставшихся у костра.

Брамины, принеся ему извѣстіе о сожженіи тѣла, трижды обходятъ вокругъ присутствующихъ, прося наслѣдника отпустить ихъ на омовеніе въ святыхъ водахъ Ганга. Наслѣдникъ и имъ, и всѣмъ

присутствующимъ предлагаетъ идти въ *купель смерти* (мритика-снапа), т. е. выкупаться ради блага покойному, ибо ему на кострѣ было жарко, а это купанье освѣжитъ его. Раздавъ бетель, деньги и десять даровъ участвовавшимъ въ печальной церемоніи, наслѣдникъ прощается съ ними, и по предварительномъ омовеніи ногъ, всѣ расходятся.

Проводивъ гостей, сынъ беретъ пять глиняныхъ горшковъ и въ каждый изъ нихъ сѣетъ: рисъ, пшено, кунжутъ, просо и пять различныхъ сортовъ гороху, поливъ ихъ святою водою. Горшки эти остаются въ комнатѣ усопшаго и, какъ увидимъ, употребляются въ поминальныхъ обрядахъ. Кромѣ этихъ горшковъ, на самомъ мѣстѣ кончины покойнаго сынъ обязанъ поставить чашу съ водою, горсть рису (то и другое ежедневно смѣнять), а надъ чашей съ потолка спустить длинную нитку. По этой ниткѣ, въ теченіе десяти дней спускается *пранамъ*—духъ жизни покойнаго, вспоминаетъ былое, пьетъ воду, омывается въ ней, закусываетъ и возвращается въ таинственныя, замогильныя области.

На другой день сожженія трупа, сынъ или наслѣдникъ покойнаго съ родными и знакомыми идетъ на то мѣсто, гдѣ былъ костеръ. Повтореніе обрядовъ совершавшихся наканунѣ, опять кормленіе воронъ, послѣ чего сынъ кладетъ на землю свитую изъ обрывка пелены полосу, въ которую завернуто желѣзо. Брамины по погруженіи въ купель смерти уходятъ и только одинъ изъ нихъ остается съ наслѣдникомъ. Послѣдній даетъ ему двѣ мѣры рису, гороху, овощей и кусокъ холста, прося одѣться въ него вмѣсто покойнаго. Помолясь, оба возвращаются домой. На третій день ставятъ пандель на дворѣ дома покойнаго и подъ нимъ варятъ семь сортовъ гороху и овощи. По свареніи ихъ завертываютъ въ холстъ. Сынъ сопровождаемый родными опять отправляется на мѣсто сожженія, взявъ съ собою пять сосудовъ пантша-гавіи (напитка очищенія), мѣру рису, гороху, овощей, акшаттасъ, сандаловыя опилки. три куска полотна окрашеннаго шафраномъ, мѣру муки, бетель, кунжутъ, подарки для раздачи браминамъ и палочку, аршина въ полтора длиною. По прибытіи на мѣсто всѣ совершаютъ омовенія, а сынъ, надѣвъ павитрамъ, читаетъ сан-кальпу, поливаетъ святой водой и молокомъ золу, оставшуюся отъ сожженія. Потомъ, сѣвъ на

корточки, лицемъ на западъ, роется палочкою въ золѣ, отрывая уцѣлѣвшія отъ огня кости и складывая ихъ въ новый глиняный горшокъ при непрерывномъ чтеніи мантрамовъ. Одну часть золы и костей бросаютъ въ воду, а изъ другой вылѣпляютъ небольшую куклу, приносятъ ей жертвы, поливаютъ пантша-гавіей и затѣмъ, сложивъ въ горшокъ, бросаютъ въ воду.

На мѣстѣ костра дѣлаютъ насыпь и кладутъ на нее три камня. Средній называется именемъ покойнаго, верхній, положенный на югъ—богомъ мрака и смерти, Ямою; нижній—Рудрою. Громко произнеся эти три имени, сынъ натираетъ эти камни кунжутнымъ масломъ, ополаскиваетъ въ водѣ и завертываетъ каждый отдѣльно въ принесенные куски полотна. Послѣ того, положивъ ихъ въ прежнемъ порядкѣ на могильную насыпь, читаетъ имъ молитвы, дѣлаетъ приношенія бетеля, акшаттаса, рису и возліянія воды и масла. Брамины, обступивъ сына, поочередно обнимаютъ его и плачутъ; онъ одѣляетъ ихъ подарками. Взявъ камни ихъ варятъ на берегу рѣки съ рисомъ и горохомъ; тѣмъ и другимъ кормятъ воронъ. Взявъ съ собою камни и горшокъ, въ которомъ варилось воронье кушанье, наслѣдникъ возвращается домой. Горшокъ и камни онъ обязанъ хранить десять дней; въ случаѣ, если разобьетъ одинъ или потеряетъ другой, обязанъ совершить описанную нами церемонію сызнова. Съ четвертаго по девятый день сынъ обязанъ совершить всѣ обряды третьяго дня. Цѣль ихъ—кормленіе и одѣваніе усопшаго, олицетворяемаго камнемъ; тѣмъ скорѣе (говорятъ брамины) душа усопшаго избавится отъ остатковъ земной своей оболочки и облачится въ новое и нетлѣнное одѣяніе.

На десятый день — пандель на дворѣ дома, омовеніе, варка рису, овощей съ тремя священными травами, печенье рисовыхъ лепешекъ и приготовленіе напитка *параманни* (медовая сыта съ пряностями). Всѣ эти кушанья и напитокъ раскладываются и ставятся на банановый листъ, на которомъ и относятся на мѣсто сожженія. Въ церемоніяхъ десятаго дня имѣютъ право участвовать и женщины. Вдова, совершивъ омовеніе передъ уходомъ изъ дому, краситъ глазныя вѣки сюрьмою, лобъ — киноварью, шею — сандаломъ, ноги отъ бедра до ступни—шафраномъ, одѣвается въ лучшія платья и украшается драгоцѣнностями. Въ волосы она вплё-

таетъ яркіе красные цвѣты, на шею надѣваетъ гирлянду изъ душистыхъ цвѣтовъ. Родственницы и пріятельницы нѣсколько разъ обнимаютъ ее и плачутъ вмѣстѣ съ нею. По знаку сына всѣ отправляются къ могильной насыпи; молитвы, мантрамы, приношенія; поливка трехъ камней жидкой кашицей изъ земли и святой воды. Женщины, окруживъ вдову, голосятъ и причитываютъ. Сынъ валяетъ на водѣ и маслѣ три катыша изъ рису, гороху и травы дарбы. По предложеніи камнямъ этихъ катышей бросаетъ ихъ воронамъ. Затѣмъ, сложивъ камни въ горшокъ, отправляется къ рѣкѣ (¹), читаетъ сан-кальпу, надѣваетъ павитрамъ, входитъ въ воду по горло и, ставъ лицомъ къ востоку, громко произноситъ:

„До сей минуты эти камни олицетворяли трупъ, пусть же теперь вѣчно-живая душа преобразится въ божество и перенесется въ обитель блаженства, гдѣ да и пребудетъ—покуда будетъ течь Гангъ, покуда не истлѣютъ эти камни!"

Произнеся эти слова, сынъ покойнаго бросаетъ въ воду черезъ голову и горшокъ, и камни. По выходѣ на берегъ совершаетъ сан-кальпу и раздаетъ подарки браминамъ. Брадобрѣй тутъ же брѣетъ голову и ему, и ближайшимъ родственникамъ. Тутъ же на берегу дѣлаютъ небольшую насыпь и кладутъ на нее комъ земли, назвавъ его именемъ покойнаго. Вдова со своими спутницами подходитъ къ этой насыпи, снимаетъ съ себя всѣ наряды и украшенія, смываетъ краски; въ заключеніе, снявъ священное *тагли* (см. гл. VIII), говоритъ: „Изъ любви къ покойному ничего не жалѣю!", и кладетъ тагли на насыпь. Пурогита освящаетъ воду, даетъ ее пить всѣмъ присутствующимъ и окропляетъ ихъ. Сынъ раздаетъ зерна арека, бетель и подарки. Вдова въ знакъ траура навсегда надѣваетъ бѣлую одежду.

По возвращеніи домой семья покойнаго, родные и знакомые, помолясь лампадѣ, теплящейся на мѣстѣ кончины (въ теченіе всѣхъ десяти дней) расходятся. Каждый предъ входомъ въ свой домъ,

(¹) Мѣсто для сожженія трупа выбираютъ всегда по близости рѣки или, по неимѣнію ея, озера или пруда.

обязанъ на порогѣ умыть себѣ ноги. Сынъ, оставшись одинъ въ комнатѣ покойнаго, дѣлаетъ пуджу (гл. VI стр. 45) пяти горшечкамъ, въ которые сажалъ зерна въ первый день, и затѣмъ бросаетъ ихъ въ воду. Въ обрядѣ садки зеренъ скрывается глубокая мысль. „Какъ изъ зерна выходитъ растеніе", говорятъ брамины, „такъ изъ тлѣннаго тѣла умершаго родится новая, нетлѣнная оболочка для души!"

На одиннадцатый день къ сыну являются 19 браминовъ и онъ угощаетъ ихъ по возможности щедро. Послѣ обѣда, наслѣдникъ беретъ двѣ корзины: въ одну кладетъ новый горшокъ съ двумя мѣрами рису, въ другую нѣсколько малыхъ горшковъ съ масломъ коровьимъ и кунжутнымъ, дарбою, цвѣтами, бетелемъ и проч. Съ этими корзинами сынъ и брамины идутъ на берегъ рѣки. Здѣсь онъ вырываетъ яму, освящаетъ ее и ставитъ горшки; обложивъ ихъ огнемъ съ четырехъ сторонъ, сыплетъ дарбу и поливаетъ все кунжутнымъ масломъ. Положивъ на банановый листъ вареный рисъ поливаетъ его коровьимъ масломъ, мѣситъ и скатываетъ изъ этого тѣста 32 катыша, которые бросаетъ въ огонь. При этомъ, молитъ боговъ, за приношеніе, дать душѣ усопшаго вѣчное блаженство. Одѣливъ браминовъ бетелемъ и подарками, сынъ совершаетъ омовеніе и приступаетъ къ обряду *освобожденія быка*.

Быкъ долженъ быть трехлѣтокъ и непремѣнно одноцвѣтный: бѣлой, черной или рыжей масти. Его купаютъ, пудрятъ сандаломъ и акшаттасомъ, украшаютъ цвѣточными гирляндами и выжигаютъ желѣзомъ на правомъ бедрѣ тавро съ изображеніемъ *сулы* (оружіе Сивы). Сынъ обращается къ Сивѣ съ молитвою: помиловать усопшаго ради освобожденія быка. Затѣмъ, приведеннаго быка пускаютъ на волю, или, что почитается за одно и тоже, дарятъ кому нибудь изъ браминовъ. Сынъ со своими 19 спутниками возвращается домой. Здѣсь они, всѣ въ одинъ рядъ, садятся на скамьи. Хозяинъ передъ каждымъ сыплетъ дарбу и раздаетъ ея стебли, произнося имя усопшаго; льетъ имъ на головы кунжутное масло, сыплетъ сандаловыя опилки и, подаривъ каждому по два куска полотна, опять угощаетъ закуской. Одновременно съ нею, сынъ бросаетъ воронамъ вареный рисъ и горохъ.

На двѣнадцатый день приходятъ восемь браминовъ; угостивъ

нихъ, сынъ раздаетъ имъ стебельки дарбы и одного изъ нихъ выбираетъ для изображенія покойнаго въ слѣдующей церемоніи:

Сынъ чертитъ на землѣ три четырсугольника, одинъ другаго меньше; каждый изъ нихъ покрываетъ слоемъ коровьяго позема, поливаетъ кунжутнымъ масломъ и посыпаетъ дарбой. Въ первый, самый меньшій четырехугольникъ становится браминъ, олицетворяющій покойнаго. Сынъ поливаетъ ему ноги масломъ, осыпаетъ ихъ дарбой и омываетъ водой. Во второй четыреугольникъ становятся двое браминовъ, въ третій остальные пятеро. Каждый подвергается тому же омовенію ногъ, какъ и первый браминъ. Когда всѣ они усядутся, сынъ подходитъ къ мнимому покойнику, льетъ ему немного коровьяго масла на руки и на голову, читая мантрамы; надѣваетъ ему въ уши серьги, на средній палецъ правой руки надѣваетъ золотое кольцо, даритъ ему кусокъ полотна, шерстяное одѣяло, мѣдный шимбу (сосудъ для питья), бетель, черныя четки (*рудракшасъ*) и пудритъ его сандаловыми опилками. Изъ остальныхъ браминовъ каждый получаетъ только холстъ, одѣяло и шимбу. За раздачей подарковъ слѣдуетъ обѣдъ, во время котораго сынъ скатываетъ четыре шара изъ рису, гороху, овощей, медовой сыты, кунжутнаго масла и съ молитвами раскладываетъ ихъ на землѣ. Первый шаръ посвящается покойному, второй его отцу, третій—дѣду, четвертый—прадѣду. Къ первому сынъ обращается со слѣдующей рѣчью: „До нынѣ ты былъ гнуснымъ трупомъ, теперь облекись въ божественное тѣло своихъ праотцевъ и блаженствуй съ ними въ *питра-локѣ* (жилищѣ святыхъ)!" Раздробивъ первый шаръ на трое, онъ каждую долю присоединяетъ къ тремъ цѣлымъ шарамъ. Полосу, оставленную отъ пелены покойнаго, сынъ раздираетъ на трое и, покрывъ шары, предъ каждымъ читаетъ мантрамы и дѣлаетъ возліянія. День заключается раздачей браминамъ подарковъ, а рисовыхъ катышей—коровамъ. Проводивъ гостей, сынъ мажетъ себѣ голову кунжутнымъ масломъ, купается, закутанный возвращается домой, гдѣ утѣшаетъ родныхъ и знакомыхъ. увѣряя ихъ, что теперь душа усопшаго въ обители вѣчнаго блаженства. Исполнивъ это красится сандаломъ, акшаттасомъ и одѣвается въ обыкновенное платье. Пурогита окропляетъ святой водою домъ и всѣхъ присутствующихъ.

На тринадцатый день торжественное жертвоприношеніе огню и планетамъ.

На 27-й день трое браминовъ олицетворяютъ покойнаго, его отца и дѣда, а вмѣстѣ съ тѣмъ боговъ Вассу-деву, Яму и Сурію. Сдѣлавъ имъ предложенія и возліянія, сынъ даритъ холстъ, угощаетъ обѣдомъ, въ заключеніе котораго они съѣдаютъ по катышу изъ рису, гороху и дарбы.

Этотъ послѣдній поминальный обрядъ совершается послѣ кончины на 30 день, на 45, 60, 75, 90, 120, 175, 190, 210, 240, 270, 300 и 330 день.

Трауръ носится сыномъ цѣлый годъ. День смерти отца онъ всю жизнь обязанъ чествовать поминовеніемъ (*татти*); во дни новолунія совершать возліянія воды и растительнаго масла въ память усопшаго.

Обряды при погребеніи женъ браминовъ почти тѣже, только въ нихъ имѣютъ право участвовать одвѣ женщины, да при поминовеніяхъ призываютъ не боговъ, а богинь. Похороны вдовы семейной гораздо проще, а скончавшихся несчастныхъ, безсемейныхъ вдовъ (*мунда*) сваливаютъ на костеръ или бросаютъ въ воду безъ всякихъ обрядовъ. Законъ отказываетъ имъ въ молитвахъ, ближніе—въ слезахъ сожалѣнія—этой послѣдней дани живаго усопшему собрату.

Погребальные обряды священнической касты браминовъ—образцы для остальныхъ трехъ кастъ. У Кшатріевъ и Ваиссіевъ они продолжаются 12 дней; у первыхъ въ печальной церемоніи участвуютъ воины и оруженосцы. При поминовеніяхъ призываютъ преимущественно бога-покровителя воиновъ, Картикейю, Раму и Вишну. Въ глубочайшей древности у Кшатріевъ секты Сиваистовъ, на кострѣ воина убивали его коня и жгли его вмѣстѣ съ трупомъ. Въ кастахъ Кшатріевъ и Ваиссіевъ, при послѣднихъ минутахъ умирающихъ присутствуютъ пурогиты, они же распоряжаются и всей печальной церемоніей.

Умирающій судра (IV каста), если онъ только въ памяти, всегда посылаетъ за пурогитой, который совершаетъ надъ нимъ обрядъ *прайнтшитты* (полнаго отпущенія грѣховъ). Мертвеца обмываютъ, брѣютъ и, одѣвъ въ праздничное платье, сажаютъ на па-

радную постель. Къ костру несутъ его 12 человѣкъ въ открытомъ паланкинѣ, изукрашенномъ цвѣтами и зеленью. За паланкиномъ слѣдуютъ два музыканта, играющіе на *тараи* и санкѣ или *сангу*, инструментахъ исключительно употребляемыхъ на похоронахъ. Первый—длинная мѣдная труба, второй—большая трубчатая раковина, тонъ тараи—*si-bémol*, сангу—*sol-dièze*. Съ самой минуты смерти покойнаго и до положенія его на костеръ музыканты въ перекличку тянутъ каждый свою единственную ноту... Свидѣтели этой музыки говорятъ, что она нагоняетъ на слушателя невыносимую тоску и сильно дѣйствуетъ на нервы. Сожженіе трупа совершается обычнымъ порядкомъ. На третій день происходитъ обрядъ *возліянія молока*.

Сынъ или наслѣдникъ покойнаго, сопровождаемый музыкантомъ на сангу и родственниками, приноситъ на мѣсто сожженія: три мягкія кокоса, четыре вѣтки кокосовой пальмы, двѣ мѣрки сыраго и вареннаго рису, плоды, овощи и большой горшокъ молока. Здѣсь онъ черпаетъ изъ рѣки новымъ глинянымъ горшкомъ воду и поливаетъ оставшіяся отъ костра головни и золу; ставитъ надъ ними пандель на четырехъ столбахъ, покрытый пальмовыми листьями и обвѣшанный полотномъ... Выбираетъ изъ золы уцѣлѣвшія кости, самую большую (преимущественно лобную) кладетъ на кружокъ кизяка, остальныя складываетъ въ кучу. Троекратно призвавъ имя усопшаго, поливаетъ ее молокомъ. Раздирающій ухо ревъ сангу сопровождаетъ это возліяніе.

Затѣмъ сынъ осыпаетъ золой всю груду сложенныхъ костей; съ одной стороны кладетъ половину кокоса, съ другой цѣлый кокосъ на банановомъ листѣ; осколокъ третьяго кокоса кладетъ на вершину пирамиды, призывая имя *Гаришандры* (одно изъ тысячи именъ Вишну). Скатываетъ шаръ изъ рису и овощей и кормитъ имъ воронъ, громко призывая покойнаго.

Родные и друзья, обступивъ сына, обнимаютъ его, плачутъ и всячески выражаютъ свое соболѣзнованіе. Снявъ большую черепную кость, лежавшую на кружкѣ кизяка, сынъ при звукахъ сангу бросаетъ ее въ воду, купается, одѣваетъ обыкновенное платье и ведетъ своихъ спутниковъ домой на поминальный обѣдъ. Чѣмъ больше онъ имъ дастъ (особенно если пурогиту поподчуетъ да одаритъ),

тѣмъ скорѣе душа его покойнаго отца попадетъ въ обитель блаженства.

Трауръ продолжается только три дня.

У индусовъ всѣхъ кастъ существуетъ повѣрье, что и умирать слѣдуетъ въ счастливый день. У луны, по ихъ астрологіи, есть свой зодіакъ, состоящій изъ 27 созвѣздій, по числу дней мѣсяца луннаго года. Смерть въ одинъ изъ послѣднихъ пяти дней - предвѣщаетъ неминуемую и близкую кончину кого-либо изъ родственниковъ умершаго. Смерть въ день *Сани* (въ субботу)—тоже самое, или внезапное разрушеніе дома. Во избѣжаніе того или другаго, умершаго въ недобрый день слѣдуетъ выносить не въ дверь и не въ окно, а въ пробитое нарочно для этого отверстіе въ стѣнѣ дома. По сожженіи трупа принести въ жертву подземнымъ богамъ козу, овцу или курицу, преимущественно чернаго цвѣта. Родные обязаны покинуть домъ на три мѣсяца, или даже на полгода, дверь и окна загородить колючими кустарниками, а возвратясь по окончаніи этого срока - очистить домъ смазкою коровьимъ пометомъ и чтеніемъ мантрамовъ.

Тоже соблюдается въ случаѣ смерти кого нибудь изъ домашнихъ отъ заразительной болѣзни, но подобнаго мертвеца (чтобы напротивъ слѣдовало) не жгутъ на кострѣ, а зарываютъ въ землю, какъ мы уже и говорили.

Къ слову, о примѣтахъ и повѣрьяхъ, сопряженныхъ съ погребальными обрядами, прибавимъ, что у индусовъ встрѣча съ похоронной процессіей или съ кѣмъ нибудь изъ возвращающихся съ нея, со вдовой или человѣкомъ въ траурѣ—почитается самою зловѣщею. При этомъ слѣдуетъ, для предотвращенія бѣды и во избѣжаніе неудачи прочитать мантрамъ или выкупаться въ рѣкѣ, или всего лучше —возвратиться домой и ничего не предпринимать во весь день. Проходя мимо мѣста, гдѣ схоронены останки человѣка, растерзаннаго тигромъ (онъ помѣчается земляной насыпью или грудой камней), должно также прочитать мантрамъ о спасеніи души погибшаго и своего собственнаго тѣла.

Кромѣ людей, погребенію у индусовъ подлежатъ и животныя. Павшихъ отъ дряхлости или болѣзни коровъ и быковъ съ подобающими церемоніями жгутъ на кострахъ или зарываютъ въ зем-

лю. Въ послѣднемъ случаѣ, рога животнаго должны торчать на поверхности земли. Эта предосторожность, принимаемая поклонниками Брамы для предохраненія мѣста отъ оскверненія, служитъ только приманкою для несчастныхъ парій и пуліаховъ: они отрываютъ и уносятъ закопанную скотину, чтобы поживиться мясомъ. Погребеніемъ палой домашней скотины индусы, однакоже, не ограничиваются; вѣрованіе въ *мару-джемму* (переселеніе душъ) увлекаетъ ихъ еще далѣе за предѣлы благоразумія. Кромѣ лечебницъ для больныхъ лошадей, коровъ, быковъ, овецъ и т. п. существуютъ во многихъ городахъ таковыя же для собакъ, кошекъ, обезъянъ, для птицъ —и даже для насѣкомыхъ. Въ Сураттѣ, напримѣръ, есть цѣлое зданіе, въ которомъ помѣщаются миріады клоповъ, блохъ и вшей. На ночь нанимаютъ нѣсколько нищихъ, которые за ничтожную плату кормятъ этихъ браминскихъ пансіонеровъ собственною кровью. Чтобы отдающіе себя на уязвленіе не убѣжали, прислужники „пріюта для насѣкомыхъ“ привязываютъ нищихъ къ постелямъ крѣпко-накрѣпко и караулятъ ихъ.

Душа усопшаго, по ученію мары-джеммы, переселяется преимущественно въ тѣло того животнаго, котораго нравъ или привычки схожи съ нравомъ и привычками покойнаго. Такимъ образомъ душа весельчака и забавника всего чаще переселяется въ обезъяну, душа кроткаго и смирнаго —въ овцу или голубя; трудолюбиваго— въ пчелу, муравья, въ вола, слона, или коня... Душа переселившаяся въ вепря, тигра, змѣю, рыбу или черепаху, дальнѣйшимъ переселеленіямъ уже не подвергаются, а изъ тѣлъ этихъ звѣрей, такъ какъ въ нихъ превращался самъ Вишну, отправляется прямо въ обители вѣчнаго блаженства. Душа человѣка, убившаго на своемъ вѣку какое нибудь животное или даже насѣкомое, переселяется въ то или другое послѣ его смерти. Душа убійцы коровы или быка переселяется въ этихъ животныхъ въ теченіе числа лѣтъ, соотвѣтствующаго числу волосковъ на шерсти убитаго животнаго.

Скажемъ въ заключеніе, что браминамъ первымъ принадлежитъ остроумное, поэтическое сравненіе—человѣка съ червякомъ, трупа—съ хризалидой (куколкой), а бабочки съ душою, облеченною въ оболочку нетлѣнную, призванную отъ жизни временной и труженической къ жизни вѣчной и блаженной.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Третья степень—Ванапраста, браминъ-пустынникъ. Древніе гимнософисты. Поклоненіе солнцу и огню. Уставы ванапрасть и ихъ ученіе. Жертвоприношенія: малый и большой экіамъ. Агни-суара. Преданія о борьбѣ пустынниковъ съ гигантами. Сказки и историческія сказанія. Багираги. Сава.

Достигнувъ старческаго возраста, семейный браминъ удостоивается званія *ванапрасты*, для чего, вмѣстѣ съ женою, обязанъ переселиться въ пустыню и жить по строгимъ уставамъ, изложеннымъ въ *Падмъ-пуранѣ*.

Брамины-пустынники славились въ глубочайшей древности; цари и народъ, считая ихъ праведниками, воздавали имъ чуть не божескія почести. Въ Падмѣ-пуранѣ упоминается о благочестивомъ царѣ *Дилипѣ*, который особенно почиталъ ванапрастъ, часто совѣтовался съ ними о важнѣйшихъ дѣлахъ, повинуясь ихъ велѣніямъ безпрекословно; при посѣщеніяхъ своихъ мылъ ноги ванапрастамъ и пилъ помои (¹). Другіе цари, вслѣдствіе бесѣдъ съ пустынниками, въ которыхъ послѣдніе увлекательно описывали имъ прелести уединенія — слагали свой санъ, передавали правленіе наслѣдникамъ, отдавали сокровища неимущимъ и сами дѣлались пустынниками. *Гимнософисты*, о которыхъ упоминаютъ древніе греческіе историки, были никто иные, какъ брамины-ванапрасты. Проводя жизнь въ постѣ, молитвахъ, созерцаніи дѣлъ рукъ божіихъ, они занимались науками и философіей въ тѣ времена, когда не только древняя Греція, но и самый Египетъ погружены были

(¹) Эта мерзость—выраженіе крайняго благоговѣнія къ духовенству въ Индіи. Замѣчательно, что у насъ, въ просторѣчіи: «онъ долженъ бы (мнѣ или такому-то) мыть ноги и воду эту пить», тоже говорится въ фигурномъ смыслѣ о человѣкѣ, отъ котораго требуютъ себѣ, или другому лицу, знаковъ особеннаго, раболѣпнаго почтенія.

въ мракъ младенческаго невѣжества. Видимыми предметами обожанія ванапрастъ были солнце и огонь, и, нѣтъ сомнѣнія, что именно отъ нихъ законодатель древней Персіи *Зороастръ* заимствовалъ основы своего ученія, слѣды котораго сохраняются и донынѣ между гебрами-огнепоклонниками.

Первая священная обязанность ванапрасты—покорить плоть силѣ духа, безропотно переносить всевозможныя тѣлесныя страданія, не возмущаться ничѣмъ, взявъ за правило, что все земное — ничтожно, тлѣнно, скоропреходяще. Затѣмъ ванапраста обязанъ:

1) Навсегда отречься отъ сообщества съ людьми; жить, по возможности, безотлучно въ пустынѣ.

2) Живя съ женою подчинять ее этимъ же самымъ правиламъ, соблюдая въ сожительствѣ крайнее воздержавіе.

3) Жить въ хижинѣ, покрытой пальмовыми листьями.

4) Одежду носить не изъ бумажной ткани, а изъ растительныхъ волоконъ. Нѣкоторые изъ древнихъ пустынниковъ одѣвались еще и въ рясы, выдѣланныя изъ нитей *горнаго льна* (аміанта или асбеста), часто очищая ее, вмѣсто стирки, погруженіемъ въ пламя ([1]).

Трижды въ день молиться и совершать омовенія. Послѣднія

5) Трижды въ день молиться и совершать омовенія. Послѣднія двоякаго рода: водяныя и огненныя. Въ послѣднемъ случаѣ ванапраста потирая руки надъ огнемъ или быстро проведя ихъ сквозь огонь дѣлаетъ жестъ будто умывается.

6) Ограничиваться исключительно молочной и растительной пищей. Не ѣсть овощей, формою напоминающихъ человѣческую голову.

7) Непрестанно мыслить о Богѣ, всѣмъ разумомъ, всѣмъ духомъ своимъ погрузиться въ эту неизмѣримую мысль.

8) Свершать жертвоприношеніе огню (*экіамъ*); созерцать природу, заниматься философіей, науками, а въ особенности математикой и астрономіей.

([1]) У насъ въ Сибири выдѣлываютъ для любителей рѣдкостей салфетки, перчатки и бумагу изъ горнаго льна. Загрязнившуюся минеральную ткань достаточно кинуть въ огонь, чтобы она очистилась, а написанное на бумагѣ исчезаетъ на огнѣ безъ всякаго слѣда.

„Человѣкъ родится на свѣтъ, учатъ брамины—съ тремя главными, ему присущими, склонностями (*йетшанаи*): къ землѣ (*лока-йетшанаи*), къ золоту (*атта-йетшанаи*) и къ женщинѣ (*путра-йетшанаи*). Иначе сказать, у человѣка три врожденныя склонности: честолюбіе (стремленіе къ обладанію *землею*, т. е. желаніе властвовать), корыстолюбіе и сластолюбіе. Эти *три* страсти, въ сущности проявленіе *одной*—самолюбія или эгоизма. Истинный ванапраста долженъ искоренить въ душѣ своей эту тройственную страсть, онъ долженъ духомъ вознестись превыше суетной власти, тлѣнныхъ богатствъ, измѣнчивой и плотской любви.

О подвигахъ пустынниковъ существуетъ въ браминскихъ книгахъ множество чудесныхъ сказаній. Такъ напримѣръ, у одного ванапрасты была корова, которая, кромѣ молока, могла снабдить продовольствіемъ цѣлую армію. Царь, провѣдавъ объ этомъ, вздумалъ отнять у пустынника чудесную корову и пошелъ съ огромной ратью за такой выгодной провіантмейстершей... но корова встрѣтила непрошенныхъ гостей рогами и разбила войска царя въ пухъ и прахъ.

Кромѣ молока и плодовъ, находящихся подъ рукою, ванапраста продовольствуется приношеніями доброхотныхъ дателей; избытокъ раздаетъ нищимъ. Истинный мудрецъ долженъ довольствоваться только необходимымъ; одна минута невоздержности изглаживаетъ заслугу многихъ лѣтъ воздержанія. За нарушеніе обыкновеннаго поста ванапраста обязанъ наложить на себя тягчайшій, голодать и жаждать нѣсколько дней. Приступая къ обычной трапезѣ, онъ долженъ осмотрѣться—нѣтъ ли близъ его хижины голоднаго или жаждущаго: его обязанъ онъ прежде напоить или накормить, а потомъ уже ѣсть и пить самъ.

Гомамъ огню и планетамъ, т. е. жженіе риса и масла, ванапраста долженъ совершать ежедневно.

Жертвоприношеніе *экіамъ* или *агніамъ* раздѣляется на малое и большое; право совершать его предоставлено исключительно ванапрастамъ. Совершается оно вслѣдствіе особеннаго обѣщанія для испрошенія необыкновенной милости или, вѣрнѣе, суда отъ боговъ. Присутствовать при немъ могутъ только лица браминской касты.

За нѣсколько дней ванапраста оповѣщаетъ объ этомъ окрестныхъ

браминовъ всѣхъ степеней. Приглашенные должны быть семейные, здоровые и безъ физическихъ недостатковъ. На назначенное мѣсто приводятъ бѣлаго трехлѣтняго барашка, безъ всякихъ пороковъ и здороваго. Роютъ могилу и складываютъ костеръ изъ освященныхъ деревъ: *ассуаты, алаи, итшамы, порсу* и травы дарбы. Всѣ присутствующіе громкимъ голосомъ читаютъ мантрамы. Барашка натираютъ растительнымъ масломъ, купаютъ, пудрятъ акшаттасомъ, обвѣшиваютъ цвѣточными гирляндами. Послѣ того, жертву опутываютъ жгутами изъ травы дарбы и читаютъ мантрамы, долженствующіе ее умертвить—что, разумѣется, всегда бываетъ безуспѣшно; тогда приступаютъ къ средствамъ болѣе дѣйствительнымъ. Пучками травы животному затыкаютъ уши, ротъ и ноздри, бьютъ его кулаками, и наконецъ душатъ, ставъ колѣномъ на горло. Несчастнымъ предзнаменованіемъ почитается, если жертва застонетъ при этихъ истязаніяхъ.

Задушивъ барашка съ него сдираютъ кожу, а приносящій жертву ванапраста распарываетъ ему животъ, вырываетъ брюшину съ жиромъ и вѣшаетъ ее надъ огнемъ костра такъ, чтобы жиръ растапливался и капалъ на огонь. Въ него же бросаютъ одну половину барашка, а другую, обжаривъ, крошатъ на куски и раздаютъ присутствующимъ. Это единственный случай, когда ванапрастамъ и браминамъ разрѣшается вкушеніе мяса. Затѣмъ—приношеніе огню сыраго и вареннаго рису. Браминовъ, выстроившихся вокругъ костра, приносящій экіамъ одѣляетъ бетелемъ и подарками; беретъ съ костра на свѣтильню огонь, который уноситъ къ себѣ домой и постоянно, неугасимо поддерживаетъ его по самый день своей смерти. Этимъ огнемъ поджигаютъ при погребеніи ванапрасты собственный его костеръ. Въ случаѣ, еслибы огонь на неугасимой лампадѣ погасъ, ванапраста можетъ зажечь новый, добытый треніемъ двухъ кусковъ дерева. Огонь этотъ называютъ *Агнисуара* (огонь богъ).

Жертву *большаго экіама* приносили въ древности цари для испрошенія побѣды. Послѣдній разъ большой экіамъ совершилъ въ началѣ XVI вѣка *Амберъ*, раджа Джейапурскій. Своему гуру онъ подарилъ при этомъ случаѣ 100,000 рупій (62,500 р. сер.) и въ теченіе двухъ *гари* (48 минутъ) разрѣшилъ присутствовав-

шимъ браминамъ просить у него, кто чего желаетъ, клятвенно давъ обѣщаніе исполнить выраженное желаніе. Короны у тароватаго раджи (къ счастію для него) никто изъ браминовъ не попросилъ, но деньгами и сокровищами безъ зазрѣнія совѣсти отлично воспользовались.

При большомъ экіамѣ убиваютъ (точнѣе — убивали) одно изъ четырехъ: 1) коня (*ассуамеда*), 2) корову (*гомеда*), 3) слона (*раджагшуимеда*) и 4) человѣка (*нарамеда*). Первое случалось всего чаще, а потому и большой экіамъ называютъ обыкновенно *ассуамедою*. Кобылу, отъ которой долженъ былъ родиться жеребенокъ обреченный на жертву, выбирали заблаговременно. Жеребенокъ до трехъ лѣтъ росъ на попеченія браминовъ; о немъ ежедневно молились Индрѣ, Ямѣ и Варунѣ. Предъ жертвоприношеніемъ коня пускали побѣгать нѣсколько времени на свободѣ, слѣдя за нимъ по пятамъ. Случалось, что сосѣдній раджа, для испрошенія побѣды надъ которымъ хотѣли совершать ассуамеду—перехватывалъ коня у своего противника, чтобы тѣмъ понудить его къ миру—ибо, по сказаніямъ пуранъ ассуамеда — вѣрнѣйшее средство къ преодолѣнію врага на войнѣ и неуязвимости принесшаго жертву.

Заклятыми врагами древнихъ ванапрастъ были пустынные великаны (они же и оборотни индійскихъ сказокъ). При жертвоприношеніяхъ великаны, дѣлаясь невидимками, брызгали водой на священные костры, или во время трапезы ванапрастъ бросали имъ въ кушанье всякія нечистоты. Эти пустынные демоны были такого огромнаго роста, что для пробужденія иного отъ сна на него пускали нѣсколькихъ слоновъ. Ходятъ слоны по груди и животу великана, станетъ ему щекотно—онъ и пробудится. Каждая шерстинка на его тѣлѣ—съ огромнѣйшее лѣсное дерево. Во время борьбы съ богами, великаны на каждую шерстинку прицѣпляли скалу—стоило имъ только отряхнуться, чтобы каменнымъ дождемъ разгромить противниковъ. У десятиголоваго *Раванны* царя Ланки, похитителя Ситы (см. гл. II стр. 10) былъ дворецъ, подъ сводами котораго свободно проходило солнце. Племя великановъ также дѣлилось на касты и между ними были брамины. Одинъ изъ нихъ, *Басмассуара*, вымолилъ себѣ у Сивы даръ обращать въ прахъ

все, на что только не наложить руку. Первый опытъ ему вздумалось сдѣлать надъ самимъ же Сивою—но его спасъ Вишну. Этому второму божеству Тримурти удалось хитростью заставить Басмасуару положить руку на его же собственную голову... Простякъ дался въ обманъ—и, въ то же мгновеніе, разсыпался въ прахъ!

Не смотря однако же на происки великановъ, древніе ванапрасты шли неуклонно къ великой цѣли спасенія души и возможнаго сближенія съ божествомъ. „Они", говорятъ брамины—„покаяніемъ разгоняли облака обольщенія (*майя*); они достигали такого совершенства, что въ правѣ были сказать о себѣ: *Агамъ Брама*!—я—богъ!" И не смотря на обѣтъ смиренія, древніе ванапрасты, гордясь своими подвигами, считали себя дѣйствительно выше обыкновенныхъ смертныхъ, чуть не богами. Такъ гимнософистъ *Дандимъ* или *Дандамидъ*, надменно отказался отъ приглашенія Александра Македонскаго, въ бытность его въ Индіи, явиться къ нему, а написалъ напыщенное (вѣроятно подложное) посланіе великому завоевателю, удивлявшемуся герою-пустыннику. Гордость властителя древняго міра преклонилась предъ гордостью богоподобнаго пустынника. Это столкновеніе индусскаго философа съ героемъ древности очевидно послужило сюжетомъ греческой сказки о свиданіи Александра съ Діогеномъ.

Истинный ванапраста долженъ съ одинаковымъ терпѣніемъ и равнодушіемъ переносить голодъ и жажду, жаръ и холодъ, болѣзни и тѣлесныя страданья; долженъ смотрѣть съ ненавистью на жизнь и любовью—на смерть. Пураны упоминаютъ объ одномъ ванапрастѣ, рѣшившемся броситься на костеръ и склонившемъ къ тому же свою жену. „Смерть завидная и богамъ угоднѣйшая!" заключаетъ повѣствователь. *Діодоръ Сицилійскій* (Bibl. histor. XVII) разсказываетъ о гимнософистѣ *Каланусѣ*, добровольно восшедшемъ на костеръ въ присутствіи Александра Македонскаго и всей его арміи. Примѣры фанатическаго самоубійства встрѣчаются у ванапрастъ и понынѣ, и особенно часты между такъ называемыми *багирагви*. Эти нищіе ванапрасты всю жизнь проводятъ въ самоиствзаніи или, по индусски, упражненіи освобожденія (*мокеласадака*) (¹). Они ходятъ нагіе во всѣ времена года, въ доказательство, во первыхъ, равнодушія къ перемѣнамъ погоды, во вторыхъ—своего невозмутимаго безстрастія. Для достиженія втораго, они подвергаютъ себя особаго рода истязанію, отчасти похожему на скопленіе: постепенно прибавляя вѣсъ, привѣшиваютъ гири или перетягиваютъ надлежащую часть бичевкою. Багирагви, давшій торжественную клятву покончить жизнь самоубійствомъ, получаетъ прозвище *савы* (*сава*—трупъ). Онъ ходитъ по городамъ и селамъ, прося подаяніе на собственное погребеніе, нося въ одной рукѣ чашку для сбора, въ другой избранное имъ орудіе смерти: петлю, длинный гвоздь, а всего чаще кинжалъ съ воткнутымъ на него лимономъ. Иные (о чемъ поговоримъ впослѣдствіи) топятся въ священныхъ рѣкахъ или бросаются подъ колесницы идоловъ во время религіозныхъ процессій. Наградою изувѣру служитъ всеобщее благоговѣніе и признаніе его святымъ послѣ смерти.

Но эти багирагви составляютъ уже, такъ сказать, переходъ отъ степени ванапрасты къ четвертой и послѣдней степени браминской касты—называемой *саніассы*.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Четвертая степень брамина. Саніассы. Обрядъ посвященія. Уставы житія. Бокукасы. Мудрыя наставленія пуранъ. Йогамъ. Пранаба. Ашта-йога. Тинассы. Обрядъ погребенія саніассы. Параманна. Самоистязатели. Девадассы или баядерки.

Ванапраста окончательно прервавшій всѣ связи съ міромъ и обрекшій себя на одиночество—возводится въ степень *саніассы* или одинокаго отшельника. Эта степень, по ученію браминовъ, не

(¹) Подразумѣвается освобожденіе души отъ грѣха и узъ тѣлесныхъ.

только дѣлаетъ человѣка богоподобнымъ, но можетъ даже при точномъ соблюденіи имъ уставовъ пустынножительства, превратить его въ божество. Рѣшимость быть саніассы должна быть выражена не съ горяча, не подъ вліяніемъ минутной восторженности, но по долгомъ размышленіи и испытаніи своего характера и силы воли. Саніассы долженъ быть преимущественно вдовый; имѣющій же дѣтей и жену обязанъ отречься отъ нихъ; позабыть, для Бога, о ихъ существованіи. Нѣсколько лѣтъ бытія саніассы важнѣе тысячелѣтій бытія обыкновеннаго смертнаго, хотя бы самой примѣрной, благочестивой жизни.

Ванапраста, желающій вступить въ саніассы, извѣщаетъ о томъ своего гуру, ближайшаго пурогиту и браминовъ. Пурогита назначаетъ благопріятный для посвященія день и мѣсто для обряда, куда собираются приглашенные. Посвящаемый, по предварительномъ омовеніи, чтеніи молитвъ — беретъ десять кусковъ полотна, изъ которыхъ четыре окрашены въ темножелтый цвѣтъ (*кави*), бамбуковую трость съ себя ростомъ и непремѣнно о семи колѣнахъ, шкурку антилопы, серебряную и мѣдную монету, выдолбленную, сухую тыкву (¹), цвѣты, толченый сандалъ, акшаттасъ и пантша-гавію. Выпивъ немного послѣдней, онъ отправляется на мѣсто предстоящей церемоніи. Здѣсь гуру приноситъ жертву огню, дѣлаетъ возліянія воды въ честь боговъ при непрерывномъ чтеніи мантрамовъ. Давъ нѣсколько наставленій посвящаемому, приказываетъ ему облачаться въ желтое полотно, порнать на себѣ тройной снурокъ и сбрить чубъ на темени. Каждое изъ этихъ дѣйствій сопровождается особой молитвой. Исполнивъ все это, посвященный беретъ въ одну руку посохъ, въ другую тыкву, наполненную водою, подъ мышку шкурку антилопы; три раза пьетъ пантша-гавію и воду, читаетъ молитвы, которымъ научилъ его гуру. Тѣмъ оканчивается обрядъ посвященія саніассы, который раздаетъ въ подарокъ присутствующимъ принесенныя имъ деньги и оставшіеся шесть кусковъ полотна.

(¹) Мелкая тыква изъ породы cucurbita lagenaria L. Высушенная и выдолбленная она служитъ сосудомъ для питья. Употребленіе ея отъ индусовъ переняли всѣ восточные народы, а отъ нихъ со времени крестовыхъ походовъ и европейскіе, средневѣковые пилигримы.

Вотъ въ чемъ заключается обязанности удостоеннаго высочайшей духовной степени саніассы.

1) Каждое утро, по омовеніи, онъ долженъ натирать золою все тѣло, кромѣ лба.

2) Пищу вкушать единожды въ день, въ количествѣ потребномъ, чтобы не умереть съ голоду.

3) Навѣки отказаться отъ употребленія бетеля.

4) Не только не прикасаться къ женщинамъ или не говорить съ ними, — даже не смотрѣть на нихъ.

5) Или разъ въ мѣсяцъ брить всю голову и лице, или, напротивъ, отпустить длинные волосы, усы и бороду, и ногти на рукахъ и на ногахъ.

6) Для обуви употреблять сандаліи изъ деревянной подошвы и веревокъ — отнюдь не ремней.

7) Отправляясь на богомолье брать съ собою посохъ, тыкву и антилоповую шкурку. Эти три вещи — единственное имущество саніассы; другаго у него быть не должно.

8) Жить подаяніемъ, пользуясь правомъ просить его у каждаго.

9) На отказъ въ подаяніи не обижаться и не сѣтовать; за милостыню не благодарить.

10) Никогда не садиться при вкушеніи пищи, а ѣсть стоя.

11) Шалашъ или хижинку строить близъ рѣки, озера или пруда, для удобнѣйшаго омовенія.

12) Идучи на богомолье нигдѣ, ни у кого не останавливаться для ночлега.

13) На суету мірскую, житейскія дѣла, на самые государственные перевороты, мятежи и войны — не обращать ни малѣйшаго вниманія.

14) Жить единственно духомъ и разумомъ, быть полновластнымъ владыкой страстей, а не жалкимъ ихъ рабомъ.

Строжайшіе послѣдователи этихъ правилъ зовутся *бикукасами*. Это саніассы, достигшіе духовнаго совершенства. Имъ разрѣшается всякая пища, ибо они почитаются превыше всякаго оскверненія.

Въ дополненіе вышеприведеннымъ правиламъ въ пуранахъ находятся еще слѣдующія разсужденія:

— Саніасы долженъ искоренить изъ своего сердца и памяти всякое поползновеніе къ сообществу съ міромъ и живущими въ немъ и, позабывъ обо всемъ, помнить только одно: что всѣ блага земныя—облака мимолетныя, заволакивающія въ душѣ нашей солнце, т. е. божество. Какъ вѣтеръ, покрывая рябью водную поверхность, искажаетъ отраженіе въ ней солнца—такъ и тлѣнныя блага земныя возмущая нашу душу, препятствуютъ божеству всецѣло отражать въ ней свѣтлый ликъ свой! Блага земныя приковываютъ душу къ персти—какъ коконъ гусеницы заключенное въ немъ насѣкомое... Много нужно послѣднему трудовъ и усилій, чтобы освободиться отъ тѣсной оболочки, но все же оно освобождается. Такъ и душѣ нашей не вѣчно быть узницей тѣла; *мудрость* поможетъ ей расторгнуть тлѣнныя узы, *добродѣтель*—окрылитъ ее и освобожденная узница вознесется къ Богу!"

Болѣе или менѣе строгій образъ жизни саніассы, зависитъ отъ секты, къ которой онъ принадлежитъ, ибо и эта степень имѣетъ множество подраздѣленій. Вообще же саніассы совершаетъ частыя омовенія, пьетъ пантша-гавію, молится, а остальное затѣмъ время проводитъ въ *созерцаніи*. Это состояніе духа и тѣла называется *йогамъ* и отъ него происходитъ названіе *йоговъ*, сектаторовъ-самоистязателей. Йогамъ состоитъ изъ четырехъ степеней: 1) *приготовленіе* (салокіамъ), требующее отъ человѣка единства мѣстопребыванія и мысли. Безотлучное нахожденіе человѣка на одномъ и томъ же мѣстѣ, не развлекая его вниманія, всего болѣе способствуетъ, приковавъ разумъ къ одной мысли, всесторонне развивать ее; 2) *приближеніе* (саминіамъ) къ Богу; 3) *сходство* (суаруніамъ) съ божествомъ же, разумѣется; и 4) *тождество* (сайоджіамъ) или совершенное превращеніе смертнаго въ божество. „Такъ", говорятъ пураны, „чтобы отдѣлить чистое золото отъ примѣсей руды и другихъ металловъ его слѣдуетъ переплавлять неоднократно."

Въ древности саніассы всѣ уставы строго соблюдали — нынѣ, само собою, уже нѣтъ и сотой доли того благочестиваго рвенія. Упражняя душу въ созерцаніи, саніассы долженъ на тѣло свое налагать соотвѣтствующія *испытанія* или, вѣрнѣе, подвергать его небольшимъ пыткамъ. Напримѣръ— удерживать дыханіе до тѣхъ поръ, покуда не зашумитъ въ ушахъ, а въ глазахъ не затуманится

или не запрыгаютъ искры; косить глаза, держать нѣсколько минутъ одну или обѣ руки вытянутыми вертикально надъ головою. Изъ умственныхъ упражненій одно изъ главнѣйшихъ—размышленіе о тройственнемъ вензелѣ Тримурти, словѣ *оум* (см. гл. I. стр. 5), въ которомъ О—изображаетъ Браму, У—Вишну, М—Сиву, а послѣдняя буква (*бинда*) кромѣ того, служитъ символомъ совершенства. Слово это, называемое *Сабда-Брама* (слово божіе), саніассы долженъ шептать каждую секунду и неустанно размышлять о великомъ его значеніи. Въ этомъ и состоитъ упражненіе *пранаба* (размышленіе о словѣ).

Другое упражненіе *ашта-йога* (восемь-йогъ) важнѣйшее изъ всѣхъ и обладающее божественной силой. Оно предохраняетъ отъ всякихъ искушеній и избавляетъ человѣка отъ всѣхъ грѣховъ—минувшихъ, настоящихъ и будущихъ, снимаетъ съ него проклятье, чѣмъ бы то ни было заслуженное. Вотъ въ чемъ состоитъ аштайога.

Послѣ трехдневнаго поста или, вѣрнѣе, голода, саніассы отправляется въ храмъ Сивы, или на кладбище или, за неимѣніемъ того либо другаго по сосѣдству, подъ священное дерево *билли*. Здѣсь, по предложеніи воды божеству (*атшаманія*), наводитъ себѣ на лбу красный кругъ (*тилоки*), ложится на расчищенную землю, поднявъ ноги нѣсколько выше головы и дѣлаетъ *пранайяму*, шесть разъ втягивая въ себя воздухъ лѣвой ноздрей выпускаетъ его изъ правой. Цѣль этой операціи—изгнаніе грѣха, гнѣздящагося въ одной изъ артерій лѣваго виска. Предъ изгнаніемъ грѣха, саніассы обращается къ занимаемой имъ артеріи съ слѣдующимъ возваніемъ:

„Жила, ты божество, но въ тебѣ гнѣздится сынъ грѣха—и я тебя отъ него избавлю и отъ нечистоты оною. Жила, сдвинься со своего мѣста!"

И послѣ шестикратнаго сопѣнья и фырканья лѣвой ноздрей, молящійся промываетъ ее, дѣлаетъ ей предложенія какъ божеству. Послѣ шести выдыханій правою ноздрею—новое возваніе къ артеріи:

„Жила, богиня великая, теперь ты освобождена отъ грѣха; теперь ты владычица всего міра и возвращайся спокойно на свое мѣсто!"

Кромѣ этой главной йоги, есть еще множество другихъ для каждой части тѣла.

Независимо отъ йогъ, для тѣла же, въ числѣ восемнадцати, существуютъ еще *тапасы* (покаянія). Важнѣйшее изъ нихъ пятерное (*пантша-тапа*); кающійся долженъ выстоять совершенно нагой цѣлый день на солнцѣ между четырьмя разложенными огнями, либо цѣлый же день простоять по горло въ водѣ съ головою, покрытою мокрымъ полотенцемъ. Прочія тапасы заключаются въ стояніи извѣстное время на одной ногѣ, лежаньи на острыхъ камняхъ или колючихъ кустарникахъ, продолжительномъ удержаніи дыханія и т. п. Задохнуться вслѣдствіе предвзятой твердой рѣшимости не дышать—величайшій подвигъ для саніассы. Душа подобнаго добровольнаго мученика излетаетъ изъ его тѣла сквозь теменныя кости и прямымъ путемъ летитъ въ блаженныя обители.

Обрядъ погребенія для саніассы совершенно отличный отъ браминскаго. Трупъ сожженію на кострѣ не подлежитъ, а долженъ быть непремѣнно *зарытъ въ землю*. Распорядителемъ на погребеніи по неимѣнію сына (которому только при этомъ и можно увидѣть отца), бываетъ кто либо изъ знавшихъ покойнаго браминовъ.

Обмывъ мертвеца, его одѣваютъ въ два куска полотна темножелтаго цвѣта и осыпаютъ пепломъ съ головы до ногъ. На шею надѣваютъ четки изъ черныхъ зеренъ *рудракшасъ* [1] при безпрестанномъ бряцаніи небольшими мѣдными кимвалами, и затѣмъ мертвеца съ поджатыми ногами сажаютъ въ бамбуковую корзинку, привязанную соломенными жгутами къ бамбуковой же трости. Корзину до мѣста погребенія несутъ на плечахъ четыре брамина. Могила должна быть вырыта близъ пруда или рѣки, глубиною около сажени и непремѣнно круглая. На дно ея насыпаютъ слой соли, на него сажаютъ мертвеца, котораго засыпаютъ солью же по самое горло. Потомъ, каждый изъ присутствующихъ, взявъ въ руки кокосовый орѣхъ, разбиваютъ его объ голову покойнаго. Это бросаніе орѣховъ въ могилу продолжается до тѣхъ поръ, покуда покойнику не расколятъ черепа до самыхъ мозговъ. Тогда изувѣченный трупъ въ третій разъ засыпаютъ солью, пока не наполнятъ могилы вровень съ поверхностью земли.

[1] Буквально—глаза Рудры (Сивы). По преданію, растеніе, съ котораго собираютъ эти зерна, выросло изъ слезъ этого бога.

Надъ могилой дѣлаютъ высокую земляную насыпь, которую увѣнчиваютъ вылѣпленнымъ изъ глины столбикомъ въ два фута вышиною, изображающимъ *лингамъ* (Гл. I стр. 5). Этому столбику, какъ божеству, поютъ гимны, читаютъ молитвы и предлагаютъ *парамании* (смѣсь риса, кокосоваго молока, орѣха и сахару). Распорядитель три раза обходитъ вокругъ могилы, кланяется ей и читаетъ молитву о принятіи души покойнаго въ обитель вѣчнаго блаженства. На могилу льютъ немного воды, а присутствующимъ раздаютъ осколки разбитыхъ объ голову мертвеца кокосовъ и параманну. Послѣдняя назначается преимущественно бездѣтнымъ браминамъ, такъ какъ параманнѣ съ могилы саніассы приписываютъ чудесное свойство разрѣшать женское неплодіе. Что же касается до кокосовыхъ осколковъ, они составляютъ святыню, высоко цѣнимую браминами; домъ, въ которомъ сохраняется подобный осколокъ, привлекаетъ на живущихъ въ немъ особенное благоволеніе боговъ и отклоняетъ отъ нихъ всякія злыя чары и навожденія.

Съ могилы всѣ присутствовавшіе на похоронахъ идутъ къ рѣкѣ и совершаютъ омовеніе. Распорядитель, въ сопровожденіи другаго брамина, въ теченіе десяти дней посѣщаетъ могилу, гдѣ молится и дѣлаетъ приношенія поставленному на ней лингаму. То же совершается ежегодно въ день смерти покойнаго, причемъ дается поминальный обѣдъ браминамъ. Могила саніассы дѣлается мѣстомъ богомолья, куда стекаются многочисленныя поклонники. Каждый изъ нихъ, помолясь, разбиваетъ кокосовый орѣхъ объ воздвигнутый на могилѣ лингамъ и черепки раздаетъ роднымъ и знакомымъ по возвращеніи домой. И эти осколки, по мнѣнію браминовъ, обладаютъ, хотя и въ слабѣйшей степени, тѣми же чудесными свойствами, какъ и черепки кокосовъ, разбитыхъ объ голову умершаго саніассы.

Отшельники-саніассы существуютъ также у поклонниковъ Вишну и Сивы, съ тою только разницею, что въ этихъ сектахъ саніассы можетъ быть и холостой. Чудовищныя выходки и самоистязанья сектаторскихъ фанатиковъ далеко оставляютъ за собою описанныя

нами сумасбродства браминскихъ саніассы. У послѣднихъ, такъ сказать, тихое религіозное помѣшательство, но у первыхъ оно превращается въ неукротимое бѣшенство и неистовую манію. Какъ тѣ, такъ и другіе могутъ служить живыми доказательствами справедливости знаменитаго изрѣченія Ж. Ж. Руссо: „Набожность для человѣка тоже что опіумъ; малое ея количество оживляетъ, пріободряетъ, поддерживаетъ; большой пріемъ усыпляетъ, доводитъ до бѣшенства или убиваетъ!"

Теперь, отъ одной крайности перейдемъ къ другой и разскажемъ читателю еще объ одномъ духовномъ же сословіи, жизнь котораго составляетъ діаметріальную противоположность съ существованіемъ отшельниковъ-самоистязателей браминской касты. Говоримъ объ индусскихъ храмовыхъ пѣвицахъ и танцовщицахъ (онѣ же и тамошнія разгульныя женщины) извѣстныхъ у европейцевъ подъ именемъ *баядерокъ* (1).

Въ Индіи при каждомъ храмѣ содержатся на жалованьи отъ 8 до 12 красивыхъ молодыхъ женщинъ, называющихся дева-дассы (служанки или рабыни божіи). Съ дѣтства обученныя грамотѣ, музыкѣ, пѣнію и танцамъ, онѣ обязаны дважды въ день пѣть въ храмахъ гимны и танцовать; гимны эти—риѳмованныя неблагопристойности, а пляски —и того безстыднѣе. Кромѣ того девы-дассы должны участвовать во всякой религіозной церемоніи и сопровождать важныхъ духовныхъ особъ или раджей при ихъ обоюдныхъ посѣщеніяхъ. Этимъ же дева-дассы законъ вмѣняетъ въ священную обязанность усердное служеніе разврату, отдаваясь за деньги не только людамъ всѣхъ туземныхъ кастъ, но даже иностранцамъ. Всякій, кому угодно, можетъ пригласить къ себѣ дева-дассы въ полной увѣренности въ ея совершенномъ согласіи; можно приглашать ихъ и для увеселенія и развлеченія гостей пѣніемъ и плясками на свадьбы, парадные обѣды и всякія другія пиршества.

(1) Въ Индіи слово баядерка такъ же невѣдомо туземцамъ какъ въ Китаѣ слово *мандаринъ*, перенятое всѣми европейцами отъ португальцевъ. То и другое слово пользуются правомъ гражданства повсемѣстно, кромѣ тѣхъ странъ, къ которымъ относятся.

Браматшары (молодой браминъ), читающій и изъясняющій Веды.

Къ стр. 65.

Сурія (солнце)

Къ стр. 65.

Судра (Сива).

Къ стр 80.

Тривени (соединеніе трехъ рѣкъ).

Дозволено Цензурою, С.-Петербургъ 12 февраля 1869 года.

Здѣсь, кстати, разскажемъ случай, бывшій съ дева-дассы въ исходѣ прошедшаго столѣтія въ одномъ изъ округовъ англійской Индіи. У губернатора былъ праздникъ, на который онъ чрезъ своихъ служителей пригласилъ танцовщицъ, но онѣ отказались, подъ предлогомъ нездоровья. Служитель шепнулъ при этомъ губернатору, что дева-дассы здоровы, но отказались потому, что приглашены въ другое мѣсто и за деньги, а съ его превосходительства, какъ извѣстно, взятки гладки. Взбѣшенный англичанинъ приказалъ привести къ себѣ танцовщицъ насильно—и ихъ, въ числѣ восьми—приволокли. Собственноручно побивъ упрямицъ, губернаторъ послалъ за палачемъ, объявивъ плачущимъ дева-дассы, что всѣ онѣ за дерзкій отказъ будутъ обезглавлены. Вмѣсто пѣнія поднялся раздирающій душу вой, вмѣсто плясокъ, дева-дассы валялись у губернатора въ ногахъ. Гости, и въ числѣ ихъ французскій путешественникъ, разскащикъ объ этомѣ возмутительномъ фактѣ, были увѣрены, что губернаторъ конечно шутитъ жестокую шутку, что онъ только хочетъ постращать ослушницъ... Ничуть не бывало! Три дева-дассы были обезглавленны, остальныя отпущены. Въ отвѣтъ на ужасъ и негодованіе гостей-европейцевъ губернаторъ отвѣчалъ:

— Вы одобрили бы мой поступокъ, если бы знали какъ я духъ и характеръ индусовъ. Слухъ о неповиновеніи мнѣ презрѣнныхъ танцовщицъ завтра же разнесся бы по всему городу, а тамъ и по всей области, и туземцы сказали бы: хорошъ однако губернаторъ, котораго даже *дева-дассы* не слушаются! Сегодня меня не послушались дева-дассы, завтра (если бы я для примѣра не казнилъ ихъ) меня ослушался бы уже кто нибудь другой, поважнѣе, а чрезъ мѣсяцъ, повѣрьте мнѣ, дѣло могло кончиться бунтомъ, и я самъ не снесъ бы головы!

Такъ разсуждали европейскіе властители Индіи восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, и эта административная теорія,—логика палки и топора—кажется, нимало не измѣнилась тамъ и въ наше время.

Въ цехъ дева-дассы поступаютъ незамужнія индусскія женщины всѣхъ кастъ—отъ браминской до народной—и нерѣдко съ самаго юнаго возраста. Случается, что беременная жена брамина даетъ торжественный обѣтъ посвятить въ дева-дассы новорожденнаго младенца, если онъ будетъ женскаго пола—и всегда исполняетъ свое

безразсудное обѣщаніе. Какая же однако мысль могла руководить древнихъ законодателей, возведшихъ развратъ въ религіозной догматъ?

Читателю уже извѣстно (Гл. II стр. 12), что Кришна былъ воспитываемъ въ пастушеской семьѣ и взросъ въ кругу пастушьихъ сыновей и дочерей, своихъ однолѣтковъ. Изъ послѣднихъ онъ выбралъ себѣ семерыхъ любимицъ (*гописъ*) подъ начальствомъ восьмой — *Радхи*. Гописы забавляли Кришну своими играми, пѣснями и плясками, и были его постоянными, неизмѣнными спутницами. Пураны повѣствуютъ, что гописы, во время своихъ игръ и плясокъ, искусно группируясь, образовали такія же фигуры звѣрей и птицъ, какія образуютъ на небесахъ купы свѣтилъ въ созвѣздіяхъ. Стѣны многихъ индусскихъ храмовъ украшены чудными изображеніями разныхъ животныхъ, составленныхъ изъ женскихъ фигуръ, какъ напримѣръ, на прилагаемомъ изображеніи слона, съ сидящимъ на его спинѣ Кришною.

Превращенныя въ звѣзды послѣ своей смерти гописы и донынѣ постоянно поютъ и пляшутъ на видимой тверди. И въ память этихъ любовницъ Кришны образовалась въ глубочайшей древности корпорація дева-дассы, обязанныхъ напоминать гописъ Кришны своими нравами и образомъ жизни, всѣмъ правовѣрнымъ индусамъ. На религіозныхъ торжествахъ, подобно гописамъ, онѣ также, съ необыкновеннымъ искусствомъ перегибаясь корпусомъ, переплетаясь другъ съ другомъ руками и ногами, составляютъ фигуру гаруды (малабарскаго орла), рыбы, тигра, черепахи, вепря, слона и т. п. Это оригинальное ваяніе, въ которомъ живые люди замѣняютъ бездушную глину, доведено индусскими дева-дассы до величайшаго совершенства, и далеко онѣ оставляютъ за собою европейскихъ гимнастиковъ, клоуновъ и акробатовъ.

Не смотря на свое позорное ремесло, каждая дева-дассы, внѣ храма или мѣста, куда приглашена для потѣхи, держитъ себя чрезвычайно скромно и безукоризненно-благопристойно. На улицѣ, напримѣръ, ни одна не рѣшится, не только заговорить съ мужчиной, даже взглянуть на него — да впрочемъ, и ни одинъ индусъ, со своей стороны, никогда не выкажетъ дева-дассы на улицѣ или въ публичномъ мѣстѣ неприличной ласки, не вызоветъ ее на наглость.

Манера дева-дассы держать себя на улицѣ, ихъ одежда, походка — все носитъ на себѣ отпечатокъ какой-то дѣвственной стыдливости. Но самая эта стыдливость, скромно потупленные глазки, одежда, ревниво скрывающая женскія прелести, босыя ножки, робко выглядывающія изъ подъ длиннаго платья — въ сущности искуснѣйшее, расчетливѣйшее кокетство; все это дразнитъ и воспаляетъ воображеніе сильнѣе откровенныхъ туалетовъ, нахальныхъ улыбокъ и безстыдныхъ подмигиваній европейскихъ камелій...

Таковы въ Индіи — такъ называемыя — *баядерки*.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Судебныя испытанія. Вѣсы. Огонь. Вода. Ядъ. Масло. Ядовитыя змѣи. Казни у древнихъ индусовъ. Самоистязанія богомольцевъ. Шидди-мари. Джамна. Паразу. Огненная купель. Измѣреніе пути длиною роста. Средневѣковые изувѣры въ Европѣ.

Къ слову о самоистязаніяхъ изувѣровъ, разскажемъ теперь читателю о религіозно-юридическихъ обрядахъ испытанія виновныхъ обрядахъ, которые отъ древнихъ язычниковъ перешли въ христіанскую средневѣковую Европу подъ богохульнымъ именемъ *суда божьяго* (ордалій). Начало этого возмутительнаго, нелѣпаго обычая — въ Индіи. Здѣсь испытанія подсудимаго свершались (изрѣдка даже и понынѣ свершаются) посредствомъ: 1) вѣсовъ, 2) огня, 3) воды, 4) яда, 5) растопленнаго масла и 6) ядовитой змѣи. Благопріятнѣйшими для всѣхъ вообще испытаній признають мѣсяцы: *Вайсакху* (апрѣль), *Джійаштру* (май) и *Пaушу* (декабрь); однако же для испытанія вѣсами выбираютъ преимущественно эпоху безвѣтрія, а для испытанія огнемъ — сухое и жаркое время. Предъ каждымъ изъ испытаній, подсудимый обязанъ поститься нѣсколько дней, а по свершеніи омовенія явиться

къ пурогитѣ и посовѣтоваться о выборѣ легкаго дня; затѣмъ,
пригласивъ браминовъ, съ ихъ благословенія приступить къ дѣлу.
• *Испытаніе вѣсами.* Подсудимый, сопровождаемый пуроги-
тою и браминами, является на назначенное мѣсто—преимущественно
за-городомъ, близъ рѣки, озера или пруда, вообще избираемое для
всякихъ обрядовъ. Здѣсь брамины благословляютъ его опять (*са-
сти васса*), читаютъ мантрамы и совершаютъ приношеніе цвѣ-
товъ, рису и бетеля планетамъ. Приносятъ большіе вѣсы съ фла-
гомъ на стрѣлкѣ и навѣшиваютъ ихъ на столбы съ перекладиной,
врытые въ землю (¹). Пурогита, взявъ чашу съ водою, рисомъ и
цвѣтами, обращается къ вѣсамъ со слѣдующей молитвой:

— Поклоненіе тремъ мірамъ: небу (*суарга*), землѣ (*булока*)
и преисподней (*паттала*). Богиня Истинна! явись съ восемью
блюстителями восьми странъ свѣта, богами подателями богатствъ
и вѣтра!

Затѣмъ пурогита совершаетъ приношеніе: богинѣ Истиннѣ (незри-
мой и неолицетворяемой), восьми богамъ хранителямъ сокровищъ,
рдвѣнадцати солнцамъ (главное изъ нихъ — *Митра*), 12 руд-
рамъ, 16 богинямъ-родственницамъ, богу Вигнессуарѣ и восьми вѣт-
рамъ (одинъ изъ нихъ называется дуновеніемъ — *анима* (?). За
приношеніемъ слѣдуетъ малая пуджа Истиннѣ, состоящая изъ чи-
стой воды, сандала, цвѣтовъ, затепленной лампады и ладону. Чте-
ніе мантрама огню, бросаніе въ него-же (*гайятти*) 108 или 28,
или, наконецъ, только 8 кусковъ дерева *билли* (Averrhoa bilim-
bi L), омоченныхъ масломъ и перемѣшанныхъ съ рисомъ. Въ это вре-
мя обвиняемый раздаетъ подарки браминамъ, идетъ къ рѣкѣ и ку-
пается, не снимая одежды. Возвратясь съ купанья, онъ становится
на одну изъ вѣсовыхъ досокъ, обращенную къ западу, на другую
брамины накладываютъ кирпичи и траву дарбу до тѣхъ поръ, по-
куда обѣ доски не уравновѣсятся. Обвиняемый сходитъ и опять ку-

(¹) Устройство вѣсовъ совершенно тоже самое, что и на нашихъ сѣнныхъ важняхъ. Точно также устраиваются въ Индіи и *качели*, изобрѣтенныя тамъ въ глубочайшей древности. Эта *одуряющая* забава, какъ суррогатъ водки, пользуется въ Индіи немевьшей любовью, какъ и у насъ въ Россіи.

пается, а пурогита, между тѣмъ, пишетъ на полоскѣ бумаги или на пальмовомъ листѣ—и непремѣнно цвѣтными чернилами — на двухъ равныхъ строкахъ, содержащихъ одинаковое число буквъ:

„Солнце, луна, вѣтеръ, огонь, небо, земля, вода, Истинна, Яма день, ночь, заря утренняя, заря вечерняя! Вамъ однимъ вѣдомы всѣ дѣянія обвиняемаго... Скажите-же вы—правда-ли то, въ чемъ его обвиняютъ?“

Положивъ свое писаніе на голову подсудимому, пурогита обращается къ вѣсамъ:

— Вѣсы праведные, неподкупные, всезнающіе! Вотъ человѣкъ, обвиняемый и подозрѣваемый.... Вамъ, вѣсы, рѣшить—правъ онъ или виновенъ?“

Наблюденіе за вѣсами во время слѣдующаго испытанія поручается старѣйшему брамину, извѣстному своей прямизной и честностью правилъ. И онъ, въ свою очередь, проситъ вѣсы обнаружить сущую правду. Пурогита становитъ обвиняемаго на доску и пять разъ поетъ особую, для этого обряда, молитву. Если во все это время стрѣлка вѣсовъ стоитъ ровно — человѣкъ, хотя отчасти—виноватъ; если вѣсъ противоположной доски его перетягиваетъ—правъ; и разумѣется—виноватъ, если случается противное... наконецъ, кругомъ виноватъ, если доска, на которой онъ стоитъ, сорвется съ вѣсоваго коромысла. Хотя на всѣхъ языкахъ и существуетъ выраженіе, что преступленіе тяжелымъ камнемъ ложится на совѣсть человѣка—однако же не слыхано, чтобы этотъ камень дѣлалъ преступника тяжелѣе человѣка съ чистой совѣстью.

Испытаніе огнемъ. Предварительные обряды, какъ при этомъ, такъ и при всѣхъ послѣдующихъ испытаніяхъ, неизмѣнно одни и тѣже.

Обвиняемый, пурогита и брамины собираются на назначенное мѣсто. На землѣ, по направленію отъ востока къ западу, чертятъ девять круговъ; восемь въ два ряда, а девятый нѣсколько поотдаль. Поперечникъ каждаго круга долженъ быть около аршина и таково же точно разстояніе между кругами и обоими ихъ рядами. Восемь круговъ посвящаются: огню, Варунѣ, вѣтру, Ямѣ, Индрѣ, Куберѣ, Лунѣ и Шабитрѣ; девятый—всѣмъ богамъ. Каждый кругъ покрывается слоемъ коровьяго помета и травы дарбы; каждому дѣ-

лаютъ предложеніе, какъ божеству. Обвиняемый, не снимая одежды, купается и мокрый становится въ первый кругъ западнаго ряда, лицомъ къ востоку. Обѣ его руки брамины мочатъ саламатой изъ муки и сыворотки, покрываютъ ихъ семью листами дерева ассуаты, семью же — дерева *шони* и семью стеблями травы дарбы. Призванный кузнецъ калитъ до бѣла желѣзную полосу въ восемь дюймовъ длины и въ 50 рупій вѣсомъ. Между тѣмъ, на южной сторонѣ девятаго круга, пурогита разводитъ огонь, освящаетъ его, и дѣлаетъ ему приношенія; читаетъ молитву Истинѣ. Раскаленное желѣзо опускаютъ въ воду, раскаляютъ вторично на священномъ огнѣ при непрерывномъ чтеніи молитвъ огню — „очистителю всѣхъ грѣховъ...“ Взявъ щипцами раскаленное желѣзо, пурогита кладетъ его на руки обвиняемому, который обязанъ пробѣжать взадъ и впередъ по всѣмъ кругамъ обоихъ рядовъ, а достигнувъ девятаго круга бросить желѣзо на разложенную солому, которая должна вспыхнуть.

Если во время бѣга по кругамъ желѣзо соскользнетъ съ рукъ обвиняемаго и упадетъ на землю — обрядъ начинаютъ сызнова.

Если руки испытуемаго окажутся неповрежденными, его признаютъ правымъ. Въ удостовѣреніе того, что кожа на ладоняхъ не прожжена онъ подвергается испытанію: его заставляютъ протерѣть между ладонями горсть немолотаго риса.

Это испытаніе, замѣтимъ, можетъ быть *съ руки* ловкому плуту. Ладони, заранѣе натертыя крѣпкимъ растворомъ квасцовъ, поваренной соли, пальмовымъ масломъ и т. п. могутъ остаться невредимы, особенно при непродолжительномъ прикосновеніи раскаленнаго желѣза. Самая смѣсь муки съ сывороткой и слой древесныхъ листьевъ ослабляютъ до извѣстной степени дѣйствіе жара на кожу ладоней, которая у каждаго человѣка, сама по себѣ, грубѣе и толще.

Испытаніе водою. На берегу не особенно быстрой и глубокой рѣки чертятъ одинъ большой кругъ и осыпаютъ площадь его цвѣтами и ладаномъ. Въ дно рѣки, въ то мѣсто, гдѣ воды по поясъ, вбиваютъ колъ; къ нему прислоняется обвиняемый, а пурогита, между тѣмъ, ставъ лицомъ на востокъ, читаетъ продолжительную молитву водѣ, Вишну и всѣмъ богамъ. Брамины избираютъ одного изъ своей среды и поручаютъ ему пройдти отъ мѣста

испытанія и обратно опредѣленное пространство. Съ первымъ же шагомъ, испытуемый, придерживаясь руками за колъ, долженъ погрузиться въ рѣку съ головою. Если онъ выглянетъ на поверхность прежде, нежели браминъ возвратится на мѣсто — онъ виноватъ и нѣтъ ему ни оправданія, ни пощады.

Изъ этого испытанія явствуетъ только, что человѣкъ, умѣющій отлично нырять (а всѣ индусы вообще превосходные пловцы), всегда можетъ быть правъ и выйдетъ сухъ изъ воды.

Кромѣ этого у индусовъ существуетъ еще два способа испытанія водою — для нѣсколькихъ подозрѣваемыхъ лицъ, или для двухъ — истца и отвѣтчика.

Въ первомъ случаѣ, т. е. когда нѣтъ прямыхъ уликъ, но есть подозрѣніе, что преступникъ находится въ числѣ подвергающихся испытанію, брамины объявляютъ имъ, что правый *всѣхъ дольше* останется подъ водою... Желая доказать свою правоту, виноватый, разумѣется, старается всѣми силами пробыть подъ водою до послѣдней возможности. Хорошо, если природа наградила его здоровыми легкими и счастливой способностью не дышать нѣсколько минутъ. Всего чаще бываетъ, что виноватый задыхается и, такимъ образомъ, думая оправдаться, самъ же себя и караетъ. Это испытаніе, такъ сказать, ничто иное, какъ ловушка, въ которую, однакоже, хотя и ловятся виноватые, но и правые попадаются.

Второй способъ точно такой же, но только для двоихъ — истца и отвѣтчика, или обвинителя и обвиняемаго. И тутъ, страдающій одышкою всегда оказывается виноватымъ.

Испытаніе ядомъ. Обвиняемому даютъ съѣсть коровьяго масла, въ которое примѣшано три щепотки мышьяку. „Если онъ правъ“, говоритъ при этомъ пурогита въ своей молитвѣ — „мышьякъ превратится для него въ амриту (питіе безсмертія)!“

Если отравленный переживетъ три дня — его признаютъ правымъ.

Хотя коровье масло ослабляетъ до нѣкоторой степени дѣйствіе мышьяка, будучи ему противоядіемъ, но, кромѣ того, испытуемый можетъ заблаговременно до сыта напиться молока или растительнаго масла и тѣмъ нѣсколько предохранить себя отъ отравы. Замѣтимъ еще, что индусы вообще весьма свѣдущи въ токсикологіи,

и нѣтъ почти яда растительнаго, животнаго или минеральнаго, которому они не знали бы противоядія.

Испытаніе ядомъ всего чаще совершается надъ женщинами, подозрѣваемыми въ нарушеніи супружеской вѣрности. Кромѣ мышьяку, въ подобномъ случаѣ, употребляютъ и растительные яды, которыми такъ изобилуетъ Индія.

Испытаніе растопленнымъ масломъ. Со дна сосуда, наполненнаго кипящимъ коровьимъ масломъ, обвиняемый долженъ достать монету или кольце. Ошпаренную руку забинтовываютъ пальмовымъ листомъ, стеблями дарбы и припечатываютъ. Эту перевязку снимаютъ черезъ три дня и по степени изъязвленій судятъ о степени виновности испытуемаго.

Испытаніе ядовитой змѣей. Ужаснѣйшее изъ всѣхъ предыдущихъ, и тѣмъ ужаснѣе, что изъ тысячи испытуемыхъ едва ли одинъ остается цѣлъ и невредимъ. Тутъ судьею и вмѣстѣ палачемъ является ядовитая гадина, укушеніе которой неисцѣлимо.

На дно корзины, наполненной дарбою и цвѣтами, сажаютъ змѣю и туда же бросаютъ кольце или мелкую монету. Подсудимый, обнаженною по локоть рукою, долженъ достать то или другое изъ роковой корзины. Въ этой лотереѣ, разыгрываемой на жизнь и на смерть, играющему не поможетъ никакая ловкость, никакая увертливость, тутъ, по нашей пословицѣ—либо панъ, либо пропалъ.

Таковы у индусовъ испытанія подсудимыхъ. Предоставляя богамъ обличеніе виновнаго, индусы никогда, даже во времена отдаленнѣйшей древности, не прибѣгали къ пыткамъ для вынужденія признаній. Древніе законодатели слишкомъ хорошо понимали, что признаніе, исторгнутое муками, чаще всего можетъ быть напраслиной подсудимаго на себя самаго, да кромѣ того знали, что каждый индусъ способенъ переносить самыя адскія истязанія съ непоколебимой твердостью, думая тѣмъ угодить своимъ богамъ, съ полной увѣренностью, что муками тѣлесными онъ спасаетъ свою душу. Просимъ читателя обратить вниманіе еще и на то весьма важное обстоятельство, что индусы, при вышеописанныхъ испытаніяхъ и казняхъ преступниковъ, ни на волосъ не уклоняются отъ буквы своего религіознаго закона. Подсудимый не истязуется руками своего ближняго, онъ ***самъ себя*** истязуетъ, ***самъ*** пробѣгаетъ сквозь огонь

самъ идетъ въ воду, ***самъ*** достаетъ кольце изъ сосуда съ растопленымъ масломъ или изъ корзины съ ядовитой змѣей. Казни въ древности (до покоренія Индіи мусульманами и европейцами) совершались надъ преступниками не людьми, но звѣрями: приговоренныхъ къ смерти отдавали на растерзаніе слонамъ, львамъ, тиграмъ или на уязвленіе змѣямъ... не давили ихъ петлями на висѣлицахъ, не рубили имъ головъ на плахахъ. Между кастами и безчисленными цехами древней Индіи, цехами презрѣннѣйшими—не видимъ, однако, цеха палачей. Въ самомъ выборѣ животныхъ для казней преступниковъ замѣтна мысль религіозная: слонъ, тигръ, змѣя—звѣри священные; въ послѣднихъ двухъ вѣкогда превращался Вишну. Душа человѣка, растерзаннаго тигромъ или уязвленнаго змѣею не подвергается переселенію, ей легче доступъ въ блаженныя обители... Такимъ образомъ, казнь въ древней Индіи была въ одно и тоже время: возмездіемъ преступленія и спасеніемъ души преступника.

Странное, однако же, противорѣчіе! Индусъ, щадя жизнь и кровь не только ближняго, самыхъ животныхъ—безжалостенъ къ себѣ самому и въ угоду богамъ способенъ подвергать себя добровольно самымъ жестокимъ мученьямъ. Мы говорили уже о самоистязаніяхъ отшельниковъ, раскажемъ теперь о добровольныхъ мукахъ индусовъ-богомольцевъ.

Въ храмахъ злой подземной богини *Магри-Аммы* совершаются постоянно въ честь ея — *шидди-магри* — вѣшанія. Противу входа, въ этихъ храмахъ стоитъ висѣлица съ блокомъ на перекладинѣ, сквозь который продернута веревка съ острымъ желѣзнымъ крюкомъ, въ родѣ огромной рыболовной уды. Желающій подвергнуться истязанію богомолецъ, становится подъ висѣлицу. Прислужники храма, до красна натираютъ ему кожу на спинѣ, для ея размягченія, потомъ, подцѣпивъ подъ нее крюкъ, медленно приподнимаютъ добровольнаго страдальца аршина на два отъ земли. Висящій, такимъ образомъ, на воздухѣ обязанъ пѣть гимны, шутить съ предстоящими, разсказать имъ какую нибудь забавную исторію... и, боже его сохрани судорожной гримасой или невольной слезой обличить свои муки! Повисѣвъ нѣсколько минутъ, онъ опу-

скается на землю, крюкъ изъ подъ кожи отцѣпляютъ, рану перевязываютъ.

Подобное же истязаніе совершается иногда во время процессій при везеніи идоловъ на колесницахъ. Самоистязателя, крюкомъ, прикрѣпленнымъ къ колесницѣ, прицѣпляютъ за кожу и онъ, высоко покачиваясь надъ толпами народа, бросаетъ имъ цвѣты, поетъ гимны или размахиваетъ зажженными факелами. Броситься подъ колесницу, на которой везутъ идола, и броситься такъ, чтобы колесами размозжило руку, ногу — самую голову — почитается дѣломъ богоугоднѣйшимъ; смерть въ эту минуту — залогомъ вѣчнаго блаженства.

При праздникахъ въ честь богини Кали совершается охотниками обрядъ *джамна*. Близъ храма строятъ вышку въ два и три яруса. Подъ нею раскладываютъ на землѣ остріями вверхъ ножи, бритвы, сабли, гвозди и прикрываютъ ихъ тюфяками, соломой или охапками хлопчатой бумаги. Богомольцы, смотря по мѣрѣ усердія, восходятъ во второй или третій ярусъ вышки и сбрасываются оттуда на землю. Тюфякъ, солома или хлопокъ, прикрывающіе разложенныя на землѣ оружія, не допускаютъ ихъ далеко вонзаться въ тѣла изувѣровъ; лезвія и гвозди должны только разрѣзать имъ кожу до возможно обильнаго кровотеченія. „На праздникахъ Кали", говоритъ французскій путешественникъ Сольвенъ въ своей любопытной книгѣ (1), „кровь, проливаемая богомольцами вокругъ храма, бываетъ по самую щиколку." Когда богомольцы идутъ въ храмъ съ музыкою и пѣніемъ, многіе изъ нихъ въ изступленіи ножами кромсаютъ себѣ лица, грудь и руки, иглами протыкаютъ себѣ языки, опаляются огнемъ, дѣлаютъ себѣ по 120 надрѣзовъ на тѣлѣ (число священное); дѣлаютъ заволоки, продергивая подъ кожу тростинки, соломенки, веревки... Иной изувѣръ отрѣзываетъ себѣ половину языка и, положивъ ее на кокосовый орѣхъ, приноситъ на жертвенникъ богини. Путешествовавшій во Индіи *Тифенталеръ* разсказываетъ, что при входѣ въ храмы богини Кали висятъ священные топоры (*паразу*); усердствующіе богомольцы рубятъ ими себѣ пальцы, нерѣдко руки и ноги.

(1) Solvyns: Les Indous. Paris 1808, gr. in fol. IV vol.

Близъ храмовъ Сивы фанатики повергаются *огненной купели*, пробѣгая босикомъ по горячимъ угольямъ пространство въ нѣсколько саженъ, или посыпая себѣ раскаленными же угольями головы. Встрѣчаются нерѣдко богомольцы, по обѣщанію продернувшіе сквозь обѣ щеки серебряную или мѣдную проволоку, завязанную узломъ подъ подбородкомъ. Эта проволока, лишающая возможности говорить, едва позволяющая разинуть ротъ, остается на изувѣрахъ во все время нахожденія ихъ на богомольи... Нельзя безъ жалости глядѣть на этихъ вольныхъ жертвъ фанатизма, особенно когда онѣ пьютъ молоко, рисовый отваръ или хлѣбную воду (такъ какъ лишены возможности принимать иную, твердую пищу). Каждый глотокъ стоитъ имъ невыразимыхъ мученій! Другіе, давшіе обѣтъ молчанія, пробиваютъ себѣ губы гвоздями или винтомъ съ двумя навинченными на концы его гайками...

Многіе правовѣрные индусы, отправляясь на богомолье изъ Бенареса въ Яггернаутскій храмъ, что составляетъ около 200 верстъ разстоянія, измѣряютъ этотъ путь длиною собственнаго тѣла. Совершается этотъ, по ихъ мнѣнію, богоугодный подвигъ слѣдующимъ образомъ: Выйдя за порогъ своего дома, богомолецъ во весь ростъ растягивается на землѣ, встаетъ, дѣлаетъ два шага отъ того мѣста, гдѣ приходилось темя, ложится опять, встаетъ, опять дѣлаетъ два шага и т. д. до самаго храма... Вмѣстѣ съ читателемъ недоумѣваемъ — смѣяться или грустно призадуматься надъ этимъ оригинальнымъ способомъ ходить на богомолье? Но, въ правѣ ли мы порицать язычниковъ за ихъ фанатическія выходки, когда европейскія лѣтописи среднихъ вѣковъ разсказываютъ намъ чуть ли не то же самое о христіанскихъ пилигримахъ эпохи крестовыхъ походовъ? Правда, европейскія пилигримы, отправляясь въ Палестину, не измѣряли долгаго пути длиною своего роста, но обычай ихъ, существующій и у индусовъ, дѣлать *три шага впередъ и два назадъ*, малымъ чѣмъ разнится, какъ намъ кажется, отъ фанатическаго пресмыканья индусовъ-идолопоклонниковъ. Послѣднимъ извинительна ихъ религіозная ярость; невѣдомы имъ слова Сына Божія — Отца чадолюбивѣйшаго:

— „Милости хочу, а не жертвы"...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Сравненіе зодчества индусовъ и египтянъ. Изобиліе храмовъ. Обрядъ основанія храма. Планъ и фасадъ. Внутреннее расположеніе. Кумиры. Колокола. Утварь. Богослуженіе. Пѣвчіе. Музыка. Бѣсноватые. Оракулы. Мнимыя чудеса. Вымогательство пожертвованій. Распутство жрецовъ.

Первымъ строителемъ храмовъ и капищъ древнихъ индусовъ — была природа. Для моленій и жертвоприношеній они собирались въ пещерахъ и подземельяхъ, освѣщаемыхъ лампадами и факлами. Мрачная обстановка, вполнѣ гармонируя съ духомъ религіи, нагоняя ужасъ на молельщиковъ, способствовала, вмѣстѣ съ тѣмъ, жрецамъ морочить ихъ ложными чудесами. Впослѣдствіи, не довольствуясь голыми стѣнами моленныхъ пещеръ, индусы начали украшать ихъ рѣзьбою, рельефными изображеніями боговъ, баснословныхъ героевъ и звѣрей, внутри и снаружи: довели, наконецъ, ваяніе до такой степени совершенства, что стали выдалбливать въ горахъ искуственныя пещеры или обтачивать цѣлыя скалы въ видѣ пирамидъ, идоловъ и звѣрей, исполинскихъ размѣровъ. И если сравнить древнѣйшіе храмы индусовъ съ памятниками Египта, то сравненіе это будетъ далеко невыгодно для послѣднихъ. Въ египетскихъ храмахъ, пирамидахъ и обелискахъ видимъ чудеса механики и строительнаго искуства, при совершенномъ отсутствіи изящества... Это математическія задачи, разрѣшенныя гранитомъ! Памятники Египта много говорятъ уму, но ничего воображенію. Символическіе египетскіе рисунки, *нацарапанные* на стѣнахъ — сухи, бѣдны вымысломъ, чужды изящества; человѣческія фигуры на египетскихъ памятникахъ изображенія не людей, а какихъ-то куколъ съ вывернутыми руками и ногами — ни одной натуральной позы, ни жизни, ни движенія... Это даже не ученическая — это ребяческая работа; безсмысленный, младенческій лепетъ искуства въ пеленкахъ! Вглядитесь теперь въ памятники древняго индусскаго ваянія и вы будете поражены необыкновенной мягкостью позъ, мастерскимъ *пошибомъ* рѣзца, смѣлостью рисунка и искуснымъ преодолѣніемъ поэтическихъ трудностей. Здѣсь видите вы произведеніе художника, внятно говорящее и чувствамъ, и воображенію. Тамъ, въ Египтѣ, угловатость, сухость, мертвенность; геометрическія фигуры вмѣсто живыхъ, человѣческихъ... Здѣсь, въ Индіи — натуральная круглота, мягкость, нѣга, прелесть; живая мысль, выраженная бездушнымъ камнемъ.

Число храмовъ въ Индіи возрастало вмѣстѣ съ умственнымъ развитіемъ страны; храмами застроили нетолько города и села, но и вершины горъ, берега рѣкъ, источниковъ... воздвигли ихъ въ лѣсахъ, на большихъ дорогахъ, распутіяхъ, въ самыхъ пустыняхъ. Священныя Веды говорятъ, что тамъ нѣтъ людямъ ни счастья, ни удачи, гдѣ нѣтъ храмовъ, и построеніе ихъ близъ жилья вмѣняется индусамъ въ священную обязанность. Кромѣ храмовъ, въ Индостанѣ, почти на каждомъ шагу — хотя бы въ грубомъ символѣ — напоминаніе о божествѣ. Раджи и богачи отличаются особеннымъ усердіемъ къ сооруженію храмовъ, такъ какъ, по увѣреніямъ браминовъ, это для нихъ единственный способъ снискать себѣ загробное божество... И какъ браминамъ не щедриться на обѣщанія всѣхъ благъ небесныхъ, какъ не поощрять богачей къ постройкамъ зданій, которые для нихъ, браминовъ, служатъ неистощимыми рудниками, неизсякаемыми источниками богатой наживы.

Каждый храмъ окруженъ священной рощей и по близости отъ нея всегда есть рѣка, ручей, прудъ или колодезь для омовеній. Означеніе мѣста для постановки главнаго идола при основаніи храма всегда предоставляется на волю боговъ, а воля эта узнается слѣдующимъ образомъ:

Мѣсто постройки вспахиваютъ (разумѣется, съ безконечными обрядами) и засѣваютъ какимъ нибудь житомъ; на всходы пускаютъ корову для пастбища. Мѣсто, на которомъ ляжетъ скотина послѣ сытнаго угощенія и есть то самое, на которомъ слѣдуетъ поставить главнаго кумира. Храмы посвящаются всѣмъ богамъ и богинямъ, злымъ и добрымъ — *кромѣ Брамы*, неудостоивающагося этой чести. За что ему такая немилость — никто этого на-

вѣрное не знаетъ. Одни говорятъ, за его провинности предъ Магадевою; другіе—вслѣдствіе проклятія Брамы какимъ-то пустынникомъ; третьи, наконецъ, что Брама не нуждается въ храмахъ, такъ какъ вся природа его храмъ, имъ же самимъ созданный. Фасадъ храма и планъ его — неизмѣнны. Входъ сквозь пирамиду (гопарамъ), увѣнчанную полумѣсяцемъ — на востокъ, если храмъ божества добраго, на западъ — если злаго. За пирамидою—дворъ, за нимъ пирамида поменьше первой, за нею второй дворъ, гдѣ и находятся самый храмъ и главное капище. Посреди двора, подъ навѣсомъ на четырехъ столбахъ, каменный идолъ, столбъ (лингамъ), Вигнессуара, лежащая съ подогнутыми подъ себя ногами корова (въ храмахъ Сивы), змѣя или обезьяна (въ храмахъ Вишну). Въ честь послѣднихъ животныхъ существуютъ въ Индіи особые храмы, гдѣ онѣ живутъ, размножаются и удостоиваются божественныхъ почестей. Помянутому идолу преддверія храма воздается молельщиками предварительное поклоненіе. Въ самое капище (не имѣющее оконъ и озаряемое лампадами) ведетъ узкая, низенькая дверь. Внутренность капища состоитъ изъ двухъ отдѣленій: мѣста стоянія молельщиковъ и святилища; первое обширное и высокое; второе меньше и ниже. Дверь въ него отворяется только во время богослуженія; входить въ нее имѣетъ право только жрецъ или его помощникъ для приношеній идолу, его омовеній или его одѣянія. Куполы вообще невысокіе, и своды встрѣчаются всего чаще на храмахъ недавней эпохи; кровли древнѣйшихъ храмовъ обыкновенно окаймлены рядами столбовъ, облицованныхъ тесанымъ камнемъ, и постепенно пирамидально съуживающихся по вершинѣ. Иныхъ строительныхъ матеріаловъ, кромѣ камня и желѣза, при сооруженіи храмовъ не употребляется. Въ послѣднихъ, по неимѣнію ни оконъ ни вентиляціи — постоянная, невыносимая духота отъ множества лампадъ, чада сожигаемыхъ на жаровняхъ коровьяго масла, рису, ладану — и, наконецъ, отъ испареній (*пахучихъ*, какъ у всѣхъ восточныхъ народовъ) нѣсколькихъ тысячъ молельщиковъ.

Главный кумиръ, которому посвященъ храмъ, стоитъ въ углубленіи святилища на высокомъ пьедесталѣ, обставленный лампадами и всегда богато изукрашенный, разодѣтый, нерѣдко съ позолочен-

ными глазами, ртомъ и ушами. Золотятъ его, по обѣщанію, тѣ изъ молельщиковъ, чьи молитвы (будто-бы) были имъ услышаны. Въ нѣкоторыхъ храмахъ поклонники, по обѣщанію же, вставляютъ идоламъ рубиновые, сафировые или брилліантовые глаза (¹), обвѣшиваютъ ихъ жемчужными ожерельями или изъ золота или серебра отлитыми изображеніями болѣвшихъ и исцѣленныхъ (будто-бы) идоломъ членовъ: головъ, глазъ, ушей, носовъ, ртовъ, рукъ, ногъ и т. д. (²) Голова кумира увѣнчана короной, либо, всего чаще, остроконечной конической шапкой, придающей сидящему съ поджатыми ногами идолу видъ пирамиды — символа огня, Тримурти и безсмертія. Лица идоловъ чернятся или обмазываются голубой краской (идолы Вишну). Стоящіе въ храмахъ бываютъ каменные, возимые въ процессіяхъ и сохраняемые въ домахъ мѣдные, золотые, серебряные. Кромѣ металла и камня нельзя употреблять для изваяній идоловъ другихъ матеріаловъ; только статуи бога *Джаганатта* въ Яггернаутѣ и адской богини, *Магри*, должны быть деревянные; идолы послѣдней вытачиваются изъ одного дерева съ краснымъ, на кровь похожимъ, сокомъ. Новыхъ идоловъ освящаютъ, призывая бога вселиться въ свое изображеніе и одушевить его; освящаютъ и храмы, и переосвящаютъ ихъ въ случаяхъ оскверненія, особенно случайно пролитой кровью или какими нечистыми органическими изверженіями. Кромѣ идола, по стѣнамъ храма есть всегда рельефныя изображенія боговъ, героевъ и звѣрей. На дворѣ, близъ храма, становятъ гранитный восьмиугольный (по числу боговъ хранителей) столбъ, съ четыреугольной капителью съ колокольчиками по угламъ, изукрашенный барельефами. На столбъ этотъ ставятъ жаровню для ладону и зажженныя лампады. Столбъ этотъ, символъ солнца и огня, становится иногда и отдѣльно отъ храма на большихъ дорогахъ — замѣняя часовню. На прилагаемомъ рисункѣ изображенъ такой столбъ — остатокъ древняго храма *Бароли*.

(¹) Одинъ изъ знаменитыхъ европейскихъ брилліантовъ — не припомнимъ только который именно — былъ выкраденъ изъ глаза идола въ Индіи какимъ-то мошенникомъ и проданъ въ Европѣ за баснословную цѣну.

(²) Abbé Dubois: Les Indous (Paris 1820) T. II, p. 375.

Съ другой стороны отъ входа въ храмъ, на треножной подставкѣ, виситъ колоколъ, возвѣщающій окрестнымъ жителямъ о времени богослуженія. Неосновательно относятъ время изобрѣтенія колоколовъ къ 400 году по Р. Х.; колокола изобрѣтены въ Индіи гораздо ранѣе — около 800 лѣтъ до нашей эры. Первоначально вмѣсто колокола употребляли тамъ навѣшенные на перекладинахъ мѣдные бубны, въ которые ударяли молотами.

Орудія и утварь, употребляемыя при богослуженіи въ индусскихъ храмахъ, немногочисленны; главнѣйшіе изображены на прилагаемомъ рисункѣ.

Кромѣ этихъ орудій употребляются еще во время процессій опахала изъ павлиньихъ перьевъ и коровьихъ волосъ отъ хвоста. Тѣ и другія опахала носятъ, кромѣ того, и при торжественныхъ выходахъ раджей.

Богослуженіе просто и непродолжительно. Служба въ храмахъ два раза въ день, утромъ и вечеромъ. Молельщики чрезъ жреца подаютъ идолу приношеніе, состоящее изъ рису, плодовъ, кокосовъ и зажженыхъ лампадъ. Жрецъ не облачается въ особое одѣяніе, а читаетъ молитвы въ своемъ обыкновенномъ платьѣ. И утромъ, и вечеромъ идола обмываютъ, помои раздаютъ пить присутствующимъ, а по окончаніи службы обносятъ идола вокругъ храма; въ богатѣйшихъ мѣстностяхъ его возятъ на слонахъ или колесницахъ, влекомыхъ молельщиками и предшествуемыхъ пляшущими баядерками. Предъ приношеніемъ, идола одѣваютъ и наводятъ ему лобные знаки; во время приношенія (*пуджи*) звонятъ въ колоколъ. Остатки приношеній, называемые *прассадамъ* (священный даръ), раздаютъ присутствующимъ: рисъ и плоды они тутъ же, въ храмѣ, съѣдаютъ, цвѣты пристегиваютъ къ головнымъ уборамъ; освященную воду (*тиртамъ*) пьютъ.

Пляска баядерокъ (*дева-дассы*), инструментальная и вокальная музыка сопровождаютъ богослуженіе въ дни храмовыхъ праздниковъ. Музыканты содержатся на жалованьи, да сверхъ того пользуются весьма порядочными доходами отъ наймовъ на свадьбы и торжества. Инструменты состоятъ изъ кимваловъ, гобоевъ, кларнетовъ и барабановъ, по которымъ бьютъ пальцами. Всѣхъ храмовыхъ напѣвовъ (*páга*) 36, пѣніе нотное ([1]). Оркестромъ и пѣвчими управляетъ регентъ (*натува*), напоминающій ухватками и манерами вожака цыганскаго хора. Во время пѣнія онъ бьетъ тактъ въ бубны руками, ногами, головой; ухаетъ, гикаетъ, пляшетъ и мечется какъ бѣсноватый... Для европейскаго уха, избалованнаго произведеніями великихъ маэстро, индусская музыка — сущая пытка...

Кромѣ жреца, его помощниковъ, казначея, прислужниковъ, дева-дассы, пѣвчихъ и музыкантовъ, почти при каждомъ храмѣ, въ назиданіе молельщикамъ, содержится на жалованьи шутъ, якобы одержимый злымъ духомъ (*пизашею*). Этотъ господинъ во время богослуженій валяется по полу, лаетъ собакой, мяукаетъ кошкой, поетъ пѣтухомъ, ругается мерзѣйшими словами, говоритъ на непонятныхъ языкахъ, а молельщики осыпаютъ его подарками и приношеніями — не ему лично, но гнѣздящемуся въ немъ бѣсу (*пизашъ*), вслѣдствіе того убѣжденія, что и бѣсъ, при случаѣ, можетъ пригодиться. Въ спокойныя минуты, бѣсноватый толкуетъ, что бѣсъ мучитъ его за грѣхи, отъ которыхъ да охраняютъ боги правовѣрныхъ. Женщины нерѣдко прибѣгаютъ къ нему за пророчествами и онъ городитъ имъ въ минуты экстаза всякую чушь, которую старухи-молельщицы перевираютъ по своему. Впрочемъ, бѣсноватые обоего пола (наука называетъ ихъ *эпилептиками*) явленіе довольно частое въ Индіи, и одержимые этимъ недугомъ обыкновенно обращаются къ помощи боговъ. Главнѣйшее изъ религіозно-врачебныхъ средствъ состоитъ въ ращеніи волосъ и ногтей опредѣленное время (отъ году до трехъ лѣтъ), по прошествіи котораго стригутъ то и другое въ храмѣ и приносятъ въ жертву божеству.

([1]) По мнѣнію европейцевъ, музыкальная гамма изобрѣтена въ 1028 г. монахомъ *Гвидо д'Ареццо*.. честь ему и слава, но семи-нотная гамма существовала у индусовъ за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. Наши ut, re, mi, fa, sol, la, si — называются у индусовъ: *са, ри, га, ма, па, да, ни.* Каждая нота - божество, доброе или злое, веселое или печальное, судя по его сочетанію съ прочими... Вотъ вамъ даже и таинства генералъ-баса, облеченныя въ Индіи въ религіозную форму!

Средства храмовъ — громадныя. Кромѣ пожертвованій богачей и завѣщаемыхъ наслѣдствъ, къ храмамъ приписаны обширныя земли, отдаваемыя жрецами въ аренду; не малый доходъ даютъ праздники, на которые стекаются тысячи богомольцевъ; наконецъ оракулы съ ихъ чудесными прорицаніями. Спрятавшійся въ пьедесталѣ жрецъ дикимъ голосомъ вретъ народу не менѣе дикія пророчества и народъ твердо увѣренъ. что говоритъ самъ идолъ, стоящій на пьедесталѣ... А мнимыя чудеса?

„Кромѣ пышности и блеска, для ослѣпленія народа„ говоритъ абатъ Дюбуа (¹) — „жрецы прибѣгаютъ еще и къ другаго рода мороченью. По словамъ ихъ, чудеса, творимыя кумирами въ храмахъ для вѣрующихъ и (особенно) дарящихъ, ни съ чѣмъ не сравненны. Идолъ можетъ сдѣлать неплодную женщину плодовитою, возвратить зрѣніе слѣпому, исцѣлить прокаженнаго, поставить на ноги храмого и т. д. И нѣтъ индуса, который осмѣлился бы выразить хоть тѣнь сомнѣнія въ этихъ чудесахъ.“

Есть особые храмы, знаменитые кумирами-спеціалистами для разнаго рода недутовъ и прошеній. Какъ больной желудкомъ европеецъ не обратится за совѣтомъ къ глазному или зубному врачу, такъ и правовѣрный индусъ не станетъ просить Вишну о томъ, чѣмъ завѣдуетъ Рудра или Вигнессуара; богиня не услышитъ мужской молитвы—неприлично, во первыхъ, мужчинѣ ее безпокоить, а во вторыхъ—и прошеніе его совсѣмъ не по ея части.

Но этимъ жрецы, эксплуататоры невѣжества безсмысленной черни—не ограничиваются. Изъ множества способовъ выманивать деньги у молельщиковъ укажемъ на безстыднѣйшіе:

Въ одно прекрасное утро, молельщики, приходящіе въ капище, видятъ вдругъ, что на главномъ идолѣ—надѣты кандалы (въ богатыхъ храмахъ *Тирупатти* они бываютъ золотые и серебряные). Что за притча? Въ чемъ могъ провиниться идолъ? Кто смѣлъ заковать его? Эти вопросы перебѣгаютъ изъ устъ въ уста смущенныхъ богомольцевъ. Отвѣтъ получаютъ они отъ главнаго жреца.

(¹) Abbé Dubois, T. II, p. 340.

— Идолъ нашъ, говоритъ имъ пройдоха съ постнымъ лицомъ и унылымъ голосомъ—„идолъ нашъ задолжалъ много, заимодавцы покою не даютъ!.. Мало этого, злодѣи на него какъ видите колодки надѣли и до тѣхъ поръ не снимутъ, покуда идолъ съ долгами не расплатится... Неужели вамъ не жаль его?

Тутъ является блюдо для пожертвованій. Рупіи сыпятся дождемъ; сыпятся сегодня, завтра, послѣ завтра—сыпятся до того дня, покуда пожертвованія не составятъ суммы фантастическаго долга и цѣпи съ идола не *исчезнутъ*... Замѣтьте... *исчезнутъ*, либо въ глазахъ молельщиковъ, либо ночью, въ глазахъ главнаго жреца. Послѣднее всего чаще. Другой способъ вымогать пожертвованія еще оригинальнѣе:

Идола раздѣтаго и лишеннаго всѣхъ украшеній кладутъ на порогѣ храма, голову обвязываютъ бинтами, туловище обмазываютъ мазями. Молельщикамъ объявляютъ, что богъ *боленъ* вслѣдствіе оскудѣнія къ нему благоговѣнія и недостатка поклонниковъ; что онъ, какъ только поправится, намѣренъ переселиться въ другой храмъ, а нечестивую область поразитъ и засухой, и неурожаемъ, и всякими лихими болѣстями... Напуганные молельщики отдаютъ послѣднее на лекарства богу и на его задобрыванье. Идолъ смягчается, выздоравливаетъ и остается на прежнемъ пепелищѣ. Волки сыты и овцы цѣлы.

Въ Палани (въ Мадурѣ) есть древній храмъ бога охоты *Валлейады* (Вишну, покровителя охотниковъ). Богомольцы обязаны приносить ему въ даръ — сандаліи. Жрецы увѣряютъ дателей, что богъ непремѣнно обуется въ каждую принесенную имъ пару, а за приношеніе щедро наградитъ пожертвователей. Принесенную обувь жрецы слегка обшаркиваютъ, пылятъ для придаиія ей вида надѣванной, а потомъ продаютъ тѣмъ же молельщикамъ въ три дорога... Оборотъ, какъ видите, недурной!

Все это поборы деньгами, но кромѣ ихъ въ Индіи въ иныхъ храмахъ существуютъ поборы натурою.

Въ храмѣ Тирупатти, напримѣръ, есть идолъ *Вангатты-Суары* (Вишну), посѣщаемый преимущественно замужними женщинами. Причина этого благоговѣнія къ нему прекраснаго пола, заключается въ томъ, что *Вангатта-Суара* спеціалистъ по ча-

сти акушерской клиники: онъ разрѣшаетъ неплодіе. Желающей избавиться отъ этого порока молельщицѣ слѣдуетъ провести ночь или двѣ въ капищѣ. Здѣсь кумиръ является ей въ видѣ жреца и..... въ узаконенный срокъ неплодная жена даритъ мужа сыномъ или дочерью. Если же ночлегъ въ капищѣ не имѣетъ такихъ отрадныхъ послѣдствій—это доказываетъ недостатокъ усердія молельщицы. Мужья почитаютъ за особенную честь имѣть свойкомъ самаго Вишну, и неудивительно! Бывали примѣры, что древніе раджи уступали Вишну свои супружескія права, отсылая своихъ женъ въ храмъ, на первую же ночь брака. Во время торжественныхъ шествій *Венгатты-Суары* на колесницѣ, жрецы, вмѣшиваясь въ толпы молельщицъ, выбираютъ между ними преимущественно молоденькихъ и хорошенькихъ и объявляютъ имъ и ихъ родителямъ, что идолъ удостаиваетъ ихъ высокой чести—избираетъ ихъ себѣ въ жены. На это предложеніе, особенно если оно дѣлается дѣвушкѣ простонародной касты, родители обыкновенно изъявляютъ живѣйшее согласіе. Избранницу берутъ въ храмъ, и въ теченіе трехъ лѣтъ, иногда и болѣе, она обязана проводить ночи въ капищѣ идола. Въ случаѣ отставки, жрецы накладываютъ ей раскаленнымъ желѣзомъ тавро на лядвею, и отставная супруга идола пользуется титуломъ *Кали-югамъ-Лакми* (Лакми, жена Вишну послѣдняго вѣка). Простой народъ почитаетъ ихъ святыми; женщины совѣщаются о своихъ семейныхъ дѣлахъ, выслушиваютъ ихъ пророчества и признаютъ за особую благодать посѣщеніе ими дома.

Однажды коснувшись этого предмета, скажемъ уже заодно и о храмахъ, въ которыхъ развратъ замѣняетъ обряды. На берегахъ Кавери въ степи *Джунджинагатти*, въ Коимбетурѣ близъ *Кари-Мадан* и на востокъ отъ Миссура, близъ *Муду-Даран*, есть три храма, куда въ январѣ мѣсяцѣ ежегодно стекаются молельщики обоего пола. Здѣсь во время службы, въ самомъ капищѣ, при его входѣ и вокругъ святилища, въ рощѣ, происходятъ безобразнѣйшія сцены, о которыхъ предоставляемъ догадываться самому читателю... Вакханаліи и луперкаліи древнихъ римлянъ—дѣтскія, невинныя игры въ сравненіи съ этими индусскими празднествами. Храмы эти посвящены богинѣ *Типаммѣ* или одной изъ шести

сестеръ ея. *Типамма*—богиня покровительница нѣжныхъ свиданій и любовныхъ восторговъ; это Венера, Амуръ и Эротъ, слитые во едино и освобожденные отъ всякихъ покрововъ стѣснительной стыдливости. Въ *Мугуръ* есть небольшой храмъ Типаммы, особенно чтимый и посѣщаемый женщинами. Во время торжественныхъ процессій на колесницѣ, везутъ двѣ движущіяся фигурки Типаммы и ея мужа... Шествующіе за колесницей молельщики и молельщицы слѣдуютъ примѣру этихъ боговъ-маріонетокъ, а сидящій на колесницѣ наемный парія поетъ въ это время самыя возмутительныя неблагопристойности, сопровождая ихъ соотвѣтствующими тѣлодвиженіями... Молельщица удостоивается по возвращеніи домой тѣмъ большаго почета и похвалъ родныхъ и знакомыхъ, чѣмъ больше было число ея случайныхъ любовниковъ на богомольѣ... На эти праздники, само собою, брамины не отпускаютъ ни женъ своихъ, ни дочерей, за то Кшатріи, Ваиссіи и Судры обоего пола питаютъ къ этимъ празднествамъ особенное уваженіе!

Какъ примирить нравственныя, нерѣдко прекрасныя правила браманской доктрины съ этими безобразіями? Увертливые брамины однако же и тутъ находятъ лазейку.

— Не двойственна-ли душа человѣка? возражаютъ они упрекающимъ ихъ за эти мерзости. Не состоитъ ли она изъ духа божественнаго и души животной (*дживатмы*)? Отчего-же послѣднюю и не потѣшить при случаѣ?

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Замѣчательнѣйшія богомолья и храмы Индіи. Гордварь: источники Багирати и Ганга. Храмъ Девапрайяга. Святыя рѣки. Источники Джумны. Процессія идола Багирата. Калькутта. Гора Курдаръ. Пещеры Гайяха, Бенарисъ. Храмъ Вишневайезы. Тшунаръ. Аллагъ-Абадъ. Утопленники. Мистеріи Рамы. Уджейнъ. Орисса. Сказка о построеніи храма Ягернаутскаго.

Начнемъ со священной для индусовъ области *Гордаря*. Здѣсь, на правомъ берегу Ганга у подошвы горъ Севаликъ, городъ *Горд-*

варъ или ***Гурдваръ*** (*Гари-Двара*: врата Гари или Вишну). Въ Гордварѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ ежегодно бываетъ ярмарка, на которую, кромѣ торговцевъ, стекаются со всѣхъ сторонъ Индіи тысячи богомольцевъ. Къ волнамъ святой рѣки ведетъ каменная лѣстница, по которой молельщики обоего пола и всѣхъ возрастовъ, тѣснясь и толкаясь, дважды въ день стремятся къ Гангу для омовеній, особенно во время прибыли воды. Въ 1819 году, при одномъ изъ подобныхъ купаній, погибло до 430 индусовъ, раздавленныхъ массами народа и утонувшихъ; по этой цифрѣ можно судить о многолюдствѣ гордварской ярмарки, которая въ Индіи имѣетъ тоже значеніе, какъ у насъ макарьевская. По единодушному сознанію Уебба, Жакемона и другихъ путешественниковъ пестрая, величавая, живая картина Гордвара, во время ярмарки не можетъ быть изображена ни перомъ, ни кистью.

Источники рѣки ***Багирати*** находятся въ горахъ Гималайи, на двѣ англійскія мили ниже истоковъ Ганга (Гангаутри). Гангъ извергается изъ горной пещеры, окаймленной бахромой ледяныхъ сталактитовъ. Эта природная бахрома дала поводъ къ сказкѣ, будто священная рѣка вытекаетъ съ волосъ Магадеви. По исчисленіямъ Гудгсона, истоки Ганга находятся на 13800 футъ выше морскаго уровня. Багирати вытекаетъ изъ массы скалъ, образующихъ грубую фигуру коровы; скалы эти зовутся ***коровьимъ ртомъ*** (гау-мокхи), и народное воображеніе видитъ въ нихъ явное доказательство правдивости сказаній Ведъ, будто Багирати вытекаетъ изо рта священной коровы.

Гаврикундъ служитъ преддверіемъ Гангаутри; въ Гаврикундѣ молельщики предварительно брѣются, купаются и читаютъ молитвы предъ поклоненіемъ святымъ источникамъ. Въ Багиратѣ для купаній вырыто три бассейна. При одномъ изъ нихъ огромный храмъ съ идоломъ изъ краснаго камня. Сюда на три мѣсяца ярмарки пріѣзжаетъ браминъ изъ Дгерали для отправленія богослуженій. Дорога къ источникамъ не совсѣмъ безопасна по причинѣ ледяныхъ глыбъ, скалъ, обрывовъ и пропастей.

На мѣстѣ сліянія Алаканданды и Багирати находится великолѣпный гранитный храмъ ***Девапрайяга***. Это пирамида въ семьдесятъ футъ высоты, оканчивающаяся бѣлымъ куполомъ, который, въ свою очередь, увѣнчанъ кровлей изъ мѣдныхъ черепицъ съ золоченымъ шаромъ на вершинѣ. Основаніемъ храму служитъ платформа въ 60 квадратныхъ футовъ поверхности и 6 футовъ высоты. Обращенный на западъ, входъ въ храмъ украшенъ портикомъ; главный кумиръ изъ черного камня сидитъ подъ куполомъ противъ самаго входа на восточной сторонѣ храма. Богомольцы по предварительномъ омовеніи въ басейнахъ приносятъ здѣсь свои жертвы.

Каждый индусъ хоть разъ въ жизни обязанъ побывать на богомольѣ у источниковъ Ганга, но разумѣется, чѣмъ чаще, тѣмъ лучше для его душевнаго спасенія. Кромѣ священныхъ рѣкъ, каждая рѣка въ Индіи пользуется особеннымъ почетомъ, ибо, по догматамъ религія, вода ничто иное, какъ самъ Вишну. У нѣкоторыхъ рѣкъ свои права и преимущества, такъ напримѣръ, къ водамъ ***Карамнассы*** запрещено прикасаться (¹), въ ***Каратойѣ*** (въ Бенгалѣ) купаться; въ ***Гондагѣ*** (одномъ изъ восточныхъ притоковъ Ганга) плавать; переѣзжать въ лодкѣ чрезъ ***Аттокъ***.

Источники Джумны находятся близъ деревни ***Кануры***. Рѣка низвергается съ горъ, каскадами въ 80 футовъ высоты, температура достигаетъ до 144° по Фаренгейту, вода прозрачна, но съ легкой примѣсью желѣза; послѣднее свойство есть очевидная причина чудесныхъ исцѣленій, изрѣдка совершающихся надъ богомольцами, собирающимися на источники Джумны преимущественно въ октябрѣ мѣсяцѣ. Высота ихъ, отъ поверхности моря, по вычисленіямъ капитана Джонсона — 10,840 футовъ. Изъ минеральныхъ источниковъ, пользующихся доброй славой у европейцевъ и религіозиымъ уваженіемъ у индусовъ укажемъ на ***Симлу***, мѣстечко заселенное въ первые годы текущаго столѣтія.

Между рѣками Джумною и Сельтеджею ежегодно бываютъ торжественныя религіозныя процессіи идоловъ ***Нагуса***, ***Бадрината*** и ***Нарайяна***, совершаемыя со всей баснословной роскошью, присущей религіознымъ торжествамъ индусовъ. Тысячи народу везутъ колесницу, на которой возвышаются упомянутые идолы, украшенные золотомъ, драгоцѣнными камнями и тканями. Главнаго идола ***Ба-***

(¹) Пограничная рѣка между областями Багаромъ и Бенаресомъ.

дрината, съ шестью золотыми и двѣнадцатью серебряными головами, возсѣдающаго на колесницѣ изъ кедроваго дерева, можно сравнить съ колосальнымъ свѣтильникомъ въ 18 вѣтвей, который ставятъ индусы на Гималайю, какъ на громадный алтарь бога покровителя Индіи. Идола осѣняютъ почетнымъ зонтикомъ (*таттою*) и обмахиваютъ опахалами стоящія на колесницѣ баядерки, молельщики хоромъ поютъ гимны и пляшутъ, музыканты оглашаютъ воздухъ рѣзкими звуками трубъ, кимваловъ, барабановъ; имъ вторитъ горное эхо и можно подумать, что тамъ, въ ущельяхъ Гималайи, происходитъ другое, подобное же торжество и что двѣ процессіи, какъ двѣ рѣки сольются другъ съ другомъ. Особенно, по словамъ очевидцевъ, поразительна минута, когда процессія спускается съ горы на долину! Думается, съ отлогостей Гималайи низвергается пестрый водопадъ золота, серебра, пурпура, цвѣтовъ и звуковъ.

Таковы храмы и святыя мѣста сѣвернаго (горнаго) Индостана, осмотримъ ихъ въ остальныхъ частяхъ полуострова.

Въ Бенгальской области—*Калькутта* при устьяхъ святой Гугли, западной вѣтви Ганга. Имя Каликутты происходитъ отъ древняго храма въ честь богини Кали. Близъ города замѣчателенъ ручей *Нуллахъ-Толли*, рукавъ Гугли, пользующійся особеннымъ уваженіемъ индусовъ. Ежедневно предъ восходомъ солнца сюда собираются многочисленные молельщики, которые, совершивъ омовенія, натираются разноцвѣтными акшаттасами и привѣтствуютъ дневное свѣтило громкими криками: *Рамъ! Рамъ!!* Обычай этотъ, перешедшій къ индусамъ отъ древнихъ персовъ, остатокъ огнепоклоненія, введеннаго въ Индію во время распрей дяди Будды, *Дева-датти*, съ племянникомъ. Особенно замѣчательныхъ храмовъ въ Калькуттѣ нѣтъ, ими славятся *Шандернагоръ*, *Серампуръ* и *Барраикпуръ*. Зданія этихъ городовъ, служатъ, такъ сказать, подготовкою къ зрѣлищу священнаго города *Бенареса*.

Въ области *Багаръ* (древней Магадгѣ), неподалеку отъ *Боглипура*, славящагося своими шелковыми и бумагопрядильными фабриками, есть уединенная, конусообразная гора *Курдаръ*— мѣсто богомолья, священное для индусовъ; этой горой, по сказаніямъ Ведъ, боги толкли океанъ для приготовленія напитка безсмертія—*ам-*

риты. Въ 150 верстахъ отъ Патны, на лѣвомъ берегу Фульго, есть небольшой и грязный городъ *Гайяхъ*, славящійся своими молельными пещерами, украшенными барельефами, священнымъ прудомъ *Ваитарини* и камнемъ съ оттискомъ слѣда Вишну. Число богомольцевъ, ежегодно стекающихся на поклоненіе этимъ святынямъ, простирается до ста тысячъ человѣкъ.

Близость *Бенареса* возвѣщаетъ путешественнику множество храмовъ, пагодъ и часовень, окаймляющихъ весь путь отъ Газенпура. Для индуса Бенаресъ тоже что Мекка для магометанина. На прилагаемыхъ двухъ рисункахъ, представляемъ читателю общій видъ Бенареса и его священной пристани *Муникарники*. По словамъ мисіонера Гебера, ни на одномъ городѣ во всей Индіи не лежитъ такой рѣзкой печати восточнаго характера. Въ самомъ городѣ не живетъ ни одного европейца; христіане заселяютъ предмѣстья. Храмовъ безчисленное множество; особенно огромныхъ нѣтъ, но почти всѣ отличаются изяществомъ украшеній и ихъ пестротой. Впрочемъ, пестрота эта во вкусѣ восточныхъ народовъ, есть принадлежность почти каждаго дома; стѣны весьма рѣдкаго изъ нихъ не разукрашены изображеніями растеній, птицъ, звѣрей, людей и боговъ. Обезьяны и быки пользуются своими правами неприкосновенности съ крайней нецеремонностью. Первыя стаями лазаютъ по крышамъ домовъ, по деревьямъ, по стѣнамъ самыхъ храмовъ, крадутъ изъ лавокъ что ни попадетъ имъ изъ съѣстнаго подъ руки (а рукъ у нихъ, какъ извѣстно - четыре, какъ и у нѣкоторыхъ идоловъ). Быки, посвященные Сивѣ, спокойно бродятъ по тѣснымъ, невымощеннымъ улицамъ, и если которому изъ нихъ вздумается понѣжиться на солнышкѣ—онъ ложится поперегъ дороги въ полной увѣренности, что никто не осмѣлится его потревожить... Сквозь стѣны домовъ на улицу то и дѣло доносятся звуки пѣнія молитвъ; покаянники *джоги*, добровольно-увѣчные, слѣпые и хромые нищіе встрѣчаются на каждомъ шагу. Таковъ Бенаресъ—*святѣйшій городъ въ Индостанѣ*, *лотусъ міра*, городъ *построенный* не на землѣ, а *на трезубцѣ Сивы*—какъ отзываются о немъ индусы. Человѣкъ, умершій въ его стѣнахъ (по ихъ сказаніямъ), попадаетъ прямо въ обители блаженства—будь онъ закоснѣлый грѣшникъ. Славнѣйшій храмъ Бенареса посвященъ *Вишневайезъ*. Онъ каменный,

очень тѣсный и украшенъ великолѣпными изваяніями. При немъ скотный дворъ, на которомъ содержатся священные быки, протягивающіе рыло за подачкою къ каждому приходящему; а надобно замѣтить, приносить имъ лакомство — дѣло весьма угодное Сивѣ. При входѣ и вокругъ храма постоянно толпятся тысячи нищихъ, которыя, будто стаи воронъ, каркаютъ свое неумолчное: *рам, рам, рам!* Неподалеку отъ храма колодезь, осѣненный небольшой башенкой, съ лѣстницей, ведущей въ его глубину. Вода проведена въ него подземнымъ водопроводомъ изъ Ганга, вслѣдствіе чего этотъ колодезь святой; каждый молельщикъ предъ входомъ въ капище обязанъ пить воду изъ этого колодца и ею совершать омовенія.

Въ двухъ верстахъ отъ Бенареса лежитъ городъ *Тшунаръ* съ укрѣпленіемъ на прибрежной скалѣ Ганга. Въ Тшунарѣ сохраняются высоко-чтимая индусами святыня. На небольшомъ дворѣ, обнесенномъ каменной стѣной, подъ маститымъ деревомъ *пипаль* (Ficus bengalensis L) съ привѣшеннымъ на одной изъ вѣтвей серебрянымъ колокольчикомъ — лежитъ плита чернаго мрамора; на одной изъ скалъ противъ этого дворика грубо изваянная роза, окаймленная треугольникомъ. Индусы убѣждены, что на этомъ камнѣ ежедневно въ теченіе девяти часовъ незримо возсѣдаетъ *Магадева* — уходящій по прошествіи этого времени въ Бенаресъ. По этой причинѣ живущіе въ укрѣпленіи сипаи твердо убѣждены, что Тшунаръ неприступенъ ни для какой силы въ мірѣ и овладѣть имъ возможно только въ часы отсутствія бога. Въ старину, владѣтельные раджи пріѣзжали въ Тшунаръ для празднованія своихъ бракосочетаній, испрашивая благословеніе у незримаго.

При сліяніи Ганга и Джумны лежитъ *Аллаг-Абадъ*, называемый туземцами *Такса-Абадъ* (сходбища нищихъ). Сюда стекается безчисленное множество богомольцевъ для омовеній. Молельщикъ, придя въ Аллаг-Абадъ, брѣетъ на берегу рѣки голову и все тѣло, чтобы каждый волосокъ, попалъ въ воду, потому что въ Пуранахъ говорится: „за каждый свой волосъ, оставленный въ волнахъ Джумны и Ганга, богомолецъ награждается милліономъ лѣтъ пребыванія въ блаженныхъ обителяхъ!“ Выбрившись, молельщикъ купается, а слѣдующій день посвящаетъ поминовенію предковъ. Многіе топятся здѣсь, въ полной надеждѣ заслужить тѣмъ

вѣчное блаженство. „Если мы спасемъ душу усопшаго, бросая въ Гангъ его пепелъ,“ — говорятъ индусы — „тѣмъ паче погибающій въ волнахъ Ганга долженъ избавиться отъ адскаго пламени.“ Самоубійца, нанявъ лодку, садится въ нее, привязавъ къ своему поясу три глиняные горшка. Спрыгнувъ въ воду и держась на поверхности, покуда наполняющіеся горшки не потянутъ его на дно, онъ читаетъ молитвы и поетъ гимны; наконецъ захлебывается съ мыслію о богѣ, съ божіимъ именемъ на искаженныхъ устахъ... Помимо этихъ сценъ, раздирающихъ душу зрителя-христіанина, въ стѣнахъ Аллаг-Абада, до водворенія тамъ англичанъ—разыгрывались другія, еще ужаснѣе.

Ежегодно въ Аллаг-Абадѣ празднуется память *Рамы* и геройскихъ его подвиговъ во время войнъ съ великаномъ *Раваною*, царемъ Цейлона, изъ-за похищенной послѣднимъ *Ситы* (см. гл. II, стр. 10). Въ программу праздника входитъ, между прочимъ, театральное представленіе, разыгрываемое дѣтьми и однимъ взрослымъ, занимающимъ роль *Раваны*. Въ старину, по окончаніи этой трагедіи, жрецы кормили дѣтей-актеровъ пирожками, подслащенными мышьякомъ!... Малютки умирали въ жестокихъ мученіяхъ, къ величайшей радости жрецовъ и изувѣровъ-родителей. „Теперь“, говорили при этомъ изверги, „душа дѣтей навѣки сольются съ божествами, которыя они намъ изображали!“

Нынѣ обычай этотъ искорененъ англичанами, и религіозныя трагедіи на праздникахъ Рамы мирно разыгрываются ребятишками, и не влекутъ за собою отравленія послѣднихъ... Фанатики староввѣры вздыхаютъ, ворчатъ втихомолку на непрошенное вмѣшательство иноземцевъ въ ихъ духовныя дѣла—но, какъ бы то ни было, покоряются.

На правомъ берегу Гогры, въ окрестностяхъ *Ауда* замѣчательны древнія развалины столицы, бывшей резиденціей баснословнаго *Рамы* — этого героя индійской Иліады. Слѣдующіе затѣмъ *Лукноу Дегли* и *Агра*—какъ города, въ которыхъ преобладаетъ мусульманскій элементъ, не богаты ни храмами, ни древностями. Тѣ и другія относятся ко времени магометанскаго владычества. Въ городѣ *Уджейнъ* (въ области *Синдіи*), пользующемся титломъ *святаго* и богатомъ развалинами, замѣчательна

древняя пещера раджи *Бгиртея*, украшенная колоннами и барельефами. Чрезъ этотъ же городъ индусы проводятъ первый меридіанъ. Замѣтка нелишняя, какъ касающаяся народа, у котораго астрономія и астрологія составляютъ религіозный догматъ.

На берегу Бенгальскаго залива, отъ бухты Балисгары до озера Чики (въ Циркарѣ), лежитъ священная область *Ориса*, называемая въ древнихъ Ведахъ, *Утхалла-дессою*. Здѣсь строжайшее соблюденіе религіозныхъ уставовъ, дѣленіе на касты, и нарѣчіе *баша*, ближе всѣхъ подходящее къ древнему санскритскому языку; здѣсь славнѣйшій въ Индустанѣ храмъ *Ягернаутскій* посвященный богу, властителю міра —*Джаг-нату*. Прежде всего, передадимъ читателю древнее сказаніе о его построеніи:

Царствовалъ въ Утхала-дессѣ царь богобоязненный, добрый и справедливый, по имени *Индра-мена*. Вся жизнь его протекла въ неусыпныхъ попеченіяхъ о благѣ подданныхъ и о спасеніи своей кроткой души. Чѣмъ заслужить мнѣ вѣчное блаженство, чѣмъ снискать благоволеніе боговъ? Въ этихъ двухъ вопросахъ совмѣщались всѣ желанія *Индра-мены*.

Брама, читавшій въ чистомъ сердцѣ царя всѣ его помыслы, явился, наконецъ, Индра-менѣ и сказалъ ему: не сокрушайся, царь о спасеніи души. Я внялъ твоимъ мольбамъ и научу тебя что дѣлать и укажу прямой путь къ дѣлу богоугоднѣйшему. На берегу моря есть сторона Утхаладесса, есть въ этой странѣ гора *Нила* или *Пуруш-атма*; высота горы одна йоджана (1334 версты), а имя ей отъ жившаго тамъ нѣкогда бога. Мѣсто святое, при взглядѣ на которое грѣшная душа избавляется отъ всѣхъ грѣховъ. Въ былыя *юги* стоялъ на той горѣ храмъ въ честь Вишну, сохранился тотъ храмъ и по днесь, но занесло его зыбучими морскими песками и скрылся онъ изъ виду. Возобнови этотъ храмъ и спасеніе души твоей на вѣки упрочено!

— Но кто былъ его строителемъ? спросилъ царь —и какъ мнѣ узнать его мѣсто.

— Предки твои, великій царь, строили тотъ храмъ; а мѣсто гдѣ онъ стоялъ укажетъ тебѣ иной кто, кромѣ меня. Есть близъ горы прудъ, а въ томъ прудѣ живетъ черепаха, годами ровесница міру.

Отправился Индра-мена въ путь дорогу, пришелъ въ Утхалладессу, отыскалъ гору Нилу, увидѣлъ прудъ, и вылѣзла изъ пруда огромная черепаха и отвѣтила царю на его распросы:

— Память отъ старости ослабѣла у меня, царь великій. Одно только и знаю, что храмъ находится на разстояніи одной йоджаны отсюда, но гдѣ именно—не припомню. А есть неподалеку прудъ *Маркандія* и ходитъ по его берегу безсмертная ворона, бѣлая отъ старости. Та все знаетъ, все помнитъ и все тебѣ поразскажетъ, царь великій!

Отправился Индра-мена къ пруду Маркандіи; ходитъ по берегу безсмертная бѣлая ворона. Отвѣтила она на распросы царя:

— Первымъ царемъ страны былъ *Сатурануна*, сына его звали *Вишія-багу*, внука—*Индра-меною*. Всѣ трое удостоились блаженства за свое благочестіе. Сатурануна призвалъ бога съ неба на землю, соорудивъ на горѣ великолѣпный храмъ изъ чистаго золота. Храмъ исчезъ, но богъ остался на горѣ, принявъ на себя образъ дерева *вепу*. Покаянникъ Маркандія, проходя однажды мимо этого дерева и видя, что оно не даетъ тѣни—проклялъ его и оно разсыпалось въ золу; разсыпалось, однако, не все, уцѣлѣлъ пень, но куда онъ дѣвался этого не знаю. Надобно отыскать этотъ пень—онъ покажетъ мѣсто храма.

Отправился царь съ вороной на поиски. Стала ворона песокъ прибережный разгребать и выклевывать; проклевала она берегъ на глубину одной йоджаны и отрыла храмъ, бывшій жилищемъ бога-боговъ —*Нарайяны*.

— Какъ же мнѣ возобновить храмъ въ прежнемъ его блескѣ! спросилъ царь ворону.

— Это уже не по моей части, царь великій! отвѣчала ворона—спроси у Брамы.

Брама отвѣчалъ царю на его вопросъ:

— Новый храмъ сооруди на мѣстѣ стараго и назови его *скрадегуль*. Не строй его изъ золота: обнищалый нынѣ народъ по кускамъ растащитъ; складывай храмъ изъ камня. Для пріюта богомольцамъ построй городъ, дай ему имя *Пуруштатма*. Какъ отстроишь храмъ, Кришна явится тебѣ изъ волнъ морскихъ въ видѣ древеснаго пня. Пень этотъ, съ подобающей почестью пере-

неси въ храмъ; здѣсь плотникъ *Вишія-Карма* обдѣлаетъ его и придастъ ему видъ божества. Этого кумира поставишь во храмѣ, рядомъ съ изображеніями брата его *Баларамы* и сестры *Шубадры*. Жертвы имъ слѣдуетъ приносить денно и нощно, въ особенности утромъ, въ полдень и вечеромъ. Сдѣлай все это и *вейконта* (рай) будетъ тебѣ наградою. Остатки приношеній отдавай съѣдать молельщикамъ, такъ какъ всѣхъ приношеній богу не одолѣть. Кто съѣстъ хотя малѣйшую крупицу этихъ остатковъ, тотъ непремѣнно попадетъ въ вейконту. Крошку, упавшую на землю отъ трапезы Кришны, боги рвутъ другъ у друга изъ рукъ, хотя бы ее обнюхивали псы. Если парія вырветъ эту крошку изъ зубовъ пса и отдастъ брамину, она даже и тогда не утратитъ священной своей силы очищать отъ грѣховъ: браминъ не только не осквернится, но святъ будетъ. Сама *Лакми* стряпаетъ кушанье для Кришны, а *Анна-Пурна* подаетъ ихъ на столъ. Отростокъ святаго дерева *Кальпы* низойдетъ съ высоты небесной и выраститъ у тебя въ городѣ (продолжалъ Брама)—знай, что дерево это безсмертное, проси у него что хочешь, оно дастъ тебѣ все. Взглядъ на созданный тобою храмъ—будетъ спасителенъ для души; ударъ палкою въ его стѣнахъ—залогомъ вѣчнаго блаженства. Городъ тобою построенный будетъ жилищемъ Кришны и другихъ боговъ и весь будетъ святъ, но приморская его часть — въ особенности. Жители ея день ото дня будутъ преуспѣвать и укрѣпляться въ добродѣтели. Морской песокъ, прибиваемый къ берегу волнами, назови золотымъ (*канака*). Умершій на немъ идетъ прямо въ вейконту. Покуда храмъ твой будетъ строиться, дерево, въ которое вселится Вишну, выраститъ и явится тебѣ изъ волнъ морскихъ!

Все исполнилось по словамъ Брамы, но только священное дерево немного замѣшкало приплыть къ берегу; когда же оно явилось, сто тысячъ человѣкъ на своихъ плечахъ перенесли его въ храмъ. Призванный для обдѣлки его плотникъ *Вишія Карма* взялся выточить идола въ одну ночь, съ условіемъ, чтобы никто не только не входилъ, но даже не заглядывалъ въ его мастерскую. Царь далъ ему въ томъ свое слово... однако же ночью, не слыша въ мастерской ни малѣйшаго шуму и подозрѣвая, что *Вишія Карма* обманулъ его и тайно ушелъ, не утерпѣлъ—и заглянулъ въ полуоткрытую дверь... Видитъ —плотникъ работаетъ прилежно, и обрадованный царь удалился. Но *Вишія Карма* слышалъ шорохъ за дверьми и оскорбленный нескромностью и недовѣріемъ къ нему царя *Индра-мены*, бросилъ работу недоконченною и ушелъ, оставивъ вмѣсто идола едва оболваненный чурбанъ дерева. Вотъ почему идолъ яггернаутскій изображаетъ грубое подобіе туловища безъ рукъ, безъ ногъ, безъ головы—и дѣлается ежегодно новый для каждаго праздника.

Признавая, тѣмъ не менѣе, бога въ безобразномъ чурбанѣ, царь *Индра-мена* выдалъ за него свою дочь. Такъ, по сказаніямъ Пуранъ, былъ основанъ и построенъ знаменитый храмъ Яггернаутскій, который для языческой Индіи столь же святъ, какъ храмъ Саломона для древнихъ іудеевъ, святая Софія—эпохи императоровъ византійскихъ, для Восточной церкви, соборъ святаго Петра, въ Римѣ—для церкви западной.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Древность Яггернаутскаго храма. Праздникъ Рутъ-Яттра-Джоги. Эллорскія пещеры. Храмъ Кейласа. Бисма-Курмъ. Пещеры Карли. Тшинщуръ. Живой кумиръ Госсейеновъ. Священное племя Ядавы. Мелькотта. Храмъ Панджанагутъ. Конджеверамъ. Мегалитурамъ. Семь пагодъ. Пещеры.

Отдѣляя баснословныя прикрасы отъ исторической истины, скажемъ, что подъ именемъ одного царя *Индра-мены* должно подразумѣвать не только нѣсколькихъ царей, но даже нѣсколько династій, и что храмъ Яггернаутъ или Джаггернаутъ, достроенный въ 1298 г. по Р. Х., созидался въ теченіе десятковъ вѣковъ. Въ подтвержденіе послѣднему приводимъ неопровержимыя, математическія данныя. Фундаментомъ громадному зданію служитъ гранитная скала,

обтесанная и нивелированная. Длина храма 360, ширина 240, высота — 46 сажень. Камни для его постройки добывались изъ гранитныхъ ломокъ восточныхъ отраслей Гималайи въ 340 верстахъ отъ самаго зданія; величина нѣкоторыхъ изъ камней отъ десяти до двѣнадцати тысячъ кубическихъ футовъ. Эти громады надобно было везти изъ-за 340 верстъ на берегъ моря, надобно было нивелировать скалу, поднимать на нее камни—а сколько лѣтъ потребовалось на ихъ обтеску и поставку? По точнымъ вычисленіямъ *Легу-де-Флэ*—постройка храма могла быть окончена, по крайней мѣрѣ, въ теченіе двадцати пяти вѣковъ (¹). И если Египетъ славится своими пирамидами, то Индія имѣетъ полное право гордиться храмомъ Яггернаутскимъ.

Архитектура храма своеобразна и величественна. Два яруса аркадъ и двѣ пирамиды, одна надъ главнымъ входомъ, другая, вѣнчающая зданіе, обложенная мѣдной черепицей и украшенная статуей Ганумана — поражаютъ зрителя невыразимымъ удивленіемъ. Скульптурныя украшенія несовсѣмъ благопристойныя, выполнены съ изяществомъ и необыкновеннымъ терпѣніемъ... Можно подумать, что подъ рукою художника былъ не гранитъ, но послушное рѣзцу пальмовое дерево или мягкій воскъ, въ теченіе вѣковъ обратившійся въ камень. Во внутренности храма, кромѣ трехъ главныхъ идоловъ, Джаг-ната, Баларамы и Шубадры, разставлены кумиры всѣхъ боговъ, которымъ поклоняются индусы. Входъ разрѣшенъ всѣмъ кастамъ и сектамъ, кромѣ иновѣрцевъ и христіанъ въ особенности. Всѣхъ храмовыхъ праздниковъ двѣнадцать, но главнѣйшее, восьмидневное торжество Рут-Яттра совершается въ концѣ іюня. Идола Джаг-Ната возобновляютъ каждые семнадцать лѣтъ, именно, когда случаются два новолунія въ іюнѣ. Для этого выбираютъ въ лѣсу дерево *вепу*, на которое (по извѣстнымъ признакамъ) не садились плотоядныя птицы. Дерево срубаютъ, переносятъ въ храмъ, гдѣ назначенный по жребію плотникъ обтесываетъ его въ видѣ человѣческаго туловища. Духъ бога особыми молитвами просятъ переселиться изъ стараго идола въ новый. Плотника къ концу года Вишну обыкновенно призываетъ къ себѣ, т. е. выражаясь яснѣе, жрецы отравляютъ его ядомъ. При храмѣ состоитъ прислуги до 4000 семей; въ это число слѣдуетъ включить и поваровъ, стряпающихъ кушанье идоламъ. Ежедневный расходъ провизіи — громадный, и состоитъ по точнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ однимъ англійскимъ путешественникомъ, изъ 220 фунтовъ рису, 97 фунтовъ овощей (*кулла*), 24 фунтовъ зеренъ *моонга*, 148 — коровьяго масла, 80—сахарной патоки, 32—разной зелени; пряностей, сандалу, камфары, ладону и растительнаго масла потребляется въ храмѣ ежедневно до 300 фунтовъ. Кормленіе идоловъ происходитъ при закрытыхъ дверяхъ три раза въ день, при пляскѣ баядерокъ вокругъ святилища и колокольномъ звонѣ. Остатки кушанья по крупинкамъ раздаются богомольцамъ. Судите о количествѣ заготовляемыхъ яствъ во время праздника ***Рут-Яттры***, на который стекается до 200,000 молельщиковъ!

(¹) Legoux de Flaix: **Essai sur l'Indostan P. 1807, T. I, p.p. 114, 115.**

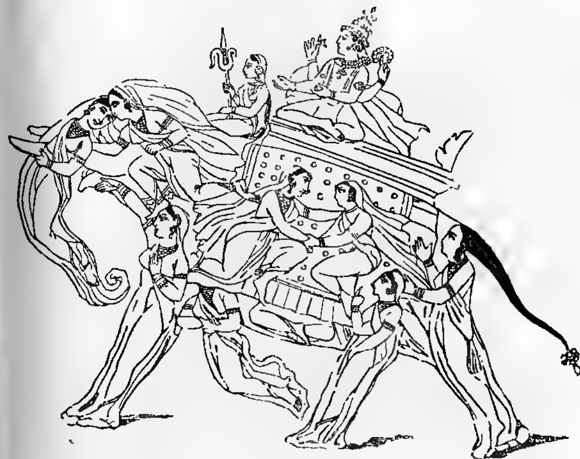
Названіе праздника Рут-Яттра, происходитъ отъ слова—рутъ—колесница, такъ какъ во время праздника идоловъ ***Джаг-натта***, ***Шубадры*** и ***Баларамы*** возятъ на трехъ деревянныхъ колесницахъ. Главная о шестнадцати колесахъ безъ спицъ, въ шесть футовъ въ поперечникѣ; высота колесницы пять саженъ, форма всегда и непремѣнно—пирамидальная. Впереди ея восемь деревянныхъ лошадей съ таковымъ же возничимъ. Балдахинъ, подъ которымъ сидитъ идолъ, украшенъ яркими тканями, лентами, парчей, цвѣтами и вѣтками отъ священныхъ деревъ.

Въ первый день, съ ударомъ колокола двери храма отворяются ожидающимъ этой минуты молельщикамъ... И вообразите себѣ эти десятки тысячъ людей, шумнымъ источникомъ устремляющихся во внутренность капища! Сотня другая—раздавленныхъ и задохшихся—первыя жертвы, приносимыя фанатизмомъ божеству яггернаутскому. Погибнуть въ этой давкѣ — попасть прямо въ рай (*мокшу*), говорятъ брамины. Общій единодушный крикъ привѣтствуетъ идоловъ, несомыхъ жрецами изъ святилища на крыльцо, предъ которымъ стоятъ три колесницы—главная и огромнѣйшая для Джагната, а двѣ другія, поменьше, для Баларама и Шубадры. До прибытія верховнаго жреца, шествіе не трогается съ мѣста; его при-

носятъ въ великолѣпномъ паланкинѣ предъ солнечнымъ закатомъ. Верховный жрецъ—раджа курдарскій. За нимъ несмѣтная свита—пѣшая, конная, на слонахъ, и новыя тысячи народа... Паланкинъ останавливается у главной колесницы: раджѣ, одѣтому въ бѣлыя кисейныя рясы, босому, помогаютъ сойдти съ паланкина старшіе жрецы... При оглушительныхъ крикахъ и звукахъ трубъ раджа восходитъ на колесницу, окропляетъ идола освященной водой, а помостъ посыпаетъ сандаломъ; тоже дѣлаетъ онъ и съ двумя остальными идолами. Окончивъ эти обряды, раджа слегка прикасается плечомъ къ главной колесницѣ, и тѣмъ подаетъ знакъ шествію тронутися съ мѣста.... Тогда тысячи богомольцевъ съ зелеными вѣтками въ рукахъ, обратясь лицомъ къ идолу, впрягаются въ лямки, привязанныя множествомъ канатовъ къ колесницѣ, и процесія открывается колесницей Баларама, за нимъ подвигается Джаг-натъ, за Джагъ-натомъ — Шубадра. Ухватиться хотя на одну секунду за канаты, прикоснуться устами къ колесу—вотъ единственное желаніе всѣхъ 200,000 присутствующихъ на праздникѣ богомольцевъ! На колесницы, въ даръ божествамъ, бросаютъ золотыя монеты, куски дорогихъ тканей, жемчужныя ожерелья, плоды, цвѣты, кокосовые орѣхи... Три послѣдніе дара, яко-бы освящены брамины возвращаютъ жертвователямъ, но деньги и драгоцѣнности, разумѣется, поступаютъ въ храмовую казну... Нынѣ случаи самоубійства фанатиковъ, бросающихся подъ колеса—очень рѣдки, но въ старину безъ нихъ яггернаутскія празднества не обходились...

Отъ храма до города процесія шествуетъ безостановочно три дня и обратно столько же. Обрядъ за обрядомъ, пѣніе гимновъ, раздача даровъ богомольцамъ, установка идоловъ по мѣстамъ — въ этомъ проходятъ послѣдующіе два дня, заключающіе праздникъ, обогощающій храмовую казну на сотни тысячъ рупій. Само собою разумѣется, что яггернаутское торжество не обходится, подобно всѣмъ вообще индѣйскимъ праздникамъ, безъ присутствія полоумныхъ, юродствующихъ *джоговъ*. Въ числѣ прочихъ молельщиковъ, окаймляющихъ дорогу, по которой тянется шествіе—эти идіоты выражаютъ свое благоговѣніе, стоя недвижно на одной ногѣ, либо головою внизъ, либо прокалывая себѣ тѣло иглами, либо наконецъ, лежа на подстилкахъ, усыпанныхъ мелкими гвоздями...

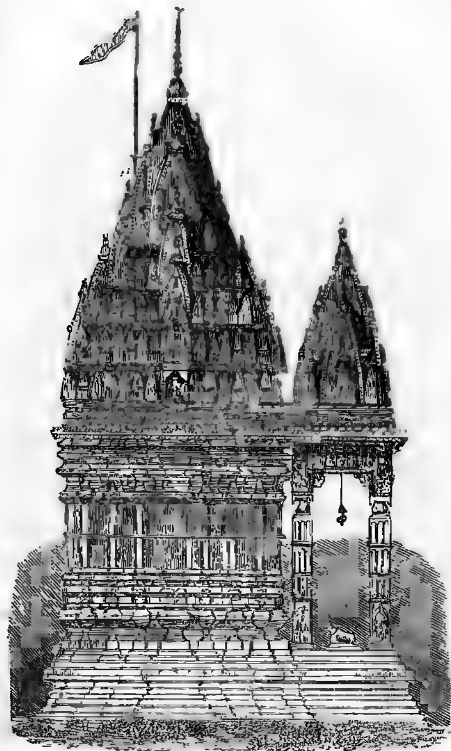
Къ стр. 110.



Слонъ, съ сидящимъ на немъ Кришною.

Дозволено Цензурою 28 марта 1869 года.

Къ стр. 122.



Индусскій храмъ.

Къ стр. 123.

Остатки храма Баролли.

Къ стр. 124.

Утварь, употребляемая при богослуженіи: 1,2,3,4,—черпала для насыпанія ладону и для приношеній; 5—сосудъ для освященной воды, замѣняемый иногда литой изъ мѣди фигурой коровы, во внутренность которой наливаютъ воду; 6—колокольчикъ; 7—курильница для ладону.

Въ области *Низамъ*, близъ Ауренг-Абада, находятся знаменитыя *Эллорскія пещеры* и храмы *Кейласа* (рай) и *Бисма-Курмъ*, изображенные на прилагаемыхъ рисункахъ.

Эллорскія пещеры, памятники искусства и религіознаго усердія древнихъ индусовъ, выдолблены въ горахъ. Невольное смущеніе овладѣваетъ путешественникомъ при посѣщеніи этихъ подземныхъ храмовъ—символовъ язычества, ищущаго свѣта во тьмѣ. Мертвое безмолвіе, окрестныя пустыни, дикая, унылая красота мѣстностей, самая гора, въ теченіе многихъ вѣковъ изрытая руками человѣка, будто искавшаго божества въ мрачныхъ нѣдрахъ земли,—все это наводитъ на зрителя какое-то тяжелое, тоскливое раздумье; и всего ближе сравнить эти опустѣлые, покинутые подземные храмы съ полуистлѣвшимъ человѣческимъ черепомъ, когда-то бывшимъ престоломъ души, полнымъ жизни, озареннымъ разумомъ, богатымъ мыслями, а теперь—пустымъ костянымъ шаромъ, съ тремя впадинами вмѣсто глазъ и носа, съ зубами, скалящимися въ жестокую, ядовитую улыбку неумолимой смерти, издѣвающейся надъ бѣдной нашей жизнію!...

Всѣхъ храмовъ въ Эллорѣ двѣнадцать, но *Кейласа* и *Бисма-Курмъ* великолѣпнѣйшіе по совершенству скульптурныхъ украшеній. По единогласному отзыву очевидцевъ, едва ли отыщется въ старомъ и новомъ свѣтѣ другой остатокъ древности, превосходящій этотъ храмъ величіемъ, изяществомъ и законченностію деталей. Окружность всей скалы до 500 футовъ; высота храма 108, длина 145, ширина 62 фута. Двери, окна, лѣстницы, ведущія въ верхніе ярусы—совершенство скульптуры; три галереи поддерживаются колоннами превосходной полировки; стѣны украшены 42-мя колоссальными изображеніями изъ миѳологіи.

По сосѣдству находятся пещеры *Карли*, созданіе которыхъ относятъ ко временамъ царя Панду, главнаго героя воспѣваемаго въ Магабгаратѣ. Въ городѣ *Тшинтшурь* проживаетъ мальчикъ—живое божество сектаторовъ *Госсейновъ*, поклоняющихся ему, какъ потомку бога Ганезы. Зовутъ его *Тшинтаман-део* или *Нарраин-део*. Онъ принадлежитъ къ благословенному богами семейству Госсейсвъ, потомковъ *Моравы Госсейи*, прославившагося подвигами благочестія и признаннаго святымъ. Нарраин-део живетъ

во дворцѣ (*бара*) на берегу Мути, гдѣ сохраняется и священный камень, порученный его надзору. Вотъ что говоритъ объ этомъ странномъ существѣ лэди Грэмъ:

„Войдя во дворцовый дворъ, мы увидѣли нѣсколькихъ индусовъ за святой и похвальной работою: они мѣсили коровій пометъ для покрышки земли и пола во дворцѣ. Мѣсто это показалось намъ очень грязно... Въ окнахъ торчали краснощекіе, здоровые брамины, по видимому, усердно заботившіеся о доходахъ бога. Послѣдній сидѣлъ на деревянномъ стулѣ, на галереѣ очень неприглядной. Отъ прочихъ дѣтей онъ отличался мутными, дикими глазами (говорятъ будто отъ множества опіума, которымъ его ежедневно кормятъ). Ему не позволяютъ ни молиться съ другими дѣтьми, ни говорить иначе, какъ по-санскритски и то съ одними браминами. Принялъ онъ насъ очень вѣжливо, сказавъ, что всегда очень радъ видѣть англичанъ. Поговоривъ съ нимъ чрезъ толмача брамина мы распростились съ живымъ божествомъ.... Мальчикъ собственноручно одѣлилъ насъ миндальными орѣхами и леденцами, приправленными асса фетидой; мы же, съ своей стороны, дали ему горсть рупій.“

На смѣну живому богу, когда онъ начинаетъ входить въ юношескій возрастъ, всегда отыскивается въ семействѣ Госсейевъ другой мальчикъ, помоложе; такимъ образомъ, вотъ уже нѣсколько вѣковъ, какъ живые боги секты Госсейновъ не переводятся. Эта секта, съ ея живыми богами (какъ увидитъ читатель впослѣдствіи) подражаніе *далай-ламамъ* Тибета. Другое семейство, подобно Госсейнамъ, ведущее свой родъ отъ боговъ — живетъ въ *Мейссурѣ* и принадлежитъ къ кастѣ тамошнихъ кшатріевъ (раджей). Мейссурскіе раджи происходятъ отъ племени Ядавы, того самаго, въ которомъ родился Кришна. Мужчины этого семейства поклонники Вишну или Сивы; женщины — поклонницы лингама и последовательницы *джайнизма*. Изъ храмовъ въ Мейссурѣ особенно замѣчателенъ: *Мелькотта* и *Нанджанагутъ* (въ 10 верстахъ отъ Серингапатнама). Въ первомъ, во время праздниковъ и вседневныхъ богослуженій, паріи имѣютъ преимущество предъ старѣйшими кастами; они могутъ входить въ самое святилище прежде браминовъ. Что же касается до храма Нанджанагутскаго, то онъ, по всему Мейссуру, даже по сосѣднимъ областямъ, славится чудеснымъ

свойствомъ своихъ стѣнъ, идоловъ или окрестностей — разрѣшать женское неплодіе. Молельщица для этого обязана приходить въ Нанджанагутъ не одна, но съ мужемъ. По окончаніи службы въ храмѣ, супруги отправляются на участокъ храмовой земли, отведенный приходящимъ молельщикамъ для ихъ естественныхъ отправленій. Здѣсь мужъ и жена складываютъ изъ экскрементовъ пирамиду и отмѣчаютъ ее древесной вѣткой, камнемъ, лоскутомъ ткани и т. п. Черезъ три дня они разбираютъ ее и роются въ этой гадости, отыскивая зародившихся въ ней червей.. Найденные черви или личинки предвѣщаютъ женщинѣ несомнѣнную беременность; въ противномъ случаѣ ея неплодіе неразрѣшимо. Въ 130 верстахъ на Ю. З. отъ *Мадраса* въ прелестной долинѣ, орошаемой рѣкою Влаватти на пространствѣ свыше 15 верстъ, разстилается городъ Конджеверамъ. Въ немъ замѣчательна древняя пагода Сивы, украшенная превосходными изваяніями и посѣщаемая многочисленными богомольцами. Близъ *Магалипурама* обращаютъ на себя вниманіе развалины древнихъ храмовъ, называемыя *Семью Пагодами*. Изъ семи, на лицо только двѣ, остальныя пять, вмѣстѣ съ богатымъ городомъ, поглощены моремъ, какъ гласитъ народное преданіе. Кромѣ этихъ развалинъ въ Магалипурамѣ есть пещеры, подобно Эллорскимъ, изсѣченныя въ гранитныхъ скалахъ, и подобно имъ — украшенныя изящными барельефами.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Храмъ въ Танджаурѣ. Тритшинапали. Серингамская пагода. Шаламбромъ. Чудесное сохраненіе куполи. Рамиссерамъ. Мостъ Рамы. Мысъ Коморинъ. Островъ Сальцетта близъ Бомбая. Калапуръ: Элефантскіе храмы. Святыя горы въ Гуджератѣ. Святое дерево. Сумекатъ. Сокровища храма. Хромъ въ Аджемирѣ: Мингаль.

Храмъ Танджаурскій, по своимъ размѣрамъ и архитектурѣ,

близко подходящій къ Ягтернауту, служитъ тоже мѣстомъ частыхъ посѣщеній молельщиковъ; но важнѣе его *Тритшинапали*, на правомъ берегу Кавери съ храмомъ Ганумана, на горѣ въ 85 саженъ высоты, съ пещерами подобными эллорскимъ. *Серингамская* пагода близъ этого города почитается огромнѣйшимъ храмомъ во всей Азіи. Окружность ея исчисляютъ въ двадцать восемь верстъ, камни, изъ которыхъ сложена наружная терасса, пять саженъ длины и сажень толщины каждый. Снаружи пагода представляетъ множество башенъ, сплоченныхъ пирамидально; внутренній ея видъ поражаетъ множествомъ колонъ самыхъ причудливыхъ фасоновъ—однѣ башни съуживаются къ базису, другія—къ капители... Глаза разбѣгаются на множество барельефовъ, въ числѣ которыхъ находится изображеніе Кришны и его восьми *гописъ*, приложенное нами къ XIII главѣ нашей исторіи.

Знаменитый храмъ въ Шаламбромѣ построенъ, по вычисленіямъ Легу-де-Флэ, одиннадцать тысячъ лѣтъ тому назадъ и архитектурой своей напоминаетъ старѣйшій себя храмъ ягтернаутскій, но онъ вдвое его меньше. Храмъ построенъ на пространствѣ 380 квадратныхъ саженъ и обнесенъ кругомъ галереями, въ которыхъ помѣщаются жрецы и прислужники. Три главные входа—сѣверный, южный и восточный—осѣнены каждый пирамидою въ 16 саженъ вышины. Галереи построены на стрѣльчатыхъ сводахъ, аркады соединены легкими и изящными пандантивами. Во внутренности пирамидъ лѣстницы—отъ основанія до вершины; по нимъ пробираются работники для иллюминацій, неизбѣжно сопровождающихъ религіозныя празднества въ Индіи (1). Чистота отдѣлки деталей, изящество украшеній Шаламбрамскаго храма, по истинѣ, изумительны. Куполъ, увѣнчивающій святилище (козль), можетъ служить образцомъ прочности, дивомъ архитектуры. Въ подтвержденіе этого, приводимъ разсказъ о чудномъ приключеніи съ этимъ храмомъ во время осады Танджаура, въ войну англичанъ съ французами, въ 1758 году.

Осаждавшій Танджауръ, французскій губернаторъ *Лалли Толлендаль*—(помѣшанный самодуръ, прибавимъ) велѣлъ сложить въ Шаламбрамскомъ храмѣ всѣ пороховые запасы, вѣсомъ до 1300 пудовъ. По оплошности или злоумышленію, въ храмѣ вспыхнулъ пожаръ и все упомянутое количество пороха сдѣлалось добычей пламени... Дѣйствіе взрыва было баснословно! Храмъ, который долженъ бы былъ разсыпаться въ прахъ, уцѣлѣлъ; куполъ лопнулъ и мгновенно распался на двое: вся масса газовъ вылетѣла сквозь отверстіе на воздухъ, а разсѣвшіяся половинки купола, будто двѣ дверки на петляхъ — опять захлопнулись, и сложились другъ къ другу по прежнему плотно. Слѣдомъ взрыва осталась на внутренней части купола темная, струйчатая полоса (1). „Предоставляю лицамъ болѣе меня свѣдущимъ въ строительномъ искуствѣ“ — говоритъ Легу де Флэ — „объяснить по возможности этотъ случай, за достовѣрность котораго вполнѣ ручаюсь (2)“. Въ дополненіе къ описанію Шаламбрамскаго храма нельзя не упомянуть о единственномъ въ мірѣ украшеніи, тамъ находящемся. Это гранитная цѣпь, привѣшенная къ сводамъ купола, въ видѣ четырехъ гирляндъ; длина каждой — 37 ф.; каждое звѣно въ три фута длины и пять дюймовъ толщиною; полировка до такой степени чиста, что на солнцѣ эти каменныя цѣпи сверкаютъ, какъ зеркало. Цѣпи и четыре огромныхъ камня, къ которымъ онѣ прикрѣплены—четыре монолита (цѣльныхъ камня), а отъ храма до ближайшей каменоломни до двухсотъ верстъ... и это совершенство скульптуры создано въ тѣ вѣка, когда—не говоримъ уже Европа—но самый Египетъ, большая часть азіятскихъ государствъ были погружены въ мракъ младенческаго невѣжества. И сколько народовъ и царствъ исчезло безслѣдно съ лица земли; и сколькихъ пережили и еще переживутъ памятники древней Индіи.

Городъ *Раминадъ* святъ для индусовъ по связаннымъ съ нимъ воспоминаніямъ о Рамѣ. Пагода *Рамиссерамъ* близъ этого города, на островѣ Пальскаго пролива—тотъ самый храмъ, который построилъ Рама въ память своей побѣды надъ Раваною, похити-

(1) Legoux de Flaix: Essai sur l'Indoustan. Paris 1807, T. I. pp. 120, 121.

(1) Legou de Flaix ibid. T. 123, 124, 125.

(2) Ibid. 126 *Fortia d'Urbain.* Mémoires pour servir à l'histoire ancienne du globe, Paris 1809, Tome VIII, pp. 58–60.

телемъ Ситы (Гл. II, стр. 10). Отъ Рамнада къ берегамъ Цейлона, въ Палкскомъ проливѣ. тянется гряда подводныхъ скалъ и отмелей. Это тотъ самый мостъ, который строили обезьяны для переправы дружинъ Рамы на Цейлонъ. У христіанъ и мусульманъ — туземцевъ это мѣсто называется *Адамовымъ мостомъ.*

Въ западномъ Индостанѣ замѣчателенъ мысъ *Коморинъ* — въ полумилѣ отъ морскаго берега. Высота горы 3882 фута; но отлогостямъ ея низвергаются водопады. Гора коморинскаго мыса - индійскій Парнасъ — древнее жилище Кришны съ его любимицами. На вершинѣ горы воздвигнута часовня Божіей Матери знаменитымъ въ католическомъ мірѣ Францискомъ Ксавье.

На сѣверъ отъ Бомбая, соединенный съ нимъ плотиною, находится островъ Сальцетта. Здѣсь, близъ деревни Кенери, обширныя молельныя пещеры *Карли,* служившія храмами поочередно: индусамъ, буддистамъ, португальскимъ миссіонерамъ, — а нынѣ совершенно покинутыя. Островъ *Калапуръ,* лежащій неподалеку отъ Сальцетты, извѣстенъ у европейцевъ подъ именемъ *Элефанты* — даннымъ ему вслѣдствіе колосальной статуи слона, изсѣченной изъ цѣльной скалы чернаго гранита, а равно и храмовъ, украшенныхъ, вмѣсто каріатидъ, изваяніями слоновъ. Въ сентябрѣ 1814 года землетрясеніе разрушило часть туловища и голову главной фигуры, нынѣ, можетъ быть, уже и окончательно развалившейся. Сводъ храмовой пещеры поддерживается колонадами, прорытыми въ скалѣ; стѣны и колонны покрыты барельефами, изъ которыхъ особенно замѣчательно колосальное изображеніе Тримурти. Оно уцѣлѣло какимъ-то чудомъ отъ рукъ португальцевъ-фанатиковъ, пушками разрушавшихъ памятники язычества..... Печальный фактъ, только подтверждающій высказанное уже нами убѣжденіе, что европейскіе миссіонеры всегда болѣе вредили, нежели содѣйствовали великому дѣлу обращенія страны въ христіанство.

На Каттіаварѣ — полуостровъ Гуджерата — достойны замѣчанія двѣ горы: *Пуллiотама* и *Рiутатчилъ,* пользующіяся у индусовъ репутаціей мѣстъ священныхъ, богами возлюбленныхъ. О мѣстахъ Индіи, съ которыми сопряжены религіозныя воспоминанія. брамины отзываются, что „это храмы и алтари, созданные руками Творца вселенной на поклоненіе ему!“ Въ той же области Гуджерата донынѣ сохраняется священное дерево *Кобиръ-баръ* (ficus religiosa L). Этому исполину растительнаго царства считаютъ болѣе трехъ тысячъ лѣтъ возраста и до двухъ тысячъ футовъ окружности главнаго ствола, имѣющаго кромѣ того множество отростковъ, отъ трехъ до пяти саженъ въ поперечникѣ. Само собою разумѣется, что о деревѣ-патріархѣ существуетъ въ Индіи безчисленное множество легендъ и сказаній... Если горы-алтари созданы самимъ Богомъ, то дерево Кобиръ-баръ Имъ же созданный живой кумиръ, до котораго донынѣ не прикасалась святотатственная рука иноплеменника...

Храмъ крѣпости *Суменатъ,* нынѣ ничѣмъ особенно не замѣчательный, былъ въ свое время богатѣйшимъ во всей Индіи. Въ 1535 г., при покореніи Гуджерата Махмудомъ I, жрецы Сумената предлагали ему 10.000,000 золотыхъ рупій, за пощаду храма и главнаго идола. Это предложеніе только пуще распалило корыстолюбіе завоевателя и надоумило его немедленно разбить истукана. Оказалось, что идолъ былъ начиненъ алмазами, рубинами и жемчугомъ на сумму, въ десятеро превышавшую цифру предложеннаго выкупа. Кромѣ этого сокровища, грабители вывезли изъ храма нѣсколько тысячъ золотыхъ статуй и балдахинъ святилища, снизанный изъ драгоцѣнныхъ камней и поддерживавшійся осыпанными ими же шестью десятью шестью золотыми колоннами. Тогда къ Суменатскому храму было приписано до 2,000 деревень; прислуга его состояла изъ 2,000 жрецовъ, 500 девадасъ (баядерокъ), 300 музыкантовъ и 300 брадобрѣевъ. „Гдѣ золото — тамъ желѣзо и кровь“, говоритъ восточная пословица. По разграбленіи храма служители его были перерѣзаны, баядерки подвергнуты позорному насилію, деревни выжжены до тла. И съ той поры отъ сокровищъ Сумената остались одни воспоминанія въ преданіяхъ народныхъ.

Изъ храмовъ округа *Аджемира* назовемъ древній *Мингаль,* изображенный на прилагаемомъ рисункѣ. Объ остальныхъ храмахъ и священныхъ мѣстахъ, мы упомянемъ въ послѣдующемъ очеркѣ индусскихъ сектъ: буддистовъ, джайновъ, сейковъ и наннекистовъ.

Теперь, ознакомивъ читателя съ храмами Индіи, перейдемъ къ обзору индійскихъ праздниковъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Праздники индусовъ. Первый день года. Ночь Сивы. Происхожденіе праздника. Праздникъ змѣй. Дивулиган. Маганавами. Пуджа оружію. Буссо-дженнъ. Праздникъ Кали. Понгель. Игры. Праздники обезьянъ. Дарба-аштами. Якадассы. Сказка о происхожденіи индійскаго поста.

Изъ всѣхъ предыдущихъ нашихъ разсказовъ о религіи индусовъ, читатель могъ видѣть, какіе они страстные охотники до обрядовъ и церемоній; по этому, да не удивится онъ, если мы скажемъ, что исчислить *всѣ* праздники индусовъ—дѣло невозможное, и ограничимся только разсказомъ о главнѣйшихъ изъ 18, празднованіе которыхъ обязательно для поклонниковъ Тримурти.

Первый день новаго года торжествуется три дня, которые проводятся индусами (подобно европейцамъ) въ визитахъ роднымъ, близкимъ знакомымъ, въ пышныхъ обѣдахъ и фейерверкахъ.

Въ февралѣ, у сиванстовъ великій праздникъ Ночь Сивы — ***Сива-ратти***, о происхожденіи котораго ***Сканда-пурана*** повѣтствуетъ слѣдующее: Въ отдаленнѣйшей древности былъ на святой землѣ Индіи (*Джамба-Дунна*), городъ Варанаши, а въ томъ городѣ жилъ чернолицый карла, по ремеслу звѣроловъ (***байя***), нрава жестокаго и къ богамъ непочтительный. Однажды онъ возвращался съ охоты съ такимъ огромнымъ грузомъ битой дичины, что идучи лѣсомъ былъ принужденъ садиться почти подъ каждое дерево, для отдохновенія. Такимъ образомъ, въ самой чащѣ лѣса, далеко отъ дому, охотника застигла ночь; ночь холодная, росистая, какія обыкновенно бываютъ въ Индіи въ исходѣ февраля. Боясь дикихъ звѣрей, нашъ путникъ выбралъ высокое дерево, повѣсилъ дичину на сукъ, а самъ взобрался на вершину, на которой и просидѣлъ до утренней зари. Дерево это было *вепу* (Melia azedarach L), посвященное Сивѣ, а подъ нимъ поставлено было (чего охотникъ не замѣтилъ) изображеніе лингама.

Голодный и продроглый, звѣроловъ тряся на деревѣ роняя съ его вѣтвей листья, цвѣты и капли росы на развѣшанную внизу дичину и, такимъ образомъ, хотя и невольно—однако же почтилъ Сиву постомъ и приношеніемъ жертвы. Взошло солнце, звѣроловъ возвратился домой, а черезъ нѣсколько дней умеръ. ***Яма*** послалъ за его душой своихъ бѣсовъ, а ***Сива*** — добрыхъ духовъ. Одни съ другими передрались изъ-за души грѣшника, добрые духи одержали верхъ, а бѣсы пошли къ Ямѣ съ жалобою; Яма, съ тѣмъ же — къ Сивѣ. Приходитъ къ дверямъ блаженной обители, видитъ перваго воеводу Сивы, по имени ***Нанду***, и говоритъ ему:

— Давно ли твой повелитель возлюбилъ злодѣевъ и душегубцевъ? Давно ли я лишенъ права надъ душами грѣшниковъ? Зачѣмъ ваши добрые духи отняли отъ моихъ бѣсовъ душу умершаго звѣролова?

— Затѣмъ, отвѣчалъ Нанда, — что звѣроловъ раскаялся передъ смертью, а при жизни угодилъ Сивѣ ночнымъ бдѣніемъ, постомъ и приношеніемъ лингаму...

— Нечаянно тряся дерево и роняя цвѣты и листья на лингамъ?! воскликнулъ Яма.

— Да; и этого приношенія было довольно, чтобы попасть въ рай (***кейлассу***).

Яма задумался и, съ лицомъ угрюмѣе обыкновеннаго, ушелъ въ свои подземныя области.

Канунъ священной ночи индусы строго постятся, а всю ночь проводятъ въ пѣніи молитвъ, омовеніи изображеній лингама и приношеніяхъ имъ горькихъ листьевъ и цвѣтовъ дерева *вепу*; листья они при этомъ ѣдятъ и сами... Подарки духовникамъ (гуру) одно изъ важнѣйшихъ доказательствъ благоговѣнія молельщиковъ.

Въ началѣ февраля бываютъ пятидневные праздники, называемые въ честь ядовитыхъ змѣй, особенно очковой и гремучей — ***Нахгара-пантшамы***. Богомольцы толпами идутъ къ змѣинымъ логовищамъ и ставятъ около нихъ бананы, рисъ, молоко и т. д. Змѣи, вообще, пользуются въ Индіи особеннымъ уваженіемъ (въ память превращеній Вишну). Въ Мейссурѣ, близъ мѣстечка ***Субраманніи***, есть особый храмъ въ честь змѣи Сеши, въ которомъ

содержатся тысячи этихъ страшныхъ пресмыкающихся. Ежегодно, въ декабрѣ, сюда стекаются богомольцы съ приношеніями. Кормленіе рыбъ почитается также дѣломъ не менѣе богоугоднымъ.

Праздникъ лампъ—*Дивулигаи*—въ честь огня, солнца и планетъ, бываетъ ежегодно въ концѣ ноября и началѣ февраля. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, дома внутри и снаружи иллюминуются лампадами, разноцвѣтными бумажными фонарями и пиротехническими составами, извѣстными у насъ, европейцевъ, подъ именемъ бенгальскихъ огней... Земледѣльцы, празднуя въ это время жатву, приносятъ въ жертву собраннымъ плодамъ и житамъ—козловъ и овецъ; сверхъ того, три дня къ ряду земледѣлецъ дѣлаетъ приношенія цвѣтовъ, лампадъ, варенаго рису, молока и плодовъ—грудѣ навоза... Молясь ей при этомъ онъ называетъ ее „богинею, доброю своею помощницею."

Поминовеніе предковъ совершается трижды въ годъ, но важнѣйшее – *Мага-навами* или *Дассара* совершается въ октябрѣ. „Еже-ли тебѣ не на что праздновать этотъ великій день", сказано въ Пуранахъ—„продай дѣтей и празднуй на вырученныя деньги!" Это великое поминовеніе празднуется девять дней; душамъ усопшихъ родителей и предковъ дѣлаютъ приношенія, какъ богамъ. Школьники, предводимые учителями, ходятъ по домамъ—декламируютъ, поютъ пѣсни, разыгрываютъ пантомимы духовнаго содержанія, за что хозяева кормятъ ихъ обѣдомъ, дарятъ лакомствами и деньгами. Въ кастѣ Кшатріевъ воины, связавъ оружіе въ трофей, призываютъ пурогиту, который освящаетъ его, какъ кумиръ; на трофей молятся и при звукахъ музыки приносятъ ему въ жертву ягненка. Индійскіе магометане переняли отъ индусовъ этотъ обычай, называемый *Айуда-пуджа* (жертва оружію). Раджи для народнаго увеселенія дѣлаютъ звѣриныя травли, либо приглашаютъ *джиттu* (индійскихъ гладіаторовъ), которые борятся или бьются на кулачкахъ, причемъ надѣваютъ перчатки, съ роговыми или костяными зубцами и наперстками. Дѣло никогда не обходится безъ увѣчья, нерѣдко весьма серьезнаго... Побѣдителей щедро награждаютъ, побѣжденныхъ осыпаютъ насмѣшками.

Празднества Буссо-дженгъ, въ честь богини смерти, *Кали*, совершаются въ сентябрѣ мѣсяцѣ и сопровождаются процессіями идола.

Идолъ этотъ - колосальная фигура женщины, увѣнчанной тіарою—въ одной изъ четырехъ рукъ держитъ мечь, въ другой, за волосы, отрубленную голову... На шеѣ, ожерелье изъ череповъ, лице отвратительное, съ высунутымъ языкомъ, „потому что богиня сердится", объясняютъ индусы. Поносивъ идола нѣсколько дней въ процессіи, его ставятъ на двѣ барки, спущенныя въ воду, и такимъ родомъ, чтобы онъ стоялъ на бортахъ той и другой... Отплывъ на средину рѣки, брамины, управляющіе лодками, вмѣсто недавнихъ молитвъ идолу начинаютъ взапуски осыпать его бранью и проклятіями... Браминъ, особенно отличавшійся на этомъ состязаніи, получаетъ прозвище святаго, впредь до слѣдующаго праздника. Натѣшившись въ волю надъ разжалованной богиней, брамины отдѣляютъ барки одну отъ другой и напутствуемая проклятьями богиня погружается на дно. Такимъ образомъ для этого праздника постоянно приготовляютъ новаго идола.

Другой праздникъ, въ честь той же богини *Кали*, бываетъ 10 апрѣля. Это родъ карнавальныхъ гульбищъ европейцевъ, но съ небольшимъ погребальнымъ оттѣнкомъ. Присутствующіе, большею частью съ лицами перепачканными сандаломъ и киноварью, обвѣшанные цвѣтами съ листвяными гирляндами, одѣты въ бѣлое, въ знакъ траура. Кромѣ колесницы съ идоломъ богини, въ процессіи тянется еще нѣсколько колесницъ, на которыхъ представляются пантомимы. При этихъ-то торжествахъ изувѣры выказываютъ свое усердіе, опаляя себѣ тѣло огнемъ, прижигая каленымъ желѣзомъ, прокалывая небольшими кинжалами, гвоздями, иглами... Охотники прицѣпляются за бока крючьями къ веревкамъ снаряда, въ родѣ гимнастическихъ *исполинскихъ шаговъ* (1) и, кружась надъ толпой, бросаютъ ей цвѣты, плоды, распѣвая гимны. О кровопролитіи при празднествахъ Кали въ минувшія времена, мы уже говорили въ одной изъ предъидущихъ главъ.

Вступленіе солнца въ знакъ Козерога и начало зимняго солнце-

(1) Столбъ съ подвижною верхушкою, къ которой прикрѣплены до земли длинныя веревки. Держась за концы ихъ гимнастики отскакиваютъ отъ земли, чѣмъ усиливаютъ вращеніе веревокъ, и, наконецъ, кружатся надъ землею тѣмъ выше, чѣмъ шире расходятся веревки.

стоянія, великій праздникъ, называемый *Понголь.* Предшествующій празднику мѣсяцъ почитается недобрымъ. Во все его продолженіе брамины-саніассы, съ четырехъ часовъ утра ежедневно, ходятъ изъ дому въ домъ и, бряцая въ мѣдныя тарелки, будятъ хозяевъ, совѣтуя имъ принять всѣ мѣры противу злаго мѣсяца и неустанно молиться, чтобы умилостивить его правителя Сиву. Съ этой цѣлью женщины ежедневно застилаютъ коровьимъ пометомъ, у пороговъ домовъ, пространство въ квадратную сажень. Это пространство украшаютъ бѣлыми полосами, посыпая рисовую муку, потомъ раскладываютъ шары, скатанные изъ кизяка, съ воткнутыми въ нихъ цвѣтами тыквы. Это приношеніе Вигнессуарѣ. Шары эти, по прошествіи злаго мѣсяца, женщины несутъ къ рѣкѣ, хлопая въ ладоши, и бросаютъ ихъ въ воду, или складываютъ въ уединенномъ, чистомъ мѣстѣ. Наступающій послѣ злаго мѣсяца *Понголь* празднуется три дня, называемые: 1) *боггы-понголь* (понголь радости); 2) *сурія-понголь* (— солнца); 3) *бу-понголь*—коровы. На второй день женщины рано утромъ купаются и, возвратясь съ купанья, въ мокрыхъ платьяхъ варятъ на открытомъ воздухѣ рисъ въ молокѣ. Какъ только кушанье закипитъ, онѣ бьютъ въ ладоши, дважды вскрикивая: „понголь! понголь!!" Немного погодя сосудъ съ этимъ варевомъ снимаютъ съ огня и одну треть кушанья предлагаютъ богу Вигнессуарѣ, другую—коровамъ, третью—всѣмъ домашнимъ. Въ теченіе дня посѣщаютъ родныхъ и близкихъ знакомыхъ. Первое привѣтствіе входящаго въ домъ: *кипѣлъ ли рисъ?* На что слѣдуетъ отвѣтствовать: *да, кипѣлъ!* Самое названіе праздника отъ слова: кипѣть, по телингски *понгведи.* На третій день понголя, называемый коровьимъ, дѣлаютъ приношенія быкамъ и коровамъ: не женщины, какъ обыкновенно, а мужчины обливаютъ ихъ водою, смѣшанною съ порошкомъ желтаго имбиря, зернами дерева парати и листьями веңу, причемъ каждую скотину троекратно обходятъ кругомъ; послѣ того клапяются на четыре стороны свѣта, а коровамъ и быкамъ бьютъ челомъ. Рога тѣмъ и другимъ золотятъ, либо раскрашиваютъ, на шеи надѣваютъ гирлянды изъ зелени и цвѣтовъ; на эти гирлянды навѣшиваютъ пироги, кокосовые орѣхи, плоды, всякія лакомства... Коровы, отряхаясь, сбрасываютъ ихъ, а хозяева и домашніе подбираютъ и ѣдятъ, какъ святой даръ. Послѣ

того стадо выводятъ за городъ, кричатъ, шумятъ, брацаютъ мѣдными тарелками, бьютъ въ барабаны, чтобы заставить побѣгать испуганную скотину. Цѣлый день коровы остаются на пастбищѣ безъ пастуха и куда бы ни забрели онѣ, чтобы въ саду или на нивѣ ни помяли, ни поломали — жаловаться нельзя. Идоловъ изъ храма съ музыкой носятъ по улицамъ и на выгонъ. Въ заключеніе, гдѣ нибудь на полѣ, всѣ жители деревни или горожане становятся въ кругъ, образуя хороводы. Въ средину каждаго пускаютъ зайца, и главная сущность игрища въ томъ, чтобы не пустить его прорваться изъ круга. Натѣшавшись надъ усиліями бѣднаго животнаго, его пускаютъ на волю. Бу понголь, какъ можетъ догадываться читатель, есть преимущественно праздникъ скотоводовъ и земледѣльцевъ, а потому особенно уважается ваиссіями и судрами.

Обезьянъ (пользующихся въ Индіи тѣмъ же великимъ почетомъ, какъ рыбы и змѣи) также чествуютъ праздниками; не забываютъ и священныя растенія. Въ 8 день сентябрьской луны бываетъ праздникъ *Дарба-аштами.* Приносящіе въ этотъ день жертвы и молящіеся травѣ, будутъ за это плодиться и размножаться, какъ трава, а души десяти ихъ предковъ будутъ спасены.

Изъ постовъ, соблюдаемый строже всѣхъ прочихъ всѣми кастами и сектами, зовется *ика-дассы* и бываетъ въ одиннадцатый день каждаго мѣсяца. Постъ этотъ состоитъ въ суточномъ воздержаніи отъ всякой пищи—въ особенности риса, и вотъ по какой причинѣ, какъ разсказываютъ пураны:

„До созданія человѣка, Богъ создалъ черныхъ, страшныхъ великановъ—*людей грѣха*—палачей рода человѣческаго за его будущія прегрѣшенія. Они заселили подземное царство Ямы и должность свою, т. е. истязаніе грѣшниковъ, отправляли съ особеннымъ усердіемъ и прилежаніемъ. Однажды Вишну, снизойдя въ подземныя области, посѣтилъ чертоги Ямы. Богъ смерти, обрадованный посѣщеніемъ бога жизни, сдѣлалъ ему предложеніе и какъ дорогаго гостя усадилъ на златокованный тронъ. Во время бесѣды обоихъ боговъ, до слуха Вишну достигли ужасные стоны и вопли...

— Что это? спросилъ непріятно пораженный Вишну.

— *Люди грѣха* грѣшниковъ мучатъ! спокойно отвѣчалъ Яма—у насъ ужъ такой порядокъ!

Пожелалъ Вишну взглянуть на мученія и самъ отъ ужаса содрогнулся, и тутъ же запала ему въ голову благая мысль дать людямъ возможность избавиться отъ мученій на томъ свѣтѣ. Для этого онъ установилъ постъ въ одиннадцатый день каждаго мѣсяца, *самъ превращается въ этотъ день*, а Яма—въ рисъ. Вкусившій хотя одно зернышко—губитъ свою душу на вѣки, постящійся—спасаетъ.

Степень образованія каждаго народа въ тѣсной связи съ его религіозными вѣрованіями... скажемъ болѣе, религія издревле была источникомъ наукъ, а священническое сословіе—ихъ разсадникомъ. Эти соображенія побуждаютъ насъ, расказавъ читателю еще нѣсколько полу-религіозныхъ обрядовъ, представить ему очеркъ состоянія наукъ у древнихъ индусовъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Обрядъ при затмѣніяхъ. Народныя пиршества. Форма столовъ каждой секты. Предобѣденные обряды. Чиханіе. Свадьбы деревьевъ. Бартъ. Сакти-Пуджа. Таинственныя сходки въ честь богини Сакти. Суевѣріе. Знахари. Фокусники. Воздушный браминъ. Живой мертвецъ. Несгараемый. Чернокнижіе.

Солнечныя и лунныя затмѣнія, по повѣрьямъ индусовъ, происходятъ оттого, что змѣй *Ананта* (см. гл. IV, стр. 25) изъ подземной области вползываетъ на небо и заволакиваетъ свѣтила всѣмъ своимъ туловищемъ или головою (затмѣнія полныя или частныя). Чтобы непріятный посѣтитель небесной области скорѣе убирался во свояси, индусы во время затмѣній, собираясь толпами на берегахъ рѣкъ—входятъ въ воду, кричатъ дикимъ голосомъ, бьютъ въ бубны, мѣдныя тарелки, барабаны, трубятъ въ *сангу* (раковины) и трубы. Обычай требуетъ, чтобы всѣ присутствующіе, мужчины, женщины и дѣти, были совершенно нагіе. Въ воду же ста-

новятся они затѣмъ, чтобы разсерженный змѣй не осмѣлился повредить кому нибудь—такъ какъ вода для этого чудовища недоступна. Нелѣпое это повѣрье и обрядъ соблюдаются съ незапамятныхъ временъ, хотя браминамъ, съ незапамятныхъ же временъ, извѣстна истинная причина затмѣній. Здѣсь замѣтимъ разъ навсегда и для всѣхъ послѣдующихъ разсказовъ о языческихъ вѣрованіяхъ, что прямая выгода идолопоклонническаго духовенства отдалять отъ простонародья науки и познанія, на сколь возможно недостижимую высоту. Невѣжда всегда довѣрчивѣе и легковѣрнѣе человѣка просвѣщеннаго, невѣжду всегда легче обморочить мнимыми чудесами, обольстить блестящими посулами, застращать гнѣвомъ и карою бездушныхъ куміровъ или фантастическихъ божествъ. Язычество живетъ мракомъ, питается и поддерживается невѣжествомъ. Знаменитый *Боденъ* (¹) сказалъ еще триста лѣтъ тому назадъ великую безсмертную истину: „Тираны своихъ подданныхъ всегда держатъ въ крайнемъ невѣжествѣ и тупости, изъ опасенія, чтобы прозрѣвъ и познавъ истину, эти подданные не вздумали избавиться и отторгнуться отъ своихъ тирановъ..." А есть ли тиранъ или деспотъ безжалостнѣе языческаго *теократа?* Есть ли тормазъ для народнаго образованія сильнѣе грубаго язычества? Намъ возразятъ, конечно, что въ Римѣ и древней Греціи язычество не мѣшало развитію наукъ и художествъ. Такъ, науки и художества процвѣтали и въ Римѣ, и въ Греціи—но въ полномъ блескѣ были онѣ именно тогда, когда одряхлѣлое идолопоклонство пришло въ упадокъ; когда философы прозрѣвали въ близкомъ будущемъ появленіе новой истинной вѣры, когда самые жрецы, по словамъ историка, „безъ смѣха не могли смотрѣть другъ на друга..." Наконецъ, всѣ философы, ученые и поэты древности—*въ смыслѣ язычества*—были безбожники, т. е. отвернувшись отъ тьмы, лжи и обмана, они стремились къ свѣту и истинѣ.

Возвратимся къ нашему разсказу.

По внушеніямъ браминовъ богачи даютъ иногда обѣды въ пользу простонародья (*смарадагнасъ*), на которые собираются до двухъ

(¹) *Bodin* Démonomanie des sorciers. Paris 1580 fol. 137.

тысячъ и болѣе человѣкъ. Подобные обѣды чаще всего даются для умилостивленія боговъ при засухахъ, войнахъ или иныхъ народныхъ бѣдствіяхъ. Всѣ присутствующіе поютъ при этомъ гимны богамъ и пѣсни въ честь щедрыхъ амфитріоновъ. У каждаго богача есть непремѣнно орда прихлебателей. Честь (если только слово это умѣстно въ этомъ случаѣ) начала паразитовъ принадлежитъ Индіи. Здѣсь, съ незапамятныхъ временъ, льстецы и блюдолизы, добровольные холопы богачей и вельможъ, образовывали цѣлую касту, называемую *ботту*. Участь ихъ такая же жалкая какъ паразитовъ Греціи и пролетаріевъ Рима, какъ и прихвостниковъ нашихъ русскихъ помѣщиковъ былаго времени или купчиковъ-самодуровъ — настоящаго... Имя же имъ — легіонъ! Индійскій ботту за обноски одежды, за вкусный кусокъ, за пріютъ — оказываетъ своему патрону самое раболѣпное благоговѣніе, съ терпѣніемъ, унижающимъ достоинство человѣческое, переноситъ всевозможныя издѣвки надъ собою, подъ горячій часъ даже пинки и побои. Сытный столъ и угощенія изглаживаютъ эти маленькія непріятности изъ незлобивой памяти индусскаго (точно также какъ и европейскаго) блюдолиза.

Кстати о столахъ замѣтимъ, что форма земляной насыпи — на которой въ Индіи становятъ кушанья и которая замѣняетъ наши европейскія столы — у каждой касты особая. У браминовъ эта насыпь четыреугольная, у Кшатріевъ — треугольная, у Ваиссіевъ — круглая, у судровъ — въ видѣ полумѣсяца. Полосканье рта и умовеніе рукъ и ногъ передъ обѣдомъ для всѣхъ кастъ равно обязательны.

У насъ, европейцевъ, существуетъ преданіе, будто обычай желать здоровья при чиханьи — выдуманъ римлянами или введенъ у европейцевъ въ IX вѣкѣ, вслѣдствіе, будто, какой-то чумы, первымъ признакомъ которой было чиханье. Послѣднее предположеніе чистѣйшій вздоръ; а что римляне соблюдали обычай желать здоровья чихающему, даже гадали по чиханью — это вѣрно — но къ нимъ это обыкновеніе перешло прямо изъ Индіи. Здѣсь чихающему говорятъ ***Рама! Рама!!*** (Богъ, Богъ!). Цѣль этого восклицанья отогнать отъ чихающаго бѣса, который, въ Индіи, имѣетъ дурную привычку влетать въ ротъ зѣвающему и въ ноздри чихающему.

Независимо отъ обѣдовъ, даваемыхъ богачами, ими же въ угоду богамъ (и на прибыль браминамъ) устраиваются *свадьбы деревьевъ*. Браминъ избираетъ въ лѣсу одно изъ священныхъ деревьевъ: *вепу*, *ассуату* или какое нибудь другое и подговариваетъ раджу или набаба дать этому дереву супруга или супругу, т. е. посадить подлѣ него другое священное дерево, вырытое съ корнемъ и перенесенное съ другаго мѣста. Все это совершается съ многочисленными церемоніями, мантрамами, пуджами, аратти и пр. и пр. Дереву даютъ супругу; браминамъ — подарки и щедрыя благостыни; всѣмъ присутствующимъ — пиръ на весь міръ; свату же брамины даютъ... торжественное обѣщаніе, что свадьба эта зачтется ему въ заслугу, а въ награду за дѣло угодное богамъ онъ удостоится мѣстечка въ *мокшѣ* (въ раѣ).

У горцевъ Гималайи существуетъ обрядъ *бгартъ* или *бгеда*, совершаемый во время неурожая, налета саранчи или бездождія. Вотъ что говоритъ о немъ очевидецъ, англійскій путешественникъ *Уэббъ*: «Бгартъ - родъ искупительной жертвы, приносимой духу горъ для испрошенія у него плодородія и избавленія страны отъ полевыхъ крысъ и хищныхъ насѣкомыхъ. На берегу рѣки вбиваютъ высокій шестъ, а къ нему привязываютъ очень длинный канатъ; другой его конецъ сотни богомольцевъ относятъ на вершину ближайшей высокой горы, продернувъ его сквозь просверленный чурбанъ, и крѣпко на крѣпко привязываютъ канатъ къ дереву. Индусъ изъ касты *натовъ* (скакуновъ) садится на чурбанъ, и не имѣя инаго баланса кромѣ мѣшковъ съ пескомъ, привязанныхъ къ ногамъ — соскальзываетъ по канату съ вершины горы черезъ рѣку, на противоположный берегъ. Благополучная переправа принимается за хорошее предзнаменованіе, и старшины щедро награждаютъ смѣльчака. Сорвавшійся, разумѣется, разбивается; но если въ немъ уцѣлѣетъ жизнь, ему во всякомъ случаѣ рубятъ голову, на жертву разгнѣванному духу...»

Ежегодно у браминовъ и жрецовъ всѣхъ сектъ бываютъ таинственныя сходбища по ночамъ, называемыя *сакти-пуджа* (сила, мощь). Распорядителями бываютъ жрецы Сивы, такъ какъ предметъ сходбища по ихъ части; т. е. другими словами — это гнусная оргія, чествованіе всѣхъ грѣховъ и пороковъ, охуждаемыхъ свя-

щенными *ведами*. Гдѣ нибудь въ пещерѣ, передъ идоломъ ставятъ, въ видѣ приношенія, водку, пальмовое вино, опіумъ, ромъ, аракъ, жареное мясо и *пуджары* (индійскій перецъ). Пурогита пьетъ напитки, закусывая мясомъ, что дѣлаютъ всѣ присутствующіе мужчины и женщины... Затѣмъ, разгоряченные виномъ и непривычной пищей, одурѣлые отъ опіума—и мужчины, и женщины предаются, безъ зазрѣнія совѣсти, всѣмъ порывамъ необузданности сладострастія... Тутъ нѣтъ различія родства: дочь падаетъ въ объятія отца, мать—сына; жены размѣниваются мужьями, мужья—женами. „Грѣшимъ, чтобы было въ чемъ каяться!", говорятъ брамины,—„всѣ эти грѣхи—громадны, если совершаются однимъ лицомъ, но въ массѣ людей они размѣниваются на мелочь!" (¹)

Другія сходбища, запечатлѣнныя тѣмъ же духомъ распутства, бываютъ въ честь богини *Сакти*. Приношенія состоятъ изъ ладона, цвѣтовъ, жаренаго мяса и огромной чаши рому или арака. Чашу эту присутствующіе выпиваютъ въ круговую, а на камень предъ идоломъ, взамѣнъ съѣденнаго мяса, ложится нагая молоденькая дѣвушка въ самомъ соблазнительномъ положеніи. Каждый присутствующій подходитъ къ ней и цѣлуетъ ее.......... приличіе запрещаетъ досказать, чтобы не навлечь на себя негодованія читателя, за разсказъ нашъ, къ сожалѣнію—правдивый.

Исчисленіе всѣхъ примѣтъ, суевѣрныхъ предразсудковъ и болѣе или менѣе нелѣпыхъ повѣрій, существующихъ у индусовъ—потребовало бы составленія особой книги, по крайней мѣрѣ въ четверо болѣе предлагаемой. Гдѣ же и царить суевѣрію, если не въ язычествѣ? Вѣрованіе въ магію и чернокнижіе владычествуетъ въ Индіи повсемѣстно, отъ раджи до послѣдняго отверженца—паріи, отъ стыдливой прелестной дѣвицы—дочери брамина, до удалой баядерки—всѣ слѣпо вѣруютъ въ приворотныя зелья, талисманы, заговоры, нашептыванія и т. п. Колдувы и колдуньи, ворожеи и ворожейки пользуются лестнымъ довѣріемъ и нѣкоторымъ поче-

(¹) Ночныя сходбища (шабаши) средневѣковыхъ колдуновъ—были совершеннымъ подобіемъ этихъ оргій. Къ стыду и позору русскихъ сектаторовъ подобныя же мерзости совершаются у нашихъ *скакуновъ*, *хлыстовъ*, *скопцовъ* и т. п. даже въ наше время.

томъ. Эти оракулы всѣхъ кастъ, совѣтники и помощники во всѣхъ дѣлахъ, при всѣхъ начинаніяхъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ, разсказываемыхъ очевидцами, ясно доказывающихъ, какъ необыкновенную ловкость индійскихъ чародѣевъ, такъ равно и высокую степень ихъ познаній въ нѣкоторыхъ таинственныхъ отрасляхъ естествознанія.

Начнемъ съ ловкости простыхъ уличныхъ штукарей, бродящихъ по городамъ англійской Индіи, подобно нашимъ шарманщикамъ и гаерамъ.

Показавъ зрителямъ (разсказываетъ одинъ англійскій офицеръ) опыты проворства рукъ—одновременнымъ верченіемъ пяти волчковъ на всѣхъ пяти пальцахъ лѣвой руки, игрою съ кольцами, мячиками, шарами и т. п., штукари беретъ острую саблю и, положивъ банановый листъ на обнаженную грудь одной изъ зрительницъ, разсѣкаетъ его пополамъ, не оцарапавъ кожи на груди смѣлой женщины. Видя наше изумленіе, въ отвѣтъ на похвалы, индусъ сказалъ, что опытъ этотъ весьма простъ и далеко не заслуживаетъ такихъ похвалъ; что ежели кому изъ насъ, англичанъ, угодно испытать его ловкость на себѣ—онъ къ нашимъ услугамъ. Это предложеніе было сдѣлано такимъ убѣдительнымъ тономъ, съ такой самоувѣренностью мастера своего дѣла, что мы колебались недолго.

Нашъ полковникъ, человѣкъ испытанный храбрости, первый рѣшился подвергнуться опыту. Фокусникъ положилъ ему на ладонь небольшой апельсинъ—предварительно расправивъ и особенно отогнувъ пальцы... отошелъ на шагъ, взмахнулъ саблей—и апельсинъ распался пополамъ, рука осталась цѣла и невредима. На нашъ вопросъ, что чувствовалъ полковникъ въ мигъ прикосновенія лезвея къ его ладони, онъ отвѣчалъ, что чувствовалъ только холодъ, будто по ладони слегка провели мокрымъ снуркомъ. Примѣръ смѣльчака ободрилъ всѣхъ насъ, наконецъ и меня и, подобно другимъ, я не нашелъ на своей рукѣ послѣ опыта ни малѣйшей царапины."

Другой фокусникъ, называвшій себя *воздушнымъ браминомъ* (это было въ 1835 году), показывалъ опытъ еще того затѣйливѣе. Въ небольшую скамью, аршина въ полтора вышины, въ выдолбленное въ одномъ краю ея гнѣздо онъ вставлялъ изогнутый

прутъ въ видѣ нашего печатано Г; на верхнюю вѣтвь навѣшивалъ шкурку антилопы, потомъ—облокотясь на подпорку лѣвой рукой, оставался съ подогнутыми ногами сидящимъ на воздухѣ и, сохраняя это положеніе минутъ пять—правой рукой перебиралъ зерна четокъ. На вопросы зрителей, какъ онъ это дѣлаетъ? - штукарь важно отвѣчалъ: силой мантрамовъ, съ помощью духовъ!

Въ 1842 году, въ Бомбеѣ, удивлялъ европейцевъ и туземцевъ чародѣй, далеко оставляющій за собою обоихъ предыдущихъ. Намазавшись какимъ-то составомъ и, вѣроятно, принявъ что нибудь внутрь, заткнувъ себѣ уши и ноздри хлопчатою бумагою, набивъ ротъ сухимъ рисомъ, онъ ложился въ могилу глубиною въ 6 англ. футовъ; его засыпали землею, на поверхности насыпи сѣяли овесъ, къ ней приставляли караульщика.... Могилу разрывали на четвертые сутки и вынутый изъ нея чародѣй приходилъ въ себя, какъ ни въ чемъ не бывало!

Мы не осмѣливаемся мистифировать читателей; разсказъ объ этомъ волшебникѣ, изъ англійскихъ газетъ, былъ перепечатанъ во всѣхъ газетахъ континента, даже нашихъ; авторъ статьи. очевидецъ, ручался честью за ея правдивость... Не имѣя подобной смѣлости, мы отвѣтимъ ему, вмѣстѣ съ читателемъ, словами одного нѣмецкаго ученаго: „Вамъ я вѣрю; но еслибы мнѣ пришлось собственными глазами видѣть это чудо—я бы не повѣрилъ своимъ глазамъ!“ Познанія индусовъ въ токсикологіи (наукѣ о ядахъ), ихъ умѣнье приготовлять своторныя зелья и мази могутъ, пожалуй, до нѣкоторой степени, быть поруками за правдивость разсказа о живомъ покойникѣ. Въ Москвѣ, въ 1811 году, былъ пріѣзжій крещеный индусъ, показывавшій не менѣе удивительные опыты (1). Онъ принималъ безъ малѣйшаго вреда сильнѣйшіе яды, пилъ купоросное масло, грызъ мышьякъ какъ сахаръ и, вдобавокъ, былъ несгараемымъ: ходилъ по разожженому костру, обнаженной рукой бралъ раскаленое до бѣла желѣзо, горячіе уголья пересыпалъ изъ руки въ руки будто сухой горохъ. Надъ нимъ тогда сыграли без-

(1) Разсказъ о немъ заимствуемъ изъ современныхъ ему рукописныхъ мемуаровъ Г. А. Г—скаго.

человѣчную штуку. Въ одно изъ представленій, согласно объявленной программѣ, фокусникъ долженъ былъ въ костюмѣ фуріи встать въ желѣзную клѣтку, обложенную горящими головнями и обставленную пиротехническими фонтанами, колесами и бураками. Завѣдывавшій фейерверкомъ артиллерійскій солдатъ, малый, какъ видно, умный и проницательный, желая испытать не нечистой ли силой *дѣйствуетъ* окаянный индіецъ, бросилъ въ огонь буракъ, начиненный гвоздями, желѣзными обрѣзками и стеклянными осколками... Буракъ лопнулъ, фокусника изуродовало на всю жизнь; любознательнаго солдатика-idiота даже не наказали, а фокусника же, кажется, и обвинили.

Чистой или нечистой силой дѣйствуютъ индусскіе кудесники, но, повторяемъ, что и туземцы о нихъ, и они сами о себѣ, весьма высокаго мнѣнія. Случается, что сойдутся гдѣ нибудь два чародѣя и тутъ-то начинаютъ состязаться въ искуствѣ магіи. Абатъ-Дюбуа былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ чародѣй, бросивъ на землю монету, объявилъ своему сопернику, что тотъ ее ни за что не подниметъ... Дѣйствительно, какъ ни бился вызванный на состязанье, но поднять монеты не могъ—и кончилъ тѣмъ, что въ судорогахъ, съ пѣной у рта и обливаясь потомъ, упалъ на землю. Впослѣдствіи Дюбуа узналъ, что оба штукаря стакнулись заблаговременно, чтобы лучше обморочить легковѣрныхъ ротозѣевъ.

Этому же самому автору попалось въ руки индусское руководство къ магіи—будто бы собранное изъ четвертой воды, въ которой скрыты всѣ таинства природы. Вотъ что онъ расказываетъ объ этомъ сокровищѣ для чернокнижниковъ и объ индійской магіи вообще.

Индійское руководство для волшебниковъ называется *Агрушада-Парикшаи*. По словамъ автора этой чудной книги—власть чародѣя неограничена. Онъ можетъ, силою чаръ, навести на человѣка какую угодно болѣзнь, даже смерть; вызвать бурю, дождь или засуху; обратить въ бѣгство непріятельское войско и т. д. Во время войны *Типпу-Саиба* съ англичанами, при его арміи состояло нѣсколько колдуновъ и чародѣевъ, но содѣйствіе ихъ было совершенно безуспѣшно. „Вѣсъ“ —говорится въ волшебной книгѣ— „принявъ на себя человѣческій образъ, ночью можетъ явиться

къ женщинѣ и изнурять ее своими страстными ласками." Это повѣрье о шаловливыхъ бѣсахъ перешло въ Римъ, а отсюда распространилась и по всѣмъ государствамъ Европы, гдѣ ночныхъ бѣсовъ называли *кошемарами*, *суккубами* и *инкубами*. Затѣмъ въ волшебной книгѣ приводятся образцы заклинаній для оружія. Стрѣла Брамы истребляла цѣлыя арміи, а стрѣла очковаго змѣя наводила сонъ на несмѣтныя полчища. За формулами заклинаній слѣдуютъ наставленія къ отыскавію подземныхъ кладовъ, къ разрѣшенію женскаго неплодія, посредствомъ волшебныхъ мазей, которыми должно натирать имъ глаза и пр. Заклинаньямъ повинуются не только духи, но и самые боги. Посредствомъ заклинаній можно повелѣвать семью силами: 1) бѣсами осѣтиваю щими (*грага*, отъ санскритскаго глагола: хватать, опутывать); 2) бѣсами стихійными (*бутама*); 3) мертвецами (*претасъ*), т. е. заклинатель можетъ вызывать усопшихъ и оживлять мертвецовъ; 4) демонами (*папатша* или *писсасусы*); 5) богинями (*шакши*); 6) богинею Кали; 7) богинею смерти *Марана-Деви*. Всѣмъ этимъ силамъ чародѣй долженъ читать молитвы и приносить жертвы, въ обоихъ случаяхъ совершенно нагой. Цвѣты для приношеній должны быть красные, а предлагаемый рисъ омоченъ кровью дѣвственницы. Заклинанье состоитъ изъ частыхъ повтореній словъ: *кгомъ*, *грумъ*, *шрумъ*, *рамайн*, *намага!..*

Въ составъ волшебныхъ лекарствъ и снадобій входятъ кости 64 звѣрей и, между ними, кости человѣка, родившагося въ воскресенье при ущербѣ луны, кости женщины, родившейся въ пятницу, кости отъ ногъ паріи, сапожника, магометанина и христіанина. Если всѣ эти кости зарыть по четыремъ угламъ непріятельскаго лагеря и семь разъ прочитать мантрамъ отступленія,—враги въ теченіе семи дней непремѣнно разбѣгутся. Есть еще другой способъ навести ужасъ на непріятелей въ сраженіи, представивъ ему свои войска въ количествѣ, въ десятеро превосходящемъ настоящее. Для этого стоитъ только показать ему 32 орудія, употребленные при человѣческихъ жертвоприношеніяхъ.

Чтобы изсушить и заставить зачахнуть своего личнаго недруга — слѣдуетъ взять глины изъ 84 нечистыхъ мѣстъ и вылѣпить изъ нея, съ примѣсью волосъ, обрѣзковъ ногтей и кожи — человѣческую фигурку и на груди ея написать имя ненавистника. Фигуркѣ читаютъ молитвы и приносятъ жертвы. Тогда бѣсы непремѣнно задушатъ обреченнаго на гибель. Вмѣсто молитвы и приношеній фигуркѣ, можно ей прокалывать грудь, ломать руки, ноги, свертывать голову: все это сдѣлается и съ живымъ человѣкомъ, котораго изображаетъ фигурка [1].

Кромѣ вышеупомянутыхъ средствъ при чародѣйствѣ употребляется 64 разныхъ травы и корешка....

Очевидная нелѣпость всѣхъ этихъ средствъ, кажется, не имѣетъ надобности въ опроверженіяхъ. Отъ тайныхъ знаній перейдемъ теперь къ обзору состоянія наукъ у древнѣйшихъ индусовъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Состояніе наукъ у древнихъ индусовъ. Астрономія. Тригонометрія. Геометрія. Алгебра. Ариѳметика. Таблица умноженія. Волшебные квадраты. Санскритскія цифры и нумерація. Браминъ Сисса. Шахматы. Задача Сиссы. Медицина. Химія. Технологія. Словесность. Поэзія. Пословицы. Философскія школы.

Древность астрономическихъ познаній индусовъ—вопросъ спорный, до сихъ поръ еще окончательно не разрѣшенный. *Кассини*, *Байлльи* и *Плэферъ* полагаютъ, что индусы занимались астрономіей за 3000 л. до Р. Х., и что уже тогда наука эта была

[1] Нелѣпое повѣрье изводить людей посредствомъ ихъ статуэтокъ, было особенно развито во Франціи въ XVI вѣкѣ. Тамъ это чародѣйство называлось: *envoûtement*. Такъ, по словамъ современниковъ, былъ изведенъ король Карлъ IX. Искуствомъ наводить порчу посредствомъ куколокъ особенно славился фокусникъ *Труазешелль* (Trois-Echelles), сожженный на кострѣ, или повѣшенный въ 1571 году.

у нихъ на высокой степени совершенства. *Лапласъ, Деламбръ*, въ свою очередь, несогласные съ этимъ мнѣніемъ, начало астрономіи въ Индіи относятъ къ ближайшей эпохѣ. Ученый *Бентли* (Bentley), въ сочиненіяхъ своихъ постоянно оспаривающій у индусовъ ихъ древность, говоритъ, что индусское дѣленіе эклиптики на 27 лунныхъ станцій было изобрѣтено въ 1442 г. до Р. Х. Конечно, это не 3000 лѣтъ, но и то, какъ намъ кажется, цифра почтенная. Первый индусскій астрономъ, *Паразана*, жилъ именно въ эту эпоху. Всѣ открытія сохранялись браминами въ строжайшей тайнѣ отъ простаго народа и изученіе астрономіи было удѣломъ весьма немногихъ избранниковъ. Тѣмъ не менѣе эта наука процвѣтала въ Индіи, и страна эта имѣетъ полное право оспаривать первенство ея изобрѣтенія у древнихъ халдеевъ.

Не менѣе замѣчательны успѣхи браминовъ и въ другихъ математическихъ наукахъ.

Сурія Сидента— тригонометрія, написанная въ 1091 г. до Р. Х., содержитъ въ себѣ теоремы, но только опередившія извѣстныя древнимъ грекамъ, но и въ западной Европѣ изобрѣтенныя не ранѣе XVI столѣтія. Въ геометріи теоремы о треугольникахъ, между прочимъ, опредѣленіе площади треугольника его сторонами и отношеніе окружности круга къ діаметру — изобрѣтены браминами. Въ алгебрѣ они опередили не только древнихъ, но и средневѣковыхъ ученыхъ. Имена индійскихъ алгебраистовъ: *Арія Бгатты*, *Брагма-Гопты* и *Брагма-Аттаріи* — могли бы смѣло занять видное мѣсто въ ряду даже европейскихъ ученыхъ.

Въ ариѳметикѣ открытія индусовъ неоцѣнимы, да и не оцѣнены по заслугамъ. Ими изобрѣтена десятичная система, составлены таблицы сложенія и *умноженія* послѣдняя, несправедливо приписываемая Пиѳагору— бывшему ученикомъ браминовъ. Другая несправедливость со стороны просвѣщеннаго міра —названіе *арабскими* цифирныхъ знаковъ, которые слѣдуетъ называть *индійскими*. Знаки эти европейцы получили отъ аравитянъ уже изъ вторыхъ рукъ — и дали имъ прозвище, на которое аравитяне имѣютъ точно такое же право, какъ Америго-Веспуччи на прозвище своимъ именемъ Америки, открытой Христофоромъ Колумбомъ. Что такъ называемыя *арабскія* цифры изобрѣтены *индусскими* браминами— въ этомъ любознательный читатель, если желаетъ, можетъ убѣдиться, прочтя добросовѣстный трудъ *Фортіи д'Юрбэна* (¹), одного изъ замѣчательныхъ французскихъ археологовъ начала текущаго столѣтія. Такъ называемыя у браминовъ *таблицы сложенія*, извѣстны у насъ, европейцевъ, подъ именемъ *волшебныхъ квадратовъ*. Вотъ одинъ изъ нихъ для образца:

4	9	2
3	5	7
8	1	6

Сумма этихъ девяти цифръ (основныхъ цифръ нумераціи), сложенныхъ горизонтально, вертикально или діагонально — неизмѣнно ровна 15. Способъ составлять подобные квадраты, во сколько угодно рядовъ, подробно объясненъ въ вышеупомянутомъ сочиненіи. Говоря о цифирныхъ знакахъ, считаемъ не лишнимъ ознакомить читателя и съ санскритскими названіями цифръ: 1 *йеганъ*, 2 *докъ*, 3 *трини*, 4 *шетуара*, 5 *пантша*, 6 *шату*, 7 *сашъ*, 8 *асту*, 9 *нава*, 10 *десса*. Сходство наименованія цифръ, на всѣхъ европейскихъ языкахъ съ вышеприведенными санскритскими, кажется, не нуждается въ коментаріяхъ. Въ V вѣкѣ по Р. Х. славился въ Индіи своими математическими познаніями браминъ *Сисса*, изобрѣтатель шахматовъ. Поводомъ къ этому изобрѣтенію послужили слѣдующія обстоятельства: Царствовавшій тогда въ Индіи государь былъ человѣкъ добрый, но къ сожалѣнію молодой, неопытный, охотно склонявшій ухо на льстивыя рѣчи царедворцевъ и подчасъ зажмуривавшійся или смотрѣвшій сквозь пальцы на нужды простонародья. Браминъ *Сисса* неоднократно совѣтовалъ ему быть внимательнѣе къ доброму простому люду и не ввѣряться такъ слѣпо своимъ вельможамъ. „Ты одинъ, безъ народа" —говаривалъ браминъ молодому государю— „слабъ и безсиленъ, царедворцы твои — ничто, не будучи подкрѣпляемы солдатами, а солдаты — ничто, безъ народа, изъ среды котораго они набираются!" И желая осязательнѣе доказать царю истину своихъ словъ, *Сисса*

(¹) *Fortia d'Urbain*, Considérations sur l'origine et l'histoire ancienne du globe. Paris. 1807. pp. 311–334, 335.

изобрѣлъ игру двуцвѣтными фигурками на клѣтчатой доскѣ (64 клѣтки — число символическое), названной *пор-сталамъ* (поле битвы). Фигурки состояли изъ царя, министра (*мантри*), полководцевъ пѣшихъ, конныхъ, *колесницъ* (туры, башни или пушки) и восьми солдатъ или пѣшекъ. Научивъ царя этой игрѣ, *Сисса* доказалъ ему послѣ нѣсколькихъ партій, что самая ничтожная пѣшка можетъ быть подчасъ полезнѣе царю крупной фигуры; особенно если эта пѣшка благополучно переберется черезъ всю доску на нижнюю клѣтку противника и превратится въ важную фигуру. Такъ же точно, простая непріятельская пѣшка иногда бываетъ гибельна царю. Царь былъ въ восторгѣ отъ изобрѣтенной игры и, обнимая *Сиссу*, предложилъ ему въ награду, что ему угодно.

— Мнѣ угодно... сущую бездѣлицу, отвѣчалъ мудрый *Сисса*.— Дай ты мнѣ пшеницы, накладывая на каждую клѣтку этой доски, прогрессивно увеличивая число: на первую клѣтку одно зерно, на вторую—два, на третью—четыре, на четвертую—шестнадцать, на пятую—236, и т. д. на всѣ 64 клѣтки, умножая каждое полученное число на самое себя; потомъ сложи всѣ числа, и количество пшеничныхъ зеренъ, составляющихъ сумму, дай мнѣ.

— Только-то?! засмѣялся царь.

— *Только!* отвѣчалъ Сисса съ лукавой улыбкой.

Оказалось по смѣтѣ сдѣланной браминомъ, что для пополненія всѣхъ клѣтокъ шахматной доски не достанетъ не только пшеницы, собранной со всей Индіи, но что этого громаднаго числа зеренъ не возможно будетъ выразить ни цифрою, ни живымъ словомъ.

— Вмѣсто всякой мнѣ награды, государь, сказалъ браминъ,— научись изъ этого примѣра — никогда и никому не давать опрометчивыхъ обѣщаній.

Медицина, какъ сводъ всѣхъ естественныхъ наукъ, процвѣтала у браминовъ въ глубочайшей древности. До нашего времени сохранились сочиненія двухъ славнѣйшихъ врачей *Сусруты* и *Шараки*—Эскулапа и Гиппократа Индіи. Произведенія ихъ были переведены на арабскій языкъ, и аравитяне, воздавая должное должному, называли индусовъ на поприщѣ медицины счастливыми соперниками грековъ. Индусы *Манка* и *Салехъ*, ученики браминовъ, были придворными врачами калифа Гарун-ал-Рашида.

Превосходные токсикологи и фармацевты, брамины, первые, указали на цѣлебныя свойства многихъ растеній, между прочимъ, *чилибухи* (nux vomica L) при пораженіяхъ позвоночнаго хребта; дурмана (datura) при одышкѣ, хины — при лихорадкахъ (успѣшно пользуемыхъ въ Индіи и малыми дозами мышьяка), опіуму—при желудочныхъ болѣзняхъ и т. д. Изъ химическихъ врачебныхъ составовъ индусы умѣли приготовлять: сѣрную, азотную и соляную кислоты; мѣдныя, желѣзныя, свинцовыя, оловянныя и цинковыя окиси; сѣрнистое желѣзо, антимоній, мышьякъ и ртутные препараты, сулему и каломель. Окуриванія киноварью для произведенія обильнаго слюнотеченія изобрѣтено индусами; имъ же принадлежитъ изобрѣтеніе искуства окрашивать въ разные цвѣта потѣшные огни разными солями и металлическими окисями (бенгальскіе огни), а что порохъ изобрѣтенъ въ Индіи—это мы уже говорили (гл. IV, стр. 25) и готовы подтвердить еще, не одинъ разъ. Красильное, литейное и кузнечное мастерства, многія техническія производства доведены были въ древней Индіи до совершенства. Словомъ, говоря безъ преувеличенія, индусы передовой народъ на пути просвѣщенія человѣчества, народъ нынѣ уже отжившій, подобно китайцамъ впадающій въ старческое дѣтство, но тѣмъ не менѣе заслуживающій уваженія за свое давно минувшее; народъ имѣющій право на это уваженіе несравненно болѣе, нежели народы-завоеватели—кровожадныя орды, отличающіяся отъ стадъ дикихъ звѣрей развѣ только своимъ непомѣрнымъ, адскимъ властолюбіемъ.

Обращаясь къ состоянію словесныхъ наукъ у древнихъ индусовъ, не можемъ не воздать дани удивленія поэзіи этого народа, его пламенному воображенію, его искуству живописать словомъ, какъ мастерской кистью. Напоминаемъ читателю, что каѳедра образованія ума и сердца народовъ — театръ — получилъ свое начало въ Индіи. Произведенія *Калидазы* и *Бгавабгути* — Сакунтала, Герой и Нимфа: *Вальмики* — Рамайяна: — *Віазы* и проч. — совершенства своего рода! Поэтъ описываетъ, напримѣръ, битву боговъ съ великанами, и какъ блѣднѣютъ при его разсказѣ эпопеи прочихъ азіатскихъ и европейскихъ народовъ!

„*Магадеви* поражаетъ великана стрѣлою; лукъ — радуга, тетива на немъ натянута отъ неба до преисподней, а стрѣла — самъ Вишну!“ Въ описаніи красотъ природы, поэзія индусовъ неувядаемо прекрасна, какъ и сама природа... Вотъ, напримѣръ, разсказъ о любовникѣ, одиноко гуляющемъ въ рощѣ и вздыхающемъ по своей возлюбленной. Послѣ изящнаго, живаго перечня растительныхъ богатствъ, окружающихъ печальнаго скитальца, поэтъ говоритъ: „Воздухъ напитанъ ароматами, тишина невозмутимая, не слышно ни гудѣнья пчелъ, ни вздоха вѣтерка мимолетнаго... Только и нарушаютъ тишину отдаленное пѣніе коиля да томное, переливчатое воркованье горлинки на ближайшемъ деревѣ. И опускается юноша на траву, и тоскливо ему отъ сладостнаго аромата цвѣтовъ мангустана; и погружается онъ глубоко въ свою грусть безысходную!..“

Когда вспомнишь, что такъ писали въ Индіи 1500 лѣтъ тому назадъ — невольно улыбнешься тому напускному восторгу, въ который приходятъ въ наше время отъ дикой поэмы, въ родѣ *Гайяваты*, какого нибудь *г. Лонгфелло*-американскаго поэта — при чтеніи его еще и не въ оригиналѣ, а въ дрянномъ переводѣ! (¹) Изреченія древнихъ браминовъ и ихъ нравоучительныя правила, каждому изъ насъ извѣстны изъ прописей, писанныхъ нами въ дѣтствѣ. Многія изъ этихъ великихъ истинъ, отъ частаго употребленія, опошлились, поистерлись, какъ монета послѣ долгаго обращенія — но тѣмъ не менѣе, выраженныя впервые, онѣ были плодомъ долгихъ думъ мудраго человѣка. Брамины, при образованіи юношества, заставляли учениковъ многое затверживать наизусть, какъ для изощренія памяти, такъ равно и съ той мыслью, что запечатленное въ памяти сохранится долѣе написаннаго. Отъ учениковъ, многія правила перешли къ народу, который нерѣдко руководился и донынѣ руководствуется ими въ своемъ общественномъ и домашнемъ быту.. Таково происхожденіе *пословицъ*, которыми изобилуютъ языки

(¹) Произведенія этого американскаго поэта вошли у насъ въ моду, кажется, со времени посѣщенія насъ *нашими заатлантическими друзьями*. Завидна, право, наша способность восторгаться и восхищать ся всѣмъ, на что только намъ ни укажутъ!...

всѣхъ народовъ земнаго шара и между которыми, замѣтимъ, не безъ чувства національной гордости, одно изъ первыхъ мѣстъ едва ли не принадлежитъ нашимъ, русскимъ.

Шесть философскихъ школъ, о которыхъ мы упоминали (Гл. I стр. 5) могутъ быть раздѣлены на два ученія: 1) *дуитамъ*, признающее творца и вещество, Бога и природу, и 2) адуитама, признающее только Бога, творца самой матеріи. Иначе послѣдователи дуитама признаютъ силу и матерію, послѣдователи адуитама — одну только силу. Догматъ послѣднихъ: *абъ аван абавана сты*, т. е. изъ ничего и не можетъ быть ничего. Все видимое нами ничто иное, какъ призракъ, созданіе нашего воображенія, мечта (*майя*). Приснилось одному человѣку, говоритъ философы, въ поясненіе своей доктрины, будто гдѣ-то его выбрали въ цари и съ огромной церемоніей увѣнчали вѣнцомъ. Пробудившись, онъ пошелъ по своимъ дѣламъ и встрѣтилъ пріѣзжаго чужеземца, который разсказалъ ему, что видѣлъ въ одной странѣ обряды и церемоніи вѣнчанія царскаго, точь въ точь подобныя видѣннымъ мечтателемъ во снѣ.... И явь — мечта, и сонъ — мечта, все видимое нами только видоизмѣненіе одного вѣчно сущаго божества; оно побуждаетъ людей и на добро, и на зло.

Дуитамиты говорятъ иное. Вездѣсущее божество разлито во всей природѣ, одушевляя все и всѣхъ, давая душу живымъ, форму неодушевленнымъ, неизмѣнно, въ какомъ бы тѣлѣ оно не проявлялось; такъ огонь чистъ въ чемъ-бы онъ ни горѣлъ, что-бы ни сожигалъ. Души людей — частицы божества, какъ лучи-частицы солнца, капли дождевыя — частицы одной тучи, золотыя деньги или украшенія — частицы одного слитка. Вслѣдствіе пороковъ тѣла, душа усвоиваетъ и порочныя наклонности; но погрѣшности человѣческія не суть погрѣшности божества. Луна, напримѣръ, отражается въ водѣ, вода волнуется, колеблется и отраженіе, но самое свѣтило, отражающееся въ водѣ, недвижно и невозмутимо. У души три присущія ей свойства: *доброта* (сатта), *страсть* (райя), *невѣдѣніе* (тама). Пять тѣлесныхъ чувствъ — рабы души, и она, повелѣвая имъ, управляетъ всѣми дѣйствіями тѣла. Душа магнитъ, тѣло стальная игла: оно двигается и живетъ, покуда душа его не

покинетъ; тогда оно будетъ недвижно и распадется въ прахъ. Душа же неизмѣнна...

Такова сущность ученія шести философскихъ школъ, дробящихся еще на многіе толки, исчисленіе которыхъ могло бы слишкомъ утомить вниманіе читателя, увлекая и насъ въ скучныя и нелюбопытныя подробности.

Закончимъ нашъ обзоръ разсказомъ о важнѣйшемъ изъ всѣхъ расколовъ, именно о *джайнизмѣ*, составляющемъ переходъ отъ религіи индусовъ къ возникшему изъ нея же *буддизму*.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Расколъ джайновъ. Сущность ихъ ученія. Богъ. Міры. Шесть періодовъ бытія вселенной. Священныя книги. Адисуара и святые. Образецъ человѣка по ученію джайновъ. Секта чувственниковъ. Обряды и обычаи джайновъ. Храмы. Секта бутамитовъ. Нанекизмъ. Заключеніе.

Джайномъ или ***джейною*** индусы называютъ человѣка съ образомъ жизни и мыслей, совершенно отличными отъ прочихъ людей. Сами джайнисты, величая себя правовѣрными (***дильпы***), на индусовъ смотрятъ какъ на раскольниковъ и отверженцевъ... Джайны отрицаютъ всѣ сказки ведъ и пуранъ, съ омерзеніемъ отзываются о поклоненіи лингаму, съ ужасомъ о жертвоприношеніяхъ живыхъ существъ при ***экіамѣ***. Миролюбивое ученіе религіи джайновъ возникло въ 645 г. до Р. Х. Первоначально разладица ихъ съ браманистами ограничивалась схоластическими спорами, мало по малу перешедшими въ войны, какъ это бываетъ всегда и вездѣ. Перевѣсъ, первую пору, былъ на сторонѣ джайновъ, но впослѣдствіи дѣло приняло иной оборотъ: раскольники подверглись притѣсненіямъ, гоненіямъ, пыткамъ, казнямъ; храмы ихъ разрушенію и разграбленію. Усердіе раскольниковъ расло по мѣрѣ ярости ихъ гонителей. Наконецъ, лѣтъ двѣсти тому назадъ, джайновъ оставили въ покоѣ, и они свободно исповѣдуютъ нынѣ свою реформированную религію. Сущность ученія джайновъ — въ признаніи единаго Бога, называемаго ими ***Джейнессуарою***, ***Параматмою*** или

Пара-пара-васту. Съ молитвами къ нему слѣдуетъ обращаться чрезъ посредство святыхъ (***салок-пурамасъ***)—ходатаевъ за людей у Бога, посредниковъ между нимъ и людьми. Главнѣйшія свойства Джейнессуары: 1) безконечная мудрость (***ананта-гнана***), 2) всезнаніе, безконечное, безначальное и повсемѣстное бытіе (***ананта-дарсана***) 3) всемогущество (***ананта-варійя***) и, 4) безконечное самодовольствіе (***ананта-сука***). Погруженное въ пучину своихъ совершенствъ, божество не имѣетъ съ міромъ ничего общаго, не возмущаясь зломъ, не умиляясь добродѣтелью. Добрые, возраждаясь въ будущей жизни, найдутъ себѣ награду въ блаженныхъ обителяхъ; злые—наказаніе въ аду (***нараку***). Вещество отъ божества независимо, творческая сила заключается въ самомъ веществѣ; сущее теперь будетъ существовать вѣчно... самая природа ничто иное, какъ вѣчность, измѣняющая свой видъ, но не подлежащая конечному разрушенію.

Міровъ—три (***джага-трійя***): 1) верхній (***урдуа-лока***), 2) нижній (***аддіа-лока***) и 3) средній (***миддіа-лока***). Верхній міръ, управляемый царемъ ***Девиндрою***, раздѣляется на шестнадцать областей, сообразно заслуженнымъ людьми степенямъ блаженства. Первая область (***садду-дарма***) предназначена для чистѣйшихъ и безгрѣшнѣйшихъ душъ. Здѣсь онѣ блаженствуютъ непрерывно въ теченіе тридцати тысячъ лѣтъ. Въ шестнадцатой области (***ашуда карпа***) души блаженствуютъ только тысячу лѣтъ, по прошествіи же этого срока онѣ возвращаются на землю, гдѣ и возраждаются въ новыхъ человѣческихъ тѣлахъ. Блаженство небесныхъ обителей заключается въ созерцаніи красотъ прелестнѣйшихъ дѣвственницъ... Здѣсь немыслимы ни поцѣлуи, ни объятія.

Нижній миръ (***аддіа-лока***), иначе называемый ***нарадою*** или ***паттаглою***, предназначенъ для мѣстопребыванія душъ грѣшниковъ и злодѣевъ. Аддіа-лока дѣлится на семь областей, по степенямъ грѣховъ и преступленій. Въ первой (***ретна правап***) муки и истязанія длятся десять вѣковъ, въ седьмой же (***мага даманправап***) тридцать три тысячи лѣтъ. Муки въ этой области самыя лютыя, для слабыхъ организмовъ невыносимыя. Вотъ почему души грѣшницъ, какими бы преступленіями ни были отягощены, не допускаются въ седьмую обитель нижняго міра.

Миддія-лока — средній міръ, т. е. земля, на которой властвуютъ двѣ могучія силы — добро и зло. Центромъ его джайны признаютъ Индію, центромъ Индіи гору *Меру*, а въ числѣ различныхъ земель повѣствуютъ о странѣ праведниковъ, проводящихъ жизнь въ постѣ и молитвѣ и произвольно покидающихъ тѣла свои, чтобы душею вознестись къ источнику вѣчнаго блаженства.

Бытіе вселенной джайны дѣлятъ на шесть періодовъ, безконечно смѣняющихся послѣ переворота обновленія, т. е. возрожденія новыхъ міровъ изъ развалинъ міровъ старыхъ. 1) Періодъ *пратама-кала* продолжался сорокъ миліардовъ вѣковъ; 2) *дуиттія-кала* — тридцать миліардовъ; 3) *третійа-кала* — двадцать; 4) *чатурта-кала* — десять; 5) *пантшама-кала* (пять временъ), вѣкъ текущій, имѣющій продлиться 21,000 лѣтъ. Нынѣшній годъ, по лѣтосчисленію джайновъ, 2514 годъ пантшана-калы; до окончанія ея остается еще 18,486 лѣтъ. 6) *Сашта-кала* продлится тоже 21,000 лѣтъ, въ теченіе которыхъ измельчавшій, исхилившійся и отупѣлый родъ человѣческій постепенно обратится въ первобытное, дикое состояніе, позабудетъ науки и всѣ великія открытія минувшихъ вѣковъ и будетъ заботиться единственно о поддержкѣ жалкаго своего животнаго существованія травами и корнями растеній. Сашта-кала окончится всемірнымъ потопомъ (*джала-пралейя*), который послѣ 47 суточнаго дождя смоетъ съ лица земли людей и животныхъ. Вода покроетъ всю землю, кромѣ горы *Видійарты*, въ пещерахъ которой спасутся нѣсколько мужчинъ и женщинъ; отъ нихъ пойдутъ новыя поколѣнія для новыхъ шести періодовъ; и такъ будетъ продолжаться безконечный круговоротъ мірозданія... Sic ad infinitum!

Священныя книги джайновъ состоятъ изъ четырехъ *ведъ*, 24 *пуранъ* и 64 *састръ*. Пураны заключаютъ въ себѣ описанія житія святыхъ (*тиртару*).

Веды были написаны *Адиссуарою* — самимъ божествомъ, принявшимъ на себя оболочку человѣка и сошедшимъ съ неба на землю, чтобы дать людямъ законы, ознакомить ихъ съ науками, раздѣлить на касты и т. д. Это первый, послѣ бога и главнѣйшій святой у джайновъ. Остальные святые (*салака-пуруша*), въ числѣ 63, раздѣляются на пять классовъ, смотря по заслугамъ: 1) *тиртару* (24 особы), 2) *чакраварты* (12), 3) *васса-деватта* (9); 4) *балавасса-дева* (9) и 5) *бала-рама* (9). Жизнеописанія ихъ и разсказы о ихъ подвигахъ составляютъ первую веду, *Пратамани-йогу*. Вторая веда (*Чаранани-йога*) содержитъ въ себѣ законы общежитія, правила для кастъ и сословій. Третья веда (*Каранани-йога*) посвящена космогоніи и исторіи мірозданія и, наконецъ, четвертая (*Дравійани-йога*) философіи и началамъ наукъ.

Сличая догматы джайновъ съ догматами браманистовъ нельзя не замѣтить, что одни заимствованы изъ другихъ. То же дѣленіе бытія міра на періоды, а священныхъ книгъ на веды и пураны, видимаго міра на области, людей на касты.

Идеаломъ *человѣка*, въ духовномъ смыслѣ слова, джайны представляютъ себѣ *нагаго исповѣдника* (саніасы-нирвагни). Достиженіе этого блаженнѣйшаго состоянія — вотъ цѣль всей жизни каждаго правовѣрнаго джайна. Чѣмъ же достигнуть этой цѣли? Совершеннымъ отреченіемъ отъ міра и его суетъ, самоотрѣшеніемъ отъ добра и зла, совершеннымъ безучастіемъ ко всему, что-бы вокругъ насъ не творилось. Не имѣть ни пристанища, ни крова, жить подъ открытымъ небомъ, ѣсть что ни попадетъ подъ руку, ни съ кѣмъ не говорить, ни на кого не глядѣть, думать единственно о Богѣ... „Такой человѣкъ", говорятъ джайны — „можетъ окончить тѣмъ, что растаетъ тѣломъ, подобно тому, какъ кусокъ камфоры таетъ на огнѣ... Какъ кусокъ этотъ, исчезая, отдѣляетъ струйку ароматнаго дыма, улетающаго къ небесамъ, такъ и отъ тѣла истиннаго джайна, обращающагося въ прахъ — отдѣлится чистая душа его и вознесется въ райскую область!"

До этого состоянія, по мнѣнію проповѣдниковъ джайнизма, можно дойдти созерцаніемъ красотъ мірозданія и размышленіемъ о совершенствахъ божескихъ... Не вѣрнѣе ли было бы сказать: страданьями, разочарованьемъ въ жизни, во всемъ окружающемъ, и не столько любовью къ Создателю, сколько ненавистью къ созданію? И въ этомъ же самомъ джайнизмѣ, есть секта *каташенда-суштамотри*, у которой основный догматъ — наслажденіе любви и усердное служеніе сладострастію. „Рай", говорятъ сектаторы — „въ объятіяхъ любимой женщины!"

Богослужебные обряды джайновъ, съ ихъ мантрамами, приношеніями и проч., тѣ же, что и у брамаистовъ, безъ тѣхъ однако же самоистязаній и фантастическихъ выходокъ. Поминовеніе усопшихъ джайны отвергаютъ, говоря, что никакія молитвы не избавятъ душп человѣка отъ мученій, которыя она, будучи облечена въ тѣло, сама себѣ уготовила злыми дѣлами. Жалѣть объ умершемъ тоже неосновательно; душа безсмертна: послѣ мученій въ аду или блаженства въ небесныхъ обителяхъ, она опять возвратится на землю, гдѣ и одѣнется новой оболочкой... зачѣмъ же оплакивать покинутую ею старую оболочку, брошенную на землѣ, какъ платье источенное молью? Участь умершаго—забвеніе, оно же будущій и неизбѣжный удѣлъ каждаго смертнаго.

Кромѣ этого существеннаго разпорѣчія съ догматами брамаистовъ, многіе уставы общежитія у джайновъ рѣзко отличаются отъ браминскихъ. Такъ, при моленіяхъ, джайны не обмазываютъ головы золою, не мажутся ни масломъ, ни коровьимъ пометомъ. Единственный ихъ лобный знакъ — кругъ, наведенный растворомъ сандала (*ботту*) или двѣ крестообразно сложенныя полоски, налагаемыя молельщикомъ въ честь пяти главныхъ святыхъ на лобъ, на гортань, на оба плеча и на животъ.

Пищу принимать должно только въ дневную пору, т. е. при свѣтѣ солнечномъ—ни предъ восходомъ, ни на закатѣ. Пища джайновъ—молоко, рисъ и плоды; въ послѣднемъ случаѣ закономъ предписывается крайняя разборчивость: плоды, похожіе на голову—запрещены, а равно и нѣжные фрукты, подверженные скорой червоточинѣ. Медъ запрещенъ въ яствахъ, шелкъ въ одеждѣ; то и другое—произведеніе живыхъ существъ, произведенія, отнимаемыя у насѣкомыхъ всегда со вредомъ для ихъ жизни. Во время обѣда джайны звонятъ въ колокольчикъ или бьютъ въ тимпаны, чтобы до слуха ядущаго не доходило праздпословіе сосѣдей или прохожихъ на улицѣ. Пить воду должно процѣженную, даже въ дорогѣ, не прямо черпать воду изъ рѣкъ или источниковъ—но сосать ее сквозь полотняный лоскутъ. Это—предосторожность, принимаемая, чтобы нечаянно не проглотить какой нибудь водяной козявки или непримѣтной для глаза монады... Что-бы сказали джайны, если бы имъ показать каплю воды въ микроскопѣ? Намъ думается—они отказались

бы тогда вовсе отъ ея употребленія изъ жалости къ живымъ созданіямъ. Эта жалостливость у джайновъ еще болѣе развита, нежели у брамаистовъ. Джайны не разводятъ огня деревомъ, чтобы какъ нибудь съ полѣномъ не сжечь древеснаго червяка или жучка, метутъ полы съ крайнею осторожностью, чтобы не придавить какого нибудь насѣкомаго. Они щадятъ все живое не потому, чтобы вѣрили въ переселеніе душъ человѣческихъ въ тѣла всякихъ животныхъ, но единственно на основаніи догмата ихъ религіи, что вся природа оживлена одною божественною силою, и что уничтожая созданіе мы, такъ сказать, оскорбляемъ создателя.

Дѣленію на четыре касты джайны слѣдуютъ подобно брамаистамъ, не кладя, однакоже, такого рѣзкаго различія между кастами высшими и низшими. Имъ доступнѣе чувство уваженія къ достоинству человѣческому и сознаніе равенства правъ человѣчества. Позорныхъ ремеслъ у нихъ нѣтъ и всякое честное добываніе пропитанія ими уважается, лишь-бы она не была сопряжена съ пролитіемъ крови какого бы то ни было живаго существа, тѣмъ болѣе человѣка. Разбойникъ, или какой нибудь воинъ-герой; какъ душегубцы одинаково презрѣнны въ глазахъ миролюбивыхъ джайновъ.

Главнѣйшихъ храмовъ послѣдователей джайнизма въ Индустанѣ два. Первый (коего рисунокъ присемъ прилагаемъ), находящійся въ крѣпости ***Комульмаиръ*** замѣчателенъ по красотѣ и изяществу архитектуры. Второй находится въ Мейссурѣ близъ Серингапатнама и служитъ мѣстомъ ежегоднаго стеченія многочисленныхъ богомольцевъ. Онъ окруженъ тремя горами, и на одной изъ нихъ изваянный изъ цѣлой скалы колосъ исповѣдника ***Гуматты***—сына Аддисуара, въ семь саженъ высоты. Это совершенство индусскаго ваянія изображаетъ нагаго мужчину, съ непокрытой головой съ курчавыми волосами, какъ и у всѣхъ вообще джайнистскихъ идоловъ: особенность, замѣчаемая и въ кумирахъ *буддистовъ*.

Секта *бутамистовъ*, о которой мы упоминали въ XIX главѣ, воздаетъ божескія почести незримымъ демонамъ стихій (*бутама*) и поклоняется воздушному пространству, водамъ, огню и землѣ...

Секта немногочисленная, но замѣчательная по дикому фанатизму своихъ послѣдователей.

Въ землѣ Сейковъ и въ Лагорѣ владычествуетъ законъ, основанный лагорскимъ княземъ *Баба-Нанекомъ*, жившимъ въ половинѣ XV вѣка и реформированный въ 1674 году браминомъ *Говиномъ*. Это смѣсь исламизма съ брамаизмомъ. Нанекисты отвергаютъ поклоненіе идоламъ, многочисленныя молитвы и обряды. Послѣдніе отличаются простотою, а единственное вещественное напоминаніе о божествѣ есть находящаяся въ храмѣ *книга закона* (Тринтха). Сущность закона—единство Бога, кротость и милосердіе къ ближнимъ. Отъ мусульманъ нанекизмъ требуетъ уступчивости нѣкоторымъ уставамъ закона Врамы (главнѣйшій—не ѣсть мяса), а отъ брамаистовъ—воздержанія отъ нелѣпаго многобожія и служенія Богу единому и нераздѣльному. Послѣдніе оказались уступчивѣе первыхъ. Средоточіемъ раскола нанекистовъ сдѣлался Пенджабъ, гдѣ въ 1574 году *Гуру-Рамдасъ* основалъ городъ *Амритсиръ*, при священномъ источникѣ. Въ теченіе ста лѣтъ длились жестокія войны между сектаторами, индусами и мусульманами, побудившія *Гуру-Говинда* преобразовать, въ 1674 году, основные догматы новаго ученія. Онъ уничтожилъ дѣленіе на касты, давъ всѣмъ сектаторамъ одно прозвище *синговъ* (львовъ) и установивъ правленіе ѳеократическое, т. е. отдавъ верховную власть въ руки духовнаго сословія. Пошли неурядицы, междоусобія и, съ 1737 года, по сіе время не утихаютъ: религіозный вопросъ слился съ политическимъ въ потокахъ человѣческой крови. Тѣмъ не менѣе нанекизмъ имѣетъ многочисленныхъ приверженцевъ, тысячами собирающихся на богомолье въ Амритсиръ.

Такова въ общихъ чертахъ религіозная исторія Индіи, съ ея главнѣйшими сектами и расколами. Логическая послѣдовательность заставляетъ насъ перейти теперь къ исторіи *буддизма*, такъ какъ это ученіе возникло изъ древнѣйшей религіи индусовъ.

Къ стр. 132.

Храмъ Гунга-Реу.

Къ стр. 133.

Общій видъ Бенареса.

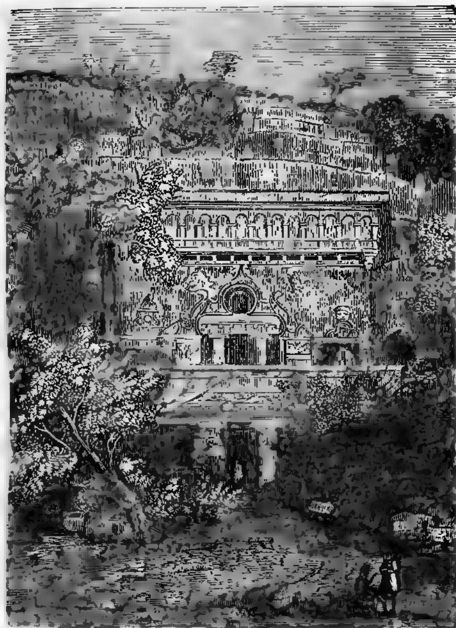
Въ Стр. 133:

Пристань Муникарника.

Къ стр. 143.

Храмъ Кейласа въ Эллоръ.

Къ стр. 143.



Храмъ Бисма-Курмъ въ Эллорѣ.

Къ стр. 143.

Пещера Карли.

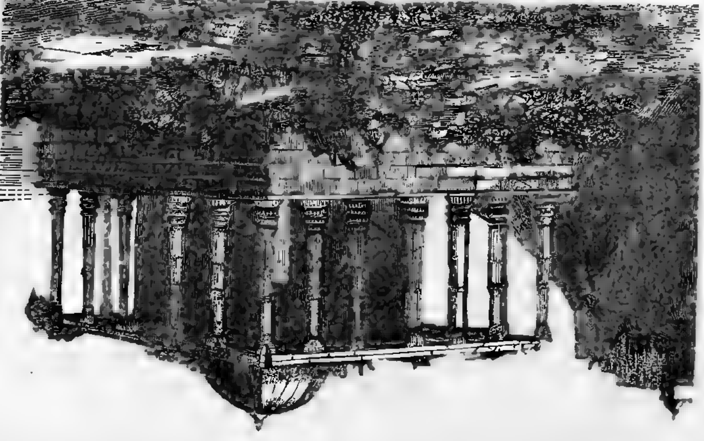
Къ стр. 148.

Входъ въ храмъ Сальцетты.

Къ стр. 148.

Трехглавый кумиръ въ храмѣ Элефантѣ.

Храмъ джайновъ въ крѣпости Комульмаиръ.



Къ стр. 177.

Къ стр. 149.

Храмъ Мипгалъ.

II.

БУДДИЗМЪ.

Время, въ которое жилъ Будда. — Народы и государства, исповѣдующіе буддизмъ; ихъ перечень. — Численность буддистовъ.

Лѣтописи народовъ, исповѣдующихъ буддизмъ, противорѣчатъ другъ другу во времени его рожденія и смерти. На Цейловѣ въ Бирманѣ и въ Сіамѣ бытіе Будды относятъ къ VI вѣку до Рождества Христова; въ Китаѣ, Монголіи и Японіи—къ десятому; въ Кашмирѣ къ 1332 г. до Р. Х.; въ Тибетѣ къ 2959. Цифры годовъ въ каждой странѣ возрастаютъ по степени ея благоговѣнія къ памяти великаго реформатора. Европейскіе ученые, на основаніи нѣкоторыхъ историческихъ (тѣмъ не менѣе очень сомнительныхъ) данныхъ, годомъ кончины Будды полагаютъ 550 до Р. Х. Противъ этого предположенія говорятъ нѣмые современники Будды — уцѣлѣвшіе храмы его религіи; храмы въ теченіе многихъ вѣковъ строившіеся, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ преданные запустѣнію... Да не удивится же читатель, если мы осмѣлимся отнести время существованія Будды за 5000 лѣтъ до Р. Х. Данныя, на которыхъ мы основываемъ эти предположенія, находятся въ самыхъ преданіяхъ о **Сакія-Муни**, сохраненныхъ въ Ведахъ (см. Индія: Гл. II, стр. 13).

Ученіе Будды при самомъ началѣ своего появленія быстро распространилось по всему Индостану, откуда разлилось по всѣмъ стра-

намъ Азіи. Въ Индіи, измѣнившей впослѣдствіи буддизму, онъ ненарушимо сохранился на островѣ Цейлонѣ, былъ принятъ въ Бирманской имперіи, въ Аннамѣ (религія простаго народа), въ Ассамѣ (съ XVII столѣтія), въ Сіамѣ (съ 638 г. по Р. Х.), въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Монголіи и Манджуріи, въ Тибетѣ (средоточіи буддизма), въ Кореѣ, Китаѣ (62 г. по Р. Х.) и Японіи (съ 552 г. по Р. Х). Изъ народовъ, подвластныхъ Россіи и исповѣдующихъ буддизмъ, укажемъ на калмыковъ и забайкальскихъ бурятъ. *Шаманизмъ*, религія сибирскихъ дикарей—расколъ буддизма. Скажемъ наконецъ, что изъ всѣхъ религій земнаго шара—буддизмъ съ его расколами самая распространенная и число последователей ученія Будды простирается до семи сотъ милліоновъ душъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Островъ Цейлонъ.—Замѣчательнѣйшія въ религіозномъ отношеніи мѣстности.—Храмы и обряды. Бирманская имперія и королевство Пегу.—Аннамъ и Кохинхина.—Королевство Ассамское.

Островъ Цейлонъ называется у туземцевъ Сингала (Львинымъ), у индусовъ Ланкою, у магометанъ Серендибомъ; древнимъ римлянамъ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Тапробана. По мнѣнію индусскихъ магометанъ, на островѣ Цейлонѣ былъ рай земной, жилище нашихъ прародителей, въ память которыхъ многія мѣстности носятъ имена Адама и Евы. Изъ таковыхъ прежде прочихъ укажемъ *Адамовъ-пикъ*, называемый туземцами Рамою. На его вершинѣ находится священный предметъ поклоненія буддистовъ—*сри-пада*, оттискъ слѣда Гутамы, т. е. Будды. Эта впадина, похожая на слѣдъ ноги въ 5 футовъ 3 дюйма длиною и въ два фута 7 дюймовъ шириною, обложена позолоченой мѣдью и прикрыта навѣсомъ цѣпями, прикрѣпленными къ скалѣ. Вокругъ святилища находится священная роща, обсаженная рододендрами. *Сри-пада* мѣсто богомолья, особенно чтимое буддистами; но еще того важнѣе храмъ въ Канди (древней столицѣ острова) Далада Мальгава, въ которомъ въ золотомъ ларцѣ (*карандуа*), осыпанномъ неоцѣненными камнями, сохраняется зубъ Будды, ежегодно возимый на слонѣ съ торжественной процессіей по городу. Кромѣ этого храма назовемъ пагоды Дамбулу, Мальватте и Астри. Жрецы обучаются въ двухъ семинаріяхъ Канди, изъ которыхъ, по окончаніи курса богословія, выходятъ съ одною изъ двухъ степеней: *Самереро* и *упасампада*. Самереро (сынъ жреца) носитъ желтое одѣяніе, брѣетъ голову, брови, бороду и можетъ прислуживать только при нѣкоторыхъ обрядахъ. Достигнувъ двадцатилѣтняго возраста, онъ держитъ экзаменъ на санъ упасампады, т. е. жреца *исполненнаго религіи*. Тогда на него надѣваютъ, вмѣсто прежняго желтаго, бѣлое облаченіе, торжественно носятъ въ паланкинѣ по городу и разрѣшаютъ совершать всѣ богослужебные обряды.

Кромѣ *Гутамы* (Будды) жители Цейлона почитаютъ боговъ-хранителей острова, называемыхъ *Капуралами*. Главнѣйшій изъ нихъ Кастраганъ, имѣющій на Цейлонѣ особый храмъ, посѣщаемый богомольцами.

Подобно индусамъ, цейлонцы питаютъ большое уваженіе къ астрологіи и во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни обращаются за совѣтомъ къ составителямъ гороскоповъ. Замѣчательно, что въ вычисленіяхъ послѣднихъ встрѣчается число 432, выражающее всѣ сложнѣйшія движенія тѣлъ небесныхъ, число согласное съ вычисленіями Ньютона. Гороскопъ опредѣляетъ цейлонцамъ дни нарѣченія имени новорожденныхъ, дни бракосочетаній и погребенія. Именъ цейлонцу дается два: первое при рожденіи, носимое до двадцатилѣтняго возраста, другое въ этомъ возрастѣ выбирается имъ самимъ. Выборъ жены предоставляется на волю родителей; брачные обряды ограничиваются двумя трапезами, за которыя садятся женихъ съ невѣстой, послѣ которыхъ они размѣниваются катышами изъ рису и кокосоваго орѣха. Новобрачному дается двухнедѣльный срокъ, въ теченіе котораго онъ имѣетъ право отпустить жену къ

родителямъ, если недоволенъ ея сожительствомъ. Многоженство и многомужество терпимо: мужчина можетъ имѣть единовременно до семи женъ, женщина до семи мужей. Въ послѣднемъ случаѣ обязанность воспитать всѣхъ дѣтей, отъ кого-бы они ни были, возлагается на одного котораго нибудь изъ семи мужей.

Тѣла усопшихъ сожигаютъ на кострахъ, слагаемыхъ изъ кокосовыхъ скорлупокъ, на которые кладутъ мертвецовъ лицомъ къ заду. Изъ пепла складываютъ холмъ, который покрываютъ дерномъ. Вдовство не пожизненно какъ у индусовъ; вдова, по прошествіи года, имѣетъ право выйдти за другаго. Въ древности тѣло умершаго короля возили на простой телегѣ по улицамъ, причемъ годовую трупа, шедшая за телегою женщина осыпала пылью, а участвовавшій въ процессіи придворный чиновникъ повторялъ народу: „люди, вотъ человѣкъ, еще вчера бывшій вашимъ повелителемъ; но прошло его время, исчезла власть и онъ пришелъ въ состояніе, въ которомъ нынѣ вы его видите... Не полагайтесь же на обманчивую жизнь, не обольщайтесь суетными надеждами!“ Послѣ трехдневныхъ процессій, трупъ бальзамировали, т. е. начиняли душистыми смолами, разными горючими веществами и сожигали на кострѣ; оставшійся отъ сожженія пепелъ развѣвали по воздуху.

Главнѣйшіе праздники на Цейлонѣ бываютъ въ іюнѣ мѣсяцѣ и состоятъ въ шествіяхъ съ идолами, возимыми на слонахъ. Пѣніе хвалебныхъ гимновъ, жженіе ладону, строжайшее приличіе и благопристойность —вообще отличительныя черты религіозныхъ буддійскихъ процессій какъ на Цейлонѣ, такъ равно и въ другихъ странахъ.

Религіозные обряды въ Бирманской имперіи представляютъ смѣсь буддизма съ браманизмомъ. Женщина, умершая въ родахъ, почитается одержимою бѣсомъ, а потому подлежитъ заклинанію. Оно состоитъ въ томъ, что при похоронахъ мужъ обязанъ идти впереди всѣхъ, размахивая оружіемъ и кривляясь какъ бѣсноватый. Жрецы на мѣстѣ погребенія объявляютъ бракъ расторгнутымъ; трупъ вскрываютъ для исторженія утробнаго плода,—мужъ, обойдя три раза вокругъ гроба, уходитъ домой и возвращается къ костру предъ самымъ началомъ сожженія.

При погребеніи *рагагаана* или *пунги* (священника) трупъ прежде всего бальзамируютъ, потомъ кладутъ въ плотно-закрывающійся гробъ, наполненный медомъ. Въ назначенный день, гдѣ нибудь на равнинѣ, складываютъ высокій костеръ, на который ставятъ ящикъ, наполненный порохомъ, ракетами, бураками, и на него кладутъ покойника. Послѣ узаконенныхъ молитвъ, по знаку, данному главнымъ жрецомъ, костеръ поджигаютъ. Пламя постепенно добирается до заряднаго ящика: раздается оглушительный взрывъ и мертвецъ съ ящикомъ вмѣстѣ разлетаются въ куски.

Погребеніями у бирманцевъ завѣдуетъ особая каста *сандаласовъ* (парій), признаваемая нечистою, какъ равно и каста храмовыхъ прислужниковъ. Нелѣпое кастовое дѣленіе, перенятое отъ индусовъ бирманами, явно противорѣчитъ уставамъ буддизма, проповѣдующую кротость и милосердіе къ ближнимъ.

Въ Рангунѣ находится Шу-Дагонъ — великолѣпный храмъ, посвященный Гутамѣ. Храмъ этотъ, конусообразная пирамида, имѣетъ видъ колокола, положеннаго на неравныхъ устояхъ и увѣнчаннаго рѣзнымъ шпицемъ. Высота пирамиды 338 англійскихъ футовъ, она ярко вызолочена и на солнцѣ сверкаетъ ослѣпительнымъ блескомъ. Большой храмъ окруженъ множествомъ малыхъ *правосъ* (часовень), украшенныхъ рѣзными фигурками, похожими на египетскіе сфинксы изображеніями головъ человѣческихъ и животныхъ. На мѣстѣ разрушеннаго правоса немедленно сооружаютъ новый и, такимъ образомъ, число ихъ въ теченіе многихъ вѣковъ не уменьшается. Близъ храма повѣшенъ огромный колоколъ въ сажень вышины, пять футовъ въ діаметрѣ, со стѣнками въ одинъ футъ толщиною. Вырѣзанная на колоколѣ палійскими письменами надпись свидѣтельствуетъ, что онъ былъ посвященъ храму въ 1780 году.

Почти все населеніе древняго королевства Пегу, вошедшаго въ составъ Бирманской имперіи, состоитъ изъ класса рагагаановъ, т. е. духовенства. Ихъ жилища или монастыри (*кіоумы*) отличаются отъ прочихъ зданій высотою, оригинальностью архитектуры и изяществомъ украшеній. Каменный храмъ *Шу-Маду* (золотаго бога) построенъ на двойной терассѣ. Основаніе его относятъ за 2000 лѣтъ тому назадъ. Предъ храмомъ на четырехъ столбахъ висятъ три колокола и тутъ же разбросано на землѣ множество лосьихъ роговъ. Каждый молельщикъ, поднявъ рогъ, ударяетъ имъ въ колоколъ и тѣмъ

возвѣщаетъ духу Гутамы о своемъ приближеніи. Приношенія, состоящія изъ вареннаго рису и обсахаренныхъ плодовъ, кладутся на уступы пирамиды, стоящей у входа въ храмъ. Собаки и вороны нерѣдко растаскиваютъ эти приношенія, но молельщикъ не смѣетъ отогнать ихъ. Обѣ терассы храма украшены круглыми, бѣлыми и красными флагами на длинныхъ бамбуковыхъ древкахъ; это приношеніе рагагааповъ, — символы чистоты и святости ихъ служебныхъ обязанностей. На верхушкѣ каждаго древка изображеніе дикаго гуся, эмблемы бирманцевъ и пегуанцевъ. Въ пяти миляхъ отъ Пегу, въ тамариндовой рощѣ находится жилище старшины рагагаановъ, называемаго *Сапринда*. Въ одной изъ подобныхъ рощицъ, близъ города Мангаи, подъ деревяннымъ навѣсомъ, лежитъ гранитная доска (6 футовъ длины и 3 — ширины) съ оттискомъ слѣда Гутамы, подобнымъ находящемуся на Адамовомъ пикѣ. Подъ пяткою двѣ перевившіяся змѣи, а пальцы изображаются пятью раковинами. По сказаніямъ бирманцевъ Гутама, шагнувъ, оттиснулъ слѣдъ одной ноги у нихъ, а другой на Цейлонѣ. Богатѣйшимъ изъ буддійскихъ кіоумовъ почитается кіоумъ въ Уммерапурѣ. Это пятиярусная пирамида, поддерживаемая 150 колоннами въ семь саженъ вышины, украшенными рѣзьбою и позолотою отъ капителей до базисовъ. По галереямъ, опоясывающимъ это зданіе, постоянно толпятся многочисленные богомольцы.

Рагагааны ходятъ босикомъ съ непокрытою головою; одежду ихъ составляютъ широкія желтыя рясы. Строгій уставъ воспрещаетъ имъ: 1) убіеніе малѣйшаго живаго существа, 2) ложь, 3) кражу, 4) пьянство, 5) сообщество съ женщиною. Нарушитель которой нибудь изъ этихъ заповѣдей подвергается изгнанію изъ кіоума и всенародному поруганію. Обмазавъ преступнику лице сажею, его сажаютъ на осла и въ такомъ видѣ водятъ по улицѣ при хохотѣ и насмѣшкахъ черни и прочихъ жителей.

Смягчивъ и облагородивъ нравы бирмановъ и пегуанцевъ, буддизмъ, къ сожалѣнію, не оказалъ этого же благотворнаго вліянія на законодателей этихъ странъ. Религія Будды первымъ долгомъ человѣка поставляетъ милосердіе ко всему живому, пощаду жизни мельчайшимъ существамъ; между тѣмъ лютѣйшія пытки и казни составляютъ отличительную черту характера бирманскаго кодекса.

Легчайшія наказанія — тюрьма и цѣпи; за ними слѣдуютъ: кнутъ, увѣчье, отдача въ рабство, приписка къ отверженной кастѣ храмовыхъ прислужниковъ. Казни отличаются всей утонченностью изобрѣтательнаго на муки варварства. Преступнику, смотря по фантазіи судьи, рубятъ голову, распарываютъ животъ, или его топятъ, жгутъ живьемъ, отдаютъ на растерзаніе звѣрямъ. Иногда ему пронзаютъ грудь огромнымъ гвоздемъ и, привязавъ къ столбу на берегу рѣки, оставляютъ тамъ покуда не изойдетъ кровью или не захлебнется отъ прилива волны. Распятіе на крестѣ и заливка горла расплавленнымъ оловомъ — казни тоже весьма обыкновенныя. Равнодушіе истязуемыхъ къ мученьямъ рѣшительно стоическое. Съ плѣнниками обхожденіе тоже, что доказали звѣрства надъ англичанами во время ихъ войнъ съ бирманами въ началѣ сороковыхъ годовъ.

Праздники многочисленны, хотя не такъ богаты обрядами какъ индійскіе. Замѣчательнѣйшій изъ нихъ — встрѣча новаго года, начинающагося у бирмановъ 13 апрѣля. Въ знакъ обоюднаго очищенія отъ прошлогоднихъ грѣховъ и встрѣчи новаго года чистыми отъ всякихъ скверпъ — мужчины и женщины, при встрѣчахъ на улицахъ, опрыскиваютъ другъ друга водой изъ небольшихъ сифоновъ. Обижаться на это считается неприличіемъ и каждому предоставлено полное право, опрыснувшему или опрыснувшей, отвѣчать тѣмъ же. Эта уличная забава, въ которой женщины и дѣвушки принимаютъ особенно дѣятельное участіе, напоминаетъ осыпаніе мукой и игру съ зажженными свѣчами (макколетти) на римскомъ карнавалѣ. Въ знатныхъ бирманскихъ домахъ, въ послѣдній день года, хозяинъ окропляетъ входящихъ гостей, гости хозяина, розовой водою.

Въ королевствѣ Аннамскомъ, высшіе классы послѣдователи закона конфуціева; чернь исповѣдуетъ буддизмъ. Обряды немногочисленны и не затемнены особенной таинственностью. Въ каждой деревнѣ и у каждой общины есть храмъ и, кромѣ того, особый духъ покровитель. Простой народъ независимо отъ божествъ буддійскихъ поклоняется солнцу, небесамъ, землѣ, лѣсамъ, вѣтру, водамъ и горамъ. Есть и монастыри, гдѣ живутъ лица того или другаго пола, давшія обѣтъ безбрачія. *Бонзы* и *бонзиссы* (монахи и монашенки) живутъ подаяніемъ. Вообще духовенства въ

Аннамѣ менѣе, нежели въ другихъ буддійскихъ странахъ; здѣсь оно не пользуется особымъ почетомъ и не вліяетъ на гражданскій бытъ аннамитовъ. Постовъ и узаконеннаго воздержанія отъ нѣкоторыхъ яствъ здѣсь не существуетъ. Домашняя птица (кохинхинскія куры), отлично выкормленныя свиньи, рыба, гнѣзда салангапы, черепахи, все это приправленное пряностями — любимѣйшія яства аннамитовъ. Страсть къ пьянству удовлетворнется опіумомъ и рисовымъ пивомъ. Особеннаго вліянія религіи на народъ не замѣтно; гражданскіе законы соблюдаются строже духовныхъ и, больше ихъ, держатъ въ острасткѣ общественную нравственность.

Королевство Ассамъ въ древности независимое, покоренное Ауренг-Зебомъ, а въ 1820 году бирманами, нынѣ составляетъ область восточнаго Индостана, присоединенную къ англійскимъ владѣніямъ. Ассамиты, бывшіе язычники, обратились къ буддизму только въ XVII вѣкѣ. Къ законамъ Будды, въ понятіяхъ ихъ, примѣшались повѣрья старинной религіи, во многихъ случаяхъ даже противорѣчащія владычествующему вѣроисповѣданію. Мясо, въ особенности собачье, почитается лакомствомъ; спиртные напитки во всеобщемъ употребленіи, понятія о божествѣ — грубѣйшія, о загробной жизни — нелѣпыя. Ассамиты полагаютъ, что грѣшники за могилой (въ Ассамѣ труповъ не жгутъ, но зарываютъ) будутъ мучиться голодомъ и жаждой. Для возможнаго облегченія ихъ участи, присутствующіе на похоронахъ ассамита родные и знакомые бросаютъ въ могилу съѣстные припасы, плоды, рисъ, куски матерій и деньги. Въ первое время обращенія къ буддизму соблюдался также старинный обычай, при погребеніи богачей и знатныхъ, зарывать въ одну могилу съ ними часть имущества, одну или двухъ женъ и котораго нибудь изъ рабовъ, если тѣ и другіе добровольно отравились ядомъ, чтобы и за гробомъ не разлучаться съ ихъ повелителемъ. Нынѣ варварскій этотъ обычай уничтоженъ, особенно благодаря стараніямъ англичанъ. Вообще же говоря, изъ всѣхъ странъ, въ которыхъ слѣдуютъ закону Будды, ни въ одной не выказывается къ нему большаго равнодушія, почти презрѣнія, ни въ одной уставы его не соблюдаются такъ нерадиво, какъ въ Ассамѣ. Ясное доказательство тому, что народъ, угнетенный тиранствомъ своихъ властителей и звѣрствомъ иновѣрцевъ-завоевателей, не можетъ быть твердъ даже въ своей религіи.

— —

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Королевство Сіамское. — Эра сіамцевъ. — Ученіе Будды. — Преданіе о Сомоно-Кодомѣ. — Талапои. — Ихъ обязанности. — Монастырскіе уставы. — Одѣяніе. — Степени духовенства. — Талапойки. — Сущность религіи сіамцевъ. — Праздники. — Обряды. — Бракъ. — Семейныя отношенія. — Клятва дружбы. — Присяга. — Казни и пытки. — Погребеніе. — Чародѣйство надъ трупами.

Въ Сіамскомъ королевствѣ Будда боготворимъ подъ именемъ ***Сомоно-Кодома***; книга его закона называется ***Пра-Сак-Ка-Ра***; введеніе его религіи почитается эрою: текущій 1869 годъ у сіамцевъ 2387 · слѣдовательно начало религіи Сомоно-Кодома въ ихъ странѣ сіамцы относятъ къ 518 году до Р. Х.

Требованія закона не обременительны. Каждый сіамецъ обязанъ посвятить себя духовному званію на годъ, на два или на нѣсколько лѣтъ, смотря по усердію, съ правомъ возвратиться въ міръ, когда заблагоразсудитъ. Богослуженіе главнымъ образомъ состоитъ въ чтеніи молитвъ и сжевіи благоуханій, въ особенности ***орлинаго дерева*** (слѣпильникъ индійскій: excoecaria agallochum L). Опилки его смѣшиваются съ какой нибудь душистой смолой и изъ этой смѣси катаютъ палочки, въ родѣ нашихъ курительныхъ свѣчекъ. Жрецы свѣтскіе и монашествующіе (***талапои***) просвѣщеннѣйшій классъ въ народѣ сіамскомъ; попеченіямъ его ввѣряется воспитаніе юношества. Храмы и монастыри (для мужчинъ и женщинъ) многочисленны и богаты; нравственность монашествующихъ безукоризненна. Соблюденіе постовъ, обязательныхъ для послѣднихъ, не вмѣняется народу въ непремѣнную обязанность; мясо, рыба, дикія и домашнія птицы, устрицы, раки и молюски во всеобщемъ употребленіи.

Кромѣ идоловъ, народъ оказываетъ особенное уваженіе голубямъ, коршунамъ, бѣлымъ слонамъ и нѣкоторымъ растеніямъ, по причинѣ связанныхъ съ тѣми, другими и третьими религіозныхъ воспоминаній.

О Сомоно-Кодомѣ сохраняются въ народѣ трогательныя поэтическія преданія. Это былъ царь, говорятъ сіамцы, добровольно сложившій корону и всю жизнь свою посвятившій добродѣтели и милосердію, то и другое были въ немъ неограничены. Однажды, по неимѣнію при себѣ чѣмъ помочь просившему у него милостыню, Сомоно-Кодомъ вырвалъ у себя глазъ и положилъ его нищему на руку, въ другой разъ отдалъ нищему свою жену. Правила, предписываемыя закономъ монашествующимъ, обширны, и во многихъ случаяхъ обременительны. Талапой обязанъ отречься отъ брака, соблюдать ненарушимость постовъ, не убивать ни животныхъ, ни насѣкомыхъ, не копать земли, не рубить деревьевъ. Затѣмъ слѣдуютъ правила съ оттѣнкомъ странностей: ходить махая руками, при разговорѣ моргать, скрипѣть зубами при вкушеніи пищи, мочиться не иначе какъ въ огонь, въ воду или на землю, не поднимать краевъ рясы, не касаться рукою домашней утвари, при ходьбѣ тяжелѣе становиться на пятки и т. д.

Сверхъ того, благочестивый талапой долженъ избѣгать пѣнія, плясокъ, игръ и всякихъ сборищъ; не носить при себѣ ни золота, ни серебра, не пустословить, не думать о роскоши въ одеждѣ или прикрасахъ наружности, не смотрѣть на женщинъ и подавно не говорить съ ними. Сонная греза о женщинѣ почитается грѣхомъ. При пробужденіи слѣдуетъ немедленно вставать съ постели. За деньги ни на кого не работать, одолжать, никому не одолжаясь, не вмѣшиваться въ чужія дѣла, не произносить ни на кого угрозъ, даже не мыслить зло. Въ обществѣ слѣдуетъ соблюдать строжайшую пристойность, не стараться ничѣмъ обращать на себя особеннаго вниманія.

Ежегодно талапой на три недѣли обязанъ удаляться на покаяніе въ уединенье. Здѣсь предписывается принимать пищу разъ въ день, только непремѣнно въ полуденную пору. Весь день проводить въ молитвахъ и размышленіи о Богѣ. Пробуждаться на зарѣ, когда достаточно свѣтло, такъ что можно разглядѣть жилы на рукѣ. Выходить въ сумерки утреннія или вечернія воспрещается, изъ опасенія раздавить подъ ногою какое нибудь насѣкомое.

Въ монастыряхъ талапои при первомъ ударѣ колокола отправляются утромъ въ капище, гдѣ должны пробыть два часа. Здѣсь сидя на рогожахъ, они читаютъ правила и поютъ гимны на двухъ клиросахъ. Правило ими читаемое есть сокращенное сказаніе о жизни и подвигахъ Сомоно-Кодома; воспѣваемые гимны посвящены прославленію его памяти. По окончаніи службы, талапои украшаютъ алтарь цвѣтами, лампадами и отправляются въ городъ за подаяніемъ на одинъ часъ времени. Подходя къ дверямъ домовъ, талапой стоитъ молча, не напоминая о себѣ; за поданную милостыню не благодаритъ, при отказѣ смиренно отходитъ отъ дверей. При отбытіи изъ монастыря за сборомъ, талапой каждый разъ испрашиваетъ разрѣшеніе настоятеля, кланяясь ему въ ноги и ставя одну изъ нихъ себѣ на голову. Въ полдень общій столъ — рисъ и молоко. Послѣ обѣда занятія съ учениками, которымъ талапои преподаютъ грамоту, науки. Въ сумерки — опять двухчасовая служба въ капищѣ; наконецъ — отдыхъ.

Одежда талапоевъ состоитъ изъ трехъ лоскутовъ бумажной ткани: однимъ окутано лѣвое плечо и прикрыта половина туловища до поясницы; правое плечо, голова и ноги остаются непокрытыми; вторымъ лоскутомъ покрыто тѣло отъ поясницы до икоръ; третьимъ онѣ обернуты какъ юбкой. Для защиты отъ солнца въ рукахъ опахало (*талапато*). Ноги босы; голова, брови и борода выбриты.

Талапои дѣлятся на четыре степени, образующія іерархію. Первую составляютъ ***санкраты*** — областные начальники; вторую — ***чаоваты*** — настоятели монастырей; къ третьей принадлежатъ ***пику*** (монахи), а къ четвертой ***нены*** (послушники), поступающіе на обученіе по пятому и по шестому году. Болѣе трехъ послушниковъ монахъ (пику) не можетъ имѣть на своемъ попеченіи.

Поступленіе въ монастырь сопровождается особыми обрядами. Простому пику должно быть двадцать лѣтъ, чаовату — не менѣе двадцати одного года. Желающій поступить въ монастырь испрашиваетъ разрѣшенія у чаовата и тотъ назначаетъ ему день посвященія. Будущаго монаха сопровождаютъ сродники и знакомые

съ музыкантами и плясунами, и съ музыкой и плясками вводятъ въ капище. Здѣсь посвящаемому брѣютъ голову и брови, а настоятель (*чаоватъ*) подаетъ ему одѣяніе. Свою мірскую одежду поступающій не долженъ скидывать черезъ голову, а спустить съ тѣла внизъ. Бритье и одежда сопровождаются чтеніемъ молитвъ, по окончаніи которыхъ новичка ведутъ изъ капища въ монастырь. Здѣсь родные новаго монаха угощаютъ прочихъ обѣдомъ, на которомъ новичекъ въ послѣдній разъ слышитъ мірскую музыку и видитъ пляски. Затѣмъ онъ поступаетъ на испытаніе, по выдержаніи котораго чаоватъ читаетъ ему правила и уставы монастырскаго житья и постепенно знакомитъ съ предстоящими обязанностями.

Избраніе настоятеля происходитъ еще съ большей торжественностью. Разрѣшеніе испрашивается у санкрата, которому кандидатъ вручаетъ при этомъ цѣнный подарокъ. Въ назначенный день, будущій настоятель получаетъ изъ рукъ санкрата хартію, на которой прописаны заповѣди закона. Затѣмъ избраннаго носятъ на плечахъ вокругъ монастыря при звукахъ музыки и возгласахъ народа. Для покрытія издержекъ на это торжество чаовату разрѣшается ходить по городу за добровольными пожертвованіями.

Санкрата назначаетъ самъ король. Санкратъ, глава сіамскаго духовенства, живетъ постоянно при дворѣ, исправляя должность верховнаго жреца дворцоваго капища.—Санъ талапоя избавляетъ облаченнаго имъ отъ поклоновъ при встрѣчахъ съ кѣмъ бы то ни было. Санкраты имѣютъ право садиться при королѣ, преимущество тѣмъ важнѣйшее, что министры и первые вельможи при аудіенціяхъ обязаны передъ королемъ падать ницъ. При разговорѣ съ мірянами, какого бы они не были чина, талапои не величаютъ ихъ словами: „господинъ мой“. Монастырь неприкосновененъ, и самъ король, при всемъ своемъ деспотизмѣ, не имѣетъ надъ нимъ ни малѣйшей власти. Обозвать талапоя бранными словами, украсть что нибудь изъ его кельи, поднять на него руку—преступленія, наказуемыя въ Сіамѣ наравнѣ съ богохульствомъ и святотатствомъ, и виноватаго подвергаютъ казни на кострѣ. При всемъ томъ духовенство не имѣетъ никакой власти надъ мірянами, равно какъ и настоятель одного монастыря надъ другимъ. Обязанность жреца втолковать прихожанамъ заповѣди и книги закона. Проповѣди говорятся дважды

въ мѣсяцъ и бываетъ ихъ по двѣ въ день: отъ 6 часовъ утра до полудня, и отъ часу по полудни до шести часовъ вечера. Слушающіе имѣютъ обыкновеніе дарить проповѣдника, и талапой тѣмъ богаче, чѣмъ чаще ему приходится говорить проповѣди.

Въ талапойки (монахини) принимаются сіамки никакъ не моложе пятидесяти лѣтъ. Дряхлѣйшимъ разрѣшается жить въ особыхъ кельяхъ, въ мужскихъ монастыряхъ: преклонный возрастъ вѣрнѣйшая порука за ненарушимость правилъ нравственности. Уставы для женскихъ монастырей почти тѣ же, что и для мужскихъ, живущія же въ мужскихъ монастыряхъ талапойки обязаны дважды въ день ходить на богослуженіе въ капище, стряпать на монаховъ, ходить за больными, молиться о своихъ грѣхахъ и о всѣхъ ближнихъ.

Вотъ что разсказывалъ настоятель одного монастыря французскому путешественнику о главнѣйшихъ догматахъ вѣроисповѣданія сіамцевъ, его заповѣдяхъ и главнѣйшихъ праздникахъ.

„Въ аду предсѣдаютъ судіи нашихъ дѣяній, записывающіе всѣ наши грѣхи въ книгу, которую читаютъ непрерывно. О комъ изъ живущихъ упомянутъ они, тотъ сей же часъ чихаетъ. Вотъ почему у насъ (т. е. у сіамцевъ) принято *желать счастія* чихающимъ. Добро и зло, случающіяся съ нами, суть послѣдствія добрыхъ или злыхъ дѣлъ, содѣянныхъ нами въ теперешней или минувшей жизни. Богатый и счастливый здѣсь, былъ когда нибудь бѣденъ и несчастливъ въ прошедшей жизни, ибо, по закону нашему, душа усопшаго возвращается на землю, возраждаясь въ новомъ тѣлѣ. Такъ, душа короля за грѣхи его можетъ возродиться въ тѣлѣ нищаго и наоборотъ! Вотъ источникъ и начало неравенства состояній людей. Всякій грѣхъ искупается болѣе или менѣе тяжкими муками: убійца въ одной жизни, непремѣнно въ свою очередь будетъ убитъ въ другой или третьей, или десятой (¹); все что дѣлаешь худаго своему ближнему, то испытаешь въ той же самой мѣрѣ и

(¹) Жизней безчисленное множество, изъ нихъ, по ученію сіамцевъ, соткана вся вѣчность. Новыя оболочки, въ которыя каждый разъ облекается возвращающаяся на землю душа, для нея тоже, что смѣняемая одежда для тѣла.

самъ. Таковъ уже святой законъ возвездія, начертанный самимъ Богомъ, законъ вѣчный и непреложный.

„Въ жизни нашей два законодателя: врожденный—*законъ сердца* и писаный—*законъ разума*, данный намъ великимъ Сомоно-Кодомомъ. Первый велитъ намъ любить все доброе, удаляться всего злаго; главнѣйшія его статьи: не лги, не воруй, не ябедничай, не ищи любви чужой жены, не гнѣвайся, не предавайся пьянству, не убивай ни людей, ни звѣрей—ниже мельчайшихъ насѣкомыхъ. Законъ Сомоно-Кодома только развиваетъ статьи этого естественнаго закона, научая насъ: 1) прощенію обидъ, 2) самоотверженію, 3) посту, 4) умерщвленію плоти.

„Богу, законодателю нашему Сомоно-Кодому и памяти строгихъ его послѣдователей, мы воздаемъ почести праздниками. Рынки и присутственныя мѣста бываютъ тогда закрыты по три дня и болѣе, стадъ не выпускаютъ на выгоны и весь народъ стремится въ капища слушать проповѣди. Внутренность капищъ украшаютъ золотомъ и драгоцѣнными тканями, предъ кумирами сожигаютъ благоуханія, алтари украшаютъ цвѣтами. Такъ празднуемъ мы, сіамцы, новый годъ. Другой великій праздникъ бываетъ при разливѣ нашей святой рѣки Менама, и продолжается цѣлый мѣсяцъ. Въ теченіе этого мѣсяца всѣ храмы и капища, равно и дома жителей, иллюминовываются огнями, на рѣку спускаютъ тысячи разноцвѣтныхъ фонарей, на плотахъ и отдѣльныхъ обрубкахъ дерева, и въ эти ночи нашъ городъ и рѣка представляютъ зрѣлище очаровательное. Начало полевыхъ работъ -*праздникъ земледѣлія* торжествуется нѣсколько дней. Въ древности самъ король проходилъ сохою по своей полосѣ; нынѣ его замѣняетъ особо назначаемый сановникъ, пользующійся титуломъ — начальника пшена. Въ разныхъ мѣстахъ города бываетъ въ эти дни бѣгъ быковъ взапуски, причемъ хозяина быка тучнаго, здороваго, обогнавшаго прочихъ — награждаютъ деньгами и подарками. Этотъ древній обычай поддерживаетъ въ нашихъ земледѣльцахъ благородное соревнованіе въ улучшеніи породъ домашняго скота и тщательномъ за нимъ уходѣ."

Изъ особенностей нравовъ и обычаевъ укажемъ на обрядъ очищенія родительницъ: ихъ, въ теченіе мѣсяца, водятъ ежедневно вокругъ разложеннаго костра. Омовенія мужчинамъ и женщинамъ предписываются трижды въ день, при этомъ вмѣняется въ обязанность опрыскивать волосы и все тѣло духами, губы мазать помадою и красить на рукахъ ногти, которыхъ сіамцы никогда не стригутъ. Брачные обряды ограничиваются размѣномъ подарковъ между родными жениха и невѣсты. Первый остается въ домѣ у тестя мѣсяцъ или два, чтобы познакомиться и свыкнуться съ невѣстою. По прошествіи этого срока родственники жениха приносятъ подарки въ домъ невѣсты, складываютъ ихъ въ одну груду, а одинъ изъ присутствующихъ, взявъ въ руки зажженную свѣчу, обходитъ вокругъ этой группы семь разъ, при громкихъ крикахъ всего собранія. Затѣмъ слѣдуетъ нарядный обѣдъ и новобрачную отводятъ въ домъ къ мужу. Въ низшемъ классѣ женъ покупаютъ у родителей за выговоренную при сватовствѣ плату. Отпустить отъ себя жену и взять себѣ другую, мужу предоставлено полное право. Разводимые по судейскому приговору дѣлятъ имущество и дѣтей при посредничествѣ тестя, т. е. жениннаго отца. Ежели у разводимыхъ сынъ и дочь, перваго отдаютъ матери, а вторую—отцу; ежели два сына и двѣ дочери дѣтей отдаютъ отцу и матери по парно. Имущество мужа и жены почитается общимъ и при разводѣ дѣлится по ровну. Мужья могутъ держать наложницъ, на что жены не смѣютъ изъявлять претензій. Дѣти отъ жены носятъ фамилію отца, жена же носитъ неизмѣнно туже фамилію, которую носила въ дѣвицахъ. Власть родительская неограничена; но къ чести сіамцевъ должно сказать, что они не употребляютъ ее во зло и съ дѣтьми обходятся кротко, ласкаво, не подвергая ихъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Когда ребенку исполнится три года, родители водятъ его для купанья на рѣку. На берегу раскидываютъ шатеръ для родныхъ и знакомыхъ и обрядъ купанья сопровождается роскошнымъ пиромъ, пѣснями и плясками. Шестилѣтняго мальчика отдаютъ на воспитаніе въ монастырь талапоямъ; но по окончаніи курса ученія юношѣ предоставляется свободный выборъ между званіемъ духовнымъ, ученымъ или вступить въ торговое, либо ремесленное сословіе.

Кромѣ брачныхъ союзовъ, заключаемыхъ между лицами разныхъ половъ, сіамцы мужчины приносятъ иногда обоюдныя клятвы

дружбы, на жизнь и на смерть. Клятва состоитъ въ томъ, что друзья выпиваютъ пополамъ кубокъ рому или араку; она еще того ненарушимѣе, если размѣнивающіеся клятвою, пустивъ себѣ кровь, пьютъ ее другъ у друга. Присяга на вѣрность королю, при вступленіи въ судейскую должность, состоитъ въ выпиваніи опредѣленнаго количества воды, при чтеніи жрецомъ всевозможныхъ проклятій за нарушеніе присяги. Главнѣйшая клятва судьи — не торговать совѣстью, прежде всѣхъ имъ нарушается: судьи въ Сіамѣ такіе же взяточники, какъ и во многихъ другихъ странахъ.

Гдѣ суды, тамъ и казни; упомянувъ объ одномъ, нельзя умолчать о другомъ. Не смотря на кротость религіознаго закона, испытанія подсудимыхъ, казни и пытки въ Сіамѣ отличаются дьявольскимъ безчеловѣчіемъ. При испытаньяхъ водятъ подсудимаго по горячимъ угольямъ, опускаютъ его руки въ растопленное масло или растопленный свинецъ; истцу и отвѣтчику даютъ рвотныя пилюли: правымъ признается тотъ, на кого пилюля медленнѣе подѣйствуетъ. Приговоренныхъ къ смерти жгутъ на кострахъ, зарываютъ живыхъ въ землю, растерзываютъ звѣрьми, обезглавливаютъ. Отрубленную голову убійцы на три дня вѣшаютъ на шею его сообщнику, стоящему на солнцѣ. Увѣчье наказывается тѣмъ же увѣчьемъ, которое было причинено: за выколотый глазъ — выкалываютъ его преступнику, за сломанную руку — ломаютъ ее виноватому и т. д. Вельможъ и знатныхъ казнятъ передъ капищемъ, на амвонѣ, украшенномъ краснымъ сукномъ; казнь состоитъ въ раздробленіи груди бревномъ сандаловаго дерева.

Возвращаясь къ религіознымъ обрядамъ сіамцевъ, мы остановимся на обрядахъ погребальныхъ, замѣчательныхъ по многимъ подробностямъ, тѣсно связаннымъ съ вѣрованіями этого народа въ жизнь будущую. Бѣдныхъ покойниковъ бросаютъ въ воду безъ всякихъ обрядовъ; трупы людей средняго состоянія поджариваютъ на кострѣ, а потомъ бросаютъ на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ. Младенцевъ зарываютъ въ общую могилу, помѣченную вбитымъ въ землю столбомъ; трупы беременныхъ зарываютъ въ землю до истеченія срока беременности, потомъ откапываютъ и жгутъ на кострѣ. Сожженіе происходитъ вблизи храма; при каждомъ изъ нихъ есть особый навѣсъ, предназначенный для костровъ знатныхъ людей.

Мясо съ сожигаемаго трупа средняго сословія обрѣзываютъ, отскабливаютъ и бросаютъ коршунамъ и бродячимъ собакамъ. „Пусть слабѣйшія животныя питаются мясомъ животнаго совершеннѣйшаго“, говорятъ при этомъ сіамцы. Трупы вельможъ предъ сожженіемъ подвергаются бальзамированію, поручаемому ближайшимъ родственникамъ покойнаго. Бальзамируютъ же въ Сіамѣ слѣдующимъ образомъ: обмывъ трупъ, ему вливаютъ въ ротъ большое количество ртути или жидкаго меду. Послѣ того трупу придаютъ положеніе на колѣняхъ молящагося человѣка, съ руками высоко поднятыми надъ головою. Затѣмъ, все тѣло туго перебинтовываютъ лентами или узенькими полосками холста для того, чтобы выдавить изъ трупа всѣ влаги, и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить данное ему положеніе. Эту мумію сажаютъ въ герметически закупоренный ящикъ деревянный, мѣдный, серебряный или золотой, смотря по состоянію покойнаго. Сквозь крышку проводятъ длинный бамбуковый чубукъ, однимъ концомъ вставленный въ ротъ покойника, а другой конецъ продергиваютъ сквозь кровлю дома. Другой чубукъ привинчиваютъ къ нижней части ящика, и чрезъ него вытекаютъ изъ трупа всѣ жидкіе продукты разложенія. Изверженія изъ княжескаго трупа отвозятся съ большими церемоніями на лодкѣ и бросаются въ воду; изверженія изъ трупа королевскаго варятся въ мѣдной посудѣ на огнѣ, покуда на поверхности этого отвратительнаго варева не начнутъ отдѣляться маслянистыя частицы. Этимъ масломъ родственники короля, при поминовеніяхъ, смазываютъ вылѣпленнаго изъ золы его трупа идола, называемаго *Семою*. Послѣ нѣсколькихъ недѣль трупъ изсыхаетъ и мумифицируется. Тогда приступаютъ къ обряду сожженія. Съ самаго ранняго утра въ домъ покойнаго собираются талапои, родные и знакомые. Талапои облачаются въ подаренныя имъ наслѣдниками желтыя рясы и читаютъ молитвы на палійскомъ языкѣ. Трупъ уносятъ къ храму, подъ навѣсъ, гдѣ его сдаютъ другимъ жрецамъ, встрѣчающимъ его слѣдующимъ гимномъ: „Тѣло смертное, тѣло тлѣнное! какъ возносится дымъ отъ твоего сожженія, да вознесется также безсмертная и нетлѣнная душа твоя къ небу!“ Тѣло сгараетъ и изъ собранной золы, разведенной водою, жрецы вылѣпляютъ статуйку

Сему, сушатъ, золотятъ ее и становятъ въ число идоловъ въ храмѣ, либо отдаютъ на сохраненіе родственникамъ покойнаго.

Трупы беременныхъ, какъ мы уже сказали, зарываются въ землю до девятимѣсячнаго срока, а потомъ сожигаются. По повѣрью сіамцевъ колдунъ, отрывшій тѣло беременной и вынувшій изъ ея утробы недоношеннаго младенца, подчиняетъ своей волѣ предназначенную для младенческаго тѣла душу, и съ помощью ея можетъ творить всякія чудеса. На нарушителя могилы нападаютъ цѣлые легіоны демоновъ въ видѣ чудовищныхъ звѣрей и птицъ и пытаются отнять у него дорогую добычу; но отражая ихъ нападенья заклинаньями, чародѣй, вырывъ трупъ матери изъ могилы, вынимаетъ изъ утробы младенца и отрѣзываетъ ему головку, кисти рукъ и слѣдки и все это приноситъ домой. Вылѣпивъ изъ глины человѣческую фигурку, чародѣй прилаживаетъ къ ней голову, ручки и ножки изуродованнаго младенца, ставитъ ее въ особую нишу и поклоняется какъ идолу. Тогда душа ребенка будетъ служить чародѣю и будетъ онъ знать все минувшее, настоящее и будущее.

Благодаря этому нелѣпому повѣрью, случаи похищенія труповъ изъ могилъ въ Сіамѣ довольно часты. Цѣль святотатовъ не есть единственно вѣрованіе въ химерическое колдовство и власть надъ духами: по другому повѣрью, распространенному у многихъ восточныхъ народовъ, спящій человѣкъ, обведенный отрубленною рукою мертвеца, погружается, по желанію обводящаго, въ непробудный сонъ болѣе или менѣе продолжительный... повѣрье мошенниковъ и воровъ, уважаемое (къ стыду и позору невѣждъ) и въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ губерній: бывали и бываютъ подобные случаи и у насъ, и каждый изъ нихъ — пятно падающее на мѣстныя административныя и духовныя власти, на прямой обязанности которыхъ (особенно послѣднихъ) лежитъ искорененіе всѣхъ этихъ пошлыхъ примѣтъ и предразсудковъ, завѣщанныхъ простонародью язычествомъ, и Богъ вѣсть какимъ моровымъ повѣтріемъ занесенныхъ въ православное царство изъ странъ, въ которыхъ владычествуетъ идолопоклонство.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Обрядъ погребенія королевской дочери въ Сіамѣ.—Церемоніалъ.—Плакальщицы.—Сожженіе трупа.—Общенародный трауръ по королѣ.—Вырываніе труповъ для сожженія.—Гибельныя послѣдствія.

Погребеніе лицъ королевскаго дома происходитъ въ Сіамѣ съ необыкновенной пышностью и множествомъ обрядовъ. Одинъ французскій путешественникъ, бывшій въ Лувѣ, въ исходѣ минувшаго столѣтія, разсказываетъ о немъ слѣдующее:

Вскорѣ по кончинѣ дочери короля былъ обнародованъ указъ о сбритіи бородъ всѣмъ вѣрноподданнымъ сіамцамъ, въ знакъ ихъ глубочайшей печали и сочувствія горю королевскаго дома, что было немедленно исполнено, ибо ослушнику, за несбритую бороду, отрубили бы и всю голову. Во дворцѣ, между тѣмъ, шли дѣятельныя приготовленія къ погребенію. На одномъ изъ дворовъ дворца построили пять башенъ. Средняя имѣла до ста футовъ высоты; ближайшія къ ней шестьдесятъ, крайнія сорокъ пять. Всѣ онѣ были ярко раскрашены, позолочены и соединялись между собою крытыми галерейками, съ узорчатыми перилами. Тѣло умершей въ золотомъ гробу вынесли изъ дворца въ среднюю башню, гробъ поставили на столъ, покрытый парчею и украшенный драгоцѣнными каменьями. Покойница была одѣта въ длинное платье, вышитое алмазами и жемчугами; руки ея были сложены на груди, голова откинута назадъ, съ лицомъ обращеннымъ къ небу; надѣтая на ней корона, ожерелья и браслеты были высокой цѣны. Сюда, въ теченіе двухъ дней, для поклоненія тѣлу, приходили придворные въ бѣлыхъ (траурныхъ) одеждахъ, сперва мужчины, потомъ женщины. Поклоненіе заключалось въ битьѣ челомъ, осыпаніи трупа цвѣтами и опрыскиваніи благовоніями и — пролитіи слезъ, разумѣется притворныхъ, но съ завиднымъ искуствомъ дѣйствительно проливаемыхъ. Таковъ сіамскій придворный этикетъ. „Если человѣкъ можетъ смѣяться

скрѣпя сердце", думали, вѣроятно, мудрые законодатели — „почему же ему не плакать *по казенной надобности?*" И сіамскіе мандарины доказываютъ на опытѣ эту великую истину, которую еще того лучше выражаетъ наша русская пословица: неволя скачетъ, неволя пляшетъ, неволя и пѣсенки поетъ.

По окончаніи обряда поклоненія, гробъ молодой королевы вынесли изъ башни, поставили на великолѣпную колесницу и на людяхъ отвезли шаговъ за двадцать отъ дворца. Здѣсь сдѣлали остановку и снова начались слезныя прощанія вельможъ и придворныхъ дамъ съ прахомъ усопшей; затѣмъ въ колесницу впряглись первѣйшіе сановники и повлекли ее къ костру. За колесницею слѣдовалъ братъ покойницы, на слонѣ, покрытомъ богато-вышитымъ золотомъ чепракомъ и украшенномъ золотой же цѣпью, надѣтой на шею. По сторонамъ старшаго брата, на слонахъ же, слѣдовали два младшіе брата. Всѣ трое держались за конецъ бѣлаго, шелковаго шарфа, другимъ концемъ привязаннаго къ гробу. Прочіе придворные чины шли пѣшкомъ, съ зелеными вѣтвями въ рукахъ.

На половинѣ дороги къ костру, шествіе ожидали толпы нисшихъ чиновъ двора, которые, при прохожденіи процессіи мимо ихъ, бросали народу, съ нарочно построенныхъ помостовъ платья и деньги. По прибытіи колесницы къ костру, вельможи сняли съ нея гробъ и поставили его на костеръ, при непрерывномъ громѣ музыки и неумолчномъ воѣ придворныхъ. Трупъ, лежавшій въ гробу, осыпали опилками душистаго дерева, камфорой и другими горючими смолами; братья покойницы возвратились во дворецъ, за ними и всѣ мужчины; однѣ только придворныя дамы остались при гробѣ и содержали при немъ почетный караулъ въ теченіе двухъ сутокъ. Имъ было вмѣнено въ непремѣнную обязанность плакать во все продолженіе ихъ сорокавосьми часоваго дежурства. Для отогнанія отъ нихъ сна, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для приданія ихъ воплямъ и слезамъ большей естественности, къ придворнымъ дамамъ были приставлены особыя прислужницы, съ плетками въ рукахъ: чуть которая дама задремлетъ или умолкнетъ, плетка тотчасъ же напомнитъ ей о ея печальной обязанности.

Между тѣмъ во дворцѣ, въ той самой башнѣ, гдѣ было выставлено тѣло, талапои въ теченіе этихъ двухъ сутокъ читали

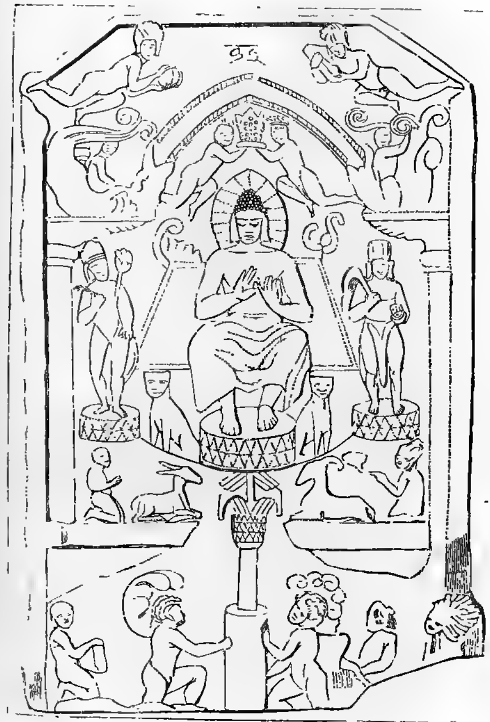
непрерывныя молитвы объ успокоеніи души усопшей. Молитвы эти, до половины перваго дня, пѣлись ими тихо, тамъ — громче; на второй день еще громче, а къ вечеру превращались въ оглушительный крикъ. Смыслъ молитвъ состоялъ преимущественно въ нравоучительныхъ размышленіяхъ о суетности жизни, о всемогуществѣ смерти, о томъ, какъ надобно жить на землѣ, чтобы уготовить себѣ при жизни вѣрный путь къ небу и вѣчному спасенію. Во время молитвъ, близь погребальныхъ башенъ, непрерывно сожигали фейерверки; король раздавалъ народу, чрезъ своихъ вельможъ, щедрыя милостыни. Кромѣ того, во многія капища онъ пожертвовалъ золотые идолы, сплавленные изъ колецъ, браслетовъ и ожерелій покойницы. На третій день король, сопровождаемый всѣмъ дворомъ, съ подобающей пышной церемоніей, отправился къ костру и своеручно поджегъ его свѣчею, поданною ему верховнымъ талапоемъ. Тѣло сгорѣло въ гробу со всѣми своими украшеніями.

Золу и пепелъ собрали въ особый сосудъ и на лодкѣ отвезли въ загородное капище. За этой лодкою слѣдовала цѣлая флотилія другихъ, украшенныхъ изображеніями львовъ, тигровъ, змѣй и другихъ животныхъ. На одной изъ нихъ, на высокомъ помостѣ, стоялъ богато одѣтый мальчикъ съ обнаженною саблею въ рукѣ — олицетворявшій ангела-хранителя покойной королевы. Когда сосудъ отнесли въ капище, вокругъ него зажгли иллюминацію; колокольный звонъ, барабанный бой, пушечная пальба и бряцанье въ мѣдные котлы и кимвалы сопровождали этотъ послѣдній и окончательный обрядъ. Сосудамъ съ пепломъ сожженныхъ мертвецовъ королевскаго дома, поставленнымъ въ капищахъ, воздаютъ божескія почести.

Послѣ погребенія королевскаго на народъ налагается десятидневный трауръ, въ теченіе котораго капища, лавки и гульбища закрываются, улицы пустѣютъ и всѣ жители, по силѣ немочи, выказываютъ знаки глубочайшей горести. По прошествіи десяти дней городъ оживаетъ: капища отворяютъ, украшая ихъ парчею и драгоцѣнными тканями; на площадяхъ воздвигаютъ алтари, на которыхъ желающимъ предоставляется жечь благоуханія (что у сіамцевъ, какъ и у многихъ другихъ буддистовъ, замѣняетъ молитву). Конные герольды, одѣтые въ бѣлое, ѣздятъ по городу съ трубача-

ми и объявляютъ народу, что на мѣсто умершаго короля есть новый... Народу, недавно плакавшему изъ подъ палки, теперь не только позволяется, а повелѣвается радоваться. Сіамцы толпами бѣгутъ въ капища и молятся о благополучіи новаго монарха.

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о погребальныхъ обрядахъ прибавимъ, что чести сожженія на кострѣ лишаются тѣла утопленниковъ, убитыхъ громомъ, погибшихъ насильственной смертью или отъ сыпной или заразительной болѣзни. Въ послѣднихъ случаяхъ законъ нерѣдко нарушается богатыми и знатными. Родственники умершаго отъ заразительной болѣзни (чумы, сифилиса или оспы) не щадятъ ни трудовъ, ни издержекъ для исходатайствованія королевскаго разрѣшенія о вырытіи покойника и его сожженіи. Ходатайство это, къ несчастью, рѣдко остается безъ уваженія и, такимъ образомъ, трупъ, вырытый изъ земли, нерѣдко бываетъ причиною возникновенія и распространенія заразы въ цѣломъ округѣ.



Будда.

Буддискій храмъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тибетъ и Бутанъ.—Святыя мѣстности.—Догматы ламаизма. — Далай-лама. —Власть его и святость.—Облаченіе.—Бантшинъ-римбоши. — Духовная іерархія у ламаитовъ.—Кутухту.—Ламы.—Гелонгъ.—Гастуль.—Банди. — Облаченіе духовенства.—Богослуженіе.—Великая молитва. — Молитвенныя машинки. — Мончхини и ихъ одѣяніе.—Почести, воздаваемыя бѣснующимся, ихъ права и преимущества.

Для буддистовъ, Тибетъ такая же священная страна, какъ Палестина для послѣдователей божественнаго ученія Христа-Спасителя. Въ Тибетѣ нѣтъ горы, долины, озера, рѣки, ручья—съ которымъ не было бы связано священныхъ воспоминаній, которые не носили бы святого имени. На сѣверѣ отъ Хлассы гора ***Натзингъ-Гангъ-Дзангъ-Ри*** (гора чистаго снѣга знамени Бонзы), на югѣ ***Ярла-Шамбонъ-Гангъ-Ри*** (снѣжная гора страны самобытнаго Будды). Изъ озеръ назовемъ: ***Тенчгри-Нуръ*** (небесное), величайшее въ Тибетѣ, на южныхъ берегахъ котораго находится гора ***Ніанъ-Тсинъ-Тангла-Гангъ-Ри*** (гора снѣжныхъ полей божества, изрекающаго пророчества); озеро ***Хуху-Нуръ*** (синее море), обрамленное съ сѣвера горами ***Сіэ-Хана***, а съ юга ***Аніэ-Мальдзинъ-Монсунъ-Ула*** (горою тринадцати патріарховъ) и мн. др. Владычествующее вѣроисповѣданіе Тибета—буддизмъ ***ламайскаго*** толка или просто ***ламаизмъ***, представляющій чудную смѣсь здраваго смысла съ тупоуміемъ, высокихъ нравственныхъ правилъ съ нелѣпыми предразсудками. Спросите жителя Тибета или Бутана въ чемъ состоитъ его вѣрованіе и онъ отвѣтитъ, что вѣруетъ въ тройственное божество, поклоняясь ему въ лицѣ единаго Бога; разъединеніе тройственнаго, нераздѣльнаго божества почитаютъ за тяжкій грѣхъ и богохуленіе, хотя и признаютъ, что между тремя нераздѣльными богами есть старшій и младшій. Одинъ изъ нихъ

сдѣлался человѣкомъ и жилъ на землѣ подъ именемъ *Лама-Контсго*, т. е. жреца-бога, и продолжаетъ жить по днесь, вселяясь въ тѣло владычествующаго въ Тибетѣ великаго жреца (*далай-ламы*). Затѣмъ, ламаиты вѣруютъ въ сотвореніе міра и грядущую его кончину и разрушеніе огнемъ; признаютъ бытіе ангеловъ, рая съ безконечнымъ блаженствомъ, и ада—съ вѣчными муками; имѣютъ смутныя понятія о существованіи загробной области, занимающей средину между раемъ и адомъ; въ ней души усопшихъ мучатся впредь до очищенія отъ грѣховъ. Вѣруютъ въ живописныя и скульптурныя изображенія своихъ святыхъ, окуриваютъ ихъ ладаномъ, зажигаютъ предъ ними свѣчи, лампады и кладутъ земные поклоны. Спасеніе души полагаютъ въ терпѣніи, смиреніи, воздержаніи, милосердіи, размышленіи и уединеніи.—Духовная литература тибетцевъ очень богата и изобильна; главнѣйшая же и основная книга закона называется *Ганджуръ* и переведена на многіе азіатскіе языки.

Далай-лама—воплощеніе бога на землѣ: онъ святъ, непогрѣшимъ, онъ связываетъ и разверзаетъ, имѣетъ силу единымъ словомъ дать душѣ вѣчное блаженство, прощая грѣхи, или ввергнуть ее въ вѣчныя муки, обрушивъ на виноватаго свои проклятья. Далай-лама умираетъ въ тотъ мѣсяцъ, день и часъ, когда заблагоразсудитъ и собственно сказать не умираетъ—а только духомъ—покидая одно тѣло переселяется въ другое. Здѣсь видимъ ученіе о метампсихозѣ, но, какъ можетъ замѣтитъ читатель, переселеніе души совершается въ тѣлахъ однородныхъ—т. е. изъ одного человѣка въ другаго, отнюдь не въ животное. Умирая, далай-лама въ письменной духовной (положенной подъ подушки его престола) назначаетъ себѣ преемника, съ означеніемъ рода, семьи, въ которой его слѣдуетъ искать, съ описаніемъ примѣтъ будущей *живой квартиры* для своей души. Завѣщаніе эти вскрываютъ немедленно по кончинѣ далай-ламы: обязанность эта возлагается на верховнаго жреца главнаго храма. Завѣщаніе читается въ полномъ собраніи всего духовенства, въ присутствіи святыхъ схимниковъ (*хубилиганы*: перерожденные). По отысканіи указаннаго преемника, его посвящаютъ въ санъ далай-ламы съ торжественными обрядами, закономъ предписанными. Пепелъ отъ сожженія трупа его

предшественника тщательно собираютъ и, превративъ посредствомъ кальцинированія въ стекловидную массу, выплавливаютъ изъ нея бусы, которыя разсылаются по храмамъ и обладаютъ (по увѣренію ламаитовъ) чудотворной силой. Выборъ преемника нерѣдко падаетъ на годовалаго, даже и на новорожденнаго младенца. Тогда будущій повелитель ламаитовъ берется у родителей въ монастырь, гдѣ возращается, воспитывается и образовывается въ правилахъ закона. Всѣ повелѣнія отдаются отъ его имени и народъ обязанъ вѣрить (и вѣритъ), что ихъ, чрезъ безсловеснаго младенца, даетъ людямъ самъ Будда... Такимъ образомъ, ѳеократическое правленіе въ Тибетѣ бываетъ попеременно то монархическое, то республиканское, смотря по тому, находится ли во главѣ его совершеннолѣтній далай-лама или совѣтъ *ламъ* (жрецовъ), въ случаѣ перехода престола къ младенцу. По прошествіи шести или семи лѣтъ, въ теченіе которыхъ преемникъ далай-ламы изъ младенца превращается въ отрока, уже способнаго и мыслить и понимать—собраніе *ламъ* и *хубилигановъ* дѣлаетъ опытъ для удостовѣренія, что душа въ отрокѣ есть именно душа усопшаго владыки. Опытъ до того наивенъ, что можно и весь конклавъ духовенства, за небольшимъ исключеніемъ, назвать сборищемъ ребятишекъ. Въ залѣ собранія разставляютъ утварь и вещи покойнаго, вмѣстѣ съ вещами, принадлежащими другимъ ламамъ; мальчика вводятъ и онъ долженъ отгадать, которыя именно вещи принадлежатъ его предшественнику. Заблаговременное съ ними ознакомленіе или, просто, помѣтка ихъ, извѣстная мальчику, дѣлаетъ всякую ошибку невозможною; да и можетъ ли ошибаться будущій *непогрѣшимый* человѣкъ, въ которомъ вмѣсто обыкновенной живой души присутствуетъ само божество?

Подъ начальствомъ далай-ламы состоятъ десять кутухту и двѣсти ламъ первой степени, управляющихъ епархіями. Они же завѣдуютъ школами, законоученіемъ и многочисленными монастырями. Кутухту, благодаря высокому сану, ничего не дѣлаютъ. Народъ считаетъ ихъ чуть не за святыхъ и неудивительно, коль скоро въ лицѣ далай-ламы видитъ самаго бога. Въ возрастаніи власти главы ламаизма нельзя не замѣтить разительнаго сходства съ властью папы римскаго. Главенствуя сначала надъ духовенствомъ, далай-ла-

мы постепенно прибрали къ рукамъ и свѣтскую власть, находя между монгольскими князьями своихъ Карловъ великихъ и Людовиковъ девятыхъ... Случались и столкновенія съ непокорными и тогда, по примѣру римскихъ папъ (¹), далай-ламы, грозя упрямцамъ гнѣвомъ небеснымъ—уступали имъ какъ сильнѣйшимъ; но всегда вознаграждали себя, впослѣдствіи, за эти уступки, съ лихвою взыскивая ихъ со слабѣйшихъ наслѣдниковъ. Къ счастію же для тибетскихъ папъ и римскихъ далай-ламъ сильному и могучему государю, и въ Азіи какъ въ Европѣ, искони вѣковъ, всего чаще наслѣдуетъ слабый и уступчивый...

Одѣяніе далай-ламы состоитъ изъ желтой рясы и таковыхъ же: мантіи и остроконечной шапки съ треухами. Во время богослуженія, онъ возсѣдаетъ подъ балдахиномъ на престолѣ, сложенномъ изъ подушекъ. Молельщики благоговѣйно подходятъ къ нему подъ благословеніе. Рукою непосредственно, далай-лама благословляетъ только князей и знатныхъ: прочихъ же осѣняетъ длиннымъ позолоченнымъ посохомъ изъ драгоцѣннаго и душистаго дерева, украшеннымъ разноцвѣтными лентами. При многочисленномъ стеченіи народа, далай-ламу во время благословеній поддерживаютъ подъ локоть правой руки двое почетнѣйшихъ ламъ.

Лица свѣтскаго званія, пользующіяся учеными степенями, идучи подъ благословеніе далай-ламы, сперва поклоняются стоящимъ въ храмѣ идоламъ, а потомъ уже подходятъ къ живому божеству и, преклонивъ колѣни, опускаютъ голову на грудь, закрывъ лице руками. Міряне же вообще идутъ прямо къ престолу и падаютъ предъ нимъ ницъ. Ламы увѣряютъ простой народъ, будто далай-лама, при поклоненіи ему многочисленныхъ богомольцевъ, каждому изъ нихъ является въ особенномъ видѣ: кому старцемъ, кому юношей; даже младенцемъ... Когда воплощеніе божества (все тотъ же далай-лама) проходитъ по какому нибудь мѣсту, тамъ воздухъ наполняется сладчайшимъ благоуханіемъ; отъ его слова въ безводной степи можетъ явиться источникъ, цѣлый ручей воды; на самой безплодной почвѣ можетъ вырасти мгновенно цѣлый лѣсъ.

(¹) Точнѣе сказать: папы по ихъ примѣру. Древнему востоку принадлежитъ гибельный для человѣчества и позорный для человѣка починъ, изъ религіи дѣлать орудіе деспотизма и самое божество чуть не его агентомъ.

Далай-лама пользуется еще титломъ *ламы-эрембутши*; другое, подобно ему, живое божество, называемое *бантшинъ-римботши*, живущій въ Джахи-Лумбо въ южномъ Тибетѣ, пользуется еще большими божескими почестями. Самъ далай-лама поклоняется ему, такъ какъ по происхожденію бантшинъ-римботши его старѣе. Между ними поддерживается самое дружеское согласіе, въ видахъ соблюденія общихъ интересовъ самой религіи. Въ случаѣ смерти котораго нибудь изъ двухъ, оставшійся въ живыхъ возводитъ преемника на престолъ. Здѣсь замѣтимъ, что душа умершаго далай-ламы никогда не выбираетъ себѣ преемниковъ изъ одной и той же семьи, но каждый разъ изъ разныхъ. Занимающіе въ ламаитской іерархіи второе мѣсто послѣ далай-ламы, десять *кутухту* — имѣютъ то же чудесный даръ возрождаться душою въ тѣлѣ другихъ людей послѣ своей смерти. У монголовъ кутухту называется гегенъ-кутухту и пользуется саномъ первосвященника. Въ старину имя ламы давалось только высшимъ духовнымъ чинамъ и означало воплощеніе святой души въ человѣкѣ; нынѣ же оно предоставлено вообще всему духовенству. Простой священникъ называется *гелонгъ* и пользуется правомъ давать благословеніе. Ниже гелонга стоитъ *гестулъ*—чинъ, равняющійся христіанскому діакону; простаго читальщика или дьячка называютъ—*банди*.

Кутухту при благословеніяхъ обертываетъ правую руку кускомъ шелковой матеріи; гелонгъ благословляетъ прикасаясь своими четками къ головѣ молящагося.

Духовныя лица вообще живутъ въ монастыряхъ, управляемыхъ настоятелями. Тибетскіе ламы носятъ желтую шерстяную рясу и красную мантію, голову покрываютъ круглыми или четырехугольными шапками. На правой рукѣ ламаитскій священникъ постоянно носитъ янтарныя или кораловыя четки. Безустанная переборка ихъ зеренъ равносильна молитвѣ. Въ торжественныхъ процессіяхъ старшіе ламы ходятъ съ посохами съ крюкообразно изогнутыми рукоятями, осыпанными драгоцѣнными каменьями. По примѣру всѣхъ язычниковъ, ламы полагаютъ силу молитвы въ многоглаголаніи и

возвышеніи голоса. Вслѣдствіе этого, постороннему зрителю ламаитское богослуженіе въ храмѣ представляется какимъ-то состязаніемъ крикуновъ, старающихся или оглушить слушателя или перекричать другъ друга. Богослуженіе совершается трижды въ день: раннимъ утромъ на зарѣ, въ полдень и вечеромъ. Состоитъ оно изъ чтенія молитвъ и пѣнія гимновъ съ акомпаниментомъ громкой музыки. Предъ изображеніемъ Будды и святыхъ зажигаютъ лампады и свѣчи; ладанъ и освященная вода (*оршанъ*) тоже неизбѣжныя принадлежности ламаитскаго богослуженія. Главнѣйшая молитва, которую правовѣрный ламаитъ обязанъ читать непрерывно, состоитъ изъ слѣдующихъ пяти словъ: *омъ мани падъ ме омъ.* Ее читаютъ предъ идолами въ храмѣ, перебирая четки; дома, на дорогѣ, въ постели, за столомъ... словомъ всегда, вездѣ и всюду. Эту молитву, которой приписываютъ чудесную силу, начертываютъ надъ преддверіями храмовъ, вышиваютъ на облаченіяхъ; на шелковыхъ значкахъ, разставляемыхъ въ капищахъ, по горамъ, по равнинамъ, повсемѣстно. Пишутъ ее, наконецъ, множество разъ на длинныхъ лентахъ, которыя наматываютъ на катушки, надѣтыя на желѣзные стержни, или на цилиндрахъ. Катушки эти и цилиндры бываютъ разныхъ величинъ: употребляемыя въ храмахъ будутъ съ большой барабанъ; домашнія—въ кулакъ; ручныя—въ небольшую рюмку. Сматывать и наматывать ленты съ катушки на катушку или вертѣть цилиндръ, на которомъ написана молитва, есть богоугоднѣйшее дѣло, способствующее спасенію души. Усерднѣйшіе ламаиты ставятъ эти *молитвенныя машинки* даже на вѣтру—гдѣ онѣ приводятся въ движеніе крыльями маленькихъ мельницъ или на проточной водѣ, дающей вращательное движеніе цилиндру. Этотъ странный путь къ спасенію, избранный ламаитами, напоминаетъ немножко бѣготню бѣлки въ колесѣ...

Кромѣ мужскихъ монастырей, въ Тибетѣ существуютъ и женскіе, управляемые *кутухтами*-женщинами. Главнѣйшій изъ нихъ находится на берегахъ Бирюзоваго озера (*Ярь-Брокъ-Ю-Мтсо*). Настоятельницу этого монастыря признаютъ за воплощеніе индійской богини *Бгавани* и величаютъ ее страннымъ именемъ *Дордзи-Па-Мо*, т. е. святою матерью свиньи. Одежда ламайскихъ монахинь не отличается особеннымъ покроемъ—только она желтаго

цвѣта, а на головахъ монахини носятъ остроконечныя шапочки и красныя ленты чрезъ правое плечо. Головъ не брѣютъ, а заплетаютъ волосы въ двѣ косы—право исключительно имъ предоставленное; мірянки заплетаютъ волосы въ одну косу.

Ознакомивъ читателя съ основными догматами ламаизма, бытомъ и уставами духовенства, скажемъ теперь нѣсколько словъ еще объ одномъ духовномъ чинѣ, пользующемся въ южномъ Тибетѣ и Бутанѣ великими привилегіями и составляющемъ, такъ сказать, противуположный полюсъ съ далай-ламою. Эта важная особа называется *пророкомъ*. Пророкъ—человѣкъ, одержимый злымъ духомъ, точно также какъ далай-лама живое жилище божества; пророка всѣ боятся ровно на столько, на сколько чтутъ и боготворятъ далай-ламу.

Объявить себя пророкомъ можетъ всякій, кому роль эта покажется прибыльною и кто сознаетъ въ себѣ достаточно силы воли, чтобы разыграть ее съ должнымъ эфектомъ. Заручившись этимъ заявленіемъ, пророкъ можетъ предъявлять, кому ни пожелаетъ, самыя нелѣпыя требованія, предсказывать будущее, бранить другихъ, драться, даже—убивать, не подвергаясь за то ни малѣйшей отвѣтственности, по той причинѣ, что онъ самъ въ себѣ не властенъ, а дѣйствуетъ подъ вліяніемъ злаго духа. Юродствующій негодяй появляется нѣсколько разъ въ годъ, предшествуемый толпой вооруженныхъ сообщниковъ и музыкантовъ, разыгрывающихъ дикія мелодіи, напоминающія ревъ и визгъ цѣлаго стада бѣшеныхъ буйволовъ или вепрей. Пророкъ выступаетъ за ними, держа въ рукахъ лукъ со стрѣлами и наряженный въ платье особыхъ цвѣтовъ и покроя. Въ самомъ этомъ платьѣ и гнѣздится злой духъ; это платье тотъ же хитонъ Деяниры, пропитанный ядовитой кровью кентавра и приведшій Геркулеса въ неукротимую ярость. Бутанскій бѣснующійся неистовствуетъ точно также. Онъ вбѣгаетъ въ храмъ во время богослуженія, врывается въ толпу перепуганныхъ богомольцевъ, пускаетъ стрѣлы въ тѣхъ, которые ему по чему нибудь не понравятся, иныхъ бьетъ, другихъ поноситъ скверными словами; женщинъ, дѣвушекъ осыпаетъ непристойными ласками. И все покорствуетъ, смиряется предъ этимъ воплощеніемъ демона!.. Ханжи и изувѣры падаютъ предъ нимъ ницъ, а бѣсноватый гордо ступаетъ по ихъ головамъ, будто

по живому помосту; благоразумнѣйшіе застраховываются отъ его нападеній подарками, до которыхъ бутанскій пророкъ, по примѣру юродствующихъ мошенниковъ всѣхъ невѣжественныхъ странъ большой охотникъ. Въ случаѣ какого несчастія, постигающаго бутанца, не давшаго подарка пророку, несчастіе приписываютъ гнѣву злаго духа, котораго слѣдуетъ просить о помилованіи. Тогда бѣдствующій самъ отправляется къ пророку съ подарками: ихъ пророкъ принимаетъ, а жертвователя заставляетъ жечь ладанъ и класть поклоны предъ изображеніемъ демона. Съ пророкомъ же совѣщаются о врачебной помощи въ случаѣ болѣзни, и онъ указываетъ на того врача, который неминуемо поможетъ; онъ же указываетъ гдѣ искать пропавшее въ случаѣ покражи или пропажи и т. д., словомъ, пророкъ занимается гнуснымъ ремесломъ знахаря и ворожея во всѣхъ его отрасляхъ. Замѣтимъ однако, что власть его и сила дѣйствительны только до тѣхъ поръ, покуда онъ наряженъ въ свое шутовское платье — по снятіи его онъ нисходитъ на степень прежняго ничтожества и никто не обращаетъ на него ни малѣйшаго вниманія. Только одежда, въ которой онъ бѣсновался, пользуется постояннымъ почетомъ. Когда онъ проѣзжаетъ верхомъ по городу (въ обыкновенномъ одѣяніи), то всегда везетъ за собою на другой лошади свой костюмъ бѣснующагося... Этой лошади всѣ встрѣчные бьютъ челомъ, ибо на ней незримо ѣдетъ бѣсъ собственной персоной.

Ремесло пророка наслѣдственное и переходитъ отъ отца къ сыну. По неимѣнію прямаго наслѣдника берутъ сына пророка изъ другаго города, такъ какъ въ каждомъ городѣ Тибета есть свой пророкъ.

Слѣды слѣпаго вѣрованія въ бѣсноватыхъ и воздаяніе такому духу религіозныхъ почестей мы встрѣтимъ (какъ увидитъ читатель) въ основаніяхъ догматовъ *шаманства* — религіи дикихъ племенъ азіатской Россіи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Главнѣйшіе храмы Тибета. — Хласса. — Хласси-Тціоканъ. — Святость милостыни по ученію ламаитовъ. — Небранъ-марбу (красный дворецъ) на горѣ Марбори. — Священная плотина. — Прочіе храмы и монастыри. — Посты и праздники.

Хласса или ***Лхасса***, столица Тибета и резиденція далай-ламы, богата храмами и монастырями; изъ первыхъ важнѣйшій ***Хлассеи-Тціоканъ*** въ пяти миляхъ на востокѣ отъ горы Будалы или Воталы. Онъ окруженъ бѣлокаменнымъ двухъ-этажнымъ кремлемъ съ позолоченной черепицею. Стѣны храма, снаружи и внутри, изукрашены живописными изображеніями буддійскихъ святыхъ, рѣзьбою, позолотою и дорогими камнями. Близъ жертвенника, называемаго престоломъ Будды, на пьедесталѣ изъ разноцвѣтнаго цѣннаго дерева поставлена статуя пожилыхъ лѣтъ мужчины въ жреческомъ облаченіи, съ лицемъ, окаймленнымъ (подобно лицамъ живописныхъ изображеній святыхъ) золоченнымъ трехъугольникомъ. Этотъ кумиръ болѣе всѣхъ прочихъ удостоивается почестей, молитвъ, сожженія благоуханій и приношенія затепленныхъ лампадъ и свѣчей. Просящій чего у бога, которому поклоняется въ образѣ этого идола, подавъ щедрую милостыню нищимъ и жрецамъ — предлагаетъ имъ соединить свои молитвы съ его молитвою и совершить ходъ вокругъ храма. Ходъ совершается на колѣняхъ, съ припаденіемъ ницъ и, по примѣру индусовъ (Индія гл. XIV стр. 119), съ измѣреніемъ окружности храма высотою своего роста. Неподалеку отъ главнаго идола, въ храмѣ есть мѣсто, огороженное полотнянными занавѣсами, гдѣ монахи непрерывно, денно и нощно, читаютъ и поютъ молитвы. Въ небольшихъ часовняхъ, разбросанныхъ вокругъ храма, за желѣзными рѣшетками, стоятъ гробницы святыхъ, окруженныя теплящимися лампадами. Надъ каждой гробницей живописное изображеніе почившаго.

Ежегодно въ мартѣ мѣсяцѣ въ этомъ храмѣ бываетъ великій

праздникъ, торжествуемый въ теченіе цѣлой недѣли. Кромѣ безчисленнаго множества богомольцевъ—со всѣхъ концевъ Тибета, Бутана, Индіи и Китая, даже изъ степей приволжскихъ и пустынь сибирскихъ—однихъ монаховъ набирается до 20,000 человѣкъ. Всѣ они (т. е. монахв) въ продолженіе праздника безплатно пользуются въ монастырѣ пріютомъ и пищею; та же внимательность оказывается и неимущимъ богомольцамъ. Читатель, конечно, спроситъ при этомъ—какъ должны быть велики средства монастырскія? Средства эти велики, правда, но содержаніе бѣдныхъ дѣлается на счетъ пожертвованій богатыхъ богомольцевъ деньгами и припасами. Каждый жертвователь убѣжденъ, что подаяніе бѣднымъ угодиѣе Богу, нежели самая молитва; молитва же неимущаго, за своего благодѣтеля, всегда дойдетъ до вседержителя скорѣе, нежели моленія человѣка за себя самого. Это одинъ изъ основныхъ догматовъ ламаизма. Вслѣдствіе этого мудраго ученія, тибетецъ, даже средняго состоянія, щедръ на подаянія и въ радости и въ горѣ. Родные болящаго или страждущаго раздаютъ милостыню нищимъ или дѣтямъ, прося ихъ молитвъ за его здоровье. Умираетъ ли человѣкъ—тѣ же родные въ теченіе нѣсколькихъ дней кормятъ и одариваютъ нищихъ, прося ихъ убѣдительнѣйше молиться за умершаго.

На вершинѣ Марбори — одного изъ отростковъ горъ Буталы, находится дворецъ, или вѣрнѣе монастырь, въ которомъ живетъ далай-лама. Это громадное зданіе, имѣющее до пятидесяти саженъ высоты, сложено изъ красныхъ камней (почему и называется: ***Пабранъ-марбу***, краснымъ дворцомъ), украшено золочеными куполами, шпицами, башенками и золотою и серебряною черепичною кровлею. Въ двадцати двухъ этажахъ его насчитываютъ до 10,000 комнатъ. Главный храмъ этого тибетскаго Ватикана украшенъ множествомъ драгоцѣнныхъ идоловъ высокой работы. Городъ Хласса былъ первоначально окруженъ кремлемъ, разрушеннымъ въ 1722 году и замѣненъ каменной плотиной отъ подошвы горы Ланъ-Лу до Дзіанъ-Ри-Бидунга, на протяженіи до пятнадцати верстъ. Плотина эта называется ***святою***. Въ первый мѣсяцъ года сюда приходятъ отовсюду ламаитскіе священники на празднество, принося съ собой камни для плотины; укладкою же ихъ и поддержкою плотины занимаются свѣдущіе рабочіе.

Изъ прочихъ храмовъ и монастырей Тибета назовемъ храмъ близъ укрѣпленнаго города ***Джахи;*** монастыри: ***Сера***, ***Бгребунгъ***, ***Самiэ*** и ***Гхалданъ*** замѣчательны громадностью и красотой архитектуры. Загородные дворцы далай-ламы: ***Дзунъ-Кiо***, ***Кадци*** и ***Шусiу-Кангъ*** славятся прекрасными тѣнистыми садами—лѣтомъ благоухающими отъ цвѣтущихъ ивъ, зимою утѣшающими зрѣніе величавыми кедрами и кипарисами.

Любопытенъ обрядъ освященія храма у ламаитовъ. Разсказъ о немъ вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ ознакомить читателя и съ принадлежностями богослуженія.

Раннимъ утромъ въ храмъ (***хурулъ***) собираются двѣнадцать жрецовъ и садятся въ двѣ линіи лицами другъ противъ друга. Передъ каждымъ на землю кладется колокольчикъ (***хонхо***), небольшой жезлъ (***очиръ***), листы съ написанными молитвами и пшеница. Предъ главнымъ жрецомъ столъ, накрытый бѣлой тканью, а на немъ принадлежности богослуженія: узкогорлый сосудъ, съ освященною водою (***оршаномъ***), замкнутый вмѣсто пробки пучкомъ павлиньихъ перьевъ, нѣсколько металлическихъ чашекъ съ водою, пшеницею и горячимъ масломъ. Въ небольшой деревянный подсвѣчникъ вставляется зажженная курительная свѣчка. Предсѣдательствующій гелонгъ сидитъ на подушкѣ, съ закрытыми глазами; прочіе на коврахъ. Кромѣ двѣнадцати, въ церемоніи участвуютъ еще многіе гелонги, но они сидятъ внѣ линіи и имѣютъ право лишь читать молитвы. Приступая къ освященію хурула (храма), составляютъ ***оршанъ*** (напитокъ безсмертія, то-же что ***амрита*** у индусовъ). Въ узкогорлый сосудъ изъ морской раковины вливается тягучая, желтоватая жидкость (растительное масло или медъ); затѣмъ на столъ кладется священный снурокъ, навсегда остающійся въ храмѣ. Маленькій металлическій сосудъ съ водою подносятъ къ каждому изъ двѣнадцати присутствующихъ и каждый изъ нихъ дуетъ въ него, что повторяется двѣнадцать разъ. Этотъ сосудъ, снурокъ и раковина—основныя святыни храма. Затѣмъ, верховный гелонгъ, взявъ на ложку меду, сперва предлагаетъ его богу при хоровомъ пѣніи молитвъ, потомъ жрецамъ и наконецъ, по каплѣ, всѣмъ присутствующимъ. По окончаніи обряда (совершаемаго

съ открытыми головами) всѣ надѣваютъ шапки минуты на три, въ знакъ презрѣнія къ злому духу (¹).

Кромѣ упомянутыхъ орудій богослуженія, для окропленья *оршаномъ* (освященною водою) ламаиты употребляютъ кисти, связанныя изъ длинныхъ полосъ съ оконечностей коровьихъ хвостовъ. Въ Тибетѣ, такъ же какъ и въ Индіи, быки и коровы пользуются особеннымъ почетомъ, хотя и въ несравненно меньшей степени.

Теперь, нѣсколько словъ о праздникахъ и постахъ у ламаитовъ.

Годъ у тибетцевъ начинается съ февраля и первый день февральскаго новолунія празднуется торжественными обрядами въ храмахъ. Богослуженіе въ хлассскомъ храмѣ совершается самимъ далай-ламою. Другіе великіе праздники бываютъ: въ 5 день второй іюньской луны, въ 16 день іюльской и въ 25—ноябрьской. Въ октябрѣ бываетъ повсемѣстное поминовеніе усопшихъ. Посты налагаются три раза въ году: весною, лѣтомъ и зимою, т. е. въ февралѣ (18 дней), въ маѣ (20) и въ ноябрѣ во все продолженіе луннаго мѣсяца и еще двухъ дней. Во всѣ эти посты употребленіе мяса строго воспрещено и во всѣ дни въ хурулахъ усиленная служба. Кромѣ того 9, 19 и 29 день каждой луны долженъ быть посвященъ неустаннымъ молитвамъ. Въ молитвахъ этихъ далай-лама и кутухту никогда не принимаютъ участія, ибо, будучи безгрѣшны, не имѣютъ нужды и молиться о своихъ прегрѣшеніяхъ.

(¹) Такъ совершенъ былъ обрядъ освященія ламайскаго хурула въ селѣ Ильинки (Земли Войска Донскаго) для калмыковъ, находящихся въ казачьихъ войскахъ. Описаніе обряда заимствовано нами изъ статьи очевидца, перепечатанной изъ «Русскихъ Вѣдомостей» въ «Голосѣ», въ № 360 за 1868 г.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Обряды ламаитовъ Тибета и Бутана.—Нареченіе имени.—Бракъ.—Медицина у ламаитовъ.—Случаи обращенія къ религіозной помощи.—Обряды для исцѣленія больныхъ.—Молитвы при умирающемъ.—Погребеніе.—Поминовеніе усопшихъ.—Очеркъ законовъ въ Тибетѣ и Бутанѣ.—Нѣсколько словъ о восточномъ законодательствѣ вообще.

Исчислимъ теперь главнѣйшіе обряды, сопровождающіе всѣ важныя событія въ семейномъ и гражданскомъ быту ламаитовъ Тибета и Бутана.

При рожденіи младенца, по предварительномъ его омовеніи, посылаютъ за гелонгомъ. По его распоряженію приносятъ вмѣстительный, для погруженія дѣтскаго тѣла, сосудъ и вливаютъ въ него по ровну воды и молока. Гелонгъ освящаетъ эту смѣсь, читая молитвы и дуя на нее, потомъ погружаетъ въ нее и купаетъ въ ней новорожденнаго. Имя нарекаетъ младенцу по собственному усмотрѣнію или по совѣщаніи со священными книгами. Всѣ имена ламаитовъ—имена буддійскихъ святыхъ. Обрядъ нареченія имени заключается великолѣпнымъ пиршествомъ и угощеніемъ родныхъ и присутствующихъ гелонговъ.

При бракосочетаніяхъ, гелонгъ назначаетъ благопріятный день и часъ, сообразно указанію священныхъ книгъ. Для этого, онъ справляется у родителей жениха и невѣсты о годѣ, мѣсяцѣ и днѣ ихъ рожденія. При выборѣ дня, особенно заботятся о томъ, чтобы онъ наибольшее счастье сулилъ не мужу, а женѣ. Нерѣдко случается, что комбинируя годы, мѣсяцы и дни рожденія жениха и невѣсты, и справляясь со священными книгами, гелонгъ въ настоящемъ году не находитъ счастливаго дня и, тогда, свадьба откладывается до слѣдующаго года. Страхъ подвергнуться наказанію, если не отъ людей, то отъ небесъ, до того силенъ, что женихъ и невѣста тер-

пѣливо ждутъ вожделѣннаго дня, божествомъ назначеннаго, не осмѣливаясь упредить его. Въ день свадьбы, женихъ, сопровождаемый товарищами и друзьями, отправляется къ невѣстѣ. Если она далеко живетъ, къ свитѣ жениха присоединяется кто-либо изъ родныхъ мужчинъ и съ невѣстиной стороны, но ни отцы, ни матери въ этомъ шествіи участія не принимаютъ. По прибытіи жениха въ домъ невѣсты, гелонгъ окуриваетъ все жилище ладаномъ и благовоньями, призывая божество снизойдти на сочетающихся бракомъ и осѣнить ихъ своею милостію. По окончаніи молитвъ, онъ освящаетъ смѣсь воды съ молокомъ и новобрачные умываютъ ею свои лица. Брачное благословеніе состоитъ въ томъ, что гелонгъ, читая молитвы, прикасается къ головамъ молодыхъ священною книгою и взаключеніе молится Богу о ниспосланіи супругамъ счастія, достатка и многочисленнаго потомства. Тогда молодыхъ уводятъ въ особый покой и оставляютъ наединѣ, гости же, между тѣмъ, пируютъ, веселятся, поютъ и пляшутъ. У богатыхъ брачныя празднества продолжаются дней по десяти. При выдачѣ дочерей замужъ за ними даютъ приданое; выкупа же (колыма) женихъ въ Тибетѣ и Бутанѣ не платитъ, вопреки тому, что выкупъ принятъ вообще у восточныхъ народовъ. Одновременное многоженство не терпимо, но число женъ, на которыхъ можетъ жениться ламаитъ (разведшійся или овдовѣвшій) неограничено.

Въ болѣзняхъ, ламаиты не уклоняются отъ леченія (подобно фанатикамъ-магометанамъ) и не прибѣгаютъ исключительно къ помощи боговъ (подобно индусамъ). Ламы, знакомые съ врачебной ботаникою и зоологіей, занимаются медициною и весьма успѣшно. Замѣчательно, что тибетцы и бутанцы особенно придерживаются *зоопатіи* (методы леченія животными веществами), на которую, можетъ быть, со временемъ и въ Европѣ обратятъ болѣе пристальное вниманіе. Изъ растительныхъ лекарствъ, употребительнѣйшихъ въ Тибетѣ назовемъ, чудесный *жинъ-сеньгъ* (стосилъ: Panax L); изъ животныхъ: коровье и кобылье молоко и различные изъ него препараты, т. е. сыворотка, творогъ, кумысъ и т. п., *бобровую струю* (castoreum), *мускусъ* (добываемый изъ кабарги (moschus moschiferus L), наконецъ *безоаръ* (камень, находимый въ почкахъ или мочевыхъ пузыряхъ отрыгающихъ жвачку и нѣкоторыхъ другихъ животныхъ). Всѣ эти лекарства пользуются въ Тибетѣ заслуженнымъ, хотя и преувеличеннымъ почетомъ; звѣри же ихъ дающіе считаются особенно угодными божеству.

Въ случаѣ же если болѣзнь принимаетъ опасный характеръ и всѣ врачебныя средства истощены, тогда ламаиты прибѣгаютъ къ помощи небесной, молясь Богу о явленіи чуда надъ болящимъ или объ избавленіи его отъ дальнѣйшихъ мученій скорѣйшей смертію. Въ Бутанѣ, призванные къ опасно-больному гелонги цѣлый день громко читаютъ священныя книги. Вечеромъ дѣлаютъ изъ тѣста пирамиды, втыкаютъ въ нихъ три цвѣтка, сдѣланные изъ коровьяго масла и три креста изъ соломы и, поставя ихъ въ горшки, продолжаютъ молитвы, держа въ правой рукѣ зажженныя свѣчи, въ лѣвой колокольчики. По временамъ горшки съ пирамидами гелонги поднимаютъ высоко надъ головою, какъ-бы въ знакъ приношенія божеству и окропляютъ ихъ *оршаномъ* (освященной водой). Потомъ, соломенные кресты жгутъ, а пирамиды ставятъ, куда нибудь, на открытое мѣсто, чтобы ихъ поклевали вороны... Въ таинственную и великую минуту разлуки души съ тѣломъ, гелонгъ напутствуетъ безсмертную скиталицу на ея дальнѣйшій (для живыхъ—вѣчно загадочный) путь усердными молитвами, въ которыхъ, перебирая четки, принимаютъ участіе и всѣ домашніе умирающаго...

Великая мысль загробнаго бытія и возрожденія въ вѣчности царитъ по всѣхъ религіяхъ міра—древняго и современнаго. Эта мысль встрѣчается повсемѣстно въ тысячахъ видоизмѣненій высоко-поэтическихъ или грубо-матеріальныхъ.

Потерявъ роднаго, ламаиты раздаютъ щедрыя милостыни нищимъ, прося у нихъ молитвъ объ успокоеніи его души. Тѣло погребаютъ по прошествіи трехъ дней. Сжечь тѣло, зарыть въ землю или бросить его на съѣденіе звѣрямъ — этотъ вопросъ рѣшаетъ гелонгъ. Въ Бутанѣ, въ старину, тѣла усопшихъ рѣзали на куски и бросали ихъ собакамъ. Руководила ли при этомъ мысль, что душа вмѣстѣ съ поглощаемыми кусками тѣла переселится въ животныхъ, или это дѣлалось въ знакъ презрѣнія къ персти, душою покинутой—не беремся разрѣшить этого вопроса. Въ Тибетѣ покойника провожаютъ гелонги до могилы, при пѣніи молитвъ; трупъ

облекаютъ въ холщевый или шелковый саванъ, окутывающій его съ головы до ногъ. При погребеніи гелонгами читаются еще длинныя молитвы *духамъ-покровителямъ*, чтобы они отдалили отъ души все могущее нарушить ея вѣчный покой. Погребальный обрядъ заключается, по обычаю восточныхъ народовъ, поминальною тризною.

Молитвы за упокой души погребеннаго читаются, смотря по средствамъ его родныхъ, непрерывно: десять дней, нѣсколько мѣсяцевъ, а у богатыхъ тибетцевъ — и цѣлый годъ. Въ послѣднемъ случаѣ гелонгъ переѣзжаетъ въ домъ покойнаго, за что и получаетъ весьма щедрое награжденіе. На сорокъ девятый день и въ годовщину смерти, кромѣ того, бываетъ торжественное богослуженіе въ храмѣ. Дальнѣйшее, ежегодное поминовеніе предоставлено на волю родныхъ и наслѣдниковъ.

Ежегодное поминовеніе всѣхъ усопшихъ бываетъ въ концѣ октября мѣсяца. Тогда иллюминовываются въ городѣ и его окрестностяхъ кровли храмовъ, монастырей и частныхъ домовъ. Безмолвіе ночи нарушается заунывнымъ звономъ колоколовъ, звуками музыки и пѣніемъ гимновъ и молитвъ. Нищимъ богатая пожива отъ подаваемой милостыни деньгами и съѣстными припасами.

Законы всякой страны всегда въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ ея религіею. Въ Тибетѣ незамѣтно особеннаго вреднаго вліянія теократизма на гражданскій быть, въ Бутанѣ же, дѣйствующія уложенія во многихъ отношеніяхъ превосходятъ законы азіатскихъ странъ — шаткіе и измѣнчивые въ рукахъ деспотизма. Въ Бутанѣ право жизни и смерти предоставлено королю, но преступника судятъ судьи и присяжные. Защита предоставляется ему самому или его повѣренному. Преступленія, совершенныя человѣкомъ въ ненормальномъ состояніи опьяненія, наказываются нѣсколькими степенями легче, нежели содѣянныя сознательно; нерѣдко преступникъ, въ первомъ случаѣ, подвергается и оправдательному приговору. Весьма гуманно, хотя и не совсѣмъ справедливо: во многихъ европейскихъ государствахъ опьяненіе само по себѣ служитъ усугубленіемъ вины. Самоуправство въ Бутанѣ — нетерпимо. Хозяинъ, ударившій слугу по щекѣ или палкою, въ случаѣ жалобы послѣдняго, подвергается десятиричному наказанію на площади чрезъ палача. Принесшій же судьѣ жалобу на слугу всегда получаетъ законное удовлетвореніе. Истецъ отвѣтчика призываетъ къ судьѣ и отвѣтчикъ обязанъ явиться (и является) безпрекословно. Уклонившійся отъ приглашенія, во всякомъ случаѣ, признается виновнымъ, даже въ случаѣ неправильнаго иска. Дѣла рѣшаются скоро, безъ кляузъ, безъ проволочекъ, безъ нелѣпаго бумагомаранія, которое въ такомъ ходу въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы. Приговоръ и исполненіе приговора не отдѣлены другъ отъ друга, Богъ вѣсть зачѣмъ, цѣлыми мѣсяцами... Уголовный законъ ясенъ: смерть за смерть, ударъ за ударъ; буквально — око за око и зубъ за зубъ. За похищенную лошадь воръ уплачиваетъ хозяину десятиричную ея стоимость; такъ же вознаграждаются и всякіе убытки. Существуетъ и присяга, или вѣрнѣе, выемка жребія, рѣшающаго кто правъ, кто виноватъ. Со дна металлическаго сосуда, наполненнаго растопленнымъ коровьимъ масломъ, обвиняемый долженъ достать одну изъ двухъ дощечекъ — бѣлую или черную, брошенныхъ въ сосудъ. Бѣлая дощечка означаетъ праваго, черная — виноватаго... Таже нелѣпая игра въ жмурки со смертью, что и въ индійскихъ судебныхъ испытаніяхъ!..

Нѣкоторыя изъ узаконеній, клонящихся къ прямой пользѣ гражданъ, облечены въ мистическую форму: они связаны съ какимъ-нибудь религіознымъ повѣрьемъ. Такъ, напримѣръ, въ Тибетѣ рыбная ловля воспрещена съ февраля по сентябрь мѣсяцъ. Цѣль этого запрещенія — побудить народъ къ прилежнѣйшему занятію земледѣлиемъ, въ которомъ тибетскіе законодатели всегда видѣли прочную основу гражданственнаго благосостоянія и смягченія нравовъ. Дѣйствительно, рыбная и звѣриная ловли — любимые промыслы кочевыхъ дикарей — развиваютъ въ человѣкѣ и жестокія наклонности и привычку къ бродяжничеству, скитаньямъ съ мѣста на мѣсто. Надобно же было внушить народу, на сколько земледѣліе полезнѣе звѣриной ловли, и вотъ, съ незапамятныхъ временъ, укоренилось между тибетцами повѣрье, что ежели въ заповѣдное время съѣсть хотя одну рыбу, то будетъ неурожай по всей странѣ. Слѣпо вѣруя этому, народъ повинуется благодѣтельному узаконенію, благодаря острасткѣ. Вникните въ исторію законодательства и вы всюду встрѣтите, что *острастка* — самое вѣрное средство по-

буждать народъ къ повиновенію законамъ. Средство это еще того скорѣе достигаетъ цѣли, если законодатель съумѣлъ внушить народу, что самое нарушеніе закона носитъ въ себѣ зародыши наказанія. Въ этомъ случаѣ видимъ примѣръ въ самой природѣ: вольное или невольное нарушеніе ея мудрыхъ законовъ человѣкомъ неминуемо влечетъ за собою вредъ, нерѣдко и гибель. Нарушеніе законовъ гражданскихъ—преступленіе; законовъ божіихъ—грѣхъ; законовъ естественныхъ — порокъ... Послѣдній большею частью, дитя излишества. Вслѣдствіе этого, древнѣйшіе законодатели востока (что мы уже и говорили въ исторіи религіи Индіи), сообразуясь съ климатическими условіями своей страны, всегда соединяли правила гигіеническія съ религіозными и гражданскими установленіями. Не распространяясь особенно, обращаемъ только вниманіе читателя на предметъ, заслуживающій глубокаго размышленія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Буддизмъ и ламаизмъ въ прочихъ странахъ Азіи, подвластныхъ Китаю.—Корея. — Королевство Ліу-Кіу.—Кочевые монголы.

Въ Кореѣ *(Као-Ли, Чао-Сіанъ)* насчитывается до 12 мил. жителей, заселяющихъ сто шестьдесятъ два города, множество селъ и деревень. Жители—народъ кроткій, смирный, трудолюбивый, что не мѣшаетъ ему быть легковѣрнымъ, трусливымъ, сластолюбивымъ и склоннымъ ко лжи и кражѣ. Пороки эти, впрочемъ уживаются съ вышеупомянутыми добрыми качествами; одно не мѣшаетъ другому. Страшась кровопролитія, они не ознаменовывали себя воинскими подвигами; жизнь собственную и жизнь ближняго корейцы всегда цѣнили и цѣнятъ выше славы побѣдителей и завоевателей. Смертной казни въ Кореѣ подвергаютъ только оскорбителя отца или матери (что случается очень рѣдко); за всѣ же другія преступленія наказываютъ бамбуковыми шпицрутенами или ссылкою.

Большинство народонаселенія исповѣдуетъ буддизмъ, но по разсказамъ бывалыхъ людей особенной набожностью корейцы не отличаются. Храмы, наполненные идолами, почти всѣ находятся за чертою городовъ и нельзя сказать, чтобы усердно посѣщались. Въ праздникъ кореецъ заходитъ въ храмъ, зажигаетъ вредъ какимъ нибудь кумиромъ душистую курительную свѣчку, бьетъ челомъ и уходитъ. На подаяніе духовенству въ Кореѣ тоже не щедрятся, развѣ только при погребеніяхъ, при которыхъ жрецамъ богатая нажива. Монастырей много и всѣ они построены по нагорьямъ. Монахи, желающіе возвратиться въ міръ, платятъ за себя выкупъ и весьма значительный; живущіе въ обителяхъ подчинены весьма строгимъ уставамъ и занимаются грубыми и непрерывными работами.

Бракъ у корейцевъ воспрещенъ между родными до четвертаго колѣна. Женятся и замужъ выходятъ (въ видахъ сбереженія нравственности) десяти, двѣнадцати лѣтъ. Жена обязана жить въ домѣ свекора, если только она не единственная дочь у отца и матери; въ послѣднемъ случаѣ зять живетъ въ домѣ у тестя. Въ день свадьбы женихъ, верхомъ, сопровождаемый цѣлой свитой своихъ друзей, объѣзжаетъ вокругъ города и останавливается у дверей невѣсты. Родные ея съ честію встрѣчаютъ его и провожаютъ вмѣстѣ съ женихомъ до его дома. Мужу предоставлено право, когда вздумается, развестись съ женою; жена же можетъ развестись только по приговору судьи. Многоженство разрѣшено, но между женами есть всегда одна старшая по правамъ и преимуществамъ. Въ обхожденіи съ дѣтьми корейцы отличаются кротостью и ласковостью; съ своей стороны и дѣти глубоко чтутъ родителей и повинуются имъ безпрекословно.

Погребенія умершихъ бываютъ только дважды въ годъ: весною и осенью. Умирающихъ зимою и лѣтомъ сохраняютъ до указаннаго времени въ особенныхъ хижинахъ. Въ день похоронъ покойниковъ переносятъ изъ этихъ хижинъ въ ихъ домы, одѣваютъ съ возможной пышностью и кладутъ въ гробы съ нѣкоторыми цѣн-

ными вещами, имъ принадлежавшими. Всю ночь родные и знакомые пируютъ за столомъ, а на зарѣ гробъ выносятъ въ сопровожденіи воющихъ и причитывающихъ родныхъ и пѣвчихъ, распѣвающихъ молитвенные гимны. Поютъ и носильщики, несущіе гробъ. Хоронятъ по указанію жреца (волхва) на горныхъ отлогостяхъ. Черезъ три дня по погребеніи родственники покойнаго идутъ съ приношеніями на его могилу, что совершается ежегодно въ полнолуніе. При этомъ косятъ траву, вырастающую на могильномъ холмѣ и сожигаютъ ее въ приношеніе божеству... Поминальныя тризны и раздача подарковъ жрецамъ неизбѣжно сопровождаютъ эти намогильныя пиршества.

На вопросъ одного христіанскаго миссіонера у корейскаго жреца: зачѣмъ они хоронятъ покойниковъ только весною и осенью? жрецъ отвѣчалъ:

— Дважды въ годъ, именно осенью и весною бываетъ посѣвъ хлѣба, плодовъ и овощей. Тѣло умершаго то же зерно, посѣеваемое въ землю. Какъ изъ частицъ его праха вырастаетъ трава, такъ и онъ въ новомъ видѣ возродится со временемъ. Въ каждой былинкѣ можетъ быть частица души усопшаго!

Сравненіе остроумное и нелишенное своеобразной поэзіи. Если этотъ отвѣтъ корейца былъ дѣйствительно отголоскомъ всенароднаго повѣрья, то нельзя не допустить въ немъ подобія индійскаго ученія о переселеніи душъ —съ тою только разницею, что корейцы допускаютъ это переселеніе душъ усопшихъ даже въ *растенія*. Предполагая одно, они не могутъ, стало быть, отрицать другаго, т. е. что растенія живутъ и чувствуютъ. Странное сочетаніе ложной религіозной доктрины съ великою, научною истиною. Замѣчательна еще особенность въ гражданскомъ быту корейцевъ. Каждый городъ выставляетъ изъ своихъ монастырей извѣстное число монаховъ въ войско короля или намѣстника. Изъ монаховъ-воиновъ образуются гарнизоны для фортовъ и крѣпостей; коменданты и офицеры избираются также изъ духовнаго сословія. Не смотря на пышный этикетъ двора и деспотическую власть, королю (или намѣстнику) не воздается божескихъ почестей. При его появленіи на улицу, подъ парчевымъ балдахиномъ, въ сопровожденіи вельможъ, одѣтыхъ въ черныя шелковыя одежды (черный цвѣтъ—отличительный знакъ аристократіи) никто изъ жителей не долженъ выходить на улицу или видѣть его въ лице. Впереди короля идетъ всегда офицеръ съ ящикомъ въ рукахъ, въ который кладетъ прошенія, подаваемыя на королевское имя, протягиваемыя ему изъ полуотворенныхъ дверей и оконъ на длинныхъ тростяхъ. Король по возвращеніи пересматриваетъ прошенія и неотлагательно кладетъ по нимъ резолюціи. Повелѣнія королевскія исполняются въ тотъ же день и часъ.

Архипелагъ Ліу-Кіу состоитъ изъ тридцати шести острововъ, группирующихся вокругъ главнаго и обширнѣйшаго, называемаго *большимъ* (Та-Ліу-Кіу). Мѣстопребываніе короля въ ***Шу-ли*** (Тсіу-ри, у японцевъ). Здѣсь на югѣ находится знаменитый храмъ ***Фатти-манъ-гу*** (дворецъ восьми знаменъ), называемый такъ по числу развѣвающихся на его кровлѣ значковъ, съ начертанными на нихъ словами молитвы: *омъ мани надъ ме омъ*. На юго-западѣ, въ чертѣ города, усыпальница (мѣсто погребенія) королей, именуемыхъ на надписи ***королями Срединной горы***. На сѣверѣ, и довольно далеко отъ города На-Па-Кіанга, находится храмъ королевскихъ предковъ, предъ которымъ, всякій ѣдущій верхомъ или въ экипажѣ, какого бы ни былъ званія, обязанъ спѣшиваться въ знакъ благоговѣнія. Внутри стѣны этого храма обвѣшаны дощечками, на которыхъ начертаны имена прародителей короля, со времени царственныхъ китайскихъ династій ***Тонгъ*** и ***Сунгъ***, т. е. съ VII и X вѣка по Р. X. За королевскимъ дворцомъ, украшеннымъ неиссякаемымъ водопадомъ, извергающимся изъ пасти дракона, находится небольшой храмъ безъ всякихъ кумировъ и священныхъ изображеній; въ немъ жгутъ благоуханія въ честь всеобщей матери и кормилицы —земли, не нуждающейся въ символическихъ изображеніяхъ и обоготворяемой въ щедрыхъ дарахъ своихъ. На западѣ находится ***драконовъ прудъ*** съ двумя скалами, высящимися надъ его поверхностію. Въ девятый день девятаго мѣсяца ежегодно сюда собираются тысячи народу для религіознаго торжества, состоящаго изъ плаванія по пруду въ челнокахъ, украшенныхъ рѣзными и живописными изображеніями драконовъ.

Таковы достопримѣчательнѣйшія мѣстности, съ которыми у жи-

телей Ліу-Кіу сопряжены ихъ религіозныя повѣрья или воспоминанія.

Буддизмъ введенъ сюда двѣсти слишкомъ лѣтъ тому назадъ. Жрецы *Фо* (Будды у китайцевъ) вмѣстѣ съ новою религіею внесли начатки народнаго образованія и грамотности, ознакомивъ островитянъ съ китайскими письменами. Независимо отъ послѣднихъ, на Ліу-Кіу, японскій языкъ и письмена также въ большомъ употребленіи. Въ нравахъ и обычаяхъ замѣтна та же смѣсь, а потому мы укажемъ только на тѣ изъ нихъ, которые носятъ на себѣ отпечатокъ самобытности.

Богослужебные обряды не многосложны. Божеству всего чаще поклоняются на открытомъ воздухѣ, сожигая благоуханія на посвященномъ ему камнѣ и предлагая плоды и цвѣты вмѣсто всякихъ жертвъ. Надъ этимъ же камнемъ островитяне клянутся и приводятся къ присягѣ. При богослуженіи женщины пользуются преимуществомъ предъ мужчинами, и оно почти все въ ихъ рукахъ. Жрицы эти пользуются особеннымъ уваженіемъ, лечатъ больныхъ (молитвами и врачебными средствами) и предрекаютъ будущее... Есть ли и возможна ли какая нибудь связь между религіею островитянъ Ліу-Кіу и религіею древнихъ кельтовъ и тевтоновъ въ Европѣ... но эти камни вмѣсто алтарей, эти жрицы пользуются всеобщимъ уваженіемъ, напоминаютъ жертвенные *дольмены, кромлехи*, таинственную Велледу и Друидесъ, обоготворяемыхъ въ Галліи дѣвственницъ.

Къ усопшимъ, жители Ліу-Кіу питаютъ такое же благоговѣніе, какъ и китайцы. Трауръ соблюдается также строго, но погребенія совершаются съ меньшимъ великолѣпіемъ. Трупы сожигаютъ, а прахъ и золу сохраняютъ у себя дома: въ честь души усопшаго, для ея успокоенія теплятъ лампады и жгутъ благоуханія.

Многоженство терпимо; при выборѣ жены родители предоставляютъ сыновьямъ совершенную свободу, но жениться можно не иначе, какъ на дѣвушкѣ или женщинѣ, не состоящихъ въ родствѣ, или, какъ выражаются юристы—*свойствѣ*. Кровосмѣшеніе почитается великимъ грѣхомъ предъ божествомъ и преступленіемъ предъ закономъ. Древнимъ законодателямъ уже было извѣстно, что неизбѣжнымъ слѣдствіемъ брачнаго сожительства единокровныхъ

бываетъ всегда ухудшеніе породы, моральное или физическое уродство. Природа не мститъ нарушителю своихъ законовъ, она (какъ мы уже сказали выше) зародышъ наказанія кладетъ въ самомъ преступленіи.

Данники Китая, *монголы*, потомки поработителей древней Руси, исповѣдаютъ буддизмъ съ недавняго времени. Эта религія оказала благотворное вліяніе на ихъ нравы, образованіе и развила въ нихъ наклонности къ жизни мирной и порядочной. Нынѣшніе монголы ласковы, разумны, обязательны и чистосердечны, честность ихъ неподкупна; отдѣльные случаи кражи или грабежа (очень рѣдкіе) неумолимо строго наказываются. Монголы питаютъ непритворное уваженіе къ своимъ ламамъ, съ которыми совѣщаются при всѣхъ важныхъ вопросахъ жизни. Ламы отличаются отъ прочихъ монголовъ желтыми или ярко-красными нанковыми халатами; *шаманы* (жрецы буддійскаго раскола, о которомъ ниже поговоримъ подробно) дикой пестротой одежды, амулетками и побрякушками, которыми обвѣшиваются съ головы до ногъ. Въ каждой юртѣ или кибиткѣ непремѣнно есть идолъ (*бурханъ*), грубо выточенный изъ дерева, со стеклянными или кораловыми бусами вмѣсто глазъ. Ему дѣлаютъ частыя приношенія, состоящія изъ шкурокъ бѣлки, суслика или лапы степнаго орла (беркута). Постовъ монголы не соблюдаютъ, или лучше сказать, пища ихъ постоянно скудна и они довольствуются немногимъ. Баранина, лакомство доступное только богатымъ; бѣднѣйшіе довольствуются кобылятиной отъ битой и палой скотины, дичиной, кабаньимъ мясомъ (въ случаѣ, если судьба пошлетъ кабана охотнику); не брезгаютъ бѣлками, сусликами и полевыми мышами. Любимѣйшіе напитки монголовъ, кумысъ и кирпичный чай, потребляются одинаково и бѣдными и богатыми. Но какъ бы ни былъ бѣденъ монголъ, онъ всегда радъ подѣлиться съ гостемъ послѣднимъ кускомъ, дать пріютъ путнику и мѣсто для отдыха утомленному. Кромѣ того, монголы не прочь, при случаѣ, выпить получаемыхъ отъ китайцевъ арака и водки, но и въ хмѣлю эти бѣдные дикари несравненно скромнѣе многихъ, такъ называемыхъ или претендующихъ на званіе *цивилизованныхъ* народовъ. На подвыпившаго монгола нападаетъ только неукротимая болтливость и онъ пускается въ нескончаемые разсказы объ охо-

тѣ, скачкахъ, играхъ или просто разсказываетъ сказки, замѣчательныя затѣйливостію сюжета, изобрѣтательностію воображенія, яркими и своеобразными красками... Здѣсь, къ слову, обращаемъ вниманіе читателя на слѣдующую черту, свойственную почти безъ изъятія всему человѣчеству: Повсемѣстно человѣкъ искалъ и ищетъ веселости, самозабвенья и, не довольствуясь благами дѣйствительной жизни, все стремится въ область фантазіи и тѣшится призраками. Трудно рѣшить: свойство ли это тѣла или потребность души? Въ Индіи, какъ мы видѣли, брамины, не смотря на постановленія религіи, одуряютъ себя шафраннымъ настоемъ и опіумомъ; послѣдній же для китайцевъ то же, что родимый пѣнникъ для насъ, русскихъ; послѣдователи Магомета наслаждаются *хашишемъ* (экстрактъ дикой конопли); дикари — водкою, добываемою изъ мѣстныхъ растительныхъ произведеній; наконецъ, камчадалы жуютъ и курятъ сушеный мухоморъ... Неужели дѣйствительность вездѣ и всюду такъ печальна, а самозабвеніе — сладостно? Вопросъ, надъ которымъ стоитъ поразмыслить и моралисту, и физіологу, и медику.

Заключимъ, однако, нашъ обзоръ общественнаго быта кочевыхъ монголовъ перечнемъ нѣкоторыхъ обычаевъ, связанныхъ съ ихъ религіозными понятіями.

Бракъ, основа всякаго кровнаго родства, совершается съ благословенія ламъ, безъ малѣйшаго стѣсненія жениха со стороны его родителей. Выборъ жены предоставляется на его волю. За невѣстою кромѣ приданаго (одежды и домашней утвари), даютъ обыкновенно нѣсколько головъ скота. Женатый сынъ всегда живетъ въ томъ же кочевьи, въ которомъ живетъ его отецъ; совѣщается съ нимъ во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ жизни и никогда не выходитъ изъ повиновенія. Двоюродные братья могутъ жениться на двоюродныхъ сестрахъ; зятья на свояченицахъ; вообще же степени родства (*язу*) строго соблюдаются. При заключеніи брачныхъ союзовъ совѣщаются съ духовными книгами и созвѣздіями, подъ которыми родились женихъ и невѣста. Въ послѣднемъ случаѣ избѣгаютъ бракосочетанія, если нелѣпыя астрологическія выкладки доказываютъ, что жена будетъ главенствовать надъ мужемъ. Жена, принимая въ своей юртѣ свекора, свекровь дядю или тетку своего мужа, непремѣнно должна быть простоволосая и въ шугаѣ (*уджи*). При входѣ родныхъ должна вставать съ мѣста, а если позволятъ сѣсть, то садиться на одно колѣно; выходя изъ юрты не должна оборачиваться къ нимъ спиною. Въ юртѣ у свекора ея мѣсто у входа; въ глубину юрты входить ей не позволяется. Въ свою очередь свекоръ, помѣшая невѣстку, не долженъ садиться около ея постели, помѣщаемой обыкновенно направо отъ входа. Эти условія домашняго этикета у кочевыхъ полудикарей также смѣшны, какъ и церемонный этикетъ у цивилизованныхъ народовъ.

Многоженство у монголовъ разрѣшено; но въ такомъ случаѣ старшей женѣ предоставлены преимущества надъ остальными и право управлять хозяйствомъ. Мужу и женѣ, въ случаѣ неудовольствія или несходства характеровъ, позволено разводиться. Если мужъ отсылаетъ отъ себя жену, безъ особенно уважительной на то причины, онъ обязанъ выдать ей лучшее, изъ ея приданаго, платье и лошадь, для возвращенія къ роднымъ. Жену, убѣжавшую отъ мужа къ своимъ родителямъ, послѣдніе обязаны возвращать ему до трехъ разъ; на четвертый ихъ разводятъ, и мужъ, кромѣ оставленнаго ему приданаго, получаетъ отъ тестя еще нѣсколько головъ домашней скотины, въ вознагражденіе за выбывшую изъ его юрты жену.

При болѣзняхъ совѣщаются съ ламами; послѣдователи шаманства — съ шаманами. Усопшихъ зарываютъ въ землю или заваливаютъ трупы ихъ камнями, или жгутъ или, наконецъ, оставляютъ на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ. Во всякомъ случаѣ по кончинѣ монгола, собратья его обращаютъ вниманіе подъ какимъ созвѣздіемъ онъ родился; на какомъ году возраста, въ какой мѣсяцъ, день и часъ умеръ — и по этимъ даннымъ лама рѣшаетъ какъ его хоронить. Скоропостижно умершихъ зашиваютъ въ кожаные мѣшки, въ которые кладутъ еще масло и крупу, для отогнанія злыхъ духовъ, и бросаютъ гдѣ нибудь, на распутіяхъ. Похоронные обряды вообще сообразны со средствами покойнаго. У богатыхъ поминовенія продолжаются до сорока девяти дней, въ теченіе которыхъ ламы непрерывно читаютъ заупокойныя молитвы. Кромѣ вознагражденія ихъ за этотъ трудъ, богатые наслѣдники дѣлаютъ щедрые вклады въ ближайшіе и кочевые храмы.

Шамановъ шаманы же и хоронятъ, причемъ дѣлаютъ заклина-

вія, чтобы отдалить отъ умершихъ злыхъ демоновъ. Души шамановъ, по монгольскимъ повѣрьямъ, блуждая по землѣ въ образѣ бѣсовъ, вредятъ людямъ или ихъ стадамъ, щадя только тѣхъ, которые не скупятся на подаянія... Такимъ образомъ шаманы пользуются благостынею, не только отъ послѣдователей своей секты, но и отъ буддистовъ и ламаитовъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Буддизмъ въ Манджуріи.—Забайкальскіе буряты.—Калмыки.

Въ Манджуріи, къ основнымъ догматамъ буддизма примѣшаны нелѣпые обряды шаманства и языческія повѣрья. Единаго Бога они именуютъ ***небеснымъ императоромъ:*** отвергаютъ поклоненіе идоламъ и богослужебные обряды. Особеннымъ почетомъ пользуется у манджуровъ сорока, за то, что птица эта (какъ гласятъ преданія) спасла жизнь прародителя нынѣ царствующей въ Китаѣ династіи. По крику и полету сороки манджурскіе шаманы предрекаютъ будущее; убійство этой птицы, хотя-бы и нечаянное, непремѣнно навлекаетъ гнѣвъ божій на убійцу, если только онъ не откупится щедрыми подарками шаманамъ. Правовѣрный манджуръ обязанъ вездѣ и повсюду быть съ покрытой головою; въ знакъ уваженія духовнымъ или правительственнымъ лицамъ—опускать руки и преклонять одно колѣно. Предъ военачальниками и князьями манджуръ долженъ дѣлать троекратныя колѣнопреклоненія, послѣ каждаго раза приближаясь на нѣсколько шаговъ; предъ императоромъ становиться на колѣни восемь разъ, а на девятый падать ницъ, плашмя ложась на землю.

Теперь, перейдемъ къ народамъ, подвластнымъ русской державѣ,

великодушная вѣротерпимость которой разрѣшаетъ имъ свободное отправленіе обрядовъ ламаизма.

Забайкальскіе буряты—въ древности идолопоклонники и шаманиты, съ 1750 года приняли ученіе ламаизма, оказавшее огромное вліяніе на смягченіе ихъ нравовъ и умственное развитіе. Отъ прежняго язычества у нихъ сохранились только жертвоприношенія, состоящія преимущественно изъ овецъ и барановъ. Вылущивъ изъ туши зарѣзанной жертвы мясо и хрящи, буряты оставляютъ кожу, кости, голову—и вѣшаютъ ихъ на высокій шестъ, на самомъ мѣстѣ жертвоприношенія. Каждый кусокъ мяса отъ жертвы съѣдается съ глубокимъ убѣжденіемъ въ цѣлебной силѣ этой яствы, какъ пищи, освященной самимъ божествомъ. Бурятъ, поклоняясь литымъ изъ мѣди и выточеннымъ изъ дерева идоламъ (*бурханамъ*), въ то же время ищетъ Бога и видитъ Его во всей окружающей природѣ, особенно въ небесныхъ явленіяхъ. Ясное морозное небо, усыпанное миріадами звѣздъ, украшенное луною, озаряемое сѣверными сіяньями—бурятъ называетъ отверзтой и вѣчно живой книгой, на которой явственно начертано имя божіе; бурятъ слышитъ голосъ божій въ раскатахъ громовыхъ; видитъ гнѣвъ божій въ молніи, бороздящей тучи и ударяющей въ утесъ, въ дерево, либо въ живое существо. Домашняя скотина, убитая громомъ, признается жертвою, самимъ божествомъ избранною. Ее зарываютъ гдѣ нибудь на нагорьи и мѣсто это означаютъ высокимъ курганомъ, на который каждый мимо идущій обязанъ положить какое нибудь приношеніе, хоть лоскутъ, оторванный отъ одежды. Все, что только удивляетъ или поражаетъ бурята—признается имъ божественнымъ. Но что въ особенности достойно удивленія въ бурятахъ, что можетъ быть названо залогомъ ихъ близкаго обращенія отъ сумрака ламаизма къ Свѣту Христову всѣхъ просвѣщающему—это ихъ благоговѣніе къ святому Николаю Чудотворцу „правилу вѣры и образу кротости.“ Изображеніямъ Святителя буряты оказываютъ знаки глубочайшаго благоговѣнія, съ мольбами къ нему прибѣгаютъ въ труднѣйшія минуты своей жалкой жизни и, признавая всю безотрадность своего существованія, отвращаются отъ язычества и присоединяются къ церкви Христовой. Приводимъ примѣръ: одинъ близкій знакомый нашъ,

путешествовавшій по Сибири, съ умиленіемъ разсказывалъ намъ, какъ буряты (чему онъ былъ неоднократно очевидцемъ), пріѣзжая въ русскія селенія, заходятъ въ православныя церкви, просятъ показать имъ икону святаго Николая — затепляютъ предъ нею свѣчи и кладутъ земные поклоны.

Подобно всѣмъ вообще полудикимъ племенамъ, буряты радушны и гостепріимны. Для угощенія путника они не жалѣютъ ни молока, ни чаю, ни лучшаго изъ ихъ стадъ барашка. Послѣднее угощеніе сопровождается всегда особымъ обрядомъ. Голову животнаго, сваренную съ разными приправами, подаютъ гостю поворотивъ ее къ нему мордою. Онъ долженъ, принявъ блюдо изъ рукъ хозяина, вырѣзать изо лба, поданной бараньей головы, трехъугольный клинъ и бросить его въ огонь. Это приношеніе божеству. Стада овецъ и табуны лошадей составляютъ существеннѣйшіе источники благосостоянія и богатства бурятовъ. Стадъ своихъ они никогда не считаютъ поголовно, по существующему съ давнихъ временъ повѣрью, что счетъ всегда вводитъ въ убыль. Поголовно буряты считаютъ овецъ только при уплатѣ *калыма* (выкупа) женихомъ за свою невѣсту.

При брачныхъ союзахъ, родство особенно строго не соблюдается: племянникъ можетъ жениться на дядиной вдовѣ; пасынокъ на мачихѣ. Женъ разрѣшено имѣть до четырехъ; разводы въ случаѣ семейнаго несогласія допускаются; при отпускѣ жены до истеченія года, мужъ получаетъ отъ родныхъ ея половину уплаченнаго имъ за жену *калыма.*

У бурятъ-шаманитовъ, имя новорожденному дается по первому предмету, попавшемуся на глаза отцу или матери. У ламаитовъ имя новорожденному нарекаетъ лама, по совѣщаніи со звѣздами и священными книгами. Лама же, по кончинѣ бурята, опредѣляетъ родъ погребенія, т. е. сжечь ли покойника или зарыть его въ землю. Въ твердомъ убѣжденіи, что загробная жизнь есть продолженіе жизни земной, буряты, зарывая мертвецовъ въ землю, закапываютъ вмѣстѣ съ ними домашнюю утварь, трубки, табакъ, баранье мясо, соль и т. п.

Поминовенія по усопшимъ полагаются въ продолженіе семи недѣль. Надгробныя тризны отличаются, даже у бѣднѣйшихъ бурятъ,

гомерическимъ изобиліемъ и всѣми затѣями убогой, полудикой гастрономіи.

Чтеніе молитвъ и обряды совершаются на языкахъ монгольскомъ и тибетскомъ. Знаніе грамоты — именно для того, чтобы читать священныя книги, почти обязательно; вообще въ забайкальскихъ бурятахъ замѣтно похвальное стремленіе къ грамотности и самообразованію. На вопросъ, заданный буряту: „зачѣмъ онъ хочетъ учиться чтенію и письму?“ онъ всегда отвѣчаетъ: „затѣмъ, чтобы читать наши священныя книги; знать законъ...“ Вотъ два величайшія блага, которыя видитъ полудикій сынъ природы въ знаніи и ученіи. Сличите съ нимъ родимаго здоровеннаго великоруса, щедро одѣленнаго и способностями и разумомъ не обиженнаго, которому и правительство и общество стараются дать всѣ средства къ образованію. Задайте этому послѣднему тотъ же вопросъ: не хочешь ли, молъ, учиться грамотѣ? И дай Богъ, чтобы изъ сотни трое отвѣтили утвердительно: остальные, ломаясь, да почесываясь, скажутъ, съ поддѣльно-идіотической улыбкой: „ужъ когда намъ!.. Мы, значитъ, люди темные, ѣдимъ пряники неписанные“ — или отпустятъ другую какую нибудь пошлость въ этомъ родѣ. Лѣнь родимая, напускная апатія, традиціональная свѣтобоязнь — вотъ онѣ, ахиллесовскія пятки народа, могущаго быть первѣйшимъ въ мірѣ... чего не сможетъ онъ, когда отряхнетъ съ себя эту проклятую, вѣковую лѣнь, когда сотретъ съ своего свѣтлаго разума копоть и ржавчину наслѣдственнаго своего невѣжества!

Изъ народовъ, подвластныхъ Россіи и исповѣдующихъ ламаизмъ, назовемъ еще *калмыковъ*, кочующихъ по Закавказью, въ губерніи Томской, и въ особенности же обширныхъ степяхъ губерніи Астраханской. Они поступили подъ покровительство Россіи въ 1655 году, а черезъ двадцать восемь лѣтъ (въ 1683 г.) присягнули на вѣчное подданство. Живутъ въ кибиткахъ, располагаемыхъ въ степяхъ близъ колодцевъ (*хотоновъ*); нѣсколько хотоновъ образуютъ *улусъ*, управляемый *нойономъ*; помощники его и судьи называются *зайсангами.* Центральное управленіе народомъ калмыцкимъ находится въ Астрахани. Дѣла до него относящіяся подвѣдомственны: губернатору, главному попечителю, совѣту управленія, суду *Зарго* (тяжбы и дѣла уголовныя) и лама-

итскому духовному управленію. Сверхъ того, въ каждомъ улусѣ находятся улусныя управленія, подъ предсѣдательствомъ *нойона*. Богатство калмыковъ: конскіе табуны, стада рогатаго скота, овецъ и верблюдовъ; промыслы ихъ: скотоводство и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, звѣриная и рыбная ловли.

Во избѣжаніе повтореній, мы не будемъ распространяться о богослужебныхъ обрядахъ—они тѣ же, что и у всѣхъ вообще ламаитцовъ. Флаги съ молитвами, молитвенныя машинки у калмыковъ тѣ же, что и у тибетцевъ; кромѣ того, въ большіе праздники у калмыковъ бываетъ пѣніе священныхъ гимновъ съ акомпаниментомъ оглушительнаго рева въ огромныя мѣдныя трубы и бряцанья въ *ятги* (семиструнныя гусли). Говорятъ, что европейское ухо болѣе двухъ минутъ не можетъ выдержать этой акустической пытки.

Въ раздѣленіи народа калмыцкаго на аристократію и простонародье, т. е. людей *бѣлой кости* (цаганъ-ясанъ) и *черной* (хара)—нельзя не найдти сходства съ кастовымъ дѣленіемъ народа въ Индіи. Почему двѣ калмыцкія касты выбрали именно бѣлую или черную кость своими отличительными прозвищами—объ этомъ, донынѣ, нѣтъ достовѣрныхъ свѣденій. Можемъ только увѣрить читателя, что отнюдь не по той небывалой причинѣ, которую, говорятъ, нашелъ въ этихъ названіяхъ какой-то любитель дѣленія рода человѣческаго на касты да на классные чины:

— Да, сказалъ онъ, вотъ какъ сама природа различаетъ знатныхъ людей отъ *подлыхъ*, у калмыковъ-то, напримѣръ (вѣдь дикари, можно сказать), у дворянъ тамъ *кости бѣлыя*, а у мужиковъ— *черныя*!

Законы у калмыковъ, въ прежнія времена, отличались необыкновенной строгостью. Жестокому наказанію подвергались измѣнники, трусы, воры и убійцы; дѣвушкамъ воспрещалось выходить замужъ моложе четырнадцати и старѣе двадцати лѣтъ. Впослѣдствіи времени эти постановленія были отмѣнены или замѣнены другими, болѣе снисходительными. Не смотря на запрещеніе религіею развода и многобрачія—у калмыковъ бѣлой кости терпимо и то и другое. При родинахъ призываютъ ламу, который, стоя у изголовья женщины, читаетъ особыя молитвы; мужъ же, вооружась дубиной, ходитъ вокругъ кибитки и, махая дубиной по воздуху, грозно покрикиваетъ: *гастъ-тетъ-киръ*! (отойди, демонъ!). Это дѣлается для отогнанія злаго духа и облегченія родовъ. Новорожденному вмѣсто имени даютъ въ прозвище первое слово, выговоренное его родными въ минуту рожденія, или названіе встрѣчнаго животнаго или имя человѣка. Мальчикамъ стригутъ волосы, дѣвушкамъ распускаютъ ихъ по плечамъ до совершеннолѣтія, послѣ того заплетаютъ ихъ въ одну косу; замужнія заплетаютъ двѣ косы.

День и часъ смерти показываютъ какого погребенія достоинъ калмыкъ, т. е. зарыть ли его тѣло въ землю или, какъ человѣка, угодившаго божеству—сжечь его. Важные эти вопросы разрѣшаетъ лама послѣ астрологическихъ соображеній. Покойниковъ, предаваемыхъ землѣ, зарываютъ совершенно нагихъ, головою къ западу, подогнувъ одну руку подъ голову, и придавъ всему тѣлу положеніе спящаго. По четыремъ угламъ могилы ставятъ колья съ навѣшенными на нихъ голубыми матерчатыми флагами; на флагахъ черными буквами пишутъ особыя, заупокойныя молитвы. Первый флагъ навѣшивается ламою, остальные родственниками покойнаго. Молитвы объ упокоеніи души читаются ламами въ теченіе сорока девяти дней. Изъ золы труповъ, сожженныхъ (по толкованію калмыцкихъ ламъ), воскреснутъ новыя тѣла, призванныя къ вѣчной блаженной жизни. Золу эту смѣшиваютъ съ ладаномъ и относятъ, если позволяютъ средства, въ Хлассу, или ставятъ въ ближайшемъ храмѣ. Путешествіе ко святымъ мѣстамъ въ Тибетъ, калмыками, какъ и вообще ламаитами, почитается богоугоднѣйшимъ дѣломъ..

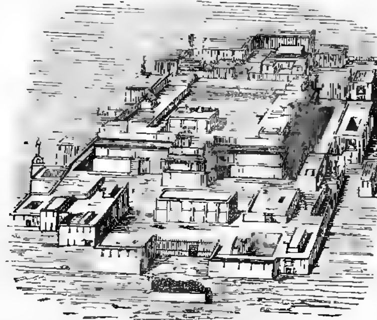
Въ заключеніе скажемъ, что вѣрованіе въ астрологію, со всѣми ея нелѣпыми бреднями, калмыкамъ извинительнѣе нежели другимъ народамъ дикимъ и цивилизованнымъ. Калмыки имѣютъ полное право вѣровать въ благотворное вліяніе звѣздъ на землю и живущихъ на ней. Во время кочевьевъ по степямъ, гдѣ въ теченіе многихъ сутокъ глазъ видитъ безбрежное, сухое море съ бѣлыми и блѣдно-зелеными волнами ковыля да молочаевъ—звѣзды небесныя помогаютъ калмыку находить ту страну, въ которую направить ему свою кибитку и стадо. Постоянно извѣдывая пользу звѣздъ-путеводительницъ, не въ правѣ ли кочевой калмыкъ питать къ нимъ религіозное благоговѣніе, и пылкимъ воображеніемъ допускать странную мысль, будто звѣзды дѣйствительно вліяютъ на судь-

бы людей... Давно ли, да еще и вполнѣ ли отрѣшилась наша цивилизованная, умная Европа отъ химерическихъ мудрствованій ложной науки—астрологіи? Въ комъ же вѣрованіе въ свою звѣзду извинительнѣе: въ дикомъ калмыкѣ—бѣдномъ пасынкѣ природы, или гордомъ *сынѣ судебъ*, который умиралъ на скалѣ святой Елены съ твердымъ убѣжденіемъ, что явившаяся надъ островомъ комета—вѣстница именно *его* смерти...

Какъ жалокъ бываетъ и величайшій геній, когда его ослѣпляетъ — свойственное и бездарнѣйшему ничтожеству — непомѣрное самолюбіе!

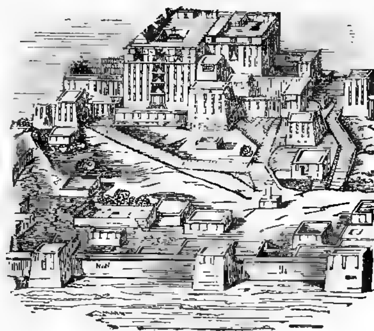
КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Къ стр. 211.



Храмъ Хлассеи-Тціоканъ.

Къ стр. 212.



Красный дворецъ въ Хлассѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

[redacted]

Стр.

Стр.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Стр.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

БУДДИЗМЪ.

11.953.

ИСТОРІЯ
РЕЛИГІЙ
ТАЙНЫХЪ РЕЛИГІОЗНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ
ОБРЯДОВЪ и ОБЫЧАЕВЪ
ДРЕВНЯГО МІРА.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

II ТОМЪ.

КИТАЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Дома Призрѣнія Малолѣтнихъ Бѣдныхъ. Лиговка, д. № 18.
1883.

I

КИТАЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Миѳологія.—Древность міра.—Первый человѣкъ.—Три періода мірозданія.—Первородные люди и властители земли.—Тцанг-кіэ.—Начало гражданскаго благоустройства. — Фу-хи и его происхожденіе.—Законы.—Книга превращеній. — Ученіе Фу-хи.—Шин-нунъ, первый земледѣлецъ.

Сказанія китайской миѳологіи о мірозданіи и первыхъ вѣкахъ бытія напоминаютъ колосальныя вычисленія индійской ѳеогоніи. Подобно послѣдней, возрастъ міра китайскіе лѣтописцы измѣряютъ не тысячелѣтіями, а цѣлыми десятками миліоновъ лѣтъ. Первый годъ перваго китайскаго цикла соотвѣтствуетъ 2637 году до Р. Х. (2871 году отъ сотворенія міра); однакоже до начала правильнаго лѣтосчисленія, по сказаніямъ многихъ историковъ, протекло нѣсколько десятковъ тысячелѣтій. Отъ времени перваго человѣка ***Пан-ку***, прозваннаго также ***Хоэн-туномъ*** (первобытнымъ хаосомъ) до кончины преобразователя религіи ***Кунг-фу-тси*** (¹) насчитываютъ отъ двухъ миліоновъ до девяносто шести миліоновъ лѣтъ.

---

(1) Хотя европейскіе авторы, обыкновенно и величаютъ Кунг-фу-тси

Пан-ку властвовалъ надъ силами природы, располагалъ ими по своему усмотрѣнію, а потому и названъ Ю-ши — *распорядителемъ міра*. Одни преданія гласятъ, что онъ отдѣлилъ небо отъ земли; другія же говорятъ, что онъ только явился на землѣ вскорѣ по отдѣленіи ея отъ водъ и неба. За владычествомъ Пан-ку слѣдовали три великія царствованія: неба (*тіэн-хоангъ*), земли (*ти-хоангъ*) и, наконецъ—человѣка (*джин-хоангъ*). Подъ словомъ: *царствованія* должно подразумѣвать періоды мірозданія — или, одинъ періодъ въ 129,600 лѣтъ (раздѣленный на двѣнадцать *сочетаній*, въ 10,800 лѣтъ каждое) или только три періода (каждый въ 43200 лѣтъ). Въ первый—постепенно образовалось небо, вслѣдствіе движенія даннаго Создателемъ первобытному веществу, до той поры недвижному; во второй—образовалась земля; въ третій—на землѣ явился человѣкъ со всѣми прочими животными и растеніями. Животныя и растенія явились на землѣ вслѣдствіе того же движенія вещества или жизненнаго начала, пробужденнаго Создателемъ.

Во главѣ исторіи Китая ставятъ царствованія трехъ династій великихъ царей—*хоанговъ* (патріарховъ), отличавшихся и наружностью и долголѣтіемъ отъ нынѣшнихъ поколѣній людей. Жили эти хоанги по нѣскольку столѣтій; туловища у нихъ были змѣиныя; у царей второй династіи: на змѣиныхъ туловищахъ были головы драконовыя, лица дѣвичьи, ноги лошадиныя; у царей третьей династіи: на змѣиныхъ туловищахъ головы человѣческія. Эту же наружность сохраняли люди, царствовавшіе затѣмъ, въ теченіе десяти періодовъ или вѣковъ (*ки*). Они жили въ пещерахъ или гнѣздились по деревьямъ; летали на драконахъ или на крылатыхъ оленяхъ. Шесть первыхъ вѣковъ или періодовъ длились 90,000, а по другимъ сказаніямъ—1,100,750 лѣтъ. Въ исходѣ седьмаго періода между родомъ человѣческимъ появились первые начатки

исковерканнымъ и олатинизированнымъ именемъ Конфуція—мы однако же будемъ во все продолженіе нашего повѣствованія о Китаѣ придерживаться того имени, подъ которымъ онъ извѣстенъ на своей родинѣ. Переименовывать китайца на латинскій ладъ, такъ же дико, какъ называть Карла Великаго Шарлеманемъ или Карла V Шарлемъ Квинтомъ.

образованія и люди перестали жить въ пещерахъ. Въ началѣ восьмаго періода (въ теченіе котораго царствовало и смѣнилось тринадцать династій) цари ѣздили въ колесницахъ, запряженныхъ шестерней крылатыхъ единороговъ; люди одѣвались въ травяную одежду; змѣи и дикіе звѣри страшно размножались; воды, разлившіяся по землѣ, еще не вошли въ свои русла и люди жестоко бѣдствовали. Впослѣдствіи они стали одѣваться въ звѣриныя шкуры, чтобы предохраняться отъ холода и лютаго вѣтра и звали ихъ ***людьми, одѣтыми въ звѣриныя кожи.*** Въ первые вѣка бытія міра животныя размножились, но люди были рѣдки и едва могли защищаться отъ звѣрей. Впрочемъ первобытные люди не тяготились ихъ сообществомъ и жили со звѣрями въ добромъ согласіи. По мѣрѣ того какъ люди стали просвѣщаться, они разладили со звѣрями, тѣ возмутились, стали преслѣдовать людей и вредить имъ когтями, зубами, рогами и ядомъ. Чтобы предохранить себя отъ этихъ многочисленныхъ и опасныхъ враговъ, люди принуждены были вооружаться, начали селиться въ деревянныхъ шалашахъ и, съ этого времени, борьба между людьми и звѣрями уже не прекращалась.

Первымъ царемъ въ девятомъ періодѣ былъ ***Тцанг-кіэ.*** Онъ ознакомилъ людей ***съ первыми знаками для выраженій ихъ мыслей.*** Знаки эти состояли изъ узелковъ, навязываемыхъ на ремешкахъ или веревочкахъ. Этотъ же царь составилъ первые законы, установилъ наказанія за проступки, изобрѣлъ музыку. Одаренный мудростью ***Тцан-кіэ*** обладалъ, подобно хоангамъ, наружностью чудовищной: у него было чело драконовое, огромная пасть и четыре блестящіе глаза (¹). При четвертомъ царѣ девятаго періода показались на небѣ и на землѣ благовѣщія знаменія: „явилось пять драконовъ цвѣта необыкновеннаго; съ неба ниспадала сладкая роса; изъ нѣдръ земли брызнули источники нектара; солнце, луна и звѣзды заблистали ярче прежняго и планеты уже

(¹) Иносказанія: чело дракона, т. е. обширный умъ; огромная пасть—алчность къ познаніямъ; четы[illegible]аза—проницательность и многообъятность ума. Точно такой же символическій смыслъ скрывается и въ описаніи наружности людей первыхъ періодовъ.

не уклонялись со своего пути." Седьмому царю приписываютъ изобрѣтеніе колесницъ, мѣдной монеты и вѣсовъ для измѣренія тяжестей; при двѣнадцатомъ — люди начали рубить и обтесывать древесныя вѣтви и сучья, чтобы убивать звѣрей, которыми были наполнены лѣса. Въ царствованіе четырнадцатаго властителя дули сильные вѣтры и порядокъ временъ года совершенно нарушился. Царь повелѣлъ нѣкоему ***Ссе-куэю*** сдѣлать пятиструнную гитару, дабы игрою на ней возстановить гармоническій порядокъ во вселенной. При его наслѣдникѣ теченіе рѣкъ остановилось, была повсемѣстная засуха, слѣдствіемъ чего явились многочисленныя болѣзни, для отвращенія которыхъ царь установилъ пляску *та-ву*. „Мѣра благоразумнѣйшая, для сохраненія здоровья", говоритъ при этомъ китайскій лѣтописецъ, и продолжаетъ: „Въ тѣлѣ человѣческомъ обращается тончайшая, неуловимая влага. Если тѣло безъ движенія, влага не обращаясь застаивается, сгущается и оттого происходятъ всѣ болѣзни." При шестнадцатомъ царѣ—міръ уже на столько былъ заселенъ, что повсемѣстно слышны были пѣніе пѣтуховъ и лай собакъ; люди же, особенно тѣсно не сближаясь другъ съ другомъ, безболѣзненно достигали глубочайшей старости.

Съ воцареніемъ перваго императора ***Фу-хи*** (за 3468 лѣтъ до Р. Х.) мы видимъ въ китайскихъ лѣтописяхъ большую послѣдовательность и ясность, хотя и съ примѣсью сказочнаго элемента. ***Фу-хи*** родился и царствовалъ въ Хо-нанѣ. Ему приписываютъ бо̀льшую часть упомянутыхъ выше изобрѣтеній, и между прочимъ, первыхъ ***письменныхъ знаковъ***, о чемъ мы ниже поговоримъ подробнѣе. Онъ же установилъ должности царедворцевъ, своихъ помощниковъ. Желая внушить наибольшее довѣріе къ своимъ новымъ законамъ, Фу-хи объявилъ подданнымъ, что онъ списалъ ихъ изъ слова въ слово со спины дракона, явившагося ему изъ глубокаго озера,—мысль, свойственная всѣмъ древнимъ, и даже не очень древнимъ законодателямъ у всѣхъ народовъ земнаго шара. Каждый изъ нихъ всего прежде объявлялъ людямъ, что даваемый имъ законъ исходитъ непосредственно отъ божества, а потому и неповиновеніе закону есть грѣхъ передъ божествомъ. Побудивъ такимъ образомъ народъ свой къ слѣпому и безусловному повиновенію законамъ, Фу-хи назвалъ ***драконами*** и своихъ по-

мощниковъ въ управленіи. Перваго назвалъ онъ ***летучимъ*** и поручилъ ему составленіе ученыхъ и духовныхъ книгъ; втораго—***скрывающимся*** и возложилъ на него составленіе календаря; третій -***живущій*** надзиралъ надъ строеніями; четвертый- ***покровитель*** былъ обязанъ пещись объ устраненіи бѣдствій и нуждъ народа и о возможномъ улучшеніи его быта; пятый—***земной***, завѣдывалъ пахатными землями и садами; шестой—***водяной***: лѣсами, растеньями (врачебными и промышленными) и рѣчными путями сообщеній.

Фу-хи изобрѣлъ рыболовныя сѣти и научилъ людей скотоводству, приручая и дѣлая домашними шесть животныхъ: лошадь, вола, курицу, свинью, собаку и овцу. Эти услуги перваго императора своимъ подданнымъ нѣкоторые историки приписываютъ однако же не Фу-хи, а его предшественникамъ. Тѣмъ не менѣе, благоговѣя передъ памятью великаго императора, китайцы единодушно приписываютъ ему божественное происхожденіе и разсказываютъ, что матерью его была дочь божія ***Хоа-ссе*** (желанный цвѣтокъ). Гуляя на берегу рѣки, ей же самой одноименной, она наступила на слѣдъ великаго человѣка и смутилась... Въ ту же минуту ее обволокла явившаяся радуга и Хоа-ссе зачала младенца, котораго носила двѣнадцать лѣтъ и родила его около полуночи въ четвертый день десятой луны. Имя младенцу нарекли ***Суи*** (годъ). Древній китайскій писатель присовокупляетъ при этомъ, что мудрецы или святые (***шингъ***) вообще именовались ***дѣтьми неба***, ибо матери зачинали ихъ отъ вліянія небеснаго.

Одною изъ первыхъ статей закона Фу-хи было установленіе жертвенныхъ обрядовъ духамъ неба и земли; для чего, между прочимъ, онъ изобрѣлъ особый сосудъ, названный ***тангомъ***; установилъ обряды бракосочетанія; повелѣлъ женщинамъ носить отличныя отъ мужскихъ платья (до него оба пола одѣвались одинаково); запретилъ жениться на дѣвицахъ, носящихъ одинаковое имя съ женихами, хотя бы они и не состояли въ кровномъ родствѣ (¹).

Нельзя умолчать объ астрономическихъ открытіяхъ Фу-хи. Онъ

(¹) Правило, донынѣ строго соблюдаемое въ Китаѣ.

раздѣлилъ небо на градусы и изобрѣлъ шестидесятилѣтній ***циклъ***; составилъ первый календарь, въ которомъ распредѣлилъ времена года. Этимъ же благодѣтельнымъ геніемъ Китая изобрѣтены правила музыки и два инструмента ***кинъ*** и ***ссе***. Первый изъ нихъ—двадцати семи струнная лира, выдолбленная изъ дерева, называемаго тонгъ. Нѣкоторые китайскіе историки говорятъ, что струнъ было только ***пять***, по числу планетъ, и когда Фу-хи перебиралъ эти шелковыя струны, онѣ издавали небесные звуки. Другой инструментъ ***ссе***—была гитара о тридцати шести струнахъ...

Не менѣе чудесъ разсказываютъ и о сестрѣ или супругѣ Фу-хи: у нея было тѣло змѣиное, голова воловья; она же обладала свойствомъ быть женою, не переставая быть дѣвственницею. Мы уже говорили, что сказанія о чудовищности въ наружности первобытныхъ людей въ Китаѣ слѣдуетъ понимать не въ буквальномъ, а въ символическомъ смыслѣ. Самого Фу-хи (какъ видитъ читатель на прилагаемомъ рисункѣ, снятомъ съ китайскаго оригинала) изображали какимъ-то рогатымъ чудовищемъ. Что именно выражаютъ эти ***рога***, украшающіе чело перваго законодателя? Силу и мощь ума, способность понимать вещи, подвергая ихъ умственному анализу; способность дѣйствовать и работать головою въ моральномъ смыслѣ съ той же силою, какъ дѣйствуютъ головою, въ смыслѣ физическомъ, рогатыя животныя.

Письменный памятникъ, оставленный Фу-хи потомству, называется ***книгою превращеній*** (И-Кингъ). Толкователями текста этой древнѣйшей книги были философы ***Вен-вангъ*** и ***Чеу-кунгъ***, жившіе за 1200 лѣтъ до Р. Х. Въ этомъ сочиненіи излагается начало и происхожденіе всего видимаго, превращенія существъ царства растительнаго и животнаго, сообразно временамъ года. Такимъ образомъ, И-Кингъ содержитъ въ себѣ начатки китайской космогоніи, физики и психологіи. Началомъ всему Фу-хи признаетъ ***двоицу***, т. е. небо и землю. Первый символъ — небо, въ тоже время означаетъ мужа (***янгъ***), солнце, свѣтъ, тепло, движеніе, силу... словомъ, все что только въ природѣ носитъ на себѣ отпечатокъ главенства, дѣятельности и стремленія къ совершенству. Это начало ***дѣйствительное*** (активное). Второй символъ—начало женственное (***іинъ***), къ которому принадлежатъ, кромѣ земли:

Къ стр. 10.

Фу-хи.

луна, мракъ, холодъ, неподвижность, слабость—и все, что въ природѣ запечатлѣно характеромъ подчиненности, несовершенства. Это начало ***страдательное*** (пассивное). Вотъ нѣсколько текстовъ изъ книги Фу-хи, поясненныхъ выше упомянутыми двумя философами. Эти выписки ближе всего могутъ познакомить съ первой философской доктриной Китая.

„Отъ первоначальнаго неба (***Юэн-кіэнъ***) произошли всѣ существа, получившія отъ него свои силы и корни. Небо есть нить, связующая во едино всѣ существа.

„Но вотъ вещь и того болѣе достойная удивленія! На землѣ, подчиненной небу, тѣлесно возраждаются и опираются на землю всѣ существа и тѣмъ они повинуются законамъ, которые дало имъ небо. Земля объемлетъ и умѣщаетъ на себѣ всѣ существа, и силою своею связываетъ во едино безчисленныя ихъ множества.

„Въ началѣ были небо и земля, а потомъ уже родились десять тысячъ существъ (т. е. всѣ существа).

„Въ началѣ были небо и земля, потомъ 10,000 существъ; послѣ нихъ явились оба пола: мужской и женскій; за появленіемъ половъ слѣдовали мужъ и жена; за ними (послѣдовательно) отецъ и мать; отецъ и сынъ; царь и подданные; начальники и подчиненные, а наконецъ и законы общежитія и правосудія, образовавшіе изъ людей гражданскія общества.

„Всѣ существа родятся вслѣдствіе ***соединенія***; всѣ существа умираютъ вслѣдствіе ***разъединенія*** (разложенія); или, какъ сказано въ книгѣ Фу-хи: ***Піенъ*** или зарожденіе есть переходъ отъ небытія въ состояніе бытія тѣлеснаго; ***Хоа***—превращеніе существа въ ничто. Обоими словами: ***піен-хоа*** можно, такимъ образомъ, выразить всѣ видоизмѣненія и превращенія всѣхъ существъ."

Единицу и всѣ четныя числа Фу-хи признаетъ совершенными, нечетныя—несовершенными. ***Небесныя*** или совершенныя числа: 1, 3, 5, 7, 9; ***земныя*** или несовершенныя: 2, 4, 6, 8, 10. Первыя называютъ, также, мужскими, вторыя—женскими.

Книга превращеній упоминаетъ кромѣ того о двухъ разрядахъ людей: праведныхъ и неправедныхъ. Первые дѣйствуютъ и живутъ сообразно законамъ неба и земли; вторые повинуются только своимъ побужденіямъ и прихотямъ, ставя ихъ выше всякихъ за-

коновъ. Награда праведнымъ всяческія блага *земныя*, наказанія грѣшникамъ—болѣзни, нужды и всякія бѣдствія (¹).

О книгѣ превращеній одинъ древній китайскій ученый сказалъ, что она (по китайски онъ): „отецъ и прародитель китайскихъ письменъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и истиннаго ученія разума и справедливости."

Знаки для письменъ, изобрѣтенные Фу-хи и заимствованные имъ *у неба*, какъ гласятъ преданія, состояли изъ трехъ черточекъ, одной длинной и двухъ короткихъ (— и - -). Восемь основныхъ сочетаній этихъ черточекъ назывались *Куа* и означали: 1) небо, 2) землю, 3) молнію, 4) горы, 5) огонь, 6) облака, 7) воды, 8) вѣтеръ. Каждый изъ основныхъ восьми знаковъ имѣлъ еще восемь видоизмѣненій и, такимъ образомъ, первая китайская азбука, изобрѣтенная Фу-хи, состояла изъ 64 буквъ...

Таковы были начатки китайской грамотности за 3468 лѣтъ до Р. Х.

Преемникомъ великаго Фу-хи былъ императоръ *Шин-нунгъ* (божественный земледѣлецъ). Онъ изобрѣлъ плугъ и научилъ людей обрабатывать землю; посѣялъ пять сортовъ разнаго жита и съ той поры китайцы начали питаться хлѣбомъ, вмѣстѣ съ плодами и кореньями, составлявшими первоначально ихъ пищу. Кромѣ того Шин-нунгъ научилъ своихъ подданныхъ искуству выпаривать соль изъ морской воды; учредилъ первые рынки, вошелъ въ торговыя сношенія съ другими народами; изобрѣлъ врачебное искуство... умѣлъ, какъ говорятъ лѣтописи, различать всякія растенія и опредѣлять ихъ свойства. Сочинялъ пѣсни о плодородіи земли, изобрѣлъ прекрасную лиру и гитару для того, чтобы музыкою смягчать нравы своихъ подданныхъ..." Онъ первый изъ императоровъ измѣрилъ пространство всѣхъ своихъ владѣній, объѣхавъ ихъ на колесницѣ, запряженной шестью драконами. По окончаніи этихъ трудовъ, подъятыхъ на пользу своего народа, Шин-нунгъ принесъ жертву небу въ храмѣ свѣта.

(¹) Другими словами: всякое доброе дѣло находитъ въ самомъ себѣ награду, такъ же точно, какъ всякое злодѣяніе находитъ наказаніе въ себѣ самомъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Хоанг-ти.—Первое употребленіе компаса.—Лѣтосчисленіе.—Часы.—Шелководство.—Сношенія съ Индіей.—Шао-Хао.—Преобразованія въ обрядахъ.—Введеніе многоженства.—Его вліяніе на цивилизацію Китая.—Яо.—Священныя книги.—Несомнѣнная правдивость лѣтописей.—Потопъ.—Новыя письмена.—Шунъ.—Министерства.—Законы.—Обряды.—Ю.—Кадастръ.—Древнѣйшій письменный памятникъ на земномъ шарѣ.

Въ 55 годъ царствованія послѣдняго императора династіи Шин-Нунга, бунтъ одного изъ его родственниковъ произвелъ повсемѣстныя неурядицы, волненія и усобицы между князьями, правителями областей. Успѣхи мятежника принудили императора сойдти съ престола. Тогда нѣкоторые князья, соединясь съ Хіуан-Юаномъ, правителемъ области Го-Нанъ, пошли войною противъ мятежныхъ полчищъ. Хіуан-Юанъ предводительствовалъ своими войсками ѣдучи на изобрѣтенной имъ колесницѣ, *показывавшей югъ и четыре страны свѣта*. Это дало ему возможность преслѣдовать мятежниковъ по пятамъ и разбивать ихъ при каждой встрѣчѣ. Историки, описывая эту чудесную колесницу, говорятъ, что на верхней ея части „была прикрѣплена фигурка духа, постоянно *указывавшаго рукою на югъ*, въ какую сторону ни поворачивала бы колесница..." Рука этой фигурки была ни что иное, какъ *магнитная стрѣлка*. Такимъ образомъ мы видимъ, что употребленіе компаса (первоначально только еще на сухомъ пути) было уже извѣстно въ Китаѣ за 2698 лѣтъ до Р. Х. и честь этого великаго изобрѣтенія принадлежитъ Хіуан-Юану, по усмиреніи мятежей провозглашенному правителемъ страны подъ именемъ *желтаго* императора (Хоанг-ти).

Долговременное царствованіе этого великаго человѣка было славнѣйшей эпохою Китая, а посвященныя ему страницы тамош-

нихъ лѣтописей блестящи, незапятнаны. Хоанг-ти, прежде всего, образовалъ правильный государственный строй, учредилъ должности министровъ, которыхъ назвалъ *тучами* (іунъ), желая этимъ алегорическимъ прозвищемъ внушить имъ, что назначеніе ихъ въ отношеніи къ народу должно быть тоже, что назначеніе дождевой тучи въ отношеніи къ землѣ: долгъ ихъ—разливать довольство и содѣйствовать всѣми силами благосостоянію народному. Онъ же раздѣлилъ народъ на различныя сословія, давъ каждому изъ нихъ особый цвѣтъ одѣянія—избравъ цвѣтъ желтый отличительнымъ знакомъ императора и его фамиліи. Имперію свою Хоанг-ти раздѣлилъ на десять областей (*чеу*), каждую область на десять уѣздовъ (*тсе*), каждый уѣздъ на десять округовъ (*ту*), содержащихъ по десяти городовъ каждый. Единицею линейной мѣры Хоанг-ти принялъ просяное зерно; десять зеренъ составляли дюймъ, десять дюймовъ — ступню или футъ и т. д. Эта десятичная система и дѣленіе народа на касты, очевидно, заимствованы отъ индусовъ.

Китайскіе историки, благоговѣя къ памяти великаго преобразователя ихъ родины, приписываютъ ему бо́льшую часть учрежденій и изобрѣтеній его предшественниковъ... „Зачѣмъ золотить золото?“ скажемъ мы при этомъ словами Шекспира. Хоанг-ти не имѣетъ нужды заимствовать блеска у другихъ царей, имѣя за личныя свои заслуги полное право на память потомства. Онъ, между прочимъ, учредилъ *судъ историковъ*, существующій донынѣ, о которомъ мы поговоримъ впослѣдствіи съ заслуженной подробностью. Кромѣ этого суда Хоанг-ти поручилъ шестерымъ ученымъ наблюденіе за теченіемъ звѣздъ и атмосферическими явленіями. Они изобрѣли глобусъ, исправили календарь и съ точностью опредѣлили предѣлы каждаго изъ четырехъ временъ года. Одному изъ астрономовъ, *Та-нао*, императоръ поручилъ составить шестидесятилѣтній циклъ, отъ котораго и вести лѣтосчисленіе; имъ же составлены первыя учебныя руководства ариѳметики и геометріи. При Хоанг-ти многіе астрономы доказали долговременными наблюденіями, что двѣнадцать измѣненій въ видахъ луны не вполнѣ совпадаютъ съ кажущимся годовымъ движеніемъ солнца [1]. Изобрѣтеніе этого девятнадцатилѣтняго цикла принадлежитъ самому императору.

Въ царствованіе того же Хоанг-ти, одинъ изъ его министровъ устроилъ первые *астрономическіе часы*, состоявшіе изъ двѣнадцати колоколовъ, означавшихъ особымъ боемъ времена года, мѣсяцы, дни и часы. Около этого же времени введены значительныя преобразованія въ законахъ музыки, изобрѣтены новые инструменты; введены въ употребленіе луки и стрѣлы; для плаванія по рѣкамъ—лодки; проложены большія дороги, для чего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ срѣзаны вершины горъ, засыпаны пропасти, наведены мосты и т. д.

Такимъ образомъ при Хоанг-ти Китайская имперія была призвана къ новой жизни, обставленной всѣми благами, которыя только могли дать человѣчеству науки, искуства и мощный геній великаго государя. Заботясь о матеріальныхъ благахъ своихъ подданныхъ, могъ ли Хоанг-ти упустить изъ виду ихъ моральное благосостояніе? Онъ уяснилъ народу отношенія, долженствующія существовать между небомъ и землею, т. е. Создателемъ и человѣкомъ, и построилъ первый храмъ для принесенія жертвъ единому Верховному Существу (*Шанг-ти*). Инаго божества въ эту эпоху у китайцевъ не было. Они не олицетворяли его въ видѣ бездушныхъ истукановъ, не поклонялись свѣтиламъ небеснымъ, имъ созданнымъ, воображая, что поклоняются самому Творцу. Не олицетвореніемъ Бога на землѣ, но посредникомъ между нимъ и людьми былъ самъ императоръ, соединявшій въ лицѣ своемъ власть свѣтскую и духовную, съ предоставленіемъ себѣ исключительнаго права приносить жертвы отъ имени всего народа и молиться о его нуждахъ. Для приданія себѣ нѣкоторой святости въ глазахъ простонародья, Хоанг-ти замѣнилъ прежній титулъ царскій: *ванг* (князь) болѣе громкимъ и внушительнымъ: *ти* (государь), которымъ означаютъ и Бога... Но имя Божіе — *Шанг-ти*, т. е. верховный, *небесный* властитель, а имя императора *ти*—госу-

[1] Это же доказывалъ через 2300 лѣтъ послѣ китайцевъ греческій астрономъ *Метонъ*.

царь ***земной***. На русскомъ языкѣ эту антитезу имени Божія и царскаго ближе всего можно перевести словами: царь небесный и богъ земной.

Закончимъ обзоръ столѣтняго царствованія Хоанг-ти перечнемъ остальныхъ его учрежденій и изобрѣтеній.

При немъ китайцы вошли въ правильныя торговыя сношенія со многими сосѣдними народами и вмѣсто прежней мѣны начали расплачиваться металической монетою, что, безспорно, было важнымъ шагомъ на пути цивилизаціи. Жена Хоанг-ти, ***Луи-тси***, научила китайцевъ искуству шелководства и обработкѣ этого драгоцѣннаго продукта, сдѣлавшагося вскорѣ важнѣйшимъ предметомъ внутренней промышленности и внѣшней торговли. Впослѣдствіи великая эта женщина причислена была къ лику богинь и ей воздвигли алтари, гдѣ поклонялись ей подъ именемъ ***генія шелковичныхъ деревъ и червей***. Самъ Хоанг-ти славился обширными познаніями въ промышленной и врачебной ботаникѣ. Отрывки изъ сочиненной имъ книги о растеніяхъ сохранились въ Китаѣ до сего дня... Кромѣ этого сочиненія, памятниками славнаго царствованія Хоанг-ти остались основанные имъ храмы и многочисленныя народныя училища.

Достойно замѣчанія, что китайскіе лѣтописцы,—помощниками и сотрудниками императора во всѣхъ его благихъ начинаніяхъ признаютъ выходцевъ изъ странъ на западѣ отъ Китая, расположенныхъ близъ горы ***Куэн-лунъ*** (у индійцевъ ***Меру***). Несомнѣнное доказательство, что начатки гражданскаго благоустройства, наукъ и искуствъ заимствованы китайцами у ихъ сосѣдей, ***индусовъ*** перваго и просвѣщеннѣйшаго народа древняго міра.

Преемникомъ Хоанг-ти былъ, царствовавшій восемьдесятъ лѣтъ, ***Шао-хао*** (2597—2517 г. до Р. Х.). При немъ первоначальное чистое религіозное ученіе затемнилось нелѣпыми повѣрьями, полагавшими истинное богопочитаніе въ пышности и многочисленности обрядовъ. Шао-хао, погруженный въ матеріальные интересы подданныхъ, упустилъ изъ виду соблюденіе первобытной вѣры во всей ея чистотѣ. При его восшествіи на престолъ, льстецы распустили слухъ, что появилась птица ***Фунг-хоангъ*** (китайскій фениксъ), неизмѣнная сопутница великихъ государей и предвѣстница всеобщаго благоденствія. Въ память этого событія Шао-хао повелѣлъ вельможамъ носить на груди вышитое изображеніе этой фантастической птицы (¹). Племянникъ и наслѣдникъ императора, ***Чуэн-хіо***, царствовавшій двадцать лѣтъ, очистилъ религію отъ суевѣрныхъ примѣсей, превратившихъ было ее въ грубое идолопоклонство; назначилъ особыхъ чиновниковъ для внушенія своимъ подданнымъ точнѣйшихъ понятій о божествѣ и возстановленія въ ихъ понятіяхъ прежнихъ богослужебныхъ правилъ. Особымъ указомъ Чуэн-хіо подтвердилъ народу, что ***одному только императору принадлежитъ право приносить жертвы Небу***, отнюдь же не его подданнымъ; такъ какъ до слуха его дошло, что почти въ каждомъ семействѣ старшіе осмѣливаются дѣлать жертвоприношенія. Кромѣ того, Чуэн-хіо, сдѣлавъ многія исправленія въ календарѣ, постановилъ: начало года праздновать въ первую весеннюю луну. „При немъ", говорятъ лѣтописцы,— „было видимо сочетаніе пяти планетъ въ созвѣздіи ***нгше***", что, разумѣется, дало поводъ къ многимъ суевѣрнымъ толкамъ.

Внукъ Чуэн-хіо, императоръ ***Ти-ко*** обратилъ пристальное вниманіе на улучшеніе нравовъ: увеличилъ число народныхъ училищъ, установилъ особое сословіе учителей для преподаванія правилъ нравственности и ***музыки*** (такъ какъ ея изученіе издревле было признано въ Китаѣ вѣрнѣйшимъ средствомъ къ смягченію и облагороженію чувствъ въ человѣкѣ), и вмѣстѣ съ тѣмъ — ***ввелъ въ Китаѣ многоженство***, чему самъ первый подалъ примѣръ, имѣя четырехъ женъ.

Съ какой стороны ни взглянуть на этотъ щекотливый вопросъ о многоженствѣ,—т. е. признать ли этотъ обычай узаконеннымъ развратомъ, или видѣть въ немъ гигіеническую потребность, вызванную климатическими условіями страны (²), нельзя, во всякомъ

(¹) Это установленіе соблюдается въ Китаѣ и донынѣ; но изображеніе птицы предоставлено только гражданскимъ чинамъ, военные же высшіе чины нашиваютъ на груди изображенія драконовъ, львовъ, тигровъ и др.

(²) Едва ли климатъ Китая способствуетъ развитію страстей; въ сѣверныхъ областяхъ, напримѣръ, бываютъ довольно суровыя зимы и

случаѣ, не сознаться, что введеніе многоженства въ Китаѣ имѣло громадное вліяніе на образованность и умственное развитіе этой имперіи. Многолюдство было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ многоженства; но только при многолюдствѣ и было возможно достиженіе промышленностью, земледѣліемъ и торговлею той высокой степени совершенства, на которой онѣ находятся съ древнѣйшихъ временъ. Но гдѣ добро, тамъ и зло, и на первыхъ порахъ многоженство повлекло за собою распущенность нравовъ, введеніе при дворѣ гнусной должности евнуховъ, охранителей императорскихъ женъ... Императоръ *Ти-чи* (2366 л. до Р. X.) послѣ десятилѣтняго царствованія, во все продолженіе котораго утопалъ въ постыдной роскоши, будучи игрушкой собственныхъ страстей и прихотей своихъ женъ—былъ свергнутъ съ престола возмутившимися придворными и замѣненъ роднымъ своимъ братомъ—*Яо*.

Воцареніемъ *Яо* (2357—2255 до Р. X.) начинается достовѣрнѣйшая и знаменитѣйшая лѣтопись, составляющая первую книгу изъ ***священныхъ книгъ*** (кингъ). Всѣ событія записаны современниками и очевидцами. Эта лѣтопись—безспорно древнѣйшій и прекраснѣйшій историческій памятникъ—подобнаго которому не отыщется ни у одного народа въ мірѣ (¹); она объемлетъ событія, совершившіяся въ Китаѣ съ 2357 по 720 годъ до Р. X. Китайскія ***книги*** для этой страны тоже, что библія для іудеевъ, Веды—для индусовъ, Коранъ—для послѣдователей ислама... „Это бронзовая форма,“ какъ говоритъ ученый *Потье* (Pauthier)—„налагающая неизгладимый отпечатокъ на умственное развитіе народа...“ Правдивость китайскихъ лѣтописей не можетъ подле-

снѣга, хотя онѣ лежатъ подъ тѣми же градусами широты, какъ Испанія и Португалія въ Европѣ.

(¹) Честь перваго перевода этой драгоцѣнной книги (которой мы, между прочимъ, руководствуемся при нашемъ сочиненіи) принадлежитъ Франціи. Ученый мисіонеръ *О. Гоби* (Gaubil), умершій въ Пекинѣ въ 1759 году, гдѣ прожилъ 36 лѣтъ, совершилъ этотъ подвигъ. Переводъ съ примѣчаніями издалъ *Де-Гинь* (De-Guignes) въ 1770 г. Переводомъ на русскій языкъ можно и должно было бы обогатить нашу отечественную словесность... если бы у насъ были читатели для подобныхъ сочиненій.

жать ни малѣйшему сомнѣнію: ихъ составляли не подкупные члены ***Суда исторіи***, этого безсмертнаго учрежденія безсмертнаго Хоанг-ти; ихъ провѣряли тысячи глазъ, надъ ними трудились цѣлыя поколѣнія ученыхъ (¹).

Первой мыслію *Яо* при его воцареніи было: изслѣдовать законы движенія небесныхъ свѣтилъ, для того, чтобы составить гражданскіе законы по образцу небесныхъ. Онъ вѣрилъ, что есть таинственная связь между землею и небомъ, шаромъ земнымъ и прочими планетами. Съ этой мыслію Яо поручилъ двумъ министрамъ *Хи* и *Хо* прилежно слѣдить за движеніемъ звѣздъ, солнца и луны; наблюдать за измѣненіями небеснаго свода и возвѣщать народу о времени и временахъ года. Четыремъ другимъ астрономамъ было поручено дѣлать наблюденія надъ долготою дня и ночи и положеніемъ звѣздъ въ другихъ областяхъ, расположенныхъ по четыремъ странамъ имперіи. Плодомъ этихъ изысканій были астрономическія открытія, опередившія вѣка, изумляющія первѣйшихъ астрономовъ нашего времени. Вотъ что́ говорятъ лѣтописи:

„Призвавъ къ себѣ *Хи* и *Хо* (сановниковъ имперіи, предсѣдателей судовъ астрономіи и религіи) императоръ сказалъ имъ: „замѣтьте періодъ въ 365 дней: причтя одинъ день къ одной изъ двѣнадцати лунъ и установя опредѣленные періоды для весны, лѣта, осени и зимы, вы будете въ состояніи правильно расположить и составить годичный періодъ. По приведеніи въ точность измѣренія времени, каждому ***будетъ возможно заниматься своими дѣлами сообразно времени года!***“

Этотъ отрывокъ изъ лѣтописей требуетъ поясненія. Подчиняя труды временамъ года, Яо, главнымъ образомъ, имѣлъ въ виду земледѣліе. Зная съ точностью (а не по обманчивымъ примѣтамъ) близкое наступленіе весны, пахарь, огородникъ и садовникъ могли спокойно приступать къ приготовительнымъ работамъ; могли, хотя приблизительно, знать время посѣва, созрѣнія жита, плодовъ и овощей; ихъ уборки до наступленія дождей или холодовъ.

(¹) См. le *P. Amiot:* Mémoires sur les Chinois, T. II, p. 146.

Почти ежегодно Яо объѣзжалъ свои владѣнія, навѣдываясь въ каждой области нѣтъ ли неимущихъ, вдовъ и сиротъ. „Холодно ли народу?“ говаривалъ часто императоръ — „я тому причиною. Голоденъ ли онъ? моя вина. Постигаетъ ли его какое бѣдствіе? опять же я единственная тому причина!“ Однажды, какой-то старикъ закричалъ государю изъ толпы: — „Желаю вамъ (¹), святой государь, обладать большими богатствами, жить еще многія лѣта и имѣть многочисленное потомство!“ Императоръ, повернувъ лице въ ту сторону, откуда раздался голосъ, отвѣчалъ: — „Не принимаю вашихъ пожеланій. При многочисленномъ потомствѣ много безпокойства; при большихъ богатствахъ — большія заботы; а многолѣтняя жизнь приноситъ много раскаянья въ содѣянныхъ ошибкахъ!..“ — „Нѣтъ,“ возразилъ старецъ, — имѣя многихъ дѣтей, можно каждому изъ нихъ удѣлить частицу своей власти и тѣмъ облегчить себѣ бремя заботъ; имѣть большія богатства и дѣлиться ими съ неимущими — это чистѣйшій источникъ наслажденій... Управляя страною съ разумомъ — нельзя сдѣлать ошибокъ!..“

Въ 61 году царствованія *Яо* (2297 л. до Р. Х.) было страшное наводненіе въ Китаѣ, называемое тамошними историками потопомъ. Увеличеніе заботъ и сознаніе своего безсилія побудили императора предложить вельможамъ избрать изъ своей среды достойнѣйшаго ему преемника. Они указали ему единогласно на *Ю-шуна*, хотя и сына простаго земледѣльца, но человѣка добродѣтельнаго, съ прекраснѣйшими способностями. Желая на опытѣ убѣдиться въ высокихъ качествахъ Ю-шуна, приблизивъ его къ себѣ, императоръ выдалъ за него обѣихъ своихъ дочерей. Готовя себѣ достойнаго преемника въ лицѣ Ю-шуна, Яо въ то же время сдѣлалъ и весь свой народъ участникомъ въ правленіи, давъ ему безпрепятственный доступъ къ своему престолу. Для этого онъ приказалъ у дворцовыхъ воротъ вывѣсить доску, на которой всякъ и каждый имѣлъ право записывать не только пред-

(¹) Мѣстоимѣніе *вы* въ древнемъ и нынѣшнемъ Китаѣ употребляется только старшими въ разговорѣ съ младшими или начальниками съ подчиненными. Утонченная вѣжливость издревле составляла отличительную черту этого чуднаго народа.

положенія, клонящіяся къ пользѣ общественной, но и указывать на всѣ ошибки императора и его правительства. Рядомъ съ доскою, висѣлъ бубенъ, въ который написавшій ударялъ палкою, возвѣщая тѣмъ, чтобы доску несли во дворецъ. Здѣсь Яо читалъ написанное, всегда пользуясь добрымъ совѣтомъ, слѣдуя полезному указанію, исправляя, по возможности, ошибки... Чуждый мелочнаго самолюбія и всего выше цѣня правду, Яо не обижался на нее, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда ее высказывали въ рѣзкихъ выраженіяхъ, не щадя ни императора, ни его приближенныхъ.

Исчисляя мудрыя учрежденія Яо и его труды на пользу китайцевъ, нельзя обойдти молчаніемъ преобразованія письменъ и замѣненіе прежнихъ буквъ новыми — *черепашьими* (куэй-шу). Странное это названіе нововведеннаго алфавита лѣтописи объясняютъ слѣдующимъ разсказомъ:

Въ пятый годъ царствованія Яо (2353 л. до Р. Х.) прибывшій съ юга иноземецъ привезъ въ подарокъ императору огромную черепаху, имѣвшую тысячу лѣтъ отъ роду. На ея спинѣ таинственными буквами, похожими на головастиковъ (*ко-теу*), была начертана исторія міра отъ его сотворенія до того времени. Яо приказалъ эту исторію списать, подъ названіемъ черепашьей лѣтописи (*куэй-лiэ*)... Предполагаютъ нѣкоторые ученые, что иноземецъ, привезшій черепаху, былъ египтянинъ или финикіанинъ, и что, такимъ образомъ, іероглифы или финикійскія письмена послужили образцами для новой китайской азбуки. Можетъ быть такъ, а можетъ быть и то, что иноземецъ былъ выходецъ изъ Индіи, гдѣ (если помнитъ читатель) черепаха пользовалась особымъ почетомъ, почиталась святою и играла важную роль во многихъ преданіяхъ (¹). Это благоговеніе къ черепахѣ перешло въ глубокой древности и въ Китай, гдѣ она употреблялась (и доны-

(¹) См. *Индія*: гл. II, стр. 8. Гл. IV, стр. 22. Гл. XI, стр. 94. Гл. XVI, стр. 136, 137.

нѣ употребляется) для гаданія или, какъ тамъ говорятъ, для возвѣщанія людямъ воли божіей [1].

Черезъ три года послѣ женитьбы Шуна на обѣихъ дочеряхъ императора Яо, послѣдній призвалъ его для возведенія на престолъ вмѣсто себя, но Шунъ, отклонивъ отъ себя эту великую честь, ограничился должностью соправителя. Лѣтописи, осыпая его похвалами, въ особенныя заслуги ему вмѣняютъ: 1) преобразованіе календаря и точное опредѣленіе времени весенняго и осенняго равноденствій, начало лѣта и зимы; 2) учрежденіе пяти обрядовъ въ честь неба, земли, свѣтилъ небесныхъ, водъ и невидимыхъ духовъ; 3) усмиреніе мятежа, въ которомъ участвовалъ сынъ императора; 4) введеніе наказаній, соразмѣренныхъ степенямъ преступленій... Эту заслугу, даже и не въ наше гуманное время, вѣрнѣе назвать ошибкою. Введя розги въ школы, кнутъ въ гражданское судопроизводство, Шунъ въ тоже время разрѣшилъ откупаться деньгами отъ тѣлесныхъ наказаній—чѣмъ далъ возможность богатымъ безчинствовать и безобразничать почти безнаказанно.

Онъ раздѣлилъ государство на двѣнадцать частей, названныхъ островами (*чеу*); для отвращенія наводненій прорылъ каналы и разставилъ сторожевыя вышки на горахъ, куда, въ случаѣ опасности, отъ разлива должны были бѣжать застигнутые имъ жители.

Послѣ смерти Яо (на 118 году отъ рожденія) народъ почтилъ его память трехлѣтнимъ трауромъ; срокъ, надобно замѣтить, установленный только для ношенія траура по отцѣ и по матери. Шунъ былъ провозглашенъ наслѣдникомъ въ первый день первой весенней луны 2255 до Р. Х.

Первой обязанностью своею новый императоръ счелъ принести жертву Верховному властителю (***Шанг-ти***) и шести главнымъ духамъ. Затѣмъ, созвавъ правителей (*му*) двѣнадцати областей, онъ далъ имъ краткое, но весьма дѣльное наставленіе о томъ,

---

[1] О гаданіи черепахою будетъ сказано подробнѣе въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

какъ соблюдать имъ свои обязанности. ***Му***, по китайски, значитъ пастухъ. Подобно пастуху, пекущемуся о стадѣ, должны были и правители пещись о жителяхъ ввѣренныхъ имъ областей. „Заготовляйте своевременно запасы для народнаго продовольствія“, сказалъ имъ Шунъ между прочимъ —„будьте ласковы съ чужеземцами, просвѣщайте своихъ; уважайте людей умныхъ и способныхъ, давайте имъ ходъ; довѣряйтесь честнымъ и добрымъ, уклоняйтесь отъ злыхъ и безнравственныхъ.“ —Въ три года разъ императоръ ревизовалъ дѣйствія областныхъ правителей, награждалъ достойныхъ, наказывалъ нерадивыхъ. Кромѣ существовавшихъ до его воцаренія ***Суда небесныхъ дѣлъ***, Шунъ учредилъ слѣдующія девять административныхъ мѣстъ или ***министерствъ***:

1) Совѣтъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ ***Ю***, императорскаго намѣстника или, какъ выражаются лѣтописи —***побудителя*** министровъ.

2) Вѣдомство земледѣлія (***Хеу-тси***).

3) Вѣдомство народнаго образованія (***Ссе-ту***).

4) Вѣдомство правосудія (***Ссе***).

5) Вѣдомство общественныхъ работъ (***Кунг-кунгъ***), водяныхъ и сухопутныхъ построеній.

6) Вѣдомство удѣловъ (***Ю***) и недвижимыхъ государственныхъ имуществъ, т. е. рудниковъ, горъ, лѣсовъ, полей, озеръ, рѣкъ, и т. п.

7) Вѣдомство обрядовъ богослужебныхъ (***Чи-цунгъ***).

8) Вѣдомство музыки (***Тьян-іо***).

9) Вѣдомсто общественной цензуры (***На-янъ***).

Послѣднее учрежденіе соотвѣтствуетъ нынѣшнему полицейскому вѣдомству, существующему во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ Европы. Главнѣйшая обязанность чиновниковъ общественной цензуры —было преслѣдованіе злоязычныхъ и сплетниковъ, „вселяющихъ раздоры въ семействахъ“, какъ выразился императоръ—„и смуты въ государствахъ. Истинно добрый и честный человѣкъ чуждается опаснаго празднословія!“

Изъ прочихъ подвиговъ великаго императора укажемъ на преобразованія, сдѣланныя имъ въ судопроизводствѣ и въ религіи возобновленіемъ въ послѣдней нѣкоторыхъ старинныхъ, забытыхъ

обрядовъ. Такъ, напримѣръ, онъ ввелъ пѣніе и музыку при жертвенныхъ молебствіямъ и возобновилъ жертвоприношеніе на четырехъ священныхъ горахъ, бывшихъ первоначальными алтарями при царяхъ первыхъ вѣковъ бытія. Что же касается до измѣненій, сдѣланныхъ императоромъ въ уложеніяхъ судебныхъ — нельзя не удивляться имъ, такъ какъ, даже въ наше время, они сдѣлали бы честь любому законодателю. Прежнія, жестокія истязанія Шунъ замѣнилъ болѣе человѣколюбивыми исправительными мѣрами, имѣя въ виду, что „общество не должно извергать изъ среды своей членовъ провинившихся, но способныхъ загладить свои проступки раскаяніемъ и искупить ихъ дѣяніями, болѣе *достойными человѣка*“ (¹)! Палки, розги, конфискація имущества и изгнаніе замѣнили существовавшіе до того времени: клейменіе лица, урѣзаніе ушей, носа, кистей рукъ, слѣдовъ ногъ—и позорнѣйшее изъ всѣхъ наказаній—*кастрацію*.

Ю — преемникъ Шуна (умершаго въ 2208 г. до Р. Х.) и родоначальникъ первой династіи, былъ достойнымъ наслѣдникомъ великаго государя. Еще будучи соправителемъ, онъ прославился неусыпными заботами о пользахъ народныхъ—проложеніемъ дорогъ, прорытіемъ каналовъ и кадастромъ всей имперіи, произведеннымъ подъ его личнымъ наблюденіемъ. Пространство каждой области, длина рѣкъ, высота горъ, ширина озеръ были съ точностью измѣрены; почва и ея производительныя силы тщательно изслѣдованы, источники богатствъ и довольства населенія указаны и на основаніи этихъ данныхъ установлены подати и налоги. „Добродѣтель должна быть основою правительства“, говорилъ Ю—„и заботою о доставленіи народу слѣдующихъ *девяти благъ* царь дѣйствительно можетъ быть благодѣтелемъ своихъ подданныхъ: Вотъ эти блага: 1) вода, 2) огонь, 3) металлы, 4) дерево, 5) хлѣбъ, 6) умѣнье употреблять эти вещества на пользу, 7) жить въ согласіи съ ближними, 8) сохранять здоровье, 9) беречь жизнь.

(¹) Слова, достойныя Беккаріи и, несомнѣнно, сдѣлавшіяся пословицею, если бы были произнесены *имъ*, а не какимъ-то китайскимъ императоромъ, жившимъ за 2300 лѣтъ до Р. Х.

Всѣ эти правила, для лучшаго разумѣнія и сохраненія ихъ въ памяти народной, всего лучше, переложивъ на музыку, превратить въ народныя пѣсни.“

Кромѣ этихъ *девяти благъ* народныхъ, Ю указывалъ еще на великое значеніе числа *пять* въ гражданскомъ быту.— „Всякое гражданское общество зиждется и поддерживается соблюденіемъ *пяти* обязанностей или отношеній: 1) отца къ дѣтямъ, 2) царя къ подданнымъ, 3) мужа къ женѣ, 4) старца къ юношѣ, 5) пріятеля къ пріятелю. Число это небесное. Изъ пяти обязанностей вытекаютъ: *пять* главнѣйшихъ должностей, *пять* сословій, *пять* наказаній... (¹)“

Вотъ черта, всего лучше характеризующая величіе души императора Ю. Однажды, объѣзжая свои области, онъ встрѣтилъ этапъ пересыльныхъ преступниковъ. Немедленно сойдя съ колесницы, Ю подошелъ къ нимъ, кротко разспросилъ каждаго о его винѣ и, пользуясь священнѣйшимъ изъ всѣхъ правъ государя—далъ преступникамъ свободу.

„Не они виноваты, сказалъ онъ при этомъ своимъ приближеннымъ, — я виноватъ. При императорахъ *Яо* и *Шунѣ* ихъ подданные долгомъ себѣ поставляли подражать имъ въ добродѣтели. Если въ мое царствованіе такъ много преступниковъ, это вѣроятно потому, что я не похожъ на тѣхъ императоровъ!“

Незадолго до своей кончины, Ю приказалъ начертать на скалѣ священной горы Хен-шангъ слѣдующую *исповѣдь*, въ память своихъ трудовъ вообще, а понесенныхъ послѣ великаго наводненія въ особенности:

„Помощникъ и совѣтникъ мой, облегчающій бремя моей власти! Когда воды затопили острова, великія и малыя равнины, даже вершины горъ, жилища людей, гнѣзда птицъ и звѣриныя логовища — вы внушили мнѣ отвлечь воды (каналами) и преградить имъ дальнѣйшій путь (плотинами).

„Давно позабылъ я о моей семьѣ, исправляя зло, причиненное

(¹) Начало ученія о символическомъ значеніи чиселъ прямымъ путемъ занесено въ Китай изъ Индіи.

наводненіемъ, теперь отдыхаю на вершинѣ горы Йо-лу. Моя предусмотрительность и труды мои тронули духовъ, сердце же мое не вѣдало покоя; покоемъ моимъ были неусыпные труды; горы: *Хоа, Йо, Тан* и *Хенгъ* началомъ и окончаніемъ моихъ предпріятій. По окончаніи трудовъ моихъ я принесъ благодарственную жертву. Скорбь моя прошла; смятенія въ природѣ прекратились, приливъ воды съ юга отхлынулъ къ морю... Явилась возможность людямъ приготовлять себѣ льняныя одѣянія, пищу; спокойствіе воцарилось во всей вселенной и всѣ царства земли возрадовались."

Эта надпись на скалѣ, изглаженная временемъ, но въ точныхъ спискахъ сохраняющаяся въ Китаѣ,—безспорно древнѣйшій письменный памятникъ на земномъ шарѣ, донынѣ, по крайней мѣрѣ, ему нѣтъ ровесника. Вавилонскія клинообразныя письмена современны только *Семирамидѣ* (1950 л. до Р. Х.), египетскіе іероглифы — *Сезострису* (1500 л.) — надпись же китайскаго императора Ю относится къ 2278 л. до Р. Х.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Превратныя понятія европейцевъ о Китаѣ. — Духъ и характеръ народа и первой его религіи. — Права человѣчества. — Династіи царствовавшихъ императоровъ. — Судъ исторіи.

Приведенныя нами сказанія китайскихъ лѣтописцевъ о первыхъ императорахъ этой великой страны достаточно знакомятъ читателей съ той высокой степенью цивилизаціи и гражданскаго благоустройства, на которой стояли китайцы въ глубочайшей древности. До исхода прошедшаго столѣтія (чтобы не сказать до половины нынѣшняго) понятія европейцевъ о Небесной Имперіи были также дики и нелѣпы, какъ понятія дикарей Тихаго океана о насъ, европейцахъ. Многія изъ сказокъ первыхъ путешественниковъ въ Китай такъ и укоренились въ нашихъ понятіяхъ, какъ въ человѣкѣ укореняются предразсудки, привитые къ его разуму съ младенчества. У многихъ изъ насъ, со словомъ „Китай" соединяются мысли объ идіотической тупости, отсталости, недвижности; эта страна, говорятъ иные, — закоснѣла въ предразсудкахъ; она какъ Помпея окаменѣла подъ пепломъ вѣковъ... китайцы всѣ „трусы, идіоты;" у нихъ только и хорошаго что „чан да шелки;" у нихъ (говорятъ) есть „уставъ о десяти тысячахъ церемоній" и т. д. (1). Непозволительно узкій взглядъ на страну, занимающую, послѣ Индіи, *первое* мѣсто въ исторіи цивилизаціи рода человѣческаго; пошлыя издѣвки надъ народомъ просвѣщеннѣйшимъ, напоминающія глумленья мальчишки надъ старикомъ, достойнымъ уваженія за свои минувшія заслуги!.. „Вся Россія въ будущемъ"—сказалъ кто-то, а о Китаѣ можно сказать—„весь Китай въ прошломъ!" Можетъ ли кто поручиться, что чрезъ пять, шесть тысячъ лѣтъ ту же образованнѣйшую Францію, Англію, Германію не затмитъ другая страна своимъ просвѣщеніемъ; что европейцевъ не обгонятъ, на пути прогресса, какія нибудь новыя племена, нынѣ дикія, ничтожныя? Въ наше время уже двѣ страны южной Европы являютъ намъ печальный примѣръ отжившихъ націй: Италія и Греція; гордыя могилами предковъ и развалинами давно минувшаго времени, безъ сомнѣнія, и во вѣки вѣчные не доростутъ онѣ до той высоты могущества, на какую тысячу и двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ вознесли ихъ Цесари, Периклы, Александры Македонскіе...

Вникните въ сказанія лѣтописей о началѣ Китая и его первобытной религіи. Въ нихъ есть неизбѣжная примѣсь чудеснаго и фантастическаго, но оно совершенно отлично отъ поэтическихъ вымысловъ исторіи прочихъ народовъ. Съ воцареніемъ первой династіи мы видимъ въ лѣтописяхъ прозаическую правду, безъ всякихъ поэтическихъ прикрасъ; ничего сверхъ-естественнаго. Особое бо-

(1) Любопытно было бы доискаться какіе пустоголовые краснобаи пустили въ ходъ всѣ эти нелѣпицы? Но удивляться ли превратнымъ понятіямъ европейцевъ о Китаѣ, когда о нашей Россіи-матушкѣ они сочиняютъ такія сказки, что уши вянутъ!

жество не дѣлаетъ откровеній избраннику или какому нибудь вдохновенному мужу; оно не входитъ въ близкія, интимныя сношенія съ людьми. Мудрецы и философы говорятъ народу о существованіи божества или неба; народъ самъ сознаетъ вліяніе неба на землю, преклоняется предъ неизрѣченною мудростью Создателя, Его творческою силою — но въ твари не ищетъ самого Творца и чуждается грубаго идолопоклонства. Императоры приносятъ жертвы въ честь невидимаго Бога, выражая ими свою признательность и благоговѣніе, но отнюдь не вымаливая у Него особенныхъ милостей или чудесъ, на перекоръ законамъ природы, Самимъ же Богомъ начертаннымъ. Суевѣріе — это орудіе деспотизма по востокѣ — было нетерпимо въ Китаѣ въ первые вѣка бытія этой страны. Заботясь о просвѣщеніи подданныхъ, императоры преслѣдовали и искореняли предразсудки, всегда вяжущіе народъ по рукамъ и по ногамъ на его пути къ умственному преуспѣянію. „Китайское государство начало именно тѣмъ, чѣмъ обыкновенно кончаютъ прочія государства—отсутствіемъ суевѣрія и религіознаго фанатизма (¹). Императоры древняго Китая были и первосвященниками; мы не видимъ въ этой странѣ жреческой касты, властвующей надъ царями и народомъ, морочащей ихъ мнимыми чудесами. *Министерство небесныхъ дѣлъ* состояло не изъ жрецовъ, а изъ ученыхъ астрономовъ, которымъ императоры лишней воли надъ народомъ не давали. Членамъ этого учрежденія было вмѣнено въ обязанность наблюдать за движеніемъ планетъ, вычислять эпохи равноденствій и солнцестояній, а впослѣдствіи солнечныхъ и лунныхъ затмѣній. Отъ природы кроткіе и миролюбивые, китайцы и въ первые вѣка своего существованія и впослѣдствіи никогда не гнались за славою завоевателей, полагая прочное благо ихъ страны въ земледѣліи, торговлѣ и промышленности. Это похвальное миролюбіе было впослѣдствіи прочими народами названо трусостью... пусть будетъ такъ, но, по нашему мнѣнію, китайская трусость, вытекающая отъ благоразумія, несравненно похвальнѣе спартанской или римской храбрости; а память изобрѣтателей плуга, рыболовныхъ сѣтей, или перваго ткацкаго станка, конечно достойнѣе благословеній, нежели память какихъ нибудь всемірныхъ завоевателей, устилавшихъ чужими головами и костями свой путь къ славѣ, поливавшихъ кровью сотень тысячъ подобныхъ себѣ свои лавры.

(¹) *Pauthier,* La Chine P. 1850. T. I, p. 11 a.

Не можемъ не указать еще на одну особенность государственнаго строя древней китайской имперіи: между первыми императорами мы не видимъ ни одного деспота и самая власть ихъ не была наслѣдственною. Государи избирали себѣ преемниковъ не только изъ среды окружавшихъ ихъ царедворцевъ, но и прямо изъ простонародья. Сынъ простаго земледѣльца, если только былъ одаренъ способностями, могъ достигать первѣйшихъ должностей въ государствѣ, даже—наслѣдовать престолъ. Это торжество равенства правъ человѣческихъ,—задача, надъ которой просвѣщеннѣйшія націи безуспѣшно ломаютъ себѣ головы,—достигалось въ древности простотою и первобытностью нравовъ. Китайцы 4000 лѣтъ тому назадъ наслаждались тѣмъ, чего добивались и (все-таки не добились) французы 1789 г. по Р. X. Если бы китайцы съ вѣками безостановочно шли впередъ на пути прогресса и цивилизаціи, въ той самой пропорціи, на сколько они обгоняли всѣхъ прочихъ народовъ древности, они, въ наше время, были бы конечно передовымъ народомъ всего свѣта... Но, въ томъ-то и дѣло, что самому развитію и совершенствованію человѣчества „положенъ предѣлъ,“ за которымъ слѣдуетъ или остановка — или еще того хуже движеніе вспять... Таково perpetuum mobile человѣчества!—Приступая къ дальнѣйшему повѣствованію объ исторіи религіи и нравовъ въ Китаѣ, долгомъ считаемъ замѣтить, что теперь уже не будемъ годъ за годомъ слѣдить за лѣтописями. Мы будемъ останавливаться только на обзорѣ тѣхъ царствованій, которыя имѣли рѣшительное вліяніе на религіозныя понятія китайцевъ, преобразовывая догматы или замѣняя одно вѣроисповѣданіе другимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы соблюсти по возможности хронологическую послѣдовательность, предпосылаемъ дальнѣйшему нашему разсказу слѣдующій списокъ царствовавшихъ въ Китаѣ династій отъ глубочайшей древности до нашего времени:

I династія: *Xia* (современная Белу, царю вавилонскому, и Авра-

аму, патріарху народа іудейскаго) съ 2205 по 1766 годъ до Р. Х. (439 лѣтъ, 18 императоровъ).

II Династія: *шанговъ* (современная Сезострису египетскому и Моисею) 1766 — 1122 г. Р. Х. (644 года, 30 императоровъ).

III Династія: *Чеу* (современна троянской войнѣ, царствованію Давида, началу Рима, Александру Македонскому) 1122 — 249 до Р. Х. (874 г., 38 импер.).

IV Династія: *Тсинъ* (249—206) 42 года, 3 императора.

V Династія: *Ханъ* (съ 206 г. до Р. Х. по 1 г. до Р. Х. и съ 1 по 220 г.) 446 л., 30 императоровъ.

Раздѣленіе имперіи на три удѣла.

VI Династія: *Веи* (220—265) 44 года, 5 императоровъ.

VII Династія: *Тсинъ* (265—228) 155 лѣтъ, 15 императоровъ.

VIII Династія: *Сунгъ* (420—479) 59 лѣтъ, 9 императоровъ.

IX Династія: *Тси* (479—502) 23 года, 5 императоровъ.

X Династія: *Ліангъ* (502—557) 55 лѣтъ, 4 императора.

XI Династія: *Чинъ* (557—581) 43 года, 5 императоровъ.

XII Династія: *Суи* (581—618) 37 лѣтъ, 3 императора.

XIII Династія: *Тханги* (618—909) 289 лѣтъ, 20 императоровъ.

XIV Династія: поздніе *Ліанги* (909—923) 14 лѣтъ, 3 императора.

XV Династія: поздніе *Тханги* (923—936) 13 лѣтъ, 4 императора.

XVI Династія: *Тхинъ* (936—944) 8 лѣтъ, 2 императора.

XVII Династія: *Ханъ* (944—947) 3 года, 2 императора.

XVIII Династія: *Чеу* (948—954) 6 лѣтъ, 2 императора.

XIX Династія: *Сунги* (960—1279) 319 лѣтъ, 18 императоровъ.

XX Династія: монгольская или *Июаны* (1279 — 1367) 89 лѣтъ, 8 императоровъ.

XXI Династія: *Минговъ* (1368—1644) 276 лѣтъ, 16 императоровъ.

XXII Династія: *Тай-тсингъ* (1644 по 1869 годъ).

Нынѣ царствующій императоръ ***Ки-Ціангъ*** или ***Цзай-Чунь***—восьмой изъ династіи Тсинговъ.

О царствованіи каждаго императора въ Китаѣ существуютъ лѣтописи, даже дневники, по этому читатель можетъ судить о громадномъ, неисчислимомъ количествѣ китайскихъ историческихъ сочиненій, и да не удивится, если мы повторимъ, что ***ни у одного народа въ мірѣ*** отечественная исторія не обработана въ такомъ совершенствѣ, какъ въ Китаѣ. Членамъ ***Суда исторіи***, со времени его основанія, вмѣнено въ священную обязанность писать правду, безъ лести и лицепріятія. Царствующему императору никогда не извѣстно что о немъ пишутъ исторіографы; біографія его, такъ сказать ***стенографированная***, обнародывается послѣ его смерти: право произнесенія надъ умершимъ императоромъ правдиваго, безапеляціоннаго приговора, на основаніи фактовъ, предоставлено потомству... Оно воздаетъ божескія почести памяти добрыхъ царей, оно же—гробы злыхъ—клеймитъ неизгладимымъ проклятьемъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Чунг-кангъ. — Внезапное затмѣніе солнца и казнь астрономовъ.—Обряды при затмѣніяхъ.—Повѣрья.—Семилѣтняя засуха. — Исповѣдь императора Чинг-танга. — Тай-ву. — Тан-кангъ. — Ву тангъ.—Основаніе Японіи. — Сказанія лѣтописей о сосѣднихъ народахъ.

Изъ восемнадцати императоровъ первой династіи не было ни одного, достоинствами или подвигами сколько нибудь подходящаго къ ея великому родоначальнику— ***Ю***. Сознавая свое ничтожество и бездарность, императоры приняли прежній титулъ князей (***вангъ***), не осмѣливаясь послѣ великихъ предшественниковъ именоваться государями (***ти***), т. е. носить титулъ, которымъ означаютъ и государя небеснаго.

Царствованіе императора **Чунг-канга** было ознаменовано событіемъ, разсказъ о которомъ можетъ ознакомить читателя съ тѣмъ великимъ вліяніемъ, которое имѣли на государство астрономическія вычисленія. Вотъ подлинныя слова лѣтописей:

„Въ это время (2160 — 2155 годъ до Р. Х.) *Хи* и *Хо* (министры небесныхъ дѣлъ), погрязнувъ въ порокахъ, стали пренебрегать своими обязанностями: предались пьянству и совершенно унизили свое высокое званіе. Начали съ того, что ***спутали небесную цѣпь*** (¹). Въ первый день третьей осенней луны (***Ки-тсіэу***) въ созвѣздіи ***Фангъ*** (β, δ, π, ς созвѣздія Скорпіона) произошло непредвидѣнное астрономами сочетаніе солнца, съ луною (затмѣніе). Слѣпецъ какой-то, подойдя къ дворцовымъ воротамъ, ударилъ въ бубенъ; чиновники и народъ въ смятеніи высыпали на улицы. Подобно двумъ трупамъ *Хи* и *Хо*, находясь на своихъ мѣстахъ, ничего не слыхали, ничего не знали. За это ихъ ослѣпленіе и неумѣнье созерцать знаменія небесныя были они наказаны по законамъ, изданнымъ при старинныхъ государяхъ. Въ законахъ же тѣхъ значится: „показавшій наступленіе времени года ранѣе дѣйствительнаго срока — повиненъ смерти; показавшій наступленіе времени года позже дѣйствительнаго срока — равномѣрно повиненъ смерти.“ Чтобы понять строгость этихъ законовъ слѣдуетъ только вспомнить о томъ значеніи, которое придавали въ Китаѣ астрономическимъ вычисленіямъ. Въ наше время, въ Европѣ, ошибка астронома при вычисленіи наступающаго затмѣнія можетъ только раздосадовать людей компетентныхъ и насмѣшить невѣждъ, всегда радующихся промахамъ людей ученыхъ. Но въ древнемъ Китаѣ на это смотрѣли иначе. Тогда существовало (какъ и нынѣ существуетъ) твердое убѣжденіе, что небо не равнодушно взираетъ на землю и на всѣ житейскія дѣла, и выражаетъ свой гнѣвъ или негодованіе на злыя дѣла, особенно же на дурныхъ государей — ***знаменіями***: т. е. метеорами, кометами, солнечными и лунными затмѣніями. „На солнечныя затмѣнія въ Китаѣ, говоритъ ***О. Гоби***, въ своей исторіи китайской астрономіи,—всегда смотрѣли и смотрятъ какъ на дурныя предзнаменованія или предостереженія, даваемыя императору свыше, чтобы онъ разсмотрѣлъ свои ошибки и исправился. По этому въ Китаѣ, солнечное затмѣніе почиталось всегда важнымъ государственнымъ событіемъ; по этому тамъ всегда обращали пристальное вниманіе на астрономическія выкладки, на наблюденія надъ затмѣніями и на обряды, которыми должны встрѣчать эти явленія (¹).

(¹) Т. е. сбились съ толку въ своихъ астрономическихъ вычисленіяхъ.

Въ данномъ случаѣ, астрономы не возвѣстили народу о близкомъ затмѣніи: оно произошло внезапно. При видѣ затмившагося дневнаго свѣтила, мандарины въ безпорядкѣ пошли во дворецъ готовиться къ церемоніи; народъ смутился... Древній законъ предписывалъ мандаринамъ при затмѣніяхъ идти во дворецъ, вооружась луками и стрѣлами, какъ бы для защиты императора, олицетворяющаго солнце для своего государства. При этомъ министръ музыки (должность всегда занимаемая слѣпцомъ, такъ какъ у слѣпаго всегда слухъ тоньше) билъ въ барабанъ: вельможи въ честь Духа приносили шелковыя ткани, а императоръ постился, облекшись въ простую одежду. По милости ошибки астрономовъ, всѣ эти церемоніи совершились какъ попало и вышла вообще сумятица. Это разсердило императора и негодованіе его было тѣмъ сильнѣе, что *Хи* и *Хо* были княжескаго рода, владѣли богатыми помѣстьями и вмѣсто исполненія возложенныхъ на нихъ занятій пренебрегали ими, жили на своихъ земляхъ, въ тайнѣ готовя крамолы противъ императора. Ошибка ихъ по настоящему послужила только предлогомъ къ преданію ихъ казни, заслуженной государственною измѣною.

При послѣднихъ императорахъ первой династіи весь Китай волновался мятежами и междоусобіями. Неистовыя распутства императора **Кіэ** (1766 г. до Р. Х.) переполнили мѣру народнаго

(¹) Pauthier, la Chine P. 1850 T. I. P. 59 b. Напрасно почтенный О. Гоби охуждаетъ китайцевъ за суевѣріе, свойственное рѣшительно всѣмъ народамъ, отъ просвѣщеннѣйшихъ до самыхъ дикихъ. Взгляните на средневѣковыя лѣтописи Европы, прислушайтесь въ наше время къ народнымъ толкамъ, по поводу появленія кометъ или при затмѣніяхъ. Любо дорого послушать!..

терпѣнья. Удѣльные князья и правители областей ополчились на тирана, избравъ своимъ предводителемъ **Чинг-танга**, владѣльца маленькаго княжества **Шангъ**, будущаго родоначальника новой династіи. Свергнувъ тупоумнаго Кіэ, Чинг-тангъ, взойдя на престолъ, созвалъ совѣтъ министровъ и правителей, и спрашивалъ у нихъ: хорошо ли онъ поступилъ, принявъ верховную власть, и не навлечетъ ли онъ этимъ на себя негодованіе потомства? — Однако же министры разсѣяли его сомнѣнія и успокоили щекотливую совѣсть Чинг-танга. О правленіи его историки отзываются съ похвалою. **Кунг-фу-тси** говоритъ въ одной изъ своихъ книгъ, что Чинг-тангъ велѣлъ троекратно надписать надъ своею купальнею: „чтобы усовершенствоваться — обновляйся (очищайся) ежедневно", и украсилъ употребляемую за столомъ посуду нравственными изреченіями, чтобы имѣть ихъ постоянно передъ глазами. Вмѣсто прежняго желтаго, онъ избралъ императорскимъ—бѣлый цвѣтъ; исправилъ календарь и новый годъ приказалъ праздновать въ первый день двѣнадцатаго мѣсяца.

При Чинг-тангѣ, съ 1760 по 1766 г. до Р. Х., была въ Китаѣ семилѣтняя засуха и свирѣпствовалъ страшный голодъ. По совѣщаніи съ предсѣдателемъ Суда исторіи и министромъ небесныхъ дѣлъ, императоръ рѣшился принести небу торжественное покаяніе въ грѣхахъ и молебствіе о прекращеніи бѣдствій.

„Помолюсь, сказалъ Чинг-тангъ, — принесу жертвы, чтобы умилостивить Небо ради моего народа... Буду одновременно жрецомъ и жертвою. Я одинъ всему виною, мнѣ же быть должно и очистительною жертвою!"

Онъ остригъ волосы и ногти, надѣлъ одѣяніе изъ бѣлыхъ перьевъ и щетины, сѣлъ на простую колесницу, запряженную парою бѣлыхъ коней, и поѣхалъ на мѣсто, называемое **Санг-линъ**. Достигнувъ подножія горы, онъ сошелъ съ колесницы и повергся на землю... потомъ, поднявшись,—при сотняхъ тысячъ свидѣтелей, — исповѣдывался и каялся въ **шести** великихъ преступленіяхъ:

1) въ томъ, что не прилагалъ должнаго старанія о просвѣщеніи своихъ подданныхъ;

2) не направлялъ ихъ на путь истинный въ тѣхъ случаяхъ, когда они заблуждались;

3) строилъ слишкомъ пышные дворцы, затрачивая на то громадныя суммы;

4) имѣлъ слишкомъ много женъ, которыхъ слишкомъ много любилъ;

5) былъ слишкомъ прихотливъ и разборчивъ въ пищѣ; — и

6) слушалъ льстивыя рѣчи любимцевъ и царедворцевъ...

Едва окончилъ императоръ свою исповѣдь, какъ небо, недавно ясное, покрылось облаками, обильный дождь оросилъ землю и возвратилъ ей изсякнія плодоносныя силы.

Съ этого времени Чинг-тангъ установилъ четыре ежегодныя молебствія, по числу временъ года, знаменуя начало каждаго изъ нихъ жертвоприношеніемъ.

Послѣ смерти Чинг-танга, первый его министръ **И-Инъ**, замѣтивъ въ наслѣдникѣ престола порочныя наклонности, на три года заточилъ его въ склепъ, гдѣ былъ поставленъ гробъ Чинг-танга. Эта мѣра къ образумленію молодаго князя оказалась дѣйствительною и, взойдя на престолъ подъ именемъ **Таи-кіа**, онъ поддержалъ достоинство императора. При его преемникѣ **Таи-ву** (1637 г. до Р. Х.) многіе иноземные цари, желая войдти въ дружественныя сношенія съ Китаемъ, прислали къ императору пословъ съ дарами. Было тѣхъ пословъ, по сказаніямъ лѣтописей, отъ **семидесяти шести** царствъ. Нѣкоторые переводчики предполагаютъ, что побудительною къ тому причиною было вторженіе въ среднюю и западную Азію египтянъ, подъ предводительствомъ фараона **Сезостриса**. При слѣдующихъ затѣмъ императорахъ Китай представляетъ ту же самую плачевную картину неурядицъ, междоусобій, иноплеменныхъ нашествій, какую представляла Россія XI и XII вѣка съ ея удѣльными князьями, набѣгами половцевъ, моровыми язвами и т. п. Лучшимъ изъ всѣхъ государей этой жалкой эпохи былъ **Пан-кенгъ** (1401). Онъ хотя и не въ силахъ былъ отстранить бѣдствія своего царства, но, по крайней мѣрѣ, поступалъ честно и правдиво. Собравъ совѣтъ градоправителей и министровъ, онъ объяснилъ имъ ту си-

стему, которой намѣренъ былъ придерживаться впродолженіе своего царствованія.

„Корыстолюбцевъ, сказалъ онъ, — мнѣ не надобно. Любимцами моими будутъ безкорыстные защитники жизни и имущества моихъ подданныхъ... Не заботьтесь о накопленіи богатствъ; прилагайте все стараніе къ снисканію любви народной, даруя ему вожделѣнный миръ и тишину!“

Бѣдствія народныя однакоже не прекращались; междоусобія не утихали. Императоръ ***Ву-тингъ*** (1324 г. до Р. Х.) избралъ себѣ въ помощники простаго ремесленника ***Фу-юэ***, котораго, до этого призванія, видѣлъ во снѣ. Когда человѣкъ, указанный импараторомъ, по объясненнымъ имъ примѣтамъ, былъ отыскапъ и приведенъ во дворецъ, Ву-тингъ сказалъ ему:

„Небо избрало тебя, чтобы помогать мнѣ мудрыми своими наставленіями. Я смотрю на тебя, какъ на своего учителя, а ты смотри на меня, какъ на дурно шлифованное зеркало, которое ты долженъ дополнировать, или какъ на идущаго шаткой поступью надъ обрывомъ человѣка, котораго ты долженъ руководить, или— какъ на безплодную почву, которую ты долженъ воздѣлать. Не льсти мнѣ, будь безпощаденъ къ моимъ недостаткамъ, для того, чтобы ты и министры мои, своими совѣтами, дали мнѣ возможность добродѣтелями и благостью уподобиться дѣду моему Чинг-тангу... ***Миръ и внутренніе мятежи зависятъ отъ министровъ.*** Давать мѣста и должности слѣдуетъ не честолюбивымъ людямъ, но людямъ способнымъ. Кто не благотворитъ людямъ, того презираютъ; ***кто не краснѣетъ при невольной ошибкѣ, тотъ дѣлаетъ новую...***“

Изъ наставленій министра императору мы выпишемъ изъ лѣтописей только одно, достойное великаго мыслителя: „Небо взираетъ на дѣянія людей, желая, чтобы дѣянія ихъ согласовались съ истиною. Однимъ Небо даруетъ долгіе дни, другимъ—жизнь кратковременную; но не Небо губитъ людей, а они сами себя губятъ, уклоняясь отъ Его велѣній. Людямъ, непослушнымъ голосу добродѣтели, не сознающимся въ своихъ ошибкахъ Небо знаменіями возвѣщаетъ волю свою, съ тѣмъ, чтобы они исправлялись. Таково мое мнѣніе.“

Стараніями добраго императора и его министра тишина на время водворилась въ Китаѣ, мятежи были усмирены и возобновились прерванныя съ иноземными государями сношенія.

Въ 28 годъ царствованія ***Цу-кіи*** (1230 г. до Р. Х.) умеръ, ко всеобщему сожалѣнію китайцевъ, удѣльный князь области Чеу, оставивъ трехъ сыновей, изъ которыхъ младшаго назначилъ своимъ преемникомъ. Повинуясь волѣ отца, оба старшіе брата удалились на южныя прибережья рѣки Кіангъ, гдѣ жившіе тамъ дикари приняли ихъ радушно и признали князьями (¹). Желая сообразоваться съ обычаями страны, князья остригли волосы и сдѣлали мѣтки на тѣлѣ. Такъ была основана ***имперія Японская, даири*** или властители которой ведутъ свой родъ отъ китайскихъ князей-переселенцевъ.

Объ обычаяхъ же народовъ, сосѣднихъ Китаю, въ древнемъ ***Обрядникѣ*** (Ли-ки—книга церемоній) сказано: восточные варвары не стригли волосъ, тѣло расписывали узорами, пищи себѣ не варили; южные — ***вырѣзывали*** себѣ знаки на лбу и также употребляли сырую пищу; западные варвары одѣвались въ звѣриныя шкуры, волосъ не стригли, хлѣба не сѣяли; сѣверные носили одежду изъ перьевъ, жили въ пещерахъ и также не занимались хлѣбопашествомъ. Всѣ они говорили разными языками.

(¹) Сличите это повѣствованіе съ нашими лѣтописями объ основаніи Кіева,—какое разительное сходство. Два иноземца приняты цѣлымъ народомъ и провозглашены властителями.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ву-и.—Его попытка ввести идолослуженіе.—Шеу-синъ.—Его злодѣйства. — Пи-канъ и его казнь. — Удѣльный князь Вен-вангъ.—Оленья башня.—Фа, во главѣ возстанія.—Его рѣчи и воззванія. — Битва на равнинѣ Му-йэ. — Гибель Шеу-сина и пресѣченіе второй династіи.—Удѣлы.

Ву-и (1198 г. до Р. Х.), одинъ изъ послѣднихъ императоровъ второй династіи, прославился тупоуміемъ и безбожіемъ. Онъ велѣлъ выточить изъ дерева кумировъ, которыхъ назвалъ ***духами небесными.*** Для ухода за ними онъ назначилъ особыхъ прислужниковъ, приказавъ имъ носить идоловъ въ церемоніяхъ и куда онъ ни прикажетъ. Съ этими деревянными богами онъ нерѣдко бился объ закладъ о своей удачѣ на охотѣ, либо о перемѣнахъ погоды. Въ случаѣ проигрыша заклада идоломъ, Ву-и наказывалъ тѣлесно или казнилъ его прислужника. Однажды, приказавъ наполнить кровью казненнаго кожаный мѣшокъ, Ву-и велѣлъ повѣсить послѣдній на высокій шестъ и сталъ пускать въ него стрѣлы,—и издѣвался надъ небесными духами... Чудовище это было убито громомъ на охотѣ.

Негодованіе, съ которымъ говорятъ лѣтописи о пошлой выдумкѣ Ву-и, служитъ самымъ яснымъ доказательствомъ омерзѣнія китайцевъ къ идолопоклонству. Они не могли простить тупоумному Ву-и его намѣренія олицетворить духовъ небесныхъ рукотворенными идолами. И если дѣйствительно императоръ былъ убитъ громомъ (не видимъ причины сомнѣваться въ этомъ), случай этотъ, конечно, былъ объясненъ карою разгнѣванныхъ небесъ и утвердилъ въ сердцахъ маловѣрныхъ прежнюю вѣру въ небесный Промыселъ. Между тѣмъ младшій братъ японскихъ властителей ***Вен-вангъ***, удѣльный князь въ своей области, снискивалъ себѣ всеобщее удивленіе заботами о благѣ своихъ подданныхъ и побѣдами надъ татарами, часто вторгавшимися въ его область.

Въ 1154 г. до Р. Х. на престолъ императорскій взошелъ послѣдній изъ Чанговъ по имени ***Шеу-синъ*** — прототипъ римскихъ Нероновъ и Геліогабаловъ, французскихъ Хильпериковъ, Догоберовъ и... и извергомъ прочихъ странъ, унижавшихъ и верховную власть и достоинство человѣка. Одинъ изъ бунтовавшихъ противъ него вельможъ, желая заслужить прощеніе и милости, сблизилъ съ императоромъ дочь свою ***Та-ки,*** первѣйшую красавицу и злодѣйку въ имперіи. Шеу-синъ привязался къ ней со всей яростью тигра въ образѣ человѣческомъ (звѣрство и сладострастіе родные братья). Всѣ придворные, имѣвшіе несчастіе чѣмъ нибудь навлечь на себя неудовольствіе Та-ки, были изгнаны или казнены. Пользуясь своимъ неограниченнымъ вліяніемъ на тирана, Та-ки постоянно твердила ему, что жестокость прочнѣйшее основаніе власти и, желая содѣйствовать чудовищу въ его звѣрствахъ, она изобрѣла новое орудіе казни, состоявшее изъ мѣднаго цилиндра, который, раскаливъ до красна, бросали въ объятья осужденнаго... Милая выдумка, особенно для женщины!

Одинъ изъ мандариновъ, по примѣру отца Та-ки, представилъ императору свою дочь тоже красавицу но добрую и честную. Взбѣшенный ея упорствомъ, императоръ собственноручно ее зарѣзалъ, приказалъ изрѣзать на куски и угостилъ ими отца страдалицы, выдавъ ихъ за лакомое кушанье. Министръ ***Пи-канъ*** съ негодованіемъ замѣтилъ императору всю гнусность этой адской выдумки и за это тотчасъ же былъ преданъ смерти. Это былъ первый ***мученикъ за правду*** въ Китаѣ и память о немъ, какъ о святомъ, сохранилась въ Небесной Имперіи по сіе время. Разсказываютъ, что по примѣру всѣхъ тирановъ древнихъ, среднихъ и даже не очень отдаленныхъ вѣковъ, Шеу-синъ умѣлъ съ дьявольской жестокостью соединять и адскую иронію. Выслушавъ мужественную и правдивую рѣчь Пи-кана, онъ сказалъ ему:

„Рѣчь во истину разумная и вполнѣ достойная той похвальной молвы о твоей мудрости, которая ходитъ въ народѣ... Но, видишь ли: говорятъ также, будто въ сердцѣ мудреца есть семь скважинъ. На чемъ основано это повѣрье —не вѣдаю, а потому и хочется мнѣ убѣдиться собственными глазами!“ —Обратясь къ па-

лачамъ, злодѣй прибавилъ: „—распорите ему грудь и животъ, а я посмотрю!"

Удѣльный князь Вен-вангъ (побѣдитель татаръ) не побоялся предстать предъ изверга для его усовѣщенія. Князя императоръ заточилъ въ темницу, а одного изъ сыновей его казнилъ. Вен-ванга выкупилъ одинъ изъ его друзей и тогда повсемѣстно начали образовываться заговоры, набираться ополченія къ низложенію Шеу-сина. Великодушный Вен-вангъ предостерегалъ его отъ угрожающей опасности, называя ее наказаніемъ свыше.

„А развѣ власть моя не отъ Неба?" возразилъ испуганный злодѣй.

„Можно ли говорить о Небѣ послѣ столькихъ злодѣйствъ! отвѣчалъ Вен-вангъ. — Нѣтъ! приходитъ конецъ вашей династіи и распаденія царства..."

И, не смотря ни на что, Шеу-синъ продолжалъ злодѣйствовать по прежнему. У него былъ тотъ *кровавый запой*, которымъ хворали Тиверій, Неронъ... и *слишкомъ многіе другіе*. По мнѣнію нынѣшней высоко-гуманной и нравственной юриспруденціи эти изверги были больные, *мономаны*, въ родѣ современныхъ намъ мужей, забивающихъ колья въ горло своихъ женъ; матерей, кидающихъ дѣтей въ топящуюся печку; разорившихся кабачниковъ, среди бѣла-дня зарѣзывающихъ дѣтей на площадяхъ, или бабъ, мозжащихъ утюгомъ да полѣньями головы спящимъ... Это все, разумѣется, мономанія!.. Но въ древнемъ Китаѣ къ несчастію (не взирая на его цивилизацію), на этотъ недугъ смотрѣли иначе, и лѣтописи, проклиная память Шеу-сина, разсказываютъ еще, какъ этотъ мономанъ велѣлъ распороть животъ беременной женщинѣ, желая узнать: мальчикомъ или дѣвочкой она беременна? — Какъ въ одно холодное утро, видя людей, переходившихъ черезъ рѣку въ бродъ, Шеу-синъ, удивляясь ихъ терпѣнію, велѣлъ перерубить имъ ноги, любопытствуя взглянуть: не застылъ ли у нихъ мозгъ въ костяхъ? Въ наше время адвокатъ злодѣя могъ бы, долго не думая, оправдывать эти анатомическіе опыты надъ живыми людьми—благородной любознательностью, но китайскій народъ, три тысячи лѣтъ тому назадъ, думалъ иначе и всеобщій ропотъ предвѣщалъ близкую бурю и пе-

реворотъ въ царствѣ. Дядя императора, отважившійся его усовѣщивать, едва не поплатился за это головою и спасся отъ казни единственно тѣмъ, что прикинулся сумасшедшимъ. Придворные исторіографы бѣжали къ князю Ву-вангу, за ними эмигрировали цѣлыя семьи вельможъ. Кромѣ разсказанныхъ нами звѣрствъ, Шеу-сина обвинялъ всеобщій голосъ: въ распутствѣ, въ пьянствѣ, въ пренебреженіи къ религіи (онъ позволялъ расхищать изъ храмовъ животныхъ, предназначенныхъ на жертвоприношенія духамъ небеснымъ), въ расхищеніи казны... Такъ, въ угоду своей Та-ки, императоръ въ теченіе десяти лѣтъ построилъ мраморный дворецъ *Лу-таи* (Оленью башню) (¹), украшенный всякими рѣдкостями и наполненный сокровищами. Сюда, по повелѣнію Та-ки, собирались обоего пола молодые люди и предавались всѣмъ неистовствамъ разнузданнаго разврата, распаляемаго виномъ, безстыдными пѣснями и плясками.

Между тѣмъ въ удѣльномъ княжествѣ Чеу, Вен-вангу наслѣдовалъ сынъ его *Фа*, озаботившійся прежде всего набрать ополченіе, чтобы идти противъ злодѣя Шеу-сина. Рѣчи Фа, обращенныя имъ къ прочимъ князьямъ, своимъ союзникамъ, и къ своимъ войскамъ, заслуживаютъ вниманія читателей:

„Вы, князья, правители сосѣднихъ областей, вы, храбрые военачальники, выслушайте меня внимательно.

„Небо и земля — отецъ и мать всему, что есть на свѣтѣ. Изъ всѣхъ созданій единое разумное — есть человѣкъ: царь же, правотою и способностями, долженъ быть превыше простаго человѣка и тогда только онъ можетъ быть отцемъ и матерью своего народа.

„Нынѣ царь династіи Чанговъ, Неба не уважаетъ; тѣснитъ и мучитъ свой народъ. Предается пьянству и распутству, совершаетъ злодѣянія неслыханныя. Наказывая, подвергаетъ казни цѣлыя семейства; давая должности, дѣлаетъ ихъ наслѣдственными, расточаетъ казну на постройки увеселительныхъ дворцовъ, башенъ;

(¹) Не въ подражаніе ли китайскому развратнику, черезъ три тысячи лѣтъ, французскій король Лудовикъ XV, этотъ коронованный Пріапъ, устроилъ свой Parc-aux-cerfs (Оленій паркъ)?

разоряетъ семьи, добрыхъ людей жаритъ на вертелахъ, распарываютъ утробы беременнымъ женщинамъ... Разгнѣванное Небо предало власть отцу моему, но онъ не успѣлъ довершить велѣній небесныхъ. Вотъ почему я, Фа, при всемъ смиреніи моемъ и вы, правители областей, обсудимъ правленіе Чанга. Исправится онъ и не думаетъ, не воздаетъ почестей ни Царю Небесному (Шанг-Ти), ни духамъ; не совершаетъ обрядовъ въ палатѣ прародителей; дозволяетъ ворамъ расхищать жертвенныхъ животныхъ и т. д. Потому и говорю я: облеченный Небомъ заботиться о народахъ, не долженъ ли я пособить этому злу?

„Небо для блага народовъ даетъ имъ князей и правителей; тѣ и другіе помощники и сотрудники Царя Небеснаго (Шанг-Ти) въ великомъ дѣлѣ любви и умиротворенія вселенной. Первый долгъ царей награждать добрыхъ и наказывать злыхъ. Дерзну ли я дѣйствовать вопреки небесному предназначенію?

„*При равныхъ силахъ дѣло рѣшаетъ перевѣсъ доблести; при равной доблести—перевѣсъ правды и прямоты сердечной! У Чанга подданныхъ тьма, но у каждаго изъ нихъ свое чувство, а у меня только три тысячи, но за то всѣ они думаютъ какъ одинъ человѣкъ!* (¹).

„Злодѣйства Чанга достигли крайняго предѣла и пора его наказать. Если я ослушаюсь велѣній Неба, я буду сообщникомъ Чанга. Ежедневно съ трепетомъ провѣряю себя самого: праведны ли дѣла мои? Я по праву наслѣдовалъ славному отцу моему: чествую Царя Небеснаго обрядомъ *Луи;* чествую Землю обрядомъ *И;* наконецъ, теперь становлюсь въ главѣ вашей, чтобы исполнить волю небесную. Небо особенно любитъ народы; желаніе народное немедленно исполняется! Помогите же мнѣ на вѣки упрочить спокойствіе странъ, лежащихъ между четырьмя морями; - если представился случай, упускать его не слѣдуетъ!“

Собравъ войска и ставъ съ ними укрѣпленнымъ лагеремъ, *Фа*

(¹) Слова, которымъ можетъ позавидовать любой изъ героевъ *Иліады.* Они достойны нашего Святослава или *Невскаго.*

въ другой рѣчи, описавъ злодѣйства Шеу-сина, просилъ ихъ о храбрости и единодушіи. Наканунѣ сраженія онъ говорилъ войскамъ третью рѣчь—еще убѣдительнѣйшую - и между прочимъ:

„Если я одержу побѣду надъ Чангомъ, я буду обязанъ не моей храбрости, но добродѣтели покойнаго моего отца; если же я буду побѣжденъ—моя вина, а не отца покойнаго!“

Взявъ въ лѣвую руку золотой топоръ, осыпанный драгоцѣнными каменьями, а въ правую бѣлое *вѣстовое* знамя, Фа воскликнулъ:

„Издалека пришли вы, воины западные! И вы, князья сосѣднихъ областей, и вы, будущіе попечители о пользахъ народныхъ, и вы, военачальники... Послушайте меня!.. Подымите ваши копья, приготовьте щиты и послушайте приказаній моихъ: у старыхъ людей была пословица: *не пѣть курицѣ пѣтухомъ, а если запоетъ, то на пагубу всему дому!* (¹). Чангъ слушается женщины, ея только совѣтамъ и слѣдуетъ, презирая жертвы Небу, раздражая народъ, попирая права народныя, а потому и неудача ему во всемъ.

„Нынѣ же я, Фа, исполню велѣнія Неба. Въ предстоящемъ бою вы, воины мои, сдѣлавъ шесть шаговъ, остановитесь, отдохните, а тамъ снова стройтесь съ удвоенными силами. Послѣ четырехъ, пяти, шести, семи атакъ остановитесь и соберитесь съ силами! Будьте тиграми противъ тигровъ, медвѣдями противъ медвѣдей... Щадите сдающихся и безоружныхъ. Мужайтесь и удвоивайте ваши силы!“

Принеся жертву Небу, Фа повелъ свои войска на бой противъ Шеу-сина. Сраженіе произошло на равнинѣ Муйэ и было кровопролитнѣйшее; по землѣ лились потоки крови, въ которыхъ плавали бывшія въ багажѣ деревянныя ступки для рису и проса. Шеу-синъ, предводительствовавшій своими войсками, дрался отчаянно, однакоже принужденъ былъ отступить передъ непріятелемъ. Вбѣжавъ въ городъ, тиранъ облекся въ свои царскія одеж-

(¹) Пословица и примѣта, существующая и у насъ въ Россіи, а можетъ быть и въ чужихъ краяхъ.

ды и, собравъ въ Оленьей башнѣ всѣ свои сокровища, собственноручно поджегъ дворецъ и погибъ въ пламени... Примѣръ, впослѣдствіи нашедшій себѣ подражателя въ царѣ ассирійскомъ Сарданапалѣ. Взятая въ плѣнъ Та-ки была обезглавлена по повелѣнію Фа, который подъ именемъ Ву-ванга взошелъ на императорскій престолъ и былъ родоначальникомъ новой династіи *Чеу* (1122 до Р. Х.), при которой введена въ Китаѣ гибельная удѣльная система. Изъ 22-хъ удѣльныхъ княжествъ, бывшихъ при Ву-вангѣ, образовалось въ послѣдствіи сто пятьдесятъ шесть и каждое изъ нихъ было разсадникомъ распрей и междоусобій другъ противъ друга и возмущеній противъ императора. Черезъ двѣ тысячи лѣтъ ту же печальную картину представляла Россія, а впослѣдствіи и феодальная Европа.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Ву-вангъ.—Семь исторіографовъ.—Ученіе Ки-тси.—Возведеніе гаданія въ религіозный догматъ.—Чинг вангъ.—Древній церемоніалъ восшествія на престолъ.—Канг-вангъ.—Му-вангъ и его путешествіе на Западъ.—Народное возстаніе и сверженіе Ли-ванга.

Объявивъ своимъ подданнымъ, что правленіе его будетъ основано на тѣхъ же законахъ, какіе были при его предшественникахъ, Ву-вангъ всего прежде освободилъ изъ темницъ безчисленныхъ узниковъ, безвинно заточенныхъ Шеу-синомъ; приблизилъ къ себѣ дядю тирана, пострадавшаго за свое правдолюбіе; установилъ обряды въ память убитыхъ въ сраженіи и мученика Пикана. Кромѣ того, Ву-вангъ повелѣлъ считать первымъ мѣсяцемъ года первую луну зимняго солнцестоянія, а первымъ часомъ гражданскаго дня—полночь; прежній бѣлый цвѣтъ (знакъ императорскаго достоинства) замѣнилъ краснымъ. Число придворныхъ исто-

ріографовъ увеличено до *семи*. Первый или *великій* исторіографъ (*Таи-ссе*) обязанъ былъ собирать и записывать всѣ событія, относящіяся до правительства; второй, *малый* (Шао-ссе) — событія, касающіяся удѣловъ. Третій — наблюдатель метеоровъ (*Фунг-сіангъ*) долженъ былъ писать хронику событій метеорологическихъ; четвертый—*Пао-чангъ*—хронику естественныхъ явленій и народныхъ бѣдствій. Всѣ указы, правительственныя распоряженія, манифесты, законы — долженъ былъ собирать пятый исторіографъ (*Неи-ссе*) внутреннихъ дѣлъ, на попеченіе шестаго (*Аи-ссе*), иностранныхъ дѣлъ, предоставлены документы, касающіеся до сношеній съ иностранными державами, переводъ книгъ и т. д.; наконецъ седьмой—придворный (*Ю-ссе*) велъ частныя записки и журналъ жизни императора и его дома. Слава о мудромъ правленіи Ву-ванга распространилась далеко за предѣлы его имперіи и многіе иноземные цари возобновили съ нимъ сношенія, прерванныя въ предыдущія царствованія. Ву-вангъ умеръ въ 1146 г. до Р. Х. объявивъ своимъ наслѣдникомъ сына своего *Чинг-ванга*; но прежде нежели мы сдѣлаемъ обзоръ его царствованія, мы ознакомимъ читателей съ помощникомъ и совѣтникомъ Ву-ванга, по имени *Ки-тси*, тѣмъ самымъ дядей Шеу-сина, который, чтобы спастись отъ казни, долженъ былъ притворяться сумасшедшимъ. Когда Ву-вангъ спросилъ его однажды, какъ ему лучше управлять народомъ, Ки-тси отвѣчалъ:

„Мнѣ говорили, будто древле, когда императоръ *Куэнъ* помѣшалъ отливу водъ великаго наводненія, въ пяти стихіяхъ (*чингъ*—дѣятеляхъ) произошли безпорядки. Разгнѣванный *Ти* (Создатель) далъ не ему *девять правилъ ученія*, а сыну его *Ю*, который и руководствовался ими во все продолженіе мудраго своего царствованія.

„Первое правило касается *пяти* стихій (дѣятелей), второе - *пяти* занятій, третье — примѣненія къ дѣлу восьми правительственныхъ правилъ, четвертое состоитъ въ согласіи пяти правильно смѣняющихся явленій, пятое—незыблемое средоточіе царской власти, шестое—соблюденіе трехъ добродѣтелей, седьмое—искуство дѣлать правильныя умозаключенія въ сомнительныхъ случаяхъ,

восьмое—внимательное изученіе примѣтъ, девятое—стремленіе къ достиженію пяти блаженствъ и боязнь шести бѣдствій (¹).

„I. Пять дѣятелей (стихій) первой категоріи: 1) вода, 2) огонь, 3) дерево, 4) металлы, 5) земля. *Свойства* ихъ по порядку: влажность и стремленіе къ низу; жаръ и стремленіе вверхъ; плавкость и измѣнчивость; способность принимать посѣвы и производить жатвы. *Вкусы* пяти дѣятелей: соленый, горькій, кислый, острый и ѣдкій, сладкій.

„II. Пять занятій или способностей: 1) наружность тѣла, 2) даръ слова, 3) зрѣніе, 4) слухъ, 5) мысль. Первое должно быть строго, внушительно; второе—вѣрное и честное; третье—ясное; четвертый—тонокъ; пятая—проницательна. Строгая и внушительная наружность заставляетъ уважать себя, честному и вѣрному слову вѣрятъ, ясное зрѣніе обличаетъ опытность, тонкій слухъ способствуетъ понятливости и даетъ возможность отваживаться на великія предпріятія (?), проницательная мысль творитъ человѣка святымъ или великимъ.

„III. Категорія восьми правительственныхъ правилъ состоитъ изъ: 1) попеченія о жизненныхъ припасахъ, 2) о богатствахъ, 3) объ обрядахъ, 4) общественныхъ работахъ, 5) народномъ образованіи, 6) правосудіи, 7) сношеніяхъ съ иноземцами, 8) о войскѣ.

„IV. Пять правильно смѣняющихся явленій: 1) годъ, 2) луна (или мѣсяцъ), 3) солнце (или день), 4) звѣзды, 5) числа астрономическія.

„V-я категорія - незыблемое средоточіе царской власти прочно тогда только, когда царь заботится о благѣ народномъ. Признаки же соблюденія этого правила: отсутствіе заговоровъ, добрая нравственность, непорочность сановниковъ. Способныхъ подданныхъ слѣдуетъ одобрять и поощрять, съ людьми нетвердыхъ правилъ,

(¹) Пять дѣятелей зависятъ отъ Неба; пять занятій отъ воли самихъ людей: они соотвѣтствуютъ пяти стихіямъ—это сочетаніе человѣка съ небомъ. Правительственныя правила даны человѣку свыше; смѣняющіяся явленія выражаютъ волю Неба.

но злодѣйствъ не совершающими, должно обходиться кротко и сострадательно. Состраданіе царя побуждаетъ ихъ быть добродѣтельными, чтобы тѣмъ возвнаградить его. Царь—примѣръ народу.

„Съ беззащитными не будьте лютымъ тигромъ; не выказывайте опасеній къ богатымъ и сильнымъ.

„Если даровитые и достойные люди совершенствуются—царство будетъ въ цвѣтущемъ состояніи. Если чиновникамъ дается чѣмъ жить—они будутъ хорошими слугами. Награждая недостойныхъ, царь можетъ прослыть за ихъ поощрителя.

„VI. Три добродѣтели: 1) искренность или прямота, 2) строгость, 3) снисходительность. Первая у мѣста—во время мирное; вторая—во время мятежей и внутреннихъ волненій; третья—всегда—въ отношеніи людей разумныхъ и великодушныхъ.

„VII. Правильное умозаключеніе въ сомнительныхъ случаяхъ достигается *волхованіемъ* или *гаданіемъ*, для чего надобно имѣть при себѣ особаго, опытнаго человѣка (¹).

„При этомъ надобно обращать вниманіе на: 1) образующійся при горѣніи паръ, 2) на то, какъ онъ разсѣевается, 3) на яркость горѣнія, 4) на отдѣльныя или перекрещивающіяся трещины на черепаховой скорлупѣ. Если при гаданіи находится три волхва, слѣдуетъ придерживаться мнѣнія двоихъ. Въ особенно важныхъ случаяхъ, государь долженъ совѣщаться съ вельможами, министрами и народомъ.

„При единодушіи мнѣнія или великомъ согласіи, царь можетъ быть спокоенъ и силенъ. Въ случаѣ, если мнѣніе царя не согласно съ мнѣніемъ вельможъ и народа—слѣдуетъ прибѣгать къ гаданію. Если оно подтверждаетъ мнѣніе царя, вопреки мнѣнію вельможъ и народа—слѣдуетъ повиноваться царю. Того же самаго правила слѣдуетъ придерживаться, если гаданіе подтверждаетъ мнѣніе вельможъ. Если гаданіе черепахою и народъ говорятъ одно, а царь и вельможи другое — удача въ дѣлѣ будетъ неполная. Если же

(¹) Волхованіе состояло въ сожиганіи на жаровнѣ какой-то особенной травы и черепахи (неизвѣстно, живой или только ея скорлупы).

гаданіе противорѣчитъ царю, вельможамъ и народу, тогда, всего лучше, предпринятое дѣло оставить, въ избѣжаніе неудачи.

„VIII. Категорія *примѣтъ*: 1) дождь, 2) ясная погода, 3) тепло, 4) холодъ, 5) вѣтеръ, 6) времена года. Если всѣ эти атмосферическія перемѣны совершаются правильно—это вѣрный знакъ изобилія и урожая хлѣба и плодовъ.

„Излишество такой же источникъ бѣдствій народныхъ, какъ и недостатокъ. Признаки добраго царствованія — своевременные дожди, жары, холода и вѣтры. Постоянные проливные дожди — знакъ порочныхъ наклонностей въ царѣ; при легкомысленномъ— засухи; при лѣнивомъ—жары; при поспѣшномъ въ рѣшеніяхъ — холода; при самолюбивомъ—лютые и неутихаемые вѣтры.

„Царь долженъ внимательно слѣдить за всѣмъ, что въ теченіе года случается; вельможи — за тѣмъ, что случается въ теченіе мѣсяца; народъ - за тѣмъ, что случается въ теченіе дня. Звѣзды изображаютъ народъ. Есть звѣзды, любящія вѣтеръ, другія — дождь. Время зимняго и лѣтняго солнцестоянія означается солнцемъ и луною. Вѣтеръ и дождь зависятъ отъ нахожденія луны въ томъ или другомъ созвѣздіи.

„IX. *Пять блаженствъ*: 1) долголѣтіе, 2) богатство, 3) спокойствіе, 4) любовь къ добродѣтели, 5) спокойная кончина въ полномъ сознаніи, что человѣкъ совершилъ свое назначеніе.

„Къ этой же категоріи относятся *шесть* бѣдствій: 1) кратковременная и порочная жизнь, 2) болѣзни, 3) горести, 4) бѣдность, 5) ненависть, 6) слабость и угнетеніе.“

Таково ученіе *Ки-тси*, состоящее, какъ видитъ читатель, изъ примѣси къ здравымъ и дѣльнымъ правиламъ—нелѣпаго суевѣрія. Современникомъ Ки-тси былъ мудрый отшельникъ *Шанг-юнгъ*, котораго признаютъ основателемъ ученія, впослѣдствіи развитаго славнымъ *Лао-тси*, и послужившаго основаніемъ религіи *Тао*.

При наслѣдникѣ *Ву-ванга*— *Чинг-вангѣ* особенно прославился его соправитель *Чеу-кунгъ*, знаменитый астрономъ и математикъ. При этомъ императорѣ прибыли въ Китай на корабляхъ иностранцы изъ царства *Ни-ли* (по мнѣнію Потье—изъ *Египта*) (1).

(1) Pauthier, La Chine, p. 86—b.

Чинг-вангъ умеръ въ 1067 г. до Р. Х. Сохраненное въ китайскихъ лѣтописяхъ описаніе церемоніала возшествія на престолъ новаго императора ближе всего можетъ познакомить читателей съ великимъ обрядомъ по уставамъ *первой* религіи Китая.

„Въ день полнолунія четвертаго мѣсяца государю сдѣлалось значительно хуже. Въ первый день цикла онъ вымылъ руки и лице, приближенные надѣли на него *міэнъ* (1) и облачили въ парадное одѣяніе. Тогда царь ***положилъ руку на столикъ изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ*** (2).

„Онъ позвалъ перваго министра, пятерыхъ главныхъ удѣльныхъ князей, хранителя дворцовыхъ воротъ, князя *Гу*, военачальниковъ и разныхъ сановниковъ.

„И сказалъ имъ: Увы!—болѣзнь моя смертельная; чувствую усиленіе недуга, и опасаясь, что не успѣю объявить мою волю, теперь же сообщу вамъ мои повелѣнія...

(Они состояли въ препорученіи князьямъ и вельможамъ сына и наслѣдника императора *Чао*).

„Выслушавъ велѣніе царя — вельможи удалились; а на другой день цикла (17 марта 1067 г. до Р. Х.) царь Чинг-вангъ умеръ.

„Тогда правитель царства извѣстилъ князя *Тси*, чтобы онъ съ двумя алебардистами и сотнею воиновъ пошелъ къ западнымъ воротамъ дворца и, встрѣтивъ тамъ наслѣдника, ввелъ его въ восточный флигель. Здѣсь наслѣдникъ обязанъ былъ оплакивать своего умершаго родителя.

„Въ четвертый день цикла (19 марта) правитель обнародовалъ духовное завѣщаніе покойнаго императора и церемоніалъ погребенія. Черезъ семь дней, особымъ чиновникамъ приказано заготовить все необходимое для предстоящей церемоніи.

„Тронъ занавѣсили драпировкой и загородили парадными ширмами изъ красной шелковой матеріи съ вышитыми на ней топорами и сѣкирами (символами царской власти). Противъ южныхъ дверей

(1) Шапка, носимая императорами. Она окаймлена двѣнадцатью шелковыми снурками, съ нанизанными на нихъ драгоцѣнными камнями.

(2) Прикосновеніе къ нему, по видимому, соотвѣтствовало присягѣ.

полъ устлали въ три ряда тростниковыми коврами (*ми*), бѣлыми съ черными каймами, на нихъ поставили столикъ изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ. Предъ восточными дверьми поставили другой изъ раковинъ, на циновки (*ти*), сплетенныя изъ тростнику и разноцвѣтнаго шелку; предъ западными дверьми поставили третій столикъ изъ рѣзнаго камня, на подостланные разныхъ цвѣтовъ шелковые ковры (*фунгъ*). У сѣверныхъ дверей на бамбуковыя съ чернымъ шелкомъ циновки (*сунъ*) поставили четвертый столикъ изъ лакированнаго дерева. Кромѣ того, разложили императорскія регаліи: пять драгоцѣнныхъ камней; мечъ съ ножнами кровянокраснаго цвѣта; книгу *великихъ документовъ* (содержавшую исторію трехъ первыхъ царствованій и пяти императоровъ): камни *хунг-ни* и *йуенйенъ* въ западномъ покоѣ; камни *та-йу* (дорогую яшму) и *и-йу*(яшму простую)—въ восточномъ; *небесный шаръ* (державу), осыпанный драгоцѣнными каменьями (*тіэн-кіеу*): фигурку дракона, явившагося Фу-хи; нарадныя одежды *инъ*, надѣваемыя при пляскахъ; большія раковины; бубенъ (*фен-ку*), копье (*туи*); лукъ (*хо*) и бамбуковыя стрѣлы (*чуи*).

„Къ главному подъѣзду, оборотивъ ее на югъ, поставили большую колесницу (*та-лу*, осыпанную драгоцѣнными камнями); у втораго подъѣзда поставили малую колесницу (*гуилу* —золотую); у малаго боковаго подъѣзда, третью (*сіан-лу* — деревянную); у задняго подъѣзда четвертую и пятую (*сіанг-лу* и *келу*—раскрашенную красками и рѣзную).

„Въ передней залѣ стояли два офицера въ темнокрасныхъ шапкахъ съ тройными бердышами въ рукахъ, на лѣстницѣ и въ слѣдующихъ покояхъ стояли съ алебардами четыре офицера въ шапкахъ изъ павлиныхъ перьевъ. Въ восточной и западной залахъ стояли старшіе офицеры съ топорами въ парадныхъ шапкахъ; въ восточныхъ сѣняхъ офицеръ съ четырехконечнымъ копьемъ, на малой лѣстницѣ — другой съ тонкимъ и острымъ дротикомъ въ рукахъ.

Наслѣдникъ въ платьѣ разныхъ цвѣтовъ и въ холщевой шапкѣ вошелъ на парадную лѣстницу, гдѣ его встрѣтили князья и вельможи въ холщевыхъ же шапкахъ и черномъ одѣяніи. Правитель

имперіи ([1]), великій исторіографъ, министръ обрядовъ и церемоній были тоже въ холщевыхъ шапкахъ, но въ красномъ одѣяніи. Правитель несъ въ рукѣ, высоко поднятой надъ головою, великій драгоцѣнный камень *куэй* (вѣроятно государственную печать); министръ обрядовъ, такъ же точно, сосудъ, выточенный изъ камня *мао*. Въ сѣняхъ, великій исторіографъ передалъ послѣднему письменное завѣщаніе покойнаго императора и сказалъ ему:

„Великій царь, положивъ руку на столъ изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, объявилъ намъ свою послѣднюю волю (тутъ исторіографъ сказалъ въ чемъ она состояла).

„Наслѣдникъ, послѣ нѣсколькихъ земныхъ поклоновъ, отвѣчалъ: Принимаю власть, при всей моей неспособности; чту и уважаю велѣнія небесныя.

„Послѣ того онъ взялъ драгоцѣнный каменный сосудъ, трижды поклонился изображенію покойнаго своего отца, трижды продложилъ ему и трижды отлилъ вина изъ сосуда на землю. Тогда церемоніймейстеръ сказалъ ему:—Хорошо!

„Правитель взялъ сосудъ, спустился съ лѣстницы, вымылъ руки, взялъ другую чашу и, вставивъ ее въ сосудъ *чангъ*, объявилъ о принятіи имъ трехгодичнаго регентства; трижды поклонился; отлилъ вина изъ сосуда на землю, потеръ себѣ губы виномъ и поклонился наслѣднику.“

Царь *Кенг-вангъ* прославился правосудіемъ и заботами объ улучшеніи земледѣлія. Распри между помѣщиками онъ обыкновенно разбиралъ подъ старою ивою, впослѣдствіи воспѣтою китайскими поэтами. Замѣчательна рѣчь его первому министру:

„Надобно отличать добрыхъ передъ злыми, ставя на домахъ ихъ особыя помѣтки. Первыхъ награждайте, вторыхъ наказывайте и *обнародывайте* всѣ ваши распоряженія. У ослушниковъ закона отнимайте земли и отдавайте покорнымъ; эта мѣра усмиритъ первыхъ и поощритъ вторыхъ.“

„Правитель обязанъ придерживаться всего что неизмѣнно; говорящій обязанъ говорить только необходимое и ограничиваться немногими словами. Нравы царей династіи *Чанговъ* испортились отъ

([1]) Назначенный на три года траура.

излишняго снисхожденія и лести царедворцевъ; *краснорѣчивый слылъ тогда за способнѣйшаго...* Этотъ взглядъ на людей еще не искоренился. Надъ этимъ вопросомъ стоитъ подумать."

Въ 1001 г. взошелъ на престолъ *Му-вангъ*, первый изъ императоровъ китайскихъ, ѣздившій въ чужіе края, на западъ, къ горамъ Куэн-луна (въ Тибетъ и Индію, а по сказаніямъ персидскихъ лѣтописцевъ въ Вавилонъ и въ Бактріану). Здѣсь онъ посѣтилъ мать западнаго царя (*Си-ванг-му*), отдавшую впослѣдствіи визитъ Му-вангу, котораго она почтила драгоцѣнными дарами. Полагаютъ, что сближеніе это съ иноземцами имѣло огромное вліяніе на усовершенствованіе въ Китаѣ изящныхъ искуствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ на нравы и обычаи страны; можетъ быть даже и на ея религію. Сектаторы ученія *Лао-тси* подъ именемъ Си-ванг-му признаютъ его учителя. Нѣкоторые ученые, и въ числѣ ихъ Потье (1), полагаютъ, что Си-ванг-му переиначенное имя Будды—*Сакія-муни*.

Сказанія лѣтописей о путешествіи Му-ванга наполнены сказками, въ которыхъ трудно доискаться и частицы истины. Несравненно болѣе вниманія заслуживаютъ сдѣланныя Му-вангомъ преобразованія въ уголовныхъ законахъ; сооруженія: храма духамъ земли (*Ки-кунгъ*), весенняго дворца; побѣды надъ сосѣдними дикарями; торжественное жертвоприношеніе на озерѣ Пингъ. Кромѣ того, историки приписываютъ ему совершеніе чуда по примѣру императоровъ первой эпохи. Они, игрою на гитарѣ, возстановляли порядокъ въ движеніи планетъ, а Му-вангъ игрою на флейтѣ прекратилъ дождь, лившій непрерывно три мѣсяца... Сравнительно это пожалуй легче, нежели заставлять плясать планеты по своей дудкѣ...

Правнукъ Му-ванга, *Ли-вангъ* (873—841 г.), малодушный, жестокій, съ самыми порочными наклонностями, навлекъ на себя всеобщее негодованіе, выразившееся страшнымъ бунтомъ, въ которомъ погибло до трехсотъ членовъ царскаго семейства, кромѣ самого Ли-ванга, бѣжавшаго въ степь и сына его, спасеннаго министромъ *Шао-кунгомъ*. Примѣръ, кажется небывалый въ исторіи: Шао-кунгъ, переодѣвъ роднаго сына въ княжеское платье, выдалъ его на растерзаніе народу, чтобы спасти князя... Чудовищная паралель Бруту!..

(1) *Pauthier*, La Chine, p. 95 -b.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Сіуэн-вангъ.—Древній обрядъ праздника земледѣлія.—Йеу-вангъ.—Тираннія.—Свержепіе Йеу-ванга.—Обряды погребенія, заимствованные у скиѳовъ. — Распущенность нравовъ.—Потребность преобразованій.—Преобразователи религіи.—Нѣсколько словъ о древнѣйшихъ обрядахъ.

Утихла народная ярость и сынъ изгнанника *Сіуэн-вангъ* (827 г.) взошелъ на императорскій престолъ. Царствованіе его прославилось: побѣдами надъ южными варварами, вторгавшимися въ предѣлы имперіи, чрезвычайными засухами и неурожаями, постигавшими государство (по словамъ историковъ) за нечестіе Сіуэн-ванга. Занятый войнами, онъ позабылъ верховную свою обязанность быть посредникомъ между небомъ и народомъ: не совершалъ узаконенныхъ жертвоприношеній; оставилъ древній *обрядъ земледѣлія*. Одинъ старый вельможа, выговаривая ему за это небреженіе къ религіи, говорилъ, между прочимъ:

„Въ древности, за девять дней предъ приближеніемъ праздника земледѣлія, предсѣдатель суда исторіи и астрономіи возвѣщалъ государю, чрезъ мандариновъ, о прохожденіи чрезъ меридіанъ созвѣздія *Фангъ* (β, δ, π, ρ Скорпіона), по вступленіи солнца и луны въ созвѣздіе *Ше* (Рыбъ). Государь вмѣстѣ съ первѣйшими сановниками удалялся въ особый чертогъ дворца и здѣсь, трое сутокъ, постился. Тогда объ обрядѣ прилагали живѣйшее попеченіе, потому что земледѣліе первѣйшій источникъ благосостоянія царства. По приготовленіи всего для праздника, императоръ

совершалъ омовеніе въ ваннѣ; потомъ проливалъ вино изъ кубка на землю, отпивая немного этого вина. Послѣ того шелъ въ поле и проходилъ плугомъ нѣсколько полосъ; вельможи допахивали остальныя... Все совершалось съ подобающимъ приличіемъ, благочестіемъ; церемонія заключалась тѣмъ, что императоръ, вкусивъ немного мяса, отъ принесеннаго въ жертву быка, остальное отдавалъ приближеннымъ... За всходами пшеницы, державными руками посѣянной, наблюдали особые чиновники; по созрѣніи ее складывали въ священныя житницы... Несоблюденіе этого великаго торжества—заключилъ мандаринъ—навлекаетъ на ослушника гнѣвъ небесный и всю страну повергаетъ въ отчаяніе!"

Сіуэн-вангъ, однако, не внялъ этимъ совѣтамъ и за это былъ наказанъ. Посланныя имъ противъ варваровъ войска были разбиты близъ поля, въ древности отведеннаго подъ императорскую ниву.

Гнѣвъ небесный продолжалъ тяготѣть надъ преемникомъ безбожника, *Йеу-вангомъ*. Были разливы трехъ главныхъ рѣкъ; гора *Ки* рухнула; были и небесныя знаменія. Безумная расточительность государя заставила его налагать на народъ новыя подати; а его страсть къ красавицѣ *Пао-ссе*, разсорила его съ женою, которая, вмѣстѣ съ сыномъ, принуждена была бѣжать къ татарамъ. Явленіе замѣчательное въ исторіи всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ: за немногими изъятьями — лишь только женщина беретъ верхъ надъ правителемъ царства, оно клонится къ упадку, народъ бѣдствуетъ. Не менѣе грустное явленіе во всемірной исторіи —злоупотребленіе фаворитками ихъ вліяніемъ на владыкъ земли.

Сластолюбіе заглушило въ Йеу-вангѣ всѣ чувства человѣческія и съ нимъ и его возлюбленной повторилась исторія Чеу-сина. Ни возраженіе вельможъ, ни ропотъ народный, ни множество сатиръ, эпиграммъ и памфлетовъ не могли образумить Йеу-Ванга. Негодуя на него, народъ привязался къ доблестному *Сіуан-кунгу*, удѣльному князю области Чингъ... Но и на это императоръ не обратилъ вниманія. Получивъ извѣстіе, что татары ополчаются на него, чтобы свергнуть его съ престола и посадить на него бѣглеца сына—императоръ собралъ свои войска, разставилъ

ихъ на готовѣ, съ приказаньемъ идти въ бой по первому сигналу, поданному съ вышекъ и маяковъ, растянутыхъ отъ самой границы (1). Однажды, желая чѣмъ нибудь позабавить свою Пао-ссе, императоръ подалъ сигналъ къ наступленію... Войска сбѣжались отовсюду и все по напрасну, ради потѣхи любовницы, которая *изволила смѣяться* (2). Эта пошлая шутка погубила безумца. Въ одинъ прекрасный день татары дѣйствительно вторглись въ пограничныя области, но по поданнымъ сигналамъ войска уже не собрались, предоставивъ императора и его возлюбленную на произволъ судьбы: онъ былъ убитъ, она взята въ плѣнъ, а татары, позабывъ о главной цѣли своего похода, возвести на престолъ изгнанника, занялись грабежемъ. Удѣльные князья принудили ихъ къ отступленію, но вмѣстѣ съ тѣмъ сами отложились отъ императора. Бывшее незадолго передъ этимъ солнечное затмѣніе (6 сентября 776 г. до Р. Х.) признано лѣтописцами за предзнаменованіе свыше грядущихъ бѣдствій и междоусобій, пятьсотъ лѣтъ раздиравшихъ китайскую имперію. Власть императорская пала, власть удѣльныхъ князей усилилась. Возведенный на престолъ сынъ убитаго императора *Пинг-вангъ* дружелюбно раздѣлилъ имперію на восточную и западную, предоставивъ вторую удѣльному князю *Тсинъ*. За эту уступку князь почтилъ императора фантастическимъ титломъ царя небесной имперіи...

Сравнивая исторію Китая съ исторіями европейскихъ государствъ, нельзя не подивиться разительному сходству событій и внутренней политики. Разсказанныя нами событія напоминаютъ и Римскую имперію въ послѣдніе годы ея бытія, и средневѣковую Европу и Россію въ ея печальную эпоху удѣловъ—и вліяніе ихъ на бытъ народный въ Китаѣ—было тоже самое... Князь *Тсинъ* утѣшивъ

(1) Съ этихъ сторожевыхъ вышекъ сигналы подавались днемъ—флагами, а ночью - огнями. Вотъ начало телеграфовъ.

(2) Во время австро-итальянской компаніи Наполеона I—онъ, желая то же *позабавить* одну знакомую свою даму, велѣлъ передовымъ отрядамъ сдѣлать совершенно безполезное нападеніе на непріятеля... Съ обѣихъ сторонъ были убитые и раненые. А мы еще клянемъ цесарей римскихъ за гладіаторовъ!

императора его мишурнымъ титуломъ, присвоилъ себѣ и верховную власть приносить жертвы царю небесному—донынѣ исключительно предоставленную императору... Такимъ образомъ вмѣстѣ съ раздвоеніемъ государства явились и два верховные жреца; религія утратила первоначальную чистоту и ясность, нравы растлились, науки и художества пришли въ упадокъ. Князья западной имперіи, входя въ близкія сношенія съ сосѣдними народами: монголами, гуннами и скиоами—заимствовали отъ нихъ нѣкоторые обычаи и многіе обряды; народъ не замедлилъ послѣдовать ихъ примѣру. Такъ при погребеніи князя *Му-Кунга* (621 г. до Р. Х.) были зарыты въ могилу вмѣстѣ съ нимъ: одинъ изъ его сыновей, съ тремя дѣтьми, ручные его тигры и торжественная его колесница; да сверхъ того еще ***сто шестьдесятъ семь*** человѣкъ изъ придворной свиты: „для сопровожденія усопшаго князя и услугъ ему на томъ свѣтѣ.“ Китайскіе историки съ негодованіемъ отзываются объ этомъ нововведеніи, достойномъ варваровъ, но не просвѣщенныхъ народовъ. Обычай этотъ –адская жадность, облеченная въ религіозную форму. Въ могилы монгольскихъ и гунскихъ князей зарывали обыкновенно всѣ ихъ сокровища; всѣхъ принимавшихъ близкое участіе въ похоронномъ обрядѣ убивали затѣмъ, чтобы они не похитили зарытыхъ сокровищъ, такъ какъ мѣсто погребенія было извѣстно только имъ однимъ. Такъ были погребены впослѣдствіи Чингис-ханъ и Атилла; такъ погребали вообще повелителей древнѣйшихъ невѣдомыхъ исторіи народовъ—сѣверной Азіи, южной, юго-восточной, даже, можетъ быть, и всей восточной Россіи.

Не безъ вліянія на Китай и умственное его развитіе были эти частые набѣги сосѣднихъ варваровъ, которыхъ манили въ эту страну ея естественныя богатства, ея умственное развитіе—къ которому дикарей всегда тянетъ та же непреодолимая сила, которая привлекаетъ къ огню нетопырей и ночныхъ бабочекъ. Народъ заимствовалъ многое отъ вторгавшихся въ Китай иноплеменниковъ, преимущественно же то, что болѣе льстило грубымъ его инстинктамъ и невѣжеству. Въ шестомъ вѣкѣ до Р. Х. китайцы были близки къ возврату въ первобытное состояніе дикости и умственнаго застоя; явились несомнѣнные признаки безсилія религіи, об-

ветшавшей и несообразной съ духомъ времени, презрѣнія къ прежнимъ законамъ, къ власти—втоптанной въ грязь неспособными и тупоумными преемниками древнихъ, великихъ просвѣтителей Китая...

Наступала пора преобразованія, обновленія страны, призванія ее къ новой жизни. При безначаліи и той нравственной и политической распущенности, въ которыхъ находился Китай въ эту эпоху, долженъ былъ, наконецъ, подняться голосъ здраваго смысла, чтобы вопіять противъ этого распаденія государственнаго строя, чтобы призвать правителей и народъ къ повиновенію законамъ совѣсти, къ смиренію предъ божественнымъ промысломъ; чтобы указать имъ наконецъ путь къ истинѣ, душевному спокойствію и матеріальному благосостоянію, безъ религіи немыслимымъ.

Преобразователями первобытной религіи и основателями двухъ новыхъ вѣроисповѣданій и философскихъ школъ были: ***Лао-Тси***, ***Кунг-фу-тси*** и ***Менг-тси***—Сократъ, Платонъ и Аристотель Китая. Сличая исторіи всѣхъ странъ древняго и новаго міра мы видимъ, что религіозныя реформы не обходились безъ войнъ и напраснаго душегубства; кровь издревле служила закваской каждому новому вѣроисповѣданію. Въ Китаѣ этого не было. Переходъ отъ древней доктрины Фу-хи къ новому ученію Лао-тси и Кунг-фу-тси совершился безмятежно, спокойно, безъ всякихъ междоусобій и гоненій послѣдователей; здѣсь не было ни гонителей, ни мучениковъ... Древняя Греція отравила цикутой своего Сократа; римскіе цесари предавали адскимъ пыткамъ первыхъ проповѣдниковъ Евангелія;—средневѣковая Европа сожгла на кострѣ ***Гусса*** и ***Іеронима Пражскаго***, въ Испаніи и Италіи свирѣпствовала инквизиція, исторія Франціи запятнана Варѳоломеевской ночью, Германія тридцать лѣтъ утопала въ крови...

Въ Китаѣ, повторяемъ, ничего подобнаго не было. Ни одинъ изъ преобразователей не запечатлѣлъ кровью своего ученія. Лао-тси и Кунг-фу-тси, пользовавшіеся уваженіемъ современниковъ, удостоились храмовъ, воздвигнутыхъ въ ихъ память потомками.

Прерывая на время послѣдовательный разсказъ о политической исторіи Китая, считаемъ не лишнимъ ознакомить читателей съ нѣ-

которыми обрядами, соблюдавшимися при дворѣ древнихъ императоровъ,—обрядами, тѣсно связанными съ постановленіями религіи.

При большихъ выходахъ императора, сзади его несли обыкновенно царскую хоругвь, состоявшую изъ длиннаго, въ видѣ языка, лоскутка шелковой матеріи, на которой были вышиты солнце, луна, звѣзды, лукъ съ стрѣлою—символически изображавшія блестящія, какъ свѣтила, добродѣтели царя, его власть и силу. Остальная часть хоругви была полосатая въ двѣнадцать горизонтальныхъ полосъ и на каждой изъ нихъ—вышитый драконъ—эмблема верховной власти. Такимъ образомъ начало геральдическихъ символовъ безспорно принадлежитъ Китаю. Торжественная царская колесница называлась *чингъ* и ее везли шестнадцать лошадей. Отъ этого названія домъ княжескій именовали *пе-чингъ* -сто колесницъ, въ шестнадцать лошадей каждая; царскій же домъ именовали *тсіен-чингъ*—тысяча колесницъ въ шестнадцать лошадей. Кромѣ колесницъ и хоругви, непремѣнной принадлежностью императорскаго шествія былъ зонтикъ, что впослѣдствіи переняли у китайцевъ персы и египтяне. Нынѣ употребленіе зонтика предоставлено каждому китайцу, съ обязанностью однако же соблюдать узаконенный цвѣтъ. Зонтики у императора и наслѣдника золотисто-оранжеваго цвѣта и увѣнчаны золочеными драконами, императрицы—того же цвѣта съ двумя золотыми фениксами, зонтики прочихъ императорскихъ женъ фіолетовые съ золотыми павлинами. Министры и сановники осѣняются зонтиками синими, украшенными серебряными башенками, у второстепенныхъ чиновъ—зонтики красные, а у послѣднихъ—черные съ серебряными же украшеніями.

Облаченіе императрицы и княженъ, при жертвоприношеніяхъ, состояли изъ пышныхъ платьевъ: *хосй*, украшенныхъ изображеніями золотыхъ фениксовъ—самца и самки—символовъ благоденствія. Мы уже говорили о царской шапкѣ—*міэнъ*, обвѣшанной двѣнадцатью жемчужинами на шелковыхъ снуркахъ и по бокамъ двумя шелковыми наушниками. Символическія назначенія жемчужинъ и наушниковъ: скрывать отъ очей и ушей царскихъ все нечистое и недостойное. Изъ эмблематическихъ украшеній царскаго одѣянія назовемъ вышиваемыя золотомъ горы, дракона, выходящаго изъ воды и топоръ—эмблемы твердости, мудрости, могущества.

При выходѣ императору представляли пять щитоносцевъ. Эти щиты или, какъ ихъ называютъ китайцы, дощечки (*куэй*) несли щитоносцы слѣдующимъ образомъ: 1) щитоносецъ *хоангъ*—щитъ храбрости, 2) *хеу*—вѣрности; на этомъ щитѣ былъ изображенъ человѣкъ, прямо держащій голову, 3) *пе*—изображеніе человѣка съ опущенной головою въ знакъ покорности, 4) *тсе*—щитъ, покрытый стеблями риса—символъ заботливости царя о пропитаніи подданныхъ, наконецъ—5) *панъ*—щитъ, покрытый травами и зеленью—символъ изобилія.

Поражая зрѣніе народа блестящей обстановкой, императоры ласкали слухъ его музыкою, при обрядахъ и церемоніяхъ неизбѣжною. Музыка издревле почиталась въ Китаѣ могучимъ средствомъ смягченія нравовъ и развитія умственнаго. Въ обрядникѣ (*Ли-ки*), одной изъ каноническихъ книгъ, составленныхъ Кунг-фу-тси сказано: „Желаете ли образоваться? Тщательно изучайте музыку. Музыка выражаетъ и живописуетъ намъ союзъ неба съ землею. Съ богослуженіемъ и музыкою — въ имперіи не можетъ быть ничего невозможнаго!"

Этотъ взглядъ на могущество гармоніи, этого *всемірнаго* общепонятнаго языка—обличаетъ въ древнихъ законодателяхъ Китая глубокое знаніе сердца человѣческаго. Полумракъ капищъ древняго Египта, таинственное безмолвіе пещеръ Миѳры въ Персіи, бѣснованіе пиѳій Дельфъ и Додона могли только леденить сердца присутствующихъ боязнью и ужасомъ... Въ Китаѣ же, при богослуженіи, старались успокоивать сердца присутствующихъ и исторгать изъ глазъ слезы тихаго умиленія — что безъ музыки было бы немыслимо!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Лао-тси.—Ученіе его.—Книга разума.—Отзывъ Кунг-фу-тси о мудрецѣ.—Безвѣстная кончина Лао-тси.—Его ученики и послѣдователи.—Ихъ книги.—Искаженіе первоначальной доктрины Тао-ссе и постепенное ея превращеніе въ грубое язычество.

Основатель одной изъ трехъ владычествующихъ въ Китаѣ религій, *Лао-тси*, родился въ подвластномъ китайской имперіи удѣльномъ княжествѣ *Тхсу* (изъ котораго образовались нынѣшнія провинціи *Ху-пе* и *Ху-нань*) въ 14 день IX мѣсяца въ 604 году до Р. Х. Крайніе послѣдователи его ученія разсказываютъ, что онъ не родился, но, подобно божеству, неоднократно воплощался на землѣ. Существуетъ еще преданіе, будто отецъ его, простой поселянинъ, доживъ до 70 лѣтъ въ совершенномъ безбрачіи, женился въ этомъ преклонномъ возрастѣ на сорокалѣтней женщинѣ. Она зачала не отъ мужа, но отъ опустившейся на нее падающей звѣзды и восемьдесятъ одинъ годъ носила въ утробѣ таинственный плодъ сочетанія неба съ землею. Господинъ, у котораго она находилась въ услуженіи, негодуя на эту продолжительную беременность, прогналъ бѣдную женщину изъ своего дома, и она скиталась до того дня, когда наконецъ родила подъ сливнымъ деревомъ сѣдаго младенца, котораго назвала *Ли-еуль* (уши сливы), по той причинѣ, что ушныя его мочки напоминали своимъ видомъ плодъ сливы. Народъ впослѣдствіи далъ ему прозвище *Лао-тси* (сѣдой младенецъ) и *Лао-кіунъ* (старый князь). То и другое прозвища сохранились за нимъ и донынѣ. Сектаторы, въ подтвержденіе божественности происхожденія Лао-тси, ссылаются на собственныя его слова о себѣ самомъ: „Я родился прежде всего видимаго и существовалъ прежде Верховнаго начала. Я присутствовалъ при развитіи первобытнаго хаоса, основы мірозданія, стоялъ на поверхности великаго первобытнаго океана,

носился среди великой пустоты и мрака, вошелъ и вышелъ тѣми же самыми вратами таинственной неизмѣримости.“

Отдѣляя лживыя, миѳологическія прикрасы отъ исторической истины, видимъ изъ хроникъ, что великій мудрецъ всю свою жизнь провелъ скромно, уединенно, не домогаясь титла святаго и еще того менѣе божества. Усидчивый трудъ и ученіе дали ему возможность, уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, получить должность библіотекаря и исторіографа при одномъ изъ государей династіи *Тчеу*. Книги, постоянно находившіяся у него подъ рукою, развили въ немъ врожденную склонность къ серьезнымъ, ученымъ трудамъ и дали возможность основательно изучить отечественную исторію и богослужебные обряды былыхъ временъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ это же время онъ много читалъ сочиненій индійскихъ браминовъ и буддійскихъ книгъ, такъ какъ въ ученіи его замѣтно вліяніе и тѣхъ и другихъ. Кромѣ того, извѣстно, что Лао-тси первый изъ китайцевъ путешествовалъ въ чужіе края для совѣщанія съ тамошними мудрецами, подобно своему современнику, греку *Пиѳагору*, путешествовавшему съ этою же цѣлью въ Индію, и *Платону*, черезъ двѣсти лѣтъ посѣщавшему Египетъ. Плодомъ ученія, долгихъ размышленій и путешествій Лао-тси была впослѣдствіи написанная имъ стихами книга *Тао-те-кингъ* (Книга верховнаго разума и добродѣтели), книга святая для исповѣдниковъ ученія *Тао*.

До временъ Лао-тси, китайцы (какъ мы видѣли) называли Бога *Верховнымъ Государемъ* (Шанг-ти) или просто *Небомъ* (Тіанъ). Первый преобразователь религіи въ своей книгѣ называетъ божество — ***Великимъ путемъ міра*** и ***всемірнымъ верховнымъ разумомъ*** (Тао) (¹). Существо Тао двойственно: оно вещественно въ тѣлахъ и невещественно въ душѣ и разумѣ. Послѣднее, т. е. духовное свойство есть совершеннѣйшее. Отъ него произошелъ человѣкъ, обязанный стараться всю свою жизнь

(1) Обращаемъ вниманіе читателя на сходство этого слова съ именами божіими—у египтянъ (Оотъ, Авотисъ), у грековъ (Θеосъ) и у римлянъ (Deus).

возвратиться къ нему же, освобождаясь отъ тлѣнныхъ узъ тѣлесныхъ, уничтожая въ себѣ тѣлесныя страсти, плотскіе помыслы. Кромѣ того, человѣкъ долженъ удаляться отъ суетныхъ житейскихъ наслажденій, созерцать духовную природу... Только при такихъ условіяхъ человѣку возможно соединеніе съ божествомъ.

Въ 21-мъ отдѣлѣ своей книги Лао-тси излагаетъ космогонію, т. е. ученіе о началѣ міровъ. Все видимое, говоритъ онъ, произошло отъ дуновенія Тао или верховнаго разума. Онъ создалъ все существующее. До міросозданія вся вселенная была безобразной массой, хаосомъ, въ которомъ блуждали и носились зачатки всѣхъ стихій и тончайшаго животворнаго духа.

О созданіи существъ Лао-тси говоритъ въ 25 отдѣлѣ: „Небо и земля, все видимое и живое создано изъ первобытнаго хаоса. До созданія ихъ царило глубокое безмолвіе въ безконечномъ пространствѣ и неизмѣримая пустота въ этомъ безконечномъ и глухомъ безмолвіи...“ Объясняя такимъ образомъ созданіе, Лао-тси сознается, что дать точное понятіе о Создателѣ —выше его силъ. „Это верховное существо“, говоритъ онъ,—„оплодотворило хаосъ зачатками основной матеріи, отъ которой произошли стихіи (творческія силы) и всѣ видимыя нами тѣла и существа. Имени Его я не знаю; оно невѣдомо міру, имъ созданному; но я назову Его однимъ изъ его главнѣйшихъ свойствъ— *Тао*: верховнымъ и всемірнымъ разумомъ.“

„Тао — великъ. Признавая его таковымъ, я разумѣю и далеко простирающагося; если онъ простирается далеко—онъ безконеченъ; будучи безконеченъ, Тао противоположенъ человѣку. Законъ человѣка на землѣ; законъ земли на небѣ; законъ неба въ Тао; законъ Тао въ немъ самомъ. Тао создалъ единицу, единица создала двоицу, двоица создала тріаду, тріада всѣ существа. Женственное начало гармонически сливается съ мужскимъ подъ вліяніемъ плодотворнаго дуновенія.“ (Тао-те-кингъ, отд. 25 и 42).

„Я не выдумываю ничего новаго“, повторяетъ мудрецъ неоднократно въ своей книгѣ, — „я только научаю тому, чему другіе учили до меня.“

„Человѣкъ долженъ всѣми силами стараться достигнуть крайняго предѣла умерщвленія плоти для совершеннѣйшей невозмутимости духа. Всѣ существа, появляясь на землѣ, исполняютъ свое назначеніе; мы видимъ ихъ постепенное видоизмѣненіе. Безпрерывно являясь подъ новыми видами, существа эти стремятся и возвращаются къ ихъ первобытному началу. Возвращеніе къ нему есть погруженіе въ спокойствіе; существо, въ спокойствіе погруженное, исполнило свое назначеніе; исполнившій свое назначеніе человѣкъ становится вѣчнымъ; достигшій вѣчности—просвѣщенъ. Не знать о грядущемъ безсмертіи, значитъ быть погруженнымъ въ пучину ошибокъ и всякихъ золъ. Человѣкъ, сознающій будущее безсмертіе на лонѣ Тао, любовію обнимаетъ всѣ прочія существа; любя ихъ, онъ добръ и справедливъ къ нимъ... Доброта и справедливость свойства царя; обладающій царскими свойствами происхожденія божественнаго, онъ можетъ уподобиться верховному разуму, а уподобляясь ему, можетъ жить вѣчно, хотя бы самое его тѣло и было умерщвлено (отд. 16).

„Человѣкъ состоитъ изъ трехъ главныхъ началъ: ***вещественнаго, духовнаго*** и ***разумнаго***. Презирая первое, онъ долженъ придерживаться двухъ послѣднихъ. Сердце праведника не должно быть неумолимо; чувства свои праведникъ долженъ приноравливать къ чувствамъ прочихъ людей, обходясь одинаково кротко какъ съ злыми, такъ и съ добрыми. Здѣсь мудрость и добродѣтель. Съ человѣкомъ искреннимъ и правдивымъ мы должны поступать, какъ онъ того заслуживаетъ, но и со скрытнымъ и лукавымъ должны быть искренни и прямодушны. Здѣсь мудрость и чистосердечіе. Праведникъ мирно и спокойно живетъ въ свѣтѣ, возмущаясь сердцемъ единственно ради счастія и блага прочихъ людей. Пусть другіе помышляютъ единственно объ утѣхахъ своихъ очей и слуха (т. е. о суетныхъ удовольствіяхъ), праведникъ будетъ питать къ прочимъ людямъ чувства отца къ дѣтямъ“ (Тао-те-кингъ, отдѣлъ 49).

Объяснивъ людямъ правила ихъ обоюдныхъ свѣтскихъ отношеній, Лао-тси даетъ наставленіе, какъ примѣнять эти правила къ дѣлу:

„Когда ты слышишь колокольный звонъ, ты не знаешь въ какой рукѣ держитъ звонарь молотъ: въ правой или лѣвой. Такъ же точно и тотъ, кому ты дѣлаешь добро, не долженъ

знать тебя въ лице. Приноси свою помощь въ домы нуждающихся: хлѣбъ голодному, одѣяніе нагому—въ ихъ отсутствіи; пользуйся отсутствіемъ ихъ для добраго дѣла, какъ воръ—для злаго. Нуждающійся, возвратясь домой и найдя помощь, всего прежде подумаетъ о Верховномъ разумѣ (здѣсь слово это всего ближе перевести: о божественномъ Промыслѣ); потомъ онъ, мысленно будетъ доискиваться, чьими руками послана ему желанная помощь—и, конечно, не доищется. Боязнь оскорбить своего неизвѣстнаго благодѣтеля заставитъ его быть кроткимъ и ласковымъ со всѣми людьми... Что же касается до тебя лично, довольствуйся уже и тѣмъ, что ты *застрахованъ* (или обезопасенъ) *отъ неблагодарности!*" [1]

Проповѣдуя эти правила согражданамъ, великій преобразователь религіи Китая близко принималъ къ сердцу всѣ страданія и бѣдствія, отягощавшія народъ при послѣднихъ императорахъ династіи Чеу и вотъ его наставленія правительству (отд. 75 и 30).

„Страждетъ ли народъ отъ голоду — причины тому излишніе и обременительные налоги. Это главные источники его нищеты. Трудно ли управляться съ народомъ — это знакъ, что онъ отягощенъ излишними работами... вотъ главная причина его неповиновенія. Глядитъ ли народъ безпечно на приближающуюся смерть—это знакъ, что ему не подъ силу поддерживать свое существованіе... вотъ причина его равнодушія къ смерти.

„Государь, руководимый въ своемъ правленіи Верховнымъ разумомъ (*Тао*), не имѣетъ нужды прибѣгать къ вооруженной силѣ, чтобы управлять своимъ царствомъ. Благодарность подданныхъ награда ему за добрыя дѣла. Гдѣ живутъ многочисленныя полчища, тамъ вскорѣ произрастаютъ волчцы и тернія. За уходомъ этихъ полчищъ слѣдуютъ годины бѣдствій и нуждъ. Человѣкъ добродѣтельный ограничивается исполненіемъ своихъ обязанностей, не осмѣливаясь прибѣгать къ насилію. Онъ исполняетъ свои обязанности безъ высокомѣрія, безъ тщеславія, безъ

---

[1] Это прекрасное правило, достойное христіанскаго мудреца, ученія Лао-тси было мною записано (въ 1858 г.) со словъ покойнаго П. Е. Кирилова вмѣстѣ со многими другими подробностями доктрины Тао.

оскорбительной гордости. Исполняетъ свои обязанности неусыпно, не прибѣгая къ насильственнымъ мѣрамъ! Недолговѣчно насиліе... Оно противно Верховному Разуму, а будучи ему противно, не продержится оно далѣе единаго утра!"

Но какими же путями достигнуть человѣку возможнаго совершенства? На этотъ вопросъ Лао-тси отвѣчалъ слѣдующими изреченіями:

„Знающій людей — образованъ; знающій самого себя — просвѣщенъ. Покоряющій людей—могучъ; умѣющій властвовать самъ надъ собою — дѣйствительно силенъ. Умѣющій довольствоваться малымъ—истинно богатъ. Совершающій трудные и полезные подвиги можетъ смѣло надѣяться, что оставитъ по себѣ продолжительную память. Не расточающій жизни (на мелочныя работы) никогда не погибнетъ и умирая не будетъ забытъ въ жизни вѣчной!" (отд. 33).

Когда Кунг-фу-тси въ первый разъ посѣтилъ мудраго законоучителя, Лао-тси встрѣтилъ его упреками за ту громкую молву, которая ходитъ о немъ въ народѣ, за многочисленныхъ учениковъ, которыхъ онъ набираетъ; наконецъ, за его склонность къ чинамъ, отличіямъ и вообще за излишнее сочувствіе къ знати. „Мудрецъ, сказалъ Лао-тси въ заключеніе,—чуждается свѣта; онъ не только не домогается—онъ убѣгаетъ почестей. Вполнѣ увѣренный, что послѣ своей смерти онъ оставитъ добрыя правила тѣмъ, которые способны запомнить и усвоить ихъ, истинный мудрецъ не довѣряется всякому встрѣчному, а сообразуется со временемъ и обстоятельствами. Въ добрыя времена онъ говоритъ; въ тяжелыя—безмолствуетъ. Обладатель сокровища скрываетъ его отъ всѣхъ, чтобы сокровища не похитили, и никому не разглашаетъ, что у него есть сокровище. Истинно добродѣтельный своей добродѣтели на показъ не выставляетъ и не трубитъ въ уши всѣмъ и каждому, что онъ мудръ и добродѣтеленъ. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать вамъ; пользуйтесь тѣмъ, что отъ меня слышали."

Возвратясь къ ученикамъ, Кунг-фу-тси сказалъ имъ: „Не удивляюсь, видя летающихъ птицъ, плавающихъ рыбъ, бѣгающихъ звѣрей; рыбъ уловляютъ сѣтями, звѣрей тенетами, птицъ поражаютъ стрѣлами... Не постигаю только, какимъ образомъ дра-

конъ, парящій за облаками, можетъ достигать самихъ небесъ. Я видѣлъ Лао-тси, говорилъ съ нимъ: въ сравненіи съ мудрѣйшими, онъ тоже, что драконъ въ сравненіи съ прочими звѣрями!"

По другимъ сказаніямъ отзывъ Кунг-фу-тси былъ слѣдующій: „Вообразите себѣ дракона, кольцами неизмѣримаго туловища объемлющаго всю вселенную. Таковъ разумъ Лао-тси."

Въ другой разъ, послѣ продолжительной бесѣды съ Кунг-фу-тси, мудрецъ сказалъ ему при разставаньи: „Богачъ, прощаясь съ друзьями, одѣляетъ ихъ цѣнными подарками; мудрый — добрыми совѣтами. Я не богачъ, но при всемъ смиреніи моемъ не могу не сознаться, что я мудръ."

Подъ конецъ жизни, глубоко скорбя о бѣдствіяхъ отечества, Лао-тси удалился въ область *Хан-куанъ*, гдѣ и поселился въ уединенной пещерѣ. Здѣсь-то, какъ повѣствуютъ преданія, онъ написалъ свою книгу Разума... Затѣмъ о Лао-тси нѣтъ никакихъ свѣденій. Поглощенный своимъ уединеніемъ, онъ тихо угасъ, невѣдомо для людей—завѣщая родинѣ произведеніе великое, ставящее имя Лао-тси на ряду съ незабвенными для человѣчества именами славнѣйшихъ мыслителей древности — Платоновъ, Сократовъ, Аристотелей... Нѣтъ сомнѣнія, что ученіе *Тао*, основанное имъ, будучи сохраняемо въ теченіе вѣковъ во всей своей первобытной чистотѣ, могло сдѣлаться владычествующей и единственной религіей всего Китая. Къ сожалѣнію, невѣжественные толкователи исказили впослѣдствіи законъ Лао-тси, обезобразили его нелѣпыми повѣрьями, обрядами и окончательно превратили въ грубѣйшее язычество.

Нынѣ законъ *Тао* — религія черни и вообще неразвитыхъ классовъ общества. Жрецы, они же астрологи, чернокнижники и алхимики—безсовѣстно эксплуатируютъ сектаторовъ, не хуже индійскихъ браминовъ морочатъ ихъ мнимыми чудесами, питаютъ и поддерживаютъ нелѣпое суевѣріе.

Первымъ ученикомъ и толкователемъ Лао-тси былъ современный ему философъ *Куен-юн-тси*, министръ императора. Онъ изъ рукъ самого учителя получилъ его книгу Разума и написалъ на нее толкованія въ девяти книгахъ, подъ заглавіемъ ***Ши-мин-кингъ***. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ этой книги, кото-

Къ стр. 68.

Лао-тси

рыя могутъ ознакомить читателя съ духомъ и направленіемъ Куен-юи-тси:

„Но существуя подобно существамъ, одѣтымъ плотію, *Тао* не можетъ быть выраженъ словами; его нельзя выразить словомъ, потому что онъ—Тао. Не будучи веществомъ, онъ не можетъ быть постигнутъ нашимъ разумомъ."

Въ сущности, это повтореніе другими, менѣе ясными словами правилъ Лао-тси; новаго тутъ ничего нѣтъ. Новое и совершенно противоположное ученію Лао-тси разсужденіе проглядываетъ тамъ, гдѣ ученикъ очевидно впадаетъ въ пантеизмъ.

„Если Тао все проникаетъ, то и мы, люди, можемъ назваться Тао; да мы и суть Тао, дѣйствительно".—Далѣе:

„Существа родятся на землѣ, конецъ ихъ совершается на землѣ же, посредствомъ превращенія. Зародышъ дѣяній людскихъ—въ ихъ помыслахъ: въ помыслахъ же и окончаніе людскихъ дѣяній. Зная, что мысль есть причина дѣянія — его совершаютъ мгновенно; совершеніе дѣянія вмѣстѣ съ тѣмъ есть и конецъ его. Такъ въ добромъ и въ зломъ. Мысль измѣняется и преображается, но сердце или органъ мышленія неизмѣнно; мысль обладаетъ способностью знать, судить, дѣлать выводы; сердце этими способностями не обладаетъ. Сердце наше простой недѣлимый органъ; мысль же есть тончайшая, неуловимая матерія, блуждающая въ пространствѣ."

Здѣсь мы видимъ уже совершенно фальшивыя варіаціи ученика, почти заглушающія тему учителя. Замѣтьте, это покуда мудрствованіе ученика, *современнаго* учителю, чего же ждать отъ послѣдующихъ? Не ясное ли доказательство, что зародыши расколовъ во всякой религіи или философской школѣ всегда находятся въ тѣхъ же ученикахъ и первыхъ ея послѣдователяхъ. Обременяя завѣщанное имъ ученіе безполезными мудрствованіями, облѣпляя его зданіе ненужными украшеніями, ученики думаютъ сдѣлать лучше, а дѣлаютъ хуже; желая прибавить свѣту, къ данному имъ, учителемъ, свѣточу—они его затемняютъ, гасятъ и вмѣсто ожидаемаго свѣта получаютъ смрадную копоть.

Другой толкователь религіи Тао—***Юн-вен-тси***, менѣе откло-

нается отъ первоначальнаго ученія и нѣкоторыя изъ его разсужденій оставляютъ далеко за собою разсужденія его предшественника: „Небо и земля перенесены въ пространство и взаимно другъ друга проницаютъ. Все видимое, всѣ живыя существа образуютъ одно общее тѣло, такъ сказать —*единицу*. Кто знаетъ эту единицу, тотъ знаетъ все въ ней содержимое и наоборотъ...“

„Въ высшей наукѣ учатся разумомъ, въ средней — сердцемъ, въ низшей—ушами. У учащагося послѣднимъ путемъ наука гнѣздится въ кожѣ, для учащагося сердцемъ—въ его мясѣ, для учащагося разумомъ—въ мозгѣ его костей. Таковы источники всѣхъ знаній (¹)“.

Слѣдующіе афоризмы нельзя оставить безъ вниманія:

„Что *истинно*, что *лживо*? До сихъ поръ у людей это неопредѣлено съ точностью. Въ нашъ вѣкъ, всякъ и каждый *истиннымъ* признаетъ то что̀ любитъ; *лживымъ* то что̀ онъ ненавидитъ. Ищущій правды, не ищетъ ея въ своемъ союзѣ съ разумомъ другихъ людей, онъ ее доискивается въ своемъ собственномъ разумѣ. Отталкивающій отъ себя ложное не оттолкнетъ отъ себя правды: она можетъ только заставить его быть настойчивѣе и прилежнѣе. *Правдою* кажется намъ удовлетвореніе нашихъ желаній и въ этомъ мы настойчивы; *ложно*, по нашему мнѣнію все то что̀ составляетъ помѣху къ удовлетворенію нашихъ желаній. Нашъ вѣкъ положительно не знаетъ что̀ *ложно*, что̀ *правдиво*!“

Ли-тси, ученикъ Куен-юн-тси, жилъ въ 398 г. до Р. Х. и сорокъ лѣтъ провелъ въ уединеніи, гдѣ написалъ замѣчательную книгу о *пустотѣ* и *невещественномъ* (Чунг-хіу-кингъ). Вотъ любопытнѣйшій изъ нея отрывокъ:

„Всякое существо, имѣющее начало, т. е. раждающееся по законамъ своего бытія, должно неминуемо имѣть и конецъ. Говорю:

(¹) Сравненія весьма остроумныя, хотя и нуждающіяся въ поясненіяхъ. Авторъ желаетъ сказать, что учащійся ушами, т. е. слушающій, но не вникающій въ смыслъ, знакомится съ наукою поверхностно; у болѣе внимательныхъ наука входитъ въ кровь, человѣка же совершенно преданнаго наукѣ, она проницаетъ до мозга костей.

неминуемо, ибо конца своего также точно невозможно миновать, какъ и своего начала. И если бы кто вздумалъ произвольно продолжать свою жизнь или съ точностью опредѣлить, вычислить годы своего бытія, тотъ впалъ бы въ грубую ошибку. То что въ живомъ человѣкѣ—духовно, незримо, неосязаемо—есть частица неба; мясо и кости человѣка—частицы земли. Что принадлежитъ небу, то чисто и испаряется; принадлежащее же землѣ—нечисто и соединяется со своими составными частями (т. е. разлагается, распадается на составныя части). Части духовныя, тончайшія, отдѣляясь отъ тѣлесныхъ оболочекъ, возвращаются къ первообразной эсенціи; вотъ почему ихъ называютъ *куэй* (тончайшими, возвращающимися частями) отъ глагола куэй — возвращаться. Древній императоръ *Хоанг-ти* говаривалъ: тончайшая духовая эсенція возвращается къ своему источнику; кости и мясо къ ихъ корню или началу (т. е. въ землю)... Надобно знать что же есть въ насъ такое, *что переживаетъ насъ самихъ*?“

Чуанг-тси, жившій чрезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ *Ли-тси* — своимъ умомъ и обширнѣйшими познаніями превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Ревностный приверженецъ ученія Тао, онъ яростно нападалъ на ученіе Кунг-фу-тси и его послѣдователей. Его толкованія на книгу Лао-тси, собранныя въ *Книгѣ южнаго цвѣтка* (нан-хоа-кингъ), обилуютъ прекраснѣйшими нравственными изреченіями, изъ которыхъ особенно замѣчательны слѣдующія:

„*Тао* свойственны чувства любви и пріязни. Онъ не дѣйствуетъ, не имѣетъ опредѣленнаго вида; можетъ быть передаваемъ, но не изъ рукъ въ руки; можетъ быть принятъ, но не видимъ. До бытія неба и земли онъ существовалъ въ глубочайшей древности; это былъ духъ, верховный повелитель надъ всѣми духами, онъ произвелъ небо и землю. Онъ существовалъ и носился превыше тверди, углублялся въ пространство вселенной, ниже шести преисподень; самъ же онъ не глубокъ. Былъ до созданія неба и земли, однако же не безграниченъ, старѣе глубочайшей древности и при всемъ томъ не старъ.

„Жизнь—слѣдствіе смерти, смерть — начало жизни. Слѣдуетъ внимательно изучить эту цѣпь послѣдовательности бытія. Жизнь

человѣческая есть только сгущеніе жизненнаго духа. Сгущеніе духа есть жизнь, его разжиженіе и испареніе—есть смерть. А если смерть — начало жизни, зачѣмъ же сокрушаться при мысли о смерти? Всѣ существа вселенной образуютъ одну великую единицу.

„Свѣтъ родился изъ тьмы, стройный порядокъ въ природѣ родился изъ безобразія, существа духовныя родились изъ Тао. Внѣшній образъ (форма) родился изъ тончайшаго духовнаго начала, и существа всей вселенной пораждаютъ другъ друга подъ тѣмъ видомъ, какой приняли первобытно.

„Что такое хаосъ? нестройное смѣшеніе составныхъ частей—что такое смерть? Духи жизни *хоенъ* и *фо* разъединяются; за ними, разлагаясь, слѣдуетъ тѣло. Это возвратъ образа къ безобразію, вида къ отсутствію вида.

„Излишняя жажда знанія причина смутъ на землѣ.“

Князь философъ *Хоай-нань-тси* (за 200 лѣтъ до Р. Х.) имѣетъ полное право на имя достойнаго послѣдователя ученія Тао. Онъ признавалъ *единицу* началомъ всего видимаго и невидимаго, онъ же старался дать о ней точнѣйшее понятіе, говоря, какъ бы вдохновенный духомъ истины:

„Верховный разумъ (Тао) объемлетъ небо и поддерживаетъ землю. Нѣтъ той высоты, до которой бы онъ не воспарилъ и нѣтъ глубины, въ которую бы онъ не погрузился... Тао до того необъятенъ, что его не въ состояніи умѣстить и вся вселенная, онъ же умѣщается и въ малѣйшемъ существѣ. Силою Тао горы возрастаютъ до высоты своей, пропасти осѣдаютъ до своей глубины, звѣри движутся, птицы летаютъ, солнце и луна издаютъ свѣтъ, звѣзды небесныя совершаютъ свои періодическія скитанія.“

Философъ, бросившій въ ученіе Тао начатки грубаго мистицизма, пустынникъ *Хо-куан-тси*. По дошедшимъ до насъ отрывкамъ его сочиненій видимъ, что онъ вкривь и вкось толковалъ о томъ, чего и самъ не понималъ, и первый изъ китайцевъ написалъ трактатъ о числахъ и ихъ таинственныхъ сочетаніяхъ, въ родѣ того, напримѣръ, что число 25 (5×5) есть причина міозданія, а 36 (6×6) основа годовъ и т. д.

Примѣръ былъ поданъ и съ этого времени религія Тао превратилась въ собраніе магическихъ и кабалистическихъ бредней; наконецъ прокралась въ нее и алхимія, со своими рецептами напитка безсмертія и философскаго камня. Причиною послѣдняго безобразія былъ буквально понятый и превратно истолкованный текстъ въ книгѣ Лао-тси. Онъ говорилъ, что познаніе божества есть истинный *напитокъ безсмертія*, а наука, облагораживая и возвышая человѣка, придаетъ ему цѣну и, такъ сказать, превращаетъ свинецъ или олово въ чистое золото... Думалъ ли древній мудрецъ, что это картинное сравненіе породитъ впослѣдствіи въ Китаѣ цѣлыя орды сумасбродовъ и жалкихъ искателей?

Примѣръ, повторяемъ, не новый. Огонь въ рукахъ благоразумнаго человѣка даетъ и тепло и свѣтъ, въ грязныхъ лапахъ невѣжды тотъ же огонь — пагуба и ему самому, и тысячамъ его окружающихъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Происхожденіе Кунг-фу-тси.—Чудеса при его рожденіи.—Дѣтство и первоначальное воспитаніе.—Служебная дѣятельность.—Женитьба.—Смерть матери и ея погребеніе.—Наставленія согражданамъ.—Дальнѣйшее образованіе Кунг-фу-тси.—Уроки музыки.—Ученики.—Путешествіе въ княжество Тси.—Спасеніе самоубійцы.—Наставленія ему.—Великая истина.

Кунг-фу-тси, вѣрнѣе Кунг-тси (или, какъ у насъ принято называть его латинизированнымъ именемъ *Конфуцій*) родился въ 11 луну 21 года царствованія императора *Линг-Ванга* (въ 551 г. до Р. Х.) въ княжествѣ Лу, тогда подвластномъ китайской державѣ (нынѣ образующей область Шанг-туангъ). Китайскіе историки ведутъ родословіе Кунг-фу-тси отъ императора Хоанг-ти, прибавляя, что многіе изъ предковъ великаго философа занимали весьма важныя государственныя должности. Отецъ его *Шу-ліанг-хо*, былъ гу-

бернаторомъ города Тсеу. Отъ *первой* [1] жены у него было девять дочерей; а вторая родила ему слабаго сына, вскорѣ умершаго. Овдовѣвъ Шу-ліанг-хо, желая имѣть прямаго наслѣдника, рѣшился взять себѣ другую *первую* жену и выборъ его палъ на молоденькую дѣвушку, одну изъ трехъ дочерей семейства Йенъ. Повинуясь волѣ родительской, избранная губернаторомъ невѣста дала ему свое согласіе и вскорѣ послѣ свадьбы упросила съѣздить съ нею на богомолье на пригорокъ Ни-кіеу. Здѣсь она помолилась Шанг-ти, прося его благословить союзъ ея потомствомъ и чрезъ десять мѣсяцевъ по возвращеніи домой родила сына, которому дала имя *Кіеу*, пригорка (въ память услышанной Богомъ ея молитвы на пригоркѣ) и прозвище *Чунг-ни*.

Какъ ни мало склонны китайскіе историки къ чудеснымъ присказкамъ, однако же и они въ своихъ повѣствованіяхъ окружаютъ Кунг-фу-тси при его рожденіи сказачной обстановкой. Въ саду того же дома, въ которомъ родился великій мудрецъ, появился звѣрь *ки-лингъ* — всегда предвѣщающій великія событія. Онъ выбросилъ изъ желудка яшмовый камень, на которомъ было написано: ***когда династія Чеу будетъ клониться къ упадку, тогда родится младенецъ, чистый какъ кристальная волна; онъ будетъ царемъ, но безъ всякаго царства.*** Въ минуту появленія Кунг-фу-тси на свѣтъ, надъ домомъ его родителей парили два дракона, а въ покой родильницы вошли пятеро старцевъ. Послѣ того раздалась упоительно-гармоническая музыка и голоса незримыхъ духовъ пѣли въ воздухѣ: „Небеса трепещутъ отъ радости при рожденіи святаго сына!“

Оставимъ, однако, сказки и перейдемъ къ исторической правдѣ. Подлинная біографія Кунг-фу-тси, составленная съ безукоризненной тщательностью, обилуетъ многими любопытными данными, знакомящими, какъ съ высокими душевными качествами мудреца, такъ равно и съ нравами и обычаями его эпохи. Младенецъ *Кіеу* въ

[1] *Первою* женою или женою *перваго разряда* у китайцевъ многоженцевъ называютъ хозяйку дома и ту жену, которая пользуется всѣми закономъ предоставленными ей правами; остальныя—правами ниже ея, ничто иное какъ узаконенныя наложницы.

нѣжнѣйшемъ возрастѣ отличался отъ прочихъ дѣтей — своихъ сверстниковъ, безграничной покорностью своей матери (отца онъ потерялъ вскорѣ послѣ своего рожденія). Кромѣ того былъ почтителенъ къ старикамъ, уважалъ вообще всѣхъ старше себя: отличался степенностью и разсудительностью превыше возраста; обряды религіи соблюдалъ строго и съ неподдѣльнымъ благоговѣніемъ. Нерѣдко заставали его предъ столикомъ, установленнымъ домашней утварью, цвѣтами, куклами —предъ которыми онъ преклонялся съ тѣлодвиженіями жреца, горячо молящагося.

Когда Кіеу исполнилось семь лѣтъ, мать усердно занялась его воспитаніемъ. Думала пріискать ему учителя, но будучи вдовою и еще весьма молодыхъ лѣтъ, не рѣшилась взять къ себѣ въ домъ посторонняго мужчину и Кіеу былъ отданъ въ общественное училище, которое содержалъ великій ученый, вмѣстѣ съ тѣмъ и градоправитель. Въ древнемъ Китаѣ первѣйшіе сановники не стыдились благороднаго званія учителей и наставниковъ юношества. При поступленіи въ училище, молодому Кіеу дали новое прозвище *Чунг-ни.* Мальчикъ вскорѣ затмилъ всѣхъ товарищей скромностью, прилежаніемъ, кротостью, въ особенности же успѣхами въ наукахъ. Начальникъ училища сдѣлалъ его своимъ помощникомъ и репетиторомъ въ классахъ. Въ Китаѣ, въ древнія времена существовало и понынѣ существуетъ обыкновеніе, чтобы прилежнѣйшіе въ школахъ ученики занимались обученіемъ менѣе развитыхъ товарищей... Не въ обиду будь сказано гордой Англіи—*ланкастерская* метода взаимнаго обученія процвѣтала въ Китаѣ за нѣсколько столѣтій до основанія Ланкастера. *Чунг-ни* успѣшно исправлялъ возложенную на него должность до семнадцатилѣтняго возраста. Въ это время онъ ознакомился съ сочиненіями древнихъ, изучая творенія авторовъ, имѣвшія огромное вліяніе на развитіе его ума и сердца. Окончивъ курсъ наукъ, Чунг-ни, по желанію матери, занялъ неважную должность торговаго пристава. Но для истинно даровитаго и умнаго человѣка ничтожныхъ должностей не существуетъ. Торговый приставъ *Кунг-фу-тси* (третье и послѣднее прозвище), не считая ни мало унизительнымъ для своей знатной фамиліи служеніе въ пользу согражданъ, отнесся къ должности своей съ небывалой до того времени добросовѣстностью. Обыкно-

венно знатные молодые люди, зачисленные на службу для полученія чиновъ, нанимали за себя подставныхъ дѣльцовъ—большею частью пройдохъ и взяточниковъ. Кунг-фу-тси рѣшился служить самъ и въ совершенствѣ изучить свою должность. Обязанность его, какъ торговаго пристава, состояла въ надзорѣ за продажей жизненныхъ припасовъ на рынкахъ и въ лавкахъ ([1]). Съ самаго ранняго утра, Кунг-фу-тси, сопровождаемый свѣдущими и опытными людьми, ревизовалъ выставленные на продажу овощи, мясо и хлѣбъ, обращая на послѣдній продуктъ особенное вниманіе. Одобряя и всячески поощряя честныхъ торговцевъ, Кунг-фу-тси немилосердно преслѣдовалъ мошенниковъ, предавая уничтоженію несвѣжіе припасы. Эта система, простая, какъ сама правда—вскорѣ дала самые утѣшительные результаты: монополія и торговая плутня—исчезли; мѣра и вѣсъ ни на волосъ не уклонялись отъ узаконенной нормы. Не довольствуясь осмотромъ припасовъ, предписаннымъ служебными обязанностями, Кунг-фу-тси изъ любви къ дѣлу часто ревизовалъ запасные хлѣбные магазины; бесѣдовалъ съ земледѣльцами о разныхъ родахъ почвы и хлѣба, объ измѣненіи цѣнъ и вообще о сельскомъ хозяйствѣ и народной экономіи. Въ теченіе двухъ лѣтъ Кунг-фу-тси принесъ согражданамъ болѣе пользы, нежели иной въ двадцать.

По желанію матери онъ женился на ***Ки-коан-ши***, дѣвицѣ древней знатной фамиліи княжества Сунгъ. Черезъ годъ Богъ далъ ему сына ***Пе-йю***. Князь Лу, узнавъ о рожденіи первенца у Кунг-фу-тси, прислалъ ему чрезъ важнаго сановника вмѣстѣ съ поздравленіемъ—драгоцѣнную, живую рыбу, съ тѣмъ, чтобы ее приготовили для параднаго обѣда, даваемаго обыкновенно въ день исполненія перваго мѣсяца новорожденному. Въ память княжескаго подарка, Кунг-фу-тси далъ своему сыну прозвище ***Ли*** (по названію присланной рыбы). Вскорѣ послѣ того сограждане и сослуживцы Кунг-фу-тси поднесли высшему правительству адресъ, въ которомъ, исчисляя всѣ заслуги пристава и его дарованія, указывали на

([1]) И такъ—начало санитарныхъ комиссій находимъ въ томъ же Китаѣ за 500 слишкомъ лѣтъ до Р. Х., если еще не ранѣе.

него, какъ на благонадежнѣйшаго исполнителя благихъ видовъ государя въ дѣлахъ важныхъ преобразованій, въ особенности клонившихся къ искорененію злоупотребленій низшей администраціи. Въ уваженіе этого ходатайства, Кунг-фу-тси дана была должность главнаго инспектора деревень, пахатныхъ полей и стадъ, съ полномочіемъ отмѣнять прежніе порядки и вводить новые. Кунг-фу-тси былъ тогда только двадцать одинъ годъ отъ роду, но и въ этой важной должности онъ выказалъ себя съ самой выгодной стороны, обнаруживъ въ себѣ высокія дарованія государственнаго человѣка. Бытъ земледѣльцевъ видимо улучшался; безплодныя, заброшенныя поля превращались въ богатыя нивы, стада умножались, породы домашней скотины совершенствовались. Полезные труды Кунг-фу-тси на поприщѣ служебной дѣятельности обратили на него справедливое вниманіе императора, имѣвшаго намѣреніе дать ему новую, важнѣйшую должность; но внезапно все измѣнилось со смертью матери Кунг-фу-тси. По закону, смерть отца или матери на время траура отрѣшаетъ сыновей отъ должности (древніе законодатели знали, что люди, удрученные горемъ, не могутъ заниматься службою съ должнымъ вниманіемъ и усердіемъ). Строгій соблюдатель закона, Кунг-фу-тси вышелъ въ отставку и уединился, чтобы на свободѣ оплакивать свою невозвратную и незамѣнимую потерю.

По совершеніи всѣхъ религіозныхъ обрядовъ, тѣло усопшей, по распоряженію Кунг-фу-тси, было погребено рядомъ съ ея покойнымъ мужемъ. „***Соединенные при жизни*** — сказалъ мудрецъ, — ***не должны быть разлучены и по смерти.*** Положите ихъ рядомъ, — мужа на востокъ, жену на западъ, съ головами обращенными на сѣверъ, а ногами на югъ (?). Положите тѣла ихъ, чтобы предохранить отъ плотоядныхъ звѣрей—въ гробы изъ толстыхъ четырехдюймовыхъ досокъ, пропитанныхъ масломъ или покрытыхъ лакомъ, а чтобы по возможности долѣе предохранить ихъ отъ разрушенія, поставьте гробы на земляные холмы.“

Это погребеніе матери мудреца было совершенно отлично отъ соблюдавшихся тогда похоронныхъ обрядовъ. Покойниковъ хоронили какъ попало на пустыряхъ, нѣсколько дней носили по нимъ трауръ, а тамъ, какъ говорится—хоть трава не рости. „Это не-

уваженіе къ усопшимъ, говоритъ Кунг-фу-тси въ одной изъ своихъ книгъ,—было слѣдствіемъ порчи вѣка; нравы во всей имперіи до того развратились (особенно со времени отложенія удѣльныхъ князей отъ императора), что люди перестали краснѣть, утратили стыдъ, совѣсть -и на возмутительнѣйшія гнусности смотрѣли равнодушно. Забвеніе усопшихъ особенно укоренилось; государь не заботился о томъ, чтобы застазить обходиться съ ними иначе, а правительство чуть ли не поощряло къ тому". Кунг-фу-тси взялъ на себя трудное дѣло преобразованія. Онъ старался вразумить согражданъ, что человѣкъ драгоцѣннѣйшее созданіе изъ всѣхъ живущихъ подъ небомъ и достоинъ всякаго уваженія. Будучи, самою природою, избранъ въ цари земли—онъ въ правѣ требовать себѣ уваженіе отъ всего живущаго. Равнодушіе къ остающейся на землѣ оболочкѣ души его—есть униженіе достоинства человѣка, низведеніе его на степень грубаго животнаго. „Любите и другъ друга, продолжалъ проповѣдывать Кунг-фу-тси,—и весь родъ человѣческій; всю цѣпь, которой каждый изъ васъ есть отдѣльное звѣно. Всѣ вы — всегда и всѣмъ обязаны усопшимъ. Не было бы однихъ, и другихъ не было бы. Живые обязаны быть благодарными усопшимъ — по мѣрѣ оказанныхъ ими благодѣяній. Самый простой и естественный способъ возблагодарить мертвыхъ состоитъ въ воздаяніи почестей ихъ памяти и именно тѣми обрядами, которые существовали въ первые вѣка имперіи. Несомнѣнно, что и потомки наши воздадутъ намъ тѣ почести, которыя мы воздавали нашимъ предкамъ."

Примѣръ Кунг-фу-тси нашелъ подражателей, а наставленія его—послѣдователей. Забытые обычаи благочестивой старины воскресли, возобновились и до нынѣ уже не были преданы забвенію.

Три года мудрецъ провелъ въ уединеніи, оплакивая свою покойную мать, утѣшаясь занятіемъ науками, изучая основательно все, чему въ дѣтствѣ учился поверхностно. Изучая законы нравственности, онъ постепенно дошелъ до ихъ источника и рѣшился дѣйствовать неуклонно по этимъ великимъ законамъ всю свою жизнь. Для этого прилежно читалъ древнія священныя книги (*кинги*) и сочиненія мудрецовъ. Кромѣ наукъ и философіи Кунг-фу-тси прилежно занимался шестью (по ученію китайцевъ) сво-

бодными художествами, изучая музыку, духовные и гражданскіе обряды, ариѳметику, калиграфію, искуство биться на всякомъ оружіи и искуство управлять колесницей. Въ образованіи Кунг-фу-тси видимъ рѣзкую противуположность его предшественнику Лао-тси. Послѣдній былъ основателемъ совершенно новой школы; Кунг-фу-тси почерпалъ основанія своей доктрины въ старинѣ, основываясь на преданіяхъ и на авторитетѣ предшественниковъ. Лао-тси—самоучка; Кунг-фу-тси—ученикъ древнихъ.

По истеченіи срока траура, Кунг-фу-тси сложилъ на гробницу матери свои печальныя одежды и снова возвратился къ жизни общественной. Желая разсѣяться, онъ взялъ нѣсколько акордовъ на гитарѣ—но она издала звуки жалобные, заунывные. Онъ не возвратился къ своей должности, но рѣшился продолжать только свои ученыя занятія. Вскорѣ слава о его учености и мудрости стала распространяться по всему Китаю. Удѣльный князь области *Йенъ* прислалъ къ нему вельможъ спросить совѣта, какъ лучше управлять народомъ. Выслушавъ посланныхъ, мудрецъ отвѣчалъ:

„Не зная ни государя вашего, ни его подданныхъ, не могу ничего и совѣтовать на пользу ему или его народу. Если бы онъ спросилъ у меня, какъ поступали древніе государи въ такомъ или иномъ случаѣ—я бы съ удовольствіемъ удовлетворилъ его желаніе, такъ какъ мнѣ пришлось бы говорить о томъ что я знаю. Передайте же вашему государю эти мои слова!"

На слѣдующій годъ князь призвалъ мудреца къ себѣ, чтобы воспользоваться благими его совѣтами и указаніями. Исполнивъ свой долгъ, Кунг-фу-тси сталъ собираться въ обратный путь. На убѣдительныя просьбы князя остаться у него, мудрецъ отвѣчалъ:

„Пріѣхавъ сюда, я исполнилъ долгъ свой; исполняю его же и уѣзжая отсюда. Теперь могу быть полезенъ еще гдѣ нибудь."

Поѣздка въ княжество Йенъ убѣдила Кунг-фу-тси въ той великой истинѣ, что путешествіе вообще развиваетъ умъ и сердце человѣка, образовывая его не хуже книгъ. Для усовершенствованія себя въ музыкѣ, мудрецъ отправился въ княжество *Кинъ* къ знаменитому музыканту *Сіангу*. Учитель, вводя прилежнаго

ученика въ таинства гармоніи, объявилъ ему съ перваго начала. что музыка драгоцѣннѣйшій изъ всѣхъ даровъ неба—человѣку. Она утишаетъ бурныя волны страстей, обуревающихъ душу, даетъ наслажденіе чистое, невинное; возвышаетъ и облагораживаетъ человѣка. Отъ теоріи учитель перешелъ къ практикѣ и звуками на гитарѣ привелъ ученика въ совершенный восторгъ.

„На первый разъ довольно. Упражняйтесь!"

Въ десять дней Кунг-фу-тси достигъ въ игрѣ на гитарѣ до того же совершенства, какъ и *Сіангъ*, и тогда выразилъ ему желаніе—научиться понимать мысль композитора.

„Даю вамъ пять дней. Доискивайтесь?" отвѣчалъ учитель.

Черезъ пять дней ученикъ сознался, что понимаетъ пьесу смутно, будто сквозь облако и попросилъ еще пятидневной отсрочки. Сіангъ съ удовольствіемъ согласился. Вполнѣ просвѣщенный, Кунг-фу-тси по прошествіи этихъ пяти дней, прійдя къ Сіангу, сказалъ: „Теперь я похожъ на человѣка, съ горной вершины обозрѣвающаго пройденный путь и всю окрестность. Въ музыкѣ вижу то, что въ ней возможно видѣть. Благодаря постоянству и прилежанію, я понялъ таинственный смыслъ древней пѣсни мною разыгранной. Играя ее на гитарѣ, я перечувствовалъ все, что испыталъ ея композиторъ: мнѣ казалось, что я его вижу, слышу, говорю съ нимъ. Воображаю себѣ этого сочинителя человѣкомъ средняго роста, съ продолговатымъ, нѣсколько смуглымъ лицемъ, съ большими ласковыми глазами, съ кроткимъ пріятнымъ голосомъ... словомъ, въ сочинителѣ пѣсни вижу великаго императора *Ву-ванга!* Такъ ли?"

„Такъ! отвѣчалъ восхищенный музыкантъ, — вы не ошибаетесь! Отнынѣ не вамъ у меня—мнѣ у васъ учиться!"

Возвратясь домой, Кунг-фу-тси (тогда имѣвшій тридцать лѣтъ отъ роду), сознавая въ себѣ богатые запасы всѣхъ необходимыхъ ему знаній, рѣшился посвятить всю жизнь на служеніе мудрости и истинѣ. Тщетно его родные уговаривали его не покидать службы государственной. „Рѣшеніе мое неизмѣнно! отвѣчалъ Кунг-фу-тси,—долгъ мой служить и быть полезнымъ всѣмъ людямъ безъ изъятья. Всѣ люди — одна семья и призваніе мое быть ея *наставникомъ*!"

Съ этого времени мудрецъ, не довольствуясь даяніемъ совѣтовъ всѣмъ обращавшимся къ нему, превратилъ домъ свой въ *лицей* или *академію*—двери которой были радушно открыты всѣмъ и каждому. Сюда толпою устремлялись старики и юноши, богачи и бѣдняки, люди всѣхъ званій и сословій; кто постоянно, кто по мѣрѣ надобности въ добромъ совѣтѣ и наставленіи. Царь области *Тси* услышалъ о мудрецѣ, прислалъ за нимъ цѣлое посольство и Кунг-фу-тси отправился ко дворцу его съ нѣсколькими учениками. Кромѣ учениковъ, слѣдомъ за мудрецомъ добровольно пошло тринадцать человѣкъ молодежи, жаждущей знанія, чистой душой, искренно любящей истину. Кунг-фу-тси не отгонялъ ихъ отъ себя, будучи увѣренъ, что непостоянные и безхарактерные изъ нихъ сами отстанутъ отъ него во время предстоящаго долгаго пути...

То была пора бурнаго, кипучаго движенія реформы въ Китаѣ!.. явленіе, повторявшееся въ послѣдующіе вѣка на востокѣ, а впослѣдствіи на западѣ. Молодыя, свѣжія силы отозвались на призывъ передоваго человѣка; члены громаднаго тѣла повиновались головѣ...

Достигнувъ границы царства Тси — мудрецъ и его спутники услыхали жалобные вопли и какъ бы предсмертные стоны.. Побѣжавъ на нихъ, они нашли подъ деревомъ человѣка, силившагося удавиться. Ученики освободили его отъ петли, а Кунг-фу-тси, сойдя съ колесницы, ласково разспросилъ несчастнаго о причинѣ его отчаянія.

„Отчаянію моему четыре причины! отвѣчалъ бѣднякъ. — Съ дѣтства меня одолѣвала страсть къ наукамъ; а она вовлекла меня въ другую—страсть къ путешествіямъ. Послѣ долгихъ лѣтъ скитаній и ученья, я возвратился на родину, женился, но не успѣвъ насладиться плодами знанія и опытности—потерялъ отца и мать. То было мое первое горе. Прошло время траура. Желая принести посильную пользу ближнимъ, я рѣшился служить и съ этой мыслію отправился къ царю Тси. Онъ, утопая въ роскоши, не пожелалъ ни видѣть, ни слушать меня. Это мое второе горе. Третьимъ горемъ моимъ было равнодушіе къ моимъ неудачамъ тѣхъ, которые были друзьями моими въ дни счастія и доволь-

ства. Говорить ли о четвертомъ горѣ, недавнемъ и тягчайшемъ изъ всѣхъ? Былъ у меня сынъ, на котораго я возлагалъ всѣ надежды, утѣшаясь мыслію, что онъ будетъ моей утѣхой. Этотъ сынъ, безжалостно покинувъ меня, рыскаетъ по свѣту, выдавая себя за безроднаго...

„Нынѣшнюю ночь всѣ мои бѣдствія явились въ моей памяти, со всею ихъ мрачной отчетливостью, и я сказалъ себѣ самому: я хотѣлъ быть мудрецомъ и учить другихъ быть счастливыми; я вообразилъ себѣ, что я превыше другихъ, а самъ не исполнилъ ни единаго изъ назначеній человѣка. Я былъ дурнымъ сыномъ, потому что въ юности добровольно разлучился съ отцомъ и матерью, а по возвращеніи ничѣмъ не вознаградилъ ихъ за разлуку; я былъ дурнымъ гражданиномъ, потому что не принесъ ни малѣйшей пользы ни ближнимъ, ни отечеству; я былъ дурнымъ отцомъ, потому что не съумѣлъ развить въ моемъ сынѣ чувствъ человѣческихъ. — Что же я послѣ всего этого? И вдумываясь въ эти безотрадныя мысли, я рѣшился покончить съ жизнію!“

Тронутый Кунг-фу-тси отвѣчалъ ему:

„Какъ бы ни были велики ваши погрѣшности, онѣ ничто въ сравненіи съ малодушіемъ. Всякая ошибка — дѣло поправимое, но самоубійство — преступленіе непоправимое. Вы заблудились съ первыхъ же вашихъ шаговъ на пути жизни, вы, думая идти къ мудрости, пошли ложной дорогой. Вамъ слѣдовало начать съ того, чтобы быть человѣкомъ прежде, нежели сдѣлаться мудрецомъ; послѣднее возможно только при точномъ исполненіи человѣкомъ обязанностей, налагаемыхъ на него самою природою. Первымъ вашимъ долгомъ было любить родителей и угождать имъ; но вы его не исполнили и эта небрежность была причиною всѣхъ вашихъ бѣдствій.

„Не думайте однакожъ, что для васъ все невозвратно погибло. Пріободритесь, не упадайте духомъ и вѣрьте одной великой истинѣ, неопровержимость которой подтверждается опытомъ всѣхъ вѣковъ... Вотъ эта истина—постарайтесь неизгладимо запечатлѣть ее въ вашей памяти: ***Покуда человѣкъ живъ, ему ни въ чемъ не должно отчаяваться.*** Отъ величайшей скорби онъ можетъ перейдти къ величайшей радости, отъ ужаснѣйшаго бѣд-

ствія къ совершеннѣйшему блаженству... Мужайтесь, идите мирно къ себѣ домой и примитесь за трудъ съ той же охотою, какъ бы сегодня вы снова начали жить, узнавъ настоящую цѣну жизни. Вы еще можете сдѣлаться мудрымъ.“

Затѣмъ, обращаясь къ ученикамъ, Кунг-фу-тси сказалъ:

„Все видѣнное и слышанное вами — прекрасный урокъ для всѣхъ васъ. Размыслите хорошенько...“

И онъ пустился въ дальнѣйшій путь, но по мѣрѣ приближенія его къ цѣли путешествія, стала убывать толпа его добровольныхъ спутниковъ. Другъ за другомъ, подъ разными предлогами, всѣ тринадцать человѣкъ распростились съ мудрецомъ и возвратились къ себѣ по домамъ. Предчувствіе Кунг-фу-тси, что вспышка молодыхъ людей и увлеченіе ихъ не будутъ продолжительны, оправдалось на дѣлѣ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Пребываніе въ княжествѣ Тси.—Прозорливость мудреца.—Прибытіе въ столицу. — Поученія.—Надпись на золотой статуѣ.—Рѣка и ученіе древнихъ.—Ведро воды.—Старыя и молодыя птицы.—Урокъ корыстолюбцу и лиходателю.

Молодой князь Тси принялъ прибывшаго къ нему мудреца съ подобающими почестями, но тѣмъ его отношенія къ Кунг-фу-тси и ограничились. Ни совѣтовъ, ни наставленій князь у него не спрашивалъ. Пребываніе мудреца при его дворѣ не принесло княжеству никакой пользы, ласками же князь осыпалъ мудреца тщеславія ради, чтобы народъ кричалъ о немъ, какъ онъ умѣетъ чествовать и награждать великихъ людей. На предложеніе княземъ цѣлаго города въ обладаніе, Кунг-фу-тси отвѣчалъ:

„Не за что!“

Ученики, недовольные безкорыстіемъ учителя и желая искусить его, замѣтили, что отказъ этотъ могутъ приписать гордости.

„Послѣ этого, сказалъ мудрецъ,—вы не знаете ни меня, ни князя. Я пріѣхалъ къ нему не изъ корыстныхъ видовъ!"

Изъ княжества Тси мудрецъ располагалъ отправиться въ княжество **Чеу**, но бывшія тамъ смуты и междоусобія (519 г. до Р. Х.) принудили его отложить это намѣреніе и остаться въ княжествѣ Тси, гдѣ число учениковъ и слушателей возросло до такой степени, что князь отдалъ Кунг-фу-тси для его собраній одинъ изъ своихъ дворцовъ.

Однажды, дружески бесѣдуя съ мудрецомъ, князь получилъ извѣстіе изъ княжества Чеу, что молнія въ императорскомъ дворцѣ сожгла одинъ изъ чертоговъ, посвященныхъ памяти предковъ.

„Чертогъ **Ли-ванга**, по всей вѣроятности!" — замѣтилъ Кунг-фу-тси.

„Почему вы такъ думаете?" спросилъ князь.

„Покуда властители земли живы, худо понимаемое уваженіе къ нимъ, либо раболѣпный страхъ, замыкаютъ уста окружающимъ, но Небо, рано или поздно, ниспосылаетъ знаменія своего гнѣва на нарушителей его законовъ. Ли-вангъ былъ злой государь. Онъ отмѣнилъ многія мудрыя постановленія Вен-ванга; онъ первый осмѣлился носить желтыя, богато убранныя одежды, строилъ пышные дворцы, щеголялъ лошадьми и колесницами — словомъ, онъ первый изъ царей ввелъ при дворѣ ту безумную роскошь, которая заставила бы краснѣть царей древности. Громъ небесный, уничтоживъ чертогъ, посвященный памяти Ли-ванга, возвѣщаетъ людямъ, что они воздавали почести недостойному, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ громъ предостерегаетъ князей, чтобы они не подражали Ли-вангу."

Князь, узнавъ чрезъ нарочно посланнаго, что молнія дѣйствительно сожгла чертогъ Ли-ванга, сказалъ послѣ долгаго раздумья окружающимъ:

„Порадуйтесь со мною! — я пріобрѣлъ сокровище неоцѣненное. Кунг-фу-тси величайшій мужъ во всей имперіи; это мудрецъ, достигшій вершины премудрости; это, во истину, святой. Онъ видитъ происходящее далеко такъ же ясно, какъ происходящее у него передъ глазами!.."

Въ числѣ учениковъ Кунгъ-фу-тси былъ сынъ знатнаго вельможи

княжества Лу. Узнавъ о желаніи учителя побывать въ столицѣ имперіи, онъ взялся выхлопотать ему дозволеніе князей Тси и Лу. Послѣдній, для удобства Кунг-фу-тси, прислалъ собственную колесницу и одного изъ офицеровъ своей свиты. Прибывъ въ столицу вмѣстѣ съ учениками, Кунг-фу-тси встрѣтилъ музыканта-философа **Чанг-хунга**, предложившаго свой домъ для его помѣщенія. Онъ же представилъ Кунг-фу-тси первому министру, который, обласкавъ мудреца, принялся его разспрашивать о его ученіи.

„Ученіе мое, отвѣчалъ Кунг-фу-тси,—то самое, которому долженъ слѣдовать каждый человѣкъ,—это ученіе **Яо** и **Шуна**. Что же касается до моей методы обученія, она очень проста: я указываю на поведеніе древнихъ, какъ на образецъ, совѣтую читать священныя книги (кингъ) и требую, чтобы размышляли надъ прочитаннымъ."

„Но какъ пріобрѣсть мудрость? Научите меня чему нибудь?"

„Вы требуете отъ меня слишкомъ многаго. Постарайтесь запомнить четыре слѣдующія предложенія, которыя вамъ, можетъ быть, пригодятся:

„Крѣпчайшая сталь ломается. Такъ нерѣдко кажется несокрушимымъ то, что въ сущности легко уничтожить. Гордецъ, ставя себя выше другихъ, воображаетъ, что всѣ ему поклоняются; другіе же, считая его ниже себя, не воздаютъ ему никакой почести. Излишне снисходительный, со всѣми соглашаясь, чтобы всего достигнуть, всегда бываетъ игралищемъ собственнаго легковѣрія. Дѣйствуя по этимъ правиламъ (какъ ни кажутся они просты) можно достигнуть высокой степени мудрости."

Услыхавъ о прибытіи Кунг-фу-тси въ столицу, одинъ важный сановникъ, по имени **Ліу-вен-кунгъ**, сталъ разспрашивать объ немъ Чанг-хунга, и тотъ, съ восторгомъ отзываясь о своемъ гостѣ, сказалъ между прочимъ, что это образецъ человѣческаго совершенства, который книгами своими спасетъ отъ забвенія религіозные завѣты древнихъ... Когда Кунг-фу-тси передали этотъ отзывъ, онъ сказалъ:

„Все это незаслужено и преувеличено. Довольно было сказать, что я кой-что смыслю въ музыкѣ и стараюсь соблюдать всѣ старинные обряды."

Обозрѣвая столичные храмы и дворцы, Кунг-фу-тси вошелъ, между прочимъ, въ *храмъ свѣта* (Минг-тангъ), гдѣ обратилъ особенное вниманіе на живописныя изображенія древнихъ царей и императоровъ, и глубоко вздохнувъ, посѣтовалъ на безпорядочное ихъ размѣщеніе—добрыхъ со злыми и угодныхъ небу съ его ненавистниками. Въ чертогѣ предка царской династіи *Хеу-тси* онъ замѣтилъ золотаго идола на пьедесталѣ, изображавшаго человѣка съ губами, заколотыми тремя иглами. На спинѣ статуи была слѣдующая надпись:

„Древле люди были въ рѣчахъ своихъ осмотрительнѣе; имъ слѣдуетъ подражать. Не говорите много, ибо при многоглаголаніи всегда скажется что нибудь, чего говорить не слѣдовало.

„Не беритесь за много дѣлъ. Множество дѣлъ влечетъ за собою и множество скорбей, или, по крайней мѣрѣ—заботъ. Трудитесь и работайте на сколько требуетъ долгъ вашъ.

„Не ищите великихъ радостей, ни излишняго спокойствія. Поиски за тѣми или за другимъ, сами по себѣ — трудъ и помѣха спокойствію.

„Никогда не дѣлайте того, что рано или поздно можетъ повлечь за собою раскаяніе.

„Не пренебрегайте поправкой зла, какъ бы ничтожно оно ни было. Запущенное малое зло разрастется и дѣлается большимъ.

„Если не будете обѣгать малой несправедливости къ себѣ, со стороны другихъ людей, вскорѣ придется употреблять всѣ усилія къ отраженію жесточайшихъ нападокъ.

„Говоря или дѣйствуя на единѣ, не воображайте, что васъ никто не слышитъ и не видитъ: духи свидѣтели всѣхъ дѣяній вашихъ.

„Долго скрытый огонь разгарается въ непреодолимый пожаръ. Огонь обнаружившійся легче тушится. Многіе ручьи образуютъ рѣку; многія нитки, свитыя вмѣстѣ, образуютъ канатъ, который трудно порвать.

„Легко вырвать изъ земли молодое неукоренившееся дерево; дайте ему вырости—понадобится топоръ.

„Изъ устъ нашихъ могутъ исторгаться и стрѣлы, язвящія и пламя пожирающее; осторожность предохраняетъ и отъ стрѣлъ и

отъ огня. Не думайте, чтобы человѣкъ, одаренный силою, могъ безопасно вдаваться во всякія опасности. Сильный всегда можетъ встрѣтить сильнѣйшаго, который его сломитъ.

„Ненавидѣть законныхъ своихъ властителей—уподобляться разбойникамъ, роптать на справедливое правительство—становиться въ уровень съ подлой чернію. Противиться государю можно только при чрезмѣрныхъ требованіяхъ; довольствующемуся малымъ легко и повиноваться.

„Простые люди и простѣйшіе изъ людей никогда не починаютъ и не предпринимаютъ ничего новаго: они только подражаютъ и слѣдуютъ тому что дѣлаютъ другіе; имъ необходимы примѣры и образцы. Видя людей осторожныхъ, почтительныхъ, добродѣтельныхъ, образованныхъ и они сдѣлаются такими же и сами въ свою очередь будутъ образцами для послѣдующихъ поколѣній.

„Уста мои замкнуты, говорить не могу; на вопросы и на возраженія не отвѣчу. Въ свою очередь и мнѣ не о чемъ спрашивать. Знаніе же скрыто, но тѣмъ не менѣе—дѣйствительно. Хотя положеніе мое и высоко, но вредить мнѣ никто не можетъ. Изъ васъ скажетъ ли кто это же самое?

„У неба нѣтъ родства и оно одинаково ко всѣмъ людямъ.

„Какъ бы ни были полны рѣки и моря, но принимая въ себя другіе источники и рѣки изъ береговъ не выходятъ.

„Прочитанное вами здѣсь, заслуживаетъ глубокаго размышленія.“

Прочтя эти правила ученикамъ, Кунг-фу-тси сказалъ: „здѣсь немногими словами сказано все, что только можетъ быть сказано добраго и полезнаго. Не сомнѣваюсь, что умѣя примѣнить эти правила къ дѣлу, можно быть близкимъ къ совершенству. Постараюсь воспользоваться ими и вамъ всѣмъ тоже совѣтую [1]!“

Въ окрестностяхъ столицы, въ уединенной пещерѣ произошло свиданіе Кунг-фу-тси съ другимъ великимъ учителемъ—*Лао-тси*,

---

[1] Вся надпись на статуѣ составлена изъ изреченій древнѣйшихъ китайскихъ мудрецовъ. Статуя была поставлена въ царствованіе перваго императора династіи *Чеу*, около 1100 л. до Р. Х. Не справедливо ли назвать позднѣйшихъ мудрецовъ и всѣхъ философовъ Греціи и Рима—эхомъ Китая и Индіи?

о чемъ мы уже говорили въ біографіи послѣдняго. Не можемъ не привести нѣсколькихъ примѣровъ тому, какъ Кунг-фу-тси умѣлъ пользоваться простѣйшими и по видимому ничтожными случаями, чтобы поучать и наставлять своихъ учениковъ.

Однажды они застали его, внимательно смотрящимъ на теченіе рѣки. „Учитель, сказалъ одинъ изъ нихъ, *Тси-кунгъ*,—полезно ли созерцаніе текущей рѣки? Вещь кажется самая обыкновенная...“

„Вы вѣрно говорите, отвѣчалъ мудрецъ,—теченіе рѣки по ея естественному или руками вырытому руслу вещь самая обыкновенная, всѣмъ и каждому извѣстная. Но вотъ чего никто не знаетъ и это не совсѣмъ обыкновенно: соотношеніе и сравненіе рѣки съ ученіемъ. Это самое сравненіе и занимаетъ меня. Воды, думалъ я, текутъ безостановочно, днемъ и ночью, текутъ до самаго устья рѣки и тамъ ввергаются въ море. *Ученіе Яо* и *Шуна* текло такимъ же образомъ до нашего времени; мы въ свою очередь, будто, живыя волны, понесемъ его вдаль, предадимъ послѣдующимъ поколѣніямъ и такъ до скончанія вѣковъ. Но будемъ же подражать тѣмъ одиночнымъ мудрецамъ, которые мудры сами для себя, не дѣлясь своею мудростью съ другими.“

Въ тронной залѣ подлѣ трона, согласно древнему обычаю, стояло ведро для подъема воды изъ колодца. Но зачѣмъ же оно именно тутъ поставлено? спросилъ мудрецъ одного вельможу. Тотъ отвѣчалъ какой-то вздоръ. Кунг-фу-тси попросилъ другаго зачерпнуть воды изъ колодца. Тотъ осторожно и тихо опустилъ ведро, но оно, сплетенное изъ камышу и крѣпко осмоленное, плавало на поверхности, не зачерпывая ни капли. Мудрецъ все-таки просилъ зачерпнуть воды: „если не удалось добыть воды такимъ образомъ, надобно черпать иначе какъ нибудь“. Другой придворный, взявъ ведро, бросилъ его въ колодезь со всего размаху и оно, переполнясь водою, погрузилось на дно...

„И это не хорошо! сказалъ Кунг-фу-тси,—придется зачерпнуть воды самому.“

И слегка покачивая ведро, мудрецъ опустилъ его въ колодезь ни тихо, ни шибко и оно наполнилось на столько, что его безъ труда можно было вытянуть изъ глубины. Тогда, обращаясь уже ко всѣмъ окружающимъ—мудрецъ сказалъ:

„Вотъ вамъ вѣрное изображеніе хорошаго правленія и искуства умѣть держаться разумной середины. Излишняя слабость или излишняя суровость — вредны; надобно умѣть соединять силу съ умѣренностью. Въ древности этотъ опытъ дѣлали при восшествіи на престолъ новаго царя, а чтобы онъ лучше запомнилъ моральный выводъ изъ этого простаго, физическаго явленія, древніе законодатели и предписали постоянно держать пустое ведро подлѣ трона!“

Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ столицѣ, Кунг-фу-тси возвратился въ княжество Тси, но видя что юный князь, по вѣтренности и легкомыслію не въ состояніи понять и усвоить его ученія—мудрецъ возвратился на родину въ княжество Лу, оставивъ въ княжествѣ Тси для распространенія доктрины нѣсколькихъ учениковъ. Узнавъ о прибытіи Кунг-фу-тси, министры князя Лу приняли всѣ мѣры, чтобы отдалить его отъ престола, въ видахъ огражденія личныхъ выгодъ и изъ боязни найдти въ немъ обличителя плутней и злоупотребленій, которыя министрамъ были съ руки. Для благовиднаго удаленія отъ князя, мудрецу дали самую ничтожную второстепенную должность. Ученики совѣтовали ему отказаться.

„Ни подъ какимъ видомъ! отвѣчалъ Кунг-фу-тси;—отказъ мой приняли бы за гордость. Указывая другимъ на путь добродѣтели, мы первые должны идти по немъ; только тогда у насъ могутъ быть послѣдователи!“

Служебныя занятія не отвлекли Кунг-фу-тси отъ учениковъ; по прежнему онъ поучалъ ихъ и словомъ и примѣромъ.

Разъ, гуляя съ ними за городомъ, мудрецъ увидѣлъ птицелова, прилежно занятаго своимъ дѣломъ. Заглянувъ въ клѣтки, Кунг-фу-тси замѣтилъ, что въ нихъ только молодыя птицы, гдѣ же старыя?

„Старыя хитры и увертливы, отвѣчалъ птицеловъ;—ни на приманку, ни въ западню не только не идутъ сами, но даже и молодыхъ съ собою уводятъ. Въ сѣти, большею частью попадаютъ молодыя птицы, отдѣлившіяся отъ старыхъ.“

„Слышали? обратился мудрецъ къ ученикамъ. — Слова птицелова—намъ нравоученіе. Слишкомъ распространяться не буду, ограничусь немногимъ. Молодыя птички увертываются отъ западни,

когда летаютъ вмѣстѣ съ старыми; но старыя попадаютъ, когда летаютъ за молодыми. Не то ли самое и съ людьми? Высокомѣріе, смѣлость, неопытность, неосмотрительность — вотъ главные источники ошибокъ молодости. Чванясь своими крохотными достоинствами, нахватавъ верхушекъ знанія — молодые люди считаютъ себя всезнающими; сдѣлаютъ самое обыкновенное доброе дѣло и уже считаютъ себя героями мудрости и добродѣтели. Имъ невѣдомы ни сомнѣнье, ни нерѣшительность; не совѣтъ опытныхъ и мудрыхъ людей руководитъ ими, а одна слѣпая, безумная отвага; идутъ они ложнымъ путемъ, заблуждаются и падаютъ въ первую разставленную западню."

Около этого времени Кунг-фу-тси приступилъ къ пересмотру древнихъ священныхъ книгъ и новой ихъ редакціи, исправляя, поясняя, а также и сокращая многое изъ нихъ, что было уже не согласно ни съ духомъ времени, ни съ понятіями согражданъ. Особенное вниманіе обратилъ Кунг-фу-тси на *книгу превращеній* (И-кингъ) великаго Фу-хи.

Между тѣмъ князь Лу умеръ и наслѣдникомъ его совершенно овладѣли министры, дѣлая съ нимъ все что имъ было угодно. Видя эти неурядицы, Кунг-фу-тси вышелъ въ отставку и всецѣло предался наукамъ и философіи, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Потомъ, желая отыскать, есть ли въ имперіи уголокъ, гдѣ бы сохранились преданія древняго благочестія, гдѣ бы соблюдали завѣтъ первыхъ законодателей, Кунг-фу-тси опять пустился въ путешествіе и только у горцевъ *Таи-шана* нашелъ первобытную чистоту нравовъ и неиспорченныя понятія объ Истинѣ, чему былъ несказанно обрадованъ. Отсюда онъ прибылъ въ знакомое ему княжество *Тси*, правитель котораго, изъ вѣтреннаго юноши, сталъ уже зрѣлымъ мужемъ, способнымъ цѣнить достоинства Кунг-фу-тси и пользоваться его совѣтами.

Пріемъ, сдѣланный княземъ, знаки глубочайшаго уваженія, которыми онъ осыпалъ дорогаго гостя, его обѣщаніе сдѣлать его первымъ министромъ — подавали отрадную надежду, что и въ княжествѣ Тси скоро послѣдуютъ мудрыя преобразованія, клонящіяся къ общему благоденствію. Такъ, по крайней мѣрѣ, думали ученики Кунг-фу-тси, но не онъ самъ. Министры съумѣли нашептать

князю на мудреца, запугали его опасностями отъ преобразованій и малодушный передумалъ приблизить къ себѣ Кунг-фу-тси и взялъ назадъ свое обѣщаніе сдѣлать его своимъ соправителемъ. Пожалѣвъ о царѣ, добромъ и благонамѣренномъ, но не умѣющемъ дѣлать добро, благодаря своей зависимости отъ вельможъ Кунг-фу-тси возвратился на родину, въ княжество Лу, гдѣ его ожидали съ нетерпѣніемъ. Вскорѣ по его прибытіи первый министръ пригласилъ его во дворецъ на важное совѣщаніе. Годъ былъ неурожайный, цѣны на жизненные припасы утроились, подати и налоги вносились въ казну неисправно. Тогда вспомнили, что во время завѣдыванія Кунг-фу-тси пахатными полями, земледѣльцы собирали обильныя жатвы и съ самыхъ тощихъ земель. Министръ спросилъ совѣта у мудреца: какъ быть при настоящихъ обстоятельствахъ? Послѣдній отдѣлался общими мѣстами и краткими, неясными указаніями. Министръ былъ и тѣмъ доволенъ; но учениковъ крайне смутилъ подобный образъ дѣйствій ихъ учителя. „Вы, столь великодушный, доброжелательный, сказали они ему, — зачѣмъ не хотѣли вы подѣлиться съ министромъ вашими свѣдѣніями и опытностью? Или вы охладѣли къ добру, или неблагодарность людская ожесточила ваше сердце? Мы понять не можемъ что съ вами."

„Благодарю васъ за вашу искренность, отвѣчалъ мудрецъ, — и отплачу вамъ тѣмъ же. Министръ Ки-сунъ человѣкъ жадный, богатый землевладѣлецъ, думающій только объ умноженіи доходовъ со своего имѣнія. Онъ собираетъ налоги съ жизненныхъ припасовъ и главнѣйшая забота его — увеличеніе налоговъ. Не думайте, что онъ, тронутый народными бѣдствіями, старается облегчать ихъ, напротивъ! Онъ заботится только о томъ, какъ бы обобрать у народа и послѣднія крохи. Видя его тайные умыслы я отвѣчалъ уклончиво и небрежно. Не для народной — а для своей собственной пользы онъ старался вывѣдать отъ меня тайны умноженія доходовъ съ полевыхъ угодій... Людей я люблю не менѣе прежняго и вотъ почему не могъ допустить, чтобы по моимъ указаніямъ низкій корыстолюбецъ выжималъ изъ народа всѣ его соки!"

Ученики, пристыженные этими доводами, раскаялись въ своихъ

недавнихъ опрометчивыхъ сужденіяхъ, но вскорѣ опять впали въ ту же погрѣшность.

Родственникъ министра, желая чѣмъ нибудь снискать расположеніе Кунг-фу-тси, подарилъ ему (будто бы въ знакъ уваженія) тысячу мѣръ рису. Подарокъ этотъ, при всеобщей дороговизнѣ и скудости—былъ царскимъ подаркомъ. Кунг-фу-тси не только принялъ его, но даже показалъ видъ, что получаетъ должное—ни единымъ словомъ не выразивъ своей благодарности. Ученики опять смутились и опять смущеніе ихъ смѣнилось восторгомъ, когда Кунг-фу-тси всю подаренную ему тысячу мѣръ рису роздалъ бѣднымъ и сосѣднимъ поселянамъ, терпящимъ отъ неурожая.

„Знайте, пояснилъ онъ ученикамъ, — что я ни на волосъ не измѣнилъ ни моимъ правиламъ, ни убѣжденіямъ. Я въ точности исполнилъ добрыя намѣренія моего лиходателя. Онъ ждалъ моей благодарности—теперь же благодарныхъ сотни; онъ думалъ угодить только мнѣ, а угодилъ (хотя и по-неволѣ) всему народу. Можетъ быть онъ, видя подобныя дѣйствія, пойметъ что значитъ быть истиннымъ благотворителемъ и на что слѣдуетъ употреблять данныя небомъ богатства! Отвергнувъ подарокъ вельможи, я бы выказалъ презрѣніе и гордость; принявъ же, но не употребивъ изъ него ни единаго зерна, а раздавъ все неимущимъ, я поступилъ какъ слѣдовало.“

Китайскіе историки приводятъ множество подобныхъ чертъ, которыми вправѣ гордиться человѣчество. Всего драгоцѣннѣе въ жизни Кунг-фу-тси то, что въ нихъ нѣтъ ни пустыхъ разсказовъ, ни пестрыхъ вымысловъ, которыми обыкновенно прикрашиваютъ жизнеописаніе великихъ людей недобросовѣстные историки. Никогда не требуя отъ человѣка чего либо, превосходящаго его силы, Кунг-фу-тси всю свою жизнь, наставляя словомъ, всегда самъ примѣнялъ къ дѣлу свои правила. Онъ не морочилъ людей подобно Зороастру или Магомету—мнимыми чудесами, никогда не искалъ восторженныхъ похвалъ слѣпой, невѣжественной толпы; его скромность равнялась его разуму и добродѣтелямъ, и вотъ почему имя Кунг-фу-тси не должно быть забыто исторіей, и имѣетъ полное право занять мѣсто на ряду незабвенныхъ благодѣтелей человѣчества.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Бесѣда съ учениками. — Чистосердечіе. — Нравственная оцѣнка трехъ учениковъ.—Пять добродѣтелей.—Кунг-фу-тси, правитель народный.—Кладбища, отведенныя подъ нивы.—Уваженіе къ усопшимъ.—Строгость и правосудіе.—Наказаніе откупщика.—Отецъ и сынъ.—Обязанности судьи.—Разсказы о древнихъ обрядахъ.—Истинная мудрость.

Однажды, гуляя съ учениками за городомъ, Кунг-фу-тси вошелъ въ селеніе Ву-ю, гдѣ было молебствіе по случаю бездождія, а послѣ него пляски поселянъ. Мудрецъ предложилъ ученикамъ приблизиться къ веселящимся и посмотрѣть на ихъ пляски. Одинъ изъ нихъ, ***Фан-че***, сказалъ ему: „Учитель, какъ надобно поступать, чтобы быть добродѣтельнымъ и мудрымъ, пользоваться доброй славой и избѣгать всего, что можетъ породить сомнѣнія или обидныя подозрѣнія?“

Вопросъ этотъ пришелъ ученику въ голову вслѣдствіе предложенія Кунг-фу-тси принять участіе въ забавахъ, по мнѣнію ученика, недостойныхъ здравомыслящаго человѣка.

„Немногими словами вы спрашиваете у меня о весьма многомъ! отвѣчалъ мудрецъ послѣ минутнаго раздумья.—Я хвалю васъ за чувства, которыя возбудили въ сердцѣ вашемъ этотъ вопросъ... Постараюсь же дать вамъ самый удовлетворительный отвѣтъ. Дѣлайте добро во всякое время, во всякомъ мѣстѣ, при всякомъ представившемся случаѣ, когда только можете. Тогда, повѣрьте мнѣ, будете истинно добродѣтельны и мудры.

„Дѣлайте добро для добра, безъ всякихъ личныхъ интересовъ и вамъ всегда воздадутъ должную справедливость и достигнете доброй славы, которая всегдашній удѣлъ тѣхъ, которые ея наименѣе добиваются.

„Будьте всегда строги къ собственнымъ недостаткамъ и сколь возможно снисходительны къ недостаткамъ другихъ, не злословьте

никогда, и не обижайтесь никогда на злословящихъ и поносящихъ васъ, не ищите, но и не пренебрегайте мнѣніемъ людскимъ, а одинаково равнодушно принимайте хулы и одобренія. Тогда, хоть и не угодите на всѣхъ, за то никѣмъ и ненавидимы не будете. Вотъ вамъ покуда и отвѣтъ, а теперь взглянемъ на пляски. Послѣ я объясню зачѣмъ я желаю этого."

Взявъ съ собою трехъ учениковъ, Кунг-фу-тси дошелъ до пляшущихъ, посмотрѣлъ на нихъ нѣсколько времени, потомъ, возвратясь къ остальнымъ ученикамъ, сказалъ имъ:

„Въ старинныхъ пляскахъ соблюдалась скромность и приличіе, нынѣ въ нихъ непристойность и сладострастіе. Но видѣть ихъ хоть разъ слѣдуетъ, чтобы имѣть о нихъ точныя понятія. Бываютъ случаи, когда и мудрецъ долженъ становиться ниже своихъ правилъ—для общей же пользы. Въ поступкахъ своихъ никогда не слѣдуетъ обращать вниманіе на то что скажутъ. Человѣкъ самъ долженъ быть судьею своихъ поступковъ. Есть общественные предразсудки, которые слѣдуетъ щадить, но которымъ не должно повиноваться, есть и другіе, которымъ необходимо должно идти на перекоръ!"

Слѣдующая черта доказываетъ, какъ высоко цѣнилъ мудрецъ чистосердечіе, даже въ самыхъ маловажныхъ случаяхъ. Однажды, когда онъ усталъ отъ трудовъ, ради отдыха игралъ на инструментѣ ***сее***—ему доложили, что нѣкто изъ придворныхъ желаетъ видѣть его для совѣщанія о какомъ-то церемоніалѣ. Дѣло было не очень важное и Кунг-фу-тси не счелъ нужнымъ выйдти къ гостю. „Извинитесь какъ нибудь за меня, сказалъ онъ своему ученику ***Йен-хоэю.***—Что вы ему скажете?" — „Я скажу, отвѣчалъ ученикъ, что вы играете на сее и что неловко тревожить васъ въ вашемъ невинномъ развлеченіи." — „Какъ знаете, сказалъ мудрецъ съ улыбкою и прошепталъ въ слѣдъ удаляющемуся ученику — о, чистая душа! онъ не умѣетъ пріискать словъ, чтобы сказать что либо противное правдѣ. Вотъ гдѣ истинная добродѣтель."

Подавая всегда и во всемъ примѣръ согражданамъ, какъ слѣдуетъ повиноваться древнимъ религіознымъ установленіямъ, Кунг-фу-тси съ тремя учениками отправился на гору ***Нунг*** для жертвоприношенія. Здѣсь на вершинѣ онъ нѣсколько времени смотрѣлъ

на окрестности и лице его оттѣнилось грустью. Немного погодя, онъ сказалъ ученикамъ, что его смутила мысль о бѣдственномъ положеніи отечества, о кровавыхъ распряхъ, усобицахъ — а главное — о трудности помочь бѣдствіямъ настоящимъ и отвратить грядущія. „Не придумаемъ ли чего сообща? прибавилъ онъ. ***Тси-лу***—скажите вы первый ваше мнѣніе."

„Я бы собралъ огромныя полчища, отвѣчалъ ученикъ, — и силою оружія смирилъ бы мятежниковъ. Плѣнныхъ я бы предалъ казни въ примѣръ другимъ и по водвореніи порядка возстановилъ бы древнее благочестіе."

„Вы храбры, отвѣчалъ Кунг-фу-тси. — Какъ бы вы поступили?" — обратился онъ къ другому ученику, ***Тси-кунгу.***

„Я бы поступилъ иначе. Княжества Тси и Тсу въ явной враждѣ и готовятся къ бою; примѣру ихъ слѣдуютъ и прочія княжества. Какъ только войска выступили бы въ поле, я вышелъ бы къ нимъ въ нарядномъ одѣяніи и попросилъ бы ихъ внимательно выслушать меня. Тогда всѣми силами моего краснорѣчія я постарался бы изобразить имъ всѣ бѣдствія войны и всѣ блага мира, я бы устрашилъ ихъ разсказомъ о плачевной участи, готовящейся женамъ и дѣтямъ той или другой стороны. Можетъ быть враги троиулись бы рѣчами моими и заключили бы миръ."

„Вы краснорѣчивы!" отвѣчалъ Кунг-фу-тси.

Третій ученикъ ***Йен-хоэй*** молчалъ, ожидая вопроса учителя, на вопросъ же его, преодолѣвая робость, отвѣчалъ: „Если бы я желалъ чего для блага людей, то конечно не царской власти. Я желалъ бы жить при добродѣтельномъ и мудромъ государѣ, который бы приблизилъ меня къ себѣ, которому бы я могъ быть полезенъ слабыми моими дарованьями. Призванный къ царю, я бы сказалъ ему: растенья ***хеунъ*** и ***йеу*** (самое душистое и самое смрадное) на одномъ полѣ не уживаются; великій ***Яо*** и презрѣнный ***Кіэ*** не могли бы одновременно править царствомъ. Государь, всего прежде удалите отъ себя льстецовъ и замѣните ихъ людьми прямодушными и добродѣтельными. Этимъ послѣднимъ поручите обучать народъ пяти верховнымъ обязанностямъ: человѣколюбію, правосудію, любви къ правдѣ, вѣрности и честности. Тогда вамъ нечего будетъ опасаться враговъ, не нужно будетъ содержать мно-

гочисленныя войска и укрѣплять города. Мы сроемъ валы, засыплемъ рвы и превратимъ ихъ въ плодоносныя нивы; камни крѣпостныхъ стѣнъ употребимъ на постройку общеполезныхъ зданій, а смертоносныя оружія перекуемъ на орудія земледѣльческія. Воиновъ обратимъ въ мирныхъ гражданъ, искусныхъ ораторовъ попросимъ подавать благіе примѣры согражданамъ не словомъ, но дѣломъ!.. Тогда люди, думается мнѣ, могли бы быть счастливы! Если я въ заблужденіи, прошу учителя наставить меня на путь истинный."

„Вы истинно мудры!" отвѣчалъ, глубоко тронутый Кунг-фу-тси и тутъ же, немногими словами, очертилъ сущность своего ученія: „Нѣтъ ничего проще и легче, какъ слѣдовать моимъ правиламъ. Все что вы слышите отъ меня, все это проповѣдывали древніе мудрецы. Ихъ ученіе умѣщается въ соблюденіи трехъ правилъ отношеній: царя къ подданнымъ, отцовъ къ дѣтямъ, мужей къ женамъ. Пять верховныхъ добродѣтелей или обязанностей не могутъ не имѣть заманчивой прелести въ глазахъ каждаго здравомыслящаго человѣка. Первѣйшая изъ нихъ—*человѣколюбіе*, т. е. состраданіе ко всѣмъ намъ подобнымъ, безъ различія; затѣмъ *правосудіе*—возданніе каждому должнаго безъ всякаго лицепріятія; тутъ же и повиновеніе дѣйствующимъ законамъ и соблюденіе обрядовъ владычествующей религіи, *правдолюбіе* -непреклонное омерзѣніе ко всему ложному, наконецъ *вѣрность* и *честность* всегда и во всемъ. Такъ думали древніе законодатели и мы должны взять ихъ себѣ за образецъ."

Наконецъ князь Лу, пораженный громкою славою Кунг-фу-тси, рѣшился приблизить его къ себѣ и далъ ему важный санъ *правителя народнаго* (губернатора) въ своей резиденціи и ея окрестностяхъ. Слишкомъ долго было бы исчислять всѣ благодѣянія мудреца и его подвиги на служебномъ поприщѣ. Мы ограничимся только бѣглымъ ихъ обзоромъ. Всего прежде Кунг-фу-тси обратилъ вниманіе на улучшеніе быта простаго народа: сблизился съ нимъ, часто бесѣдовалъ и совѣщался, принимая во вниманіе всѣ справедливыя замѣтки и заявленія. Затѣмъ, губернаторъ занялся классомъ земледѣльцевъ. По прилежномъ изученіи почвъ, онъ раздѣлилъ ихъ на пять разрядовъ: 1) нагорья и земли тощія;

2) земли низменныя и болотистыя; 3) песчаныя; 4) жирныя, суглинистыя и 5) при уходѣ и удобреніи дающія хорошія жатвы. Сообразно этимъ разрядамъ, Кунг-фу-тси указалъ на какой почвѣ что лучше сѣять; ввелъ сѣвообороты и плодопеременное хлѣбопашество; съ точностью опредѣлилъ время посѣвовъ и жатвы. Узнавъ, что многія земли отведены богатыми землевладѣльцами подъ мѣсто погребеній и увеселительные сады, Кунг-фу-тси рѣшился искоренить этотъ вредный обычай. „Мѣста погребенія, сказалъ онъ при этомъ,—не должны быть гульбищами. Древніе называли ихъ обителями слезъ и воздыханій. Пировать и бражничать на могилахъ, это значитъ, въ нѣкоторомъ родѣ, издѣваться надъ усопшими. Мѣстами погребенія должны быть земли совершенно безплодныя; не слѣдуетъ ихъ обсаживать деревьями или обносить стѣнами. Когда кладбища перестанутъ походить на сады, только тогда ихъ будутъ посѣщать ради искренняго уваженія къ памяти погребенныхъ, а не изъ пустаго любопытства или отъ бездѣлья." Эта разумная мѣра не замедлила въ скоромъ времени, привести къ самымъ полезнымъ послѣдствіямъ: мѣста подъ кладбища стали отмежевывать на почвахъ безплодныхъ, почвы плодоносныя отошли въ обладаніе и на пользу живымъ. Императоръ въ воздаяніе усердія Кунг-фу-тси возвелъ его въ санъ ***Ссе-кеу*** или верховнаго судіи гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. И здѣсь мудрецъ выказалъ дарованія необыкновенныя, награждая по заслугамъ и *казня* сообразно преступленіямъ. Несправедливо было бы укорять его за послѣднее: древніе законодатели, которыхъ онъ взялъ себѣ за образецъ, признавали смертную казнь необходимымъ условіемъ гражданскаго благосостоянія. Заслуга Кунг-фу-тси, въ послѣднемъ случаѣ, состояла въ томъ, что предъ плахою онъ сравнялъ вельможу съ простолюдиномъ. Бывали случаи наказаній, при которыхъ мудрецъ руководствовался не законами, а собственнымъ произволомъ и здравымъ смысломъ и въ подобныхъ случаяхъ имя Кунг-фу-тси можно смѣло поставить съ именемъ царя Соломона.

Дошло до его слуха, что въ какомъ-то округѣ богатый землевладѣлецъ держалъ на откупу всю мясную торговлю и, пріобрѣтая изъ первыхъ рукъ, за низкую цѣну, гурты скота, распро-

далъ его въ три-дорого въ розницу. Обыкновенная комерческая операція, возможная и въ Китаѣ за 500 лѣтъ до Р. Х. и въ любомъ европейскомъ государствѣ въ наше время: операція всюду терпимая и даже поощряемая. Но Кунг-фу-тси смотрѣлъ на нее иначе и зная, что отъ монополиста страждетъ бѣдный классъ, рѣшился пресѣчь зло и послалъ за откупщикомъ. „Слышалъ я, сказалъ онъ пришедшему, —что вы одинъ изъ первѣйшихъ богачей въ городѣ. Пріятно мнѣ было бы, еслибъ богатства ваши были плодами трудовъ вашихъ или честнаго промысла; на дѣлѣ оказывается другое и вы заслуживали бы строгаго наказанія, которое я однако смѣняю на милость. Щажу васъ, продолжалъ мудрецъ,—но съ условіемъ: *извольте возвратить народу все то что вы у него награбили.* Возвращеніе это можетъ быть сдѣлано безъ всякаго ущерба для вашей чести. Изъ всѣхъ вашихъ богатствъ, отдѣлите столько, сколько вамъ нужно на безбѣдное прожитіе—остальное отдайте мнѣ, я съумѣю распорядиться какъ слѣдуетъ. Не оправдывайтесь и не думайте обмануть меня; даю нѣсколько дней сроку..."

Откупщикъ повиновался и громадные капиталы пошли въ пользу общественную, подъ именемъ *добровольнаго приношенія.*

Въ другой разъ къ мудрецу пришелъ отецъ съ жалобою на непокорнаго сына. Кунг-фу-тси присудилъ обоихъ къ тюрьмѣ на три мѣсяца. По прошествіи срока, призвавъ обоихъ, спросилъ у отца— въ чемъ именно провинился его сынъ? Отецъ отвѣчалъ, что не сынъ его, а онъ самъ виноватъ, что увлекшись досадой пошелъ жаловаться на сына.

„Что дѣло, то дѣло! ласково сказалъ мудрецъ, — впередъ сами учите лучше своего сына; а вы, молодой человѣкъ, помните, что первый долгъ нашъ повиновеніе власти родительской (¹).

Вотъ отзывъ Кунг-фу-тси объ обязанностяхъ судіи:

„Судья, наказующій безъ разбора каждаго, кто только нарушилъ законъ, похожъ на военачальника, предающаго огню и

(¹) Въ древности и до нынѣ, въ Китаѣ, оскорбившій отца или мать дѣйствіемъ или поднявшій на нихъ руку подлежитъ смертной казни

мечу городъ, взятый приступомъ. Преступникъ — простолюдинъ, всего чаще бываетъ полу-виновенъ, а нерѣдко и совсѣмъ невиненъ, по той причинѣ, что онъ не знаетъ своихъ обязанностей. Строжайшаго, жесточайшаго наказанія заслуживаютъ преступники знатныхъ классовъ за то, что подаютъ народу дурной примѣръ, и высшіе сановники, не внушающіе подчиненнымъ учить народъ. Снисхожденіе къ этимъ преступникамъ есть несправедливость и криводушіе. Казните - сказано въ древнихъ книгахъ—наказывайте смертью тѣхъ, которые того заслуживаютъ за вину вольную и сознательную. *Сперва учите народъ*, а потомъ уже (въ случаѣ сознательнаго неповиновенія) *наказывайте!"*

Исторія сохранила на своихъ страницахъ бесѣды мудреца съ императоромъ. Передаемъ ихъ читателю по двумъ причинамъ; во первыхъ потому, что каждая черта изъ жизни законодателя, котораго ученію повинуются милионы людей въ теченіе 2400 лѣтъ— не можетъ не быть любопытна; а во вторыхъ, что разсказы Кунг-фу-тси знакомятъ съ обрядами и обычаями древняго Китая.

Однажды императоръ спросилъ мудреца, почему древніе ввели въ обыкновеніе присоединять поминовеніе усопшихъ предковъ къ жертвоприношеніямъ небу?

„Небо — всемірное начало и животворный источникъ бытія. Предки наши—источники нашего бытія и послѣдующихъ поколѣній. Благодарить небо — первый долгъ человѣка; второй его долгъ—быть признательнымъ къ своимъ праотцамъ. Вотъ почему святой *Фу-хи* слилъ оба обряда въ одинъ. Поклоняясь небу, мы поклоняемся и праотцамъ."

— „Почему поклоненіе Царю небесному не вездѣ одинаково воздается?"

„Для различія *сына неба* (императора) отъ удѣльныхъ князей. Сынъ неба молится и жертвы приноситъ отъ имени всего народа; другіе же отъ имени имъ подвластныхъ, судя по ихъ нуждамъ. Эмблема *Шанг-ти* (Царя Небеснаго) все видимое: небо, или солнце, или вся земля. Солнце душа и животворное начало всего видимаго; оно прекраснѣйшее изъ всего существующаго на небесахъ. Сообразуясь съ его движеніемъ, люди научились измѣрять время, а со временемъ сообразовывать и свои занятія. Да-

бы почтить видимое олицетвореніе Царя Небеснаго, древніе установили ***празднество солнцу*** во дни зимняго солнцестоянія, когда солнце, пройдя двѣнадцать своихъ небесныхъ чертоговъ, снова начинаетъ свой путь. При династіи ***Чеу*** установленъ былъ праздникъ весны—въ благодарность за дары земные и для испрошенія у неба сохраненія жатвы отъ вредныхъ насѣкомыхъ и объ урожаѣ. Праздновать эти два празднества и жертвоприношенія при нихъ можетъ совершать въ ***Кіао*** только одинъ императоръ, но отнюдь не удѣльные князья."

— „Что такое ***Кіао***, ***Танъ*** и какія бывали жертвы?"

„Словомъ ***Кіао*** въ наше время называютъ зданіе, обнесенное стѣнами, внутри котораго находится земляная насыпь, именуемая ***Танъ***. Зданіе это находится за чертою города на югѣ и обращено именно въ ту сторону, откуда солнце (олицетвореніе Шанг-ти) начинаетъ свой обратный путь послѣ зимней остановки. Насыпь ***Танъ*** имѣетъ крутую форму, изображая его безконечный кругооборотъ временъ года и произведеній земли.

„Для великаго зимняго жертвоприношенія сынъ неба выбираетъ тельца, рыжеватой масти, безъ всякаго наружнаго порока, съ едва означающимися рожками [1]. Эту жертву откармливаютъ въ стѣнахъ Кіао, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Для весенняго жертвоприношенія берутъ быка, какихъ бы то ни было статей и масти. Помнновеніе предковъ при жертвоприношеніяхъ ведется издревле. Предковъ при этомъ призываютъ, какъ бы въ свидѣтели неослабнаго благочестія наслѣдовавшихъ имъ поколѣній. Предъ жертвоприношеніемъ душамъ предковъ возвѣщаютъ что будутъ совершать, а по окончаніи обряда —отдаютъ отчетъ о его совершеніи.

„Въ древности, сынъ неба предъ жертвоприношеніемъ уединялся въ своемъ дворцѣ въ ***чертогъ предковъ***, какъ бы для испрошенія у нихъ указаній и совѣта; оттуда шелъ въ покой родителя, спрашивая у него назначить день и часъ торжества. Но

[1] Рожки молодаго тельца, повсемѣстно на языческомъ востокѣ — символъ новолунія.

такъ какъ живописныя изображенія прародителей и отца безгласны, то и придумали узнавать ихъ волю, держа надъ огнемъ пластинки черепаховой скорлупы и по трещинамъ истолковывали волю усопшихъ [1]. Получивъ ихъ согласіе, сынъ неба уходилъ въ ***Тси-кунгъ***, т. е. въ тайный, обнесенный каналомъ, павильонъ, куда кромѣ первосвященника (т. е. императора) никто не смѣлъ входить. Тамъ, постоявъ нѣсколько времени, въ благоговѣйномъ раздумьи, онъ бралъ дощечки въ обѣ руки и, вынося изъ павильона, показывалъ всѣмъ присутствующимъ придворнымъ, потомъ клалъ ихъ обратно на мѣсто и уходилъ во внутренніе покои дворца. Когда наступалъ часъ жертвоприношенія, императоръ надѣвалъ на голову шапочку ***пи-піенъ***, а мандарины возвѣщали народу, что сынъ неба, по приказанію праотцовъ, намѣренъ принести жертву Шанг-ти, для пользы всенародной и отъ имени всѣхъ своихъ подданныхъ.

„Въ этотъ день никто не смѣлъ носить траурнаго одѣянія, хотя бы по отцѣ или по матери. На улицахъ строго воспрещались всякія сборища и шумные разговоры. Всѣ эти предписанія исполнялись народомъ безъ малѣйшаго побужденія со стороны полиціи. Предъ выходомъ изъ внутреннихъ покоевъ, императоръ облачался въ одѣяніе ***та-кіеу*** —овчинный тулупъ изъ чернаго руна, подбитый бѣлымъ лисьимъ мѣхомъ. Сверхъ тулупа надѣвалъ еще рясу ***куэнъ***, на которой были вышиты: драконъ, солнце, луна и звѣзды. Въ этомъ одѣяніи императоръ восходилъ на колесницу, простую, безъ всякихъ украшеній. Впереди несли двѣнадцать хоругвей—изображавшихъ небесныя жилища солнца (знаки зодіака); эти же самыя жилища символически изображали привѣшенныя на снуркахъ къ шапкѣ императора двѣнадцать жемчужинъ. Весь путь процессіи отъ дворца до круглаго холма ***Танъ*** былъ расчищенъ съ особеннымъ стараніемъ."

Изъ этого разсказа Кунг-фу-тси видимъ, что солнце для древнихъ китайцевъ было изображеніемъ Бога, а императоръ на землѣ—олицетвореніемъ солнца. Торжественное его шествіе было напоми-

[1] Надобно полагать, что очертанія трещинъ походили на письмена.

нащемъ годичнаго (кажущагося) движенія солнца вокругъ земли.

Наслѣдникъ князя Лу, *Нгап-кунгъ*, слабый и безхарактерный, не умѣлъ цѣнить и понимать великаго мудреца, выказывая видимое небреженіе къ его наставленіямъ. Однако же, когда Кунг-фу-тси уѣхалъ въ княжество *Веи*, князь Лу воротилъ его, встрѣтивъ съ почетомъ, оказываемымъ только князьямъ или посланникамъ; обласкалъ мудреца, принялъ во дворецъ и осыпалъ ребяческими пустыми вопросами—между прочимъ: долженъ ли мудрецъ носить одежду, отличную отъ другихъ людей?

„Не знаю, государь, отвѣчалъ Кунг-фу-тси,—я никогда не думалъ объ этомъ вопросѣ. Какъ бы ни одѣвались—лишь бы были мудры. По моему, мудрецу слѣдуетъ одѣваться такъ, какъ одѣваются въ той странѣ, гдѣ онъ живетъ.

— „Хорошо, сказалъ князь,—вижу, что одежда ничего не значитъ, но какъ должны жить мудрецы?"

„Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ продолжительный..."

— „Тѣмъ лучше! Садитесь и разсказывайте"—милостиво отвѣчалъ князь.

„Истинный мудрецъ, началъ Кунг-фу-тси,—не является на пиршества, чтобы блистать на нихъ; онъ ждетъ, чтобы его пригласили. Будучи приглашенъ, подобно прочимъ, сообразуется съ правилами благоприличія и условіями свѣта. Если имъ особенно не занимаются, онъ не выказываетъ на то ни тѣни неудовольствія. Учится онъ съ утра до вечера. Въ случаѣ предложенія ему должности, мудрецъ (если только сознаетъ въ себѣ достаточно способностей) принимаетъ ее и исполняетъ съ точностью. Почестей не ищетъ, на сокровища не зарится: единое его сокровище, котораго онъ алкаетъ—мудрость; величайшая для него почесть—имя мудреца.

„Бесѣдуетъ онъ съ людьми прямодушными, ввѣряется людямъ благонадежнымъ, предъ высшими не пресмыкается, предъ низшими не возносится: съ первыми почтителенъ, со вторыми — привѣтливъ. Онъ каждому воздаетъ должное. Приходится ли ему выговаривать за ошибку, или давать наставленія — онъ дѣлаетъ это съ крайней осторожностью, не оскорбляя ничьего самолюбія.

„Людей умныхъ онъ уважаетъ, но похвалы ихъ не домогается: онъ предъ ними не унижается и не возносится. Исполняя во всемъ и всегда свой долгъ, онъ чуждъ страха — его честность и правота—вѣрный щитъ отъ всякихъ нападокъ; законъ и правосудіе—его оружія неизмѣнныя. Любя всѣхъ людей, ему нечего ихъ бояться; самые тираны ему не страшны. Какъ бы ни были обширны его познанія, онъ постоянно старается о ихъ пріумноженіи. Будучи безукоризненъ въ поведеніи, онъ все-таки неослабно наблюдаетъ за собою. Въ честности и въ добрѣ—нѣтъ ничего мелкаго (1).

„На службѣ онъ строгъ; одинаково ласковъ и привѣтливъ со всѣми, веселъ и всегда ровнаго нрава со своими друзьями. Ему пріятнѣе сообщество мудрецовъ, но и немудрыми онъ не пренебрегаетъ. Въ своей семьѣ всѣхъ домашнихъ своихъ мудрецъ любитъ одинаково; любимцевъ у него нѣтъ. Обидитъ ли его кто словомъ или дѣйствіемъ, онъ не выкажетъ гнѣва и ярости. Его наружность тихая, всегда спокойная—отраженіе его души. Въ какомъ бы состояніи ни былъ мудрецъ, онъ всячески старается быть полезнымъ. Оказавъ громадную услугу государству или согражданамъ, онъ ею не хвалится, а скромно и терпѣливо ждетъ воздаянія. Если же его обойдутъ наградою—онъ не ропщетъ и не жалуется. Похвала честныхъ людей, сознаніе что онъ *сдѣлалъ добро для добра* — вотъ самыя лестныя для него награды. Если же его взыщутъ почестями—онъ не гордится и по прежнему доступенъ всѣмъ и каждому. Ему невѣдомы: зависть, кичливость, презрѣніе; онъ со всѣми живетъ въ ладу. Это согласіе порождаетъ всеобщую къ нему благосклонность. Главный же источникъ мудрости: *любовь и состраданіе ко всему человѣчеству*." Очарованный бесѣдою, князь сталъ упрашивать Кунг-фу-тси остаться у него при дворѣ—говоря, что отнынѣ будетъ другомъ всѣхъ мудрецовъ и что въ награжденіи ихъ полагаетъ свое наслажденіе.

„Это хорошо, отвѣчалъ мудрецъ, — но государю прежде всего

(1) Яснѣе: честнымъ и добрымъ слѣдуетъ быть въ самыхъ бездѣлицахъ.

слѣдуетъ любить своихъ подданныхъ и въ попеченіяхъ о нихъ находить свое блаженство. Уменьшите налоги, не обременяйте народъ работами, учите его и просвѣщайте."

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Плоды и зерна.—Разряды людей.—Двѣнадцать учениковъ.—Ученіе о жизни человѣческой.—Бракъ.—Супружескія обязанности.—Вдовство.—Семь причинъ развода.—Скитанія Кунг-фу-тси.—Князь Веи.—Сборища слушателей.—Встрѣча съ учениками Лао-тси.—Гоненія.—Святая гора.

Обѣдая однажды за княжескимъ столомъ, Кунг-фу-тси во время десерта, взявъ персикъ, сначала раскололъ косточку и съѣлъ зерно, а потомъ уже и самый плодъ. Придворные разсмѣялись этому разсѣянію или незнанію этикета; князь же замѣтилъ мудрецу, что онъ поступаетъ совершенно наперекоръ общепринятому обычаю.

„Наперекоръ древнимъ обычаямъ, отвѣчалъ Кунг-фу-тси,—поступаете вы, государь, и всѣ ваши вельможи. Зерна были пищею первобытныхъ людей нашихъ праотцовъ, они же символъ *начала*. Во всякомъ плодѣ зерно или сѣмя — чистѣйшая и благороднѣйшая часть. Вотъ почему древніе въ жертву небу приносили зерна, а ***не плоды***; вотъ почему древніе завѣщали намъ вкушать плоды съ зернами—что я и дѣлаю (¹)."

Князь понялъ, что Кунг-фу-тси даетъ ему косвенный урокъ уваженія къ возлюбленной старинѣ и, обидясь, спросилъ въ насмѣшку: не извѣстно ли мудрецу какого фасона была шапка императора Шуна? Но и эту насмѣшку и всѣ послѣдующія Кунг-фу-тси переносилъ съ тѣмъ спокойствіемъ, которое проповѣдывалъ другимъ и тѣмъ пріохочивалъ князя совѣщаться съ собою во всѣхъ важныхъ вопросахъ правленія.

— „Я бы желалъ поручить управленіе министерствами—философамъ и мудрецамъ! сказалъ какъ-то князь, — не поможете ли вы мнѣ отыскать ихъ?"

„Это не трудно. Истинные мудрецы — послѣдователи древняго ученія."

— „Если оно такъ, то не велика трудность быть философомъ!"

„Вы меня не совсѣмъ поняли. Чтобы имѣть точную идею о философахъ, надобно знать складъ и составъ общества. Людей вообще я раздѣляю на пять разрядовъ:

„Къ ***первому***—многочисленнѣйшему, принадлежатъ люди, не отличающіеся никакими особенными качествами; люди, которые говорятъ, чтобы только говорить, не думая о томъ, говорятъ ли они дѣло или пустяки; люди привычки, живущіе день за день, жизнью чисто животной, не умѣющіе сдѣлать ни шагу безъ указки и помочей; люди—позволяющіе руководить собою первому встрѣчному. Понятія ихъ далѣе глазъ, ушей и рта не простираются. Разрядъ этотъ составляетъ такъ называемая ***чернь***.

„Ко ***второму*** разряду отношу людей грамотныхъ, развитыхъ и на столько образованныхъ, чтобы имѣть нѣкоторыя понятія о вещахъ, не доступныхъ понятіямъ простолюдина. Это люди, живущіе сознательно, сообразуясь съ законами и обычаями. Этихъ людей называю я ***грамотными***.

Люди ***третьяго*** разряда — живутъ по законамъ здраваго смысла, не уклоняясь отъ нихъ ни на волосъ. Они неизмѣнны въ горѣ и въ радости, не возмутимы, добролюбивы; умѣютъ говорить и молчать. Этихъ я называю ***философами***.

„***Четвертый*** разрядъ составляютъ люди прямодушные и истинно добродѣтельные, наконецъ —***пятый***—малочисленнѣйшій—люди совершенные, святые (шингъ). Вотъ эти-то люди и должны стоять во главѣ правительства."

(¹) Мѣра гигіеническая, заслуживающая вниманія физіологовъ. Зерна и сѣмена употребляемыхъ въ пищу плодовъ служатъ имъ какъ бы противоядіемъ—ослабляя ихъ вредное дѣйствіе на желудокъ. Укажемъ, между прочимъ, на чернослив: мясо плода—слабитъ, зерна крѣпятъ. Тоже свойство у апельсина.

Тси-кунгъ — одинъ изъ учениковъ мудреца, получилъ должность градоправителя и, дѣйствуя по наставленіямъ учителя, былъ благодѣтелемъ цѣлаго края. Недовольствуясь однакожъ сдѣланнымъ, онъ прибылъ къ Кунг-фу-тси за дальнѣйшими совѣтами и указаніями.

„Вы въ нихъ не нуждаетесь, отвѣчалъ мудрецъ, — но все же я въ короткихъ словахъ очерчу вамъ ваши обязанности:

„Въ дѣлахъ будьте прилежны, внимательны; умѣйте отличать ложь отъ правды и правдоподобіе отъ вѣроятія. Будьте справедливы, безкорыстны, вѣрны себѣ самому. Правосудіе не вѣдаетъ лицепріятія. Безкорыстіе путь къ справедливости; корыстолюбецъ не можетъ быть справедливъ. *Всякое даяніе и приношеніе* отъ низшихъ, подъ какимъ бы то ни было именемъ, есть *гнусная кража*.

„Будьте всѣмъ доступны. Не показывайте никому мрачнаго лица: будьте со всѣми привѣтливы, обходительны и ласковы. Рѣшеніемъ дѣлъ не спѣшите; обсуждайте ихъ со всѣхъ сторонъ. Ежегодно, четыре раза собирайте народъ и объясняйте ему его обязанности. *Если простолюдинъ не знаетъ что онъ долженъ дѣлать, виноватъ ли онъ, если не исполняетъ того, что долженъ?* Можно ли взыскивать за нарушеніе закона съ того, кто не вѣдаетъ о существованіи закона?

„Не отвлекайте простолюдиновъ отъ ихъ полевыхъ работъ, заставляя трудиться надъ исправленіемъ дорогъ и мостовъ. Всему свое время.“

Такъ образовывалъ Кунг-фу-тси, изъ среды своихъ учениковъ, полезнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей. Кромѣ *двѣнадцати*, бывшихъ при немъ безотлучно, число учениковъ мудреца въ это время возросло до трехъ тысячъ (¹). Это былъ богатый разсадникъ благодѣтелей и просвѣтителей Китая.

(¹) Исторія сохранила имена *двѣнадцати* учениковъ Кунг-фу-тси. Вотъ они: 1) Йен-гоеи, 2) Ян-юнгъ, 3) Тси-лу; 4) Ян-кіеу, 5) Кунг-си-че, 6) Тсенг-шинъ, 7) Чуан-сун-чи. 8) Пу-шангъ, 9) Танг-тан-міе-мингъ. 10) Йен-йуенъ, 11) Пан-кунг-тао, 12) Као-тсао. Число *двѣнадцать* избрано, какъ символическое, соотвѣтственно знакамъ зодіака. Солнцемъ

По желанію князя Лу, Кунг-фу-тси далъ ему слѣдующее опредѣленіе человѣка и его обязанностей:

„Отъ прочихъ существъ онъ отличается *разумомъ*, дарованнымъ ему небомъ. Частицы отца и матери, соединяясь въ предназначенномъ для того органѣ, суть причины нашего бытія; ибо *соединеніе двухъ началъ* источникъ всего живущаго. Новорожденный не есть еще человѣкъ въ полномъ смыслѣ этого слова; онъ дѣлается человѣкомъ тогда, когда небо одаритъ его разумомъ и мыслительною способностью. Покуда это разумное существо пользуется своими тѣлесными и нравственными способностями — оно живетъ; какъ только оба начала (духовное и тѣлесное) разъединяются въ немъ — оно умираетъ. Постепенно развивается человѣкъ, постепенно же и разрушается. Но разрушеніе это не есть конечное и вѣрнѣе назвать его разложеніемъ составныхъ частей, при которомъ каждая возвращается къ своему началу. Разумъ возвращается къ небу, своему источнику; ки — *животное дыханіе* (душа, дуновеніе) сливается съ воздухомъ; землянистыя и жидкія части тѣла обращаются въ землю и въ воду. Человѣкъ (говорили древніе) есть существо особенное, совмѣщающее въ себѣ качества всѣхъ прочихъ существъ. Между прочими свойствами, онъ можетъ *совершенствоваться* или *развращаться*, судя по доброму или злому употребленію своей свободы. За злыя дѣянія онъ заслуживаетъ наказанія, за добрыя награды. Таковъ человѣкъ.

— „Нѣтъ ли древнихъ уставовъ, вредныхъ обществу? спросилъ князь. — Напримѣръ, зачѣмъ исключительное право приносить жертвы предоставлено одному лицу; зачѣмъ древніе полагали возрастъ для брака мужчинѣ не моложе тридцати, женщинѣ — не моложе двадцати лѣтъ?“

„Жертвоприношенія, дѣйствительно, частнымъ лицамъ воспрещены, но это не значитъ, чтобы каждый человѣкъ мысленно не долженъ былъ благодарить Небо за всѣ его щедроты. Что же ка-

---

былъ самъ Кунг-фу-тси. О символическомъ значеніи числа 12 много любопытнаго, въ служащей матеріаломъ нашему труду, рѣдкой книгѣ: *Dupuis*. Religion universelle P. 1794, IV v. in. 4°.

сается до ограниченія возраста для супружества, то древніе хотѣли сказать: жениться слѣдуетъ *не старѣе* тридцати лѣтъ, а замужъ выходить *не старѣе* двадцати лѣтъ. Настоящая же и самая лучшая пора для женитьбы — двадцать лѣтъ мужчинѣ, пятнадцать—дѣвушкѣ.

— „Бракъ есть ли добро и необходимость?“

„Непремѣнно. Супружество первая обязанность человѣка, его естественное призваніе и предназначеніе. Обязанности же супруговъ дѣлятся на общія и частныя или, вѣрнѣе—обоюдныя. Мужъ голова, онъ повелѣваетъ; жена - повинуется. Онъ - небо, она — земля; таковы же должны быть ихъ душевныя и тѣлесныя отношенія. Основами супружества должны быть взаимная нѣжность, довѣренность, честность и уваженіе; власть и руководство со стороны мужа; повиновеніе и покорность со стороны жены, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мужъ не нарушаетъ правилъ справедливости, приличія и чести.

„Въ обществѣ жена всѣмъ обязана мужу. Смерть его не дѣлаетъ ея независимою. Въ дѣвицахъ она зависѣла отъ родителей или, если была сиротой отъ братьевъ или попечителей; замужемъ—была подчинена мужу; вдовая—она зависитъ отъ сына. Сынъ—хранитель вдовой матери отъ искушеній, добраго имени ея—отъ нареканій. Обычай воспрещаетъ женщинѣ вторичное замужество и вдова обязана посвятить себя уединенію. Внѣ дома — у нея не должно быть никакихъ дѣлъ, даже и въ домашнія дѣла она должна входить на сколько нужно, и то если дѣти малолѣтныя. При совершеннолѣтнихъ дѣтяхъ вмѣшательство вдовы — напрасное ихъ стѣсненіе. Днемъ она не должна выходить изъ своей комнаты, ночью же спальня ея должна быть всегда *освѣщена*. Такъ должна вести себя вдова, ежели хочетъ заслужить уваженіе дѣтей и согражданъ.

„Періодъ отъ 15 до 20 лѣтъ самый законный для выхода замужъ. Не слѣдуетъ забывать, что бракъ рѣшаетъ всю судьбу женщины, а потому выборъ требуетъ большой осмотрительности. Дѣвицѣ слѣдуетъ обѣгать брачнаго союза: 1) съ членомъ семьи, замѣшанной въ заговорѣ противъ правительства, 2) семьи съ разстроенными дѣлами или въ которой властвуетъ раздоръ, 3) съ на-

рушителемъ закона или бывшимъ подъ судомъ, 4) съ одержимымъ хроническою болѣзнію или съ какимъ нибудь наружнымъ недостаткомъ, 5) съ человѣкомъ, попечителемъ многочисленной семьи, т. е. братьевъ, сестеръ, тетокъ и т. п.

Мужъ имѣетъ право отпустить отъ себя жену, но не иначе какъ по уважительной, законной причинѣ. Законныхъ причинъ къ разводу *семь*: 1) несогласіе и неповиновеніе жены свекору и свекрови, 2) безплодіе, 3) непристойное поведеніе или нарушеніе супружеской вѣрности, 4) вселеніе ею вражды и несогласія въ семьѣ мужа, 5) болѣзнь жены, внушающая къ ней отвращеніе, 6) болтливость и склонность къ сплетнямъ, 7) если жена обкрадываетъ мужа. Мужъ не имѣетъ права развестись съ женою, хотя бы она того и заслуживала: 1) если у нея нѣтъ никого родныхъ, 2) если она провинилась передъ мужемъ во время траура по свекру или свекрови, 3) если мужъ, женясь на ней въ бѣдности, разбогатѣлъ во время сожительства съ нею.“

Впавъ въ немилость князя Лу, Кунг-фу-тси покинулъ его владѣнія и, вмѣстѣ съ учениками, опять пустился въ странствованія по разнымъ областямъ имперіи для распространенія своей доктрины. Встрѣчали преобразователя повсюду радушно, съ подобающими почестями. Князь *Веи* самъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу, обласкавъ и назначивъ для его жилища одинъ изъ своихъ загородныхъ дворцовъ и далъ на ежегодное содержаніе тысячу мѣръ рису. Не смотря однакоже на эти милости и постоянную внимательность, мудрецъ былъ не совсѣмъ доволенъ княземъ. Послѣдній любилъ бесѣдовать съ нимъ, слушалъ его наставленія, но имъ не слѣдовалъ. Такимъ образомъ, всѣ разумныя рѣчи мудреца были безполезной тратой времени и безплодными упражненіями въ реторикѣ. Кромѣ того невниманіе Кунг-фу-тси къ любовницѣ князя—*Нан-тси*, нежеланіе мудреца оказать ей не подобающей почести—охладили къ нему государя до такой степени, что мудрецъ принужденъ былъ покинуть его владѣнія. Возвратясь послѣ долгихъ странствованій, Кунг-фу-тси снова попытался было склонить князя Веи къ принятію преобразованной доктрины, но тотъ отказался на отрѣзъ. На этотъ разъ великая душа Кунг-фу-тси возмутилась; не оскорбленное самолюбіе, но тихая грусть заговорила въ немъ

и выразилась въ слѣдующей элегіи, которую можно назвать исповѣдью мудреца:

„Ароматъ цвѣтка *лан-хоа* упоителенъ; кромѣ аромата, многія полезныя свойства цвѣтка заставляютъ насъ высоко цѣнить его. Къ сожалѣнію цвѣтокъ этотъ очень нѣженъ; онъ блекнетъ отъ легчайшаго дуновенія и отрывается со стебля. Что дѣлается тогда съ бѣднымъ цвѣткомъ? Игрушка вѣтровъ, носится онъ по пространству земли, изъ стороны въ сторону, покуда не отыщетъ уголка, гдѣ пріютиться. Но и здѣсь въ пустынѣ истлѣетъ цвѣтокъ безплодно и обратится въ прахъ. Мудрость, для людей умѣющихъ ее воздѣлывать, даетъ прочныя, истинныя наслажденія; она, по настоящему, должна бы быть цѣлью всѣхъ нашихъ желаній и помысловъ... Но бурныя страсти враждебны ей, какъ буря цвѣтку; страсти гонятъ мудрость — и нѣтъ ей пріюта. Неужели же, во истину, она не найдетъ себѣ пристанища? Дни мои на исходѣ; скоро окончится мой жизненный путь; пора мнѣ найдти пристанище... Мудрому хорошо вездѣ; вся земля—его достояніе!“ —Равнодушіе сильныхъ міра не было единственной причиной горести мудреца. Нашлись люди, дерзнувшіе оказать ему явное презрѣніе.

Въ княжествѣ **Сунгъ** за городомъ, на пустынной полянѣ, росло раскидистое тѣнистое дерево. Это мѣсто Кунг-фу-тси избралъ для своихъ учениковъ и многочисленныхъ слушателей. Военачальникъ князя, недовольный этими сборищами и подозрѣвая въ мудрецѣ нарушителя общественнаго спокойствія, разогналъ однажды учениковъ и слушателей, а дерево велѣлъ срубить... Тогда Кунг-фу-тси снова пустился въ странствія по княжествамъ, гдѣ все видѣнное и слышанное имъ только пуще прилівало горечи въ его изъязвленное сердце. Когда ученики его, по прибытіи въ княжество *Тсаи*, спросили у двухъ земленашцевъ, какъ бы имъ удобнѣе перейдти въ бродъ чрезъ разлившуюся рѣку — земленашцы отвѣчали имъ:

„Брода нигдѣ нѣтъ, вся окрестность затоплена. Если же хотите послушать добраго совѣта, то, всего лучше, не старайтесь попасть въ княжество Тсаи. Въ немъ царствуетъ безначаліе: порокъ чествуютъ, добродѣтель гонятъ. Мы сами убѣжали отъ злыхъ людей и живемъ здѣсь въ мирной тиши, своеручно воздѣлывая землю. Но хозяйство не отвлекаетъ насъ и отъ упражненій умственныхъ. Всѣ мы переселенцы сходимся, сколь возможно часто, бесѣдуемъ о предметахъ нашего ученія, по вечерамъ каждый изъ насъ въ кругу семьи занимается чтеніемъ вслухъ. Въ мірскія суеты мы не вмѣшиваемся и о преобразованіяхъ не думаемъ. Въ нынѣшнія тяжелыя времена, самое разумное—жить, не сообщаясь ни съ кѣмъ, думая только о себѣ самомъ. Таковъ образъ жизни, избранный нами и мы на него не жалуемся. Слѣдуйте нашему примѣру и учителю посовѣтуйте тоже!“

Земледѣльцы были послѣдователи ученія *Лао-тси.*

Не смотря на ихъ совѣты, Кунг-фу-тси проникъ въ княжество Тсаи, гдѣ и пробылъ безъ всякой пользы. Въ сосѣдней области **Ченъ** ему удалось, мудрыми доводами, склонить князя на отмѣну смертной казни троихъ астрономовъ. Министры, ревнуя князя къ пришельцу, заточили мудреца вмѣстѣ съ учениками въ темницу, откуда черезъ семь дней ихъ выручили подоспѣвшія на помощь войска. Мужественно перенося всѣ эти непріятности, Кунг-фу-тси имѣлъ еще силы утѣшать учениковъ.

„Насъ гонятъ за то“, сказалъ одинъ изъ нихъ,—„что ученіе ваше слишкомъ высоко, чисто и недоступно понятіямъ большинства. Нельзя ли, какъ нибудь, упростить его и смягчить нѣкоторыя статьи? Тогда, можетъ быть, васъ бы охотнѣе слушали.“

„Ошибаетесь, отвѣчалъ Кунг-фу-тси.—Я отъ людей ничего не требую свыше ихъ силы. Мое ученіе есть ученіе нашихъ праотцовъ, ими завѣщанное намъ. Ни прибавлять къ нему, ни убавлять чего либо я не имѣю права. Я передаю его во всей первобытной чистотѣ. Въ отношеніи къ нему, я тоже, что сѣятель въ отношеніи къ сѣемому имъ зерну. Можетъ ли онъ придать ему иную форму или заставить его преждевременно дать ростокъ, всходъ и жатву? Дѣло сѣятеля посадить сѣмя въ землю, поливать его, заботиться о немъ—все же прочее не въ его власти... Впрочемъ, повѣрьте мнѣ, что бы человѣкъ ни дѣлалъ, какъ бы ни мыслилъ — всегда и вѣчно найдутся ему противники и противорѣчащіе!“

Освобожденный изъ плѣна, Кунг-фу-тси, вмѣстѣ съ учениками, посѣтилъ священную гору **Тай-шанъ**—мѣсто жертвоприношеній древнихъ императоровъ, тогда почти забытое и запущенное. Въ

грустное раздумье погрузился мудрецъ... Въ эту минуту обуревали его и разочарованіе въ людяхъ и сомнѣніе въ себѣ самомъ и, наконецъ, боязнь за будущность своего ученія. Подъ наитіемъ этихъ чувствъ, Кунг-фу-тси сказалъ ученикамъ:

„До вершины горы не достигнешь, не проходя крутыми и извилистыми тропинками: доступъ къ добродѣтели не обходится безъ трудовъ и усилій. Не знать дороги и пускаться въ нее безъ надежнаго проводника — значитъ подвергаться опасности заблудиться, даже—погибнуть.

„Я хотѣлъ взойдти на вершину *Тай-шана*, чтобы еще разъ насладиться великолѣпнымъ зрѣлищемъ, открывающимся съ нея на всѣ четыре страны свѣта. Меня не испугали ни высота горы, ни покрывающія ее густыя деревья, ни обрывы, ни пропасти, я зналъ, что сквозь нагорные лѣса проторены тропинки, а надъ обрывами построены мосты, и былъ спокоенъ... но увы! я обманулся: Тропинки заросли дикими травами, волчцами и терніями; подъ ними трудно разобрать, куда какая тропинка ведетъ; мосты обветшали, многіе рухнули...

„Мнѣ ли подъ силу прокладывать новыя тропинки, строить новые мосты? Гдѣ необходимыя къ тому орудія? Страсти заглушили всѣ всходы посѣвовъ добродѣтели... могу ли я очистить ихъ отъ этихъ сорныхъ травъ? Тщетны были мои усилія направлять стопы людей на стезю добродѣтели! Послѣ всѣхъ неудачъ единственный мой удѣлъ—слезы и стенанія."

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Послѣдніе годы жизни Кунг-фу-тси.—Смерть его жены.—Возвращеніе на родину. — Священныя книги. — Поученіе на курганѣ.—Предчувствіе близкой смерти.—Благодарственная молитва.—Послѣдняя бесѣда съ учениками.—Праздникъ духовъ земли.—Кончина Кунг-фу-тси.— Погребеніе.—Почести, воздаппыя его памяти.—Часовни. — Потомство Кунг-фу-тси. — Его слава и права на уваженіе человѣчества.—Сущность ученія, по книгѣ Та-хіо.—Заключеніе.

Когда мудрецъ со своими учениками возвратился домой, послѣдніе замѣтили въ наружности его большую перемѣну. На порогѣ дома, его встрѣтили вѣстью о кончинѣ жены его *Ки-куан-ши*. Тогда онъ сказалъ ученикамъ: „Супруга моя скончалась и я скоро за нею послѣдую. Вѣдь мнѣ уже шестьдесятъ шестой годъ отъ роду. Надобно, однако же, остатокъ дней употребить съ пользою. Утѣшьте сына моего и постарайтесь, чтобы онъ не слишкомъ предавался скорби!"

Князь Лу, узнавъ о возвращеніи мудреца изъ его странствованій, пригласилъ его въ свои владѣнія — отчизну Кунг-фу-тси, которую онъ не видалъ четырнадцать лѣтъ. Мудрецъ прибылъ въ княжество Лу, но государь не далъ ему никакой должности, чего впрочемъ, Кунг-фу-тси и не домогался. Подобно шелковичному червяку, готовящему себѣ кокону, служащую ему гробомъ, а людямъ предметомъ пользы, мудрецъ послѣдніе годы посвятилъ особенно усердному занятію съ учениками. Въ окрестностяхъ столицы было на полѣ нѣсколько кургановъ—древнихъ алтарей, превращенныхъ впослѣдствіи въ гульбище, обстроенныя павильонами. Въ этихъ павильонахъ Кунг-фу-тси читалъ ученикамъ свои поученія. Одинъ изъ кургановъ, любимѣйшій мудреца, прославился тогда и нынѣ славится, подъ именемъ *абрикосоваго кургана* (хингтанъ). Здѣсь-то Кунг-фу-тси окончательно привелъ въ порядокъ и далъ толкованія на *книгу стиховъ* (Ши-кингъ), *книгу лѣтописей* (Шу-кингъ); окончательно отдѣлалъ свое историческое сочиненіе, подъ заглавіемъ *Весна и Осень* (Чун-тсіеу) и объяснилъ загадки *Фу-хи* въ его *книгѣ превращеній* (И-кингъ). Изъ трехъ тысячъ учениковъ — семдесятъ два могли, со словъ учителя, объяснять обряды, законы музыки и изящныхъ художествъ; правила же мудрости и добродѣтели въ состояніи были передавать людямъ только двѣнадцать учениковъ. Это были дѣти сердца Кунг-фу-тси, повѣренные завѣтныхъ его думъ и сокровеннѣйшихъ чувствъ. Изъ нихъ, любимѣйшимъ былъ *Йен-хоеи*, на котораго мудрецъ смотрѣлъ какъ на своего достойнѣйшаго преемника и распространителя возобновленнаго ученія... къ несчастію не Йен-хоеи своего учителя, но Кунг-фу-тси пережилъ своего ученика, за которымъ вскорѣ послѣдовалъ и *Тси-лу* (удавившійся вслѣдствіе тяжкой нанесенной ему обиды). Тогда Кунг-фу-тси

поручилъ ученику *Тсенг-тси* свою *книгу о дѣтской любви* (Хіао-кингъ) по собственному его сознанію—важнѣйшій изъ всѣхъ его трудовъ (¹).

Однажды, взявъ съ собою троихъ учениковъ, мудрецъ вышелъ за городъ, на жертвенный курганъ, насыпанный по повелѣнію древняго военачальника въ благодарность за одержанную имъ побѣду. Лицо Кунг-фу-тси омрачилось невыразимой грустью. Ученики, думая что ему не здоровится, стали осыпать его разспросами: „Успокойтесь,“ сказалъ онъ,—„я совершенно здоровъ. Видъ этого кургана пробудилъ во мнѣ грустныя мысли о бренности славы человѣческой... Подайте мнѣ *кинъ* (гитару), я пропою вамъ *пѣснь скорби!* И взявъ нѣсколько унылыхъ акордовъ, мудрецъ пропѣлъ нѣсколько строфъ слѣдующаго содержанія:

„Зной смѣняется холодами; весна и лѣто—смѣняются осенью. Солнце восходитъ затѣмъ, чтобы точь на западъ; рѣки стремятся съ востока, чтобы ввергнуться въ неизмѣримое море. Однако же за осенними холодами опять являются тепло и зной; солнце, закатясь на западѣ, снова восходитъ на востокѣ и волны рѣчныя, ввергающіяся въ море, смѣняются новыми волнами... Но что сталось съ героемъ, воздвигшемъ этотъ курганъ, гдѣ его боевой конь, гдѣ его спутники на ратномъ полѣ? Увы, единственнымъ слѣдомъ ихъ бытія осталась земляная насыпь, поросшая сорными травами.“ Въ другой разъ, перебирая *книгу превращеній*, Кунг-фу-тси задумался надъ символомъ *Сун-и* или знакомъ разрушенія и возрожденія.

„Всему свое время, сказалъ мудрецъ ученикамъ, — все на свѣтѣ измѣняется, исчезаетъ, чтобы появиться въ новомъ видѣ, но и за обновленіемъ слѣдуетъ обветшаніе, разрушеніе, а тамъ опять обновленіе... И такъ до безконечности! Есть надъ чѣмъ призадуматься.“

Ясно было, что мысль о смерти съ каждымъ днемъ чаще и чаще являлась мудрецу. Невидимо парила надъ нимъ смерть—таинственная властительница вселенной—навѣвая своими крылами на его душу высокія поэтическія мысли о вѣчности. Сообщая ихъ своимъ ученикамъ, великій старецъ пѣлъ свою лебединую пѣсню... Имѣя отъ рожденія болѣе семидесяти лѣтъ, онъ еще разъ съ учениками побывалъ на священной горѣ Таи-шанѣ и тамъ молился Всевышнему. Затѣмъ окончательно привелъ въ порядокъ каноническія книги (*Кинги*) и, какъ истинный мудрецъ, сталъ готовиться къ смерти. Оканчивая земное свое поприще, онъ поставилъ себѣ долгомъ поблагодарить Бога за жизнь, за свои дарованія, за силу, которую онъ имѣлъ окончить свои высокія призванія. Собравъ съ собою всѣхъ учениковъ, онъ привелъ ихъ къ одному изъ кургановъ, разсѣянныхъ на полѣ загородомъ. Здѣсь они воздвигли алтарь и сложили на него шесть книгъ, написанныхъ Кунг-фу-тси. Тогда мудрецъ, преклонивъ предъ алтаремъ колѣни и ставъ лицемъ къ сѣверу, возблагодарилъ небо за всѣ его щедроты и милости...

Чрезъ нѣсколько дней, онъ опять созвалъ учениковъ, въ тотъ самый покой, въ которомъ обыкновенно истолковывалъ имъ священныя книги и здѣсь-то объявилъ имъ свою послѣднюю волю. Мы не привели бы читателю этой предсмертной бесѣды, если бы Кунг-фу-тси былъ однимъ изъ тѣхъ миѳологическихъ героевъ, жизнь котораго, въ сущности не ознаменованная особенными доблестями, послужила темою для сказокъ и фантастическихъ побасенокъ потомкамъ. Біографія Кунг-фу-тси чужда этихъ прикрасъ и въ немъ видимъ только *человѣка*, стоящаго однако недосягаемо выше индійскихъ Вишну, египетскихъ Озирисовъ и полубоговъ древней Греціи.

„Созываю васъ въ послѣдній разъ, сказалъ Кунг-фу-тси ученикамъ.—Постарайтесь запомнить слова мои: въ нихъ мое завѣщаніе.

„Какъ бы ни былъ уменъ и образованъ человѣкъ, онъ не можетъ быть геніемъ всеобъемлющимъ. Въ каждомъ человѣкѣ, между прочими способностями, непремѣнно есть одна, примѣняя которую къ дѣлу, онъ можетъ быть истинно полезенъ на поприщѣ, избранномъ имъ согласно своей способности. Увлеченіе одною своею способностью, въ ущербъ другой болѣе развитой, выборъ должности не подходящей къ характеру—источникъ многихъ золъ и ошибокъ

(¹) Хотя у Кунг-фу-тси и былъ сынъ, но онъ не могъ быть исполнителемъ посмертной воли отца, по случаю трехгодичнаго траура по умершей матери.

Давно мы уже знаемъ другъ друга и не со вчерашняго дня я вашъ учитель. Я, по крайнему моему разумѣнію, исполнялъ мои священныя обязанности въ отношеніи къ вамъ; вы, въ свою очередь, дѣлили со мною труды и заботы, и опытомъ удостовѣрились во первыхъ, что знаніе и мудрость не легко даются, во вторыхъ— что не менѣе трудно выполнять человѣку свое назначеніе.

„При нынѣшнемъ безотрадномъ положеніи государства, при уклоненіи большинства отъ воспринятія преобразованій въ правахъ, обычаяхъ и религіозныхъ понятіяхъ — не льститесь надеждою успѣшнаго распространенія моего ученія. Вы сами видите во многомъ ли я успѣлъ? Залогъ грядущихъ успѣховъ въ книгахъ, которыя завѣщаю вамъ, какъ драгоцѣнный сводъ знаній и правилъ мудрости. Книги эти вы обязаны передать во всей чистотѣ дальнѣйшему потомству. Чтобы успѣшно выполнить завѣтъ мой, вы должны раздѣлить предстоящіе вамъ труды сообразно вашимъ способностямъ.

„*Минг-тси кингъ*, *Ян-пе-ніеу* и *Чунг-кунгъ*—вамъ препоручаю отдѣлъ нравоученій. *Тсаи-нго* и *Тси-кунгъ* — имѣющіе даръ слова, возьмутъ на себя отдѣлъ краснорѣчія. *Ян-йеу* и *Ки-лу*, какъ люди свѣтскіе, опытные въ наукѣ правленія—могутъ вступить въ государственныя должности, для непосредственнаго сближенія съ народомъ, для его просвѣщенія. *Тси-юнгъ* и *Тси-хіа*—знатоки древности, пусть посвятятъ себя наукамъ и преподаванію народу правилъ обрядовъ и древняго благочестія... Такимъ образомъ, каждый изъ васъ исполнитъ завѣтъ мой и будетъ вѣренъ своему призванію."

За нѣсколько дней до своей смерти, Кунг-фу-тси любовался съ высокой башни дворца на народный *праздникъ духовъ земли* (¹). Простой народъ и земледѣльцы ѣли, пили, смѣялись, пѣли пѣсни и плясали. „Меня радуетъ, сказалъ мудрецъ бывшему съ нимъ ученику,—что народъ на время забылъ свои горести и, хоть не на долго, считаетъ себя довольнымъ и счастливымъ."

(¹) Празднества въ честь восьми духовъ земли (*Та-ча*), податедей плодовъ, овощей, хлѣба и всѣхъ вообще ея произведеній, совершались дважды въ годъ, въ дни весенняго и осенняго равноденствій.

„Не лучше ли было бы съ его стороны молиться духамъ и приносить имъ жертвы, нежели бражничать и проводить время въ непристойныхъ забавахъ?" возразилъ ученикъ.

„Вы правы; имъ слѣдовало бы благодарить Небо за дарованныя милости и просить новыхъ... Но плясками и весельемъ эти люди и выражаютъ свою благодарность. Не осуждайте ихъ за праздность: это отдыхъ послѣ непрерывной *сто-дневной* работы (¹). Неустанная работа изнуряетъ и тѣло и душу — какъ ослабляется постоянно натянута тетива у самострѣла!"

Этотъ же самый ученикъ (по имени *Тси-кунгъ*) былъ свидѣтелемъ и послѣднихъ минутъ учителя. „Упадаютъ мои силы!" говорилъ Кунг-фу-тси, — „и уже не поправиться мнѣ!" Затѣмъ, проливая слезы, онъ продолжалъ: „Нѣтъ у меня силъ поднять голову, чтобы взглянуть на вершину *Таи-шана*; члены мои—какъ подгнившія стропила зданія; я поблекъ какъ трава... Кто послѣ моей смерти возьметъ на себя тяжкій трудъ поддержать мое ученіе?"

Вскорѣ Кунг-фу-тси впалъ въ усыпленіе, изъ котораго не могли пробудить его никакія средства и послѣ семидневной летаргіи скончался на 73 году отъ рожденія, за 479 л. до Р. Х. и за девять лѣтъ до рожденія Сократа.

Внукъ его *Тси-сси* по малолѣтству не могъ принять узаконеннаго участія въ погребальномъ обрядѣ и потому погребеніемъ занялись двое изъ учениковъ покойнаго. Закрывъ ему глаза, они положили ему въ ротъ три щепотки рису и одѣли его въ одиннадцать разнородныхъ одѣяній. Верхнее было то самое, которое онъ надѣвалъ при пріѣздахъ ко двору; голову покрыли шапкою фасона шапокъ, носимыхъ государственными министрами. Почетный знакъ, медальонъ изъ слоновой кости—былъ повѣшенъ ему на шею на снуркѣ, ссученомъ изъ пяти разноцвѣтныхъ нитей.

Одѣтый такимъ образомъ трупъ мудреца былъ положенъ въ

(¹) Ни въ древнемъ, ни въ нынѣшнемъ Китаѣ нѣтъ обыкновенія отдыхать на седьмой день послѣ недѣльныхъ трудовъ, хотя въ нѣкоторыхъ книгахъ о немъ и упоминается. Это ошибка. Рабочій періодъ у китайцевъ — *сто дней*, за исключеніемъ праздниковъ, разумѣется.

двойной гробъ изъ четырехдюймовыхъ досокъ и поставленъ на катафалкъ подъ балдахиномъ. Вокругъ катафалка разставлены были трехугольные значки, а въ изголовьи большая четырехугольная хоругвь. Послѣ того ученики, отъ имени внука покойнаго, купили участокъ земли во сто *му* ([1]), въ сѣверномъ предмѣстьи города. На этомъ участкѣ ближе къ краю сдѣлали три земляныя, куполовидныя насыпи; на средней, выше обѣихъ боковыхъ и предназначенной для погребенія, посадили дерево *кіаи*. Изсохшій пень этого дерева сохраняется на этомъ мѣстѣ и донынѣ. При погребеніи присутствовали родственники покойнаго и всѣ его ученики; совершалось оно по стариннымъ обрядамъ. Предавъ землѣ тѣло Кунг-фу-тси, ученики тутъ же на могилѣ дали торжественное обѣщаніе почтить его память трехлѣтнимъ трауромъ, какъ бы по отцѣ или по матери. *Тси-кунгъ* наложилъ на себя шестилѣтній трауръ, впродолженіи котораго жилъ на могилѣ своего учителя, въ нарочно построенной хижинѣ. Прибывшіе на похороны съ разныхъ концевъ Китая ученики, привезли съ собою каждый по дереву и посадили деревья эти вокругъ гробницы. Сто человѣкъ, съ семействами, поселились близъ мѣста вѣчнаго успокоенія мудреца и образовали, такимъ образомъ, деревню *Кунгъ-ли*, объявивъ покойнаго своимъ помѣщикомъ и прося его внука считать ихъ своими крѣпостными.

Князь Лу, услыхавъ о кончинѣ Кунг-фу-тси, котораго онъ не умѣлъ достойно цѣнить при жизни, воскликнулъ съ горестью: „Небо прогнѣвалось на меня... Я лишился неоцѣненнаго сокровища!“ И, желая чѣмъ нибудь загладить прежнюю несправедливость, князь велѣлъ построить близъ гробницы часовню въ память мудреца, точно такую же, какія строились князьями *въ память предковъ*, для того, чтобы всѣ ученые и любители мудрости могли воздавать почести памяти великаго человѣка по существующимъ обрядамъ. Въ часовнѣ поставили портретъ Кунг-фу-тси, положили на алтарь его книги, развѣсили по стѣнамъ его парадныя платья, музыкальные инструменты; тутъ же поставили домашнюю его мебель и дорожную его колесницу. Открытіе часовни происходило съ необыкновенной пышностью. Князь, тутъ присутствовавшій, торжественно призналъ Кунг-фу-тси своимъ учителемъ. Ученики уговорились разъ въ годъ приходить въ часовню на богомолье. Въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ обыкновеніе это соблюдалось и соблюдается понынѣ. Кромѣ того, почти въ каждомъ городѣ воздвигли часовню (*міао*) въ память мудреца. При первомъ императорѣ династіи *Ганъ* (за 200 л. до Р. Х.) обрядъ воспоминанія признанъ обязательнымъ и для государей. Съ этого времени началось воздаяніе памяти мудреца почестей какъ бы святому. Впослѣдствіи узаконено было, чтобы каждый ученый, приступая къ экзамену на ученую степень, или мандаринъ, вступая въ государственную должность — непремѣнно поклонялись предварительно памяти Кунг-фу-тси въ посвященныхъ ему часовняхъ. Законъ этотъ введенъ былъ въ 998 г. по Р. Х.—почти черезъ полторы тысячи лѣтъ послѣ смерти Кунг-фу-тси. Такимъ образомъ съ теченіемъ времени память о немъ не только не ослабѣвала, но все болѣе и болѣе укоренялась въ Китаѣ.

Кромѣ сооруженія часовень въ честь преобразователя, князь Лу далъ ему прозвище: отца *Ни*. При династіи Ганъ ему дали титулъ *кунга* ([1]); при династіи Тангъ—*перваго святаго*, а впослѣдствіи *императорскаго проповѣдника*. При династіи Мингъ покойный Кунг-фу-тси получилъ титло: *святѣйшаго, мудрѣйшаго и добродѣтельнѣйшаго изъ всѣхъ учителей рода человѣческаго*. Живописныя и лѣпныя его изображенія повелѣно было увѣнчивать императорскою шапкою и облачать въ царскія же одѣянія. Эта высшая степень почета неизмѣнно соблюдается и понынѣ. Потомкамъ Кунг-фу-тси (родъ его еще не угасъ и въ наше время), единымъ во всей имперіи, даровано на вѣки *потомственное дворянство*. При императорѣ Конг-хи потомковъ мудреца насчитывали до одиннадцати тысячъ душъ мужескаго пола.

([1]) *Му* равняется 100 *шагамъ*; *шагъ* содержитъ въ себѣ шесть *футовъ*.

([1]) Равносильный титлу *герцога* въ западной Европѣ или *свѣтлости* въ Россіи.

„Во всемірной исторіи, говоритъ Потье ([1]), не найдется другой личности, которая бы, подобно китайскому философу, такъ долго и могущественно вліяла на судьбы государства и пользовалась такою громкою и вполнѣ заслуженною славою. Въ тѣ времена, когда прочіе народы земли сооружали храмы бездушнымъ идоламъ или божествамъ, порожденнымъ человѣческой фантазіей, въ тѣ самыя времена китайцы воздвигали алтари въ память апостола мудрости, человѣчности, нравственности и добродѣтели. Кунг-фу-тси былъ первымъ проповѣдникомъ высокихъ свойствъ разума человѣческаго и основателемъ ученія, которому нынѣ слѣдуютъ до трехъ сотъ миліоновъ человѣкъ."

Для совершеннѣйшаго ознакомленія съ доктриною Кунг-фу-тси и полноты нашего біографическаго очерка, передадимъ читателю содержаніе книги *Та-хіо* (великаго ученія), именуемой китайцами *Кингъ* — книгою, т. е. книгою изъ книгъ ([2]). Текстъ ея принадлежитъ Кунг-фу-тси, а поясненія его ученику *Тсенг-тси.*

Философъ говоритъ, что какъ только разумъ человѣка пріобрѣтетъ нѣкоторую зрѣлость, такъ человѣку необходимо приступить къ исполненію своихъ главнѣйшихъ, верховныхъ обязанностей: 1) развивать свои умственныя способности, 2) *обновлять народъ*, т. е. просвѣщать его, образовывать, развивать въ немъ умъ и облагораживать чувства, 3) посвятить всю жизнь свою высшему благу, т. е. стремиться къ возможному, доступному человѣку совершенству. Въ чемъ заключается наука нравственности? Въ познаніи человѣческаго сердца и побудительныхъ причинахъ нашихъ дѣяній.

„Въ чемъ состоитъ самоусовершенствованіе человѣка?

„1) Въ чистотѣ разума, 2) въ заботливости о просвѣщеніи народномъ, 3) въ стремленіи къ высшему благу, 4) въ знаніи причинъ и послѣдствій, 5) въ развитіи и расширеніи знаній посредствомъ стремленія къ познанію причины вещей, 6) въ чистотѣ и прямодушіи намѣреній, 7) въ честности и правдолюбіи,

([1]) *Pauthier.* La Chine, p. 183-a.

([2]) Подобно греческому слову: Библія, арабскому Ал-Коранъ и т. п.

8) въ семейномъ согласіи, 9) въ умѣньи управлять своимъ домомъ, также, какъ и цѣлымъ царствомъ, 10) въ умѣньи поддерживать миръ и доброе согласіе въ своихъ сношеніяхъ съ прочими людьми."

Здѣсь вся сущность ученія Кунг-фу-тси. Но обольщая людей никакими наградами въ будущемъ, китайскій мудрецъ полагаетъ самоусовершенствованіе—*обязанностью* человѣка, возлагаемой на него самимъ небомъ. Повелѣвая людямъ *дѣлать добро для добра*, онъ открываетъ имъ неистощимый источникъ чистаго, истинно божественнаго наслажденія. Поступая по правиламъ этого ученія, человѣкъ не можетъ унизить ближняго своимъ благодѣяніемъ; а сдѣлавъ добро, никогда не станетъ требовать отъ облагодѣтельствованнаго самоуниженія, раболѣпства и вообще той дани, оскорбительной для нравственнаго чувства, которую иногда такъ ложно называютъ *благодарностью.* Платить зломъ за добро—едва ли въ натурѣ человѣка: облагодѣтельствованный не можетъ не чувствовать признательности къ своему благодѣтелю... Но если послѣдній требуетъ за свое доброе дѣло со стороны облагодѣтельствованнаго, рабскаго себѣ обожанія, готовности жертвовать ему честью, самолюбіемъ, словомъ, однимъ изъ тѣхъ чувствъ которыя неприкосновенны, святы, тѣсно связаны съ достоинствомъ человѣческимъ — онъ тогда уже не благодѣтель, а торгашъ, заслуживающій не признательности, но презрѣнія! Онъ—ростовщикъ, если дѣлая добро людямъ, расчитываетъ на награду свыше. Но если человѣкъ умѣетъ находить себѣ награду за доброе дѣло въ немъ самомъ, въ сознаніи честнаго исполненія своего долга, тогда онъ вполнѣ достоинъ имени *человѣка*—царя земли, разумнѣйшаго изъ всѣхъ видимыхъ созданій...

Сличая ученіе Кунг-фу-тси съ ученіемъ Лао-тси, читателю безъ всякаго указанія легко увидѣть на сколько одно совершеннѣе и выше другаго. Послѣдователями религіозной доктрины Кунг-фу-тси мы видимъ въ Китаѣ императора, знать, цѣлое сословіе и всѣ развитые и образованные классы общества.

———

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Менг-тси. — Дѣтство. — Причины порочныхъ наклонностей. -Успѣхи въ ученіи.—Совѣты и наставленія государю.—Тайна мудраго правленія.—Два парка.—Диспутъ философовъ.—Ученіе Янга и его послѣдователи.—Посмертныя почести Менг-тси.—Его сочиненія.

Славнѣйшій изъ философовъ школы Кунг-фу-тси, современникъ Сократа, Аристотеля и Ксенофонта греческихъ, *Менг-тси*, въ дѣтствѣ называвшійся *Менг-хо*, происходитъ отъ рода Менгсуновъ, одной изъ трехъ фамилій, происками и всякими неправдами достигшихъ знатныхъ должностей въ имперіи. Нѣкоторыя черты его дѣтства напоминаютъ Кунг-фу-тси. Подобно ему, онъ въ молодыхъ годахъ лишился отца и выросъ на попеченіи матери, женщины умной и просвѣщенной. Древніе мудрецы говорили, что человѣку благоразумному слѣдуетъ удаляться отъ дурнаго сосѣдства и въ силу этого совѣта мать Менг-тси, во время его дѣтства, дважды мѣняла жилище, въ видахъ охраненія нравственности своего сына. Въ первый разъ сосѣдомъ ея былъ мясникъ. Вскорѣ послѣ поселенія своего въ домъ смежный съ бойнею, она замѣтила, что сынъ ея съ любопытствомъ и наслажденіемъ смотрѣлъ какъ рѣжутъ скотину, наконецъ —по свойственной дѣтямъ переимчивости— однажды и самъ вздумалъ заняться мясническимъ ремесломъ. Это развитіе въ сынѣ кровожадныхъ инстинктовъ побудило молодую вдову переѣхать на другую квартиру, на этотъ разъ по сосѣдству отъ кладбища. Здѣсь ежедневныя сцены погребеній, слезъ и рыданій развили въ переимчивомъ Менг-хо желаніе подражать въ своихъ играхъ надгробнымъ обрядамъ и стенаніямъ родныхъ... Новая забота бѣдной матери! Опасаясь, чтобы сынъ, по дѣтскому невѣдѣнію кощунствуя надъ уставами религіи, не сдѣлался впослѣдствіи безбожникомъ, мать Менг-хо переселилась на третью квартиру, стѣна объ стѣну со школой, и это сосѣдство пробудило

Менг-тси. Кунг-фу-тси.

въ мальчикѣ охоту къ ученью и вскорѣ развило въ немъ богатыя его способности. Окончивъ успѣшно курсъ первоначальнаго обученія въ школѣ, Менг-хо поступилъ въ число семнадцати учениковъ *Тси-сее*, одного изъ ревностнѣйшихъ послѣдователей ученія Кунг-фу-тси. Учитель путешествовалъ съ учениками по разнымъ областямъ, гдѣ обучалъ князей великой наукѣ править подданными и заботиться о ихъ участи. Благо ближнихъ было верховной цѣлью Тси-сее; осуществленію же ея онъ видѣлъ единственно въ повсемѣстномъ распространеніи ученія Кунг-фу-тси. Искренно сочувствуя учителю, Менг-тси дѣйствовалъ совершенно по его программѣ, но еще смѣлѣе и рѣшительнѣе его самого. Глубокій знатокъ сердца человѣческаго, онъ указалъ въ своихъ сочиненіяхъ на вѣрнѣйшія средства къ искорененію злоупотребленій лицъ, облеченныхъ властью. Подобно Кунг-фу-тси онъ настаивалъ на томъ, что одною изъ главнѣйшихъ причинъ бѣдствій народныхъ, а вслѣдствіе ихъ и смутъ, есть *превышеніе* и *злоупотребленіе власти* не высшими сановниками, но должностными лицами второстепенными. Менг-тси философствуетъ подобно Сократу и Платону, но онъ еще энергичнѣе и безжалостнѣе къ антагонисту. Не разбирая съ кѣмъ онъ споритъ, съ княземъ или простолюдиномъ, Менг-тси схватывается съ нимъ (какъ говорится) грудь съ грудью — и неопровержимыми доводами и силогизмами приводитъ его наконецъ къ сознанію нелѣпости и несостоятельности его противорѣчія. Въ рукахъ этого китайскаго мудреца иронія едва ли не опаснѣйшее оружіе, нежели въ рукахъ Сократа [1]. Слѣдующіе отрывки изъ его книгъ ближе всего могутъ познакомить съ сущностью его ученія:

Менг-тси начинаетъ ее разсказомъ о своей бесѣдѣ съ княземъ Вен, въ удѣлъ котораго онъ прибылъ. Князь, удивляясь терпѣнію мудреца, пріѣхавшаго въ его владѣніе изъ за семи сотъ верстъ, замѣтилъ, что вѣроятно немаловажны и выгоды, заставившія его отважиться на такое далекое путешествіе.

— Зачѣмъ вы говорите мнѣ о выгодахъ, князь? отвѣчалъ Менг-тси. — Для этого достаточно любить людей и правду. И тутъ

---

[1] Pauthier, la Chine, p. 188. — a.

же философъ далъ нѣсколько добрыхъ совѣтовъ князю и указалъ ему на его ошибки.

— Вмѣсто того (сказалъ онъ между прочимъ), чтобы заботиться о доставленіи народу продовольствія, вы откармливаете быковъ, свиней и собакъ для своего стола—хлѣбомъ, отнятымъ у народа... Онъ у васъ съ голоду мретъ — а вы строите дворцы да дороги прокладываете вмѣсто того, чтобы отворить ему запасныя житницы. Вы говорите: „виноватъ ли я, что люди мрутъ съ голоду? Земля виновата, зачѣмъ не даетъ хлѣба!“ Скажите же мнѣ, сдѣлайте милость, чѣмъ это оправданіе лучше оправданія человѣка, который бы, убивъ ближняго, сказалъ: это не я его убилъ, а моя сабли!—Не ссылайтесь же на неурожаи да засухи, а заботьтесь лучше чѣмъ пособить народу.

— Душевно желаю слѣдовать вашимъ совѣтамъ, — отвѣчалъ князь.

— Смѣю спросить, продолжалъ Менг-тси,—есть ли какая разница въ убіеніи человѣка саблей или палкой?

— Никакой.

— А въ убіеніи палкой или дурнымъ правительствомъ?

— Тоже никакой.

— Прекрасно. Взгляните же вы на ваши кухни: онѣ завалены мясомъ и всякими припасами; лошади ваши отъ жиру едва передвигаютъ ноги... А народу отъ голоду животы подвело, лица простонародья блѣдныя, осунувшіяся; на поляхъ, вмѣсто пожатаго хлѣба — трупы людей, скошенныхъ голодной смертью!.. Вотъ вы и сравнивайте!..

— Но какая же главнѣйшая обязанность правителя народнаго?

— *Любить народъ.* Въ этой любви вся тайна мудраго и добраго правленія.

— И только?

— Если бы нашелся человѣкъ, который бы сказалъ царю: у меня достаточно силы, чтобы поднять тяжесть въ 1000 фунтовъ, но пера поднять я не могу; глаза мои отлично видятъ какъ осенью на животныхъ новая шерсть растетъ—но воза съ дровами разглядѣть не могутъ.. Повѣрили бы вы ему, князь?

— Разумѣется, нѣтъ.

— Вотъ также точно и цари иные дурно правятъ—не потому, чтобы *не могли*, а просто, потому что *не хотятъ*.

— Но какъ отличить дурное правленіе вслѣдствіе *нехотѣнья*, отъ дурнаго вслѣдствіе *неумѣнья*?

— Если бы сказали какому нибудь человѣку: возьми подъ мышку гору *Тай-шанъ* и брось ее въ океанъ, а онъ бы отвѣтилъ— „не могу“, этому можно повѣрить, потому что онъ скажетъ правду..! Но если вы велите ему срѣзать вѣтку съ дерева, а онъ и тогда скажетъ не могу—тутъ будетъ уже не *невозможность*, а явная *неохота*.

Въ другой разъ Менг-тси бесѣдовалъ съ княземъ Тхси, *Сіуанъ-вангомъ*.

— Правда ли, спросилъ князь,—что паркъ императора Венг-ванга имѣлъ семь миль въ окружности.

— Въ этомъ порукой исторія.

— Стало, паркъ былъ громадный?

— Народъ находилъ, что паркъ не великъ.

— Но у меня паркъ занимаетъ четыре мили и народъ называетъ его огромнымъ. Какъ же это такъ!

— Паркъ Венг-ванга занималъ пространство семи миль, но онъ былъ открытъ каждому, имѣвшему нужду въ сѣнѣ или дровахъ; народу было разрѣшено охотиться въ паркѣ за зайцами и фазанами. Паркъ принадлежалъ царю и народу, а потому послѣдній и находилъ его малымъ. Я, вашъ покорнѣйшій слуга, въѣзжая въ ваши владѣнія, всего прежде спросилъ что у васъ запрещено, что позволено? Мнѣ, вашему покорнѣйшему слугѣ, объявили, что за убіеніе оленя въ вашемъ паркѣ казнятъ смертью... Этого достаточно! Изъ этого я понимаю, что этотъ паркъ—громадная могила, открытая желающему. Не правъ ли народъ, находя ее слишкомъ обширною?

Въ другой разъ, тотъ же князь спросилъ философа.

— Правда ли, что *Чинг-тангъ* свергнулъ съ престола и сослалъ *Кіэ*, а *Ву-вангъ* умертвилъ *Шеу*?

— Такъ говорятъ лѣтописи.

— Но какъ же они осмѣлились свергать царей съ престола и убивать ихъ?

— Крадущій чужое имущество называется *воромъ*; крадущій правосудіе у людей называется *тираномъ*. Тотъ и другой, какимъ бы саномъ ни были облечены—только люди. Такъ въ Шеу я вижу не царя, а только злаго человѣка, который стоилъ казни.

Эти извлеченія изъ книги Менг-тси знакомятъ съ нимъ, какъ съ законодателемъ; слѣдующій его диспутъ съ философомъ *Као-тси* знакомитъ съ его философскимъ ученіемъ. Предметомъ диспута была *природа человѣка.*

Као-тси. Способности человѣка подобны гибкой ивѣ; правосудіе и честность—корзинки. Какъ плетутъ корзинку изъ ивы, такъ можно развить правосудіе и честность въ человѣкѣ.

Менг-тси. Можете ли вы сплести корзинку, не прикасаясь къ ивѣ? Прежде всего вы должны обрѣзать у дерева вѣтви, обезобразить иву, а ужъ потомъ плести корзнику. Не такъ ли надобно поломать и исковеркать натуру человѣка, прежде нежели удастся выработать изъ нея честность и правосудіе? Если дѣйствовать по вашимъ словамъ, то можно только искоренить въ людяхъ ихъ врожденныя, добрыя качества!

Као-тси. Человѣкъ подобенъ текучей водѣ—направь ее куда хочешь, на востокъ или на западъ, туда она и устремится. Какъ вода не знаетъ странъ свѣта, такъ и человѣку неизвѣстно въ чемъ добро и въ чемъ зло.

Менг-тси. Вода, дѣйствительно, не различаетъ гдѣ востокъ и гдѣ западъ—однако же течетъ не вверхъ, а внизъ—по законамъ природы. Естественное свойство человѣка *стремленіе къ добру*, какъ стремленіе воды къ низу. Сожмите воду трубами, дайте ей направленіе вверхъ, она брызнетъ фонтаномъ выше вашей головы; загородите ей путь плотиною—она разольется и въ разливѣ покроетъ вершину горы... Но развѣ это ея природное свойство? Это просто слѣдствіе насилія. Такъ и человѣка можно направить на зло, насилуя его природныя склонности.

Као-тси. Природа есть жизнь.

Менг-тси. Вы называете природу жизнію, такъ же точно, какъ бѣлое называете бѣлымъ?

Као-тси. Да.

Менг-тси. И такъ, по вашему бѣлый снѣгъ и бѣлое перо, одно и тоже? Бѣлизна снѣга или бѣлизна алебастра все равно?

Као-тси. Конечно все равно.

Менг-тси. А если такъ, то природа (естество) собаки и быка—одинакова, быка и человѣка такъ же...

Као-тси. Краски, наружный видъ и потребности—свойства природы, но не она сама. Проявленіе человѣчества не въ наружномъ видѣ, а въ душевныхъ способностяхъ; проявленіе же справедливости и разума наружное.

Менг-тси. Какъ же это вы говорите о внутреннихъ и внѣшнихъ проявленіяхъ? Если такой-то старикъ, мы его называемъ старикомъ, не имѣя съ его старостью ничего общаго. Старость развѣ не такое же внѣшнее проявленіе природы человѣка, какъ бѣлизна снѣга? Чувство уваженія къ старости въ ней ли самой или оно намъ врожденно?

Къ диспуту двухъ философовъ пристаютъ еще другіе, доказывающіе, что человѣкъ отъ природы ни добръ, ни золъ, или, добро и зло въ немъ смѣшаны... Менг-тси отстаиваетъ данныя человѣку свыше *волю* и *силу разума.*

Изъ этого сочиненія философа видимъ, что уже въ его время существовали въ Китаѣ многія философскія доктрины, разными путями стремившіяся къ одной великой цѣли—познанія истины. Такъ философъ *Янгъ* доказывалъ, что главнымъ мѣриломъ всѣхъ дѣяній человѣческихъ должна быть *личная выгода.* Другой мудрецъ *Ме* училъ, напротивъ, любви ко всѣмъ безъ изъятія, роднымъ и чужимъ. Менг-тси, отрицая то и другое ученіе, говорилъ:— Послѣдователи *Янга* не могутъ признавать царской власти, а послѣдователи *Ме*—ставятъ отца и мать на одну доску съ чужими... Отнимите у людей властителей, отцовъ и матерей и жизнь человѣка будетъ жизнью скота!

Менг-тси жилъ 84 года, до послѣдней минуты распространяя и поясняя ученіе Кунг-фу-тси, но только черезъ тысячу лѣтъ былъ оцѣненъ по достоинству. Въ 1005 году одинъ изъ императоровъ династіи Сунгъ почтилъ его память титутомъ *кунга* (герцога) роднаго его княжества Тсу и воздвигъ храмъ надъ его

могилой. Впослѣдствіи статую его помѣстили въ храмѣ Кунг-фу-тси, рядомъ со статуей *Йюэн-хоеи* и въ честь его учредили жертвоприношенія. При *Мингахъ* однако же эти почести были на время отняты, а впослѣдствіи снова возстановлены и подтверждены.

Книга Менг-тси съ книгами Кунг-фу-тси составляютъ тѣ *четыре книги* (Ссе-шу), которыя обязанъ знать наизусть каждый, подвергающійся экзамену на полученіе ученой степени или государственной должности.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Новая династія.—Уничтоженіе удѣловъ.—Тсинъ.—Символическія числа.—Построеніе великой стѣны.—Партія консерваторовъ.—Древніе обряды жертвоприношенія.—Противодѣйствія преобразованіямъ.—Совѣтъ мандарина Ли-ссе.—Сожженіе книгъ.—Новыя постройки.—Пасквили и памфлеты.—Казнь ученыхъ.—Сравненіе мракобѣсія китайскаго съ европейскимъ.—Смерть, погребеніе, гробница императора.—Мятежъ.

Возвращаясь послѣ необходимаго перерыва къ дальнѣйшему обзору китайскихъ лѣтописей, мы, во избѣжаніе утомленія читателей и отступленій отъ главнаго предмета нашей исторіи, будемъ указывать только на тѣ царствованія и государственные перевороты, которыя въ связи съ религіозными вѣрованіями китайцевъ.

Третья династія угасла въ крови междоусобій и мятежей. Изъ множества удѣльныхъ княжествъ сильнѣйшимъ и обширнѣйшимъ было княжество *Тсинъ*. Пространство его занимало пятую долю всей имперіи. Въ 249 г. до Р. Х. на княжескій престолъ взошелъ правнукъ князя *Чуанг-сіанг-ванга*. Усмиривъ междоусобія, оттѣснивъ изъ своихъ предѣловъ гунновъ, онъ задумалъ совершить дѣло великое, въ которомъ видѣлъ единственное спасеніе

имперіи,—спасеніе это заключалось въ объединеніи Китая и въ *уничтоженіи удѣловъ*. Блестящія дарованія, непреклонная сила воли князя, громадныя его военныя средства были поруками за успѣхъ того великаго предпріятія, которое черезъ двѣ тысячи лѣтъ обезсмертило имена Іоанна III въ Россіи и Людовика XI во Франціи. Въ 221 г. до Р. Х. князь Тсинъ сдѣлался единодержавнымъ императоромъ Китая подъ именемъ *Тсин-ши-хоанг-ти* и родоначальникомъ четвертой династіи Тсиновъ. Мятежи и междоусобія были усмирены и затѣмъ всѣ попеченія императора были приложены единственно къ возстановленію разрушеннаго гражданскаго порядка. Онъ подтвердилъ религіозныя узаконенія, забытыя и презрѣнныя народомъ; избралъ эмблемою своей власти *воду* въ память того, какъ выразился въ указѣ, что онъ „подобно водѣ, залилъ огонь междоусобій“. Сравненіе было бы еще вѣрнѣе, если бы онъ прибавилъ къ этому слово—*кровью*. Прежній императорскій цвѣтъ замѣнилъ черным; повелѣлъ начало года считать съ того мѣсяца, въ который солнце сочетается съ луною въ знакѣ Стрѣльца (мѣсяцъ ноябрь). Согласно избранному императоромъ символу, астрологи объявили его планетой покровительницей водную планету—Меркурія; числомъ императорскимъ—число планеты—*шесть*. Императорскимъ указомъ было повелѣно эту цифру принять въ Китаѣ за метрическую единицу при вычисленіяхъ астрономическихъ, географическихъ, геометрическихъ; въ торговыхъ вѣсахъ и мѣрахъ. Футъ повелѣно считать въ 6 дюймовъ; 6 футовъ въ одинъ геометрическій шагъ. Имперію раздѣлили на 36 губерній (6×6). Страсть и уваженіе къ этой цифрѣ императора простирались до того, что въ шесть футовъ онъ велѣлъ построить себѣ колесницу, запрягать ее въ шесть лошадей, сопровождать ее шестерымъ мандаринамъ, 60 тѣлохранителямъ и т. д. Столицу свою, *Гіен-янгъ*, императоръ украсилъ великолѣпными зданіями; въ тронной залѣ дворца воздвигъ двѣнадцать бронзовыхъ статуй (въ 12,000 фунтовъ каждая), отлитыхъ изъ колоколовъ и бронзовыхъ вещей, отбитыхъ у покоренныхъ имъ удѣльныхъ князей. Въ окрестностяхъ развелъ сады, съ великолѣпными кіосками, павильонами и т. п. Начавъ съ пріятнаго, Тсин-ши-хоанг-ти занялся и полезнымъ: озаботился проло-

женіемъ дорогъ по своей имперіи, сооруженіемъ мостовъ—а самое важнѣйшее — знаменитой *великой стѣны* между сѣверными областями Китая и владѣніями татаръ. Всѣ эти громадныя постройки заняли миліоны рабочихъ рукъ и дали хлѣбъ сотнямъ тысячъ людей, нуждавшихся въ пропитаніи. Народъ благословлялъ императора, но партія ученыхъ или, по точному переводу, *грамотѣевъ* была имъ не совсѣмъ довольна за выказываемое имъ пренебреженіе къ древнимъ обычаямъ, признаваемымъ учеными святымъ и неприкосновеннымъ. Къ партіи ученыхъ вскорѣ присоединились всѣ приверженцы старины и вскорѣ образовалась партія *консерваторовъ*, готовыхъ явно тормозить всякое движеніе впередъ и мѣшать каждому почину, хотя бы и полезнѣйшему. Посѣтивъ въ 219 году до Р. Х. восточныя области имперіи (бывшее удѣльное княжество Лу), императоръ принималъ въ городѣ Кіуэн-хуэнѣ депутатовъ отъ ученаго сословія. Они позволили себѣ высказаться противъ многихъ нововведеній и упрекали императора за его неуваженіе къ старинѣ. „Что было хорошо *тогда*, отвѣчалъ имъ императоръ,—можетъ быть *теперь* не во время и не у мѣста.“ Однако же, преодолѣвая гнѣвъ, не наказалъ дерзкихъ. Но они не унимались. Провѣдавъ, что императоръ собирается посѣтить священную гору *Тсаи-шанъ* для благодарственнаго жертвоприношенія, грамотѣи вздумали давать ему непрошенные совѣты:

— Обрядъ, къ которому вы намѣрены приступить, государь, сказали они ему,—требуетъ съ вашей стороны величайшаго вниманія. Древніе императоры готовились къ нему въ постѣ и молитвѣ; отправляясь на гору, они ѣхали въ простой колесницѣ съ колесами, окутанными травою и свѣжимъ тростникомъ, чтобы предохранить святую землю отъ грубаго прикосновенія. Восходя на вершину горы, они не дерзали ломать ни малѣйшей вѣтки на кустарникахъ, преграждавшихъ имъ путь. Достигнувъ мѣста жертвоприношенія, они сами разметали пыль и все приводили въ надлежащій порядокъ для предстоявшаго торжества. Потомъ воздвигали алтарь изъ камней или изъ земляной насыпи, и сидя на подушкахъ, покрытыхъ травами и древесными листьями, — приносили жертвы. Вы, государь, какъ мы видимъ, не только не желаете соблюсти старинныхъ обрядовъ, но напротивъ...

— Предположенія ваши, перебилъ ихъ императоръ,—нынѣ не примѣнимы къ дѣлу. Я при обрядѣ дѣйствую еще проще вашихъ хваленыхъ древнихъ. Отправляясь на вершину горы *Тай-шанъ*, я велѣлъ расчистить туда дорогу и сдѣлать ее сколько возможно удобнѣе... Для этого, гдѣ нужно, вырубятъ деревья и кустарники, даже пожалуй и отколятъ цѣлыя скалы. Алтарь приношенія и жертвы будутъ тамъ заготовлены заблаговременно; мнѣ останется только безъ всякихъ излишнихъ церемоній совершить обрядъ. Все это, какъ видите, гораздо проще всѣхъ вашихъ древнихъ затѣй! Впрочемъ, заключилъ императоръ сурово, — вы всѣ можете идти заняться вашими науками или чѣмъ знаете — я же въ совѣтахъ вашихъ не имѣю нужды... Понадобитесь мнѣ, тогда я самъ за вами пошлю.

Такъ окончилась аудіенція, отъ которой консервативная партія ожидала важныхъ для себя послѣдствій, — но вышло не по ихъ желаніямъ. Отклонивъ ученыхъ отъ всякаго дальнѣйшаго вмѣшательства въ обряды, императоръ принесъ жертвы на горахъ *Таи-шанъ*, *Ліанг-фу* и *Луанг-йэ*—по новому имъ самимъ установленному церемоніалу — чѣмъ окончательно вооружилъ противъ себя приверженцевъ старыхъ порядковъ... Вскорѣ послѣ того было сдѣлано покушеніе на его жизнь, однимъ изъ мандариновъ, приверженцемъ прежней династіи. Злодѣя, разумѣется, казнили—но безумная его попытка ни на волосъ не измѣнила внутренней политики отважнаго императора и онъ неослабно продолжалъ свои нововведенія и преобразованія—задавшись мыслію, что не грамотники и не книжники должны быть законоучителями народа въ религіи; руководителемъ его не долженъ быть никто, кромѣ императора... Въ глазахъ же Тсин-ши-хоанг-ти почти всѣ завѣты старины были мертвой буквой...

Но консерваторы не унимались: ненависть ихъ къ новымъ порядкамъ возрастала день ото дня. Ревность къ старинѣ и защита древнихъ обрядовъ—были, съ ихъ стороны, только благовидными щитами, которыми они прикрывали виды своекорыстные. Не отмѣна старыхъ обрядовъ была причиною ихъ злобы—они него-

довали на императора пуще всего за уничтоженіе удѣловъ. Феодальныя неурядицы и сопряженныя съ ними бѣдствія народныя были для весьма многихъ источникомъ всякихъ выгодъ и поживъ. Одинъ изъ консервативной партіи, мандаринъ ***Шун-ю-йэ*** осмѣлился даже высказать императору, во время праздника во дворцѣ, всю несообразность и вредъ единодержавія—подтверждая нелѣпыя свои доводы примѣрами древнихъ императоровъ, находившихъ для себя надежную опору въ князьяхъ удѣльныхъ.

— Этотъ вопросъ уже обсуждали тысячу разъ,—отвѣтилъ императоръ, съ трудомъ удерживая гнѣвъ,—тѣмъ не менѣе я велю опять разсмотрѣть его въ государственномъ совѣтѣ... До тѣхъ поръ, я бы желалъ знать ваше мнѣніе, ***Ли-ссе?*** — обратился онъ къ первому министру и помощнику своему во всѣхъ начинаніяхъ.

„Надобно сознаться, сказалъ министръ,—что ученые люди вообще — свѣдущіе въ наукахъ—ничего не смыслятъ въ великомъ дѣлѣ правительства, т. е. правительства истиннаго, а не того призрачнаго, фантастическаго, или измышленнаго—которое издали, какъ-будто, на что-то и похоже, а вблизи—вздоръ и мечта. Выдолбили они наизусть изъ книгъ сказанія о старинѣ и повторяютъ ихъ кстати и не кстати, упуская изъ виду, что тогда было одно время, а нынѣ—другое. Они до того очарованы стариной, что благоговѣютъ даже предъ старинными глупостями; чуждаются всего что только не носитъ на себѣ отпечатка старины, а новое — ненавидятъ. Съ ихъ языковъ и письменныхъ кистей [1] не сходятъ ***Хоанги*** да ***Ти***—цари-чудодѣи и, по ихъ мнѣнію — полубоги!

„Господа эти, однако же, упускаютъ изъ виду простую истину — что полезное въ старину, можетъ быть безполезно, даже вредно, въ наше время... Да въ самыхъ книгахъ, на которыя они ежеминутно ссылаются, есть-ли примѣръ, чтобы тѣ-же ***Хоанги*** во всемъ подражали другъ другу? Развѣ при нихъ не было нововведеній; развѣ одинъ не отмѣнялъ постановленій другаго? Изъ двухъ одно—либо сами ученые обманываются, либо насъ обманываютъ!

„Вы, государь, подражаете древнимъ царямъ и слѣдуете ихъ примѣрамъ, именно на столько, на сколько нужно... Развѣ не подобно имъ вы создали имперію? Ваше дѣло было еще труднѣе: вы сплотили обломки княжествъ въ одно цѣлое, вы расширили предѣлы государства, оттолкнули внѣшнихъ непріятелей, оградивъ свои владѣнія несокрушимой стѣной...

„Чего же, наконецъ, хотятъ эти ученые? Изъ за чего они шипятъ исподтишка, охуждаютъ явно правительство, которому должны были-бы удивляться? Съ какой стати для нихъ такъ мила старина и такъ ненавистно все новое?.. Чего они домогаются? Будетъ то, что ихъ безпрестанныя жалобы ожесточатъ народъ и доведутъ его до открытаго бунта...

„Берегитесь ихъ, государь; вѣрьте мнѣ, что ученые, грамотѣи и писатели люди несравненно опаснѣйшіе, нежели вы думаете. Вникните только въ ихъ рѣчи, вслушайтесь внимательно. По ихъ словамъ вы гордецъ, своенравный—волю свою ставящій выше правды и закона. Чуть обнародуете вы какой указъ, они кричатъ: „не по закону!“ либо „безполезно!“ Охуждаютъ самый слогъ указа, издѣваются надъ нимъ и, подрывая всякое довѣріе къ правительству, прямо ведутъ къ неповиновенію. Возводите ли вы какое зданіе, они первые кричатъ на непроизводительныя траты, на изнуреніе народа надъ работами безполезными—(забывая, что эти работы даютъ народу хлѣбъ)... Словомъ ничѣмъ и никогда вы не можете угодить на этихъ вѣчно недовольныхъ людей—посѣвающихъ въ сердцахъ вашихъ подданныхъ сѣмена мятежа. Государь, повторяю вамъ—берегитесь! Почва воспріимчивая—сѣмена могутъ укорениться и дать ростки, если вы своевременно не примете рѣшительныхъ мѣръ.

„Грамотѣи и ученые въ имперіи составляютъ особую касту. Напыщенные и гордые своимъ знаніемъ, они воображаютъ, что только то и хорошо что дѣлается по ихъ вкусу и прихотямъ... Погруженные въ науку, они въ ней одной полагаютъ всѣ блага жиз-

[1] Въ Китаѣ въ древности и нынѣ писали и пишутъ не перьями и не тростинками, а кистями; что, надобно замѣтить, всего удобнѣе для китайскихъ письменъ.

ни и, живя такимъ образомъ въ мірѣ воображеній, ученые ***безполезное бремя для государства*** (!!!).

„Предложить ли вамъ, государь, продолжалъ китайскій ***Омаръ*** со всей энергіей мракобѣсія—предложить ли вамъ вѣрнѣйшее средство къ искорененію зла? Гдѣ и въ чемъ источникъ кичливости и гордости грамотѣевъ? ***Въ книгахъ***—не такъ ли? Отнимемъ же у нихъ книги—этотъ насущный хлѣбъ ихъ гордости, высокомѣрія и преступнаго неповиновенія! Оставимъ имъ книги медицинскія, земледѣльческія, вѣщія книги великаго Фу-хи и хроники вашего достославнаго царствованія—всѣ-же остальныя книги (особенно о старинѣ) ***собрать и сжечь, сжечь до тла!..*** А чтобы никто не осмѣлился скрыть находящіяся у него книги, прикажите градоправителямъ обязать жителей въ тридцатидневный срокъ сдать всѣ, имѣющіяся у нихъ книги, подъ опасеніемъ, въ случаѣ неповиновенія, смертной казни!..“

И великій Тсин-ши-хаонг-ти послушался своего министра и заклеймилъ свою память дѣломъ, предъ которымъ сожженіе Эфесскаго храма Геростратомъ—дѣтская шалость...

И совершилось ***всесожженіе книгъ*** по всей имперіи и запылали цѣлые костры книгъ и огонь поглощалъ произведенія ума человѣческаго, накопленныя въ Китаѣ за нѣсколько столѣтій.... пылали книги—будто жертвы, приносимыя бѣсамъ невѣжества и деспотизма! Такъ покончилась въ Китаѣ первая борьба двухъ великихъ политическихъ принциповъ: свѣта и тьмы, знанія и невѣжества, свободы мысли и самовластія. Слѣдствіемъ сожженія книгъ—было паденіе секты Кунг-фу-тси и возвышеніе доктрины Тао, основанной Лао-тси. При Тсинг-ши-хоанг-ти это ученіе было, можно сказать, владычествующей религіей народа, императора и всей знати. По крайней мѣрѣ основные ея догматы какъ нельзя лучше подходили къ видамъ самовластнаго императора: ***смиреніе, незлобливость и страдательная покорность власти и своему жребію...***

Но сожженіемъ книгъ императоръ не ограничился, или, вѣрнѣе сказать—партія недовольныхъ окончательно вывела его изъ терпѣнія, и вотъ именно чѣмъ:

Желая загладить непріятное впечатлѣніе, произведенное на на-

родъ сожженіемъ книгъ, императоръ занялся постройками и украшеньями столицы. Способъ этотъ отвлекать отъ себя общественное мнѣніе и занимать умы пустяками въ родѣ сооруженія зданій и монументовъ очень древній, но тѣмъ не менѣе успѣшный и общеупотребительный, особенно у похитителей престоловъ (Тсин-ши-хоанг-ти былъ таковымъ). Такъ дѣйствовалъ въ старину у насъ въ Россіи ***Борисъ Годуновъ***, а въ наше время во Франціи ***Наполеоны I*** и ***III...*** Китайскій императоръ точно также занялся постройками и разведеніемъ садовъ, чѣмъ дѣйствительно занялъ народъ и насмѣшилъ ученыхъ... Не довольствуясь устными оскорбительными толками, они пустили въ ходъ пасквили, памфлеты на императора, расходившіеся по рукамъ въ тысячахъ списковъ. Эта дерзость окончательно взорвала императора и онъ явился во всемъ мрачномъ величіи тираніи. По его повелѣнію по домамъ всѣхъ жителей столицы произведены обыски и аресты; у арестованныхъ стали выпытывать—а у бывшихъ на свободѣ вывѣдывать (чрезъ шпіоновъ, разумѣется) какого они мнѣнія о правительствѣ. Было, такимъ образомъ, захвачено до 460 человѣкъ ученыхъ, которые, по повелѣнію государя, были ***всѣ сожжены*** въ огромныхъ ямахъ, вмѣстѣ съ найденными у нихъ книгами. Цифра страшная, безспорно; однако при этомъ нельзя не принять въ соображеніе того обстоятельства, что сожженіе книгъ и ученыхъ происходило въ ***языческомъ*** Китаѣ за 200 слишкомъ лѣтъ до Р. Х. Посравните только эту цифру съ суммой книгъ и людей, сожженныхъ на кострахъ святой инквизиціи въ Испаніи, въ Италіи и во Франціи XVI столѣтія (въ послѣдней хоть при ***отцѣ словесности***, знаменитомъ королѣ-рыцарѣ Францискѣ I) и вы сознаетесь, что весь стыдъ и позоръ будетъ на сторонѣ Европы, а не Китая; 460 китайцевъ исчезнутъ въ десяткахъ тысячахъ европейцевъ, будто капли въ морѣ.

Послѣ этой чудовищной казни, императоръ отправился въ путешествіе по имперіи; опять принесъ жертвы на священныхъ горахъ и вскорѣ по возвращеніи въ столицу умеръ. При его погребеніи всѣмъ его женамъ, не имѣвшимъ отъ него дѣтей, и наложницамъ было повелѣно умертвить себя надъ его могилой, кромѣ того, вокругъ него зарыто было въ землю заживо сто человѣкъ

искуснѣйшихъ стрѣлковъ. Гробница императора на горѣ *Ли* была предметомъ удивленія всего Китая. Тсин-ши-хоанг-ти за нѣсколько лѣтъ до смерти приказалъ прорыть въ горѣ обширную и глубокую пещеру, а надъ нею храмъ въ пятьсотъ футовъ высоты и въ полмили въ окружности. Самая гробница, стоявшая въ пещерѣ, была такъ громадна, что внутри ея, какъ по комнатѣ, могло свободно расхаживать нѣсколько человѣкъ. Въ нее былъ поставленъ богатый гробъ съ тѣломъ императора, а вокругъ него разставили множество лампадъ и факеловъ, наполненныхъ человѣческимъ жиромъ (?). Съ одной стороны гроба сложили всю бывшую въ употребленіи у покойнаго утварь, его доспѣхи и драгоцѣнности; съ другой—былъ вырытъ прудъ, наполненный ртутью, по которой плавали золотыя и серебряныя птицы... Рабочихъ, закладывавшихъ при погребеніи сводъ гробницы было до 10,000 человѣкъ и всѣ они, по сказаніямъ лѣтописей, были заживо погребены вокругъ гробницы! Впослѣдствіи всѣ сокровища были разграблены мятежникомъ *Хіанг-ю*, а самый гробъ сожженъ...

Та же участь постигла столицу и императорскій дворецъ, когда со всѣмъ семействомъ былъ убитъ взбунтовавшимися солдатами *Тси-ингъ*, послѣдняя отрасль династіи Тсиновъ. Пожаръ столицы продолжался три мѣсяца.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Хоэй-ти.—Покровительство ученымъ. — Ву-ти. — Министры.—Ссе ма-тсіанъ.—Его лѣтопись.—Основаніе дворцовой библіотеки.—Усиленіе секты Тао.—Чудесное сновидѣніе.—Три вѣроисповѣданія. — Евнухи.—Введеніе буддизма. — Злодѣйства евнуховъ.—Тайное общество Желтыхъ шапокъ.—Распаденіе имперіи.—Ученіе Фанчина.—Бонзы.—Попытка раздѣленія на касты. — Призракъ Лао-тсе.—Упраздненіе монастырей. — Таи-тсунгъ.—Священныя книги. — Успѣхи просвѣщенія. — О-ло-пенъ и первые христіане въ Китаѣ. — Императрица Ву.—Храмы.—И-кингъ.—Успѣхи астрономіи.—Порохъ и первыя пушки.

Съ пресѣченіемъ четвертой династіи, Китай снова раздробился на удѣльныя княжества. Неминуемымъ слѣдствіемъ раздробленія

были мятежи и междоусобія; императоры пользовались только титуломъ—власть же ихъ была ограничена саблями удѣльныхъ князей. При императорѣ *Хоей-ти* (194—188 г. до Р. Х.) былъ отмѣненъ указъ о преслѣдованіи ученыхъ и истребленіи книгъ. Стараніями ученыхъ и просвѣщеннаго правительства были отысканы древнія книги, уцѣлѣвшія отъ сожженія: ихъ нашли въ курганахъ, въ развалинахъ, куда онѣ были запрятаны, во время гоненій, мучениками и поборниками науки и истины. При слѣдующемъ императорѣ *Вен-ти*, книга древнихъ лѣтописей была возстановлена въ прежнемъ видѣ. За это и вообще за покровительство ученымъ императоръ имѣетъ полное право на прозвище *отца наукъ* и воскресителя словесности. Преемники его: *Ханг-хи*, *Кинг-ти*—подражали ему, особенно же сынъ и наслѣдникъ послѣдняго—*Ву-ти* (156 г. до Р. Х.). Царствованіе его, кромѣ блестящихъ побѣдъ надъ гуннами и татарами, было прославлено многими учеными и писателями: между прочими остроумнымъ *Тунг-фан-су*—возведеннымъ императоромъ въ министры. Другой его министръ *Тунг-чунг-шу*—написалъ по повелѣнію императора книгу: объ искуствѣ царствовать. По отзывамъ людей свѣдущихъ, несомнѣнныя достоинства этого сочиненія могутъ поставить имя китайскаго политика на ряду съ именемъ великаго Макіавелли. Славнѣйшимъ же ученымъ царствованія Ву-ти былъ историкъ *Ссе-ма-тсіанъ*, котораго ученый Авель Ремюза называетъ китайскимъ Геродотомъ. Онъ родился около 145 г. до Р. Х., успѣшно окончилъ курсъ наукъ и, подобно греческому историку, посѣтилъ всѣ тѣ страны, о которыхъ намѣревался писать свою исторію. Такимъ образомъ онъ былъ на девяти священныхъ горахъ Китая, на которыхъ древніе цари совершали жертвоприношенія; объѣхалъ сѣверныя и южныя области, повсюду собирая преданія народныя. Въ 104 г. онъ приступилъ къ сочиненію своихъ записокъ (*ссе-ки*), чему не препятствовала возложенная на него должность императорскаго исторіографа. Громадный этотъ трудъ, состоящій изъ ста тридцати книгъ, раздѣленъ на пять частей. *Первая* (12 книгъ) называется *Императорскою лѣтописью* и содержитъ въ себѣ повѣствованія съ 2697 г. по 140 г. до Р. Х., *вторая* часть (10 книгъ) содержитъ въ себѣ хронологическія таб-

лицы; *третья* (8 книгъ) посвящена наукамъ, описанію религіозныхъ обрядовъ, астрономіи, астрологіи и гидрографіи Китая. ***Четвертая*** часть (30 книгъ) родословія удѣльныхъ князей и землевладѣльцевъ Китая, а также главнѣйшихъ министровъ—наконецъ въ *пятой* части (70 книгъ) находится географія чужихъ краевъ и біографическія замѣтки о знаменитыхъ ученыхъ. Императору Ву-ти принадлежитъ честь основанія библіотеки въ стѣнахъ своего дворца, для обогащенія которой онъ не щадилъ ни трудовъ, ни издержекъ. При немъ, владычествующимъ вѣроисповѣданіемъ была доктрина Лао-тси, уже затемненная толкователями и обезображенная нелѣпыми, фантастическими повѣрьями. Къ этому же времени можно отнести начало магіи и алхиміи въ Китаѣ, чему эта страна была обязана жрецамъ религіи Тао. Очевидныя ихъ плутни и желанія играть важную роль въ правительствѣ, побудили императора Ву-ти покровительствовать послѣдователямъ ученія Кунг-фу-тси... Эта секта особенно усилилась въ царствованія ея послѣдователей *Сіуэн-ти* (73 г. до Р. Х.), *Хіао-Нинг-ти* (1 г. по Р. Х.) и *Минг-ти* (58 г.). Послѣдній покровительствовалъ ученію Кунг-фу-тси семь лѣтъ, по прошествіи которыхъ удивилъ весь Китай поступкомъ, о которомъ китайскіе историки отзываются съ единодушнымъ негодованіемъ. Вотъ ихъ повѣствованіе:

„Въ седьмое лѣто царствованія Минг-ти (65 г.), императоръ видѣлъ во снѣ великана съ тѣломъ золотистаго цвѣта, съ головою и шеей, сіявшими блескомъ необыкновеннымъ. По пробужденіи онъ разсказалъ о своемъ сновидѣніи министрамъ, прося ихъ объяснить, что бы оно могло значить. Одинъ изъ нихъ отвѣчалъ, что въ западныхъ странахъ (Азіи) есть сверхъестественное существо, великій духъ по имени *Фо* и что тамъ въ честь его отлита золотая статуя въ шесть футовъ вышиною. Тогда императоръ отправилъ пословъ въ страну *Тян-чу* (Индію) для изученія догматовъ и обрядовъ ученія Фо и привезти въ Китай его живописныя и литыя изображенія. Послы исполнили волю императора и, такимъ образомъ, въ Китаѣ была введена третья религія—*буддизмъ*, на первый случай имѣвшая весьма малое число послѣдователей. Первымъ былъ удѣльный князь *Чу*, а съ нимъ и его

подданные. Послѣдователи ученія Кунг-фу-тси прокляли память Минг-ти за его отступничество. „Можетъ ли что быть чудовищнѣе“—говоритъ одинъ изъ нихъ въ своей исторіи—„можно ли оказать больше презрѣнія къ праотцамъ — посылая за новой религіей въ чужую страну! за религіей, которою гнушались наши предки; за религіей, *враждебной умственному развитію народа!*“ Послѣднее обвиненіе—клевета. Время доказало напротивъ, что буддизмъ имѣлъ самое благотворное вліяніе какъ на умственное развитіе, такъ и на смягченіе нравовъ въ Китаѣ...

И такъ, съ 65 г. въ этой имперіи было и донынѣ есть—*три вѣроисповѣданія*, какъ выражаются о томъ сами китайцы: „три вѣры въ сущности составляютъ только видоизмѣненія одной!“

Чанг-ти, наслѣдникъ Минг-ти, государь добрый и кроткій, заботливый о благѣ народномъ—какъ бы въ доказательство несочувствія своего къ доктринѣ Фо, повелѣлъ въ четвертый годъ своего царствованія (79 г.) написать толкованія на книги Кунг-фу-тси и явно покровительствовалъ послѣдователямъ его ученія. Преемники его, каждый по своему характеру и склонностямъ, изъ трехъ исповѣданій избирали любое, и такимъ образомъ чередовались—то возвышаясь, то приходя въ упадокъ законы Тао, Кунг-фу-тси и Фо. Преслѣдованій и гоненій не было однако же, и китайцамъ была предоставлена полная свобода совѣсти.

Изъ событій внутренней политики нельзя не упомянуть о томъ, что при императорѣ *Хо-ти* было разрѣшено евнухамъ занимать государственныя должности, что впослѣдствіи было источникомъ многихъ государственныхъ бѣдствій. Евнухи особенно вошли въ силу при императорахъ *Хіу-ан-ти* (147—167), покровителѣ буддизма, *Линг-ти* (168—188), послѣдователѣ закона Кунг-фу-тси. При первомъ китайцы вошли въ торговыя сношенія съ Индіей и Римской имперіей (*Та-тсинъ*) чрезъ комерческій портъ Кантонъ.

При императорѣ Линг-ти, ученое сословіе, негодуя на дарованныя евнухамъ преимущества, а равно и на неурядицы въ дѣлахъ религіозныхъ, начали образовывать *тайныя общества* для низверженія императора съ престола. Эти общества привлекли на свою сторону войска и собрали многочисленныя ополченія подъ именемъ ***Желтыхъ шапокъ***, начальство надъ которыми приняли три

брата *Чанговъ*, исповѣдниковъ доктрины Лао-тси. Они ждали только удобнаго случая для открытаго возстанія, и случай не замедлилъ представиться. Евнухи, именемъ императора управлявшіе государствомъ, казнили въ одинъ день ***сто человѣкъ вельможъ*** и ***семь сотъ*** второстепенныхъ мандариновъ. Эта бойня побудила инсургентовъ двинуть полчища къ столицѣ. Бой былъ жаркій и кровопролитный: не взирая на численность мятежниковъ, они были побѣждены и разсѣяны.

Междоусобія продолжались до воцаренія *Хіан-ти* (190—220). При немъ Китай раздѣлился на четыре отдѣльныя царства, въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ утопавшихъ въ крови междоусобій. Они утихли только при императорѣ *Ву-ти* (483), послѣдователѣ закона Фо, государѣ добромъ и человѣколюбивомъ. При немъ явился въ Китаѣ философъ *Фан-чинъ*, проповѣдывавшій новое ученіе — что „всѣмъ на свѣтѣ управляетъ случай, а со смертію тѣла человѣческаго прекращается бытіе и его души." Это ученіе, діаметрально противоположное ученію буддизма, не нашло себѣ послѣдователей и Фан-чинъ мелькнулъ и скрылся, какъ метеоръ, не оставивъ ни сочиненій, ни учениковъ.

Основателемъ десятой династіи *Ліанговъ* былъ императоръ *Као-тсу-ву-ти*. Ревностный поклонникъ Будды, онъ покровительствовалъ бонзамъ, избралъ ихъ въ свои наставники и руководители. По ихъ совѣту, онъ отмѣнилъ въ имперіи смертную казнь, былъ неограниченно милосердъ и кротокъ съ подданными, а подъ старость, обривъ себѣ голову и надѣвъ рясу, поступилъ къ бонзамъ въ монастырь, намѣреваясь остатокъ дней посвятить посту и молитвѣ. Вельможи, негодуя на эту набожность, убѣдили императора покинуть монастырь и заняться правленіемъ государства. При немъ число буддійскихъ храмовъ возрасло въ имперіи до 13,000. Въ сѣверномъ княжествѣ въ это же время царствовала княгиня *Ху*, которую, какъ и императора, бонзы совершенно подчинили своей власти. Ху желала также поступить въ монастырь, но китайскіе бонзы (образцы европейскихъ іезуитовъ) отклонили ее отъ этого благочестиваго намѣренія, такъ какъ тогда лишились бы возможности управлять княжествомъ. Взамѣнъ поступленія въ монастырь, они предложили построить имъ храмъ и при

немъ обитель на 1000 бонзовъ, что княгиня и исполнила и назвала этотъ монастырь *Обителью вѣчнаго мира* (Юнг-чингъ). Власть бонзовъ прогрессивно усиливалась и при императорахъ послѣдующихъ династій; *Вен-ти* (581) пытался даже, хотя и безуспѣшно, по примѣру Индіи, раздѣлить весь свой народъ на четыре касты.

Императоръ *Као-тсу* (618) въ первый же годъ своего восшествія на престолъ рѣшился положить предѣлъ злоупотребленіямъ духовенства. Онъ возобновилъ празднество въ память великаго Кунг-фу-тси и издалъ указъ о преподаваніи въ школахъ его ученія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ покровительствовалъ и послѣдователямъ ученія Тао. Однажды ему доложили, что какому-то простолюдину, бывшему на горѣ *Янг-кіо* (гора овечьихъ роговъ или молній) явился старецъ въ бѣломъ одѣяніи и сказалъ: „Иди къ императору Тангъ и скажи, что я Лао-кіунъ, одинъ изъ его предковъ!" Въ память этого видѣнія императоръ Као-тсу велѣлъ построить на Овечьей горѣ великолѣпный храмъ и посвятилъ его памяти великаго Лао-тси.

Что же касается до буддистовъ, императоръ издалъ указъ, въ силу котораго 100,000 бонзовъ были обязаны оставить отшельническое житье и жениться. Дѣтей, рожденныхъ отъ этихъ браковъ, повелѣно было записывать въ кантонисты, для пополненія императорскихъ войскъ... Этимъ былъ нанесенъ жестокій ударъ буддизму въ Китаѣ. Сынъ Као-тсу, при восшествіи на престолъ принявшій имя *Тан-тсунга* (627—649) —одинъ изъ величайшихъ государей Китая—дѣйствовалъ по той же программѣ, какой придерживался отецъ его. Врагъ всякой роскоши и постыдной нѣги, онъ сократилъ на сотую долю расходы на содержаніе двора и на тысячную долю число наложницъ своихъ теремовъ. Въ стѣнахъ дворца отвелъ обширное помѣщеніе для ученыхъ, трудившихся надъ редакціею каноническихъ книгъ (кингъ), которыя были наконецъ ***напечатаны*** и изданы во всеобщее свѣдѣніе. Громадный этотъ сборникъ *Ши-сан-кингъ* (тринадцать каноническихъ книгъ) содержалъ въ себѣ: 1) Книгу превращеній, 2) Лѣтописи, 3) Пѣснопѣнія, 4) Обрядникъ, 5) Весну и осень Кунг-фу-тси. Слѣдующія книги содержали въ себѣ толкованія. Самъ

Тан-тсунгъ съ удовольствіемъ объяснялъ народу догматы древней отечественной религіи. Въ столицѣ своей Си-нган-фу онъ основалъ училище для двухъ тысячъ человѣкъ и духовную академію подъ названіемъ ***Чинг-и*** (истинный смыслъ), учредилъ множество школъ, военное училище и самъ сочинилъ книгу о политической экономіи, которую издалъ подъ заглавіемъ ***Золотое зеркало.*** По его повелѣнію были пересмотрѣны уголовные законы; сводъ законовъ гражданскихъ былъ ограниченъ 500 статей, уголовный 20; статьи обрядника сокращены на 1590.

Именно около этой эпохи, въ Греціи Юстиніанъ обнародовалъ свое уложеніе, а чрезъ сто лѣтъ Карлъ Великій въ западной Европѣ свои Капитуляріи.

Желая сдѣлать обязательными для своихъ подданныхъ дѣтскую любовь и уваженіе къ старшимъ, великій Тан-тсунгъ повелѣлъ составить списокъ всѣхъ, оказывающихъ уваженіе родителямъ, щедро вознаградивъ ихъ. Каждой роженицѣ повелѣлъ выдавать мѣру риса изъ государственныхъ житницъ и, сверхъ того, всѣмъ старикамъ рису, соразмѣрно ихъ дряхлости—тѣмъ болѣе, чѣмъ пансіонеръ старѣе. Дѣтскіе пріюты и богадѣльни для увѣчныхъ и престарѣлыхъ были также достойными памятниками славнаго царствованія Тан-тсунга. Государство возрастало и крѣпло; цари отдаленнѣйшихъ странъ востока спѣшили войдти въ дружественныя сношенія съ императоромъ китайскимъ: аравійскіе халифы, ***Іудеджидъ***—шахъ персидскій (въ 638 г.) и Ѳеодосій императоръ византійскій прислали въ Китай своихъ посланниковъ. Многіе иноземцы переселялись въ имперію и въ числѣ ихъ, въ 635 г., прибыли изъ Сиріи христіане несторіанскаго толка. Предводитель этихъ переселенцевъ, ***О-ло-пенъ***, слылъ за человѣка мудраго, добродѣтели высокой. Императоръ принялъ его у себя во дворцѣ, долго бесѣдовалъ съ нимъ и приказалъ перевести на китайскій языкъ привезенныя имъ съ собою книги Ветхаго и Новаго завѣтовъ. Разрѣшилъ несторіанамъ построить въ столицѣ своей христіанскую церковь съ причтомъ при ней изъ 21 человѣка. О-ло-пенъ приказалъ въ память этого событія соорудить въ церкви памятникъ, на которомъ была начертана ея исторія по 781 годъ. Драгоцѣнный этотъ памятникъ былъ найденъ іезуитами-миссіоне-

рами въ 1626 году, но о немъ гораздо ранѣе (въ 1271 году) писалъ Марко-Поло, замѣтившій при этомъ, что въ его бытность въ Китаѣ, въ Нанг-кинѣ было двѣ церкви христіанъ несторіанскаго исповѣданія (¹). Хотя китайскія лѣтописи о томъ и не упоминаютъ, но весьма вѣроятно, что въ это время вѣра Христова имѣла уже и послѣдователей между китайцами.

Царствованіе ***Као-тсунга***, сына Тан-тсунга, воспедшаго на престолъ въ 650 г., было долговременно, но совершенно ничтожно: женщины и евнухи владѣли императоромъ и властвовали подъ его именемъ. Однако же при немъ была покорена ***Корея***, ведены войны, впрочемъ безуспѣшно, съ Тибетомъ, прерывавшіяся непродолжительными перемиріями. Въ 674 г. императоръ обнародовалъ указъ объ обязательномъ изученіи вельможами и дѣтьми князей книги Разума славнаго Лао-тси и почтилъ его память великолѣпнымъ храмомъ.

Отстранивъ отъ престола прямаго наслѣдника, ***Чунг-тсунга***, императору Као-тсунгу въ 683 г. наслѣдовала супруга его, императрица ***Ву.*** Женщина эта была не безъ дарованій; желая доказать подданнымъ твердость духа и мужественную силу воли, императрица Ву въ первый же годъ казнила 850 человѣкъ ослушниковъ и возмутителей, чѣмъ возстановила порядокъ и тишину. Какъ бы то ни было, царствованіе женщины всегда и вездѣ—царствованіе ея фаворитовъ. Любимцемъ императрицы былъ молодой бонзъ ***Хоай-и.*** Въ 694 г. императрица приказала ему построить ***Храмъ великаго свѣта*** (Та-минг-тангъ) и ***Храмъ Неба*** (Тіанг-тангъ). Надъ построеніемъ трудились десять тысячъ человѣкъ и оно совершенно истощило государственную казну. Храмъ неба долженъ былъ быть выведенъ въ пять ярусовъ. Уже при возведеніи третьяго этажа высота зданія была такова, что окрестность изъ оконъ казалась бездонною пропастью, но до окончанія еще было далеко. Министры обвинили бонза и его учениковъ въ

(¹) Объ этомъ памятникѣ написана цѣлая диссертація ученымъ Аѳанасіемъ Кирхеромъ, протопресвитеромъ ордена іезуитовъ, и напечатана въ любопытной его книгѣ China illustrata. Amsterdam 1667 fol.

нерадѣніи и послѣдніе были изгнаны; ему же, въ наказаніе, велѣли обмазать бычачьей кровью статую въ 200 футовъ высоты, воздвигнутую въ храмѣ свѣта. Въ тоже время императрица выбрала себѣ въ возлюбленные молодаго врача. Бонзъ Хоай-и, желая отмстить ей, поджегъ недостроенные храмы и все не только сгорѣло до тла, но огонь сообщился дворцу, гдѣ истребилъ тронную залу. Императрица, угадывая правду, пощадила однако же отставнаго любимца и всю вину приписала небрежности рабочихъ, а бонзу велѣла продолжать нли, вѣрнѣе, съ изнова начать постройки. Онъ повиновался, но оскорбленный надзоромъ за своими дѣйствіями, высказалъ императрицѣ свое негодованіе. Оскорбленная въ свою очередь, она велѣла тайно *побить* дерзкаго, а исполнители монаршей воли отколотили его до смерти. Постройка храмовъ была отложена и вмѣсто нея занялись украшеніями дворца, на что потратили громадныя суммы. Возраженія министровъ не могли образумить своенравной императрицы: воля ея была выше всѣхъ законовъ. Желая доказать вельможамъ и народу, что санъ ея ставитъ ее, такъ сказать, внѣ ея пола, она совершала жертвоприношенія на горахъ, поминовенія предковъ въ особомъ чертогѣ дворца, покровительствовала ученымъ и вела богословскіе диспуты съ сектаторами Тао и Кунг-фу-тси, одинаково благоволя и тѣмъ и другимъ. Въ ея царствованіе (говорятъ китайскія лѣтописи) казнено народу болѣе, нежели въ общей сложности въ царствованія жесточайшихъ тирановъ... Наконецъ, вслѣдствіе мятежа, она была свергнута и вскорѣ умерла (705 г.) на восемьдесятъ первомъ году отъ рожденія.

Ея примѣръ не остался безъ подражательницъ; жены наслѣдовавшихъ ей императоровъ стали вмѣшиваться въ государственныя дѣла, стараясь нѣгою и роскошью низвести мужей на степень слабыхъ, безхарактерныхъ женщинъ... Эти безобразія продолжались до воцаренія *Хіуан-тсунга*, вошедшаго на престолъ подъ именемъ *Минг-хоанга* въ 712 году.

Онъ искоренилъ многія злоупотребленія, сократилъ расходы по содержанію двора; желая ослабить вліяніе бонзъ на ходъ дѣлъ государственныхъ, *Минг-хоангъ* повелѣлъ 12,000 бонзамъ возвратиться въ свои семейства и заняться дѣломъ вмѣсто праздна-

го тунеядства; упразднилъ множество буддійскихъ храмовъ и молеленъ, идоловъ и колокола велѣлъ переплавить въ монету и строжайше запретилъ сооружать новыя. Затѣмъ Минг-хоангъ преобразовалъ войско, казнилъ дурныхъ военачальниковъ и казнокрадовъ... словомъ, далъ всѣмъ почувствовать, что „бразды правленія“ въ рукахъ мужчины, а не своенравной женщины. Эти крупныя мѣры возбудили ропотъ, перешедшій въ заговоръ, къ счастію для императора, открытый во время. Главные зачинщики были казнены, въ числѣ ихъ и тетка императора: послѣдней, во вниманіе къ ея полу, было приказано удавиться. *Као-ліе-ссе* евнухъ, открывшій заговоръ, былъ возведенъ въ полководцы имперіи и, такимъ образомъ, опять гнуснымъ евнухамъ былъ открытъ доступъ къ дѣламъ правительственнымъ. Императоръ основалъ академію изъ 40 членовъ, существующую понынѣ; посѣтилъ домъ, въ кототоромъ родился Кунг-фу-тси, и далъ ему титулъ *славнаго царя ученыхъ людей*; одинаково благоволилъ ученію Будды и Лао-тси, выказывалъ разумную вѣротерпимость. Въ 721 году онъ вызвалъ изъ Индіи бонза *И-ханга*, вскорѣ прославившагося своими астрономическими открытіями и изобрѣтеніями. Подъ его надзоромъ совершена первая тріангуляція имперіи, сооруженъ (въ 725 г.) инструментъ, который, будучи приводимъ въ движеніе водою, показывалъ движеніе планетъ, положеніе солнца, виды луны и затмѣнія. Движущаяся фигурка ударяла въ барабанъ каждую четверть часа, другая каждый часъ звонила въ колоколъ. Этотъ же астрономъ вычислилъ удаленіе полярной звѣзды отъ полюса въ три градуса; долготу градуса опредѣлилъ въ 351 *ли* и 81 шаговъ. Въ 729 году издана была переведенная имъ на китайскій языкъ индійская астрономія.

Ни счастливыя войны съ внѣшними врагами, ни попеченія императора о благѣ подданныхъ не отвратили отъ него заговора, на этотъ разъ составленнаго его же любимцами и потому успѣшнаго. Минг-хоангъ былъ свергнутъ въ 756 году и императорскій престолъ сдѣлался опять игрушкою женщинъ, евнуховъ и мятежниковъ. Изъ всѣхъ событій этого времени, занесенныхъ въ китайскія лѣтописи, мы замѣтимъ только, что во время междоусобій 757 г., при осадѣ города Тай-уан-фу, впервые были употреблены

огнестрѣльныя **пушки** или камнеметные стволы, изъ которыхъ на разстояніи 300 шаговъ летали двѣнадцати фунтовые камни. Кромѣ того, лѣтописцы говорятъ и о подкопахъ, заряжавшихся порохомъ и веденныхъ подъ городскія стѣны. Одновременно съ употребленіемъ пороха въ Китаѣ находимъ въ византійскихъ лѣтописяхъ сказанія о *греческомъ огнѣ*. Извѣстно, что греки имѣли въ это время сношенія съ Китаемъ. Обширное поле для историческихъ изысканій и болѣе или менѣе вѣроятныхъ догадокъ!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Ву-тсунгъ.—Ревизія имперіи.—Дѣла духовныя. — Шарлатанъ и мандаринъ.—И-тсунгъ.—Кость Будды.—Истребленіе евнуховъ.—Сунги. — Таи-тсу. — Новые законы. — Ссе-ма-кунгъ.—Новое ученіе.—Чу-хи.—Книга о двухъ началахъ.—Разборъ ея.—Покореніе Китая монголами.—Ихъ великодушіе и вѣротерпимость.

Въ 845 году по повелѣнію императора **Ву-тсунга** была сдѣлана по всей имперіи ревизія всѣхъ буддійскихъ и другихъ иновѣрческихъ храмовъ и монастырей, и вслѣдъ за тѣмъ обнародовано повелѣніе: всѣ храмы и монастыри упразднить, а монашествующимъ обоего пола возвратиться въ свои семейства; земли монастырскія и приписанныхъ къ нимъ земледѣльцевъ обратить въ государственную собственность. Этотъ указъ распространялся и на храмы и монастыри религіи *Та-тсинъ* (религіи христіанской). Императоръ желалъ, чтобы владычествующими вѣроисповѣданіями были доктрины Лао-тси и Кунг-фу-тси. Изъ упомянутой выше ревизіи явствуетъ, что храмовъ и монастырей буддійскихъ было тогда въ Китаѣ—44,660, монашествующихъ же обоего пола 260,500 человѣкъ — священниковъ вѣры христіанской и *Му-ху-фу* (по догадкамъ историковъ *маговъ*, послѣдователей ученія Зороастра) до 8,000. Пространство церковныхъ и монастырскихъ земель, принадлежавшихъ буддистамъ—было несмѣтно, приписано же къ нимъ было крѣпостныхъ до 150,000 душъ, или (какъ выражаются китайскія ревизскія сказки)—*ртовъ*.

Преемникъ Ву-тсунга—*Сіуан-тсунгъ* (846—860), человѣкъ болѣе разсудительный, отмѣнилъ постановленія своего предшественника, ограничивъ только число монашествующихъ. Одинъ изъ министровъ доложилъ ему, что времена тяжелыя, земледѣльцы съ трудомъ добываютъ хлѣбъ, котораго едва хватаетъ на продовольствіе народа; между тѣмъ, бонзы и бонзисы живутъ себѣ въ монастыряхъ на всемъ готовомъ и рѣшительно ничего не дѣлаютъ. Не лучше ли, предложилъ онъ императору въ заключеніе, не лучше ли заставить бонзисъ разводить шелковичныхъ червей, а бонзовъ обработывать землю и на себя, и на пользу ближнихъ?

Въ нашемъ историческомъ обзорѣ, какъ видитъ читатель, мы минуемъ цѣлыя столѣтія. Эти промежутки, всѣ до единаго, заняты въ лѣтописяхъ повѣствованіями о междоусобіяхъ, войнахъ, неурожаяхъ, набѣгахъ татаръ, моровыхъ язвахъ и тому подобныхъ явленіяхъ, которыми такъ богата и наша отечественная исторія удѣльныхъ княжествъ. Въ Китаѣ, кромѣ упомянутыхъ бѣдствій, была еще внутренняя язва—евнухи, разыгрывавшіе въ то время ту же роль, какую разыгрывали нѣкогда преторіанцы въ Римѣ и янычары въ Турціи. Они, по своему усмотрѣнію, возводили императоровъ на престолы и низводили ихъ, заточали ихъ въ темницы или отравляли ядомъ... Позорная эпоха! Замѣтимъ еще, что мимолетные императоры этого времени почти всѣ усердно занимались той отраслью фантастической алхиміи, которая доискивается **напитка безсмертія**. Въ этомъ пріятномъ препровожденіи времени имъ помогали и евнухи, и жрецы Тао [1], и всего чаще напитокъ безсмертія былъ отравою, которую подносили легковѣрному императору. По поводу этой дури властителей Китая, лѣто-

---

[1] Можетъ быть даже буддійскіе бонзы —такъ какъ и у нихъ есть орманъ (напитокъ безсмертія), подобный амритѣ индусовъ—употребляемый при обрядахъ. Можетъ быть китайцы понимали это названіе въ буквальномъ смыслѣ слова.

писи разсказываютъ анекдотъ, можетъ быть извѣстный уже нашимъ читателямъ. Къ одному изъ императоровъ явился алхимикъ и поднесъ ему чашу съ напиткомъ безсмертія, прося за нее соотвѣтствующее награжденіе, т. е. чуть-ли не миліоны. Бывшій при этомъ мандаринъ, видя что императоръ склоняется на предложеніе шарлатана, вырвалъ чашу изъ рукъ послѣдняго и осушилъ ее до дна. Взбѣшенный императоръ велѣлъ тотчасъ же казнить мандарина.

— „Государь, возразилъ тотъ невозмутимо,— если это былъ дѣйствительно напитокъ *безсмертія*, то умертвить меня невозможно: если же меня убьютъ — виноватъ ли я буду за то, что предостерегъ васъ отъ обманщика?"

Императоръ ***И-тсунгъ*** (860 — 873) особенно благоволилъ буддійскимъ бонзамъ, слушалъ ихъ проповѣди, посѣщалъ храмы и писалъ толкованія по ихъ догматамъ. По его повелѣнію изъ отдаленнаго монастыря Фа-мен-ссе была принесена въ столицу съ огромными церемоніями ***кость Будды***—имѣвшая, по увѣренію послѣдователей его ученія, чудотворную силу. Наслѣдникъ его, ***Хи-тсунгъ***, въ первый же годъ воцаренія повелѣлъ отослать это сокровище назадъ въ монастырь, откуда его взяли.

Царствованіе ***Чао-тсунга*** (889—906) ознаменовалось дѣломъ кровавымъ, къ сожалѣнію вынужденнымъ необходимостью. Въ исходѣ 900 года четверо евнуховъ, занимавшихъ важныя государственныя должности, вызвавъ подъ благовиднымъ предлогомъ изъ дворца императора и все его семейство,—заточили въ отдаленный загородный дворецъ, намѣреваясь возвести на престолъ одного изъ своей среды. Только этого позора и не доставало верховной власти!... Узнавъ объ этомъ, начальникъ императорскихъ войскъ далъ имъ тайное повелѣніе истребить находящихся при дворѣ евнуховъ всѣхъ до единаго. Началась рѣзня: до семи сотъ евнуховъ погибло подъ саблями воиновъ и императоръ былъ освобожденъ изъ заточенія—попавъ впрочемъ изъ огня да въ полымя. Тотъ же освободитель государя, пожалованный имъ въ князья и осыпанный милостями, велѣлъ его умертвить въ 905 году! Вмѣсто евнуховъ судьбами имперіи стала теперь управлять буйная, кровожадная солдатчина...

Опять пошла рѣзня, опять вмѣсто императоровъ китайскихъ мелькаютъ и быстро смѣняются какія-то китайскія тѣни!... Династія ***Сунговъ*** (960—1279) возникаетъ изъ потоковъ крови, будто миѳологическая Венера изъ морской пѣны. Пятнадцатилѣтнее царствованіе императора ***Таи-тсу*** (960—975) обогащаетъ лѣтописи утѣшительными и свѣтлыми страницами. Государь этотъ былъ—олицетворенная кротость и доброта; онъ покровительствовалъ ученымъ, возвелъ ихъ въ важнѣйшіе государственныя должности, возстановилъ древнія академіи и основалъ новыя. При немъ науки, искуства и промышленность въ короткое время приведены были въ самое цвѣтущее состояніе. Изъ указовъ императора, касающихся улучшенія судопроизводства и общественнаго блага, нельзя не упомянуть объ указѣ, въ силу котораго отъ градоправителей и у судей отнималось право исполненія смертнаго приговора безъ предварительнаго его разсмотрѣнія въ верховномъ уголовномъ судѣ, находившемся въ столицѣ. Этотъ судъ, въ свою очередь, обязанъ былъ окончательное утвержденіе приговора подвергать на благоусмотрѣніе императора.

При мудромъ ревнителѣ народнаго образованія ***Іинъ-тсунгѣ*** (1023—1063) особенно прославились: его министръ ***Фу-ніэ***— человѣколюбивыми подвигами во время свирѣпствовавшаго голода; ***Фунг-чунг-йенъ***—преобразованіемъ народныхъ училищъ и академій и исторіографъ ***Ссе-ма-куангъ***—правдивый, честный, заклятый врагъ лести и раболѣпства. Сочиненіе, обезсмертившее его имя, называется: *Всемірное зеркало для употребленія правителей* (Тсп-чи-тунг-кіанъ). Это лѣтопись междоусобныхъ войнъ при династіи Чеу и послѣдующихъ, обнимающая періодъ въ 1362 года. Ученые брали верхъ надъ жрецами Тао и бонзами; прогрессисты торжествовали надъ партіей клерикаловъ и консерваторовъ.

При императорѣ ***Шин-тсунгѣ*** (1068—1085) возникла новая философская школа, несправедливо называемая миссіонерами-іезуитами школой ***атеистической***. Догматы ея, вѣрнѣе, странная смѣсь пантеизма съ дуализмомъ. Основателемъ ея былъ нѣкто ***Чеу-ліэн-ки*** или ***Чеу-тси;*** распространителями два брата ***Чинг-тси***, а главою знаменитый ***Чу-хи***. Цѣль ея было ра-

ціональное и систематическое развитіе древнѣйшаго ученія Фу-хи, изложеннаго въ его книгѣ превращеній. Ревностнымъ послѣдователемъ этого раскола явился и государственный министръ *Ванг-ан-ши*, вступившій въ явную борьбу съ главою консервативной партіи *Ссе-ма-куангомъ*. Послѣдній отстаивалъ старину даже въ ея предразсудкахъ. 1069 годъ ознаменовался многими бѣдствіями, постигшими области Китая: были моровыя повѣтрія, землетрясенія, засухи и неурожаи. Приверженцы старины воспользовались этими печальными обстоятельствами для предложенія императору искупительныхъ молебствій и поста — что имъ и было исполнено. Ванг-ан-ши, съ своей стороны, смѣло охуждалъ это невиновеніе нелѣпымъ обычаямъ старины. „Причина этихъ бѣдствій,“ сказалъ онъ императору—„въ неизмѣнныхъ законахъ природы. Землетрясенія, разливы рѣкъ и засухи — съ дѣяніями народы. Землетрясенія, разливы рѣкъ и засухи — съ дѣяніями нашими не имѣютъ ничего общаго. Думаете ли вы, вашими обрядами, измѣнить порядокъ вещей или надѣетесь, что ради ихъ, природа измѣнитъ свои законы?“

— Горе царямъ, терпящимъ близъ себя подобныхъ совѣтниковъ! воскликнулъ присутствовавшій при этомъ Ссе-ма-куангъ. Люди, изрекающіе подобныя правила, отнимаютъ у царей *страхъ неба*—а чѣмъ же инымъ обуздать ихъ распутство? Самовластные властители своихъ дѣйствій и прихотей, безъ этого страха—они предадутся всякаго рода излишествамъ, всюду и во всемъ, и уже не послушаютъ ни убѣжденій, ни возраженій людей истинно благонамѣренныхъ!

Не взирая однако же на неудовольствія партіи консерваторовъ, императоръ оказывалъ видимую благосклонность смѣлому нововводителю. Пользуясь своей силой при дворѣ, Ванг-ан-ши предпринялъ радикальное преобразованіе нравовъ, обычаевъ, законовъ и образа правленія.

„Первый и верховный долгъ царя, училъ онъ, — любить своихъ подданныхъ, выражая любовь эту попеченіемъ объ удовлетвореніи существенныхъ потребностей жизни, т. е. разливать повсюду довольство и обиліе. Мудрые законы могутъ каждому указать въ чемъ именно состоятъ его обязанности.“ Въ исполненіе благихъ видовъ министра, повсемѣстно по имперіи были учреж-

дены суды торговой полиціи и санитарныя коммиссіи, ежедневно налагавшія штрафы на недобросовѣстныхъ торговцевъ и обнародывавшія таксы на жизненные припасы. Съ богатыхъ торговцевъ они взимали пошлины, шедшія въ пособіе старымъ и неимущимъ. Въ случаѣ неурожаевъ, народу выдавали пособія и ссуды изъ запасныхъ житницъ... Наконецъ, по настоянію Ванг-ан-ши, введено единство монетной системы по всей имперіи и право чеканить ходячую монету предоставлено единственно казнѣ.

Императоръ безпрекословно слѣдовалъ всѣмъ совѣтамъ и указаніямъ мудраго преобразователя. Опять старая партія потерпѣла пораженіе.

Ліу-кунг-чу, первый министръ наслѣдовавшаго Шин-тсунгу императора ***Чи-тсунга*** (1086—1100), поднесъ ему слѣдующія наставленія или книгу десяти правилъ въ духѣ новаго ученія: 1) бойтесь неба, 2) любите народъ, 3) совершенствуйтесь, 4) занимайтесь науками, 5) должности государственныя возлагайте на ученыхъ, 6) слушайте добрыхъ совѣтовъ, 7) не увеличивайте налоговъ, 8) смягчайте наказанія, 9) чуждайтесь расточительности, 10) убѣгайте распутства. Глава новаго ученія или раскола, ***Чу-хи***—знаменитый философъ и историкъ, написалъ о немъ цѣлую книгу, названную имъ: ***Толкованіями на книгу превращеній.*** Творческую силу онъ называетъ безпредѣльностью и верховнымъ началомъ ***(ву-ки-эуль-таи-ки)***. Движеніе ея именуется ***янгъ***; спокойствіе—*іинъ*. Соединеніе этихъ двухъ началъ произвело пять стихій—огонь, воду, землю, дерево и металлъ. Началу ***янгъ*** подчинены: огонь и дерево, началу *іинъ*—вода и металлъ. Эти четыре стихіи образуютъ какъ бы кольцо, окаймляющее пятую, находящуюся въ средоточіи ихъ — землю. Вліяніе огня или воды производитъ на землѣ смѣняющіяся времена года: смѣшеніе стихій между собою, или смѣсь двухъ началъ янгъ и іинъ, причина всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ вещей, добра и зла. Спокойствіе и недвижность—это достиженіе безпредѣльности...

Затѣмъ, толкованія *Чу-хи* дѣлаются рѣшительно непонятны и уловить основную мысль ученія такъ же трудно, какъ упомнить причудливый рисунокъ въ калейдоскопѣ... Основная мысль теряется въ головоломныхъ разсужденіяхъ великаго мыслителя. Самъ

же онъ говоритъ, что „истинное ученіе (*тао*) всегда существовало въ мірѣ и никогда не исчезало. Дѣло только въ томъ, что будучи сообщено людямъ, ученіе это не всѣми было усвоено и принято: одни слѣдовали ему, другіе нѣтъ. Потому-то и участь ученія этого—попеременно то сіять, то затмѣваться. На то воля неба: ***ни сила человѣческая, ни мудрость тутъ ни причемъ!***"

Что въ дѣлахъ религіи Китая грубая ***сила*** не играла важной роли—это мы видимъ, но едва-ли можно согласиться, чтобы ***мудрость*** или мудрствованія ничего не значили въ болѣе или менѣе успѣшномъ распространеніи религіозныхъ доктринъ. Мы уже сказали (Гл. VIII стр. 71.) и повторяемъ, что первыми врагами, хотя и невольными, каждой новой религіи были именно ретивѣйшіе ея приверженцы и коментаторы. Думая способствовать распространенію новой доктрины, ея ***сеиды*** пускаются въ дальнія толкованія, заблуждаются сами и вводятъ въ заблужденія другихъ. Доктрины Фу-хи, Лао-тси, Кунг-фу-тси—простыя и удобопонятныя, благодаря коментаторамъ, превращаются чуть не въ запелѣнницы; такъ все ученіе, распространяемое Чу-хи—тотъ же законъ Фу-хи, изъ яснаго превращенный въ какую-то тарабарщину. благодаря толкованіямъ, въ которыхъ не имѣлъ нужды.

Такъ нерѣдко и гражданскій законъ, въ сущности простой, долженствующій быть путеводной нитью нашей—превращается въ паутину въ рукахъ сутяги и кляузника.

Чу-хи, прославившійся въ царствованіе императора ***Хіао-тсунга*** (1163—1189), послѣ смерти былъ удостоенъ величайшихъ почестей и поставленъ на ряду съ учениками Кунг-фу-тси.

Внутренними неурядицами Китайской имперіи и слабостью ея властителей воспользовались ихъ данники татары. Не довольствуясь отложеніемъ отъ власти императоровъ, они стали дѣлать набѣги на ихъ области, грабили ихъ и весьма многія завоевывали... Дошло, наконецъ, до того, что самъ императоръ сдѣлался данникомъ татарскаго хана, этой дорогой цѣной купивъ миръ—впрочемъ непродолжительный.

Въ 1161 г. татары овладѣли столицею центральныхъ областей, городомъ ***Янг-чеу***, выжгли и ограбили южныя области; сѣверныя давно уже были въ ихъ власти. Въ исходѣ XII вѣка татары восточные отняли у западныхъ почти всѣ ихъ владѣнія въ Китаѣ. Овладѣли столицею имперіи ***Хо-наномъ*** и были оттѣснены, благодаря вмѣшательству хановъ, властителей сѣвернаго Китая... Эта страна во второй половинѣ XIII вѣка могла быть сравнена съ овцой, которую волки отнимаютъ другъ у друга.

Послѣдніе императоры династіи ***Сунгъ***—слабоумныя дѣти, смѣнялись другъ другомъ, какъ призраки. Въ 1279 г. весь Китай былъ покоренъ монголами и на императорскій престолъ взошелъ родоначальникъ новой, иноплеменной династіи ***Йуановъ***—Кублай-ханъ, или по китайскому произношенію: ***Ху-пи-лэ***. Напоминаемъ читателямъ, что въ эту же самую эпоху игу монгольскому были покорены: Индія, Сирія, Персія, Татарія, Китай — въ Азіи; Австрія, Венгрія, Польша и Россія—въ Европѣ.

Китайскія лѣтописи не совсѣмъ согласны въ опредѣленіи года воцаренія Ху-пи-лэ. Нѣкоторые соединяютъ въ одну эпоху его царствованіе въ сѣверномъ Китаѣ (въ 1260 г.) съ единодержавіемъ надо всей имперіей. Дѣйствительно, въ теченіе девятнадцати лѣтъ Ху-пи-лэ имѣлъ болѣе правъ на титулъ единодержавнаго императора, нежели жалкія марьонетки, цари-призраки, безславившіе своими эфемерными царствованіями династію Сунгъ. Во всякомъ случаѣ тридцати четырех-лѣтнее царствованіе Кублай-хана въ Китаѣ (1260—1294) было золотымъ вѣкомъ для этой страны, которую ***иноплеменникъ*** съумѣлъ вознести и возвеличить на высоту, недосягаемую для коренныхъ, туземныхъ властителей. Въ этомъ удостовѣряетъ нижеслѣдующій обзоръ славнаго его царствованія.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Ху-пи-лэ и его соправители. — Мудрость императора. — Марко-Поло и его сочиненіе о Китаѣ.—Ламаизмъ.—Основаніе Пе-Кинга. — Обычаи столицы. — Придворный этикетъ.—Возвышеніе ламъ.—Сожженіе книгъ Тао.—Войны.—Смерть Ху-пи-лэ.—Далай-лама въ Пе-Кингѣ.—Урокъ высокомѣрію.—Шун-ти и его распутства—Черная Смерть.—Чудо механики. — Революція. — Сверженіе монгольскаго ига.—Династія Минговъ.

Когда ***Менг-хо***, внукъ Чингис-хана и старшій братъ Кублай-хана, дѣлилъ между князьями своего дома завоеванія дѣда и отца, онъ уступилъ въ удѣлъ Кублаю весь сѣверный Китай. Задумавъ, уже тогда, покорить всю имперію, Кублай-ханъ всего прежде захотѣлъ по образованію встать въ уровень съ будущими своими данниками. Съ этой цѣлью онъ привлекъ къ своему двору трехъ ученыхъ китайскихъ: ***Хіу-хенга***, ***Яо-чу*** и ***Тео-мо***. При первомъ же свиданіи онъ сказалъ имъ: Помогите мнѣ уговорить вашихъ земляковъ не бѣжать отъ насъ въ степи и не бояться насъ. Увѣрьте вы ихъ, что мы не тигры, не медвѣди. Чего они боятся насъ, когда мы кромѣ добра ничего имъ не желаемъ? Вамъ они повѣрятъ. Вы, ***Яо-чу***, будете главнымъ начальникомъ солъ и деревень: даю вамъ полномочіе призвать земледѣльцевъ къ покинутымъ имъ занятіямъ.

— Вы, ***Хіу-хенгъ*** и ***Тео-мо***, будете наблюдать надъ горожанами, ремесленными классами. Скажите, чтобы они трудились по прежнему и безбоязненно пользовались плодами своихъ трудовъ. Возстановите школы, основывайте новыя... словомъ, дѣлайте все что признаете полезнымъ для вашихъ соотечественниковъ. Вамъ лучше, нежели мнѣ, извѣстны ихъ нужды и желанія!

Яо-чу, славнѣйшій изъ китайскихъ ученыхъ того времени, былъ учителемъ и наставникомъ Кублай-хана, еще при его дѣдѣ Темучинѣ (Чингис-ханѣ). Онъ съ дѣтства съумѣлъ привить ученику эти благородныя правила, ознакомивъ его съ твореніями древнихъ мудрецовъ, изъ которыхъ въ руководство ученику извлекъ слѣдующія заповѣди: Чти и бойся неба; люби народъ; уважай добрыхъ людей; изучай науки, необходимыя царю и полководцу; люби своихъ родныхъ; поддерживай дружбу съ людьми добродѣтельными; совершенствуйся; гони отъ себя льстецовъ и лицемѣровъ. Надежды, возложенныя Кублай-ханомъ на трехъ мудрецовъ, оправдались самымъ блестящимъ образомъ. Опустѣлые города и деревни опять заселились возвратившимися изъ бѣгства жителями. Обнародованные мудрымъ завоевателемъ законы вскорѣ доказали его подданнымъ его любовь и истинно-отеческую заботливость. Правительственныя учрежденія были преобразованы согласно потребностямъ народа и требованіямъ духа времени. ***Постановленія религіи остались неприкосновенны*** и всѣмъ китайцамъ предоставлена совершеннѣйшая свобода вѣроисповѣданія (¹). Для управленія приказомъ астрономіи были вызваны ученые изъ иныхъ земель. Памятники старины и древнія зданія возстановлены, настоятельныя нужды голодающихъ и бѣдныхъ щедро удовлетворены; сообразно кадастральнымъ даннымъ, доставленнымъ изъ каждой области революціонной комиссіей опредѣлены размѣры необременительныхъ налоговъ и податей.

Въ числѣ иноземцевъ, призванныхъ ко двору Ху-пи-лэ, былъ и венеціанецъ ***Марко-Поло***—прожившій въ Китаѣ нѣсколько лѣтъ и написавшій первое сочиненіе для европейцевъ объ этой любопытной странѣ (²). Основанной Ху-пи-лэ академіи въ Хан-линѣ подъ

(¹) Вѣротерпимость, достойная просвѣщеннѣйшихъ народовъ, была отличительной чертой древнихъ монгольскихъ завоевателей. Лютые звѣри на полѣ сраженія, они уважали религіозныя убѣжденія покоренныхъ ими народовъ, въ лицѣ ихъ духовенства, всегда дѣлая его посредникомъ между собою и народомъ. Кому изъ насъ, русскихъ, неизвѣстны пріязненныя отношенія монголовъ къ св. митрополиту *Алексію?*

(²) Первое изданіе Марко-Поло: о чудесахъ имъ видѣнныхъ напечатано въ 1486 году въ Венеціи, въ типографіи Джіовани-Баптиста Сесса въ 8.

предсѣдательствомъ Тсу-мо было поручено заняться составленіемъ исторіи имперіи.

Вѣроисповѣданіемъ Ху-пи-лэ былъ буддизмъ, *ламаитскаго* толка. Императоръ вызвалъ изъ Тибета нѣкоего *Па-ссе-па* и возвелъ его въ санъ *ламы* въ 1260 году и главою всего духовенства. Въ 1263 году Ху-пи-лэ соорудилъ храмъ въ память предковъ, гдѣ ежегодно и совершалъ молебствія по установленнымъ обрядамъ. Прадѣда своего Тап-тсу (отца Чингис-хана) онъ призналъ своимъ родоначальникомъ, далъ ему титулъ императорскій и портретъ его и Чингис-хана велѣлъ помѣстить въ храмѣ предковъ.

Въ 1267 году на сѣверо-западѣ отъ города Йен-кинга былъ окончень постройкою новый городъ *Таи-ту* (мѣстопребываніе императора), нынѣ называемый *Пе-кингомъ.* Поводомъ къ его основанію (по разсказамъ Марко-Поло) было пророчество астрономовъ Ху-пи-лэ, что старый городъ, въ которомъ онъ жилъ, будетъ гнѣздомъ мятежа и причиною гибели императора. Новый городъ былъ совершенно квадратный, около 80 миль, и весь обнесенъ стѣнами въ двадцать шаговъ высоты и десять толщины, и то къ вершинѣ; въ основаніи же онѣ еще толще. Стѣны бѣлыя и зубчатыя. Въ нихъ двѣнадцать воротъ и надъ каждыми воротами огромная башня—цѣлый дворецъ. Дворцы эти служатъ складными мѣстами для оружія (арсеналами) солдатъ, охраняющихъ городъ. Въ срединѣ его еще стѣна, которой обнесенъ дворецъ и принадлежащія ему зданія (¹). На дворцѣ башня съ колоколомъ. Вечеромъ, какъ только этотъ колоколъ ударитъ три раза — такъ никто не смѣетъ выходить на улицу. Исключеніе этого закона только для гражданъ, идущихъ за врачебной помощью; но эти послѣдніе обязаны выходить съ фонарями.

Описаніе дворца, въ путешествіи Марко-Поло, напоминаетъ сказки изъ тысячи и одной ночи. У этого дворца кровли и потолки сверкаютъ золотомъ и серебромъ; повсюду изображенія чудесныхъ

(¹) Наши кремли или дѣтинцы — совершенный сколокъ со внутреннихъ городовъ въ Китаѣ.

драконовъ, звѣрей и птицъ. Куполъ главной башни украшенъ позолоченными шпилями. Комнатъ множество, а въ главной залѣ могутъ свободно обѣдать шесть тысячъ человѣкъ.

Образъ жизни въ этомъ чудесномъ дворцѣ былъ подчиненъ древнимъ узаконеніямъ объ обрядахъ и церемоніяхъ; пышность тѣхъ и другихъ по истинѣ была изумительная. Говорятъ, что однажды Ху-пи-лэ сказалъ послѣ генеральной репетиціи какой-то церемоніи, въ которой долженъ былъ явиться народу во всемъ блескѣ и величіи своего сана: „Только теперь понимаю что значитъ быть сыномъ неба (т. е. императоромъ китайскимъ).“

При прежнихъ династіяхъ и при монгольскомъ дворѣ возвышеніе въ чинахъ и назначеніе къ занятію государственныхъ должностей зависѣло отъ произвола государя. Ху-пи-лэ отмѣнилъ это обыкновеніе, повелѣвъ каждому должностному лицу сдавать экзаменъ, по которому можно было судить о степени его познаній и способностей. Для образованія монголовъ была, стараніями мудраго Хіу-хенга, основана *императорская коллегія.* Сюда съ самаго ранняго утра собирались молодые люди знатнѣйшихъ монгольскихъ фамилій и здѣсь преподавали имъ науки и обучали ихъ обычаямъ просвѣщеннаго Китая, счищая съ нихъ грязную кору варварства, замѣняя ее лоскомъ цивилизаціи. Главный преподаватель Хіу-хенгъ (по отзывамъ ученаго іезуита Аміо) былъ человѣкъ ума многообъятнаго и энциклопедистъ въ полномъ смыслѣ слова. Онъ писалъ толкованія на Книги, усовершенствовалъ письмена, писалъ объ исторіи, о музыкѣ, геометріи, астрономіи. Былъ отличнѣйшимъ архитекторомъ, гидравликомъ, механикомъ, зналъ въ совершенствѣ законы и излагалъ ихъ съ такою ясностью, что Ху-пи-лэ поручилъ ему составленіе *Свода законовъ...* Кромѣ того этотъ феноменальный ученый въ совершенствѣ зналъ какъ монгольскій, такъ и китайскій языкъ. Для полноты его біографическаго очерка прибавимъ, что добродѣтели сердца и кротость обхожденія равнялись обширности разума и богатству способностей. Онъ умеръ въ 1281 году и удостоенъ былъ впослѣдствіи величайшихъ загробныхъ почестей. Императоръ *Ву-тсунгъ* въ 1309 г. причислилъ его къ князьямъ, а *Гин-тсунгъ* въ 1313 году повелѣлъ помѣстить его

изображеніе въ храмѣ Кунг-фу-тси и включить его въ число учениковъ этого мудреца.

Въ концѣ 1276 и началѣ 1277 г., снисходя на просьбу китайскихъ ученыхъ, императоръ Ху-пи-лэ возстановилъ по всей имперіи упраздненныя коллегіи, основанныя при его предшественникахъ. Такимъ образомъ съ его стороны было сдѣлано все для блага завоеванной имъ страны, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Единственный упрекъ, который заслуживаетъ отъ исторіи мудрый Ху-пи-лэ, можно сдѣлать за пристрастіе къ *ламамъ* и поблажку ихъ проискамъ. Ненависть къ бонзамъ секты Тао, кичливость и неуступчивость послѣднихъ побудили Ху-пи-лэ вмѣшаться въ эти распри и для обузданія бонзъ повелѣть: *предать огню всѣ книги секты Тао*, кромѣ книги Разума, принадлежавшей знаменитому Лао-тси. Мѣра, безспорно, слишкомъ крутая, хотя и заслуженная, такъ какъ секта Разума (тао) имѣла своими представителями изувѣровъ, магиковъ, алхимиковъ и тому подобныхъ пройдохъ. Однако же, при всей своей крутости, эта мѣра вправѣ назваться гуманною, если ее сравнить съ мѣрами, употреблявшимися въ Европѣ•сте и двѣсти лѣтъ позже. *Варваръ* монголъ сжегъ книги ненавистной ему секты; *цивилизованные* европейскіе государи вмѣстѣ съ книгами жгли и авторовъ... Здравый смыслъ и человѣчество, безспорно, на сторонѣ варвара.

Гоненіе на изувѣровъ не препятствовало Ху-пи-лэ покровительствовать истинно ученымъ людямъ и онъ употреблялъ всѣ средства, чтобы сдѣлать свой Пе-кингъ средоточіемъ просвѣщенія всей своей имперіи.

Грустно передавать читателямъ разсказы лѣтописей о побѣдахъ Ху-пи-лэ, послѣ того что намъ извѣстно о немъ, какъ о ревнителѣ просвѣщенія. Онъ велъ кровопролитныя и безуспѣшныя войны съ Японіей (въ 1280 и 1283 годахъ), завоевалъ Тонг-кингъ, Кохинхину, восточную Татарію (1287); постепенно покорилъ всѣ области южнаго Китая. Послѣднія завоеванія стоили жизни міліонамъ людей и были ознаменованы не столько жестокостями монголовъ, сколько безумнымъ отчаяніемъ китайцевъ. Цѣлыя крѣпости взлетали на воздухъ, взрываемыя ихъ защитниками, военачальники

китайскіе рѣзались сами, рѣзали согражданъ осажденныхъ городовъ, лишь бы только тѣ и другіе не достались во власть монголовъ. Такъ при осадѣ *Тман-ша* китайскій градоправитель, видя невозможность держаться, бросился въ огонь со всѣми своими слугами и двумя малолѣтними сыновьями; примѣру его послѣдовалъ военачальникъ и многіе мандарины... Ясныя доказательства великой и древней истины, что самоубійство всегда было и есть только ***слѣдствіе самой постыдной трусости***, и если бы кто сказалъ, что въ упомянутыхъ выше обстоятельствахъ самоубійство было героизмомъ, слѣдствіемъ нежеланія пережить стыдъ отечества, мы все-таки отвѣчали бы словами французскаго поэта: „Примѣру Катона стыдно слѣдовать: чѣмъ больше несчастіе, тѣмъ болѣе величія переживать его!“ (¹).

Великій Ху-пи-лэ скончался въ Пе-кингѣ въ 1294 году, на восемьдесятъ первомъ году отъ рожденія. Въ эту эпоху владѣнія его простирались отъ Ледовитаго океана до Малакскаго пролива; Индія, западная Азія, Сіамъ, Кохинхина, Тонкинъ, Корея—были его данниками, подъ его державою совмѣстились Китай, Пегу, Тибетъ, обѣ Татаріи, Туркестанъ, нынѣшніе Ташкентъ и Бухара; тысячи кораблей и миліоны войска по одному его слову могли завоевать весь извѣстный тогда міръ. Науки, искуства, промышленность и торговля были въ самомъ цвѣтущемъ состояніи... Словомъ въ яркихъ лучахъ славы перваго китайскаго императора монгольской династіи исчезаютъ Киры и Александры Македонскіе, какъ звѣзды въ лучахъ солнца.

Китайскіе историки укоряютъ Ху-пи-лэ въ его суевѣріи, чрезмѣрной любви къ женщинамъ и излишней благосклонности къ ламамъ, но всѣ эти недостатки искупаются высокими душевными качествами великаго государя.

Преемникомъ Ху-пи-лэ былъ внукъ его *Тимуръ*, называемый въ китайскихъ лѣтописяхъ *Чинг-тсунгомъ* (1295—1307).

(¹) L'exemple de Caton serait honteux à suivre:
Plus le malheur est grand, plus il est grand de vivre!
(Crébillon).

Какъ онъ самъ, такъ и его наслѣдники ***Ву-тсунгъ*** (1308—1311) и ***Дин-тсунгъ*** (1312—1320) слѣдовали примѣру великаго императора, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ. Покровительствуя ламамъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ оказывали величайшее благоговѣніе къ памяти и доктринѣ Кунг-фу-тси, чѣмъ расположили къ себѣ ученое сословіе. Желая сколько нибудь ослабить власть ламъ и бонзъ, Ву-тсунгъ приказалъ отобрать отъ нихъ въ казну принадлежавшія монастырямъ земли. Бывшія въ слѣдующее царствованіе Іин-тсунга затмѣнія солнца, землетрясенія, кометы и моровыя язвы, по объясненію астрологовъ, были наказаніемъ императору за неуваженіе его предшественника къ религіи и за отнятіе имъ монастырскихъ земель... Іин-тсунгъ отдалъ ихъ обратно прежнимъ владѣльцамъ. Эта уступка усилила клерикальную партію ламантовъ и была причиною гибели Іин-тсунга (1321—1323). Въ первый же годъ его восшествія на престолъ они составили обширный заговоръ, имѣвшій цѣлью сверженіе императора. Стараніями министра ***Пеи-чу***, заговоръ былъ открытъ и коноводы его казнены. Тогда ламы составили новый заговоръ, въ который вовлекли пріемыша императора и на этотъ разъ злодѣйскіе умыслы увѣнчались успѣхомъ. Министръ и императоръ были зарѣзаны ночью, сонные, — и на престолъ былъ возведенъ ***Тан-тингъ*** (1324—1328). Черезъ мѣсяцъ по восшествіи своемъ на престолъ, онъ приказалъ казнить смертью всѣхъ заговорщиковъ, и они были истреблены всѣ до единаго.

Заговоры всегда похожи на баснословную гидру: на мѣстѣ одной отрубленной головы вырастають всегда десять новыхъ. Монастыри и храмы ламантовъ были внѣ обысковъ и именно они-то и были гнѣздами и разсадниками мятежа. „Люби себѣ подобныхъ; будь добръ, справедливъ; не отнимай жизни ни у малѣйшаго насѣкомаго“... такъ гласитъ законъ Будды, ему же повинуются и ламанты... Но что значитъ и прекраснѣйшій законъ, если его послѣдователи звѣри въ образѣ человѣческомъ? Законъ Спасителя не основанъ ли весь на любви къ ближнему, но воспрепятствовалъ ли онъ католическому духовенству во Франціи окроплять святой водою и окуривать ладаномъ кинжалы и пищали, которые оне же раздавало убійцамъ Варѳоломеевской ночи?

Роль іезуитовъ во Франціи разыгрывали въ Китаѣ ламы при послѣднихъ императорахъ монгольской династіи. При ***Вен-тсунгъ*** (1329—1332) былъ призванъ изъ Тибета самъ далай-лама и всѣмъ вельможамъ, какого бы то ни было закона, повелѣно было служить ему и оказывать всевозможные знаки уваженія. Къ числу ихъ принадлежало постановленіе—привѣтствовать его колѣнопреклоненьями и земными поклонами, на что далай-лама не удостоивалъ даже и кивнуть головой.

Одинъ изъ мандариновъ, прислуживавшій далай-ламѣ и оскорбленный этимъ невниманіемъ, сказалъ ему однажды: Любезнѣйшій господинъ! положимъ, что вы ученикъ Фо и глава всѣхъ бонзовъ, но позвольте вамъ замѣтить, что и я, въ свою очередь, ученикъ Кунг-фу-тси и одинъ изъ ученѣйшихъ мужей имперіи... а потому не лучше ли намъ обходиться безъ чиновъ? — При этомъ онъ, наперекоръ уставамъ, гордо выпрямился и поднесъ далай-ламѣ кубокъ. Глава ламантовъ всталъ съ своего мѣста, поклонился ему и съ улыбкою выпилъ поданное вино. Это былъ, кажется, единственный примѣръ протеста на излишнія почести, оказываемыя ламантамъ.

Послѣднимъ императоромъ монгольской династіи былъ ***Шун-ти*** (1333 — 1367). Предоставивъ бремя власти своимъ министрамъ, этотъ недостойный потомокъ Чингис-хана погрузился въ омутъ распутства. Несчастное его царствованіе было ознаменовано страшными бѣдствіями: были частыя наводненья, землетрясенья, засухи, моровыя повѣтрія (между прочимъ ***Черная смерть***, опустошившая и Россію въ 1353 году); кометы, затмѣнія, чудные метеоры были, по сказаніямъ лѣтописцевъ, „очевидными знаменіями гнѣва небеснаго.“ Во многихъ областяхъ начали появляться признаки мятежей. Вмѣсто того, однакоже, чтобы принять всѣ мѣры къ отклоненію грозившихъ ему бѣдствій, Шун-ти проводилъ время въ роскошной праздности или, еще того хуже, затѣвалъ сумасбродныя дѣла, разорявшія казну и возбуждавшія только всеобщее негодованіе. Такъ, напримѣръ, въ 1351 году министры предложили ему измѣнить теченіе Желтой рѣки (Хоанг-хо), отведя ея воды къ морю чрезъ область Таминг-фу. По сдѣланнымъ изысканіямъ, это предпріятіе оказалось совершенно неудобоисполни-

мымъ — и все-таки, не смотря на возраженія свѣдущихъ людей, приступили къ работамъ: нагнали со всѣхъ концовъ земледѣльцевъ, которыхъ отвлекли отъ полевыхъ работъ, народъ обременили налогами... Глухой ропотъ перешелъ въ открытый бунтъ; появились громадныя шайки разбойниковъ на сушѣ и на морѣ. Въ этомъ-же самомъ 1352 году было страшное землетрясеніе въ области Шен-си; отъ голода и черной смерти погибло до 900,000 человѣкъ...

Ничѣмъ невозмутимый, безжалостный къ народу и къ себѣ самому, Шун-ти въ это время изощрялъ свой слабый умъ единственно на изобрѣтеніе новыхъ и разнообразныхъ видовъ распутства. Постоянно окруженный наложницами, которыхъ онъ называлъ *богинями*, онъ цѣлые дни и ночи проводилъ попеременно въ играхъ съ ними или въ совѣщаньяхъ съ колдунами и астрологами. Дворецъ его былъ кромѣ того хранилищемъ всякихъ диковинокъ и рѣдкостныхъ игрушекъ, на которыя императоромъ были потрачены несмѣтныя суммы. Такъ, напримѣръ, былъ тамъ шкафъ, въ видѣ храма, и въ немъ въ настоящую величину фигура красивой дѣвушки, показывавшей иголкою минуты на богатомъ циферблатѣ. Когда исполнялся часъ—подлѣ фигуры съ одной стороны являлся фонтанъ, а съ другой двѣ фигуры небесныхъ духовъ съ колоколомъ и молоткомъ бившихъ часы. При этомъ, разставленные въ шкафу механическіе львы и орлы качали головами и хлопали крыльями. На восточной и западной сторонѣ были изображены прохожденіе солнца чрезъ знаки зодіака и виды луны. Въ полдень и въ полночь шесть автоматовъ, изображавшихъ китайскихъ святыхъ, проходили черезъ мостъ и скрывались въ нишѣ верхней части шкафа. Это чудо механики, изобрѣтенное и построенное самимъ Шун-ти, ясно доказывало, что онъ былъ созданъ быть прекраснымъ механикомъ, но не императоромъ.

Покуда онъ забавлялся игрушками, нѣкто **Чу**, вышедшій изъ монастыря бонзовъ, сталъ во главѣ мятежниковъ и въ 1352 году овладѣлъ городомъ Тан-нингомъ. Затѣмъ ежегодно войска мятежниковъ, разбивая императорскія полчища, овладѣвали городами. Дѣло, разумѣется, не обходилось безъ рѣзни и всѣхъ ужасовъ междоусобныхъ войнъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ, которыя Чу держалъ въ тѣсной осадѣ и бралъ голодомъ—жители и гарнизонъ питались кошками, собаками, лягушками, наконецъ и человѣческимъ мясомъ. Въ 1356 году въ городѣ Хоай-нганѣ вымерли всѣ жители и побѣдитель вступилъ въ опустѣлыя стѣны. Чу — обладатель почти всей имперіи, былъ провозглашенъ императоромъ своими войсками и народомъ — ему оставалось только овладѣть столицей. Настоящій императоръ Шун-ти, собравъ своихъ женъ и всѣ сокровища, бѣжалъ въ степи Татаріи и достигъ города Инг-чанг-фу, гдѣ и поселился...

Владычество монголовъ кончилось и на престолъ императорскій взошелъ Чу—родоначальникъ династіи *Мингов*.

Восемьдесятъ девять лѣтъ правили Китаемъ Ху-пи-лэ и его потомки, и этотъ періодъ для имперіи былъ такъ же блестящъ, какъ для Испаніи время владычества мавровъ. Почти каждый изъ императоровъ монгольской династіи (кромѣ трехъ послѣднихъ) былъ покровителемъ наукъ и распространителемъ просвѣщенія. Изъ религіозныхъ писателей этой эпохи указываемъ на переводчиковъ буддійскихъ книгъ и распространителей ламаизма въ имперіи. Это были великій лама ***Па-ссе-па*** и его помощники ***Кіа-лу-на-та-ссе***, нипальскій уроженецъ ***А-ни-ко***, и выходецъ изъ имперіи римской ***Ан-сіе***. Цѣня по достоинству сочиненія китайскихъ философовъ, Ху-пи-лэ поручилъ перевести ихъ на монгольскій языкъ ученику ***Чао-пи***, что и было имъ успѣшно исполнено. Тѣсное сближеніе китайцевъ съ монголами не могло не повліять на нравы, обычаи и на языкъ первыхъ, въ составъ котораго вошли многія монгольскія слова, въ особенности для названія должностей, чиновъ и обрядовъ. Главнѣйшія государственныя должности занимали однако же не монголы, но китайцы. Отдавая имъ преимущество предъ своими единоплеменниками, императоры монгольской династіи дѣйствовали по соображеніямъ самой разумной и гуманной политики: они этой мѣрою облегчали для Китая тягость иноплеменнаго ига. При ***Ву-тсунгѣ*** былъ оконченъ переводъ на монгольскій языкъ книги Кунг-фу-тсе о *любви къ родителямъ*. Чтеніе этой книги высочайшимъ указомъ сдѣлано обязательнымъ для членовъ императорской фамиліи и вельможъ монгольскихъ.

Изъ правовѣдовъ прославился при Іин-тсунгѣ нѣкто *Пе-йунъ* (бѣлое облако), переводчикъ древняго уложенія Танговъ и исторіи Китая отъ сотворенія міра до покоренія имперіи Чингис-ханомъ. Въ 1321 году императорская академія издала обширный трудъ *Ма-туан-лина* въ шестидесяти книгахъ, подъ заглавіемъ: Великая наука управленія царствомъ при династіи Йюановъ. Это полнѣйшая энциклопедія правовѣденія, исторіи, статистики, географіи, наукъ, искуствъ и религіи Китая. Послѣднее изданіе этого громаднаго труда въ 1224 году состояло изъ ста томовъ, содержавшихъ въ себѣ 348 книгъ. Это сочиненіе было драгоцѣннѣйшимъ источникомъ свѣденій о Небесной имперіи для европейскихъ ученыхъ. Іезуиты *Виделу* (Visdelou), *Гербело* (Herbelot), *Гинь* (Guignes) извлекли изъ нея множество матеріаловъ для своихъ трудовъ; ею руководился *Пенгре* (Pingré) при составленіи своей кометографіи. Не говоримъ уже о множествѣ прочихъ сочиненій по отраслямъ правовѣденія и философіи—они безчисленны.

Таковы были памятники, оставленные монгольскимъ владычествомъ въ Китаѣ. Какъ жалки и ничтожны въ сравненіи съ ними нелѣпыя пирамиды фараоновъ и всѣ подобныя пирамидамъ памятники гордости человѣческой, на сооруженія которыхъ убиты сотни лѣтъ и сотни тысячъ жизней человѣческихъ!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Хунг-ву.—Возобновленіе древнихъ обрядовъ.—Указъ о монастыряхъ.—Мѣры къ искорененію роскоши.—Рѣчь императора къ литераторамъ.—Напитокъ безсмертія.—Великодушіе Хунг-ву.—Ши-тсунгъ и бонзы.—Прибытіе христіанскихъ мисіонеровъ.—Первые мисіонеры. — Іезуиты.—Отзывъ императорскаго принца объ ученіи христіанскомъ.—Окончаніе историческаго обзора.

Главный рычагъ великаго государственнаго переворота, освободитель своей родины отъ иноплеменнаго ига, новый императоръ

Чу былъ сыномъ бѣднаго земледѣльца, добровольно поступившій въ монастырь бонзовъ. Ни у одного народа въ мірѣ личныя достоинства и великіе подвиги такъ не цѣнятся какъ въ Китаѣ. „Всякій человѣкъ", говорятъ китайцы о родоначальникѣ Минговъ— „умѣющій пользоваться обстоятельствами и возвыситься изъ ничтожества—конечно человѣкъ даровитый. Но тотъ кто изъ презрѣннѣйшаго состоянія, изъ грязи нищеты съумѣлъ достигнуть высшей степени славы; кто проложилъ себѣ путь къ престолу величайшей имперіи въ свѣтѣ—тотъ, безъ сомнѣнія, долженъ быть человѣкомъ необыкновеннымъ, самимъ небомъ избранный быть посредникомъ между божествомъ и людьми!"

Возвышаясь изъ ничтожества, *Чу* съ перемѣною состояній мѣнялъ и имена. Родовымъ его именемъ было *Чу-хоан-чангъ*; принявъ предводительство надъ инсургентами, онъ назвался *Чу-кунгтси*; овладѣвъ большею частью императорскихъ владѣній онъ именовался *У-куэ-кунгомъ*—и, наконецъ *Хунг-ву* при восшествіи на престолъ.

По отзывамъ лѣтописей, Хунг-ву былъ феноменомъ своего времени и, рѣшительно, воплощеніемъ всѣхъ добродѣтелей. Умиротворивъ имперію, взволнованную недавнимъ возстаніемъ, онъ далъ ей все что только было въ его силахъ для ея славы и благоденствія. Возстановляя обряды ученія Кунг-фу-тси, онъ соорудилъ множество храмовъ въ Нан-кингѣ и Пе-кингѣ; совершалъ древнія церемоніи воздаянія почестей памяти предковъ, праздника земледѣлія и поклоненія духу шелковичныхъ червей. Въ 1368 году приверженцы древнихъ обрядовъ подали императору прошеніе, въ которомъ указывали ему на нѣкоторые изъ нихъ, упущенные имъ изъ виду. Такъ, по древнему обряднику, жертвы во время зимняго солнцестоянія слѣдовало приносить на алтарѣ *кругломъ*; во время же лѣтняго солнцестоянія—на *четырехугольномъ*. Слѣдовало возстановить жертвоприношенія четыремъ морямъ и пяти священнымъ горамъ (*йо*), совершать ихъ кромѣ того въ каждое изъ четырехъ временъ года, а въ концѣ его—въ память праотцевъ на алтарѣ *верховнаго храма* (Таи-міао) — дважды въ годъ, весною и осенью, въ честь духовъ земли. На всѣ эти предположенія государь выразилъ свое совершенное согласіе. Желая

доказать народу благоговѣніе свое къ царямъ прежнихъ династій, Хунг-ву повелѣлъ возобновить тѣ гробницы древнихъ императоровъ, которыя при монгольской династіи были запущены или разрушены. Не смотря однако же на свое благочестіе (или вернѣе, именно вслѣдствіе благочестія), Хунг-ву, для обузданія ханжества, повелѣлъ упразднить всѣ малые храмы, оставляя по одному большому въ каждомъ городѣ и запретилъ женщинамъ моложе сорокалѣтняго возраста поступать въ бонзесы. Послѣдній разумный и дѣльный указъ былъ изданъ въ 1373 году.

Заклятый врагъ роскоши, Хунг-ву строжайшими указами изгналъ ее и у себя при дворѣ, и между вельможами, являя въ своемъ образѣ жизни прекрасный примѣръ простоты и умѣренности. „Слава добраго царя, говаривалъ онъ,—не въ золотѣ и не въ серебрѣ, а въ счастьѣ подданныхъ. Обладая цѣлой имперіей, обѣднѣю ли я, если убавлю безполезные расходы? Наконецъ, утопая въ роскоши, какъ бы я осмѣлился удерживать отъ нея мой добрый народъ?“

Когда онъ овладѣлъ императорскими дворцами, первой его заботою было замѣнить всѣ золотыя и серебряныя украшенія мѣдными и перечеканить драгоцѣнные металлы въ монету. Въ числѣ рѣдкостей, принадлежавшихъ послѣднему императору, досталась новому и знаменитая игрушка—астрономическіе часы работы Шупти, украшенныя золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Приближенные Хунг-ву просили его пощадить это чудо механики, но онъ, осмотрѣвъ его, отвѣчалъ:

„Вотъ именно по милости этихъ игрушекъ, послѣдній императоръ не радѣлъ объ имперіи и потерялъ свой престолъ... На устройство этихъ безполезныхъ игрушекъ и отнимали у народа послѣднія крохи... Разломать эту машину и матеріалы ея обратить въ монету!“

Ненависть къ изящному, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно граничило съ роскошью, не препятствовала императору покровительствовать людей ученыхъ и даровитыхъ. Жаль только, что пишущая братія не умѣла цѣнить эту благосклонность и вздумала взять на себя роль совѣтчицы и руководительницы государя на его славномъ поприщѣ. Кроткій и снисходительный, Хунг-ву, не

стѣсняя свободы отечественной прессы, имѣлъ терпѣніе читать представляемые ему проэкты о преобразованіяхъ, написанные людьми не свѣдущими въ великомъ дѣлѣ правительства, излагавшими напыщеннымъ, высокопарнымъ слогомъ нелѣпѣйшія и непримѣнимыя къ дѣлу теоріи. Желая разомъ отвадить писателей отъ ихъ непрошеннаго вмѣшательства въ государственную администрацію, Хунг-ву созвалъ ихъ однажды во дворецъ, въ залъ собранія *суда исторіи* и здѣсь-то сказалъ имъ рѣчь, которую (безъ всякихъ коментаріевъ) считаемъ долгомъ привести читателямъ. Она заслуживаетъ вниманія.

„Древніе, началъ императоръ, — писали мало, но писали хорошо. Предметами ихъ сочиненій были: внушеніе любви къ добродѣтели, исполненію обязанностей, ознакомленіе съ великими, историческими личностями, уваженіе къ существующимъ законамъ и обычаямъ. Современные писатели избрали совсѣмъ иную дорогу: они пишутъ о предметахъ пустыхъ и безполезныхъ. Древніе писали просто и удобопонятно; слогъ ихъ былъ чистъ, выраженія ясны и немногими словами они умѣли высказывать многое. Для примѣра возьмите любую книгу былаго времени! Въ наше время пишутъ иначе. Современный слогъ напыщенъ; мысль утопаетъ въ потокѣ многословія; двусмысленность особенно въ ходу. Право, можно подумать, что въ наше время авторы пишутъ именно для того, чтобы быть непостижимыми. Ваша прямая обязанность, господа, заключилъ императоръ, — возстановить изящество слога, а достигнуть этого можно единственно подражая древнимъ. Самое главное—пишите о томъ, о чемъ имѣете понятіе!“

Желая лишить евнуховъ ихъ пагубнаго вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ, Хунг-ву, въ 1371 году, издалъ указъ, въ силу котораго этимъ отребьямъ человѣчества повелѣно занимать должности лакеевъ при дворѣ безъ всякой надежды на повышеніе чинами. Библіотеки въ каждомъ городѣ, школы для дѣтей, богадѣльни для стариковъ, безчисленныя запасныя житницы—таковы были мѣры, принятыя государемъ для блага своихъ подданныхъ. Въ 1397 году издано во всеобщее свѣдѣніе полное собраніе или *сводъ законовъ.*

Заключимъ біографію этого великаго царя двумя анекдотами,

характеризующими его лучше всякихъ панегириковъ. Послѣдователи ученія Тао, видя расположеніе Хунг-ву къ доктринѣ Кунг-фу-тси, вздумали уловить его въ свои сѣти. Одинъ изъ ихъ главныхъ жрецовъ сочинилъ книгу, въ которой излагалъ самый вѣрный, по его мнѣнію, способъ для составленія напитка безсмертія, и поднесъ эту чепуху императору.

— Скажите мнѣ, сказалъ Хунг-ву,—одинаково ли будетъ дѣйствовать этотъ напитокъ на всѣхъ людей?

— Нѣтъ, государь, отвѣчалъ пройдоха, напитокъ, приготовленный по моему рецепту, дѣйствителенъ только для васъ.

— Если такъ, возьмите вашу книгу назадъ! сказалъ Хунг-ву.—На что она мнѣ, если этимъ благомъ я не могу подѣлиться съ моими подданными? Возьмите вашу книгу назадъ и займитесь чѣмъ нибудь подѣльнѣе этого вздора. ***Истинная тайна безсмертія*** въ добродѣтели, благодѣяніяхъ и честномъ исполненіи своихъ обязанностей. Вотъ общедоступный рецептъ, которому я намѣренъ слѣдовать!

Внукъ послѣдняго императора монгольской династіи, по имени ***Ман-ти-липала***, попался въ плѣнъ войскамъ Хунг-ву. Вельможи, опасаясь, чтобы плѣнникъ не нашелъ себѣ защитниковъ и приверженцевъ между китайцами, предложили государю зарѣзать плѣнника въ залѣ предковъ, какъ жертву ихъ памяти, по примѣру ***Таи-тсунга***, родоначальника ***Тангов***.

— Знаю, отвѣчалъ Хунг-ву, — что онъ поступилъ такъ съ послѣдней отраслью Сунговъ... но я этого не сдѣлаю. Предки князя Ман-ти-липала были, въ теченіе вѣка, властителями Китая; мои предки были ихъ подданными! Я это помню.—И герой пожаловалъ плѣннику княжескій титулъ, далъ свиту и съ почестями помѣстилъ во дворцѣ. Такъ умѣлъ этотъ государь соединять требованія политики съ законами человѣколюбія,—а это, замѣтимъ, не легкая задача!

Великій Хунг-ву умеръ въ 1398 г., завѣщая престолъ своему внуку ***Кіэн-вен-ти***, черезъ четыре года свергнутому роднымъ дядей, благодаря предательству вельможъ. Мятежники овладѣли императорской резиденціей Нан-кингомъ, выжгли городъ и ограбили дворецъ. Обривъ голову и переодѣвшись въ платье бонза, императоръ бѣжалъ въ отдаленную область Юн-нанъ, гдѣ прожилъ 38 лѣтъ и написалъ поэму о своихъ бѣдствіяхъ. Эта поэма дошла до царствовавшаго тогда сына похитителя престола, который велѣлъ привезти несчастнаго изгнанника въ Пе-кингъ, гдѣ онъ и умеръ въ заточеніи.

Съ 1403 по 1522 годъ не находимъ въ лѣтописяхъ Китая ни одного событія, имѣющаго какое либо отношеніе къ религіи государства. Императоръ за императоромъ смѣняются утомительной, однообразной чередой, какъ призраки королей Англіи въ пещерѣ вѣдьмъ передъ глазами Макбета. Невольно хочется сказать его же словами: „этимъ призракамъ кажется не будетъ конца!" Одинъ уменьшаетъ налоги, другой ихъ увеличиваетъ; тотъ издаетъ новыя узаконенія, этотъ ихъ отмѣняетъ. Для разнообразія рѣжутся, воюютъ съ кохинхинцами и татарами, и такимъ образомъ проходитъ почти полтора столѣтія, въ теченіе котораго Китай находится въ какомъ-то горячечномъ, напряженномъ состояніи. Въ 1522 г. видимъ на императорскомъ престолѣ идіота ***Ши-тсунга***—игрушку бонзовъ, гонителя доктрины Кунг-фу-тси. Согласно внушеніямъ жрецовъ ламаитовъ и Тао, онъ велѣлъ повсемѣстно истребить въ храмахъ изображенія Кунг-фу-тси и учениковъ его, конечно, забывая, что въ этихъ бездушныхъ истуканахъ было болѣе смысла, нежели въ его головѣ. Въ 1550 году татары съ 60,000 арміею подступили къ столицѣ, но были опрокинуты; 1555, 56 и 1563 года ознаменованы безуспѣшными вторженіями японцевъ... Народъ бѣдствовалъ, обремененный налогами и разоренный войнами. Въ 1566 г. Ши-тсунгъ, отравленный бонзами, избавилъ тронъ отъ безполезнаго бремени, а китайскія лѣтописи отъ нѣсколькихъ позорныхъ страницъ, изъ которыхъ составлено описаніе его нелѣпаго царствованія.

Наконецъ-то видимъ на китайскомъ престолѣ порядочнаго человѣка въ лицѣ ***Шин-тсунга*** (1573 — 1619), царствованіе котораго хотя и протекло въ войнахъ съ татарами, но тѣмъ не менѣе было благотворно для имперіи. Послѣдніе годы XVI и первые XVII вѣка ознаменованы были появленіемъ въ Китаѣ христіанскихъ миссіонеровъ въ лицѣ францисканцевъ и іезуитовъ.

Здѣсь кстати будетъ сдѣлать бѣглый обзоръ сношеній европейцевъ съ Китаемъ со временъ Марко-Поло.

Въ 1517 году португалецъ ***Фернандъ Пересъ д'Андрада***, съ промышленною цѣлью прибылъ въ Кантонъ, гдѣ заключилъ торговый договоръ и возвратился въ Малакку. ***Другъ*** Игнатія Лойолы, ***святой*** (одно съ другимъ плохо ладится!) ***Францискъ Ксаверій*** (François Xavier) умеръ 2 декабря 1552 г. въ виду береговъ Китая, куда ѣхалъ изъ Японіи и былъ погребенъ на островѣ Сянь-сянѣ. По порученію московско-англійской компаніи, ***Ричардъ Джонсонъ*** и ***Антоній Дженкинсонъ*** ѣздили въ Китай и Татарію, первый въ 1557, второй въ 1559 году. Въ 1580 году въ Небесную имперію по порученію Филиппа II путешествовалъ ***Іоаннъ Гонсалесъ Мендоса***. Наконецъ, въ исходѣ XVI вѣка, бывъ въ Китаѣ съ миссіей францисканцевъ ***Марселло Рибаденейра***, напечатавшій въ 1601 г. любопытную реляцію о ихъ богоугодномъ путешествіи. Изъ первыхъ іезуитскихъ мисіонеровъ назовемъ ***Михаила Рогеріуса*** (1581), ***Матео Риччи*** и ***Альвареса Семмедо***. Ученый іезуитъ о. Купле (Couplet) пишетъ въ своей исторіи, что въ 1615 году, въ Нанг-кинѣ было первое гоненіе проповѣдниковъ св. Евангелія.

Вѣрные основному правилу своего устава, іезуиты для достиженія благой цѣли употребляли всѣ возможныя, какъ позволительныя, такъ и непозволительныя средства. Въ отношеніи научномъ, заслуги іезуитовъ конечно выше всякой похвалы; къ сожалѣнію нельзя сказать того же о ихъ дѣйствіяхъ на высокомъ поприщѣ распространенія ученія Христова въ языческомъ Китаѣ и въ этихъ двусмысленныхъ дѣйствіяхъ — главная причина гоненій, которыя навлекли на себя іезуиты отъ китайскихъ императоровъ.

Служившій долгое время при нашей русской миссіи въ Пе-кинѣ докторомъ, покойный ***П. Е. Кириловъ*** (1) разсказывалъ мнѣ

(1) Не въ этомъ слабомъ трудѣ моемъ, но въ произведеніи болѣе достойномъ памяти этого прекраснаго человѣка, желалъ бы я посвятить ему нѣсколько задушевныхъ строкъ. Непонятый и неоцѣненный по достоинству, покойный П. Е. Кириловъ безвѣстно жилъ, безвѣстно угасъ и скромная его могила нѣмой упрекъ тѣмъ, которые не хотѣли дать хода этому благороднѣйшему и даровитому человѣку. Онъ изучилъ и зналъ Китай такъ, какъ можетъ быть немногіе у насъ знаютъ Россію. Завѣтной его мечтой было ознакомить нашу промышленность съ тѣми ея отраслями, которыя доведены въ Китаѣ до совершенства. Изучивъ на мѣстѣ *чайное* садоводство, П. Е. Кириловъ опытами доказывалъ возможность разведенія и произращенія чая въ Россіи, въ мѣстахъ представляющихъ для плантацій благопріятнѣйшія климатическія условія. Онъ *безплатно* предлагалъ подѣлиться своими свѣдѣніями съ желающими—но охотниковъ не нашлось и соотчичи ему отвѣчали самымъ презрительнымъ равнодушіемъ... Тихо и безропотно покорился онъ своей участи и тихо, безвозвратно сошелъ съ земнаго своего поприща...

(въ 1858 г.) о своихъ бесѣдахъ съ княземъ императорской фамиліи, именно о великомъ вопросѣ распространенія христіанства въ Китаѣ и вотъ, съ его словъ, отзывъ князя о дѣйствіяхъ европейцевъ:

„Вы думаете (говоритъ князь П. Е. Кирилову), что наши ученые пренебрегаютъ божественнымъ ученіемъ Іисуса Христа? Ошибаетесь! Евангеліе, переведенное на китайскій языкъ іезуитами, читано и перечитано нами много разъ и мы, право, не такъ тупоумны и упрямы, чтобы не сознавать мудрости этого ученія; но... прежде нежели стараться проповѣдывать это ученіе въ имперіи, населенной сотнями миліоновъ жителей и склонять ихъ отречься отъ вѣры праотцевъ—не мѣшало бы вамъ, господа европейцы, уладиться между собою въ основныхъ догматахъ христіанства. Были у насъ мисіонеры — католики, старавшіеся внушать намъ, что глава церкви христіанской ихъ *папа*—святой и непогрѣшимый; англичане, голландскіе купцы—говорятъ другое; вы, русскіе—послѣдователи, опять, иныхъ догматовъ. Кого же намъ слушать? Почему у васъ это разнорѣчіе и почему до сихъ поръ вы—европейцы, не исповѣдуете вѣры Христовой единодушно и всѣ одинаково?“

Достигнувъ въ нашемъ историческомъ очеркѣ эпохи, съ которой Китай перестаетъ быть какой-то баснословной страной и прекращая обзоръ политической исторіи этой имперіи—мы займемся теперь повѣствованіемъ объ обрядахъ и обычаяхъ страны, начиная

его перечнемъ всѣхъ праздниковъ и обрядовъ, совершаемыхъ въ Китаѣ во всѣхъ трехъ владычествующихъ тамъ вѣроисповѣданіяхъ, т. е. у послѣдователей законовъ Тао, Кунг-фу-тси и буддизма.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Календарь. — Главнѣйшіе религіозные и гражданскіе праздники трехъ владычествующихъ вѣроисповѣданій (1).

I Луна.

Февраль 12 (1) день. Праздникъ новаго года. Торжествуется пышно и повсемѣстно; начинается съ вечера послѣдняго дня истекающаго года. Прекращеніе работъ и пріостановка дѣлъ торговыхъ и государственныхъ; суды закрываются за десять дней, отсылка почтъ пріостанавливается. Съ самаго ранняго утра всѣ сословія отправляются въ храмы на молебствія, совершаемыя съ узаконенными, для этого празднества, обрядами. Подчиненные ходятъ съ поздравленіями къ начальникамъ, младшіе къ старшимъ, дѣти къ родителямъ, рабы къ господамъ. Вечеромъ, въ каждомъ домѣ собранія родныхъ, заключающіяся, сообразно средствамъ хозяина, болѣе или менѣе роскошнымъ пиромъ. Появленіе новой луны привѣтствуютъ въ Пе-кингѣ звономъ въ большой колоколъ, въ императорскомъ дворцѣ барабаннымъ боемъ и пушечной пальбою. Днемъ по улицамъ городовъ носятъ процессіями идоловъ, сопровождаемыхъ духовенствомъ съ кадильницами, значками и хорами музыкантовъ, съ трубами и барабанами. Эти процессіи продолжаются три дня; каждая изъ нихъ заключается иллюминаціей и фейерверками. Китайцы въ эти дни вмѣняютъ себѣ въ обязанность пріодѣться въ новыя платья (чтобы весь годъ ходить въ обновкахъ), покончить всѣ прошлогодніе расчеты и расплатиться съ долгами. „Однимъ словомъ“, разсказываютъ мисіонеры — „новый годъ въ Китаѣ празднуется такъ же точно, какъ и у насъ въ Европѣ. Отъ первѣйшаго богача или сановника—до послѣдняго раба, каждый китаецъ ожидаетъ и себѣ, и желаетъ своимъ ближнимъ всевозможныхъ благъ, успѣховъ, счастья, здоровья, богатствъ... Какъ будто новый годъ имѣетъ какое нибудь вліяніе на участь людей!..“

13 (2) день. Празднованіе памяти знаменитаго воина Чи-та, приглашеннаго къ богамъ. Праздникъ этотъ особенно соблюдается военными.

17 (6) день. Буддійскій праздникъ Тинг-куангъ.

18 (7) день. Рожденіе человѣка (Джин-ійи). Праздникъ этотъ, по мнѣнію мисіонеровъ, установленъ въ воспоминаніе сотворенія міра; созданіе человѣка и дня отдохновенія Творца вселенной отъ чудесныхъ трудовъ мірозданія.

20 (9) день. Рожденіе Ю-хоанг-чинг-ти — божества исповѣдателей ученія Тао-ссе.

21 (10) день. Праздникъ пяти домашнихъ боговъ. Богамъ этимъ, хранителямъ каждаго дома, дѣлаютъ приношенія и молятся о покровительствѣ. Поклоненія имъ же воздаются въ десятый день каждаго изъ четырехъ послѣдующихъ мѣсяцевъ.

26 (15) день. Праздникъ фонарей. Перешелъ къ китайцамъ (по всей вѣроятности) отъ индусовъ, хотя китайцы о происхожденіи его разсказываютъ совсѣмъ иное. По ихъ сказаніямъ, праздникъ установленъ въ первые годы основанія Небесной Имперіи однимъ мандариномъ, который, потерявъ единственную свою дочь на берегу рѣки, проискалъ ее цѣлую ночь, сопровождаемый всѣми жителями округа съ зажженными фонарями. По другимъ сказаніямъ, жители отыскали такимъ образомъ какого-то другаго мандарина, утонувшаго въ рѣкѣ. Оба сказанія не заслуживаютъ вѣры, уже единственно потому, что обычай одной области не могъ распространиться по всей имперіи, не могъ соблюдаться такъ свято въ теченіе многихъ десятковъ вѣковъ. Всего вѣроятнѣе праздникъ

(1) Составлено по альманаху на 1850 годъ, изданному въ Кантонѣ М. С. Уэльсъ-Уилльямсомъ. Въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ число праздниковъ не уменьшилось и не умножилось.

фонарей — есть праздникъ въ честь солнца и огня, подобно индусскому (см. Индія. Гл. XII, стр. 96 и XV—123). Воздавъ честь новой лунѣ, начинающей годъ, китайцы праздникомъ фонарей чествуютъ солнце — неизсякаемый источникъ жизни, дающій тепло и свѣтъ, въ особенности же способствующій растительной силѣ земли. Послѣднее, немаловажная заслуга въ глазахъ народа, у котораго земледѣліе составляетъ, такъ сказать, религіозный догматъ.

„Изъ всѣхъ китайскихъ праздниковъ, говоритъ абатъ Грозье (¹), праздникъ фонарей самый веселый, торжественный и самый дорогой въ денежномъ отношеніи. Начинается онъ еще съ вечера 13 дня и оканчивается въ ночь съ 16 на 17 день. Торжествуется этотъ праздникъ по всей имперіи и можно сказать, безъ преувеличенія, что въ эти три дня весь Китай въ огнѣ. Города, деревни, берега рѣкъ, поморья, окраины дорогъ озарены и окаймлены безчисленнымъ множествомъ фонарей всевозможныхъ колеровъ и величинъ; ими украшаются и дворцы, и хижины, и храмы, и тюрьмы. Суда и джонки, стоящія въ гавани, украшаются фонарями по мачтамъ и реямъ. Жители, одинъ предъ другимъ, состязаются въ роскоши украшеній и величинѣ фонарей; у богачей горятъ фонари цѣною отъ полуторы до двухъ тысячъ рублей штука. Есть напримѣръ фонари отъ двадцати до тридцати квадратныхъ футъ (отъ 3 до 4 квадр. сажень) величиною. Это не фонари, а цѣлые павильоны, склеенные изъ бумаги или прозрачной шелковой матеріи. Стоящіе внутри искусники показываютъ на стѣнкахъ подвижныя тѣни движущихся куколокъ, разыгрывающихъ цѣлыя пантомимы. Эта забава подъ именемъ *китайскихъ тѣней* перешла впослѣдствіи и къ европейцамъ. Другіе огромные фонари освѣщаются изображеніями фантасмагоріи или прелестными подвижными картинами волшебныхъ фонарей, внутри ихъ разставленныхъ“ (²).

(¹) Abbé Grosier: Description de la Chine P. 1818- 7 v. 8°. Tome V, pp. 386—389.

(²) Такъ называемые китайскіе фонари или кіа-кинги вошли въ употребленіе для иллюминацій въ Европѣ, въ исходѣ минувшаго столѣтія, а у насъ только съ двадцатыхъ годовъ текущаго.

Кромѣ упомянутыхъ фонарей-великановъ существуетъ еще множество другихъ, замѣчательныхъ по красотѣ фасоновъ и изяществу украшеній. Большею частью они бываютъ шестиугольные, со стѣнками въ 4 фута вышины и 1½ ширины, вставленными въ превосходно выточенныя и раззолоченыя рамки. На этихъ стѣнкахъ, обтянутыхъ тафтой, рисуютъ съ неподражаемымъ искуствомъ цвѣты, бабочекъ, животныхъ и человѣческія фигуры. Верхніе углы рамокъ висячихъ фонарей украшаютъ флагами или раззолочеными фигурками идоловъ, а къ низу прикрѣпляютъ разноцвѣтныя шелковыя кисти. Надобно сознаться, что мы, европейцы, далеко отстали отъ китайцевъ и въ искуствѣ иллюминацій и въ пиротехніи—какъ увидимъ ниже.

Формы фонарей и матеріалы, изъ которыхъ они дѣлаются, неисчислимы. Бываютъ фонари трехъугольные, пирамидальные, кубическіе, круглые и цилиндрическіе; въ видѣ вазъ съ цвѣтами: розъ, лилій, тюльпановъ, піоновъ: въ видѣ плодовъ, бабочекъ, рыбъ, звѣрей и т. д. Разноцвѣтная бумага, шелковая ткань, стекло, рогъ, перламутръ, черепаха — таковы матеріалы, употребляемые китайцами для постройки ихъ фонарей, за которые, какъ мы уже говорили, охотниками платятся огромныя суммы. Фейерверки—неизбѣжная принадлежность праздника фонарей; и по этой части, китайцы, надобно отдать имъ справедливость, не могутъ имѣть не только соперниковъ, но и подражателей. Кроткій, миролюбивый народъ этотъ, которому порохъ былъ извѣстенъ за нѣсколько вѣковъ до знакомства европейцевъ съ этимъ проклятымъ зельемъ—предпочитаетъ употреблять его не на пагубу ближняго, а на свою потѣху. Просвѣщенные европейцы изобрѣтаютъ да придумываютъ разрывные снаряды, нарѣзныя пушки, дальнострѣльныя игольчатыя ружья, боевыя ракеты да подводныя мины... а простяки китайцы изощряютъ свой умъ-разумъ на усовершенствованіе горючихъ составовъ для потѣшныхъ огней: въ ихъ рукахъ порохъ и горючіе составы не адскія чудовища, не сѣятели ужаса и смерти, а только веселые забавники, шуты... И право, если поразмыслить, то фейерверочная шутиха на столько же лучше и выше какой нибудь конгревовской ракеты — на сколько каждый добрый и смирный человѣкъ выше и почтеннѣе душегубца или

палача, хотя бы тотъ или другой и маскировались громкимъ именемъ великаго полководца или завоевателя!

Лордъ Мекартни (¹), очевидецъ китайскаго фейерверка во время праздника фонарей, говоритъ, между прочимъ: „меня въ особенности удивилъ зеленый ящикъ въ пять квадратныхъ футовъ вышиною, поднятый футовъ на шестьдесятъ отъ земли посредствомъ блока и ворота. Внутренность ящика была устроена такимъ образомъ, что при подъемѣ на эту высоту, онъ вдругъ разсѣлся и изъ него вытянулось двадцать или тридцать проволокъ, постепенно унизывавшихся разноцвѣтными фонарями; послѣднихъ было, по крайней мѣрѣ, до пятисотъ и всѣ были зажжены и превосходно разцвѣчены горѣвшими въ нихъ огнями. Фонари, мнѣ казались, были бумажные или матерчатые. Они опускались и складывались въ разнообразные узоры нѣсколько разъ, мѣняя при этомъ и цвѣта. По обѣимъ сторонамъ большаго ящика висѣли другіе, поменьше — изъ нихъ выходили огненныя сѣтки самыхъ причудливыхъ узоровъ, въ видѣ круговъ, четырехъ, шести и восьмиугольниковъ и ромбовъ. Сѣтки эти сверкали какъ яркая бронза, а когда по нимъ пробѣгалъ вѣтеръ, изъ нихъ отдѣлялись молніевидные лучи, переливавшіеся всѣми цвѣтами радуги. Фейерверкъ окончился букетомъ, т. е. взрывомъ множества ракетъ, швермеровъ, жаворонковъ, бураковъ и разноцвѣтныхъ звѣздъ.“

Водяные фейерверки у китайцевъ не менѣе изящны. На рѣкѣ или по взморью плаваютъ цѣлыя флотиліи огненныхъ кораблей, стаи лебедей, утокъ или морскія чудовища. Красота подобнаго зрѣлища выше всякаго описанія (²).

Мартъ. 2 (19) день. Рожденіе Чанг-чуна, знаменитаго врача, боготворимаго сектаторами Тао-ссе. Съ утра до вечера изображеніе этого святаго украшаетъ окна докторскихъ лавочекъ.

4 (21). Обрядъ умилостивленія: за дверьми каждой

(¹) L. Macartnecy and G. Staunton: An authentic account of an ambassy from the king of great Britain to the emperor of China 1797, London 2 v. 4°.

(²) Abbi Grosier Г, VII p. p. 201—216.

комнаты во всякомъ домѣ становятъ два лѣпныя или живописныя изображенія дѣтей.

II Луна.

15 (2) день. Рожденіе домашнихъ боговъ. Съ утра и до вечера представленіе религіозныхъ драмъ и комедій (мистерій) на переносныхъ уличныхъ и площадныхъ театрахъ. Съ сумерекъ иллюминація и фейерверки.

16 (3) Рожденіе Вен-чанг-ти-кіуна, бога словесности и покровителя литераторовъ. Идоловъ его выставляютъ въ академіяхъ, храмахъ Кунг-фу-тси и въ амфитеатрахъ литературныхъ состязаній. Писатели и ученые дѣлаютъ ему приношеніе.

19 (6) день. Рожденіе Тонг-хоа-ти-кіуна или *владыки восточнаго цвѣтка*, божества Тао-ссе. Представленіе мистеріи: *Сновидѣніе Ліу-тонг-пина* — произведенія совершеннѣйшаго изъ всѣхъ прочихъ произведеній китайской религіозной литературы.

Прологъ переноситъ зрителя въ рабочій кабинетъ (*чаи*) бога Танг-хоа-ти-кіуна, которому духи пяти священныхъ горъ ежедневно доносятъ о томъ что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Желая отдохнуть отъ продолжительныхъ занятій, богъ обращаетъ свои взоры на землю и восхищается прозрачностью воздуха. На землѣ, въ городѣ Го-нан-фу, богъ видитъ молодаго бакалавра *Ліу-Йен-тонг-пина*, котораго можно преобразовать и просвѣтить свѣтомъ истины, обративъ къ закону Тао-ссе. Это порученіе богъ возлагаетъ на безсмертнаго отшельника (*сіенъ*), по имени *Янг-тси*— человѣка глубокой учености, обладающаго искуствомъ дѣлать золото, обращать людей въ животныхъ и воскрешать усопшихъ. Янг-тси, покорный волѣ божіей, отправляется на землю, прямо въ гостинницу, содержимую духомъ въ образѣ женщины. Сюда же вскорѣ приходитъ и бакалавръ, чтобы отдохнуть и закусить на перепутьи. Хозяйкѣ онъ велитъ сварить себѣ просяной каши и, въ ожиданіи, между нимъ и Янг-тси завязывается разговоръ, въ которомъ отшельникъ всячески старается обратить

бакалавра на *путь истинный* (Тао). „Отрекись отъ свѣта и всѣхъ его прелестей", говоритъ онъ, между прочимъ, молодому человѣку—„блага, которыя манятъ тебя въ свѣтъ—блага тлѣнныя. Ни жизни, ни смерти ты не понимаешь. Послѣдуй доброму совѣту—отрекись отъ міра! —Бакалавръ возражаетъ, что не затѣмъ онъ учился, чтобы сдѣлаться сектаторомъ Тао-ссе; что за труды свои онъ ищетъ наслажденій—„а какія у васъ наслажденія?" спрашиваетъ онъ совѣтчика.

„Да совсѣмъ не тѣ, что ваши, свѣтскія," отвѣчаетъ Янг-Тси. – „На вершинѣ Куэн-луна (жилища безсмертныхъ) мы срываемъ звѣзды; песокъ, собираемый нами на горѣ Таи-чанъ, золотой песокъ. Тамъ, небо отъ головы нашей не далѣе двухъ, трехъ вершковъ, а земля кажется оттуда не болѣе рыбки. Однажды соединясь съ Тао, человѣкъ не старѣется и живетъ вѣчно. Онъ познаетъ истину, укрощаетъ драконовъ и смиряетъ тигровъ!"

Затѣмъ слѣдуетъ длинное исчисленіе всѣхъ прелестей пустынническаго житія и его преимуществъ предъ мірскимъ житьемъ. Наши раскольничьи рапсодіи о *матушкѣ пустынѣ* и разглагольствованіе старца, убѣждающаго *млада вьюношу* (т. е. юношу) покинуть міръ—сколокъ съ этой сцены китайской мистеріи. Но у насъ вьюношъ увлекается росказнями старца, а въ китайской мистеріи бакалавръ засыпаетъ подъ увѣщанія Янг-Тси. Пустынникъ говоритъ, что онъ проспитъ восемнадцать лѣтъ и уходитъ; однакоже тотчасъ по его уходѣ бакалавръ просыпается и даже не поѣвъ заказанной имъ просяной каши, садится на своего осла и уѣзжаетъ изъ гостиницы. Между прологомъ и первымъ дѣйствіемъ мистеріи проходитъ 17 лѣтъ антракта. Въ этотъ періодъ бакалавръ блистательно выдержалъ экзамены на ученую степень и на военный чинъ; женился на красавицѣ Тсун-нго, дочери губернатора Као, прижилъ съ нею двухъ дѣтей, сына и дочь—и, наконецъ, получилъ должность военачальника Цай-чу. Первый актъ драмы начинается тѣмъ, что бывшій бакалавръ отправляется усмирять мятежниковъ и приходитъ къ своему тестю Као для прощанія. Этотъ Као никто иной, какъ безсмертный пустынникъ Янг-тси, принявшій на себя видъ губернатора. Прощаясь съ зятемъ, онъ подчуетъ его *виномъ прощанія*, отъ котораго военачальникъ вскорѣ хмѣлѣетъ. — Воздерживайся же отъ вина, говоритъ ему Као, — ты видишь, какъ оно тебѣ вредно.—„Клянусь больше никогда его не пить", обѣщаетъ Ліу-тонгъ—и этимъ оканчивается первое дѣйствіе. Во второмъ, видимъ, что старикъ Као умеръ; дочь его, жена Ліу-тонга, пользуясь отсутствіемъ мужа, дѣлаетъ преступную связь съ сыномъ предсѣдателя уголовнаго суда. Ліу-тонгъ съ своей стороны, усмиривъ мятежниковъ, предался другой, не менѣе позорной страсти—сребролюбію. Онъ продалъ за огромное количество золота и жемчугу то самое поле сраженія, на которомъ одержалъ побѣду надъ мятежниками и отягощенный этой позорной данью, возвращается домой, гдѣ неожиданно застаетъ жену съ ея любовникомъ въ нѣжной бесѣдѣ... Любовникъ убѣгаетъ; мужъ, въ порывѣ ярости, хочетъ убить измѣнницу—но щадитъ ее, благодаря мольбамъ стараго слуги *Йуенъ-конга* (который опять же, никто другой какъ безсмертный отшельникъ). Пощада жены не спасаетъ однако же преступнаго, по своему, мужа. Ліу-тонга за продажу поля сраженія, за грабительство и за самовольную отлучку съ своего поста судъ приговариваетъ къ смертной казни. Императоръ, принимая во вниманіе прежнія заслуги Ліу-тонга, замѣняетъ смертную казнь изгнаніемъ. Тутъ Ліу-тонгъ задумывается надъ своей жизнію со всѣми ея заблужденіями и ошибками... Къ обѣту, данному покойному тестю—воздерживаться отъ вина, онъ присоединяетъ еще два обѣта: *нищеты* и *цѣломудрія*. Въ исполненіи послѣдняго онъ подаетъ прошеніе о разводѣ съ женою. Коварная Тсунг-нго въ восторгѣ, но требуетъ отъ мужа, чтобы онъ оставилъ ей дѣтей. „Какое мнѣ дѣло", говоритъ преступница—„что вы преступили законъ! Дѣтямъ не слѣдуетъ идти съ отцомъ—преступникомъ!..." (¹) Тутъ мужъ и жена отнимаютъ дѣтей другъ отъ дружки, и въ эту борьбу вмѣшивается начальникъ этапной команды, которому поручено выпроводить

(¹) Этотъ ядовитый упрекъ мужу, въ устахъ жены-измѣнницы—обличаетъ въ авторѣ глубокаго психолога, а главное знатока женскаго сердца. Фраза, достойная героини Шекспира!

Ліу-тонга за границу. Онъ рѣшаетъ, чтобы дѣти шли съ отцомъ, а не съ распутной матерью.

Дѣйствіе третье—степь, зыбучіе пески и знойное небо... Здѣсь этапные покинули изгнанника и его дѣтей на произволъ судьбы. Несчастные скитальцы въ лохмотьяхъ, босые, изнуренные голодомъ и жаждой, падаютъ отъ изнеможенія.

Эта сцена, въ своемъ родѣ, верхъ совершенства и предъ китайскимъ поэтомъ блѣднѣетъ даже великій Данте, воспѣвшій въ своемъ *Адѣ* страданія Уголино со своими внуками въ Башнѣ голода! Замѣтимъ еще, что сцена эта всего болѣе понятна китайцамъ, часто терпящимъ отъ голода, а потому искренно сочувствующимъ страданьямъ героя трагедіи... Богъ, однако же, внимаетъ мольбамъ отца и воплямъ дѣтей, и посылаетъ къ нимъ на помощь безсмертнаго отшельника, въ видѣ дровосѣка. Ліу-тонгъ, разсказываетъ ему о всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ, и проситъ указать дорогу (Тао). Мнимый дровосѣкъ отвѣчаетъ каламбурами:

— Коль скоро ты не знаешь *дороги*, я съ тобою поговорю о ***законѣ Тао-ссе***, передамъ тебѣ это *ученіе* и наставлю на ***истинный путь*** [1]!

При этомъ дровосѣкъ показываетъ страдальцу на гору, на вершинѣ которой видна убогая хижинка, куда и отправляется Ліу-тонгъ, взявъ съ собою дѣтей.

Четвертое дѣйствіе происходитъ въ этой хижинѣ, гдѣ пришедшаго Ліу-тонга встрѣчаетъ старушка, лицомъ напоминающая хозяйку гостинницы въ прологѣ. Она говоритъ, что душевно была бы рада пріютить Ліу-тонга съ его дѣтьми, но боится своего сына-разбойника, а потому и совѣтуетъ изгнаннику бѣжать, не теряя ни минуты... Поздно! Въ хижину входитъ разбойникъ (все тотъ же безсмертный отшельникъ): дѣтей Ліу-тонга бросаетъ въ пропасть, а ему рубитъ голову и...

И—мгновенно декорація перемѣняется: хижина превращается въ гостинницу пролога, старуха въ молодую хозяйку, разбойникъ въ

(1) На китайскомъ языкѣ слова: дорога, законъ Тао-ссе, ученіе и истинный путь выражаются однимъ словомъ— Тао.

мудраго отшельника, а Ліу-тонгъ здравый и невредимый по прежнему сидитъ за тѣмъ же самымъ столомъ, за которымъ сидѣлъ въ прологѣ.

— Ты спалъ восемнадцать лѣтъ! говоритъ ему собесѣдникъ.

— Быть не можетъ... Готова ли просяная каша, что я заказалъ?

— Нѣтъ еще! отвѣчаетъ хозяйка [1].

— Ты спалъ восемнадцать лѣтъ, подтверждаетъ пустынникъ.— Въ это время ты съумѣлъ побороть свои дурныя страсти и далъ великіе обѣты... Понялъ-ли ты меня?

— Понялъ, отвѣчаетъ Ліу-тонгъ и вижу, что жизнь есть сонъ... Учитель, теперь я вѣрю въ Тао!

Драма заключается апоѳеозомъ: Тонг-хоа-ти-кіунъ сходитъ съ неба на землю и беретъ Ліу-тонга въ обитель безсмертныхъ.

Такова мистерія, разыгрываемая сектаторами Тао-ссе, въ день рожденія ихъ божества Тонг-хоа-ти-кіунга.

26 (13) день. Рожденіе Гонг-чинга, бога Южнаго моря. День этотъ празднуется только въ Кантонѣ и его округахъ.

28 (15) день. Рожденіе Лао-кіуна или ***Лао-тси,*** великаго основателя секты Тао-ссе (религіи разума).

Апрѣль. 1 (19) день. Рожденіе Куан-гинъ (Дѣвственницы) богини—покровительницы китаянокъ, особенно почитаемой послѣдователями буддизма.

5 (23) день. Тсинг-мингъ (праздникъ мертвыхъ). Начинается чрезъ 125 дней послѣ зимняго солнцестоянія, когда солнце вступаетъ въ шестнадцатый градусъ знака Овна, т. е.—по нашему времясчисленію, 5 апрѣля. Тогда каждый китаецъ отправляется на могилы родителей для поминовенія согласно обрядамъ, закономъ предписаннымъ. Прійдя на могилу отца или матери вмѣстѣ съ чадами и домочадцами, китаецъ всего прежде очищаетъ могилу отъ разросшихся на ней сорныхъ травъ и кустарниковъ, чиститъ памятникъ и затѣмъ, разложивъ на могилѣ принесенные съ собою

(1) Этотъ вопросъ Ліу-тонга и отвѣтъ хозяйки вставлены затѣмъ, чтобы дать зрителю точнѣйшее понятіе о непродолжительности сна героя драмы—18 лѣтъ промелькнули для него какъ одно мгновеніе.

сосуды съ виномъ, плоды и мясо, падаетъ передъ нею ницъ. Послѣ поклоненія, принесенныя яства съѣдаются присутствующими. Буддисты и сектаторы Тао-ссе воздвигаютъ надъ могилами цѣлыя часовни, въ которыхъ, въ поминальные дни, совершаютъ богослужебные обряды.

7 (25) день. Рожденіе Хіуэн-тіанг-шинг-фу, отца повелителя преисподней, особенно чествуемаго сектаторами Тао-ссе. Около этого же времени у послѣдователей религіи разума праздникъ ихъ втораго божества *Хіуэн-Тіен-шанг-ти*, китайскаго Плутона. Главнѣйшій же изъ всѣхъ весеннихъ праздниковъ есть ***Праздникъ землепашества***, въ которомъ принимаетъ личное участіе самъ императоръ. Вотъ подробное описаніе этого прекраснаго торжества, изъ китайскаго *уложенія о церемоніяхъ*:

Для лучшаго почета, этому обряду оказываемаго, плугъ императора (*луи-ссе*) окрашенъ желтою краскою, а бичъ для побужденія быковъ сплетенъ изъ желтаго же шелку; ящикъ съ зернами для посѣва (*сіангъ*) цвѣта зеленаго. За императорскимъ плугомъ шествуютъ три императорскіе принца (*вангъ*) и девять сановниковъ (*кингъ*), каждый съ плугомъ, окрашеннымъ красной краской, съ бичемъ краснаго шелку и ящикомъ для зеренъ — чернымъ. Ящики должны быть наполнены зернами для посѣва (*чунг-лу*). Въ плугъ императорскій впрягаютъ желтаго вола; во всѣ прочіе — воловъ черныхъ.

На эту церемонію для соучастія, въ числѣ тридцати пяти человѣкъ, приглашаютъ старѣйшихъ земледѣльцевъ; прочіе же 42 пахаря должны распоряжаться и въ точности руководить участвующихъ въ обрядѣ землепашества. Два старѣйшіе земледѣльца ведутъ быка (*кіэн-ніеу*), впряженнаго въ плугъ императорскій, другіе два придерживаютъ рукоятку плуга (*фу-ли*). Плуги князей и сановниковъ ведутъ и придерживаютъ прочіе старцы-пахари. Шествіе открываетъ градоначальникъ Пе-кинга, въ полной парадной формѣ (*менг-пао*). Старцы, шествующіе впереди императора, одѣты въ зеленыя шелковыя платья (*тсинг-кіуэнъ*), прочіе же въ зеленыя холщевыя (*тсинг-поу*). Головы всѣхъ участвующихъ покрыты шапками, соотвѣтственными ихъ чинамъ (*тинг-мао*); на пахаряхъ шапки соярковыя съ каймами.

За три дня до праздника императоръ постится и приноситъ жертвы богу *Шанг-ти* и божествамъ, покровителямъ посѣвовъ, прося ихъ благословенія на труды землепашцевъ всей имперіи и о вознагражденіи ихъ обильною жатвою... Когда императоръ является на поле, градоначальникъ Пе-кинга подаетъ ему бичъ и провожаетъ до конца первой пройденной борозды. Императоръ дѣлаетъ своимъ плугомъ три борозды, князья — пять, вельможи — девять. По окончаніи церемоніи всѣ участвующіе совершаютъ троекратное колѣнопреклоненіе и девять разъ падаютъ ницъ. Императоръ со свитою удаляется во дворецъ, старцы земледѣльцы допахиваютъ полосы, пройденныя плугами императора, князей и вельможъ.

Надзоръ за всходами императорской полосы возлагается на особаго чиновника. Въ случаѣ находки, послѣднимъ, куста о тринадцати колосьяхъ — онъ обязанъ донести о томъ императору. Находка эта почитается благопріятнымъ предзнаменованіемъ. Сжатый и вымолоченный хлѣбъ ссыпается въ желтые шелковые мѣшки, которые складываются въ находящуюся при дворцѣ пекингскомъ ***житницу божественнао духа*** (шин-тсангъ).

III Луна.

26 (15) день луны. Рожденіе И-линг-тан-ти, знаменитаго китайскаго врача. Въ этотъ день больные молятся его памяти и дѣлаютъ приношенія его изображеніямъ.

29 (18) день. Праздникъ богини земли. Соблюдается особенно земледѣльцами и поселянами.

Май. 1 (20) день. Праздникъ матери семейства Тси-сун-ні-янг-ніангъ. Бездѣтные супруги, желающіе имѣть дѣтей, молятся и приносятъ жертвы этому божеству.

4 (23) день. Праздникъ небесной царицы (луны). По преданію она родилась въ области Фо-кіенъ, а потому здѣсь особенно чествуется и имѣетъ множество храмовъ и часовень. Ки-

тайскіе моряки признаютъ Небесную Царицу своей покровительницей.

IV Луна.

19 (8) день. Праздникъ Будды Сакія-муни.

25 (14) день. У сектаторовъ Тао-ссе *праздникъ угодника Ліу-тонг-пина*, героя мистеріи, содержаніе которой уже извѣстно читателю.

28 (17) день. Рожденіе Кин-хоа-фу-джинъ, святой покровительницы женщинъ. Матери семействъ прибѣгаютъ къ ней съ молитвами, въ случаѣ если дѣти захварываютъ корью.

29 (18) день. Праздникъ знаменитаго врача Хоа-то, причисленнаго къ божествамъ вскорѣ послѣ смерти. Больные молятся ему въ этотъ день о своемъ исцѣленіи.

31 (20) день. Посвященъ богинѣ—покровительницѣ слѣпыхъ, называемой *Іенъ-куанг шинг-му* (святая мать съ блестящими, полными огня, очами). Всѣ страдающіе глазными болѣзнями, очень обыкновенными въ Китаѣ, молятся этому божеству.

Іюнь. 4 (28) день. Праздникъ Йо-ванга—бога врачебнаго искуства, китайскаго эскулапа. О немъ сохраняется преданіе, будто онъ однажды воскресилъ мертваго.

V Луна.

14 (5) день. Гонка лодокъ, любимѣйшее игрище жителей приморскихъ областей. Гребцы перегоняются на длинныхъ, очень узкихъ катерахъ (*лонг-чуэнъ*), въ родѣ нашихъ *душегубокъ*. Лонгами называются они отъ китайскаго слова, означающаго дракона. Лонги бываютъ въ двадцать, тридцать и до сорока паръ веселъ. Игры эти, весьма рѣдко обходятся безъ несчастій.

VI Луна.

Іюль. 14 (6) день. По религіозному закону въ этотъ день китайцы провѣтриваютъ свои платья, постели и всю домашнюю рухлядь. Изъ этого явствуетъ, что и въ Китаѣ, какъ въ Индіи, сохраненіе здоровья вмѣняется въ непремѣнную обязанность и составляетъ религіозный догматъ. Опрятность, безспорно, одно изъ важнѣйшихъ гигіеническихъ условій, особенно въ жаркихъ странахъ; на сѣверѣ, напротивъ, неряшливость—вторая натура... Не можемъ забыть наивнѣйшаго отвѣта одного православнаго мужичка на нашу замѣтку о его неряшливости: „въ грязи теплѣе!“

21 (13) день. Праздникъ Лонг-Ванга или *царя драконовъ*, соблюдаемый преимущественно моряками. По народному преданію туловище дракона послужило образцомъ для сооруженія судна первому кораблестроителю. Въ этотъ же день плотники и каменьщики молятся своимъ богамъ-покровителямъ.

24 (16) день. Рожденіе Ванг-линга, славнаго царедворца, причисленнаго къ лику боговъ.

27 (19) день. Успленіе дѣвственницы Куанг-іинъ.

31 (23) день. Рожденіе бога огня. Празднуется публичными театральными представленьями на улицахъ и площадяхъ.

VII Луна.

Августъ. 8 (1) день. Поминовеніе усопшихъ. Жгутъ въ память почившихъ полосы бумаги, читаютъ молитвы и дѣлаютъ возліянія.

14 (7) день. Сошествіе на землю богинь семи планетъ. Праздникъ, соблюдаемый преимущественно женщинами.

29 (22) день. Праздникъ бога богатствъ и сокровищъ Тангъ-фу-тсаи-шина.

31 (24) день. По всей Китайской имперіи въ каждомъ городѣ высшіе сановники приносятъ жертву его богу-покровителю.

Сентябрь. 5 (30) день. Праздникъ буддійскаго святаго Ти-тсанг-ванг-шинга. Ему молятся объ отпущеніи грѣховъ.

VIII Луна.

6 (1) день. Праздникъ жатвы. Установленъ для чествованія неистощимой плодоносной силы земли—благодарственными молебствіями и народными игрищами. Продолжается пятнадцать дней, посвящаемыхъ посѣщенію храмовъ и театральнымъ представленіямъ. Театры строятся для этого въ городахъ и селахъ преимущественно по близости отъ *міао* (храмовъ) и часовень. Разыгрываемыя въ этотъ день мистеріи, какъ во всѣ праздничные дни вообще, служатъ какъ бы продолженіемъ богослужебныхъ обрядовъ.

7 (2) день. Праздникъ, посвященный богамъ земледѣлія.

8 (3) день. Праздникъ Ссе-минг-тсао-кіуна или повелителя генія домашняго очага (*тсао-минъ*).

10 (5) день. Праздникъ бога громовъ Луи-шинга.

IX Луна.

Октябрь. Съ 1 по 13 число. Съ перваго по девятый день луны *сошествіе на землю девяти божествъ, составляющихъ созвѣздіе Большой Медвѣдицы.* Праздникъ у сектаторовъ Тао-ссе.

13 (9) день. Посѣщеніе могилъ и поминовеніе усопшихъ.

Спусканіе дѣтьми бумажныхъ змѣевъ.

Въ эти же дни императрица мать или супруга приноситъ жертву *генію шелководства.* Она собственноручно собираетъ для этого древесныя листья въ дворцовой шелковичной рощѣ. Этотъ древнѣйшій обрядъ составляетъ какъ бы повтореніе *обряда землепашества.*

X Луна.

Ноябрь. 4 (1) день. Праздникъ Тонг-хоанг-та-ти, божества сектаторовъ Тао-ссе.

18 (15) день. Праздникъ Тхеу-мин-ліу-ссе, бога-покровителя больныхъ оспою. Кумиры его находятся во всѣхъ китайскихъ храмахъ.

30 (27) день. Повсемѣстное поклоненіе *богамъ пяти священныхъ горъ.*

XI Луна.

Декабрь. 17 (4) день. Рожденіе Кунг-фу-тси. Поклоненіе великому законодателю въ храмахъ, памяти его посвященныхъ.

20 (7) день. Праздникъ живаго Будды.

Январь. 1 (19) день. Великій праздникъ дѣвы Куан-іинъ.

XII Луна.

20 (8) день. Праздникъ въ воспоминаніе императорской охоты. У буддистовъ великій праздникъ *Юлай Будды* (по санскритски Татчагата).

4 (23) день. Праздникъ весны—соблюдаемый повсемѣстно. Раннимъ утромъ по главнымъ улицамъ каждаго областнаго города шествуетъ на *встрѣчу весны* (іинг-чунъ) огромная процессія, въ которой принимаютъ участіе всѣ жители. Кортежъ открываетъ градоначальникъ (*чи-фу*), въ цвѣточномъ вѣнкѣ и парадномъ одѣяніи, несомый на богатоубранномъ паланкинѣ. За нимъ слѣдуютъ нѣсколько покрытыхъ шелковыми тканями носилокъ, съ поставленными на нихъ идолами или живописными священными изображеніями. Хоръ музыки, горожане въ нарядныхъ платьяхъ; наконецъ ведутъ огромнаго, вылѣпленнаго изъ глины, буйвола, съ

позолоченными рогами. Его подгоняетъ, шелковой плеткой, мальчикъ, у котораго одна нога босая, другая въ обуви. Онъ изображаетъ генія *труда и прилежанія.* За нимъ слѣдуютъ земледѣльцы съ своими орудіями, толпы замаскированныхъ, наряженныхъ фигляровъ (¹).

Градоначальникъ, дойдя до восточныхъ воротъ города, возвращается во дворецъ со всѣми своими спутниками. Здѣсь, на площади, глинянаго буйвола разбиваютъ и всѣмъ присутствующимъ раздаютъ черепки и множество лѣпныхъ фигурокъ буйволовъ, которыми былъ начиненъ большой буйволъ... Тогда церемонія заключается рѣчью градоначальника, въ которой онъ восхваляетъ земледѣліе (главнѣйшее изъ всѣхъ ремеслъ человѣческихъ), и всеобщимъ молебствіемъ.

5 (24) день. Богъ домашняго очага (Тсао-шинъ), незримо присутствующій въ каждомъ домѣ, записавъ всѣ дѣянія жильцовъ, какъ злыя, такъ и добрыя, возносится на небо, чтобы сдѣлать о нихъ докладъ Богу. Имя собственное этого домашняго божества ***Тан***—фамилія ***Чангъ***, почетное его прозвище ***Тси-куо.*** Его изображаютъ обыкновенно въ красномъ одѣяніи. У него есть жена ***Кинг-ки*** и шесть дочерей, съ однимъ именемъ ***Тхса.*** Къ этому божественному семейству питаютъ особенное благоговѣніе последователи ученія Тао-ссе.

11 (30) день. Сошествіе боговъ на землю.

(¹) Эта процессія напоминаетъ древнюю, донынѣ совершаемую во Франціи прогулку во вторникъ первой недѣли великаго поста (le boeuf gras), заимствованную, безъ всякаго сомнѣнія, западными народами у восточныхъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Исповѣданіе Ю.—Обрядъ трехъ разрядовъ. — Цвѣта одѣяній при молитвахъ.—Жрецы.—Жертвы.—Великій обрядъ.—Два раскола въ исповѣданіи Ю.—Приказъ духовныхъ дѣлъ.—Божество исповѣданія Тао.—Волхвы и чародѣи. Звѣри.—Кошка и особенности ея зрачковъ.—Поклоненіе компасу.—Средство противъ бури.—Наказаніе идоловъ.—Гнусное кощунство въ южной Европѣ.—Исповѣданіе Фо.—Тримурти, Дхарма, Санга, Бонзы.—Степени ихъ.—Одежда бонзовъ.

Владычествующее вѣроисповѣданіе въ Китаѣ, какъ мы уже говорили, есть законъ ***Ю*** или ученіе Кунг-фу-тси. Жрецы этого толка подчинены императору, какъ главѣ религіи и, помимо дѣятельности духовной, исправляютъ должности намѣстниковъ, министровъ, директоровъ департаментовъ и занимаютъ важнѣйшія мѣста по военной службѣ.

Богослуженіе закона ***Ю*** дѣлится на три разряда: 1) ***Тао-ссе***—великія жертвоприношенія, 2) ***Чонг-ссе***—жертвоприношенія средвія и 3) ***Сіао-ссе*** — жертвоприношенія малыя. При обрядахъ перваго разряда воздаютъ поклоненіе исключительно землѣ и видимому небу. Послѣднее олицетворяетъ верховный разумъ, безконечное начало, Творца всего видимаго и невидимаго. При обрядахъ втораго класса поклоняются духамъ земли, такъ сказать мѣстнымъ богамъ. Ихъ олицетворяетъ булыжникъ, положенный въ храмѣ на алтарѣ, или даже на улицѣ на пьедесталѣ. Камню этому приношеній не дѣлаютъ, а только поклоняются ему при кажденіи ладаномъ; особенную чудотворную силу подобнымъ камнямъ приписываетъ только чернь, для высшихъ же классовъ и въ глазахъ просвѣщенныхъ людей эти камни только символы. Это у китайцевъ тоже, что изображеніе бога ***Терма*** у древнихъ римлянъ. Кромѣ духовъ земли, къ второклассныхъ божествамъ причисляются: солнце и луна, называемыя китайцами

свѣтомъ великимъ и ***свѣтомъ вечернимъ*** (¹); души усопшихъ мудрецовъ, просвѣтителей Китая, изобрѣтателей ремеслъ, наукъ и художествъ. Между послѣдними божествами особеннымъ уваженіемъ пользуется ***духъ словесности.***

Къ третьему разряду божествъ (самому многочисленному) принадлежатъ души знаменитыхъ усопшихъ: врачей, ученыхъ, государственныхъ мужей, мучениковъ за правду и воиновъ. Сюда же причисляются духи незримо присутствующіе при явленіяхъ атмосферическихъ, т. е. при дождѣ, вѣтрѣ, бурѣ и грозахъ. Особенныя божества или духи покровители есть и у пяти священныхъ горъ и четырехъ морей, у полковыхъ знаменъ. Кромѣ этихъ духовъ военные признаютъ своимъ божествомъ—покровителемъ древняго воина и богатыря ***Куан-ти***, признаваемаго защитникомъ нынѣ царствующей императорской династіи. Есть особыя божества почти у каждаго сословія. Духъ ***Конг-вангъ*** (царь-драконъ) правитель рѣкъ и источниковъ пользуется особеннымъ почтомъ у стражи Желтой рѣки, командъ водяныхъ сообщеній и смотрителей каналовъ. ***Тьянь-неу*** (небесная вода, дождь) — богиня покровительница рыболововъ и моряковъ. Ей же молятся и земледѣльцы во время бездождія и засухи.

Такимъ образомъ, вся видимая природа—предметъ обожанія для китайцевъ. Въ каждомъ изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ проявленій Силы небесной китайцы видятъ присутствіе Единаго. Верховный жрецъ (императоръ) при великихъ жертвоприношеніяхъ высшимъ силамъ природы облачается въ одѣянія особаго цвѣта. При поклоненіи небу—одежда императора ***голубая***, цвѣтъ видимой тверди; при поклоненіи его землѣ — одежда на немъ ***желтая***, цвѣтъ созрѣвшей жатвы; при поклоненіи солнцу—***красная***; при поклоненіи лунѣ—***бѣлая***. Присутствующіе при обрядахъ вельможи и жрецы облекаются въ платья парадныя цвѣтовъ закономъ установленныхъ. За исключеніемъ ***праздника***

(¹) Луну называютъ также и *небесною царицею*. Названіе солнца—царемъ, а луны—царицею, либо женою и мужемъ, сестрою и братомъ—почти повсемѣстно въ языческомъ мірѣ.

шелководства, никто изъ женщинъ, даже императорской фамиліи, не смѣетъ присутствовать ни при какомъ обрядѣ. Жрецы второстепенные должны быть нравственности безукоризненной. Бывшіе подъ судомъ или носящіе трауръ по близкимъ родственникамъ къ отправленію жреческой должности не допускаются. Приготовляясь, чтобы присутствовать при поклоненіи первоклаcснымъ божествамъ, жрецы обязаны совершить омовеніе, одѣться въ чистыя одежды и поститься три дня, въ теченіе которыхъ носятъ на шеѣ дощечку съ надписью: ***Чал-кіан*** (постъ). Въ теченіе этихъ трехъ дней, жрецы обязаны пробыть въ уединеніи, воздерживаясь въ особенности отъ нижеслѣдующихъ ***восьми*** вещей: 1) отъ участіи въ осужденіи преступника, 2) отъ участія въ пиршествѣ, 3) отъ слушанія музыки, 4) отъ сообщенія съ женщиной, 5) отъ посѣщенія больныхъ, 6) отъ присутствія на похоронахъ и ношенія траура, 7) отъ употребленія вина, 8) отъ вкушенія луку и чесноку.

Жертвы верховнымъ божествамъ состоятъ изъ быковъ, овецъ и свиней, прочія приношенія преимущественно изъ шелковыхъ тканей. Обреченныя на закланіе жертвы должны быть совершенно здоровы и преимущественно изъ черной масти. Время для жертвоприношенія небу —солнцестояніе зимнее, землѣ — лѣтнее. Алтарь для первыхъ—круглый, для вторыхъ — четырехъ-угольный,—правило неизмѣнное, завѣщанное вѣками. Жрецы, которые не соблюдаютъ какого нибудь изъ условій къ приготовленію себя для обряда, наказываются или денежнымъ штрафомъ или тѣлесно—бамбуковыми тростями, смотря по степени упущенія или провинности. За вмѣшательство въ обрядъ человѣка посторонняго, не имѣющаго духовнаго званія, послѣдній подлежитъ наказанію въ восемьдесятъ ударовъ бамбукомъ, даже, сообразно степени вины, и удавленію.

По разсказамъ очевидцевъ, обряды великаго жертвоприношенія, по ихъ пышности и торжественности — выше всякаго описанія. Императоръ шествуетъ къ мѣсту молебствія, сопровождаемый дворомъ, огромной свитою и первѣйшими сановниками. Его несутъ на парадномъ паланкинѣ, носильщики, одѣтые въ красныя платья, вышитыя золотомъ, съ головами, покрытыми блестящими касками.

За палапкиномъ несутъ множество разноцвѣтныхъ шелковыхъ знач-
ковъ и знаменъ... музыка, вокальная и инструментальная, довер-
шаетъ красоту этой великолѣпной картины. По достиженіи же
мѣста жертвоприношенія, эта недавняя пышность смѣняется умили-
тельной простотой, столь же сильно поражающей душу, какъ не-
давнее шествіе слухъ и зрѣніе. Самый этотъ императоръ сотеиъ
миліоповъ подданныхъ смиренно падаетъ ницъ передъ алтаремъ,
на которомъ начертано имя божіе (*Шанг ти*) и со всей ро-
бостью послѣдняго раба проситъ у Создателя милости своему
царству и всѣмъ въ немъ живущимъ. Эта обстановка церемоніи
и разумная ея программа дѣйствуютъ на народъ лучше всякихъ
словесныхъ наставленій, внушая ему глубочайшее благоговѣніе къ
Творцу вселенной. Дѣйствительно, можетъ ли кто изъ присут-
ствующихъ при молебствіи не смутиться, не умилиться душою,
видя властителя огромнаго царства, царя, за нѣсколько минутъ
передъ тѣмъ окруженнаго всѣми почестями, какія только могутъ
быть возданы смертному, падающаго въ прахъ передъ имепемъ
божіимъ и повергающаго предъ его алтаремъ всѣ свои почести?
„Какъ же долженъ быть великъ тотъ“, думаетъ китаецъ,— „если
величайшій изъ властителей земныхъ, въ сравненіи съ нимъ ни-
чтожнѣе червя, едва примѣтнаго глазу?!“

Классъ ученыхъ и писателей, послѣдователей закона Ю, мож-
но раздѣлить на двѣ категоріи. Къ первой принадлежатъ раціо-
налисты, толкъ которыхъ весьма близко подходитъ къ ученію
Спинозы; вторая категорія состоитъ изъ закоснѣлыхъ старообряд-
цевъ, подобно нашимъ, ни на одну іоту не отступающихъ отъ
ученія *древняго благочестія.* Само собою, есть тайная враж-
да между двумя лагерями, но не преступая за предѣлы благора-
зумія, она ограничивается журнальными перебранками, такъ какъ
мирные китайцы всегда предпочитаютъ проливать свою тушь
да переводить бумагу, нежели проливать кровь ближняго и ис-
треблять себѣ подобныхъ.

За ненарушимостью богослужебныхъ обрядовъ и сохраненіемъ
ихъ во всей первобытной чистотѣ наблюдаетъ ***приказъ обще-
ственнаго богослуженія*** или ***духовныхъ дѣлъ*** — совер-
шенное подобіе синода или консисторіи. Приказу издревле предо-

ставлена власть напоминать императору, а въ случаѣ надобности
и побуждать его, о ненарушимомъ соблюденіи узаконенныхъ обря-
довъ; этотъ же самый приказъ формулируетъ и молитвы, читае-
мыя императоромъ при великихъ молебствіяхъ. Вотъ, для образ-
чика одна изъ нихъ, читанная императоромъ при искупитель-
номъ жертвоприношеніи во время жестокой засухи 1832 года:

„Я, исполнитель велѣній небесныхъ, облеченный властью надъ
людьми, отвѣтствую за спокойствіе моего царства!

„Снѣдаемый скорбію великою, содрагаясь отъ ужаса, я прово-
жу ночи безъ сна, не вкушаю пищи... но благотворный дождь
все еще не орошаетъ землю, опаляемую зноемъ!

„Вопрошаю себя самого: соблюдены-ли мною всѣ правила жер-
твоприношеній; не закралась-ли въ сердце мое гордость или расто-
чительность; прилеженъ-ли я къ дѣламъ правленія? Не навлекъ-
ли я чѣмъ на себя охужденіе за неосторожное слово; праведно-
ли каралъ виноватыхъ и награждалъ заслуженныхъ; не стѣснилъ-
ли я народъ мой сооруженіемъ зданій, разведеніемъ садовъ; ра-
зуменъ-ли я былъ въ выборѣ чиновниковъ исполнителей моихъ
повелѣній?.. Не остался-ли гдѣ безъ отвѣта голосъ несправедливо
угнетеннаго? Въ прокъ-ли пошли выданныя отъ казны моей по-
собія голодающимъ въ южныхъ областяхъ; нѣтъ-ли тамъ умер-
шихъ съ голоду?

„Повергаясь въ прахъ, умоляю царственное Небо, да проститъ
Оно мнѣ слѣпцу-неразумному... Да не губитъ Оно изъ за меня,
изъ за одного меня тьмы тьмущія ни въ чемъ неповинныхъ. Мо-
имъ и только моимъ грѣхамъ нѣтъ числа!

„Прошу Небо царственное, повергаясь въ прахъ, прошу—да
освободитъ оно меня отъ этихъ мученій!“

Прямыхъ непосредственныхъ обязанностей человѣка къ небу не
показано ни въ одной изъ китайскихъ священныхъ книгъ (*Шу-
кингъ*), хотя въ сочиненіяхъ іезуитовъ-мисіонеровъ объ этомъ
очень много написано. Ошибаясь сами, мисіонеры вводили въ
ошибки и другихъ. Законъ *Ю*, т. е. вѣроисповѣданіе Кунг-фу-
тсе, право непосредственнаго обращенія съ молитвой къ Богу пре-
доставляетъ исключительно императору; всѣ-же прочіе жители не-
бесной имперіи могутъ молиться только духамъ второстепеннымъ,

т. е., какъ мы уже объясняли, которому нибудь изъ *безчисленныхъ* проявленій *единой* небесной силы.

Къ послѣдователямъ ученія *Тао*, основаннаго Лао-тси, принадлежитъ преимущественно чернь, т. е. большинство классовъ неграмотныхъ. Первоначальная доктрина великаго мудреца нынѣ превратилась въ грубое язычество. Подобно буддистамъ, послѣдователи закона *Тао* признаютъ тройственное божество, называемое ими *тремя чистыми* (подразумѣвается: силами, духами, божествами). Въ небесахъ это тройственное божество олицетворяютъ: солнце, луна и созвѣздія, и кромѣ ихъ — *великій ангелъ съ босыми ногами*, имя котораго, часто призываемое людьми, имѣетъ силу отвращать отъ нихъ всякія бѣдствія и скорби и давать вѣчное блаженство. Въ догматахъ Тао есть нѣкоторое сходство съ догматами Ю и Будды, съ тою только разницею, что духамъ злымъ и добрымъ предоставлена обширнѣйшая и почти независимая власть отъ верховнаго, тройственнаго божества. У послѣдователей Тао есть монастыри, мужскіе и женскіе; ихъ бонзы и бонзесы занимаются тайными науками, гаданіемъ и чародѣйствомъ. Съ давнихъ временъ они морочатъ легковѣрныхъ и алхимическими бреднями ослѣпляютъ чернь мнимыми чудесами магіи, астрологіи и некромантіи. Жертвоприношенія сектаторовъ Тао состоятъ изъ свиней, птицъ и рыбъ, т. е. живыхъ существъ *трехъ* разныхъ стихій: земли, воздуха и воды. Верховный жрецъ *тіэн-ссе* пользуется званіемъ мандарина и живетъ въ провинціи Кіанг-си въ великолѣпномъ дворцѣ. Сюда являются отовсюду многочисленные богомольцы: кто за врачебнымъ совѣтомъ, кто для совѣщаній и гаданія о будущемъ. Тіэн-ссе одѣляетъ каждаго амулетками, т. е. билетиками, исписанными таинственными знаками, за что и получаетъ болѣе или менѣе щедрую благостыню. Гаданій у сектаторовъ Тао безчисленное множество. Изъ нихъ особенно въ ходу гаданье дымомъ отъ сожигаемой черепашьей чешуи, волшебныхъ травъ, бумажекъ и кожи, на которыхъ пишутъ заклинанія. Кошка, сова, воронъ, змѣя — непремѣнные атрибуты волхва секты Тао; о каждомъ изъ этихъ животныхъ существуютъ странныя, баснословныя сказанія; каждое изъ нихъ подчинено какому нибудь духу. Такъ, напримѣръ, кошка посвящена солнцу и лунѣ, ибо по толкованію волхвовъ зрачки ея сокращаются подобно фазисамъ луны и вѣрно показываютъ полдень. Послѣднее свойство кошачьяго зрачка дѣйствительно достойно вниманія и въ этомъ читатель самъ можетъ убѣдиться на опытѣ. Зрачекъ у кошки, утромъ широко расходясь по глазному яблоку, постепенно съуживается къ полудню и принимаетъ въ это время видъ узкой, вертикальной расщелинки, въ видѣ овсянаго зерна. Въ этихъ самыхъ особенностяхъ кошачьихъ глазъ нѣкоторые ученые видѣли причину обоготворенія кошки въ древнемъ Египтѣ гдѣ, подобно тому какъ и въ Китаѣ, животное это было посвящено солнцу и лунѣ (Озимандy и Изидѣ). При леченіи наружныхъ и внутреннихъ болѣзней, сектаторы Тао прибѣгаютъ обыкновенно къ средствамъ симпатическимъ: нашептываньямъ, начитываніямъ, корешкамъ и т. п. глупостямъ, измышленнымъ невѣжествомъ и суевѣріемъ. Тысячи этихъ средствъ богъ вѣсть какимъ путемъ занесены и въ Европу, гдѣ очень многіе народы не пренебрегаютъ ими и понынѣ.

Изъ множества идоловъ и фетишей (обоготворяемыхъ вещей) особеннымъ почетомъ у сектаторовъ Тао пользуется мореходный *компасъ*. Они ему приносятъ жертвы, окуриваютъ его ладаномъ, а отправляясь въ морское путешествіе бросаютъ въ воду вырѣзанныя изъ золоченой бумаги лодки, человѣческія фигурки, чтобы этими приношеніями умилостивить море и предохранить себя отъ кораблекрушенія. Въ случаѣ неисполненія ихъ молитвы идоломъ, сектаторы Тао съ ними не церемонятся: они свергаютъ ихъ съ пьедесталовъ, бьютъ, сѣкутъ, а иногда и вовсе ломаютъ въ щепы или разбиваютъ въ дребезги... Такъ точно поступаютъ самоѣды и камчадалы со своими *бурханами*, такъ же точно (стыдимся вымолвить) во Франціи, Италіи и Испаніи, странахъ *христіанскихъ*, въ XVI и даже XVII вѣкѣ поступали съ изображеніями святыхъ, а въ благочестивой Италіи и донынѣ. Неаполитанскій *веттурино* (извощикъ) имѣетъ обыкновеніе каждый свой день посвящать какому нибудь святому и, выѣзжая, надѣваетъ себѣ на шею или на шапку его образокъ. Въ случаѣ наживы онъ чествуетъ его свѣчей или лампадой; въ случаѣ неудачи *за наказаніе* опускаетъ на веревочкѣ въ колодезь, вѣ-

шаетъ на деревѣ, а иной разъ обходится съ образочкомъ и еще того непочтительнѣе!... Стыдъ и позоръ пастырямъ, доводящимъ своихъ овецъ до такого, дѣйствительно *овечьяго* тупоумія!..

Можно ли, послѣ этого, охуждать бѣдныхъ *язычниковъ?*

Къ послѣдователямъ третьяго вѣроисповѣданія въ Китаѣ, т. е. закону *Фо* (буддизму) принадлежатъ одинаково какъ люди образованныхъ, такъ и низшихъ классовъ. Основные догматы буддизма въ Китаѣ—тройственное божество: *Тримурти* (разумъ), *Дхарма* (законъ) и *Санга* (согласіе); вѣрованіе въ переселеніе душъ и совершенное спокойствіе (уничтоженіе бытія) на лонѣ Бога. Китайскіе буддисты не признаютъ однако же далай-ламу своимъ владыкою, и высшей духовной власти, въ одномъ лицѣ сосредоточенной, нѣтъ въ Китаѣ. Жрецы буддійскіе зовутся въ Китаѣ *хошангми*, въ Японіи—*бонзами*. Этимъ послѣднимъ именемъ миссіонеры ошибочно назвали китайскихъ монаховъ буддійскихъ и секты Тао. Высшій духовный чинъ у китайскихъ буддистовъ—*Таи-хошангъ*—настоятель монастыря. Уставы монашествующихъ неизмѣнно тѣ же что и въ Тибетѣ; мужчины даютъ обѣтъ безбрачія и цѣломудрія, женщины же, съ разрѣшенія настоятельницы, могутъ выходить замужъ, оставляя при этомъ, разумѣется, стѣны монастыря. Одежда буддистовъ въ Китаѣ та же какъ и въ другихъ странахъ, гдѣ существуетъ это вѣроисповѣданіе; мужчины брѣютъ головы и бороды.

Монашествующія секты Тао носятъ одежды съ широкими рукавами, бороду и волосы отпускаютъ; послѣдніе собираютъ на макушкѣ въ видѣ чуба и зашпиливаютъ длинной шпилькой. Монастыри ихъ немногочисленны, а обѣты ни мало не стѣснительны, такъ какъ бонзамъ секты Тао разрѣшено вступать въ бракъ и сожительствовать съ ними въ монастыряхъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Обряды гражданскіе.—Нареченіе имени.—Права дѣтей отъ женъ и наложницъ.—Участь побочныхъ дѣтей въ Европѣ и въ Китаѣ.—Обученіе грамотѣ.—Права учителей.—Высшее образованіе.—Экзамены.—Ученыя степени.—Уложеніе о бракахъ.—Свахи.—Свадьба.—Цвѣта одежды, присвоенные сословіямъ.—Древній обрядъ выбора невѣсты императоромъ.—Обрядъ развода.—Повѣрья.—Монетная сабля.—Замокъ ста семействъ.—Средства отъ чаръ и порчи.—Амулетки.—Симпатическія лекарства.—Жинь-сенъ.—Мускусъ.

Ознакомивъ читателя съ бытомъ духовенства въ Китаѣ, мы займемся теперь обзоромъ обрядовъ гражданскихъ и тѣхъ изъ обычаевъ Китая, которые тѣсно связаны съ его религіозными вѣрованіями.

При рожденіи китайца ему даютъ имя, общее той фамиліи, къ которой онъ принадлежитъ; черезъ мѣсяцъ—другое, такъ называемое *молочное:* это обыкновенно названіе какого нибудь цвѣтка, птицы, рыбы или звѣря. При начатіи ученья, мальчику дается третье имя, по окончаніи—четвертое; при поступленіи на службу—пятое и это послѣднее остается ему на всю жизнь. Тогда назвать китайца однимъ изъ прежнихъ четырехъ именъ почитается такимъ же невѣжествомъ, какъ у насъ назвать кого нибудь старше себя, званіемъ или годами, по фамиліи.

Дѣтямъ вмѣняютъ въ священнѣйшую обязанность уважать родителей и повиноваться ихъ волѣ. Законъ присуждаетъ къ смертной казни: 1) дѣтей, поднявшихъ руку на отца или на мать, 2) отцеубійцъ; тѣлесному наказанію—за оскорбленіе родителей словомъ. Тотъ же законъ щедро награждаетъ гражданъ, оказывающихъ вниманіе родителямъ и заботящихся о нихъ на старости. По ученію древнихъ законодателей, дѣтская любовь основа всѣхъ гражданскихъ добродѣтелей. Отецъ, въ свою очередь, обязанъ за-

ботиться о воспитаніи и обезпеченіи участи всѣхъ своихъ дѣтей, т. е. какъ прижитыхъ съ женою, такъ равно и съ наложницами. Такимъ образомъ, законъ въ Китаѣ не отнимаетъ ни у кого правъ родительскихъ и сыновнихъ и не клеймитъ человѣка именемъ *побочнаго* или *незаконнаго*. Въ Китаѣ, всякій, рожденный женщиной человѣкъ есть законный сынъ ея и того съ кѣмъ она сожительствуетъ, лишь бы только сожитель ея умѣлъ соразмѣрять свое сластолюбіе съ своими денежными средствами... Слѣдствіемъ этого, видимъ въ Китаѣ... Впрочемъ, вмѣсто всякихъ разсужденій, мы только попросили бы европейскихъ законодателей сравнить китайскія статистическія таблицы дѣтоубійства съ европейскими. Въ *смѣшномъ* Китаѣ, законъ говоритъ человѣку: „Если ты въ состояніи содержать десять женъ, съ могущимъ произойдти отъ нихъ потомствомъ—сожительствуй съ женами и содержи дѣтей, *не забывай, что это люди!*“ Нравственная, цѣломудренная, благочинная Европа весьма разумно не допускаетъ многоженства, но въ тоже время съ самой снисходительной улыбкой смотритъ на милыхъ донъ-жуанчиковъ, награждающихъ своихъ незаконныхъ женъ деньгами и позоромъ, на этихъ сластолюбцевъ, если не подстрекающихъ къ дѣтоубійству, то почти всегда доводящихъ жертвъ своихъ увлеченій до этой страшной крайности.

Китайцы начинаютъ учиться грамотѣ на шестомъ году отъ рожденія. Начинаютъ съ азбуки. Мальчику даютъ таблицу съ изображенными на ней предметами обыденной жизни, съ подписями ихъ названій. Названія эти—коренныя слова и письмена. Затверживая наизусть ихъ выговоръ, мальчикъ постепенно переходитъ къ словамъ составнымъ. Такимъ образомъ, чтеніе и письмо преподаются одновременно. Окончивъ азбуку, ученикъ принимается за книгу изреченій мудрецовъ, которыя долженъ выучивать наизусть. Изощряя память учениковъ, китайскіе педагоги стараются, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ одинаковой степени развивать ихъ умъ и сердце. Курсъ ученья дологъ, на каникулы даются одинъ только мѣсяцъ; къ роднымъ отпускаютъ учениковъ не болѣе шести разъ въ годъ.

Достигнувшаго отроческихъ лѣтъ ученика обучаютъ уже сокращенію закона Кунг-фу-тси и чистописанію. Послѣднее почитается въ Китаѣ изящнымъ искуствомъ и красиво написанная книга цѣнится на равнѣ съ хорошей картиной. Китайцы, видя въ письменахъ божественное происхожденіе, питаютъ къ нимъ глубочайшее уваженіе. „Буквы—сѣмена позванія“, говорятъ они. Юноша, окончившій первоначальный курсъ, подвергается предъ переходомъ въ высшее училище публичному испытанію. На этихъ экзаменахъ обыкновенно присутствуютъ начальники округовъ, а въ губернскихъ городахъ и губернаторы. Отъ экзаменовъ не изъяты и дѣти достаточныхъ родителей, воспитывающихся у домашнихъ учителей. Здѣсь, къ слову, замѣтимъ, что званіе домашняго учителя въ Китаѣ пользуется всеобщимъ уваженіемъ, а отъ нанимающихъ учителя—величайшимъ почетомъ. Домашнему учителю всегда первое мѣсто за столомъ и приказанія его хозяйскимъ слугамъ должны исполняться послѣдними безпрекословно, какъ приказанія самого хозяина дома... Опять, при этомъ, не можемъ не перенестись мысленно на нашу родину и не сравнить, а только напомнить читателямъ о тѣхъ бѣдныхъ труженикахъ и труженицахъ, которые въ весьма недавно минувшее время жили, да и по днесь во многихъ дворянскихъ домахъ живутъ, въ качествѣ домашнихъ учителей и учительницъ. За немногими исключеньями, вѣдь право малымъ чѣмъ удалены отъ лакеевъ и горничныхъ. Какъ рѣдко услышите вы о нихъ, отъ ихъ патроновъ отзывъ, который каждый китаецъ дѣлаетъ о домашнемъ учителѣ своихъ дѣтей: „если бы я не уважалъ его, я бы не поручилъ ему дѣтей моихъ!“ Да, въ Китаѣ ни одинъ отецъ, ни одна мать не осмѣлятся оскорбить домашняго учителя; не станутъ заочно насмѣхаться надъ нимъ при дѣтяхъ, не бросятъ на него взглядъ покровительственный съ высоты своего величія... На то они китайцы!

По окончаніи первоначальнаго курса и его выдержаніи экзамена, китайскій юноша переходитъ къ высшему образованію. Ученыхъ степеней три; сообразно этимъ степенямъ даются и государственныя должности. Когда молодые ученые пишутъ свои диссертаціи на заданныя темы, ихъ запираютъ на это время въ отдѣльныя кельи въ зданіяхъ академій, причемъ на казенный счетъ снабжаютъ пищею, освѣщеніемъ, письменными принадлежностями и учеными пособіями. Цѣль этого временнаго разобщенія съ міромъ двоякая: молодой ученый, лишенный разсѣянія, тѣмъ прилежнѣе мо-

жетъ углубиться въ свои занятія, это—во первыхъ; а во вторыхъ, при этихъ условіяхъ онъ лишенъ возможности воспользоваться совѣтомъ, указаніемъ, сотрудничествомъ, т. е. однимъ словомъ, не можетъ загрести жаръ чужими руками. Экзаменъ на первую ученую степень всегда держатъ въ присутствіи начальника губерніи, который, въ Китаѣ, всегда человѣкъ современнѣйшаго образованія, самъ выдержавшій экзаменъ на доктора или профессора. За лицепріятіе и несправедливую выдачу диплома, экзаменаторы подвергаются *только* смертной казни. „Не за то", говорятъ при этомъ, китайскіе законы, — „что возвысили въ ученую степень недостойнаго, а за тѣ послѣдствія, которыя повлечетъ за собою эта несправедливость. Ученая степень даетъ право на занятіе государственной должности: *можетъ ли что на свѣтѣ быть опаснѣе и вреднѣе невѣжды, облеченнаго властью?"*

Удостоенный степени бакалавра получаетъ субсидію изъ императорской казны, пользуется правомъ ношенія мундира и нѣкоторыми правами и преимуществами. Между послѣдними, бакалавра не можетъ подвергнуть наказанію обыкновенный мировой судья: ученыхъ судитъ особая комиссія.

Черезъ три года бакалавръ сдаетъ экзаменъ на доктора, и сдаетъ его непремѣнно въ столицѣ, въ императорскомъ дворцѣ. Путевыя издержки и содержаніе ученыхъ въ столицѣ неимущихъ ученыхъ казна великодушно принимаетъ на свой счетъ... и бѣдность образованію не помѣха! Императоръ нерѣдко самъ присутствуетъ при испытаніяхъ и самъ задаетъ темы для диспутовъ и диссертацій. Удостоенный званія доктора всегда представляется ему и получаетъ отъ государя подарки. Имя счастливца пишется на большихъ доскахъ, которыя разставляются на площадяхъ города; роднымъ его извѣщаютъ чрезъ нарочныхъ гонцовъ, деревня или городъ, въ которомъ докторъ узрѣлъ свѣтъ божій, иллюминовывается и въ честь ученаго устраиваютъ тамъ церемоніальныя шествія, воздвигаютъ тріумфальныя арки... Какъ рожденіе человѣка—радость для отца и матери, такъ (въ Китаѣ) возведеніе человѣка въ высшую ученую степень—радость всей области и все-

го правительства,—послѣднее пріобрѣтаетъ въ немъ полезнаго себѣ сотрудника.

Какъ же послѣ всего этого намъ, европейцамъ, не называть китайцевъ чудаками!?

Лица, желающія посвятить себя военной службѣ, обязаны, независимо отъ изученія закона Кунг-фу-тси, выдержать экзаменъ изъ военныхъ наукъ по двумъ знаменитымъ руководствамъ, составленнымъ полководцами *Сун-тси* и *У-тси*, признаваемымъ въ Китаѣ совершенствами въ своемъ родѣ. Но, будемъ справедливы, въ наукахъ военныхъ и вообще въ искуствѣ истребленія своихъ ближнихъ, китайцы далеко, очень далеко, отстали отъ европейцевъ.

Избравъ себѣ должность, которая вполнѣ его обезпечиваетъ, китаецъ приступаетъ къ обзаведенію своимъ домомъ и семьей, вступаетъ въ супружество, причемъ совѣщается съ закономъ. Законъ воспрещаетъ вступать въ бракъ лицамъ не только состоящимъ въ близкомъ родствѣ, но и носящимъ одинаковую фамилію; сводный братъ не можетъ жениться на сводной своей сестрѣ (1); мандаринъ не можетъ взять себѣ жену въ той провинціи, гдѣ состоитъ губернаторомъ; бракъ, въ который вступили во время траура по родителямъ мужа или жены, считается недѣйствительнымъ.

Избравъ себѣ невѣсту, женихъ посылаетъ къ ней свахъ. Въ Китаѣ пошлое ремесло этихъ *руффіанъ* пользуется большимъ уваженіемъ. При обширной родительской власти нерѣдки брачные союзы, при которыхъ выборъ невѣсты зависитъ не отъ жениха, а отъ отца и отъ матери. Согласіе будущихъ тестя и тещи покупается подарками и взносомъ имъ за невѣсту выговоренной суммы денегъ. У буддистовъ существуетъ повѣрье, что бывшіе супругами въ жизни минувшей (т. е. до воплощенія души на землѣ) непремѣнно должны быть супругами и въ будущей. Это повѣрье не-

---

(1) Вдовецъ семейный женится на семейной же вдовѣ: его сыновья и дочери доводятся сводными братьями и сестрами ея дѣтямъ. Сводными же доводятся у насъ дѣти отъ втораго брака дѣтямъ отъ перваго.

решло и къ китайцамъ: они говорятъ, что старецъ *Йуе-лао* (старецъ луны) заранѣе связываетъ души будущихъ мужей и женъ попарно; что сочетающіеся бракомъ исполняютъ только предопредѣленіе свыше. Главнѣйшее условіе при свадьбѣ—чтобъ женихъ и невѣста были *одинаковыхъ дверей*, т. е. равныхъ состояній. Поладивъ между собою, сватья отправляются въ домовыя часовни, гдѣ поклоняются предкамъ, объявляютъ имъ о преднамѣренномъ бракѣ, вслухъ читаютъ договоръ и сожигаютъ его на жаровнѣ. Дымъ сгорѣвшей бумаги, возносясь къ небу, достигаетъ, по народному повѣрью, до той области, гдѣ находятся души предковъ, а вмѣстѣ съ дымомъ и всѣ слова, на бумагѣ написанныя. Въ назначенный день невѣсту сажаютъ на занавѣшенный со всѣхъ сторонъ паланкинъ и, въ сопровожденіи музыкантовъ, родственниковъ и друзей, несутъ въ домъ къ жениху. Паланкинъ запираютъ на ключъ, который, по приносѣ невѣсты, вручаютъ жениху. Въ случаѣ, если бракъ устроенъ родителями и женихъ до свадьбы не видалъ невѣсты, онъ, отомкнувъ дверь паланкина и найдя свою суженую безобразною, можетъ опять замкнуть дверь и отослать ее обратно къ отцу и матери. Это бываетъ очень рѣдко; обыкновенно же женихъ выводитъ невѣсту изъ паланкина въ парадный, пышно убранный покой въ своемъ домѣ. Здѣсь совершается брачный обрядъ, состоящій въ томъ, что женихъ и невѣста, ставъ другъ къ другу спиною, моютъ руки, потомъ она кланяется ему четыре раза, а онъ ей—два. Льютъ на нихъ нѣсколько капель вина, кладутъ на столъ кусокъ мяса, а они, подчуя другъ друга, пьютъ попеременно вино изъ одной чаши. Вечеромъ, по окончаніи пира, молодую вводитъ въ комнату къ молодому, гдѣ всего прежде подводятъ ее къ столу, на которомъ разложены ножницы, нитки и хлопчатая бумага—эмблемы будущихъ хозяйственныхъ занятій молодой жены.

Какъ она обязана повиноваться мужу, такъ точно ей обязаны повиноваться его *вторыя* жены или наложницы. У императоровъ наложницы раздѣляются на три разряда: вообще онѣ называются *придворными госпожами*, особенно же любимыя государемъ—*почти-царицами* или *полуцарицами*. Оба разряда отличаются другъ отъ друга цвѣтомъ и покроемъ одежды. Здѣсь кстати замѣтимъ, что у каждаго сословія въ Китаѣ свой цвѣтъ—*желтый* исключительно принадлежитъ императору и князьямъ; *красный*—мандаринамъ и сановникамъ; *черный*, *голубой* и *фіолетовый*—кому угодно; *бѣлый*—цвѣтъ траура, одинаковый для всѣхъ сословій. До покоренія Китая монголами, при свадьбѣ императора или наслѣдника престола соблюдалось обыкновеніе, существовавшее и у насъ въ Россіи до временъ Петра Великаго. Приказъ духовныхъ дѣлъ поручалъ нѣсколькимъ старухамъ набрать по всему царству двадцать красивѣйшихъ дѣвушекъ. Изъ нихъ одну выбиралъ себѣ въ жены императоръ или князь, остальныхъ же, оставшихся за штатомъ, выдавали замужъ за вельможъ и знатнѣйшихъ мандариновъ.

Разводъ допускается по уважительнымъ причинамъ, нами уже указаннымъ при разсказѣ о законахъ Кунг-фу-тси. Обряды развода различны въ каждой области. Въ Тонг-кинѣ, напримѣръ, мужъ переламываетъ пополамъ палочку, употребляемую вмѣсто вилки за столомъ, и, положивъ одну половину въ мѣшечекъ, отдаетъ ее женѣ вмѣстѣ съ паспортомъ.

Обычаевъ домашней жизни, примѣтъ и повѣрьевъ въ Китаѣ безчисленное множество. Рѣшительно въ каждомъ домѣ находится талисманъ для отогнанія зла и привлеченія всякихъ благъ: талисманъ этотъ, называемый *монетной саблей*, состоитъ изъ старинной мѣдной деньги съ четыреугольнымъ ушкомъ посрединѣ, сквозь которое продернутъ небольшой клинокъ съ крестообразной рукояткой. Эти монетныя сабли вѣшаютъ обыкновенно надъ постелями. Другой талисманъ—*замокъ ста семействъ*, купленный на деньги, собранныя отцемъ семейства у ста человѣкъ родныхъ и знакомыхъ. Надѣтый на шею ребенку, онъ даетъ счастье и долголѣтіе. Въ пятый день пятой луны надъ крыльцомъ дома вѣшаютъ, для отогнанія чаръ, стволы пахучаго тростника (Acorus calamus L) и стебли растенія *игаи*; въ новый годъ, съ этой же цѣлью, надъ входомъ въ домъ вѣшаютъ персиковую вѣтку, покрытую цвѣточными распуколками. Въ Тонг-кинѣ на дверяхъ домовъ начертаны трехъугольники: злѣйшіе духи и самыя сильныя чары не посмѣютъ прикоснуться къ дому, осѣненному этимъ великимъ символомъ. Гаданья зеркаломъ, рѣшетомъ, монетой (орелъ

или рѣшетка), чиханіемъ, кормленіемъ куръ или пѣтуховъ — въ большомъ употребленіи. Амулетки на шеѣ у каждаго мужчины и каждой женщины, особенно у сектаторовъ Тао. Когда хотятъ пользовать ими больныхъ, начертываютъ таинственные знаки на свѣжихъ чайныхъ листьяхъ и настой ихъ даютъ пить, или больнаго поятъ настоемъ пепла сожженной бумаги, на которой письмена были начертаны. При налетѣ саранчи ее стараются отгонять крикомъ, воплями, стукомъ, бряцаньемъ, а также и щитами, на которыхъ нарисованы изображенія чудовищъ, или начертаны заклинанія... Первое средство, говорятъ, гораздо дѣйствительнѣе втораго.

Къ симпатическимъ же средствамъ можно причислить существующее въ Тонг-кинѣ обыкновеніе кормить трудно больнаго семью рисовыми катышами или вывѣшивать его платье на высокомъ мѣстѣ на распутіи. Универсальными лекарствами признаются: корень *жин-сенга* (стосилъ: Panax L), продаваемый въ Китаѣ на вѣсъ золота, и мускусъ; оба средства, сильно возбудительныя и въ этомъ главнѣйшая ихъ заслуга въ глазахъ китайцевъ—народа, скрывающаго подъ флегматическою наружностью самыя сластолюбивыя наклонности.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Опіумъ.—Его свойства.—Война Англіи съ Китаемъ изъ за опіума.—Воспоминаніе о другомъ подвигѣ въ этомъ же родѣ.—Равнодушіе китайцевъ къ смерти.—Заботливость о могилѣ.—Гробы.—Обряды при агоніи.—Погребенія.—Склепы.—Церемоніалъ погребенія императорскаго.—Трауръ.—Пронырства бонзовъ.—Волокитство.—Китайскіе пройдохи и европейскіе спириты.—Вымогательство пожертвованій.—Чудесные гвозди.—Нищіе.—Уродованіе дѣтей.—Примѣры этого звѣрства и у насъ въ Россіи.

Изъ всѣхъ растительныхъ снадобій есть одно, цѣнимое весьма многими и дороже *жин-сенга*; снадобье, которое для китайцевъ такой же сладкій ядъ, какъ сивуха для нашего простолюдина... Ядъ, ведущій къ неминуемой смерти, дорогою усыпанною розами, дающій въ спутники страдальцу рои чудесныхъ видѣній обольстительнѣйшихъ призраковъ! Читатель, безъ сомнѣнія, догадывается, что мы говоримъ объ *опіумѣ*.

Не можемъ сказать съ точностью, съ какого времени страсть къ опьяненію себя опіумомъ привилась къ китайцамъ, знаемъ только, что употребленіе его ведется издревле. Опіумъ въ Китаѣ курятъ изъ маленькихъ трубокъ, начиная дозу съ четверти грана (нашего аптекарскаго вѣса) и постепенно доходя до огромнаго количества. Послѣ нѣсколькихъ пріемовъ курильщикъ уже покоряется обаятельной силѣ этого адскаго зелья и начинаетъ жить сновидѣніями, которыя становятся для него тѣмъ милѣе, чѣмъ становится ненавистнѣе дѣйствительность. Жизнь есть сонъ, говорятъ мудрецы; китайцы же, курильщики опіума, отвѣчаютъ: для насъ сонъ есть жизнь. По разсказамъ очевидцевъ, наблюдавшихъ на мѣстѣ наркотизацію опіумомъ и по признаніямъ китайцевъ, предавшихся этой убійственной страсти, самое пылкое воображеніе даровитѣйшаго поэта, художника или музыканта не можетъ создать тѣхъ упоительныхъ картинъ, той неземной гармоніи, которыя лелѣютъ и сладостно нѣжатъ чувства спящаго угорѣлаго отъ опіумовыхъ испареній. Сновидѣніе всегда сообразно характеру и склонностямъ потребителя: лакомка видитъ себя за роскошнѣйшей трапезой, корыстолюбецъ утопаетъ въ грудахъ жемчуга, алмазовъ, изумрудовъ и золота; сластолюбецъ млѣетъ отъ восторга въ объятіяхъ красавицъ-призраковъ—одна другой прелестнѣе и т. д. Пробудившійся отъ этого волшебнаго сна, первое время равнодушно, а въ послѣдствіи съ озлобленіемъ смотритъ на все окружающее; съ каждымъ днемъ жизнь (вообще вещь непріятная) кажется ему пошлѣе и пошлѣе. Доходитъ до того, что разорившійся, ослабѣлый умственно и физически курильщикъ опіума готовъ отдать себя въ кабалу за крупинку этого коварнаго, волшебнаго яда. Кончаютъ всего чаще самоубійствомъ, подобно и нашимъ милымъ соотчичамъ, допивающимся до чертиковъ.

Строжайшія мѣры, принимаемыя китайскимъ правительствомъ къ пресѣченію зла, не привели ни къ какимъ благодѣтельнымъ результатамъ. Курильщиковъ опіума указами подвергали изгнанію,

продавцевъ предавали смертной казни—и все не впрокъ, и все вотще. А тутъ новое горе: съ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, оборотливые негоціанты ост-индской компаніи занялись прибыльной продажей опіума... Китайское правительство запретило его къ привозу—англичане контрабандою стали привозить втрое противу прежняго. Когда же китайскія береговыя укрѣпленія вздумали салютовать корабли ея британскаго величества боевыми пушечными выстрѣлами, сыны Альбіона возопили объ оскорбленіи національнаго своего флага и въ сороковыхъ годахъ затѣяли съ Китаемъ войну изъ за права отравлять безнаказанно жителей Небесной имперіи. Само собою, отравители взяли верхъ и остались правы, по той великой, вѣковѣчной аксіомѣ, что *сила* виноватою не бываетъ. Одновременно съ этой позорной войной отравителей съ ихъ жертвами, у нашего русскаго правительства было довольно серьезное столкновеніе съ англійскимъ кабинетомъ изъ за корабля ***Виксена***, подъ національнымъ британскимъ флагомъ подвозившаго оружіе и порохъ къ восточному берегу Чернаго моря, для снабженія кавказскихъ горцевъ.

Если есть люди, въ которыхъ расчетъ и выгода гасятъ чувства чести, почему же не бывать подобными и цѣлымъ націямъ?

Трудно найдти на земномъ шарѣ другой народъ, который бы, подобно китайцамъ, смотрѣлъ вообще на жизнь такъ равнодушно, съ такимъ философическимъ спокойствіемъ. Смерть не ужасаетъ ихъ своей таинственностью, а загробная обитель—загадочностью. Китаецъ всю свою жизнь готовится къ единственному и неизбѣжному ея исходу, съ великодушіемъ стоика чуждый смѣшнаго, ребяческаго страха. Богатый китаецъ за живо, иногда весьма за долго до своей смерти, покупаетъ себѣ заблаговременно мѣсто на кладбищѣ: строитъ склепъ, всячески его украшаетъ, обсаживаетъ будущую свою гробницу деревьями и цвѣтами. Гробъ свой каждый китаецъ заказываетъ себѣ также самъ, спокойно давая снять съ себя мѣрку и приказывая гробовщику украсить его по своему вкусу и по степени своего состоянія. Гробами китайцы даже дарятъ другъ друга. Принесенную *обновку* хозяинъ дома, впредь до надобности, ставитъ у себя въ комнатѣ, на видномъ мѣстѣ, показываетъ приходящимъ къ нему знакомымъ, какъ мы, европейцы, новую мебель или платье; а знакомые, любуясь гробомъ, спокойно судятъ о добротѣ матеріала, изяществѣ украшеній и пр. И, надобно отдать справедливость китайскимъ гробовщикамъ—мастера своего дѣла: на ихъ изящныя произведенія, украшенныя рѣзьбою, позолотою, покрытыя прочнымъ лакомъ, обитыя внутри шелковыми тканями, съ мягкими подушками и прочими угодьями—можно дѣйствительно залюбоваться. У насъ, европейцевъ, гробовщиками вообще гнушаются, ихъ какъ будто боятся, тогда какъ въ Китаѣ это просто художники, пользующіеся общимъ расположеніемъ.

Заблаговременно заготовляя себѣ гробы и могилы, китайцы весьма заботятся въ теченіе всей жизни о сохраненіи тѣла своего неповрежденнымъ, избѣгая увѣчья и искалеченія, не изъ боязни страданій, а собственно съ мыслію явиться въ замогильное царство, или воскреснуть въ будущей жизни, ***въ своемъ видѣ.*** Вотъ почему обезглавленіе почитается въ Китаѣ позорнѣйшею казнію. По народнымъ повѣрьямъ, обезглавленный въ будущей жизни скитается по неизмѣримымъ пустынямъ, нося свою отрубленную голову не на плечахъ, а въ рукахъ...

Когда больной приближается къ смерти, жрецъ (одинъ изъ чиновъ приказа обрядовъ) велитъ снять его съ постели и положить на землю, чтобы жизнь его кончилась также какъ началась. Такъ точно новорожденныхъ младенцевъ кладутъ на землю на нѣсколько минутъ, въ знакъ того, что каждому живущему суждено, со временемъ, обратиться въ землю, отъ которой онъ взятъ. Умершему кладутъ въ ротъ распорку, чтобы не сходились челюсти. Въ это время кто нибудь изъ родственниковъ влѣзаетъ на кровлю дома и, размахивая платьемъ покойнаго, призываетъ его душу; потомъ, возвратясь, прикрываетъ этимъ платьемъ усопшаго. Такъ оставляютъ мертвеца лежать три дня, примѣчая не обнаружится ли въ немъ признаковъ жизни.

У исповѣдниковъ закона Тао, къ умирающему призываютъ бонзовъ (¹) для пособія ему молитвами. Бонзы приходятъ съ коло-

---

(¹) Напоминаемъ читателямъ, что *бонзами* называютъ въ Китаѣ мо-

кольчиками, мѣдными бубнами, кимвалами и поднимаютъ оглушительный концертъ, нерѣдко ускоряющій кончину больнаго.

Предъ положеніемъ тѣла въ гробъ, его обмываютъ, у богатыхъ бальзамируютъ, одѣваютъ въ богатое платье и надѣваютъ, если покойный былъ ими удостоенъ, знаки отличія. Затѣмъ на три дня выставляютъ тѣло въ парадной залѣ, куда приходятъ класть предъ нимъ земные поклоны женщины, дѣти, дальніе родственники и знакомые. На третій день тѣло кладутъ въ гробъ, дно котораго устилаютъ известью, а по положеніи въ него тѣла наполняютъ хлопчатою бумагою, либо заливаютъ воскомъ, смолою и покрывъ кускомъ бѣлаго штофа ставятъ на столъ, видомъ похожій на жертвенникъ. На этомъ столѣ гробъ стоитъ нѣсколько мѣсяцевъ; приходящіе къ нему родственники и знакомые жгутъ передъ нимъ ладанъ, курительныя свѣчи, золоченую бумагу и кусочки шелковыхъ тканей.

Въ день погребенія родственники и друзья провожаютъ покойника до его послѣдняго жилища. Вельможъ несутъ на носилкахъ подъ пышнымъ балдахиномъ, двадцать или тридцать человѣкъ. Имъ предшествуютъ служители, несущіе въ рукахъ небольшіе портреты покойнаго изъ картузной бумаги. Дѣти покойнаго идутъ за гробомъ, одѣтыя въ холщевые мѣшки, сгорбясь, опираясь на палки, въ знакъ глубочайшей скорби. Жену, дочерей, наложницъ несутъ въ носилкахъ, герметически занавѣшанныхъ: сидящія тамъ во весь путь голосятъ, воютъ и причитываютъ. За ними слѣдуютъ провожатые, по два въ рядъ съ знаменами, значками, курильницами и музыкальными инструментами, иногда и большой портретъ усопшаго, съ золотою подписью его имени, фамиліи, званія или чина. У сектаторовъ Тао, весь путь похоронной процесіи устилаютъ бѣлымъ полотномъ. Ближайшій родственникъ покойника, во время кортежа, нѣсколько разъ ложится поперегъ дороги и гробъ проносятъ надъ нимъ, причемъ носильщики на него слегка наступаютъ. Въ случаѣ полученія вѣрнаго извѣстія о кончинѣ китайца

---

¹ нашествующихъ какъ буддійскаго закона, такъ и принадлежащихъ къ сектѣ Тао.

на чужой сторонѣ или гибели его въ огнѣ, или въ морѣ, обрядъ погребенія совершается надъ дощечкою, на которой или нарисованъ его портретъ, или начертано его имя.

У людей богатыхъ, похоронные склепы устроиваются въ садахъ, вообще же кладбища за чертою города. Склепы состоятъ изъ трехъ комнатъ съ отдѣльными ходами, строятся же въ видѣ башенекъ въ три яруса, отдѣльные другъ отъ друга (какъ и вообще китайскіе дома), загнутыми вверхъ каемчатыми кровлями. Эти могильные домики строятся на холмахъ, обсаживаются кипарисами или кустами божьяго дерева (Tuja L.). Это расположеніе китайскихъ кладбищъ придаетъ имъ вообще видъ городковъ, привлекательныхъ издали и не имѣющихъ вблизи ничего мрачнаго, почти отталкивающаго, свойственнаго, по большей части, европейскимъ кладбищамъ. Разумѣется, склепы достояніе вельможъ и людей зажиточныхъ; бѣдные, покрывъ гробъ толстымъ слоемъ смолы, ставятъ его на насыпь, наметывая на него высокій бугоръ земли.

Могилу вырываютъ въ средней, наибольшей комнатѣ склепа, въ боковыхъ же накрываются столы для поминальной закуски. Опустивъ гробъ въ могилу, жгутъ благовонія, пьютъ круговую чашу, приносятъ въ жертву второстепеннымъ божествамъ мясо и сожигаютъ бумажныя изображенія, несеныя въ процесіи. Кромѣ портретовъ покойнаго, эти изображенія состоятъ изъ вырѣзанныхъ изъ бумаги невольниковъ, лошадей, верблюдовъ. Китайцы увѣрены, что на томъ свѣтѣ всѣ эти изображенія оживутъ, одѣнутся тѣломъ и будутъ служить покойнику. Въ старину, при погребеніи императоровъ (какъ мы уже говорили) вмѣсто бумажныхъ куколокъ, въ могилу зарывали невольниковъ, женъ и коней за-живо, или тутъ же зарѣзываемыхъ.

Могила навсегда священна для потомства усопшаго и неприкосновенна для посторонняго. Оскорбителя этой святыни въ Китаѣ казнятъ смертью.

Погребеніе императоровъ совершается, само собою, съ величайшей пышностью. Описанію церемоніала царскаго погребенія пришлось бы посвятить не одну сотню страницъ, что было бы утомительно. Этикетъ повелѣваетъ объ умершемъ императорѣ не говорить какъ о простомъ смертномъ, просто — „умеръ“, а выра-

жаться иносказательно, такимъ родомъ: „рухнула великая гора!" „огромное дерево вырвано съ корнемъ," или, наконецъ: „новый гость явился на небесахъ!"

Въ древности срокъ ношенія траура по отцѣ и по матери полагался въ три года, нынѣ онъ ограничивается двадцатью семью мѣсяцами. Носящіе трауръ должны отказаться не только отъ выходовъ изъ дому и увеселеній, но и отъ отправленія должности. Изъятію изъ этого послѣдняго правила подлежатъ министры и то съ соизволенія императора и въ самыхъ экстренныхъ, важныхъ для государства обстоятельствахъ. Жены носятъ трауръ по мужьямъ три года, мужъ по женамъ—годъ, прочіе—по степени родства. Въ первый годъ трауръ состоитъ изъ бѣлаго холщеваго мѣшка вмѣсто кафтана, опоясаннаго веревкою; на второй годъ холстъ замѣняется тончайшимъ полотномъ и вмѣсто мѣшка носятъ платья обыкновеннаго покроя; на третій—разрѣшено носить одежду шелковую—но какъ послѣдняя, такъ и полотняная, носимая на второй годъ траура, должны быть непремѣнно траурнаго, т. е. *бѣлаго* цвѣта.

Погребеніе и время траура пожива для бонзовъ буддистовъ и Тао, великихъ искусниковъ вымanивать и вымогать подаянія подъ самыми благочестивыми предлогами. Пожертвованія принимаютъ они деньгами и натурою. Въ послѣднемъ случаѣ жертвами бываютъ большею частью особы прекраснаго пола. Тартюфы-буддисты начинаютъ рѣчь съ неба и, пускаясь въ назиданія и толкованія догматовъ, постепенно ведутъ покорную овечку къ своей желанной цѣли. Такъ, напримѣръ, разсказавъ ей разныя сказочки и побасенки о переселеніи душъ, о бытіи души до ея рожденія на землѣ (вѣдь она вѣчная), о томъ, въ какомъ тѣлѣ была душа до переселенія ея нынѣ въ тѣло собесѣдницы, бонза прибавляетъ, что его душа жила тогда въ тѣлѣ красиваго юноши, которому душа собесѣдницы (тогда жившая въ тѣлѣ хорошенькой дѣвушки), дала клятву принадлежать до гроба и сдержала клятву, выйдя за юношу замужъ.

„Если мы принадлежали другъ другу *тогда*, заключаетъ бонзъ вкрадчиво,—почему бы намъ не принадлежать другъ другу *теперь*? Дѣло небесамъ угодное, да и намъ не безъ пріятности... Я знаю навѣрное, что душа моя за гробомъ будетъ мучиться за самопожертвованіе теперь, но ваша спасется!.."

Китаянка всего чаще принимаетъ *самопожертвованія* бонза и... и такъ далѣе. Злые языки говорятъ, будто и у насъ, европейцевъ, подобные маневры въ большомъ употребленіи у сектаторовъ *спиритизма*, съ барынями и барышнями не столь слабонервными, сколько слабоумными... Говорятъ!..

Для вымогательства доброхотныхъ подаяній, бонзы прибѣгаютъ къ удивительнымъ хитростямъ. Иной обвѣшивается цѣпями, другой, ходя по улицамъ, бичуетъ себя кнутомъ, третій бьется головою объ стѣну: „Мы мучаемъ себя", говорятъ они прохожимъ, „для вашего спасенія. Ужели эти добровольныя муки не заслуживаютъ милостыни!.." Одинъ миссіонеръ минувшаго столѣтія разсказываетъ, какъ однажды носили по улицѣ бонза, въ деревянной клѣткѣ, внутри утыканной гвоздями. —„Я не выйду отсюда!— кричалъ онъ народу,—не выйду до тѣхъ поръ, пока вы, правовѣрные, не раскупите всѣхъ гвоздей по стольку-то (около десяти копѣекъ) за каждый... Собранныя деньги назначены на построеніе новаго капища великому Фо." „И ты, обратился пройдоха къ миссіонеру, можешь купить у меня гвозди; они принесутъ тебѣ счастье, хотя ты и иновѣрецъ... Возьми, такъ и быть! Только съ тебя надо взять подороже, иначе гвозди утратятъ свою чудесную силу!"

Гвозди разбирались на расхватъ, а на завтра бонзъ опять являлся въ своей клѣткѣ, обитой новыми гвоздями. Какъ послѣднихъ, такъ и глупцовъ, покупавшихъ ихъ, были какъ видно запасы неистощимые.

Хорошіе примѣры безъ подражанія не остаются. Подражателями бонзовъ являются въ Китаѣ многочисленные *нищіе*. Для возбужденія въ прохожихъ, если не жалости, то хоть омерзѣнія, они являются покрытые искуственно произведенными струпьями и болячками на разныхъ частяхъ тѣла, либо задаютъ себѣ жестокія пытки, обѣщая прекратить ихъ въ случаѣ подаянія. Очевидцы не преувеличиваютъ и читать описанія этихъ самоистязаній трудно безъ ужаса. Такъ например живые жгутъ на ладоняхъ куски пакли, вонзаютъ себѣ гвозди подъ кожу. Протыкаютъ иглами уши,

носы, кромсаютъ лице осколками стеколъ или обрѣзками листоваго желѣза. Не взирая на строгія преслѣдованія полиціи, китайскіе нищіе крадутъ и уродуютъ дѣтей, ломая имъ руки, ноги, выкалывая глаза или прививая имъ жестокія накожныя болѣзни. Во времена первыхъ мисіонеровъ (что вѣроятно случается и до сихъ поръ) бывали случаи искуственнаго уродства дѣтей, уродства доходящаго до лишенія невинныхъ страдальцевъ образа человѣческаго!

Эти звѣрства, недостойныя даже канибаловъ, кромѣ Китая, существуютъ и у насъ въ Россіи. Нищенство посредствомъ истязуемыхъ дѣтей - особый промыселъ, почти неуловимый для полиціи, въ обѣихъ столицахъ, а въ губерніяхъ чуть ли и не терпимый... Всему виною, какъ всегда и во всемъ, конечно, ***неразвитость*** нашего простаго народа. Странно только, что эта неразвитость, какъ видно, не помѣха пускаться иногда на такія выдумки, предъ которыми, кажется, самъ дьяволъ (какъ онъ ни уменъ и ни развитъ) въ тупикъ встанетъ.

Въ Китаѣ уродователей дѣтей казнятъ смертью.. Не варварство ли?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Уголовное судопроизводство.—Наказанія.—Пытки.—Пытка безсонницей.—Три рода казни.—Мученикъ Шапделенъ.—Выматываніе кишекъ.—Любознательность европейцевъ.—Привилегия палача.—Равноправность предъ закономъ.—Казнь императорского князя.—Строгость императора Тао-куана.—Вано приношенія.—Наемъ подставныхъ для наказаній.—Сдѣлки съ палачемъ.

Заговоривъ о казняхъ и имѣя намѣреніе теперь о нихъ рѣчь повести, мы прежде скажемъ нѣсколько словъ о законахъ Китая.

Законы взыскательны, строги и, во многихъ случаяхъ, жестоки до безчеловѣчія. Судья, даже внѣ своего округа, имѣетъ право судить преступника, схваченнаго съ поличнымъ. „Такъ врачъ имѣетъ право лечить всюду, гдѣ только встрѣтится ему больной“, поясняютъ китайцы.

Виноватаго или обвиняемаго сажаютъ въ тюрьму, которая въ Китаѣ отличается опрятностью, удобствами, даже своего рода комфортомъ. „Тюрьма сама по себѣ не есть наказаніе, такъ какъ впослѣдствіи обвиненный можетъ быть оправданъ; даже и вовсе не виноватый можетъ попасться въ тюрьму. Зачѣмъ же ему страдать ни за что, ни про что?“ -- Такъ судятъ о тюрьмахъ китайскіе законодатели.

Каждое слѣдственное дѣло проходитъ чрезъ нѣсколько инстанцій. Дѣла уголовныя всѣ подлежатъ разсмотрѣнію императора и каждый смертный приговоръ трижды представляется ему на утвержденіе. Подсудимому даютъ всѣ способы къ оправданію и смертной казни подвергаютъ въ такомъ только случаѣ, если виновность осуждаемаго не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Подписывая смертный приговоръ, императоръ обыкновенно дѣлаетъ слѣдующую помѣтку: „содержать осужденнаго въ тюрьмѣ до осени и тогда казнить“, чѣмъ дается болѣе или менѣе продолжительный срокъ къ открытію, хотя бы и случайному, смягчающихъ вину обстоятельствъ.

Наказанія вообще, кромѣ денежныхъ штрафовъ, бываютъ пяти родовъ: 1) *бичемъ*, или тонкимъ концемъ бамбуковой трости, 2) *палкою*, или толстымъ концемъ, 3) изгнаніе временное, 4) изгнаніе совершенное и 5) смертная казнь. Кромѣ того, наказанія позорныя: выставка у столба, ***ошейникъ*** (канга) и т. п. Канга—снарядъ, состоящій изъ двухъ досокъ, складываемыхъ ребромъ, съ выемками по срединѣ. Въ эту выемку вкладываютъ голову виноватаго, а доски вмѣстѣ складываютъ. Въ этомъ ошейникѣ преступникъ сидитъ, смотря по приговору, часъ, два, день, сутки—до мѣсяца. Родственникамъ позволено приносить наказуемому пищу или книги для чтенія. Листы послѣднихъ приходится повертывать имъ самимъ, равно и кормить сидящаго въ кангѣ, такъ какъ онъ лишенъ возможности дѣйствовать руками. Во избѣ-

жаніе повреждения снаряда, или преждевременнаго отдѣленія одной доски отъ другой, ихъ склеиваютъ полосками бумаги, съ прописаніемъ на ней причины наказанія. Полоски прикрѣпляются къ доскамъ казенными печатями. Эта же канга превращается въ орудіе пытки, если преступника выставятъ на солнце, обмазавъ ему медомъ все лице.

Пытки, употребляемыя при допросахъ уголовныхъ преступниковъ (нелѣпость, недостойная китайцевъ!), безчисленны и адски разнообразны. Нѣкоторыя изъ нихъ можетъ быть позаимствованы и отъ европейскихъ инквизиторовъ, а другія – оригинальныя. Не имѣемъ желанія описывать ни тѣхъ, ни другихъ, слишкомъ гнусно! упомянемъ только объ одной части китайскаго изобрѣтенія — пыткѣ *безсонницею*. Въ теченіе недѣли, двухъ или трехъ недѣль, судя по упорству, допрашиваемому, давая прекрасную пищу и всѣ угодья, *не даютъ спать* ни одной минуты, прыская ему водою въ лице, или укалывая его иглой, или опаляя огнемъ, въ случаѣ дремоты.... Китайскіе палачи или слѣдователи (такъ какъ при пыткѣ оба званія соединяются въ одномъ лицѣ) говорятъ, что эта пытка доводитъ всегда до совершеннѣйшаго сознанія, въ чемъ нельзя впрочемъ и сомнѣваться.

Казней, судя по степенямъ преступленій, *три* разряда: *удавленіе, отсѣченіе головы* и *разрѣзаніе по частямъ*. Первая легчайшая — удѣлъ вельможъ и знатныхъ людей. Иногда по особой милости и во вниманіе къ прежнимъ заслугамъ, императоръ посылаетъ осужденному шелковый шнурокъ и разрѣшаетъ быть самоубійцею (¹). Второй родъ казни самый позорный, а третій — самый мучительный. Голову рубятъ не топоромъ и не на плахѣ, а саблею — стоящему на колѣняхъ преступнику. При третьемъ родѣ казни, осужденнаго привязываютъ совершенно нагаго къ столбу, сдираютъ ему кожу съ головы, заворачивая ее отъ

(¹) Этотъ обычай отъ китайцевъ перешелъ и въ Турцію. Въ Японіи вельможѣ посылаютъ бритву; въ древнемъ Римѣ, при цесаряхъ, патриціямъ великодушно также предоставляли выборъ смерти: — этого же обыкновенія придерживался иногда и *Іоаннъ Грозный* при казняхъ бояръ.

затылка на глаза, потомъ, рѣжутъ тѣло по частямъ, распарываютъ животъ и трупъ бросаютъ въ яму или въ рѣку.

Такъ въ 1857 году былъ казненъ въ Пекинѣ французскій мисіонеръ *Шапделенъ* (Chapdelain), скончавшійся съ великодушіемъ праведника и достойнаго мученика вѣры христіанской. Что же касается до распарыванія живота и *выматыванія кишекъ* — это въ Китаѣ казнь недавняя. Во время знаменитой англо-французской экспедиціи въ Китай, въ 1856 году, европейцы выдавали головами императорскимъ войскамъ плѣнныхъ инсургентовъ, что́ очень гнусно, само по себѣ; но еще того гнуснѣе, что англійскіе и французскіе офицеры смотрѣли на казнь *выматыванія кишекъ* какъ на акробатическое представленіе, о чемъ писали въ европейскія газеты подробныя реляціи. Одна изъ нихъ, принадлежавшая перу кореспондента англійской газеты „Times,“ намъ особенно памятна: изверга-европейца поразило... *„выраженіе удивленія и недоумѣнія на лицахъ истязуемыхъ китайцевъ“*... Какое великое открытіе для науки и какая интересная страница для англійской газеты!..

Должность палача въ Китаѣ не считается позорною. Судъ — голова, а палачъ — рука; презирающій руку, презираетъ и голову... такъ думаютъ китайцы. Палачъ въ Пекинѣ, какъ знакъ своего ремесла, носитъ кушакъ *желтаго*, императорскаго цвѣта. Чтобы дать читателямъ точное понятіе о неумолимости и безпристрастіи китайскихъ законовъ, мы передаемъ ему нѣсколько чертъ изъ уголовнаго судопроизводства новѣйшихъ временъ.

Въ 1827 году, въ царствованіе императора *Тао-куанга, сына великаго Кіа-кинга*, жилъ при пекинскомъ дворѣ родной племянникъ государя, красавецъ собою, умный, образованный, одаренный прекраснѣйшими душевными качествами. Въ знакъ особаго къ нему монаршаго благоволенія, этому князю разрѣшено было ходить по *священной дорогѣ* — право, рѣдко предоставляемое даже наслѣднику престола. Священная эта дорога, на протяженіи четырехъ верстъ, ведетъ къ дворцу; она прорыта на аршинъ глубины и вымощена позолочеными досками. Во время шествій императора, колесница его ѣдетъ по золотому помосту, свита же идетъ по бокамъ; слѣдовать за колесницею этимъ пу-

темъ—рѣдкая и необычайная милость; право же ходить по немъ, во всякое время, какъ мы уже сказали, высшій знакъ императорскаго благоволенія. Въ 1827 году, правомъ этимъ пользовался только *Шанг-канг*, племянникъ императора, герой нашего разсказа.

Во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный молодой человѣкъ, Шанг-кангъ не былъ однакоже изъятъ отъ двухъ слабостей: онъ любилъ игру и женщинъ. Овдовѣвъ, послѣ двухлѣтняго супружества съ дочерью одного изъ первѣйшихъ вельможъ, онъ взялъ себѣ въ наложницы молодую татарку и привязался къ ней со всѣмъ пыломъ страстнаго молодаго сердца. Эта наложница *Міа-минг* была предметомъ его нѣжнѣйшихъ попеченій; на ея наряды князь тратилъ безумныя суммы, брильянты и туалетныя принадлежности скупалъ ей ото всюду. За эту любовь къ Міа-мингъ и за его пристрастіе къ игрѣ въ кости надъ княземъ часто подсмѣивались молодые вельможи, предрекая, что одно, либо другое будетъ причиною его разоренья. Этому шутливому пророчеству суждено было сбыться.

Однажды въ загородномъ дворцѣ князя былъ праздникъ и послѣ пышнаго стола хозяинъ и гости принялись за игру. Князю сначала везло, потомъ—заколодило. Въ теченіе двухъ часовъ времени онъ проигралъ всѣ свои деньги, лошадей, экипажи; поставилъ на ставку свои земли и помѣстья—и проигралъ. Дошла очередь до загороднаго дворца со всѣми его убранствами—и они перешли въ руки счастливыхъ партнеровъ! Скрѣпя сердце, князь продолжалъ игру на брильянты своей наложницы, на ней надѣтые—и ихъ выигралъ молодой мандаринъ *Фо-кіанг*. Довольный судьбою и цѣлымъ состояніемъ, такъ легко ему доставшимся, *Фо-кіанг* (въ шутку) попросилъ князя тотчасъ же отдать ему послѣдній проигрышъ, т. е. снять брильянты съ красавицы Міа-мингъ. Сердце бѣднаго князя, раздраженное неудачей, не могло снести этой обиды: „Не воспользуешься ты ими!“ крикнулъ онъ насмѣшнику, хватаясь за кинжалъ, и всадилъ его въ сердце Фо-кіанга по самую рукоятку...

Въ одинъ мигъ дворецъ опустѣлъ, гости разбѣжались и остался князь въ собесѣдничествѣ наложницы, трупа и собственной совѣсти. Когда императору донесли о случившемся, онъ былъ внѣ

себя, не отъ гнѣва, а отъ огорченія, но при всемъ томъ велѣлъ предать преступника суду, какъ обыкновеннаго гражданина. Князя арестовали: губернаторъ, командиръ всей гвардіи въ цѣпяхъ и подъ стражею привезъ князя въ пекингскую тюрьму. Дѣло передали на разсмотрѣніе верховнаго уголовнаго суда, состоявшаго изъ первоприсутствующаго президента, двухъ вице-президентовъ и четырехъ совѣтниковъ. Обязанность каждаго изъ членовъ—допрашивать подсудимаго не въ судѣ, но въ казематѣ. На это употребляется нѣсколько дней, по прошествіи которыхъ, члены собираются въ судъ, сообщаютъ другъ другу показанія преступника, свои личныя соображенія и мнѣнія. Въ случаѣ надобности, за преступникомъ посылаютъ въ темницу и приводятъ въ судъ, гдѣ во все время допроса онъ стоитъ за занавѣсомъ, такъ что судьи слышатъ только его голосъ, не видя лица. Занавѣска отдергивается только для очныхъ ставокъ. Ни адвокатовъ, ни повѣренныхъ въ уголовныхъ дѣлахъ не допускается: подсудимый защищается самъ, съ правомъ взять себѣ въ помощники ближайшаго родственника. Въ послѣднемъ случаѣ, чужой, назвавшійся родственникомъ, подлежитъ наказанію кангою.

Князь *Шанг-канг* предъ судомъ чистосердечно показалъ всю правду, прибавляя при этомъ, что умертвилъ себѣ подобнаго человѣка въ минуту ярости; что если дядѣ его, императору, угодно будетъ осудить его на смерть—онъ безропотно покорится этому справедливому приговору и своей участи... Судьи, по совѣщаніи, объявили: князя Шанг-канга—за убійство, на основаніи указа седьмаго года, императора *Тсанг-тсу*—казнить всенародно чрезъ удавленіе на крестѣ. Князь безтрепетно выслушалъ приговоръ, предъ исполненіемъ котораго каждый преступникъ привилегированнаго сословія подвергается еще окончательному передопросу самимъ императоромъ. Въ силу этого узаконенія, князя привели во дворецъ къ императору. Голова преступника, при этомъ, въ знакъ того, что онъ убійца, была покрыта краснымъ шелковымъ платкомъ. Съ княземъ пришелъ его двоюродный братъ, въ качествѣ помощника при защитѣ, и сталъ справа; слѣва же отъ подсудимаго помѣстился придворный стенографъ, обязанный записывать всѣ поступки и рѣчи государя. Вошедшіе не преклo-

нились предъ императоромъ, такъ какъ въ эту минуту онъ олицетворяетъ только правосудіе. Слово было дано защитнику, который говорилъ съ такой энергіей и благородствомъ, что императоръ былъ тронутъ до слезъ. Послѣ того, по закону, государь провелъ цѣлый часъ въ безмолвномъ размышленіи и... утвердилъ приговоръ уголовнаго суда, съ тѣмъ однако же изъятьемъ, чтобы осужденный вмѣсто удавленія на крестѣ, былъ удавленъ на кладбищѣ своихъ предковъ, въ день общихъ казней.

Въ первый день седьмой луны, т. е. 8 августа 1827 года, князь Шанг-кавгъ былъ приведенъ въ кипарисовую рощу, гдѣ мѣстами возвышались могильные склепы его предковъ. Предъ однимъ изъ нихъ, несчастный князь палъ ницъ и долго плакалъ: въ этомъ склепѣ покоился прахъ отца его Канг-тсу. Мандарины встали вокругъ плачущаго, а впереди его служители храмовъ, читая молитвы, напутствующія душу въ загробное ея путешествіе чрезъ кровавую рѣку. Есть повѣрье, что душа, отягощенная преступленьями, тонетъ и навѣки остается на днѣ китайскаго Ахерона, чистая же или облегченная раскаяніемъ, въ три года можетъ благополучно достигнуть противуположнаго берега.

По окончаніи молитвы жрецы ударили въ ладоши и единогласно воскликнули, что наступило для осужденнаго время поплакать о самомъ себѣ.

На нѣсколько минутъ поднялись всеобщія рыданія, прекратившіяся по мановенію старшаго боиза. Тогда изъ толпы вельможъ вышелъ предсѣдатель уголовнаго суда и прочелъ князю смертный приговоръ, объявивъ ему, что смертная минута наступила. При этихъ словахъ онъ подалъ ему длинную шелковую веревку, которую князь въ одинъ узелъ накинулъ себѣ на шею. За концы веревки взялись палачи, по пяти человѣкъ за каждый, и ожидали узаконеннаго сигнала... Воцарилась мертвая тишина и глаза всѣхъ присутствующихъ недвижно застыли на мертвенно-блѣдномъ лицѣ князя, дышавшаго еще въ роковой петлѣ... Но вотъ раздался оглушительный ревъ там-тама, слившійся съ послѣднимъ воплемъ удавляемаго... чрезъ нѣсколько минутъ все было кончено!

Императоръ почтилъ жертву правосудія полугодичнымъ трауромъ, въ знакъ котораго отростилъ себѣ волосы и бороду и оставилъ всѣ увеселенія. Законъ торжествовалъ надъ чувствами самого государя. Чрезъ восемнадцать лѣтъ тотъ же *Тао-куангъ*, въ маѣ 1845 года, казнилъ чрезъ удавленіе многихъ членовъ своего семейства за куреніе опіума, и двухъ князей: одного за убійство жены, другаго за убійство портнаго... Никакія просьбы, никакія ходатайства за осужденныхъ не нашли доступа къ сердцу строгаго государя, безстрастнаго и невозмутимаго, какъ само правосудіе.

„Могу ли я внушать подданнымъ уваженіе къ закону, говорилъ онъ себѣ въ оправданіе, если самъ буду нарушать его въ пользу преступниковъ, потому только, что они состояли въ родствѣ со мною? Послѣ этого, каждый судья въ правѣ оправдывать и избавлять отъ наказанія каждаго преступника.“

Предъ прочтеніемъ смертнаго приговора, осужденному подносятъ стаканъ вина, называемаго *виномъ приношенія*. Питіе вина, какъ замѣтилъ читатель, сопровождаетъ у китайцевъ нѣкоторые жертвенные обряды, поминовенія предковъ, свадьбы и, наконецъ, смертную казнь, что придаетъ ей также видъ нѣкотораго религіознаго обряда. Когда ведутъ преступника на казнь, роднымъ его и друзьямъ позволяется также подносить ему, во время шествія, въ знакъ любви и дружбы, вино приношенія. Слѣдствіемъ этого, бываетъ нерѣдко, что по прибытіи на мѣсто казни, охмѣлѣвшій преступникъ едва держится на ногахъ и умираетъ въ пьяномъ безпамятствѣ, либо, вслѣдствіе того же угощенія виномъ, осужденный бодрится, не падаетъ духомъ и удивляетъ присутствующихъ *искуственнымъ* своимъ героизмомъ. Не было примѣра, чтобы къ вину приношенія примѣшивали ядъ, который бы избавлялъ подсудимаго отъ позорной казни, но нѣтъ сомнѣнія, что родные иногда примѣшиваютъ къ вину опіумъ, либо какое нибудь другое одуряющее снадобье.

Кромѣ права пить вино приношенія, преступникамъ, надъ которыми произнесенъ приговоръ, позволяется бранить судей самыми отборными словами. Статьи о *совокупности преступленій*, увеличивающей наказаніе, въ китайскихъ законахъ нѣтъ, но во всякомъ случаѣ осужденный на казнь становится до исполне-

нія приговора какъ бы внѣ закона, подъ эгидою пословицы: семь бѣдъ одинъ отвѣтъ.

Тѣла казненныхъ удавленіемъ и обезглавленіемъ выдаются родственникамъ для погребенія. Законъ, уничтожая вреднаго члена общества и исторгая его изъ среды гражданъ, не считаетъ себя въ правѣ лишать его родственныхъ правъ и класть какую-нибудь преграду между его кровью, пролитою подъ саблею палача, и его единокровными. Скажемъ, въ заключеніе, еще объ одной особенности уголовнаго судопроизводства въ Китаѣ. По силѣ древнихъ узаконеній, приговоренный къ тѣлесному наказанію, можетъ нанять за себя подставнаго, довольствуясь только позоромъ, такъ какъ при наказаніи наемника ему вѣшается на шею дощечка, на которой написано имя настоящаго преступника. Не говоримъ о сдѣлкахъ съ палачемъ, преступника или его родныхъ, подкупающихъ палача съ тѣмъ, чтобы онъ, при наказаніи тѣлесномъ, не слишкомъ истязалъ и не томилъ напрасно при совершеніи смертной казни... Это явленіе не рѣдкость во всякой странѣ, гдѣ существуетъ или существовало тѣлесное наказаніе, въ видѣ ли татарскаго киута, или нѣмецкаго шпицрутена, или англійскаго линька, или французскаго фухтеля.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Статистическій перечень храмовъ и монастырей. — Пекингъ.—Храмъ Предковъ.—Храмъ Свѣта.—Семь пагодъ.— Высочайшее зданіе въ мірѣ.—Нанг-кингъ.—Фарфоровая башня.—Вандализмъ европейцевъ. — Храмы боговъ хлѣба. — Монастырь вѣчнаго покоя.—Чудодѣй отшельникъ.—Гробницы императоровъ.—Колодезь Кунг-фу-тси.—Его гробница.— Храмъ и гробница Менг-тси.—Бронзовый храмъ.—Сирійскій памятникъ.—Книги.—Гробница Лао-тси. — Западное озеро.—Гробница императора Ю.

По точнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ на мѣ-

стѣ католическими мисіонерами, въ *восемнадцати* (1) губерніяхъ китайской имперіи находится: заведеній учебныхъ, только — высшихъ и среднихъ — 2,338; славныхъ памятниковъ древности — 10,809; башенъ, тріумфальныхъ арокъ въ память великихъ людей или славныхъ событій — 1,159; первоклассныхъ библіотекъ — 272; гробницъ великихъ людей — 688; славнѣйшихъ храмовъ секты Ю — 709; храмовъ Фо — 480; монашествующихъ же мужескаго пола до 830,000 человѣкъ. Вообще же въ имперіи (по статистическимъ свѣдѣніямъ 1812 г.) считается: храмовъ секты Ю (закона Кунг-фу-тси) 912; буддійскихъ храмовъ и монастырей — 710; монастырей сектаторовъ Тао — 86. Отношеніе послѣднихъ къ буддійскимъ какъ 6:100.

Согласно предвзятой нами программѣ заключать очеркъ каждой религіи обзоромъ знаменитѣйшихъ ея храмовъ и священныхъ мѣстностей, представляемъ читателю перечень главныхъ храмовъ Китая, сообразно политическому его дѣленію на 18 губерній.

I. ***Губернія Чи-ли или Пе-чи-ли*** (2), ***главный городъ Пе-кингъ***, столица имперіи. По физическому мѣстоположенію, Пе-кингъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію; онъ лежитъ не въ центрѣ государства, но прилегаетъ къ сѣвернымъ его границамъ. Основатель очевидно имѣлъ въ виду охраненіе страны отъ набѣговъ татаръ, желая сдѣлать Пе-кингъ первоклассной крѣпостью. Городъ построенъ на унылой песчаной равнинѣ, окруженъ рощами, загородными домами и кладбищами. Состоитъ изъ: ***кремля***, называемаго ***Тси-кин-чингъ***: (красный заповѣдный городъ), внутренняго города (***Неи-чингъ***) и города наружнаго (***Аи-тсингъ***) или предмѣстья. Замѣчательнѣйшіе храмы въ кремлѣ: 1) ***храмъ предковъ*** (Фунг-сянь-тянь) съ фасадомъ, обращеннымъ къ югу, легкой, изящной архитектуры. Стѣны храма внутри увѣшаны дощечками, на которыхъ золотомъ написаны имена императорскихъ праотцевъ. 2) Буддійскій храмъ (***инг-хоатянь***) со

(1) По тогдашнему дѣленію Китая, т. е. во второй половинѣ XVIII столѣтія.

(2) Дѣлится еще на 11 уѣздовъ, 17 округовъ и 123 волости.

священнымъ деревомъ (Ficus religiosa L), вывезеннымъ изъ Индіи по повелѣнію матери императора *Шинг-тсунга.* Буддисты приписываютъ этому дереву чудотворную силу и насчитываютъ до пятисотъ лѣтъ возраста. 3) на сѣверѣ отъ этого храма другой — бога покровителя города. 4) *Таи-міао* или великій храмъ Свѣта, изъ трехъ фителей; главный обнесенъ стѣною и покрытъ золотою черепицею, великолѣпно отдѣланъ мраморомъ и рѣзьбою изъ орлинаго дерева. 5) Храмъ духовъ *Ше* и *Тсанъ*, съ четырехъ-угольнымъ алтаремъ и пятицвѣтнымъ каменнымъ помостомъ. Каждая сторона алтаря, обращеннаго на югъ, окрашена особою краскою, равно какъ и ограда храма. Сторона, обращенная къ сѣверу, черная, къ югу — красная, къ востоку — бѣлая, къ западу — зеленоватая. Пестрота украшеній, рѣзьба и со вкусомъ расположенная позолота, ставятъ этотъ храмъ на ряду съ красивѣйшими храмами Пе-кинга. Кромѣ этого храма есть нѣсколько второстепенныхъ, съ весьма оригинальными названіями: *генія вѣтра, духа молній, изобрѣтателя шелководства, дракона* и т. п. 6) Буддійскій монастырь *вѣчнаго покоя* (Юнг-ан-ссе) на вершинѣ горы, на прекраснѣйшей мѣстности, окруженный тѣнистыми садами и рощами. Другой буддійскій монастырь *Ху-ко-ссе*, находящійся во внутреннемъ городѣ, замѣчателенъ по ярморкамъ, дающимъ ему громадные доходы и бывающимъ 7, 8, 17, 18, 27 и 28 число каждаго мѣсяца. Замѣтимъ вообще, что ярморки въ Китаѣ, съ давнишнихъ поръ, бываютъ всегда по сосѣдству отъ монастырей: такова привилегія послѣднихъ. Изъ пекинскихъ храмовъ назовемъ еще храмы: *Неба, Земли, Чернаго дракона, Перваго пахаря, Планеты Юпитера* (Таи-сун-танъ) и два храма сектаторовъ Тао: *Восходящаго солнца* и *Вечерней луны;* послѣдніе два въ предмѣстіи столицы. Говоря по правдѣ, всѣ эти зданія построены (сравнительно съ находящимися въ другихъ губерніяхъ) въ не очень давнее время и въ красотѣ и величіи всѣ уступаютъ императорскому дворцу — первому и единственному украшенію столицы.

Въ городѣ *Тіен-тсинъ* находится семь древнихъ молитвенныхъ башенъ или пагодъ, изъ которыхъ главная — башня моря надежды (*Ванг-хаи-тхаи*) имѣетъ 189 метровъ высоты, превосходя 43 метрами высочайшую хеопсову пирамиду. Построеніе ея относятъ къ царствованію *Ву-ти* (140—86 л. до Р. Х.). Въ городѣ *Дже-холь* находится храмъ Будды, построенный въ 1770 г. по плану хласскаго дворца далай-ламы. Величина главнаго зданія двѣсти квадратныхъ саженъ высоты, въ одинадцать этажей. По срединѣ квадратнаго двора находится золотая часовня съ тремя кумирами Будды, предъ которыми горятъ неугасаемыя лампады.

II. *Губернія Кіанг-нанъ*, главный городъ *Нанг-кинъ.* Первое мѣсто изъ всѣхъ зданій города, безспорно, принадлежитъ знаменитой *фарфоровой башнѣ*, называемой китайцами *тса-пао-нган-ссе*, т. е. (храмомъ благодарности) и построенной при династіи *Тсинъ* (265—240 г.). Высоту ея опредѣляютъ въ 261 англ. футовъ, ширину же у основанія въ 96 фут. 10 дюйм. (1). Она въ девять этажей, отдѣленныхъ другъ отъ друга особыми кровлями. Фасадъ ея украшенъ галереей съ колонадою; кровли зеленыя, черепичныя, покрытыя превосходной глазурью. Внутренняя плотничная работа съ затѣйливой узорчатой рѣзьбой — по мнѣнію китайцевъ — совершенство своего рода. Нижній этажъ освѣщенъ стеклянными дверями; въ немъ три огромные залы, обращенные на востокъ. Форма башни восьмиугольная, и обнесена она таковою же каменною оградою съ черепичной кровлей. Наружныя стѣны башни облицеваны фарфоровыми плитами, которыя по разсказамъ очевидцевъ уступаютъ и цвѣтомъ и добротой бѣлой облицевкѣ голландскихъ (кафельныхъ) печей. Внутренняя лѣстница, соединяющая этажи, узка, неудобна, съ крутыми высокими ступеньками. Стѣны во всѣхъ этажахъ украшены живописью и столярной работой (если только то и другое можетъ назваться украшеніемъ). Мѣстами въ стѣнахъ подѣланы ниши съ лѣпными и ярко позолоченными идолами. Первый этажъ выше прочихъ, осталь-

---

(1) Китайскія многоэтажныя башни всѣ принадлежатъ къ эпохѣ водворенія буддизма и ихъ можно назвать храмами этой религіи. Этажи (всегда въ нечетномъ числѣ — отъ 5 до 13) символически изображаютъ небесныя области или сферы.

вые всѣ одинаковой высоты—въ 158 французскихъ футовъ. Главную красоту башни составляетъ ея куполъ, украшенный позолоченымъ шаромъ. Мачта, на которой укрѣпленъ послѣдній, утверждена въ полъ восьмаго этажа и возвышается надъ куполомъ на 30 футовъ. Съ вершины фарфоровой башни видѣнъ весь городъ, какъ на ладони... При всѣхъ его недостаткахъ, зданіе это во всякомъ случаѣ великолѣпнѣйшее изъ всѣхъ зданій востока.

Такъ повѣствуетъ о фарфоровой башнѣ мисіонеръ ***Ле-Контъ*** (1); но онъ обозрѣвалъ это чудо китайской архитектуры сто семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, а съ той поры много воды утекло. Въ 1842 году, во время знаменитой опіумной экспедиціи англичанъ въ Китай — любознательные моряки до такой степени попортили фарфоровую облицевку башни, ударяя въ стѣны молотками, или царапая на нихъ свои ничтожныя имена, что ихъ полномочный тогдашній посланникъ вынужденъ былъ заплатить китайскому правительству извѣстяую сумму денегъ для починки башни (2). Черезъ 14 лѣтъ, тѣ же англичане, въ сообществѣ съ французами, дѣлали военную рекогносцировку нанг-кинской башни — но на этотъ разъ поврежденія были еще серьезнѣе прежнихъ и чуть-ли не неисправимыя.... Впрочемъ, французскія и англійскія ядра и бомбы вообще неразборчивы: для нихъ нѣтъ святыни ни въ религіи, ни въ наукѣ, ни въ искуствѣ; стоитъ только припомнить бывшія въ славномъ нашемъ XIX столѣтіи бомбардировки: ***Соловецкаго монастыря*** (въ Россіи), ***Акрополиса***—въ Аѳинахъ и еще не такъ давно—вѣчнаго ***Рима***, ради защиты ***вѣчнаго*** Пія IX! Видно иностраная солдатчина всегда и всюду неизмѣнный звѣрь, одѣта ли она въ звѣриныя шкуры подобно гуннамъ и вандаламъ, или затянута въ щегольскіе мундиры моряковъ или гвардейцевъ королевы Викторіи или императора Наполеона III.

Изъ прочихъ храмовъ Нанг-кина замѣчательны еще: храмъ ***Кунг-фу-тси*** въ округѣ Као-шунъ и храмъ ***Тсинг-хаи-***

(1) Le P. Louis Le Comte: Mémoires sur l'état présent de la Chine, p. 1701 lettre troisième.

(2) Chinese Repository-March 1841. p. 262.

тсе (тихаго моря), посвященный богинѣ Кван-іинъ. Послѣдній украшенъ великолѣпнымъ собраніемъ портретовъ всѣхъ китайскихъ мудрецовъ и бронзовыми курильницами для ладана высокой, художественной работы.

Городъ ***Тан-янгъ*** славится буддійскимъ странноприимнымъ монастыремъ „Золотаго холма", лежащимъ въ пріятнѣйшей мѣстности и основаннымъ при ***Тсинсхъ*** (265—420 г.). Живущіе въ немъ бонзы отличаются вѣжливостью и обходительностью со всѣми посѣтителями, какъ исповѣдующими ихъ религію, такъ равно и съ иновѣрцами. Въ числѣ 29 храмовъ ***седьмаго*** уѣзда второй губерніи, назовемъ храмы: ***Великой рѣки Кіангъ, духа морскихъ волнъ, сліянія Кіанга съ моремъ, трехъ мудрецовъ и трехъ полководцевъ.*** Изъ монастырей громаднѣйшій и богатѣйшій въ губерніи — монастырь ***разумнаго Фана*** (основанный въ 990 г.) съ семиэтажной пагодой.

III. ***Губернія Нган-хоеи***, главный городъ ***Ган-кингъ***. Здѣсь храмы: ***Пяти родовъ жита*** (у-ко-міао), ***божественнаго пахаря*** (Шин-нунгъ) и ***Богини хлѣба*** (Хеу-тси) ясно показываютъ, что хлѣбопашество главный промыселъ жителей и что губернія эта—житница имперіи. Къ округѣ ***Тсіан-шанъ*** находится священная гора ***Хуанъ***, гора трехглавая, или правильнѣе о трехъ вершинахъ. Восточная, по причинѣ вѣчныхъ снѣговъ, называется ***небеснымъ столбомъ*** или ***снѣговою горою*** (Сіуэшанъ); на западной вершинѣ—***хо-шанъ***, четырнадцать скитовъ отшельниковъ Тао. Кромѣ того на этой горѣ четыре моленныя башни и три озера, воды которыхъ, по сказаніямъ китайцевъ, обладаютъ чудесною силою. На этой же самой горѣ поселились сирійскіе выходцы, христіане съ ихъ предводителемъ ***О-ло-пеномъ*** (см. гл. XVI, стр. 146). Въ восьмомъ уѣздѣ — два монастыря съ храмами, посвященными памяти ***Лао-тси***, называемые дворцами небеснаго покоя и великой чистоты. Послѣдній построенъ въ 164 г.

IV. ***Губернія Шан-си***, главный городъ ***Тай-іуэнъ-фу***. Славится монастыремъ Вѣчнаго покоя, основаннымъ въ 265 году; кромѣ драгоцѣнныхъ золотыхъ и серебряныхъ идоловъ въ этомъ монастырѣ находится ***тысяча*** комнатъ, посвященныхъ великому

Фо (Буддѣ). Здѣсь въ прошедшемъ столѣтіи жилъ отшельникъ, выдававшій себя за праведника, способнаго молитвою низводить громы и дожди на землю. Чѣмъ бывала продолжительнѣе засуха, тѣмъ, по увѣренію отшельника, грѣшнѣе были люди и тѣмъ достойнѣе наказанія... Когда же по неизмѣннымъ и премудрымъ законамъ природы послѣ засухи наступали дожди, отшельникъ приписывалъ ниспаденіе ихъ на землю и благораствореніе *воздусовъ* силѣ своей молитвы. Вотъ что называется играть на вѣрняка и въ дурачки и въ фофаны!..

Во второмъ уѣздѣ замѣчательны гробницы: императора *Хва* или *Ніу-хва* (по китайскимъ лѣтописямъ современника *Ноя*); императоровъ: *Яо* (жившаго въ 2357 г. до Р. Х.) и *Ли-ван-га* (878 л. до Р. Х.). Гробница Яо, по вычисленіямъ китайскихъ географовъ, имѣетъ 472 франц. метра вышины и болѣе двухсотъ саженъ ширины. Памяти каждаго изъ трехъ императоровъ посвящены, кромѣ того, особые храмы.

V. ***Губернія Шан-тунгъ***, главный городъ ***Тси-нан-фу***, мѣсторожденіе высоко чтимаго ученаго, ***Фу-сенга***, которому китайцы одолжены спасеніемъ многихъ книгъ, во время сожженія ихъ при императорѣ ***Тсин-ши-хоанг-ти*** (Гл. XV, стр. 138). Въ главномъ городѣ втораго уѣзда Йен-чу-фу—родинѣ ***Кунг-фу-тси***, находятся многіе святые колодцы, обладающіе цѣлебной силой (¹). Важнѣйшихъ изъ нихъ ***шинг-шуи-тсингъ*** (колодезь святой воды) у воротъ буддійскаго монастыря „Каменнаго Фо“. На днѣ этого колодца лежитъ камень, покрытый древними письменами: стоитъ только поднять его во время засухи и благодѣтельный ливень ороситъ землю... Свято чтится и сохраняется колодезь у дома, въ которомъ родился Кунг-фу-тси... Сюда издалека приходятъ ученые и пьютъ эту воду, вспоминая великаго мудреца. Къ сожалѣнію вода колодезя Кунг-фу-тси не обладаетъ волшебными свойствами Иппокрены: та превращала людей въ поэтовъ, но китайская колодезная вода не въ состояніи дать муд-

(¹) То есть — *минеральные* ключи, въ цѣлебныхъ свойствахъ которыхъ нельзя и сомнѣваться.

рости. Здѣсь же показываютъ алтарь „Весны и Осени“, посвященный памяти великаго законодателя, и современную ему лиственницу, осѣняющую храмъ, по преданію, его руками насажденную. Нынѣ этому дереву считаютъ слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ. Въ двухъ миляхъ на сѣверъ отъ города ***Хіо-феу*** находится обсаженная деревьями гробница Кунг-фу-тси, увѣнчанная куполомъ. Надпись надъ входомъ ея гласитъ: ***Могила провозглашеннаго царемъ словесности, величайшаго изъ святыхъ и человѣка совершеннѣйшаго.*** Предъ гробницею каменный алтарь въ три кубическіе фута. Вокругъ гробницы могилы учениковъ великаго мудреца: слѣва ***Не-ю***, а напротивъ нея ***Тси-ссе.*** На юго-востокѣ павильонъ, осѣненный деревомъ ***Кіаи***, посаженнымъ *Тси-кунгомъ*. Въ 1684 году, гробницу Кунг-фу-тси посѣтилъ царствовавшій тогда императоръ ***Ханг-хи*** съ многочисленной свитой. Въ виду этого священнаго мѣста онъ приказалъ спутникамъ сойдти съ коней и самъ сошелъ съ носилокъ. Потомъ, войдя въ ограду, за которой стоитъ гробница, всталъ лицемъ къ сѣверу, преклонилъ колѣна, совершилъ возліяніе вина и трижды ударилъ челомъ.

На югѣ отъ областнаго города ***Тсеу*** находятся храмы въ честь ***Менг-тси*** и его матери, уступающіе впрочемъ въ великолѣпіи вышеописаннымъ. Въ четвертомъ уѣздѣ, близъ городка ***Лин-тси*** показываютъ гробницу ***Тцанг-хіэ***, изобрѣтателя письменъ, за 3000 л. до Р. Х. Кромѣ того, почти въ каждомъ уѣздѣ есть храмы въ честь Кунг-фу-тси. Въ девятомъ уѣздѣ, нельзя не обратить вниманія на надпись, начертанную императоромъ ***Тсин-ши-хоанг-ти*** на скалѣ вершины священной горы Таишана; на „Бронзовый храмъ“ исповѣдниковъ Фо, украшенный тринадцатью бронзовыми статуями Будды, каждая въ 37 аршинъ вышиною. Основаніе его относятъ ко временамъ династіи ***Сунговъ*** (1068—1078 г.).

VI. ***Губернія Хо-нанъ***, главный городъ ***Каи-фунг-фу*** не славится ни особенно замѣчательными храмами, ни монастырями.

VII. ***Губернія Шен-си***, главный городъ ***Си-нган-фу***, въ которомъ находится ***сирійскій памятникъ*** первыхъ христіан-

скихъ поселенцевъ Китая (Гл. XVI, стр. 146) и кромѣ того множество древностей, относящихся до исторіи религіи небесной имперіи. Между ними, первое мѣсто занимаютъ сохраняющіяся въ городской колегіи каменныя скрижали, на которыхъ начертаны въ 714 году *Книги* великаго Кунг-фу-тси. На юго-востокѣ отъ областнаго города *Чеу-во* находится гробница его предшественника, добраго, незлобиваго—*сѣдаго младенца* Лао-тси, неподалеку отъ нея храмъ, посвященный его памяти, сооруженный за 200 л. до Р. Х. и возобновленный въ 295 нашей эры.

VIII. *Губернія Кан-су*, главный городъ *Лан-чеу-фу* — замѣчательна только храмомъ *Фу-хи*, воздвигнутымъ на неприступныхъ горныхъ вершинахъ, близъ областнаго города *Кут-чанга*.

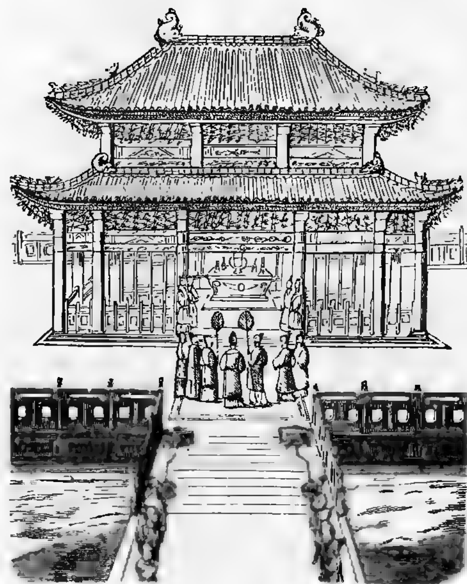
IX. *Губернія Че-кіангъ*. главный городъ *Ханг-чеу-фу*. Здѣсь горы, пользующіяся репутаціею священныхъ, что явствуетъ изъ ихъ слѣдующихъ названій: *Тіен-му* (небесное ухо), *Ссе-мингъ* (четыре луча), *Кин-хоа* (золотой цвѣтокъ). Замѣчательно также—*западное озеро* (Си-ху), о которомъ существуетъ множество фантастическихъ сказаній, прославленное китайскими поэтами и романистами.

На юго-западѣ отъ города *Хоэн-ки* находится гробница императора *Ю* и храмъ въ память этого великаго человѣка, бывшаго основателя инженернаго искуства въ Китаѣ, а можетъ быть и въ цѣломъ свѣтѣ.

X. *Губернія Кіанг-си*, съ главнымъ городомъ *Нан-чангфу* и прочими областными и уѣздными городками не содержитъ въ себѣ ни замѣчательныхъ храмовъ, ни памятниковъ старины. Те же можно сказать и о послѣдующихъ трехъ губерніяхъ (1).

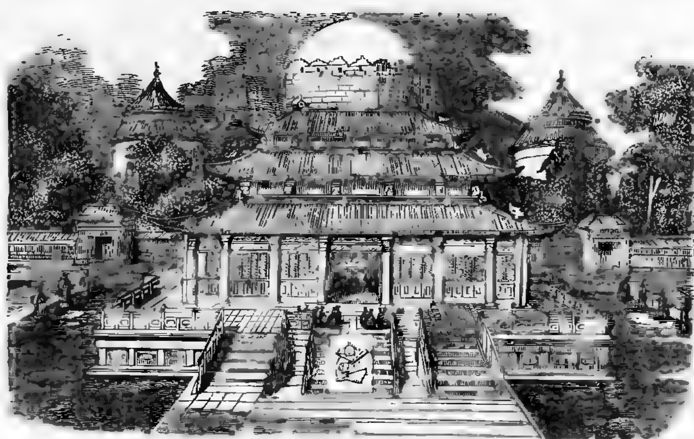
(1) XI – Ху-пе, главный городъ Ву-чанг-фу; XII – Ху-нанъ, главн. городъ Чан-ша-фу и XIII – Ссе-чуанъ, главный городъ Чинг-ту-фу.

Видъ Пе-Кинга.

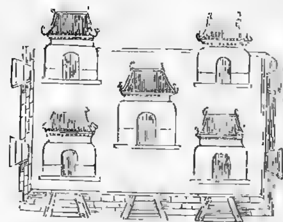


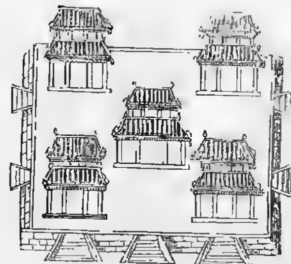
Храмъ памяти предковъ.

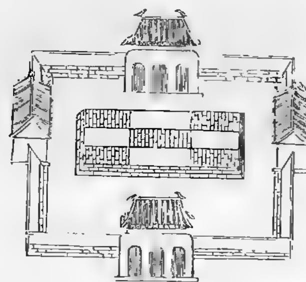
Гробница Кунг-фу-тси.



Храмъ памяти Кунг-фу-тси.







Храмъ Свѣта.

Фарфоровая башня въ Нанг-Кингѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Фу-чеу-фу.—Знаменитая пагода въ Амои.—Кантонъ и буддійскіе монастыри.—Строгіе уставы.—Уставы посвященія въ бонзы.—Уложеніе о храмахъ и алтаряхъ.—Обрядникъ.—Нелѣпая выдумка европейцевъ о десяти тысячахъ церемоній.—Статьи обрядника.—Этикетъ придворный.—Насилія, причиняемыя Китаю европейскими державами.—Великодушіе Россіи.—Будущность Китая.—Побѣды, не уступающія подвигамъ испанцевъ въ Перу и Мексикѣ. — Китай и Европа.—Заключеніе.

XIV. ***Губернія Фо-кіэнъ***, главный городъ ***Фу-чеу-фу.*** Въ этой губерніи замѣчательнѣйшее мѣсто островъ ***Амои*** или ***Эмусъ***, съ превосходнѣйшей въ мірѣ гаванью, нынѣ оставленной. Впрочемъ, болѣе нежели своей гаванью, Амои славится монастыремъ съ богатой пагодой, сооруженной въ честь Будды и привлекающей со всѣхъ концовъ Китая многочисленныхъ богомольцевъ.

Монастырь находится на обширной равнинѣ, одной стороной примыкающей къ морю, а другою упирающейся въ подножіе высокой горы. Отъ моря къ монастырю проведены многочисленные каналы, окаймленные богатѣйшей растительностью. Фасадъ храма въ тридцать сажень ширины и входъ украшенъ великолѣпными барельефами. Этотъ входъ ведетъ въ портикъ, вымощенный отлично полированными камнями и по срединѣ его алтарь съ колосальною статуей Будды изъ позолоченой бронзы. По угламъ портика четыре другіе кумира въ восемнадцать футовъ высоты, ярко вызолоченые. Удивленію посѣтителя не будетъ предѣловъ, при извѣстіи, что каждая изъ этихъ колосальныхъ статуй изсѣчена изъ цѣльнаго камня (монолита).

Черезъ портикъ входятъ во дворъ, вымощенный плитами сѣраго камня, каждая въ десять футовъ длиною и четыре шириною. По четыремъ угламъ двора четыре павильона, увѣнчанные куполами и соединенные между собою галереями. Въ одномъ изъ павильоновъ на прочныхъ, мастерски устроенныхъ подножкахъ, виситъ колоколъ въ десять футовъ въ поперечникѣ: въ другомъ—огром-

ный бубенъ, ударами въ который бонзы возвѣщаютъ дни полнолунія и новолунія. Въ остальныхъ двухъ павильонахъ сохраняется храмовая утварь; они же служатъ пристанищемъ для богомольцевъ.

По срединѣ двора высокая башня съ куполомъ, окруженная винтообразной, каменной лѣстницей. Храмъ подъ самымъ куполомъ. Своды украшены превосходной мозаикой, стѣны—лѣпными изображеньями разныхъ звѣрей и чудовищъ. Колоны, поддерживающія своды, изъ полированнаго дерева; въ праздничные дни ихъ украшаютъ разноцвѣтными шелковыми знаменами, значками и лентами. Полъ наборной работы изъ разноцвѣтныхъ раковинокъ, покрытыхъ толстымъ слоемъ стекловидной мастики; узоры изображаютъ птицъ, бабочекъ, цвѣты и т. п.

Старшіе жрецы (*хо-шангъ*) непрерывно жгутъ на алтарѣ благоуханія и поддерживаютъ огонь въ теплящихся лампадахъ, висящихъ со сводовъ. На углу алтаря стоитъ бронзовая урна, въ которую изрѣдка ударяютъ при богослуженіи, и которая издаетъ протяжный, унылый звонъ; на другомъ углу деревянный цилиндръ: попеременными ударами въ него и въ урну жрецы акомпанируютъ себѣ при пѣніи гимновъ и молитвъ. Средину алтаря занимаетъ идолъ ***Пусса***: онъ сидитъ съ младенцемъ на рукахъ въ чашечкѣ бронзоваго цвѣтка, ярко вызолоченаго. Эта фигура окружена множествомъ малыхъ идоловъ, обращенныхъ лицами къ нему въ положеніи поклоняющихся. Нижняя галерея, окаймляющая храмъ, уставлена двадцатью четырмя золочеными статуями, изображающими учениковъ Кунг-фу-тсе... Уступка буддизма вѣроисповѣданію ***Ю***. Въ концѣ галереи обширная зала, служащая бонзамъ трапезою. Отсюда по каменной лѣстницѣ входятъ еще въ храмъ ***Фо***. Здѣсь множество вазъ съ искуственными цвѣтами, множество лампадъ и тѣ же музыкальные инструменты, что и на алтарѣ верхняго храма. Сидящій здѣсь на алтарѣ идолъ Будды занавѣшенъ черным крепомъ. Это покрывало никогда не снимается; о таинственномъ, символическомъ его значеніи не находимъ никакихъ свѣденій въ разсказахъ очевидцевъ.

Остальныя зданія монастыря назначены для помѣщенія бонзовъ. Отлогость горы, къ которой примыкаетъ храмъ и монастырь, покрыты садами и рощами, украшены прорубленными въ скалахъ

гротами, представляющими отрадныя убѣжища въ знойные, лѣтніе дни. Бонзы этого монастыря вообще ласковы и обходительны; они водятъ посѣтителей въ храмы и во всѣ покои великолѣпнаго зданія... Не любятъ только нескромныхъ разспросовъ и своевольничанья посѣтителей и богомольцевъ.

XV. Губернія ***Куанг-тунгъ***, главный городъ ***Куанг-чеу***, извѣстный у насъ, европейцевъ, подъ именемъ ***Кантона***. Изъ храмовъ его назовемъ: храмъ Южнаго моря (***Нан-хаи-міао***), построенный въ 594 году. Изъ монастырей замѣчательны: находящіеся на сѣверо-западѣ отъ Кантона монастырь—***Доблестной дѣтской любви***, ***чистаго разумѣнія*** и ***цвѣточнаго лѣса*** (¹).

Уставы здѣшнихъ буддійскихъ монастырей отличаются отъ прочихъ чрезвычайною строгостью. Желающій поступить въ бонзы подвергается тягчайшимъ испытаніямъ. Въ теченіе цѣлаго года онъ обязанъ отращивать себѣ волосы и бороду, одѣваться въ рубища, питаться милостынею, вымаливать ее пѣніемъ молитвъ тому идолу, которому онъ желаетъ посвятить себя. Отъ употребленія мяса въ пищу онъ отрекается на всегда; ночью, во время сна, его часто будятъ, или налагаютъ на него обязательную безсонницу. По прошествіи года его посвящаютъ. Бонзы толпами приходятъ въ храмъ, съ четками, надѣтыми на шею, и громко поютъ молитвы, звоня въ колокольчики. Посвящаемый, въ это время, лежитъ у дверей храма. По окончаніи молитвъ его подводятъ къ жертвеннику, надѣваютъ на него сѣрый балахонъ, переполсываютъ веревкою и увѣнчиваютъ бумажнымъ колпакомъ... Послѣ того каждый бонзъ троекратно обнимаетъ новаго товарища.

Въ заключеніе нашего обзора представляемъ дѣйствующія въ Китаѣ узаконенія касательно сооруженія храмовъ въ губерніяхъ.

Въ каждомъ городѣ — губернскомъ, областномъ, уѣздномъ, окружномъ и волостномъ должны быть непремѣнно:

(¹) Губерніи, XVI — Куанг-си, гл. гор. Куэй-лин-фу; XVII Юн-нанъ гл. городъ Юн-нан-фу и XVIII Куэй-чеу, гл. гор. Куэй-янг-фу въ отношеніи религіозно-историческомъ ничѣмъ не замѣчательны.

1) Алтарь, посвященный духу земли и ея произведеніямъ (*ше-тси-танъ*).

2) Алтарь вѣтра, тучъ, грома, дождя, горъ и рѣкъ (*фунг-юн-луи-ю-шан-чуан-танъ*).

3) Алтарь перваго пахаря (*сіэн-нунг-танъ*).

4) Храмъ словесности (*вен-міао*).

5) Храмъ императоровъ всѣхъ династій, правившихъ Китаемъ (*куан-ли-міао*).

6) Храмъ созвѣздія Большой медвѣдицы (*вен-чанг-ли-кіун-міао*).

7) Храмъ охранителей города, т. е. духовъ—покровителей городскихъ стѣнъ, рвовъ и валовъ (*чинг-хоанг-міао.*)

8) Алтарь демона болѣзней (*ли-танъ*).

9) Почетный храмъ памяти министровъ и градоправителей, оказавшихъ государству особенныя услуги (*линг-кван-тсе*).

10) Почетный храмъ мудрецовъ (*хіанг-хіэн-тсе*).

11) Почетный храмъ вѣрныхъ, государственныхъ, прямодушныхъ, къ родителямъ почтительныхъ людей (*чунг-и-хіао-ти-тсе*).

12) Почетный храмъ непорочныхъ дѣвственницъ, добродѣтельныхъ, стыдливыхъ и цѣломудренныхъ женъ (*ліэ-ніу-тсіэ-фу-тсе*).

Кромѣ того въ нѣкоторыхъ городахъ должны быть еще особенные храмы, посвященные божествамъ-спеціалистамъ. Въ главномъ городѣ, уѣздныхъ и областныхъ городахъ губерніи *Чи-ли* должны быть почетные храмы: *доблестной вѣрности* (чао-чунг-тсе), *духа дракона* (лунг-тин-міао) и *достойныхъ мужей* (хіэн-ліанг-тсе). Въ каждой губерніи храмы геніевъ-покровителей, особенно процвѣтающей тамъ отрасли промышленности, какъ-то: шелководства, хлѣбопашества, огородничества, садоводства и т. п.

Подобно этой регламентаціи религіозныхъ учрежденій въ городахъ, распредѣлены статьями *Обрядника* взаимныя отношенія гражданъ. Эти самыя статьи вѣроятно и подали поводъ европейцамъ къ ни мало не остроумной выдумкѣ существованія какихъ-то „десяти тысячъ церемоній"... Нашихъ общественныхъ условій, пожалуй, наберется и поболѣе, но мы надъ ними смѣяться не дерзаемъ, нарушителей же ихъ чуть не побиваемъ камнями. Китайскій *Обрядникъ* содержитъ въ себѣ всѣ правила общежитія, соблюденіе которыхъ придаетъ лоскъ порядочности людямъ даже самаго посредственнаго образованія; это сводъ законовъ вѣжливости отдаленной древности, завѣщанныхъ грядущимъ поколѣніямъ, законовъ, состоящихъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ законами гражданскими и религіозными. Всѣхъ статей въ китайскомъ *Обрядникѣ* двѣсти пятьдесятъ, расположенныхъ въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

1) *Кіэ-ли*—обряды при благопріятныхъ предзнаменованіяхъ, въ числѣ 123.

2) *Кіа-ли* — обряды радости, веселья, домашнихъ праздднествъ—74.

3) *Кіун-ли* — обряды для военныхъ, на службѣ и внѣ ея — 18.

4) *Пин-ли* — обряды гостепріимства и посѣщеній — 20.

5) *Хіунг-ли* — обряды погребальные – 15.

До *десяти тысячъ*, какъ видитъ читатель, еще очень далеко. Если же противники китайскаго гражданскаго порядка прибавятъ къ этому числу уставы придворнаго этикета, даже и тогда статьи обрядовъ не достигнутъ и десятой доли громадной цифры церемоній. Придворный этикетъ въ Китаѣ не стѣснительнѣе этикета многихъ европейскихъ дворовъ. Голландскіе и англійскіе посланники минувшаго столѣтія роптали на нѣкоторыя требованія китайцевъ при аудіенціяхъ, не совсѣмъ совмѣстныя съ ихъ, посланниковъ, достоинствомъ... Но господа эти, какъ видно, не были знакомы съ нашей русской пословицей, что въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ, и что правила вѣжливости у европейцевъ одни, у китайцевъ другія.

До второй половины текущаго столѣтія Китай для европейцевъ былъ едва доступенъ; онъ жилъ, какъ живетъ богатый нелюдимъ, ни въ комъ не нуждающійся и оказывающій пріязнь свою весьма немногимъ. Эти немногіе для Китая были мы — русскіе — и голландцы: сношенія тѣхъ и другихъ съ Небесной Имперіей ограничивались торговыми дѣлами; ни тѣ, ни другіе не вмѣшивались въ государственныя дѣла китайцевъ, не навязывали имъ новыхъ ре-

лигіозныхъ убѣжденій... честность и прямизна русской политики была всегда достойно оцѣнена китайскимъ правительствомъ и всегда приносила намъ желанные плоды. Китай для русскаго оружія доступнѣе, нежели для какого либо другаго, никогда однако же не подвергался вторженію нашихъ силъ въ свои предѣлы. Русскія пріобрѣтенія въ Китаѣ рѣшались всегда путемъ мирныхъ переговоровъ и тамъ, гдѣ французы и англичане рѣшали затруднительный вопросъ потоками крови, у насъ дѣло разрѣшалось нѣсколькими каплями чернилъ. Съ 1856 года Англія и Франція принудили Китай сдѣлаться доступнымъ для всѣхъ націй, которыя, впрочемъ, ничего отъ этого не выиграли, а Китай, кажется, окончательно утратилъ свою самостоятельность и, на сколько велико и славно его давно прошедшее, на столько печально и безотрадно будущее. Изъ двухъ одно: либо европейскія державы разнесутъ это государство по клочкамъ, либо ненасытимо алчная Англія превратитъ его въ другую Индію... И только люди, вполнѣ посвященные въ таинства современной европейской политики, могутъ дать прямой отвѣтъ на вопросъ: почему всякое столкновеніе Россіи съ Турціей возбуждаетъ гнѣвъ и негодованіе всѣхъ европейскихъ державъ, безмолвствующихъ, однако же, если которой нибудь изъ нихъ вздумается, вопреки всѣмъ законамъ человѣчности и совѣсти, вторгнуться въ Китай, какъ это было въ экспедиціи англійскую 1842 г. и англо-французскую 1856 года?

Та и другая напоминаютъ разбойничьи вторженія Кортеза въ Мексико и Пизаро—въ Перу, съ тою только разницею, что эти кровопійцы жили ровно три съ половиною вѣка тому назадъ, а со времени послѣдняго разбоя въ Китаѣ двухъ просвѣщеннѣйшихъ націй не прошло и пятнадцати лѣтъ... Не въ правѣ ли, послѣ этого, дряхлый, отсталый Китай сказать прогресивной и цивилизованной Европѣ:

— Укоряя меня въ моей вѣковой закоснѣлости и неподвижности, не далеко же двинулась и ты, на твоемъ пресловутомъ пути просвѣщенія, преуспѣянія, а главное — уваженія правъ человѣчества!

II

ЯПОНІЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Преувеличенныя сказанія лѣтописей о началѣ Японіи. — Громадныя хронологическія вычисленія.—Царствованіе семи боговъ.—Полу-боги.—Первая династія героевъ. – Таи-ко-Фуки.—Знаки зодіака.— Часы дня и ночи.—Син-но.—Воцареніе второй династіи.—Третья династія. — Лживость лѣтописей.—Лѣтосчисленія.—Эры.—Циклъ.—Сочетаніе знаковъ зодіака со стихіями.—Годъ.—Ка-и-во.—Первый микадо.—Его права и преимущества.

Изъ предыдущей исторіи Китая (Гл. IV, стр. 39) намъ уже извѣстно, что Японія началомъ гражданскаго своего существованія обязана двумъ братьямъ, китайскимъ выходцамъ, сыновьямъ удѣльнаго князя **Чеу**, уступившимъ отцовскій престолъ младшему брату въ 1230 г. до Р. Х. Эти князья были основателями Японской имперіи и родоначальниками тамошнихъ духовныхъ, гражданскихъ и военныхъ правителей (¹). Однакоже, при всей очевидности этого факта, подтверждаемаго правдивыми лѣтописями и хронологическими данными, національная гордость запрещаетъ японцамъ со-

(¹) Глава духовный — подобіе тибетскаго далай-ламы, называется въ Японіи микадо.

знаться, что имперія ихъ — ничто иное какъ китайская колонія... Начало бытія своей страны они относятъ къ временамъ — положительно невыразимымъ цифрами! По японской теологіи, *Японія* — первая изъ первозданныхъ странъ земнаго шара, разсадникъ всего рода человѣческаго, его наставница и просвѣтительница. Заимствовавъ у китайцевъ ихъ миѳологію, японцы прикрасили ее такими колоссально чудовищными вымыслами, предъ которыми станутъ въ тупикъ самые неистовые поклонники индійскаго Тримурти.

По сказаніямъ японскихъ лѣтописей, народъ ихъ произошелъ отъ полубоговъ, полубоги — отъ боговъ, боги отъ хаоса. Еще во время хаотическаго состоянія вселенной, ею правили, въ теченіе нѣсколькихъ миліардовъ вѣковъ, незримые, чистѣйшіе, безплотные духи. Первая эта династія состояла изъ *семи* властителей, царствовавшихъ другъ за другомъ: 1) ***Куни-токо-дат-сіи-но-микотто.*** 2) ***Куни-са-тсу-тси-и-но-микотто***; 3) ***Тайо-кун-нан-но-микотто.*** Эти три первыя божества были одиноки и не имѣли женъ, или точнѣе, не принадлежали ни къ мужскому, ни къ женскому полу. Слѣдовавшіе за ними боги, созданные уже изъ стихій и видимые — имѣли женъ, но сожительствовали съ ними духовно; вотъ имена женъ божествъ съ именами ихъ супруговъ: 1) ***Утсін-нино-микотто***, жена его: ***Су-фи-тси-нино-микотто***; 2) ***Оо-тоно-тси-но-микотто***, жена его: ***Оо-тома-фе-но-микотто***; 3) ***Оо-мо-тар-но-микотто***, жена его: ***Оо-си-во-те-но-микотто.*** Седьмое божество: ***И-са-на-чи-но-микотто*** уже тѣлесно сожительствовало со своею женою ***И-са-но-ми-но-микотто.*** Первыя три божества жили въ мірѣ надлуннемъ, въ сферахъ звѣздъ небесныхъ; слѣдовавшія за ними въ воздухѣ; седьмая пара — уже на землѣ въ области ***И-сі-э.*** Отъ этой пары, или правильнѣе, отъ ихъ дѣтей произошли полубоги; дѣтей же у бога и богини было пятеро: 1) старшаго звали ***Ама-тфу-оак-га-ми;*** въ переводѣ имя это значитъ: великій духъ, проливающій небесные лучи. Это полубожество чествуемо японцами всѣхъ сектъ и нѣтъ города, гдѣ бы ему не было воздвигнуто храма. Чрезъ нѣсколько миліоновъ лѣтъ послѣ него царствовалъ на землѣ сынъ его, 2) ***Оо-си-во-ни-но-микотто***;

потомъ другъ за другомъ. 3) ***Ни-ни-ки-но-микотто***, 4) ***До-ми-но-микотто***, 5) ***Ава-се-тзу-но-микотто.*** Съ нимъ окончилось владычество полубоговъ и началось царство людей, но людей необыкновенныхъ. Династія вышеупомянутыхъ *пяти* полубоговъ властвовала надъ міромъ 2,342,467 лѣтъ, въ нижеслѣдующей прогресіи: на долю *перваго* выпало царствованіе въ теченіе 250,000 лѣтъ; *втораго* — 300,000: *третьяго* — 318,533: *четвертаго* — 637,892 и *пятаго* — 836,042 года.

Эти громадныя цифры подтверждаютъ только ту великую истину, что основатели всѣхъ религій древняго востока брали за образецъ *индусскія* веды и пураны. По примѣру послѣднихъ японцы измѣряли величіе божества — миліонами лѣтъ, желая тѣмъ яснѣе доказать людямъ ихъ ничтожество предъ божествомъ.

Первый царь Японіи ***Тан-хо-фу-ки*** (¹) жилъ за 3588 л. до Р. Х. (по вычисленіямъ ***Петавія***, по лѣтописямъ японскимъ за 21,106 лѣтъ); наружность имѣлъ нечеловѣческую: по однимъ сказаніямъ, это былъ змѣй неимовѣрной длины, по другимъ — колоссальная человѣческая *голова* (можетъ быть это грубые символы *разума* или *мудрости*?). Этотъ Тан-ко-фу-ки открылъ движеніе свѣтилъ небесныхъ, далъ имена *двѣнадцати знакамъ зодіака*, далъ людямъ первыя письмена и научилъ ихъ времясчисленію. Не вдаваясь въ историческое изслѣдованіе вопроса, дѣйствительно ли первому царю Японіи принадлежитъ честь вышеупомянутыхъ астрономическихъ открытій, скажемъ только, что зодіакъ у японцевъ состоитъ изъ слѣдующихъ знаковъ: 1) Мышь (*не*), 2) быкъ или корова (*усъ*), 3) тигръ (*торра*), 4) заяцъ (*оу*), 5) драконъ (*татсъ*), 6) змѣя (*ми*), 7) лошадь (*у-ма*), 8) овенъ (*тси-тсу-се*), 9) обезьяна (*саръ*), 10) пѣтухъ или курица (*торри*), 11) собака (*инъ*), 12) свинья (*и*). Этими же именами называются часы дня и ночи. Но японскія сутки состоятъ только изъ двѣнадцати часовъ: шести — дневныхъ и шести — ноч-

---

(¹) Фу-хи китайцевъ. Такимъ же образомъ исковерканы имена и всѣхъ послѣдующихъ царей; въ лѣтописяхъ же японскихъ встрѣчаются цѣлыя страницы, на которыхъ, сквозь басни, не трудно замѣтить повтореніе сказаній исторіи Китая.

ныхъ. Днемъ называется время отъ восхода до заката солнца. Вслѣдствіе этого оригинальнаго дѣленія въ Японіи лѣтніе, дневные часы длиннѣе ночныхъ, а зимою—наоборотъ.

Сынъ Тан-ко-фу-ки—***Син-ноо*** ознакомилъ японцевъ съ земледѣліемъ, науками и искуствами; указалъ имъ на цѣлебныя свойства нѣкоторыхъ травъ, животныхъ и камней. Каждый изъ семи царей, слѣдовавшихъ за нимъ, внесъ въ гражданскій бытъ японцевъ какое нибудь полезное усовершенствованіе. Эта первая династія героевъ царствовала въ Японіи 520 лѣтъ.

Кемпферъ, которому Европа обязана если не первыми, то правдивѣйшими свѣденіями о Японіи (1), въ первомъ томѣ своей исторіи представляетъ краткій хронологическій перечень властителей этой имперіи, отъ ея начала до 1693 года. Представляемъ его читателямъ, вмѣсто введенія къ нашей исторіи — множество любопытныхъ фактовъ искупаетъ нѣкоторую (впрочемъ, неизбѣжную) сухость этой лѣтописи.

Родоначальникъ второй династіи ***Кво-те-и*** воцарился за 2689 лѣтъ до Р. Х. на двѣнадцатомъ году своего возраста. Первые годы Японіею управляли и руководили царемъ умные и опытные министры; царствовалъ же Кво-те-и—сто десять лѣтъ. Ему японская медицина обязана многими великими открытіями, и между прочимъ, изслѣдованіемъ ***біенія пульса***, что и было обнародовано, по его приказанію, во всеобщее свѣденіе. Изъ пяти государей, царствовавшихъ послѣ него, славнѣйшій былъ ***Тей-гіо***. Кромѣ обширныхъ познаній во всѣхъ отрасляхъ естественныхъ наукъ, ***Тей-гіо*** былъ весьма свѣдущимъ въ тайныхъ знаніяхъ: астрологіи и магіи, за что и пользуется славою перваго ***сезина*** (волхва, кудесника или чародѣя). Въ послѣдніе годы царствованія Тей-гіо, соправителемъ царя былъ его зять ***Теи-сіунъ***—наслѣдовавшій престолъ въ 2291 г. до Р. Х. (1). При немъ былъ въ Китаѣ страшный потопъ, ознаменованный великими опустошеніями. Въ 2233 г. до Р. Х. воцарился ***Ка-те-ву***, который для предотвращенія будущихъ наводненій прорылъ каналы, устроилъ шлюзы и насыпалъ плотины...

(1) Энгельбрехтъ Кемпферъ родился въ 1651, скончался въ 1716 году. Драгоцѣнное его сочиненіе служитъ намъ главнѣйшимъ матеріаломъ при нашемъ историческомъ очеркѣ. Лучшей похвалы этому автору нельзя и сдѣлать, какъ сказать только, что позднѣйшіе путешественники вполнѣ подтвердили всѣ его сказанія.

Очевидная грубая ошибка японскихъ лѣтописей: онѣ, повѣствуя о бѣдствіяхъ Китая, какъ будто желаютъ сказать, что Китай былъ подвластенъ Японіи, а императоры его—данниками японскихъ государей. Преемники Ка-те-ву, въ числѣ 11 человѣкъ, ничѣмъ особенно не прославились. Послѣдній изъ нихъ былъ страшный злодѣй и душегубецъ: въ угоду своей любовницѣ онъ построилъ золотую башню, осыпанную драгоцѣнными камнями и велѣлъ 2000 человѣкъ рабочихъ нарыть прудъ и наполнить его рисовымъ пивомъ. Онъ былъ свергнутъ возмутившимся народомъ, изгнанъ, а на его мѣсто избранъ въ 1766 г. до Р. Х. восьмидесяти семилѣтній старецъ ***Теи-тоо*** изъ знатнаго рода ***Сіоо***. Царствованіе его современно страшному семилѣтнему голоду въ Китаѣ. Согласно лѣтописямъ послѣдняго, именно въ эту эпоху совершилось только основаніе Японіи—однако же въ японскихъ хроникахъ объ этомъ событіи не упомянуто ни слова. Основатель новой династіи, ***Син-но-бу-о*** воцарился въ 1122 г. При одномъ изъ его 37 преемниковъ, царѣ ***Соо-во-о***, именно въ 22 годъ его царствованія, въ 8 день четвертаго мѣсяца въ Индіи родился великій пророкъ и волхвъ по имени ***Си-а-ка*** (т. е. Сакія-муни, Будда), за свою мудрость и благочестіе удостоившійся впослѣдствіи времени имени ***Фо*** (бога). Стараніями его учениковъ основанное имъ вѣрованіе вскорѣ распространилось по всей Индіи, умеръ же этотъ ***Си-а-ка*** на 79 году отъ рожденія въ 949 г. до Р. Х.

Весь періодъ царствованія этихъ династій Кемпферъ называетъ

(1) Кемпферъ въ своей лѣтописи переводитъ японское лѣтосчисленіе на годы отъ сотворенія міра по Петавію; у насъ же вообще принято придерживаться въ этомъ счисленіи 70 толковниковъ Библіи. Разность между послѣдними и Петавіемъ—на 1525 лѣтъ болѣе. По лѣтосчисленію толковниковъ сотвореніе міра соотвѣтствуетъ 5508 г.—а Петавія—3983 г. до Р. Х.

сомнительнымъ названіе, по нашему мнѣнію, слишкомъ снисходительное. Каждый изъ царей менѣе ста лѣтъ не живетъ, каждый возводитъ Японію на высочайшую степень благоустройства. законы отличаются мудростью, науки и искуства процвѣтаютъ — а между тѣмъ лѣтописи не упоминаютъ ни объ изобрѣтателѣ письменъ, ни о первомъ законодателѣ, ни, наконецъ, о первобытной религіи страны. Во что же вѣровали японцы, чему они поклонялись? Отвѣтовъ на эти вопросы въ лѣтописяхъ не обрѣтается.

Только съ началомъ осократическаго правленія, съ 660 г. до Р. Х. находимъ въ японской исторіи проблески правды и, самое важное, правильное лѣтосчисленіе. О послѣднемъ слѣдуетъ поговорить подробнѣе.

Лѣтосчисленіе у японцевъ ведется трояким образомъ. Первою эрою признаютъ они 660 г. до Р. Х. и называютъ ее ***Нин-о***, т. е. воцареніе великаго, первѣйшаго изъ первыхъ. Согласно этому, текущій 1869 годъ у японцевъ 2529. Независимо отъ этого лѣтосчисленія, каждое важное событіе, счастливое или бѣдственное, есть также эра, отъ которой ведутъ періодъ годовъ, обыкновенно не свыше двадцати. Эти случайныя эры называются ***нен-го***. Точно также и у насъ, въ простомъ народѣ, считаютъ года отъ какого нибудь важнаго событія, преимущественно печальнаго, особенно запечатлѣвшагося въ памяти простолюдиновъ (¹); лѣтосчисленія нен-го придерживаются японскіе государи при обнародованіи указовъ, манифестовъ и т. п. и при изданіи альманаховъ. Нен-го считается обыкновенно не отъ самаго событія, но всегда съ новаго года; случается, что при дворѣ принято одно нен-го, а у народа другое. Это бываетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда избранная государемъ эра не заслуживаетъ вниманія большинства, что въ Японіи терпимо, не смотря на деспотизмъ тамошняго правленія. Третій счетъ годовъ шестидесятилѣтними циклами, какъ у китайцевъ.

(¹) При Екатеринѣ II народными эрами въ Россіи были: московская чума (1771), пугачевщина (1772—1774). При Александрѣ I,—пожаръ Москвы, нашествіе Наполеона (1812), наводненіе (1824). При Николаѣ I—бунтъ (1825), холера (1831), крымская война (1853—1855).

Циклы образуются отъ сочетанія знаковъ или буквъ зодіака (***йетта***) со стихіями, которыхъ у японцевъ, какъ и у китайцевъ, ***пять***, но каждая двухъ разрядовъ: 1) ***Кино-йэ***—дерево на корнѣ, ***Кино***—дерево срубленное и отдѣланное. 2) ***Фино-йэ***—огонь стихійный, т. е. молніи, пламя вулкановъ и т. п., ***Фино-то*** -огонь, добытый искуственнымъ образомъ. 3) ***Тсутсно-йе*** — земля вообще, ***тсутсно-то*** — земля обработанная. 4) ***Канно-йе***—руда, ***канно-то***—металлъ, выплавленный изъ руды. 5) ***Мидсно-йе*** и ***Мидсно-то***—вода. Мы не можемъ съ точностью опредѣлить въ чемъ состоитъ разница между двумя разрядами этой послѣдней стихіи, полагаемъ, что эти два слова означаютъ воду рѣчную и морскую, или текучую воду вообще и дождевую. При вычисленіяхъ цикловъ допускаются сочетанія буквъ зодіака или съ пятью парами стихій, или съ каждымъ разрядомъ въ особенности, но въ послѣднемъ случаѣ на каждый разрядъ приходится по шести буквъ зодіака, въ первомъ же по двѣнадцати (¹). Къ довершенію путаницы въ своей хронологіи, японцы каждый годъ царствованія ихъ ***микадо*** называютъ (какъ и китайцы) особеннымъ именемъ.

Годъ состоитъ изъ двѣнадцати мѣсяцевъ и начинается въ февралѣ, между окончаніемъ зимняго солнцестоянія и началомъ весенняго равноденствія, непремѣнно въ новолуніе. Изъ этого явствуетъ, что новый годъ не всегда бываетъ въ одно и тоже число. Високосные годы бываютъ черезъ два года въ третій.

Первый микадо, или неограниченный ѳеократъ Японіи, ***Син-му*** или ***Син-му-тен-оо*** (660 л. до Р. Х.) при восшествіи на престолъ объявилъ, что происходитъ отъ племени божества ***Тенсіо-даи-сина***. Прежнее патріархальное правленіе превратилось

(¹) Для ясности приведемъ примѣръ. Знаки зодіака мы уже назвали выше. 1-й знакъ или буква—мышь, 2-й быкъ, 3-й—тигръ и т. д. 1-я стихія—дерево: сочетанія дѣлаются такъ: 1-й годъ цикла, мышь и дерево, 2-й годъ: быкъ и дерево, 3-й годъ: тигръ и дерево. Такъ до двѣнадцати лѣтъ. Сочетаніе тринадцатаго года будетъ: мышь и огонь, 14-й—быкъ и огонь, 15-й—тигръ и огонь и т. д. до шестидесятаго года

въ *деспотическое* въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова: престолъ микадо былъ преобразованъ въ алтарь живаго божества, которому всѣ подданные обязаны были не только повиновеніемъ, но *поклоненіемъ* раболѣпнѣйшимъ; религія и политика слились въ какой-то чудный сплавъ, изъ котораго микадо выковалъ цѣпи и ярмо для всей Японіи. Власть далай-ламы надъ Тибетомъ въ сравненіи съ этой властью можетъ быть названа конституціоннымъ правленіемъ. Далай-лама святъ только для своихъ подданныхъ; въ ихъ глазахъ онъ угодникъ божій; но японскій микадо—это само божество, осчастливившее Японію своимъ появленіемъ въ образѣ человѣческомъ. Возникновеніе этой безобразной власти изъ прежняго хаоса безначалія лучше всего доказываетъ степень тупости и неразвитости тогдашнихъ японцевъ и всю хвастливость лѣтописей о древнихъ царяхъ, будто бы давшихъ народу науки и образованіе. Но, если бы народъ былъ мало-мальски образованъ, могъ ли бы онъ повѣрить безстыдному мороченью перваго микадо? Впрочемъ, не надобно спѣшить обвиненіемъ японцевъ — ихъ легковѣріе обличаетъ только живѣйшую ихъ потребность имѣть какую нибудь религію, какое бы то ни было олицетвореніе божества—въ видѣ звѣзды небесной, каменнаго истукана, животнаго четвероногаго или двурукаго и двуногаго.

И такъ, вотъ первобытная религія японцевъ, сохранившаяся, впрочемъ, и донынѣ: микадо—есть богъ на землѣ!

Права, присвоенныя себѣ первымъ микадо и закрѣпленныя имъ за потомками, не имѣли и не имѣютъ предѣловъ. Никто изъ смертныхъ, какъ его подданныхъ, такъ и иностранцевъ, не долженъ смѣть осквернять ликъ его своимъ взглядомъ (¹). Но что такое взглядъ людей! Микадо не выходитъ на солнце, такъ какъ это свѣтило создано для всѣхъ и озаряетъ одинаково царя и нищаго... смѣетъ ли это либеральное свѣтило послѣ этого прикасаться къ микадо своими лучами?! Того же самаго презрѣнія удостоивается отъ японскаго деспода и земля, всеобщая кормилица. Изъ боязни оскверниться прикосновеніемъ къ ней, микадо иначе не передвигается съ мѣста на мѣсто, какъ на носилкахъ, въ самыхъ же экстренныхъ случаяхъ, когда необходимо нужно ступить на землю, обувается въ башмаки съ деревянными подошвами, дюймовъ въ шесть толщиною. Не желая утрачивать и малѣйшей частицы отъ своего божественнаго тѣла, микадо не стрижетъ ни волосъ, ни ногтей, бороды не брѣетъ... и то сказать, куда же дѣвать обрѣзки! Можно бы, конечно, бросить ихъ въ огонь, но достойна ли эта стихія, на которой смертные кушанье стряпаютъ и горшки обжигаютъ, достойна ли она испепелить такое сокровище?

Впрочемъ, во избѣжаніе скандальнаго превращенія божества въ косматаго орангутанга, а его ногтей на рукахъ и на ногахъ въ медвѣжьи когти, разрѣшается знатнѣйшимъ вельможамъ подстригать и тѣ и другія у микадо, но не иначе, какъ украдкою, во время его сна. Одежды свои болѣе одного раза микадо не надѣваетъ; разъ надѣванное уничтожается. Если бы кто изъ людей осмѣлился надѣть на себя платье послѣ микадо, тотъ человѣкъ непремѣнно погибнетъ: тѣло его сгоритъ до тла отъ прикосновенія къ одеждѣ божества. Точно также воспаленіе горла — неминуемое наказаніе дерзкому, поѣвшему изъ посуды микадо,—глиняную и фарфоровую посуду разбиваютъ въ дребезги послѣ каждаго употребленія; ежедневно подается новая.

По верхомъ нелѣпости и безстыдства этого самообожанія микадо—его ежедневное сидѣнье на тронѣ, въ царской шапкѣ, въ полномъ облаченіи по нѣскольку часовъ. Отъ болѣе или менѣе неподвижнаго сидѣнья микадо зависитъ спокойствіе не только Японіи, но и всего земнаго шара..... Микадо тряхнулъ головой, и въ это время гдѣ нибудь сдѣлалось землетрясеніе; мигнулъ—вѣроятно гдѣ нибудь приключились ураганъ, наводненіе, буря; бровью повелъ въ какую сторону—тамъ непремѣнно война, голодъ, либо моровое повѣтріе. Спокойствіе и неподвижность микадо—всеобщее благоденствіе. Этотъ догматъ *микадизма* (если можемъ такъ выразиться) обличаетъ въ первомъ законодателѣ Японіи страстную его любовь къ комфорту и бездѣлью. Въ другихъ

(¹) Отъ этого права отступился микадо, нынѣ царствующій въ Японіи. По послѣднимъ извѣстіямъ («С.-Петербур Вѣдом.» 23 окт. 1869 № 292) сынъ королевы Викторіи, герцогъ эдинбургскій, въ бытность свою въ Японіи не только удостоился лицезрѣнія микадо, но даже неоднократно съ нимъ бесѣдовалъ.

странахъ заботливость царя—залогъ счастія подданныхъ, здѣсь же наоборотъ: физическая и моральная недвижность—источникъ всеобщаго благополучія. Впослѣдствіи, однако же, микадо избавили себя отъ ежедневнаго сидѣнья на тронѣ (вѣдь и это трудъ немаловажный, да и сидячая жизнь, вообще, вредна), замѣнивъ это сидѣнье своей шапкой, такъ какъ она и есть истинный *палладіумъ* счастья рода человѣческаго, да и недвижность она сохраняетъ лучше всякаго живаго существа.

Въ случаѣ кончины микадо, т. е. не кончины, а переселенія тѣломъ и духомъ съ земли на небо, или только духомъ въ его преемника, вельможи немедленно сажаютъ на престолъ прямаго наслѣдника или, за неимѣніемъ таковаго, ближайшаго родственника покойнаго божества. При этомъ не обращаютъ вниманія ни на возрастъ, ни на полъ. Въ случаѣ нѣсколькихъ претендентовъ, къ занятію престола поочередно допускаются всѣ, смотря по степени своихъ правъ, на болѣе или менѣе продолжительное время... Въ послѣднемъ случаѣ не обходилось дѣло—и въ Японіи, какъ и вездѣ—безъ убійствъ и междоусобій. Множество же искателей преемничества тѣмъ бывало обыкновеннѣе, что микадо разрѣшалось имѣть *двѣнадцать* женъ (1).

Титулъ императрицы присвояется той, которая первая порадуетъ своего супруга рожденіемъ сына или дочери; всѣ послѣдующія отъ нея дѣти признаются законными наслѣдниками престола.

Таковы были уложенія перваго микадо *Син-му* о правахъ своихъ; посмотримъ теперь, какъ были организованы имъ придворный штатъ и чиновная іерархія.

(1) Безъ сомнѣнія, по числу знаковъ зодіака: микадо — солнце, и каждая жена—созвѣздіе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Даири.—Шесть классовъ придворныхъ чиновъ.—Преданія о Лао-тси и Кун-фу-тси.—Ган-ква-и.—Переселенцы.—Золотой дворецъ.—Званіе се-гуна.—Начало буддизма.—Новый островъ.—Героиня Синга-ну-го.—Богъ войны.—Ю-юріа-ку.—Первая монета.—Бу-ресъ и его злодѣйства.—Святые цари.—Посольство изъ Кореи.—Усиленіе буддизма.—Чудеса.—Сказка о рожденіи Со-то-ктаи.—Указъ о животныхъ.—Сліяніе ученія Синто и Будды.

Главнѣйшія мѣста и должности при своемъ дворѣ Син-му роздалъ своимъ родственникамъ. Этого же самаго правила придерживаются и нынѣ. Чины и должности зависятъ отъ степени родства. Первымъ лицомъ по микадо былъ *даири* (князь), высшій духовный чинъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и завѣдывающій гражданскими дѣлами (1). На его содержаніе микадо назначалъ доходы съ города Міакко, пополняя неизбѣжный дефицитъ изъ собственной казны. Жалованье гражданскихъ чиновниковъ до того ничтожно, что для поддержки себя они принуждены заниматься рукодѣльями: плетеніемъ корзинъ, пыновокъ, сапожнымъ, столярнымъ и кузнечнымъ мастерствами... Говоря безъ всякаго преувеличиванія, одинъ микадо и ближайшіе къ нему духовные чины—блаженствуютъ. Чины даются не по заслугамъ, а за деньги, по докладу гражданскаго князя (*даири*). Чины или правильнѣе разряды людей раздѣляются на шесть классовъ:

(1) Въ книгѣ Кемпфера словомъ даири означается и дворъ микадо, и даже онъ самъ (Hist. de Japon par Kaempfer trad. par J. G, Scheuchzer. Amsterdam 1732 8°. Tome I. Livre II. chap. I p. 235). Надобно полагать, что даири вначалѣ былъ министромъ двора, впослѣдствіи же власть его усилилась и даири сталъ во главѣ гражданскаго управленія. Такъ было въ Японіи въ исходѣ XVII вѣка.

1) *Дан-сео-дан-синъ* — святой. Душа первокласнаго чиновника послѣ смерти превращается въ *ками* (божество). Полученіе этого чина — большая рѣдкость и обходится неимовѣрно дорого (еще бы!.....) Къ этому классу принадлежатъ: первый министръ (*кван-бу-ку*), гражданскій правитель (*даири*) и наслѣдникъ престола.

2) Ко второму разряду причисляются три чина: *са-дан-синъ*, *у-дан-синъ*, *нан-дан-синъ*. Въ этихъ должностяхъ при дворѣ микадо только трое счастливцевъ.

3) Два чина: *Дан-на-гонъ* и *тсу-на-гонъ*. 4 и 5 разряды состоятъ изъ слѣдующихъ чиновъ: *сео-на-гонъ*, *тсіу-на-гонъ*, *тау-сео*, *сдид-сіу* — дробящихся еще на нѣсколько подраздѣленій. Принадлежащіе къ этому разряду вельможи называются небесными людьми (*тен-сіо-би-то*). Вообще же духовные сановники именуются *ку-ге*, гражданскіе же чины и простолюдины — *га-ге*. Въ 6 разрядѣ два чина *тан-у* и *гон*. Безъ вѣдома микадо, гражданскій правитель не смѣетъ производить въ чины.

Классы отличаются другъ отъ друга особенностями въ одѣяніи. Вообще духовенство носитъ широчайшія рясы со шлейфами и воскрыліями, въ видѣ пелеринокъ или капюшоновъ... По покрою этого платья трудно отличить мужчину отъ женщины. Головной уборъ составляетъ черная шапка, у каждаго чина особаго фасона, съ привѣшанными къ ней лентами или креповыми вуалями. Чрезъ плечо перекидываютъ шарфъ, который тѣмъ длиннѣе, чѣмъ выше чинъ: настоящій термометръ знатности! По древнему этикету, подчиненный долженъ преклоняться предъ начальникомъ такъ, чтобы концы его шарфа или головнаго вуаля прикасались къ землѣ; понятно, что чѣмъ у кого шарфъ или вуаль короче, тотъ ниже и кланяется. Въ исторіи Китая мы не упоминали о тамошнихъ „форменныхъ отличкахъ“, потому что тамъ чины гражданскіе; въ Японіи же, гдѣ государь осмѣливается называться *богомъ*, всѣ чины составляютъ іерархію: полубоговъ, святыхъ, духовъ и т. д.

Науки и искуства при дворѣ микадо процвѣтали съ первыхъ же годовъ основанія этого неземнаго сословія. Въ древности дворъ микадо завѣдывалъ составленіемъ альманаховъ; нынѣ онъ только цензуруетъ ихъ, вмѣняя издателю въ непремѣнную обязанность пе-

чатать ихъ въ священной области *Изе* мѣсторожденіе бога Тенсіо-дан-сина, родоначальника всѣхъ микадо прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ. Постоянной резиденціи у древнихъ микадо не было; почти каждый переносилъ столицу въ какой ему вздумалось городъ. Оставаться въ бывшей разиденціи умершаго предшественника почиталось даже и неприличіемъ, неуваженіемъ къ нему и дурной примѣтой. Вообще, всматриваясь въ японскихъ микадо, нельзя не замѣтить, что они, грубые, карикатурные подражатели тибетскихъ далай-ламъ; но, опять повторяемъ, у буддійскихъ ламъ все-таки во всѣхъ странностяхъ болѣе смысла, нежели у японскихъ микадо.

Въ 59 годъ царствованія перваго микадо *Син-му*, чрезъ 314 лѣтъ послѣ смерти индійскаго пророка Си-а-ки (Будды), въ Китаѣ, въ 14 день девятаго мѣсяца, родился великій мудрецъ *Ро-о-си* (Лао-тси). Въ него, при появленіи его на свѣтъ, вселилась душа перваго ученика Си-а-ки, по имени *Кас-со-ба-сатса*. Ро-о-си родился сѣдой, состарясь въ утробѣ своей матери, которая носила его восемдесятъ лѣтъ. Онъ училъ китайцевъ жить хорошо, никого не обижая и *жить долго* — для чего и занимался составленіемъ напитка, дающаго долгую, безболѣзненную жизнь ([1]). Въ этомъ же году въ Японіи были привезены первые иноземные идолы, которымъ начали поклоняться жители города *Ху-мин-на*. Вторымъ микадо былъ *Суи-сеи* (580 лѣтъ до Р. Х.). Въ 30 годъ его царствованія, въ 4 день 11 луны, въ Китаѣ родился великій волхвъ (*сезинъ*), по имени *Ко-о-си* (Кунг-фу-тси). Въ минуту его рожденія въ воздухѣ слышно было пѣніе небесныхъ духовъ, а когда новорожденнаго мыли — то два дракона явились и все время оставались у корыта ([2]).

Ан-не-и (548 л. до Р. Х.). Тридцать второй годъ его царствованія былъ ознаменованъ рожденіемъ мудреца *Ган-ква-и*, одного изъ главныхъ учениковъ Ко-о-си. Въ 18 лѣтъ у него были

([1]) Просимъ сличить эти сказанія японскихъ лѣтописей съ китайскими! Китай. Гл. VIII, стр. 62—63.

([2]) См. Китай. Гл. IX, стр. 75—76.

сѣдые волосы и старческое лице; жилъ же онъ 32 года, оживляемый душою Кас-са-ба-сатса (¹). Съ 511 по 214 г. смѣнилось четыре микадо, царствованія которыхъ особенно ничѣмъ не замѣчательны. Современникъ микадо ***Ко-о-кина*** (214 л. до Р. Х.) былъ въ Китаѣ лютый тиранъ по имени ***Сик-во*** или ***Син-си-ко*** (это былъ Тсин-ши-хоанг-ти, сжегшій книги и ученыхъ, о чемъ см. Китай. гл. XV, стр. 132—140). Занимаясь приготовленіемъ напитка безсмертія, онъ прислалъ за травами въ Японію на кораблѣ 300 юношей и дѣвицъ, вмѣстѣ съ своимъ докторомъ Сико-фукъ или Син-фу. Посланные однако же не возвратились домой, а поселились въ Японіи, гдѣ Син-фу выстроилъ себѣ великолѣпный золотой дворецъ ***Кан-джо-ку*** (подобный небесамъ). Это чудесное зданіе было сожжено ***Ко-олемъ***, свергшимъ въ Китаѣ тирана Син-си-ко; дворецъ же ***Син-фу*** горѣлъ три мѣсяца. Мудрый Син-фу умеръ на горѣ ***Фу-зино-яма***, оставивъ по себѣ память святаго, такъ какъ жители округа, въ которомъ онъ поселился, научились отъ него многимъ наукамъ и ремесламъ... прибавимъ, вѣроятно и основаніямъ ученія Кунг-фу-тси. Занося этотъ фактъ на страницы своихъ лѣтописей, японцы невольно сознаются, что просвѣщеніемъ своей страны обязаны Китаю. При микадо ***Ка-и-кво*** (157 г. до Р. Х.) введено лѣтосчисленіе ***нен-го***, а въ 11 годъ царствованія его преемника ***Сіу-сина*** (97—29 г. до Р. Х.) учреждена должность главнаго военачальника войскъ микадо, возложенная на сына государева. Прозвище, данное военачальнику, ***сегунъ*** или ***тайкунъ***. Его назначалъ самъ микадо и то только въ случаѣ надобности на время войны. По окончаніи — тайкунъ слагалъ съ себя это званіе. При Сіу-синѣ начали строить первыя торговыя суда...

Царствованіе ***Син-ина*** было невѣроятно продолжительно (329 г. до Р. Х. по 71 г. нашей эры), но и невѣроятно бѣдственно: небо ужасало затмѣньями, бурями, грозами; рѣки выходили изъ

(1) Лѣтописи не упоминаютъ, гдѣ жилъ этотъ мудрецъ, въ Японіи или въ Китаѣ? Въ послѣднемъ не находимъ ни одного, который бы по имени или по годамъ рожденія и смерти (516—484 до Р. Х.) приближался къ этому японскому мудрецу.

береговъ, истощенная засухами земля не давала ни плодовъ, ни хлѣба и тряслась неоднократно. Не задолго до кончины Син-ина, прибылъ изъ Индіи, на бѣломъ конѣ, мудрецъ и волхвъ ***Бу-но*** или ***Ко-бо-ту*** и привезъ книгу ***Кіо***, заключавшую начатки своего ученія (буддизма). Оно было принято весьма многими и съ этого времени начали строить храмы иноземнымъ божествамъ...

Послѣ учрежденія званія тайкуна—это былъ второй ударъ, нанесенный ѳеократизму микадо,—***живому*** божеству, волей неволей, пришлось сдѣлать нѣкоторыя уступки иноземнымъ рукотворнымъ идоламъ... Трудно согласить деспотизмъ съ вѣротерпимостью, а между тѣмъ—факты на лице—японскіе микадо не гнали ни проповѣдниковъ новой религіи, ни ея послѣдователей.

И такъ, съ перваго же года нашей эры въ Японіи было три религіи: буддизмъ, законъ Кунг-фу-тси и законъ ***синто***, сложившійся въ отдаленной древности и еще продолжавшій обогащаться новыми догматами, а миѳологія его—новыми божествами.

Въ царствованіе ***Ке-и-ко-о*** (71 по Р. Х.) со дна моря у береговъ Японіи всплылъ новый островъ ***Тси-ку-ба-си-ма***, который посвятили богу морей, ***Не-бису***. Чрезъ три года на этомъ островѣ соорудили храмъ, приписавъ къ нему множество жрецовъ. Храмъ этотъ сдѣлался впослѣдствіи мѣстомъ посѣщенія для богомольцевъ и прославился чудесами. Очевиднымъ доказательствомъ святости этого мѣста служитъ то, что на немъ не бываетъ землетрясеній.—Минуя два, ничѣмъ не замѣчательныя царствованія (¹), скажемъ нѣсколько словъ о царицѣ, героинѣ Японіи, вдовѣ микадо ***Тсіу-у-аи***. Царица эта ***Син-гу ко-гу***, наслѣдовавшая мужу въ 201 г., прославилась мудростью — какъ правительница, и мужествомъ — какъ военачальница. Она лично предводительствовала войсками во время войнъ съ корейцами. Будучи однако же беременна, царица принуждена была препоручить начальство надъ войсками тайкуну, сама же возвратилась въ Японію и въ городѣ ***Тси-ку-санъ*** (область Микосса) родила сына ***Ва-коно-оо-со***, который черезъ шестьдесятъ девять лѣтъ (въ 270 г.) наслѣдо-

(1) Сеи-му-у (131 г.) и Тсіу-у-ан (192 г.).

валъ ей подъ именемъ *Оо-син-тен-оо.* Этотъ микадо былъ благодѣтелемъ народа и грозою непокорныхъ сосѣдей, которыхъ однако же смирилъ силою оружія. Послѣ смерти этого героя, народъ включилъ его въ число своихъ боговъ подъ именемъ *Яватта-Фатц-мана*, провозгласивъ его покровителемъ воиновъ.... Вмѣстѣ съ тѣмъ, этой же чести удостоили и покойную мать микадо, пожаловавъ ее въ богини подъ именемъ: *Кас-сино Даи-ми-оо-синъ.* Преемникъ бога войны, кроткій, незлобивый *Нин-то-ку* (313 г.) убавилъ подати, за что послѣ смерти также попалъ въ боги подъ именемъ... но имя это до того длинно, что его трудно и выговорить: *Нанива-Такокуно-міа-корези-рано-даи-міо-дзинъ...* Это возвышеніе властителей въ чины боговъ, послѣ ихъ смерти, было попыткою духовенства дать отпоръ распространявшемуся въ Японіи буддизму; жрецы хотѣли доказать народу, что и религія *синто* ничѣмъ не хуже иноземнаго вѣроисповѣданія. Съ своей стороны и проповѣдники ученія *Сакія-муни* не дремали: не довольствуясь *словомъ*, они морочили народъ мнимыми чудесами, который творить было имъ тѣмъ легче, что они имѣли дѣло съ народомъ крайне невѣжественнымъ и легковѣрнымъ. Это состязаніе продолжалось полтора вѣка, въ теченіе которыхъ смѣнилось *тринадцать* микадо (съ 400 по 540 г.). Сказанія лѣтописей о нѣкоторыхъ изъ нихъ довольно любопытны.... Такъ, напримѣръ, *Ю-ю-ріа-ку* (457) родился „съ сѣдыми волосами“ (подражаніе китайскимъ мудрецамъ), славился мудростью; издалъ указъ, въ силу котораго всѣхъ дѣтей, рожденныхъ императрицею, слѣдуетъ признавать наслѣдниками престола. При немъ начали чеканить въ Японіи *звонкую монету* (которая въ Китаѣ была уже въ обращеніи вмѣстѣ съ бумажными деньгами за четыре слишкомъ вѣка до Р. Х.).

Раболѣпные подражатели своимъ просвѣщеннымъ сосѣдямъ, японцы нерѣдко заимствовали у нихъ преданія о ихъ императорахъ, замѣняя ихъ своими микадо. Такъ подъ 499 годомъ повѣствуютъ они о царствованіи *Бу-реса*, котораго можно назвать совершенной копіей съ китайскаго тирана *Шеу-сина* (1). Бу-ресъ, по-

(1) См. Китай. Гл. V, стр. 40—43.

тѣхи ради, рубилъ головы кому попало; собственноручно разсѣкалъ утробы беременныхъ, желая узнать полъ младенца; вырывалъ ногти съ рукъ и ногъ своихъ вельможъ и дѣлалъ изъ нихъ грабли для своихъ садовъ; либо тѣшился выщипывая у царедворцевъ волосы съ головъ и изъ бородъ... Случалось, приказывалъ имъ влѣзать на высочайшія деревья, а потомъ сбивалъ ихъ съ вершины стрѣлами, либо, приказывалъ подпиливать деревья и тогда сидѣвшіе на нихъ ломали себѣ руки, ноги и шеи —а Бу-ресъ смѣялся! Боги, разгнѣванные его злодѣйствами, низвели громы на дворецъ его, который и сгорѣлъ до основанія. Эта кара послужила только къ усовершенствованію въ строительномъ искусствѣ у японцевъ, такъ какъ Бу-ресъ велѣлъ выстроить каменный дворецъ на мѣстѣ деревяннаго, сожженнаго огнемъ небеснымъ. Взбунтовавшіеся подданные свергли кровопійцу съ престола, онъ бѣжалъ въ чужіе краи, гдѣ и умеръ спокойно своею смертью, какъ-то бывало со всѣми царями-кровопійцами, азіатскими и европейскими.... Вѣдь люди вообще умѣютъ мстить за злыхъ—кроткимъ и добрымъ!...

Въ двѣнадцатый годъ царствованія *Кеи-теи* (519 г.), въ Китай прибылъ изъ Индіи великій пророкъ *Дар-мо* (далай-лама). Японскіе жрецы, желая охранить свою родину и на этотъ разъ отъ вторженія иноземной религіи, причислили Кеи-теи послѣ его смерти къ богамъ, подъ именемъ *Аскано-даи-міо-сина*, а равно и преемника его *Ан-кана*, умершаго въ 536 г. Этого, подъ именемъ *Кимбо-сенна-гон-гина*, провозгласили покровителемъ области Ямматто. Тщетныя усилія! Законъ Сакія-муни провозглашенъ былъ владычествующей религіей Японіи при императорѣ *Кин-меи* въ 552 г. Вотъ что разсказываютъ лѣтописи объ этомъ великомъ событіи:

Одинъ изъ властителей Кореи, исповѣдникъ буддизма, прислалъ къ Кин-меи посланника, для врученія государю Японіи идола Будды-Сакіи и каноническихъ книгъ этой религіи. Попробуйте что это за обряды? предложилъ императору одинъ изъ министровъ. Нѣтъ! перебилъ его другой—у насъ и своихъ боговъ довольно, а если начнемъ поклоняться иноземнымъ, тогда наши могутъ обидѣться!“ Тѣмъ и покончились всѣ теологическіе диспуты. Импе-

раторъ предоставилъ вельможамъ исповѣдовать религію ***синто*** или Будды, которая кому понравится... Большинство единодушно выбрало вторую. Множество жрецовъ буддійскихъ наѣхало въ Японію изъ Кореи и Китая; храмы и монастыри размножались съ неимовѣрной быстротой, будто по мановенію волшебнаго жезла. Дошло до того, что самъ императоръ въ тайнѣ слѣдовалъ обрядамъ чужеземной религіи, прозванной ***Ямбзан-гонно-ніораи***, т. е. Амидою великаго Бога покровителя душъ, отдѣлившихся отъ тѣла. Въ 571 г. въ мѣстечкѣ ***Нанива***, на шлюзѣ большаго пруда, явился окруженный ослѣпительными золотыми лучами идолъ Амиды. Это событіе признано эрою (***иси-го***), названною ***кон-ково***. Храбрый князь области Синано увезъ этого кумира въ городъ ***Синквози***, гдѣ и соорудилъ для него великолѣпный храмъ подъ названіемъ Синквози-нораи, т. е. Амиды, покровителя Синквози. Кумиръ этотъ впослѣдствіи прославился многими чудесами.

При великомъ государѣ ***Фа-та-тцу***, въ 1 день 1 мѣсяца 575 г. въ Японіи родился ея просвѣтитель въ новой религіи, мудрецъ и святой ***Со-то-ктаи***. Предъ самымъ его зачатіемъ, его мать видѣла чудный сонъ. Грезилось ей, будто она держитъ на рукахъ младенца, окруженнаго солнечными лучами, а чей-то голосъ говоритъ ей: „я, святой и великій ***Ко-со-ба-сатсъ*** (1), рѣшился, чтобы учить людей, опять возродиться на землѣ и для этого вселюсь въ лоно твое!“ Въ тотъ же мигъ, мать будущаго мудреца пробудилась и почувствовала себя беременною. Черезъ 8 мѣсяцевъ младенецъ ***говорилъ*** въ ея утробѣ, а на двѣнадцатый мѣсяцъ она родила его, не только безъ обычныхъ страданій, но даже съ какимъ-то наслажденіемъ. Младенца назвали ***Фат-си-си-но***, впослѣдствіи же ***Таи*** и ***Со-то-ктаи***. На первомъ же году своего возраста Со-то-ктаи обнаружилъ свое высокое назначеніе, усердно молясь Богу съ утра и до вечера. Однажды, когда ему было только четыре года, онъ молился такъ усердно, что въ рукахъ у него явились кости великаго Си-а-ки, который,

(1) Одно изъ именъ Будды въ Японіи.

какъ извѣстно, былъ сожженъ послѣ смерти. Вѣрованіе въ Будду, стараніями Со-то-ктаи, распространялось по Японіи съ быстротою утреннихъ лучей солнца. Императоръ Фа-та-тцу не только строилъ храмы и выписывалъ для фабрикаціи идоловъ иностранныхъ художниковъ, но и всѣ свои указы выдавалъ въ духѣ ученія Амиды. Такъ въ 6 годъ (578) онъ повелѣлъ, чтобы японцы шесть разъ въ мѣсяцъ въ опредѣленные дни выпускали на волю всѣхъ своихъ домашнихъ животныхъ и птицъ; не имѣющіе же ихъ, обязаны были покупать, единственно ***для выпуска***, хотя бы то была малая птичка (1). Въ 580 г. окончена была постройка великолѣпнаго храма ***Ко-бу-си*** въ городѣ Нарѣ, для котораго нарочно выписали изъ-за моря идола ***Си-а-ки*** высокой работы.... Вмѣстѣ съ новой религіей, какъ видитъ читатель, проникли въ Японію и изящныя художества, съ ними же и грамотность!..

Законъ синто исчезалъ въ лучахъ буддизма или вѣрнѣе сливался съ нимъ во едино. Въ храмахъ Будды ставили идоловъ японскихъ также точно, какъ и въ капищахъ синто воздвигали кумировъ буддійскихъ. Слѣдствіями этихъ обоюдныхъ уступокъ, съ годами японскій буддизмъ превратился въ какую-то особенную религію съ смѣшанными догматами и обрядами. О многочисленныхъ расколахъ скажемъ нѣсколько словъ въ свое время.

(1) Мы уже неоднократно указывали на странную связь нѣкоторыхъ нашихъ обычаевъ съ языческими, а потому и здѣсь не можемъ не напомнить объ освобожденіи птичекъ у насъ, въ святой и великій день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы (25 марта). Обычай этотъ завѣщала намъ старина, но сама заимствовала его, безъ сомнѣнія, у язычниковъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Бѣдствія Японіи.—Фанатикъ Моріа.—Явленія боговъ.—Эпидеміи.—Нашествіе варваровъ.—Главенство буддизма.—Выходецъ со дна моря.—Частые пожары храмовъ.—Дума жрецовъ.—Самозванецъ Кіе-мари.—Драконъ Ну-ге.—Тайкунъ Йора-томо.—Сектаторъ Нит-сіо-рено.—Нашествіе монголовъ и истребленіе ихъ флота.—Прибытіе мисіонеровъ.—Гоненіе на христіанъ.—Войны съ Кореей.—Самовластіе тайкуновъ.

Предъ походомъ Израиля, древній Египетъ, за неповиновеніе фараона волѣ Божіей, подвергся ***десяти*** казнямъ.... Японія съ VI вѣка, по настоящую минуту, подвергается физическимъ и политическимъ бѣдствіямъ, оставляющимъ далеко за собою знаменитыя египетскія казни. Почву Японіи и ея прибережье можно назвать наносной землею надъ кратерами вулкановъ: въ нѣдрахъ этой страны клокочетъ огонь неугасимый, весьма часто прорывающійся на поверхность земли сквозь жерла огнедышащихъ горъ; неразлучными спутниками этихъ изверженій бываютъ землетрясенія, пожары, неурожаи, изсякновеніе рѣкъ, или наоборотъ, наводненія... Слѣдствіемъ неурожаевъ и разливовъ рѣкъ являются голода и моровыя язвы. Присоедините къ этимъ бѣдствіямъ, въ минувшіе вѣка, явленіе кометъ и странныхъ метеоровъ, песчаные и пепельные дожди, бури (въ сравненіи съ которыми наши сѣверныя могутъ показаться сносными ненастьями), наконецъ войны и междоусобія — и вы будете имѣть полнѣйшее понятіе объ исторіи Японіи среднихъ вѣковъ и трехъ послѣднихъ столѣтій! Неуклонно слѣдуя нашей программѣ, мы укажемъ только въ нашемъ хронологическомъ очеркѣ на событія, которыя въ болѣе или менѣе близкой связи съ исторіей религіи края.

До второй половины VI столѣтія японцы выказывали разумную вѣротерпимость, даже видимую благосклонность къ буддизму,

но въ 586 году изувѣромъ ***Моріа***, личнымъ врагомъ ***Сото-ктаи***, поднято было первое знамя религіознаго мятежа и сдѣлана попытка къ искорененію иноземной вѣры. Два года свирѣпствовалъ фанатикъ, сжигая буддійскіе храмы и истребляя идоловъ, на третій онъ былъ побѣжденъ войсками тайкуна и казненъ. Лѣтописи говорятъ, что когда Моріа бросилъ пепелъ сожженныхъ идоловъ въ воду, разгнѣванное небо покрывалось тучами, которыя разразились грозой, молніями, проливными дождями и градомъ. Въ 588 году, въ память побѣды надъ Моріа, микадо ***Іоо-меи*** соорудилъ въ области Таматсукури великолѣпный храмъ Сакататина... Однако же искра ненависти къ буддизму, зароненная въ японцахъ Моріа, неоднократно вспыхивала яростнымъ пожаромъ. Царица ***Гоки-ситцо-до-сіу-ко*** (при которой, въ 603 году, привезена была изъ области Фоккузаи буддійская каноническая книга ***Рок-ко-то-зо***) сначала покровительствовала ученію Амиды, но черезъ два года велѣла всѣхъ буддійскихъ идоловъ перечеканить на монету, замѣнивъ ихъ гипсовыми. Для обращенія царицы, въ области Ямatто, на горѣ Ката-йока, явился богъ ***Дарма***, поучавшій народъ проповѣдями въ стихахъ. Въ 621 г. буддизмъ лишился великаго поборника въ лицѣ Сото-ктаи, причисленнаго его единовѣрцами къ святымъ. Въ 632 году, при микадо ***Дсіо-ме***, будто для замѣны Со-то-ктаи, родился великій ***Гіен-но-гіоза***, (основатель секты японскихъ пустынниковъ (Яммабо). Яркая комета была знаменіемъ появленія на свѣтъ этого великаго человѣка. При микадо ***Тан-му*** (въ 674 г.) была привезена книга ***Иссаи-кіо***, въ которой были изложены правила для обрядовъ религіи Амиды. Микадо, въ знакъ своего уваженія къ ней, построилъ храмъ ***Мидеры*** и установилъ процессію (***мат-сури***) въ честь бога-покровителя, сопровождаемую пѣніемъ гимновъ, музыкой, плясками и представленіемъ мистерій. Микадо ***Мон-му*** (697 г.) далъ первые гербы областямъ и ввелъ въ Японіи правильныя мѣру и вѣсъ. Царица ***Ген-меи*** (708 г.) ввела въ обращеніе серебряную и золотую монету, а въ 711 г. построила храмъ ***Ко-о-бу-ку-зи***, въ которомъ идолъ Будды былъ отлитъ изъ мѣди и золота знаменитымъ литейщикомъ ***Таи-со-ксаномъ***; въ слѣдующее царствованіе ***Генси-оо*** (715 г.) во многихъ мѣ-

стахъ имперіи чудеснымъ образомъ явились боги: ***Хумано-гонгинъ***, ***Амида***, ***Якузи***, ***Сенсіо-квимвонъ*** и ***Бисса-монтенъ***... Нужно ли объяснять просвѣщенному читателю, что всѣ эти чудесныя явленія идоловъ и боговъ, о которыхъ разсказываютъ лѣтописи, были фокусами ловкихъ буддійскихъ жрецовъ? Кого же имъ было и морочить, какъ не тупоумный народъ, котораго невѣжество равнялось его легковѣрію. Когда въ средневѣковой Европѣ наука, вѣрная служительница истины, дерзнула обличать пройдохъ, желавшихъ своими мнимыми чудесами низвести ученіе Христово на степень язычества, науку и жрецовъ ея объявили безбожіемъ, безбожниками, предали анаѳемѣ... Отсюда вѣковая борьба науки съ адскимъ чудовищемъ, называемымъ ***суевѣріемъ***; борьба, изъ которой рано или поздно наука непремѣнно выйдетъ побѣдительницею на славу разума, а главное, на торжество истины надъ ложью, свѣта надъ тьмою.

Царствованіе ***Сіоо-му*** было печально ознаменовано въ 724 г. первымъ появленіемъ оспы и кори, причинившими въ Японіи великія опустошенія. Эпидемическія сыпныя болѣзни японскіе врачи дѣлятъ на три разряда: ***фоо-зо*** (оспу), ***фо-зи-ка*** (корь) и ***каре*** (водянистую сыпь). Леченіе кори состояло тогда, какъ и теперь, въ укутываніи больнаго въ красное сукно, а у богатыхъ— и въ обивкѣ краснымъ сукномъ комнаты больнаго. Что же касается до ***сифилиса***, онъ началъ свирѣпствовать въ Японіи со времени ея торговыхъ сношеній съ португальцами (со второй половины XVI столѣтія). Въ память распространенія этой болѣзни ***добрыми*** европейцами, японцы зовутъ ее португальскою (***намбанкасса***). Въ 740 г. построенъ былъ въ Японіи первый женскій монастырь и огромный храмъ ***Даи-бодса***. Другой, не менѣе великолѣпный храмъ, былъ построенъ въ 753 г. царицею ***Коокенъ*** въ области Оо-сіо, въ исполненіе обѣщанія, даннаго умершимъ ея братомъ. Когда происходило торжественное открытіе этого зданія, одинъ изъ присутствовавшихъ покаянниковъ, юродствовавшій ***джо-ги***, усердно молясь, сталъ призывать ***Браму***... и божество явилось во всемъ своемъ блескѣ, къ благоговѣйному ужасу всѣхъ присутствовавшихъ.

При микадо ***Коо-нинъ*** въ 772 году свирѣпствовали необыкновенныя бури, сопровождаемыя огненными дождями и землетрясеніями. Микадо, для смягченія разгнѣванныхъ бѣсовъ (***якузи***), повелѣлъ совершать частыя процессіи въ честь бога-покровителя, и бури утихли. Въ 775 году родился знаменитый богомолецъ, пророкъ и чудодѣй ***Ко-бо-таи***. Въ 782 г., при ***Квен-му***, въ Японію вторглись какіе-то невѣдомые варвары, намѣреваясь покорить ее. ***Тама-моръ***, храбрый тайкунъ, вытѣснилъ ихъ послѣ девятилѣтней войны; ***Тройя***, предводитель ихъ, былъ убитъ. Микадо ***Са-га*** (810 г.) прославился строеніемъ многихъ храмовъ; предшественникъ его ***Фен-дсіо*** (806 г.), убѣжденный буддійскими жрецами, принялъ законъ Будды и возвелъ это вѣроисповѣданіе опять на степень главенствующаго въ имперіи... Озадаченные жрецы закона синто, т. е. древней религіи, для вразумленія микадо, измыслили такое чудо, о которомъ, какъ говорится, ни въ сказкѣ сказать... Во второй годъ царствованія микадо Сіун-ва, въ 826 г., явился въ Японіи нѣкій пустынникъ ***Урасима***, 348 лѣтъ проведшій на днѣ моря (?!!), гдѣ ни мало не состарился!..

Само небо, удивясь этому чуду морскому, выразило свое сочувствіе древнему закону синто довольно оригинальнымъ образомъ: въ 855 году, при микадо ***Мон-току***, ударомъ молніи оно отбило голову у идола Си-а-ки (Будды) въ главномъ храмѣ Міакко. Замѣчательно впрочемъ, что и въ послѣдующія царствованія японскія молніи ударяли преимущественно въ храмы и монастыри. Народъ приписывалъ это проискамъ ***якузи***, т. е. злыхъ духовъ, послѣдователи иныхъ вѣроисповѣданій приписывали это очевидной карѣ боговъ, а причина простая: храмы и молельни, будучи выше обыкновенныхъ зданій, кромѣ того, были украшены на вершинѣ кровель металическими шестами и изваяніями, представлявшими для электричества такія же точки притяженія, какъ и европейскіе громоотводы. За подобныя объясненія въ языческомъ царствѣ, разумѣется, языкъ вытянутъ, либо живьемъ сожгутъ, а потому никто изъ японцевъ и не осмѣливался и не осмѣливается истолковывать сожженіе храмовъ грозою такимъ прозаическимъ образомъ. Въ Японіи, какъ и во многихъ другихъ языческихъ странахъ, громъ— орудіе бога покровителя, либо бѣса (***якузи***), смотря потому пора-

жаетъ ли онъ зло, или самъ причиняетъ вредъ; точно такими же глазами смотрятъ на бури, ураганы, землетрясенія и т. п. При микадо *Сен-ва* въ 864 г. были привезены изъ Китая книги Кунг-фу-тси, прочитанные съ удовольствіемъ государемъ и первѣйшими вельможами. Они единогласно сознались, что мудрецъ китайскій получилъ эти книги прямо съ неба.

Затѣмъ съ 877 по 985 г. въ японскихъ лѣтописяхъ видимъ одни междоусобія и страшные атмосферическіе и геологическіе перевороты. При микадо *Мура-Ками* въ 947 г. въ Міакко была созвана дума изъ всѣхъ жрецовъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Кто кого переспорилъ на этихъ диспутахъ, о томъ лѣтописи умалчиваютъ. *Квассанъ*, воцарившійся въ 985 г. черезъ два года ночью тайно ушелъ изъ дворца и поступилъ въ буддійскій монастырь въ Канси, подъ именемъ *Пигу-гак-фо-о-ву*, гдѣ и пробылъ 22 года до самой смерти. При *Го-ре-и-сенъ* съ 1046 по 1051 г. былъ страшный бунтъ въ области *Ос-ю*, послужившей сюжетомъ для японской эпопеи Ос-ю-гассенъ. При микадо То-ба (1108—1124) явился *Кіо-мори*, князь, принявшій самозванно титулъ даири, составившій особый придворный штатъ и набравшій войско. Преслѣдуемый полчищами тайкуна, онъ бѣжалъ на гору *Іое-занъ* въ монастырь Мидиру, гдѣ его скрыли монахи. Онъ поступилъ къ нимъ подъ именемъ Сіо-о-кан и прожилъ 14 лѣтъ. Умеръ отъ горячки—„тѣло его, по сказанію лѣтописей, горѣло огнемъ неугасимымъ... Ясное доказательство наказанія небесъ за дерзкое самозванство!"

Въ этой удивительной странѣ, какъ видно, и болѣзни-то падаютъ съ небесъ по выбору: тѣмъ мучительнѣе, чѣмъ человѣкъ грѣшнѣе!..

При микадо *Кон-іеи* въ 1142 г. во дворцѣ появилось невиданное чудовище *Нуга*, драконъ съ туловищемъ и когтями тигра, хвостомъ змѣи и мордой обезьяны. Оно, особенно по ночамъ, тревожило микадо и придворныхъ. Богатырь *Йори-масса*, призвавъ къ себѣ на помощь бога войны Фатц-мана, умертвилъ это чудовище. Въ 1169 г. начались кровавыя усобицы; на богатыря напали князья *Фе-ки* и *Генд-сіи* и истребили его и весь его родъ и племя. Эта борьба воспѣта въ эпопеѣ: *Фе-ки-но-во-но-гатари* (повѣствованіе о войнѣ съ Фо-ки). Для усмиренія мятежниковъ микадо возложилъ званіе тайкуна на князя *Йори-томо*, который усмирилъ мятежниковъ, но за то непримѣтно и постепенно прибралъ къ своимъ рукамъ микадо и ослабилъ его власть. Военная каста съ этого времени начала брать верхъ надъ жреческою. При *Сіун-току* 1211 г. начали строить въ Японіи первые военные корабли; при *Го-фи-ри-кавъ* въ 1222 г. въ области Ава родился *Нит-сіи-рено*, основатель новой религіозной секты. Въ царствованіе *Гуды* въ 1281 г. въ іюнѣ мѣсяцѣ у береговъ Японіи явился флотъ монголовъ, подъ предводительствомъ *Мо-о-ко*, состоявшій изъ 4000 кораблей и 240,000 войска. Мо-о-ко требовалъ покорности, грозя въ противномъ случаѣ всеобщей рѣзней и пожарами. Не имѣя возможности силою противустать врагамъ, японцы прибѣгнули съ мольбою къ богамъ, прося о заступничествѣ. *Ками* (боги) вняли молитвамъ и непріятельскій флотъ былъ истребленъ бурею, при которой погибъ и грозный Мо-о-ко.

У всѣхъ народовъ лѣтописи тѣмъ правдивѣе, чѣмъ ближе подходятъ къ новѣйшему времени, у японцевъ совершенно наоборотъ — онѣ тѣмъ богаче нелѣпицами и сказками. Съ 1288 по 1527 — мятежи, бури, моровыя язвы, землетрясенія. Въ 1549 году, при микадо *Го-нара* въ область Бонго прибыли *первые христіанскіе миссіонеры* и начали проповѣдывать св. Евангеліе съ возрастающимъ успѣхомъ. Это новое, святое ученіе японцы назвали *Деи-во* или *Киристандо*, т. е. божій путь. Сначала снисходительные, микадо съ половины XVII вѣка начали гоненія на христіанъ, звѣрствомъ и яростью превзошедшія гоненія Нероновъ и Діоклетіановъ. Проповѣдниковъ Евангелія жгли на кострахъ, разнимали по суставамъ, распинали на крестахъ и т. д. 12 апрѣля 1638 г. вслѣдствіе возмущенія христіанъ-японцевъ было перерѣзано *тридцать четыре тысячи* исповѣдниковъ ученія Спасителя; назначена инквизиція или сыскная комиссія для арестовъ христіанъ: вооруженные сыщики ходили по домамъ, заставляя живущихъ въ нихъ, въ доказательство непринадлежности ихъ къ *сектѣ возмутителей* (т. е. христіанъ), плевать на изображенія святыхъ и топтать подъ ногами святое Распятіе!.. До по-

добнаго изступленія язычество рѣдко когда и рѣдко гдѣ доходило. Для укрощенія разсвирѣпѣвшихъ звѣрей японцевъ оказался безсильнымъ самый законъ Будды, проповѣдывающій кротость и милосердіе. Впрочемъ, о временахъ этого языческаго терора въ Японіи мы поговоримъ въ послѣдующихъ частяхъ нашей исторіи, при обзорѣ дѣятельности христіанскихъ мисіонеровъ. Возвратимся къ лѣтописямъ. Въ свободное отъ междоусобій время, японцы вели жестокія войны съ корейцами. Въ Міако, близъ великолѣпнаго тамошняго храма Фоко-си, находится высокій курганъ съ часовнею, называемый ***Мими-Тсука*** (могила ушей), подъ нимъ зарыты уши и носы корейцевъ, убитыхъ въ сраженіи, бывшемъ на этомъ мѣстѣ. Тайкуны имѣли вообще обыкновеніе рубить убитымъ и плѣннымъ носы и уши, солили ихъ и отсылали въ Іеддо или Міако.

Въ 1585 году произошелъ великій переворотъ, измѣнившій порядокъ правленія. Предоставивъ духовныя дѣла микадо, тогдашній тайкунъ вовсе отложился отъ него, объявивъ власть свою наслѣдственною. Съ тѣхъ поръ японская имперія управляется двумя государями въ лицахъ микадо и тайкуна. Это раздвоеніе верховной власти—источникъ кровавыхъ распрей, волнующихъ страну и по сіе время, и если читатель слѣдитъ за политическими событіями по газетамъ, онъ безъ сомнѣнія сознается, что всѣ извѣстія изъ Японіи могутъ быть резюмированы слѣдующими событіями, либо чередующимися, либо являющимися гуртомъ: „пожаръ въ Міако или Іеддо.... Землетрясеніе, открытіе новаго вулкана, изверженіе прежняго... войска микадо разбиты войсками тайкуна... войска тайкуна разбиты войсками микадо...“

Таковъ неизмѣнный круговоротъ физической и политической исторіи Японіи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Три вѣроисповѣданія.—Синто.—Боги и полу-боги.—Расположенія храмовъ.—Прислуга.—Двѣ секты. —Догматы.—Чистота сердца.—Внѣшняя чистота.—Фузіо или отлучники.—Молитвы.—Праздники. —Новый годъ.—Праздникъ весны.—Причины его учрежденія. —Сказка о 500 братьяхъ.—Исторія царя Пирууна.—Подводная фарфоровая посуда.—Прочіе праздники.—Богъ торговли.—Сказаніе о Дармѣ и о происхожденіи чайнаго дерева.

Въ Японіи, точно также какъ и въ Китаѣ, ***три*** владычествующихъ вѣроисповѣданія: 1) Религія ***синто*** древнѣйшая, 2) ***Будсо*** или буддизмъ и 3) ***Сіу-то***—расколъ ея, религія ученыхъ и вообще развитыхъ классовъ людей.

Законъ синто зовется также ***син-сіу*** и ***ками-митси***, отъ именъ боговъ: ***синъ*** и ***ками***. Обряды великіе и малые: ***іо*** и ***митси***. Словами: ***сіу*** означаютъ религію вообще; ***синсіа***—(во множественномъ ***син-сіу***) исповѣдающаго законъ синто. Основный догматъ этого закона—счастіе земной жизни, честное исполненіе своихъ обязанностей и согласіе со всѣми окружающими. Понятія о безсмертіи души и жизни за гробомъ —какія-то смутныя, неопредѣленныя. Правовѣрный синсіа обязанъ чтить единаго Бога, живущаго на ***высочайшихъ небесахъ***. Этому богу подчинены духи, живущіе между звѣздами (***ками***), которымъ однакоже не слѣдуетъ поклоняться, которыхъ не должно и просить ни о чемъ: они слишкомъ выше людей и земли, чтобы возносимая къ нимъ молитва могла когда нибудь быть услышана. Имена ками можно только произносить при клятвахъ и присягахъ. Третій разрядъ боговъ—составляютъ ближайшіе къ землѣ духи-покровители областей и городовъ. Это, большею частью, древніе цари и герои, возведенные послѣ смерти въ святые. Божества этого послѣдняго разряда, хотя и принимаютъ молитвы и поклоненія отъ людей, тѣмъ

не менѣе сами, разъ въ мѣсяцъ, отправляются на поклонъ къ *микадо*. Въ теченіе всего этого мѣсяца, называемаго *камминатсуки* (безбожнымъ), богослуженіе въ храмахъ прекращается и никто не молится, по той причинѣ, что хоть молись, хоть нѣтъ, ками [1], за недосугомъ, ничего не исполнятъ о чемъ бы ихъ ни просили.

Въ честь святыхъ и боговъ воздвигаютъ часовни (*міа*) и храмы; всякое же святое мѣсто вообще называется *сина*, *язіиро*, *синсія*. Часовень и храмовъ въ Японіи, говоря безъ преувеличенія, безчисленное множество; въ самыхъ живописныхъ мѣстностяхъ находятся монастыри (*сизіо-тира*). Послѣдніе обыкновенно окружены прелестными кипарисовыми рощами, придающими этимъ зданіямъ какое-то унылое величіе, или же обсажены садами; къ монастырямъ на горахъ ведутъ удобныя лѣстницы. Въ случаѣ, если монастырь находится въ лѣсной чащѣ, тогда на опушкѣ, при входѣ въ просѣку, ставятъ ворота (*торійя*) съ доскою на верхней части, на которой золотыми буквами начертано имя бога или святаго, которому храмъ или монастырь посвященъ. Близъ храма съ одной стороны колодезь для омовенія богомольцевъ, а съ другой—кружка для подаяній. Архитектура часовень неизмѣнно одинакова. Часовня ничто иное какъ бревенчатая изба въ одно или два окна, обнесенная вокругъ галереею, на которую ведутъ нѣсколько ступенекъ; крутая кровля—черепичная или гонтовая—спускается на столько низко, чтобъ прикрывать и галерею. На конькѣ крыши кладется длинное бревно, а поперегъ его два или три другія. У дверей храма виситъ колоколъ съ длинной, узловатой веревкой (украшеніе, перенятое у буддистовъ). Окна рѣшетчатыя, полъ устланъ циновками, стѣны украшены бѣлыми бумажными полосками (символы чистоты мѣста) или зеркалами. Въ большихъ храмахъ бываютъ скульптурныя и живописныя изображенія боговъ. Кромѣ того, прямо противъ входа ставятъ шкафъ со стек-

[1] Кромѣ этого собственнаго имени, японскіе боги имѣютъ еще множество прилагательныхъ: чудесные, славные (*міосинъ*), справедливые, строгіе, ревнивые (*гонгенъ*) и т. д.

лами *фон-гу* (истинный храмъ), въ немъ находятся живописныя изображенія чудесныхъ подвиговъ боговъ, или вещи, принадлежавшія героямъ, какъ-то: сабли, одѣяніе, книги; нерѣдко волосы, обломки костей. Эти шкапчики или переносныя часовни носятся и при торжественныхъ процесіяхъ. Стѣны переднихъ комнатъ или притворы въ большихъ храмахъ украшаютъ картинами, тканями, игрушками и моделями кораблей токарной работы... Все это приношенія усердныхъ богомольцевъ (*джемма*).

Прислужники храмовъ — *неги*, *канузи*, *сіян-нинъ* живутъ на жалованьи, по найму, и, хотя и носятъ одѣянія, похожія на жреческія, но къ духовенству не принадлежатъ. Мантіи у нихъ бываютъ бѣлыя, желтыя, иногда и другихъ цвѣтовъ; бороды они брѣютъ, но волосы на головѣ отпускаютъ. Головы покрываютъ шапками въ видѣ лодокъ, подвязанныя шнурками подъ подбородкомъ и украшенныя лентами, длина которыхъ соразмѣряется чину. Старшіе волосы свои заплетаютъ въ косы, которыя, собравъ на макушкѣ, покрываютъ шлыкомъ съ наушниками, которые также тѣмъ длиннѣе, чѣмъ выше чинъ. Жрецамъ этимъ предоставлено право носить двѣ сабли за поясомъ, чѣмъ они весьма чванятся передъ простыми гражданами. Вообще высокомѣріе—отличительная черта храмовыхъ прислужниковъ; они, кромѣ того, молчаливы, неохотно говорятъ о догматахъ религіи; однако же настоящая тому причина ихъ невѣжество: они сами не вѣдаютъ какіе у нихъ догматы.

Религія синто дѣлится на двѣ секты: 1) *Юитцъ*, къ которой принадлежатъ закоснѣлые послѣдователи древнихъ уставовъ, и 2) *Ріо-бусъ*, смѣсь уставовъ синто съ уставами буддизма. Это вѣра преобразованная, которую исповѣдуютъ микадо и всѣ вельможи. Сектаторы ріо-бусъ вѣрятъ, что душа Амиды (т. е. Будды) переселилась въ тѣло ихъ великаго царя и бога *Тен-сіо-даи-сина*, источника свѣта и создателя солнца. Рай, по ихъ толкованіямъ, находится въ 33 небѣ: *Такоманасакра* — слово въ слово—высокія, небесныя поля. Эти поля—жилища добрыхъ душъ; для злыхъ же хотя и нѣтъ ада, но онѣ осуждены вѣчно скитаться безъ пріюта, вселяясь въ тѣла *лисицъ*, животныхъ бѣсовскихъ. Надобно замѣтить, что лисицы въ Японіи дѣлаютъ

страшныя опустошенія въ садахъ и на птичьихъ дворахъ, а потому и служатъ предметомъ всеобщей ненависти и ужаса. Какъ же слѣдуетъ жить на свѣтѣ, чтобы послѣ смерти попасть въ 33-е небо, а не въ лисью шкуру? На этотъ вопросъ послѣдователи закона синто отвѣчаютъ: надобно соблюдать — 1) чистоту сердца, 2) воздерживаться отъ внѣшняго оскверненія, 3) чтить праздники, 4) ходить на богомолье въ священную область И-сіе или Изе и 5) умерщвлять свою плоть.

Чистота сердца состоитъ въ соблюденіи, во всѣхъ поступкахъ, законовъ здраваго смысла, природы и той страны, гдѣ живешь. Все что разумно, то и естественно; всякое противоестественное дѣйствіе есть нарушеніе законовъ природы, а вмѣстѣ съ ними и гражданскихъ законовъ. Этотъ первый догматъ религіи синто по своей логичности и ясности не нуждается въ излишнихъ толкованіяхъ.

Для соблюденія ***чистоты внѣшней***, кромѣ омовенія, слѣдуетъ избѣгать кровопролитія, сообщенія съ больными и умирающими, участія въ погребальныхъ церемоніяхъ и вкушенія мяса. Всякій, нарушившій которое нибудь изъ этихъ постановленій, называется оскверненнымъ (***фузіо***). Поранившій или оцарапавшій до крови себя или ближняго, равно и убившій его, отлучается отъ храма на семь дней. Работникъ, поранившій себя при постройкѣ храма, навсегда лишается права принимать участіе въ постройкахъ этого рода; если же подобное несчастіе случается при сооруженіи храма ***Тен-сіо-даи-сина*** гдѣ бы то ни было, или какого бы то ни было храма въ святой области Изе, начатую постройку разбираютъ и начинаютъ ее сызнова. Женщины при извѣстныхъ обстоятельствахъ не смѣютъ входить въ храмъ или отправляться на богомолье въ Изе. „Замѣчательно, говоритъ Кемпферъ, — что съ японками этого никогда не случается во время этого путешествія. Причиною тому можетъ быть изнуреніе отъ долгаго пути (?) или (что гораздо вѣроятнѣе) какія нибудь внутреннія средства, ими принимаемыя.“ Отлучая убійцу только на ***семь*** дней отъ храма, законъ синто признаетъ человѣка оскверненнымъ на ***тридцать*** дней за вкушеніе мяса какого бы то ни было четвероногаго, кромѣ ***лоси***; вкусившій мясо дикой или домашней птицы (кромѣ водяныхъ птицъ, фазана и журавля) ***фузіо*** на часъ времени (т. е. на два часа по нашему счисленію). Убившій какое либо животное, присутствовавшій при казни, при агоніи или на похоронахъ, оскверненъ на цѣлый день. Потерявшій отца, мать, жену, дѣтей, или кого изъ родни, также признается оскверненнымъ на болѣе или менѣе долгій срокъ, смотря по степени родства. Кромѣ того, каждый правовѣрный долженъ остерегаться отъ оскверненія: языка (сквернословіемъ), глазъ (взираніемъ на соблазнительныя зрѣлища) и ушей (вниманіемъ къ дурнымъ рѣчамъ). Для напоминанія объ этихъ трехъ обязанностяхъ во многихъ храмахъ, у ногъ идола ***Дзіизо***, ставятъ статуи трехъ обезьянъ, изъ которыхъ одна закрываетъ себѣ руками глаза, другая — уши, третья — ротъ. Многіе благочестивые японцы, послѣ каждаго посѣщенія гостя, велятъ мыть у себя въ домѣ полы и стѣны горячей водой съ солью — предосторожности ради: не отлученъ ли отъ храма за что нибудь бывшій посѣтитель.

Праздники называются днями визитовъ (***реби***). Японія изобилуетъ ими также какъ и храмами. Въ праздничные дни совершаются религіозныя процессіи и каждому исповѣднику синто вмѣняется въ неотлагательную обязанность бывать по праздникамъ въ храмахъ. Идти въ домъ божій слѣдуетъ въ спокойномъ, пріятномъ расположеніи духа. ***Молитва огорченнаго или скорбящаго — обида для божества и никогда не можетъ быть услышана*** (?). Богомолецъ обязанъ, вставъ рано утромъ, послѣ омовенія одѣться въ самое лучшее платье (***камизіино***), идти важно и величаво до дверей храма. Здѣсь, предварительно умывъ руки у колодца, взойдти на наружную галерею и съ нея заглянуть во внутренность часовни, въ зеркало, висящее противъ окна. „Какъ ты видишь лице свое въ зеркалѣ“, говоритъ законъ синто своему исповѣднику, — „такъ боги видятъ сердце твое со всѣми помыслами, затаенными въ сокровеннѣйшихъ его изгибахъ!“ По благоговѣйномъ созерцаніи, молельщикъ медленно опускается на колѣни и проситъ боговъ о чемъ ему нужно, или просто читаетъ три слова молитвы: „***Такамо фароками іодомари!***“ По окончаніи бросаетъ въ окно часовни, или въ стоящую у дверей кружку, нѣсколько монетъ, идетъ къ дверямъ и трижды уда-

ряетъ въ висящій у нихъ колоколъ. Этотъ звукъ любимъ богами лучше всякой музыки...

Затѣмъ—японецъ можетъ идти на всѣ четыре стороны и веселиться сколько душѣ угодно: на то и праздникъ! Богомолецъ всего прежде отправляется съ визитомъ къ роднѣ, старшимъ и начальникамъ; затѣмъ обѣдаетъ въ гостяхъ или дома, чествуя праздникъ изысканными яствами и крѣпкими напитками. Богамъ, какъ видитъ читатель, удѣляется въ праздникъ немного времени.

— А зачѣмъ больше? возражаетъ на это японецъ. — Зачѣмъ утруждать боговъ исчисленіемъ моихъ нуждъ, желаній—когда они и безъ того знаютъ мои нужды и желанія, чуть ли не лучше меня самого?

Въ праздничные же дни японцы всегда совершаютъ и всѣ религіозные обряды, какъ-то: нареченіе имени новорожденному, помолвки, свадьбы. Это, по ихъ мнѣнію, самое лучшее чествованіе боговъ и имъ весьма угодно.

Ежемѣсячно бываетъ у японцевъ три праздника: въ *1 день тцитатцъ*—состоящій изъ хожденія другъ къ другу для поздравленій съ появленіемъ новой луны (медито); *въ 15 день*—тоже самое, по случаю полнолунія; въ *28 день*—праздникъ послѣдней четверти или прощаніе съ луною.

Главныхъ годовыхъ праздниковъ *пять* (госекфъ) и всѣ они приходятся въ нечетныя (они же и несчастныя) числа мѣсяцевъ; но затѣмъ-то именно въ эти дни великіе праздники и установлены, чтобы люди имѣли возможность молитвами и весельемъ отогнать отъ себя грядущія невзгоды... Вотъ эти праздники:

Согу-атсъ первый день, первой луны т. е. *новый годъ*. Начинаютъ его хожденіемъ по храмамъ; продолжаютъ визитами и точь въ точь какъ у насъ, европейцевъ. Посѣтители записываютъ свои имена на доскахъ, вывѣшиваемыхъ въ этотъ день въ прихожихъ: *визитныя же карточки*, близкимъ роднымъ и короткимъ знакомымъ, состоятъ изъ лаковаго ящика съ надписью на немъ имени посѣтителя и со вложеніемъ внутри трехъ опахалъ, съ привѣшеннымъ къ каждому кускамн засушенаго мяса *аваби* (auris marina). Аваби, особая порода водящейся въ Японіи жемчужной устрицы: грубое, хрящеватое ея мясо, было, по преданію, пищею первобытныхъ жителей имперіи. Даря кусками этого мяса, японцы напоминаютъ другъ другу о бѣдности и суровой жизни своихъ прародителей. По окончаніи визитовъ—пышный обѣдъ у старшаго въ семействѣ и затѣмъ день новаго года празднуется еще и въ послѣдующіе три дня.

Сатуатцъ-саннисъ—третій день третьей луны: праздникъ *весны, юности* и *богини богатствъ*, въ которомъ главными дѣйствующими лицами являются дѣвочки. По примѣру старшихъ сестеръ и матерей, онѣ приходятъ другъ къ другу съ визитами; родители дарятъ своихъ дочерей куклами, а пріятельницъ ихъ угощаютъ виномъ (*саки*), мясомъ и пирожками изъ рису съ начинкой изъ стеблей молодаго чернобыльника (artemisia officinalis L). Хозяйки дома, стряпая это кушанье, прикрываютъ посуду вѣтвями абрикосоваго дерева. Все это дѣлается въ память событія, въ честь котораго и учрежденъ весь праздникъ.

Въ глубочайшей древности, или вѣрнѣе, въ тѣ времена, когда происходили на землѣ всѣ баснословныя событія—жилъ былъ въ Японіи, на берегу Птичьей рѣки (*Рiузагавы*), нѣкій богачъ; у богача была дочка *Бунзіо*, у дочки женихъ—*Симміосъ-даи-Міоссинъ*, за котораго дочка богача вскорѣ и вышла замужъ. Живутъ они годъ, другой; нѣсколько лѣтъ прожили, а дѣтей у нихъ нѣтъ. И стала Бунзіо молить боговъ, чтобы ей дѣтей дали, и исполнили боги ея желаніе, только... не совсѣмъ такъ, какъ оно обыкновенно бываетъ — а именно: Бунзіо *снесла пятсотъ яицъ*!.. Не зная что дѣлать съ этими оригинальными новорожденными, и думая, что это шутки бѣсовскія—она сложила ихъ въ ящикъ, надписала на его крышкѣ слово *фосьороо* и бросила его въ Птичью рѣку... Поплылъ ящикъ и скрылся изъ виду.

Этимъ временемъ на берегу рѣки жилъ старикъ рыбакъ со старухой. Однажды, видитъ онъ, плыветъ ящикъ—онъ его выловилъ, открылъ, видитъ яйца: очень хорошо! И обрадованный находкою, онъ принесъ ее своей старухѣ. Та сначала не обратила на ящикъ особеннаго вниманія, но потомъ, пораздумалась и присовѣтовала мужу бросить ящикъ обратно въ воду, по той причинѣ, что брошенъ онъ, вѣроятно, не спроста, да и грѣшно чужимъ добромъ пользоваться.... Старикъ однако же не послушался, а рѣшился

высидѣть яйца искуственнымъ образомъ, какъ это дѣлаютъ въ Индіи ([1]). Онъ положилъ ихъ въ печь, въ теплый песокъ и обложилъ подушками. Опытъ увѣнчался успѣхомъ, только опять вышла смѣшная исторія: Бунзіо просила у боговъ дѣтей—а тѣ послали ей яйца; старикъ же, думая искуственно высидѣть цыплятъ—высидѣлъ—*пятсотъ молодцовъ* (какъ на зло ни одного болтуна!) Нечего было дѣлать—не топить же въ рѣкѣ... Покуда дѣти были малы, старики кормили ихъ вареньмъ рисомъ и чернобыльникомъ; когда же изъ ребятишекъ сдѣлались взрослыми, старики отпустили ихъ отъ себя, предоставляя добывать хлѣбъ, какъ и чѣмъ они сами хотятъ. Братья сдѣлались разбойниками. Какой-то добрый человѣкъ присовѣтовалъ имъ ограбить домъ богатаго вельможи на берегу рѣки—куда они и отправились, но не рѣшаясь почему-то грабить, смиренно попросили слугу дать имъ поѣсть. Слуга доложилъ госпожѣ; услыхавъ о числѣ гостей, она смутилась, велѣла спросить откуда они родомъ? Тѣ сказали всю правду... Госпожа признала ихъ за своихъ сыновей, угостила виномъ, поподчивала рисовыми пирогами съ начинкой изъ чернобыльника и каждому дала абрикосовую вѣтвь. Впослѣдствіи, по ея ходатайству, всѣ ея сыновья попали въ святые и сама она подъ именемъ *Бенсаитанъ* сдѣлалась богиней богатства и изобилія.

Сказка, безспорно, груба и не отличается богатствомъ вымысла, тѣмъ не менѣе въ ней замѣтны слѣды чего-то символическаго... Можетъ быть тутъ какой нибудь намекъ на изобиліе произведеній земли, изображаемыхъ рисомъ, чернобыльникомъ и вѣтвями абрикосоваго дерева... Трудно доискаться—а всякое народное повѣрье безъ разгадки, какъ замокъ безъ ключа.

Гогуатцъ-Гонитцъ или *Тан-го-на-секу* въ пятый день пятаго мѣсяца: праздникъ мальчиковъ, особенно соблюдаемый въ Нангасаки, гдѣ ребятишки катаются въ этотъ день на челнокахъ, съ громкими криками: „Пеиру-унъ! Пеиру-унъ!!"

Это имя виновника празднества—древняго царя островов Маурігазимы, о которомъ существуетъ также любопытное сказаніе. Островъ *Мауригазима*, лежавшій по сосѣдству отъ Формозы, славился богатствомъ почвы и пріисками превосходной бѣлой глины, изъ которой жители выдѣлывали фарфоровую посуду (*као-линъ*). Въ короткое время они до того обогатились гончарнымъ промысломъ, что впали въ роскошь, а съ нею и позабыли боговъ и сдѣлались великими грѣшниками. Боги рѣшились истребить нечестивцевъ, вмѣстѣ съ ихъ островомъ, но пожалѣли *Пеируна*, царя ихъ—человѣка кроткаго и праведнаго. И было ему въ ночи сонное видѣніе: кто-то изъ боговъ, явясь къ царю, велѣлъ ему покинуть островъ со всѣмъ семействомъ и имуществомъ, и бѣжать въ Китай—ибо острову суждено погрузиться въ пучины морскія. „Знакомъ же приближенія бѣдствія", сказалъ богъ—„будетъ служить то, что у идоловъ *Нин-сіо* и *Нин-во* покраснѣютъ лица!" Идолы эти деревянные, изображавшіе созидателя и разрушителя въ видѣ людей со львиными головами, въ коронахъ и со скипетрами, перевитыми змѣями въ рукахъ—стояли при входѣ въ главный храмъ острова. Добрый Пеируунъ, по пробужденіи отъ сна и не желая воспользоваться одинъ даннымъ ему предостереженіемъ, велѣлъ обнародовать сообщеное ему о знаменіи грядущаго бѣдствія. Нечестивый народъ, вмѣсто благодарности, сталъ смѣяться надъ царемъ и надъ богами, а какой-то смѣльчакъ, желая подшутить надъ Пеирууномъ, ночью вымазалъ красной краской физіономіи идоловъ. Не подозрѣвая наглаго обмана, царь немедленно отплылъ отъ береговъ острова и лишь только скрылся изъ виду, какъ бывшее его царство со всѣми жителями и ихъ гончарными заводами погрузилось на морское дно...

До нынѣ японскіе водолазы достаютъ оттуда фарфоровыя вазы и горшки, за которые охотники даютъ огромныя деньги. Эта подводная посуда обыкновенно опутана морскими травами, облѣплена улитками и покрыта особеннымъ зеленоватымъ налетомъ, который однако же до чиста не отскабливается, въ доказательство подлинности драгоцѣнной вазы. Кемпферъ говоритъ, что сосуды изъ этого фарфора придаютъ особенно пріятный вкусъ завариваемому въ нихъ чаю; онъ неоднократно видалъ ихъ. Понятно, что это не издѣлія именно нечестивыхъ островитянъ, поглощен-

(1) Искуственное разведеніе цыплятъ существовало, какъ увидимъ, и въ древнемъ Египтѣ.

ныхъ моремъ, но что нѣсколько вѣковъ назадъ, вслѣдствіе какого нибудь вулканическаго переворота, у береговъ Японіи исчезъ островъ съ лица моря — въ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія, какъ не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что па этомъ островѣ были фарфоровые заводы.

Ситцигуатцъ-Фанука седьмой день седьмаго мѣсяца; праздникъ дополнительный предыдущему и тоже, подобно ему, празднуемый мальчиками. Это нечто иное какъ каникулы, во время которыхъ дѣти бѣгаютъ по полямъ со знаменами, состоящими изъ длинныхъ бамбуковыхъ тростей, на которыя прицѣплены похвальные листы, выданные изъ школъ за успѣхи дѣтей въ наукахъ.

Кугуатцъ-Кунитцъ праздникъ девятаго дня девятаго мѣсяца. Повсемѣстные пиры, обѣды и попойки, подобіе римскихъ вакханалій, но въ болѣе благоразумныхъ предѣлахъ. Этотъ день почитается несчастнѣйшимъ изъ всѣхъ несчастныхъ, а потому по закону синто его слѣдуетъ проводить въ самомъ беззаботномъ веселіи. Веселье отгоняетъ бѣду.

Кромѣ этихъ пяти праздниковъ, есть еще очень много другихъ, изъ которыхъ главнѣйшій въ честь бога покровителя Японіи ***Тен-сіо-даи-сина***. Онъ раздѣляется на ***великій*** (16 день девятаго мѣсяца), и ***малые***—въ 16, 21 и 26 день каждаго мѣсяца. За нимъ слѣдуютъ праздники: бога охоты ***Сувы*** (9 день шестаго мѣсяца) 9, 19 и 21 дни каждаго мѣсяца. Въ этотъ праздникъ въ храмы бога входятъ сквозь обручъ, обтянутый полотномъ. Сува — покровитель города Нангасаки, а потому здѣсь его еще особенно чествуютъ праздникомъ въ 9 день 9 мѣсяца. Праздниковъ ***Тен-сина*** тоже нѣсколько разрядовъ: ежемѣсячно въ 25 день и въ эти же дни втораго и восьмаго мѣсяца ежегодно. Главнѣйшіе его храмы въ ***Міако*** и въ ***Саифу***. Оба города въ праздники посѣщаются десятками тысячъ богомольцевъ. Затѣмъ слѣдуютъ праздники: бога войны (***Фатц-мана***) ***Готсутенно*** или ***Гаванна***, бога лисицъ— ***Инари-даи-міо-зинъ*** (онъ же и повелитель бѣсовъ), героя побѣдителя дракона ***Идсумо-но-о-язіро***... и цѣлой толпы богинь, героевъ, святыхъ царей и царицъ, которыхъ жизнеописаніе составляетъ предметъ священной книги ***Ниппонъ о даики*** (¹).

Изъ всей этой пестрой орды боговъ, богинь и героевъ, мы отдѣлимъ только ***Ніебиса***—бога купцовъ, и святаго проповѣдника ***Дарму***, хотя и выходца изъ Индіи, однако же высоко-чтимаго японцами.

Ніебисъ, братъ Тен-сіо-даи-сина, былъ за что-то изгнанъ послѣднимъ на пустынный островъ, гдѣ занялся рыбной ловлей и, вслѣдствіе частаго купанья, пріобрѣлъ способность по три дня оставаться подъ водою. Его изображаютъ въ четырехъ видахъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ особенное названіе: 1) съ удою въ правой рукѣ и большою рыбою въ лѣвой. Въ этомъ видѣ японскій Нептунъ —покровитель рыбаковъ; 2) сидящимъ на рисовомъ снопѣ съ молоткомъ въ правой и мѣшкомъ въ лѣвой рукѣ. При этомъ Ніебиса зовутъ ***Даи-ко-ку*** и онъ тогда богъ торговли: во что бы ни ударилъ своимъ чудеснымъ молоткомъ, оттуда тотчасъ же явятся жизненные припасы, всякіе товары и драгоцѣнности. 3) Покровитель новаго года ***Тосси-току*** или ***Курокусси***: въ широкомъ халатѣ, съ длинной бородой, широкимъ лбомъ, огромными ушами и опахаломъ въ рукѣ. 5) Податель богатствъ, здоровья и дѣтей — совершенно нагой, съ непомѣрной величины животомъ. Въ этомъ случаѣ его называютъ ***Фоттеи*** или ***Мироку***.

Великій ***Дарма***, третій сынъ индійскаго царя ***Кассіуво***, отправился съ своей родины въ Китай проповѣдывать людямъ великія истины богопочитанія, дружбу, любовь и согласіе. Не довольствуясь поучать ихъ ***словомъ***, онъ на себѣ самомъ являлъ высокій примѣръ праведной жизни, проводя дни и ночи въ благоговѣйномъ созерцаніи, постѣ и молитвѣ. Давъ богамъ обѣтъ безсонницы, онъ мужественно выдержалъ въ теченіе нѣкотораго времени эту добровольную пытку, но наконецъ изнемогъ, усталость взяла свое и онъ погрузился въ глубокую дремоту... Пробудясь

(¹) Книга, заключающая жизнеописаніе боговъ или собственно *феогонію*— называется *Син-даи-ки*.

по утру, и негодуя на немощь бреннаго своего тѣла, Дарма вырѣзалъ себѣ оба глазныя вѣка, чтобы опять не поддаться искушенію — и бросилъ ихъ на землю. Прійдя на другой день къ этому мѣсту, онъ нашелъ красивые кусты, до того времени невѣдомые, съ листьями похожими на глазныя вѣки, окаймленныя рѣсницами (ихъ изображали растительныя ворсинки). Желая попробовать вкусъ этихъ листьевъ, онъ разжевалъ одинъ и тотчасъ же почувствовалъ необыкновенную бодрость, пріятную теплоту во всемъ тѣлѣ и ясность мысли. Немедленно онъ сообщилъ объ открытіи своимъ ученикамъ; тѣ на опытѣ удостовѣрились въ чудесномъ свойствѣ листьевъ куста, такъ чудно родившагося и вскорѣ размножившагося. Японцы называютъ его *вѣками Дармы*; а мы тѣмъ именемъ, какимъ его зовутъ китайцы... Это былъ *чай*.

Дарму изображаютъ стоящимъ на циновкѣ, на которой онъ, по преданію, приплылъ въ Китай.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Богомолья и священныя мѣста секты синто. — Область Изе. — Храмъ Даи-Сингу. — Мѣстность и зданіе. — Прислужники. — Одежда богомольцевъ. — Знаки, оставляемые на дверяхъ ихъ жилищъ. — Мщеніе боговъ. — Обряды богомолья. — Офоваи или индульгенціи. — Торговля ими и альманахами. — Пещера Авана-матта. — Эмблематическое ея значеніе. — Пустынники. — Гіенно-Гіосса. — Восхожденіе на горы. — Два разряда пустынниковъ. — Отличительные знаки. — Ворожба. — Леченіе болѣзней. — Испытаніе бумажными пилюлями и огнемъ. — Великая кара.

Каждый правовѣрный закона синто обязанъ, если ужъ не ежегодно, то хоть разъ въ жизни посѣтить святѣйшее изъ всѣхъ святыхъ мѣстъ Японіи храмъ *Тен-сіо-даи-сина* въ области Изіе или Изе. Это путешествіе называется *санга* (т. е. выхожденіе) и по разсказамъ жрецовъ имѣетъ чудесное свойство очищать отъ всякихъ грѣховъ, давать здоровье, удачу, богатство — *здѣсь*, и блаженство — *тамъ*. Надежды получить всѣ эти блага за прогулку, которая сама по себѣ очень пріятна, привлекаетъ въ Изе несмѣтныя толпы японцевъ всѣхъ сектъ и исповѣданій; къ тому же народъ этотъ вообще склоненъ къ бродяжничеству, а хожденіе на богомолье самое лучшее средство удовлетворить эту склонность съ соблюденіемъ приличія, да еще кромѣ того съ пріобрѣтеніемъ нѣкотораго вѣса и почета въ глазахъ соотчичей.

Кромѣ храма Изе, есть еще знаменитые *тридцать три* храма въ Квамвонѣ; храмъ *Никотира* (солнечнаго сіянія) въ области Осью, храмы бога войны — Фац-мана и великаго законодателя Якузи — въ Саифѣ и т. д. Но всѣ они ничто въ сравненіи съ храмомъ Изе, называемомъ *Даи-Сингу* (храмъ великаго бога), а въ простомъ народѣ *Исіе-міа* (жилище живой души). Послѣднее названіе чрезвычайно характеристично и даже не лишено своего рода поэзіи: „какъ душа наша живетъ въ тѣлѣ“, говорятъ японцы — „такъ богъ живетъ въ храмѣ!“ Область Исіе — японская Мекка; здѣсь Тен-сіо-даи-синъ — родоначальникъ всѣхъ микадо и отецъ японцевъ, родился, жилъ и умеръ.

Знаменитый храмъ находится на обширной равнинѣ и окруженъ сотнею часовенъ и многими домами для помѣщенія *канузи* — храмовыхъ прислужниковъ. Издали это мѣсто кажется городкомъ и путешественникъ тщетно сталъ бы отыскивать глазами главный храмъ, въ надеждѣ увидѣть великолѣпное зданіе въ нѣсколько этажей, съ золочеными куполами, башенками и т. п., ничего этого нѣтъ. Храмъ Даи-Сингу ничто иное, какъ низенькая, бревенчатая, одноэтажная изба съ соломенной, плоской кровлей. Но самая эта простота и убожество составляютъ главную прелесть этой японской святыни — а древность ея придаетъ зданію нѣкоторую цѣну въ глазахъ археолога, потому что въ этомъ видѣ онъ поддерживается съ незапамятныхъ временъ, хотя не съ самаго дня основанія Японіи, какъ увѣряютъ исповѣдники синто. Другое преданіе гласитъ, что при сооруженіи храма, ни одинъ изъ работниковъ не только не ранилъ себя, но даже не нанесъ себѣ и ни малѣйшей царапины — фактъ, который невозможно и опроверг-

нуть по недостатку доказательствъ. Во внутренности храма полы устланы цыновками, стѣны увѣшаны полосками бѣлой бумаги, а на серединѣ красуется металлическое зеркало превосходной полировки. Часовни, окружающія храмъ, до того низки, что входить въ нихъ можно только сгорбившись; въ каждой изъ нихъ жилище *канузи*. Остальные прислужники называются *неги* и *тайе* (истолкователи слова божія и страннопріимцы). Обязанность послѣднихъ—заботиться о помѣщеніи и продовольствіи богомольцевъ. Канузи, помѣщающихся въ часовняхъ, называютъ еще—*міа-дзузума*, т. е. храмовыми воробьями... Намекъ-ли это на ихъ тѣсныя помѣщенія, которыя, дѣйствительно, немногимъ обширнѣе воробьинаго гнѣзда, или, прислужниковъ храма называютъ воробьями за то, что они, какъ птички, питаются крохами, падающими отъ приношеній богу? Одно изъ двухъ—непремѣнно. Крохи, которыми пользуются эти безперыя птицы, довольно увѣсисты, независимо отъ платы (доброхотнаго даянія) за пріютъ богомольцевъ, канузи получаютъ доходы отъ продажи имъ *офовари*—свидѣтельства объ отпущеніи грѣховъ, которыя всего ближе можно назвать *индульгенціями*; доходъ этого тѣмъ значительнѣе, что богомольцы покупаютъ индульгенціи и сами для себя, и для своихъ родныхъ и близкихъ знакомыхъ по ихъ порученіямъ. Нельзя не подивиться, какъ же это микадо упускаетъ изъ виду такую крупную статью дохода...

Отъ богомольцевъ въ Изе круглый годъ отбою нѣтъ, но наибольшее ихъ стеченіе бываетъ въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ, т. е. въ самую лучшую весеннюю пору. Тутъ рѣшительно всѣ сословія—отъ вельможи до нищаго: кто ѣдетъ въ экипажѣ, кто верхомъ, кто плетется пѣшкомъ, питаясь подаяніемъ; нерѣдко дѣти убѣгаютъ отъ родителей—за что, разумѣется, грѣшно и бранить благочестивыхъ малютокъ! Что же касается до главы націи—микадо, онъ, будучи самъ по себѣ божествомъ, довольствуется ежегодно отправкою посланниковъ съ подарками въ храмъ Изе. Одежда богомольцевъ-пѣшеходовъ состоитъ большею частью изъ бѣлыхъ балахоновъ и тростниковыхъ шляпъ съ большими полями; въ рукахъ длинные посохи; бѣдные, кромѣ того, несутъ за плечами свои постели: связанныя въ видѣ плоскаго тюфячка, пучки соломы, за поясомъ де-

ревянныя чашки для черпанья воды и сбора подаяній. У каждаго богомольца на шляпѣ написаны, или вышиты на спинѣ балахона, его имя и мѣсто жительства. Эта мѣра замѣняетъ всякіе паспорты и, въ случаѣ скоропостижной смерти богомольца на пути или на самомъ мѣстѣ богомолья, это избавляетъ полицію отъ всякихъ затруднительныхъ розысковъ.

У дверей дома пилигрима, отправившагося на богомолье, вывѣшиваютъ веревку, обернутую бѣлой бумагой, для предупрежденія посѣщеній вообще, а посѣщеній отверженцевъ или оскверненныхъ (*фузіо*) въ особенности. Въ случаѣ подобнаго несчастія, оно непремѣнно обратится на бѣду богомольца, а душа его во снѣ будетъ за это жестоко терзаться и мучиться. Точно такіе же значки, или просто полоски бѣлой бумаги вѣшаютъ, для отогнанія фузіо, на деревья близъ часовенъ и храмовъ!.. Отправляющійся на богомолье обязанъ быть чистъ тѣломъ и духомъ, иначе его постигнетъ мщеніе боговъ—*синбатцъ*, а какъ боги умѣютъ мстить—объ этомъ жрецы распускаютъ въ народѣ такія ужасныя сказки, что морозъ подираетъ по кожѣ; наказаніе ослушника воли божіей распространяется и на него самого и на нѣсколько поколѣній... За малую провинность, говорятъ, грѣшникъ будетъ мучиться цѣлую вѣчность, а за болѣе важный проступокъ—*вдвое*! Простодушный народъ, изъ опасенія прогнѣвить боговъ, не трудится даже спросить, какая же это есть еще двойная вѣчность?—Къ числу отверженцевъ, которымъ на всегда возбраненъ входъ ко храму Изе, принадлежатъ буддійскіе жрецы—такъ какъ они постоянно присутствуютъ при агоніи и погребеніяхъ.

Богомолецъ, пришедшій въ Изе, всего прежде отправляется къ знакомому или рекомендованному ему канузи; войдя въ его коморку, кладетъ земной поклонъ. Канузи даетъ богомольцу слугу, который водитъ его по маленькимъ храмамъ, объясняя какой храмъ какому божеству посвященъ. Послѣ того подходятъ къ главному, здѣсь богомолецъ обязанъ плашмя лечь на землю и просить обо всемъ что ему нужно. Отсюда возвращается къ канузи за полученіемъ *офавари*. Это продолговатый деревянный ящикъ, вершковъ въ шесть въ длину, три въ ширину и 1½ въ толщину; внутри положены тоненькія палочки, обернутыя бумагою...

всего ближе офаваи можно сравнить съ ящичкомъ папиросокъ. На крышку наклеивается лоскутъ бумаги, на которомъ написано имя храма *Даи-сангу*, а на донышко другой лоскутъ, поменьше, съ имемемъ канузи, давшаго индульгенцію. Офаваи избавляетъ отъ всякихъ бѣдъ и разрѣшаетъ грѣхи на годъ; по прошествіи этого срока слѣдуетъ идти за новою. Получивъ ящичекъ, пилигримъ укладываетъ его на дно своей шляпы, а возвратясь домой, ставитъ въ комнатѣ на неприкосновенномъ мѣстѣ; старые же ящички вывѣшиваютъ надъ дверьми подъ навѣсомъ изъ дощечекъ; не имѣющіе собственныхъ жилищъ прячутъ ихъ въ дупла деревьевъ — то же дѣлаютъ и съ найденными на дорогѣ или принадлежавшими умершимъ.

Къ новому году канузи пріѣзжаютъ въ города съ цѣлыми грузами офаваи и *альманаховъ* [1]. То и другое разбираютъ на расхватъ — ибо купить офаваи — все равно, что побывать на богомольи. Въ придачу къ этимъ двумъ вещамъ, канузи прибавляетъ обыкновенно деревянную лаковую чашечку (*саккантъ*), непремѣнный атрибутъ пилигрима. Эти чашечки тысячами вытачиваютъ въ Изе, въ предмѣстіи храма, заселенномъ столярами, токарями и всякаго рода ремесленниками.

Неподалеку отъ храма показываютъ *Авано-матта* — пещеру, въ которой нѣкоторое время скрывался Тен-сіо-даи-синъ отъ солнечнаго и луннаго свѣта, для доказательства людямъ, что онъ, какъ богъ, не нуждается ни въ томъ, ни въ другомъ. Внутри этой пещеры устроена часовня съ изображеніемъ идола, ѣдущаго на коровѣ (*Даи-нитцъ-нираи*). Это эмблематическое изображеніе солнца [2]. Вообще всѣ преданія о богѣ Тан-сіо-даи-синѣ ничто иное, какъ перифразы кажущихся измѣненій въ положеніяхъ солнца и переходовъ его изъ одного созвѣздія въ другое. Напримѣръ — это уединеніе Тен-сіо-даи-сина въ пещеру и возвра-

[1] Мы уже говорили, что право печатать и издавать альманахи исключительно предоставлено области Изе.

[2] Вѣрнѣе эмблема вступленія солнца въ созвѣздіе Коровы, т. е. наступленія весны и пробужденія всей природы отъ зимняго ея усыпленія.

щеніе изъ нея — символъ зимняго солнцестоянія... Но народъ въ Японіи, какъ и вездѣ, понимаетъ аллегорію въ буквальномъ смыслѣ, эмблему принимаетъ за дѣйствительность... Впрочемъ, цѣною этой добровольной слѣпоты онъ покупаетъ себѣ спокойствіе совѣсти, и напрасно, даже грѣшно было бы выводить его изъ этого счастливаго заблужденія.

Независимо отъ хожденія на богомолія, японцы выражаютъ свое усердіе къ божеству сооруженіемъ храмовъ, пожертвованіями и раздачею болѣе или менѣе щедрыхъ подаяній неимущимъ. Все это дѣлается по обѣщаніямъ, даваемымъ или въ минуту спасенія отъ угрожавшей опасности, или за удачу въ какомъ нибудь важномъ предпріятіи. Люди же, которымъ прискучили всѣ мірскія заботы, и пресытившіеся жизнію, поступаютъ въ пустынники, на вѣки, посвящая себя на служеніе богу. *Ямма́босъ*, пустынникъ — въ буквальномъ переводѣ — горный воинъ, т. е. боецъ за боговъ и истинную вѣру. Главнѣйшая обязанность *яммабоса* — подвергать себя всякимъ истязаніямъ, голоду, купанью въ ледяной водѣ и лазанью по высокимъ горамъ. Богатые яммабосы живутъ въ собственныхъ хижинахъ, бѣдные — питаются подаяніемъ. Послѣднихъ особенно много въ области Си-ви-га, около горы *Фузи-яма*, на которую, по уставу, яммабосы должны совершать восхожденія каждые шесть мѣсяцевъ. Основатель этого монашескаго ордена *Гіенно-Гіосса* жилъ въ 1100 году, но кто были его отецъ и мать, откуда онъ былъ родомъ — объ этомъ нѣтъ никакихъ свѣденій; извѣстно только одно, что Гіенно-Гіосса былъ первымъ пустынникомъ и виновникомъ заселенія многихъ мѣстностей и проложенія новыхъ дорогъ между городами и селами. Скитаясь по пустыннымъ мѣстамъ, онъ открывалъ урочища, представлявшія будущимъ переселенцамъ всевозможныя выгоды и удобства; онъ пролагалъ тропинки въ мѣстахъ, почитавшихся непроходимыми. Сохранились преданія будто Гіенно-Гіосса, за свою праведность, былъ такъ угоденъ богамъ, что могъ безъ всякой опасности сидѣть на зажженномъ кострѣ среди жесточайшаго пламени. Въ память этого перваго пустынника, причтеннаго послѣ смерти къ богамъ подъ именемъ *Фудо*, его изображаютъ сидящимъ среди пламени. Впослѣдствіи общество пустынниковъ раздѣлялось на два

отдѣльные ордена: *тозанфа* и *фозанфа*. Уставы перваго повелѣвали пустынникамъ разъ въ годъ восходить на гору Фи-ко-озанъ (въ области Бузенъ), гору чрезвычайно крутую, съ обрывами и окруженную множествомъ пропастей. Если отлученный или оскверненный (*фузіо*) осмѣлится взойдти на эту гору, то немедленно дѣлается добычею Лисицы (т. е. демона) и сходитъ съ ума. Уставы втораго ордена заключаются въ обязательномъ посѣщеніи пустынниками могилы основателя общества яммабосовъ на горѣ Омина, въ области Іоттініо, на горѣ, которая тоже почти неприступна, а неочистившійся предварительнымъ покаяніемъ и постомъ непремѣнно обрывается; если же по милости боговъ и достигнетъ вершины, то послѣ неминуемо захвораетъ... Сказаніе въ высшей степени наивное! Слѣдствіемъ восхожденія на гору можетъ быть и простуда, и лихорадка, и вообще какая нибудь изнурительная болѣзнь и сорваться съ крутизны гораздо легче, нежели взобраться на вершину, но эти болѣзни или гибель богомольца могутъ-ли быть доказательствами грѣховной его нечистоты? Или у японцевъ люди ловкіе или крѣпкаго сложенія, всѣ безъ изъятія угодны богамъ?

Предъ восхожденіемъ на горы, яммабосы должны жить нѣсколько времени въ совершенномъ воздержаніи и часто купаться въ рѣкахъ; травы и коренья должны быть исключительною ихъ пищею во все продолженіе труднаго пути. По возвращеніи, они являются къ Міако, къ начальнику ордена, который въ награду (впрочемъ за деньги) возводитъ ихъ въ высшіе чины. Одежда яммабосовъ — какъ и вообще у всѣхъ японцевъ, кромѣ нѣкоторыхъ особенныхъ атрибутовъ, которые и отличаютъ ихъ отъ прочихъ людей. Атрибуты эти состоятъ: 1) изъ *Вакизаръ* или меча Фудо, носимаго на лѣвомъ бедрѣ. Мечъ этотъ короче обыкновенныхъ японскихъ сабель и ножны у него не круглыя, а плоскія: 2) изъ *саккудзіо* или жезла бога Дзизо, съ мѣднымъ набалдашникомъ, съ привѣшенными къ нему четырмя мѣдными кольцами. Молясь или произнося заклинанія, пустынники брякаютъ ими. 3) *Фаронакаи* большая раковина, емкостью въ двѣ кружки, изогнутая въ видѣ рога или трубы; гладкая, бѣлая, красиво испещреная красными полосками и крапинками. Раковины эти въ

изобиліи попадаются въ области Араи послѣ морскаго отлива. Раковину пустынникъ привѣшиваетъ къ поясу и, завидя идущаго на встрѣчу прохожаго, трубитъ въ нее, требуя тѣмъ подаянія. 4) *Дзузукекс*,— ссученный снурокъ или шарфъ съ бахрамой, обвязываемый вокругъ шеи. Длина шарфа и его бахрамы зависятъ отъ чина пустынника. 5) *Фо ки* шапка отличной отъ другихъ формы. 6) *Ойи*— котомка за плечами, въ которую странникъ кладетъ деньги, бѣлье, книги. 7) *Ятцувоно-Варандзіе*— сандаліи соломенныя или сплетенныя изъ стеблей священнаго растенія *торате*; 8) четки (*Изе-тэка-но-дзіузу*), снизанныя изъ грубыхъ, узловатыхъ зеренъ (это нововведеніе, заимствованное у буддистовъ). Наконецъ— 10) длинный посохъ (*конго-дзуйе*) для опоры и обороны странника во время дороги. Вновь поступающіе въ пустынники брѣютъ головы, утвержденные въ званіи пустынниковъ — отпускаютъ ихъ; возведенные въ высшіе чины — брѣютъ волосы на затылкѣ. Эта страсть къ чинамъ и наружнымъ отличіямъ свойственна всѣмъ японскимъ пустынникамъ; люди вездѣ люди — отрекаясь отъ міра и всѣхъ его суетныхъ треволненій, пустынники не могутъ отрѣшиться отъ суетнѣйшаго тщеславія и ребяческаго самолюбія... Но тамъ, гдѣ есть эти двѣ страсти, можетъ ли быть мыслимо истинное самоотверженіе?

Первые пустынники строго придерживались уставовъ ихъ общества; послѣдующіе же, мало по малу, освободились отъ тѣхъ обязанностей, которыя нашли для себя стѣснительными и, такимъ образомъ, званіе пустынника сохранило свое значеніе только благодаря маскѣ ханжества и лукавства. Нынѣ, строгій къ себѣ самому и покорный старинному уставу яммабосъ — составляетъ исключеніе изъ правила, вообще же яммабосы — пройдохи первой руки, обирающіе народъ безъ зазрѣнія совѣсти, уловляя его на удочку суевѣрія. Надобно замѣтить, что яммабосы выдаютъ себя за великихъ колдуновъ, знахарей и лекарей всѣхъ возможныхъ недуговъ, хвалятся тѣмъ, что могутъ усмирять тигровъ и крокодиловъ, брать обнаженными руками горячіе уголья и раскаленное желѣзо, заклинаньями *ямассу* могутъ погасить сильнѣйшее пламя или мгновенно вскипятить ледяную воду, могутъ заворожить

саблю, такъ что ее невозможно вытащить изъ ноженъ и т. д. [1]. Призванный къ больному, яммабосъ разспросивъ его подробно о припадкахъ, записываетъ ихъ на кусочкахъ бумаги; потомъ кладетъ ихъ на алтарь въ храмѣ и, по прочтеніи заклинаній, скатываетъ изъ этихъ бумажекъ пилюли (*гоо*), которыя даетъ глотать больному, запивая водой, надъ которой нашептано, либо которая зачерпнута на мѣстѣ, указанномъ врачемъ-чародѣемъ. Въ этомъ случаѣ паціентъ можетъ смѣло сказать, что не его болѣзнь снѣдаетъ, а что, напротивъ, онъ самъ проглатываетъ свою болѣзнь. Средство нелѣпое, но мы почти не видимъ никакой разницы между нимъ и многими европейскими ***симпатическими*** средствами.

Въ случаѣ покражи, японцы обращаются за совѣтомъ къ яммабосу и онъ испытываетъ подозрѣваемыхъ опять же бумажными пилюльками (*хумано-гоо*), либо огнемъ. Хумано-гоо бумажка, испещренная таинственными знаками и изображеніями сорокъ, воронъ, дроздовъ и другихъ черныхъ птицъ, сложенная и запечатанная печатью яммабоса. Эту бумажку обыкновенно употребляютъ при чародѣйствахъ и навѣшиваютъ надъ дверьми для отогнанія бѣсовъ. Отъ этой-то грамотки отрываютъ лоскутъ и, скатавъ въ шарикъ, даютъ проглотить испытуемому, запивъ водою... Виноватый, проглотивъ пилюльку, долженъ мучиться такой рѣзью въ желудкѣ, что непремѣнно повинится. Тутъ, по нашему мнѣнію, не послѣднюю роль играетъ щепотка рвотнаго, ловко завертываемая въ бумажную пилюльку: правый перетерпитъ, воръ же отъ суевѣрнаго ужаса не выдержитъ; либо наоборотъ — обличитъ себя, держась до послѣдней крайности. Въ обоихъ случаяхъ истина не скроется.

Для испытанія огнемъ приносятъ изъ ближайшаго храма идола ***Фудо*** (см. выше) или ***Фудо-міо-во***, предъ которымъ постоянно горитъ лампада, наполненная жиромъ ядовитой ящерицы инари.

---

[1] Всѣ эти *фокусы* подробно объяснены во всѣхъ «опытахъ экспериментальной физики» и другихъ «увеселительныхъ экспериментахъ». — Здѣсь не мѣсто объ этомъ распространяться.

Предъ идоломъ насыпаютъ дорожку въ сажень длиною изъ горячихъ угольевъ. Обвиняемый долженъ прогуляться по нимъ три раза босыми ногами и если не опалитъ подошвъ — чистъ и правъ.

Эти испытанія, какъ видитъ читатель, заимствованы у индусовъ (см. Индія. Гл. XIV, стр. 113).

Главнѣйшая чара или заклинаніе яммабосовъ состоитъ въ смотрѣніи сквозь пальцы, особеннымъ образомъ сложенные: указательные пальцы и мизинцы обѣихъ рукъ скрещиваютъ, безъимянные и средніе, вытянувъ вверхъ, соединяютъ концами. Крайніе пальцы указываютъ на боговъ четырехъ странъ свѣта: ***Таммо-дена***, ***Тси-соктена***, ***Созіо-тена*** и ***Камо-ктена***; средніе же изображаютъ ***Си-тен-си-о*** — бога-повелителя тридцать третьяго неба. Смотря между этими пальцами, яммабосъ сейчасъ угадываетъ — правъ человѣкъ, или въ немъ гнѣздятся лисицы, *ма*, то-есть лукавые.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Испытаніе поступающихъ въ яммабосы. — Община слѣпыхъ. — Исторія ея основанія. — Партіи Феки и Гендзи. — Герой Ка-ке-ки-го. — Основаніе новой секты. — Повѣрья религіи синто. — Будущая жизнь. — Священныя растенія и животныя. — Буддизмъ. — Преданія о Си-а-ка. — Арарія-Сеннинъ. — Ученіе Си-а-ка. — Ученики его. — Книги закона. — Секты Джоги. — Обрядъ вѣсовъ. — Идолы буддистовъ.

Чудодѣи яммабосы сохраняютъ свои таинства натуральной магіи въ строжайшемъ секретѣ, открывая ихъ (да и то за значительное вознагражденіе) только будущимъ собратьямъ по оружію. Желающій поступить въ яммабосы, подвергается испытаніямъ — довольно тяжкимъ. Въ теченіе шести дней, онъ обязанъ не вкушать иной пищи, кромѣ рису и зелени; семь разъ въ день омываться

самой холодной водой; ежедневно совершать колѣнопреклоненія — опускаясь на пятки и привставая *семьсотъ восемдесятъ разъ*, ударяя себя обѣими руками по головѣ. Это испытаніе, по сознанію яммабоса, знакомаго Кемпферу — самое тяжкое.

Изъ множества сектъ, возникшихъ изъ вѣроисповѣданія синто, наиболѣе достойная вниманія, есть секта или *община слѣпцовъ*, существующая со временъ незапамятныхъ. Единая въ началѣ, она впослѣдствіи распалась на два толка: *Буссет-тцати* и *Фес-ки-тцати*; послѣдователи перваго, преимущественно лица жреческаго сословія, почитаютъ себя истинными блюстителями уставовъ великаго законодателя ихъ *Сенмимара*. Этотъ основатель общины слѣпыхъ былъ сыномъ микадо Йенглино, славился красотой, кротостью сердца и обширнѣйшимъ разумомъ. Очарованная этими блестящими качествами Сенмимара, въ него влюбилась одна изъ княженъ царскаго дома, и красавецъ, въ свою очередь, привязался къ ней со всѣмъ пыломъ первой, искренной любви. Счастіе молодыхъ любовниковъ было, однако же, непродолжительно: Сенмимаръ лишился своей возлюбленной, она скончалась. Осиротѣлый князь предался своей скорби, такъ же точно, какъ еще недавно — обаянію любви, дни и ночи оплакивалъ онъ свою невозвратную потерю и — ослѣпъ, выплакалъ глаза свои!... Желая во первыхъ помочь тѣмъ, которыхъ отъ рожденія или случайно постигло подобное несчастіе, а во вторыхъ, увѣковѣчить память своей возлюбленной, Сенмимаръ, съ дозволенія своего отца, микадо, основалъ общество слѣпыхъ, открытое для лицъ всѣхъ сословій — отъ вельможи до простолюдина. При основателѣ общество это, въ самое короткое время, достигло самаго цвѣтущаго состоянія; но, послѣ его смерти, между слѣпыми начали возникать распри и раздоры; знатныя лица инстинктивно отшатнулись отъ простонародья и образовали отдѣльный кружокъ, особую касту, обходившуюся съ кружкомъ простыхъ слѣпцовъ съ оскорбительнымъ высокомѣріемъ. Къ той и другой партіи слѣпыхъ примкнули зрячіе, ненависть перешла во вражду, вражда довела до столкновеній, столкновенія привели и къ серьезнымъ междоусобіямъ. Во главѣ народной партіи сталъ *Феки* (давшій ей свое имя), во главѣ партіи аристократовъ *Гендзи*. Даири склонился на сторону первой и дѣло народной партіи было выиграно! Къ сожалѣнію японскіе *виги* не умѣли разумно воспользоваться своимъ перевѣсомъ надъ *тори*: они зазнались, вознеслись и при каждомъ случаѣ оскорбляли противниковъ. Выведенный изъ терпѣнія, даири лишилъ феховъ своего покровительства и гендзи одержали верхъ и опять пошли кровавыя усобицы. Предводителемъ партіи гендзи явился богатырь *Йоритомо*: онъ разбилъ войска феки, умертвилъ ихъ главу и устремился въ погоню за бѣжавшимъ военачальникомъ *Ка-ке-ки-го*, человѣкомъ испытанной храбрости и ума великаго. Йоритомо зналъ, что покуда живъ Ка-ке-ки-го или покуда онъ свободенъ — феки еще могутъ выиграть свое дѣло. Опасный соперникъ Йоритомо былъ взятъ въ плѣнъ, но побѣдитель достойно цѣня его доблести, обошелся съ нимъ, какъ съ другомъ и добрымъ гостемъ, стараясь всѣми силами смягчать незавидное положеніе плѣнника. Пользуясь снисходительностью Йоритомо и слабымъ за собою присмотромъ, Ка-ке-ки-го бѣжалъ и вторично былъ пойманъ. И на этотъ разъ великодушный Йоритомо протянулъ ему руку примиренія, предлагая свою дружбу и почетнѣйшую должность въ войскахъ даири, и тутъ между побѣдителемъ и побѣжденнымъ разыгралась сцена, подобно которой немного отыщется въ лѣтописяхъ древней Греціи и Рима, сцена до того поразительная, что ее скорѣе можно считать сказкой, вымысломъ поэзіи, нежели дѣйствительнымъ событіемъ. Побѣжденный великодушіемъ своего врага, Ка-ке-ки-го отвѣчалъ ему:

— Былъ у меня властитель, которому я былъ преданъ всѣмъ сердцемъ и которому я поклялся служить съ могилы: къ несчастію, мнѣ суждено было пережить его — онъ погибъ!... Лишившись властителя, я далъ себѣ другую клятву: никого въ мірѣ не удостоивать болѣе моей пріязнью и мстить его убійцамъ. Воспоминаніе о моемъ покровителѣ и совѣсть моя велятъ мнѣ смотрѣть на васъ съ ненавистью, Йоритомо; глаза мои должны зорко слѣдить за каждымъ удобнымъ случаемъ къ побѣгу или къ вашей погубѣ.... а между тѣмъ, въ силахъ ли я быть вашимъ врагомъ или убійцею? Сильно искушеніе, но и во мнѣ еще есть довольно силы воли, чтобы лишить себя возможности быть предателемъ моего покойнаго властелина или измѣнникомъ чувству справедливости къ вамъ... Вотъ моя жертва, Йоритомо, которой вы вполнѣ достойны!

И выхвативъ кинжалъ, Ка-ке-ки-го вырвалъ имъ себѣ оба глаза и подалъ ихъ пораженному Йорнтомо (1).

Купивъ себѣ и свободу и независимость этой дорогой цѣной, Ка-ке-ки-го удалился въ область Фіуга, гдѣ снискивалъ себѣ пропитаніе игрою на *бивъ* (родъ цитры) и основалъ новую общину слѣпыхъ, которую въ память своего благодѣтеля назвалъ Феки, принявъ титулъ ея главы (*кенгіо*). Эти сектаторы, по примѣру основателя, брѣютъ головы и промышляютъ музыкою или просто подаяніемъ. Глава ихъ живетъ въ Міако; при немъ для управленія дѣлами общины находятся десять совѣтниковъ или старостъ (*сін-ро*); окружнымъ начальникамъ подвѣдомственны правители общины (*кото*), а этимъ, въ свою очередь, подчинены *сіу-буны*. Такова іерархія секты слѣпыхъ, убожество которыхъ не подавляетъ въ нихъ честолюбія: всѣ они страстные охотники до чиновъ и повышеній, за что платятъ начальникамъ значительныя суммы. Иной по грошамъ прикапливаетъ потребную сумму, чтобы купить себѣ право носить шарфъ, снурокъ, либо рукава или капюшонъ у одежды, длиннѣе собратьевъ. При покупкѣ чиновъ строго соблюдается таже іерархическая постепенность: простаго слѣпца повышаетъ въ чинахъ сіу-бунъ; сіу-буна — кото и т. д. Разумѣется, чѣмъ выше чинъ, тѣмъ выше и цѣна.

(1) Подвигъ этого японскаго героя приводитъ намъ на память другое подобное же преданіе изъ нашей отечественной исторіи, о которомъ тѣмъ скорѣе должны мы упомянуть, что дѣйствующимъ лицомъ является врагъ русскихъ, но врагъ великодушный и благородный. Взятый русскими въ плѣнъ при Мацевицахъ (28 сент. 1794 г.), Ѳаддей Костюшко былъ отправленъ въ Петербургъ и посаженъ въ крѣпость, гдѣ и находился до возшествія на престолъ Павла I-го (1796). Императоръ-рыцарь, давъ свободу плѣннику, замѣтилъ, что такому храброму воину не слѣдъ быть безоружному и, отстегнувъ съ портупеи свою шпагу, подалъ ее Костюшкѣ. Бывшій диктаторъ покоренной Польши, вторично побѣжденный — великодушіемъ русскаго царя, сказалъ ему: Да не обнажится же никогда эта шпага противъ войскъ русскаго государя. И Костюшко сдержалъ свое слово. Когда въ 1812 году Наполеонъ I возстановлялъ противу насъ Польшу, онъ вздумалъ обольщать поляковъ увѣреньями, что Костюшко станетъ во главѣ ихъ. Когда слухи объ этихъ вропскахъ дошли до ушей Костюшко, жившаго тогда въ Швейцаріи, онъ печатно опровергъ ихъ, передавъ соотчичамъ и его потомству знаменитый фактъ своего обѣщанія, при пожалованіи ему шпаги великодушнымъ Павломъ.

Ознакомивъ читателя, въ общихъ чертахъ, съ главнѣйшею сектою закона синто, не лишнимъ считаемъ, для полноты очерка, сказать нѣсколько словъ о главнѣйшихъ его уставахъ.

Благоговѣніе къ особѣ даири неограничено. При восшествіи на престолъ новаго государя снимаютъ мѣрку его роста бамбуковой тростью, которую съ великими церемоніями ставятъ въ храмъ Тенсіо-даи-сина, гдѣ трость остается до самой кончины даири. Послѣ того трость, обернутую въ тринадцать бумажекъ, отсылаютъ въ храмъ области Изе; на бумажкахъ пишется краткая біографія покойнаго. Независимо отъ этихъ тростей, признаваемыхъ божествами (*ками*), въ храмы помѣщаютъ принадлежавшія покойнымъ шляпы и плащи. Душа усопшаго государя, каковъ бы онъ ни былъ, непремѣнно превращается въ божество послѣ его смерти. Каждая же обыкновенная душа, послѣ смерти человѣка, является на судъ ками: добрая и праведная по приговору этого небеснаго суда идетъ въ высокую равнину (*Така-амака-вара*), гдѣ удостоивается большей или меньшей степени святости; злая душа отправляется въ царство корней (*не-нэ-куніи*), какъ японцы характеристично называютъ адъ. При поклоненіяхъ невидимымъ ками японцы употребляютъ священныя растенія: финики (Tuya japonica L), миртовыя, сосновыя и абрикосовыя вѣтки. Изъ животныхъ особеннымъ почетомъ пользуются всѣ звѣри соименныя созвѣздіямъ; животное же, котораго имя соотвѣтствуетъ имени созвѣздія, подъ которымъ родится микадо, пользуется божескими почестями. По этому поводу Кемпферъ разсказываетъ любопытный анекдотъ. Въ бытность его въ Японіи царствовавшій тогда микадо родился подъ созвѣздіемъ собаки и потому животныя эти пользовались правами, которымъ могъ бы позавидовать и человѣкъ; не говоря уже о неприкосновенности собакъ, законъ повелѣвалъ хоронить ихъ съ подобающими почестями, и хоронить не гдѣ нибудь, а непремѣнно на горахъ, какъ на мѣстахъ священныхъ. Два японца несли на гору издохшую собаку: гора была крутая, собака тяжелая и день жаркій. Одинъ изъ носильщиковъ, выведенный изъ терпѣнья, не могъ не возроптать на не-

лѣпые законы своей родины. „Молчи, молчи!“ сказалъ ему товарищъ, „лучше благодари боговъ, что нашъ микадо родился *только* подъ созвѣздіемъ собаки и подумай, себѣ въ утѣшеніе, что было бы съ нами, если бы микадо родился подъ созвѣздіемъ *быка* или *лошади?*“

Независимо отъ поклоненій ками, японцы признаютъ достойными обожанія еще духовъ хранителей разныхъ мѣстностей на сушѣ и на морѣ. Плавающіе между островами Нифономъ и Сикоко моряки и купцы приносятъ въ жертву морскому духу **Куфиръ** рыбу, раковъ, устрицъ и чеснокъ. Кумиры духовъ хранителей изображаютъ обыкновенно людей съ птичьими ногами и крыльями летучихъ мышей. О прочихъ повѣрьяхъ и примѣтахъ сектаторовъ синто мы поговоримъ въ послѣдующихъ главахъ, теперь же обратимъ вниманіе на буддизмъ—вторую религію, владычествующую въ Японіи.

Законъ Будды называется Будс-до или **Фо-то-ке**, т. е. путь, указуемый чужими кумирами, или обряды поклоненія иноземнымъ идоламъ. Объ основателѣ существуетъ преданіе, что онъ, Си-а-ка, родился въ области небесный (*Тен-синъ*), былъ сыномъ царя, имѣлъ жену, дѣтей, но презрѣвъ всѣми этими благами удалился отъ нихъ въ пустыню къ отшельнику *Арарія Сеннину*, жившему на высокой горѣ, проводившему дни и ночи въ благоговѣйномъ созерцаніи. Это созерцаніе, по объясненію японскихъ буддистовъ, состояло въ сидѣніи пустынника съ поджатыми подъ себя ногами, съ руками прижатыми къ груди такъ, чтобы большіе пальцы сходились у предсердія... Это положеніе, говорятъ, для созерцанія самое удобное: тѣло постепенно нѣмѣетъ, животная чувствительность притупляется, но душа приходитъ въ восторженное состояніе (*са-фенъ*), получая притомъ свыше чудный даръ прозорливости. Небесныя откровенія человѣку въ эти минуты зовутся *са-то-ри* и, устами избранника говоритъ само божество. Подъ руководствомъ Арарія Сеннина, благочестивый Си-а-ка вскорѣ постигъ всѣ тайны земли и неба, здѣшняго и загробнаго битія, грядущую участь душъ злыхъ и добрыхъ. Сущность же его ученія заключалась въ слѣдующемъ:

— Все живое создано единымъ божествомъ, а потому и души всѣхъ живыхъ существъ равны между собою. За добрыя или злыя дѣянія человѣкъ, или, вѣрнѣе, душа его подлежитъ наградѣ или

наказанію. Награда доброй душѣ заключается въ переселеніи ея въ область Амиды, называемую *гокуракфъ:* это обитель вѣчнаго блаженства удѣляемаго душамъ во мѣрѣ ихъ угожденія божеству. Блаженство невыразимо и до того необъятно, что душа, удостоившаяся и малѣйшей его частицы, вѣчно ликуетъ и радуется, *чуждая зависти другимъ душамъ, болѣе ея одѣленнымъ* (1). Властитель небесной области, Амида покровитель душъ живыхъ людей, богъ и *отецъ* душъ усопшихъ. Чтобы угодить ему и удостоиться получить мѣстечко въ небесной обители слѣдуетъ при жизни придерживаться слѣдующихъ пяти наставленій или заповѣдей (*гокаи*):

1) Не убивать ничего живущаго *(се-сео);*
2) Не присвоивать чужаго имущества *(тау-то);*
3) Не оскверняться прелюбодѣйствомъ *(си-йянъ);*
4) Не лгать *(ма-го);*
5) Не предаваться пьянству *(он-сіу).*

— Почему воспрещается послѣднее? поясняютъ японскіе законоучители:—потому что пьянство ведетъ ко всѣмъ порокамъ, воспрещаемымъ первыми четырмя заповѣдями. Пьяница солжетъ шутя и скорѣе нежели трезвый; пьяница воспаленный огнемъ—сластолюбивѣе; чтобы удовлетворить своей страсти, пьяница можетъ сдѣлаться воромъ—а ужъ отъ кражи до убійства одинъ только шагъ!

Эти пять вышеупомянутыхъ заповѣдей имѣютъ еще *десять толкованій* (сиккаи), а толкованія, сверхъ того, еще *пятьсотъ поясненій* или *совѣтовъ* (Го-Фіаккаи) о томъ, какъ достигать спасительнаго для души безстрастія, какъ умерщвлять свою плоть, какъ преодолѣвать страсти, унижающія человѣка и проч.

— Людей, не исполняющихъ завѣта великаго Си-а-ка, за гробомъ предаетъ наказанію въ преисподней области *Дзигокъ*. Эта область имѣетъ особыя подраздѣленія по степени вины душъ усопшихъ. Властитель ея *Джемма-о* судитъ каждую грѣшную душу, показывая ей въ зеркалѣ *(ссофарино-кагами)* всѣ ея минув-

---

(1) Какое граціозное и поэтическое выраженіе, какое глубокое знаніе души человѣческой! Первое условіе блаженства—отсутствіе зависти.

нія гнусныя дѣянія, даже мерзкіе помыслы. Но пребываніе душъ грѣшниковъ въ Дзнгокѣ не вѣчно: большая или меньшая его продолжительность зависитъ какъ отъ степени виновности, такъ и отъ молитвы живыхъ о мертвомъ... Молитвы эти доходятъ до добраго Амиды, который повелѣваетъ Джеммѣ-о смягчать мученія душъ и сокращать срокъ ихъ пребыванія въ подземной области. Тогда души эти возвращаются на землю, но уже не вселяются въ тѣла людей, а въ тѣла животныхъ, и именно тѣхъ, которыхъ свойства сродны грѣшной душѣ, т. е. другими словами: душа грѣшника вселяется въ тѣло того животнаго, которому уподобляется грѣшникъ, а именно: душа обжоры—въ свинью, сластолюбца—въ козла; лютаго и кровожаднаго—въ тигра, лукаваго и лживаго—въ кошку, лисицу или обезьяну и т. д. Это вторая степень наказанія грѣшной души, легкая въ сравненіи съ ея мученьями въ преисподней, но тѣмъ не менѣе ужасная, ведущая душу къ раскаянію... Раскаявшаяся душа изъ одного животнаго переселяется въ другое чище и лучше—смотря по степени раскаянія; изъ дикаго звѣря въ домашнюю скотину: овцу, собаку, лошадь, корову... Въ тѣлахъ этихъ, она дѣлается еще кротче и смиреннѣе, очищается, просвѣтляется, и наконецъ все-таки идетъ въ обитель Амиды—кроткаго и милосердаго! Мученія самыхъ отчаянныхъ грѣшниковъ имѣютъ предѣлъ; блаженство же, ожидающее людей за гробромъ, *безпредѣльно*...

Ясно, что японскій буддизмъ-смѣсь ученія Сакія-Муни и брамизма; изъ обѣихъ доктринъ заимствовано именно все что только есть въ нихъ поэтическаго и утѣшительнаго. Къ сожалѣнію этой чистой доктринѣ—слѣдуютъ немногіе; большая-же часть японцевъ немилосердно коверкаетъ уставы буддизма и дробитъ его на мелѣчнѣйшія секты.

Славнѣйшими учениками Си-а-ка были *Аннан-сонія* и *Касья-сонія*. Они всѣ наставленія ихъ учителя, начертанныя имъ на пальмовыхъ листахъ, собрали въ одну книгу, названную: *Фо-ке-кіо* (книгою прелестнѣйшихъ цвѣтовъ) или просто *Кіо* (книгою изъ книгъ). Она была первымъ руководствомъ японцевъ въ догматахъ буддизма; въ позднѣйшее-же время къ ней присоединили и прочія буддійскія каноническія книги.

Всѣхъ буддійскихъ сектъ насчитываютъ до *семи* (¹). Главнѣйшія изъ нихъ: истиннаго благочестія *(икко-сіо)*, самоубійцъ и самоистязателей *(джоги)*.

Секта икко-сіо основана *Син-раномъ*, ученикомъ *Хенко*. Исповѣдники ея считаютъ себя родственниками даири, носятъ одѣянія вельможъ, а путешествуя вооружаются двумя саблями. Они не очень-то соблюдаютъ уставы буддизма: ѣдятъ мясо, рыбу, а въ брачныхъ союзахъ ищутъ преимущественно связей со знатью. При воцареніи тайкуна, всѣ религіозныя общины получаютъ отъ него охранныя граматы, скрѣпленныя киноварными печатями, сектаторы же икко-сіо одни даютъ ему отъ себя граматы съ обѣщаніемъ вѣрности и содѣйствія, подписанныя кровью главныхъ жрецовъ. Эта подпись замѣняетъ присягу.

Къ сектѣ изувѣровъ-самоубійцъ, ради спасенія души, принадлежатъ большею частью простолюдины: по примѣру индійскихъ фанатиковъ они топятся, рѣжутся и давятся съ твердой надеждою снискать этимъ милости и щедроты божества. Слыхали эти люди, что въ законѣ Си-а-ка сказано *что-то* объ умерщвленіи плоти и приняли эту статью въ буквальномъ и обширнѣйшемъ смыслѣ слова. Что же касается до *джоговъ*—эти сектаторы большею частью служатъ путеводителями богомольцамъ, при ихъ путешествіяхъ по святымъ мѣстамъ, въ особенности же при ужасномъ *обрядѣ вѣсовъ*... Этотъ обрядъ до того чудовищенъ, что подобнаго ему трудно отыскать даже въ Индіи.

Богомольцы, послѣ долгихъ странствованій по горамъ, достигаютъ наконецъ обрывистой скалы, на краю которой джоги кладутъ трамплинъ, укрѣпивъ противуположный его конецъ тяжестями, превосходящими вѣсъ испытуемаго, или, исповѣдующагося богомольца. Ставъ на конецъ трамплина, висящій надъ бездною, каждый богомолецъ кается присутствующимъ джогамъ во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ и сходитъ со своей опасной позиціи, усту-

(¹) Мы нашли въ одной книгѣ ошибочно показанное число *восемь*. Сочинитель причислилъ къ буддійскимъ сектамъ яммабосовъ—раскольниковъ синто.

пая мѣсто другому. Въ случаѣ, если кающійся недостаточно откровененъ, или, если джоги замѣтятъ, что онъ заминается, смущается, они, принимая это за знакъ нечистой совѣсти—сдвигаютъ грузъ съ конца трамплина и исповѣдникъ летитъ въ пропасть—къ ужасу присутствующихъ и въ назиданіе имъ.

Буддійскихъ храмовъ *(зи)* въ Японіи безчисленное множество; мы впослѣдствіи разскажемъ о тѣхъ изъ нихъ, которые чѣмъ нибудь особенно замѣчательны... Посвящены они Буддѣ, Амидѣ, богу *Ансидѣ* или *Ксакѣ* и сыну его *Канону*. Идолы перваго весьма разнообразны, но чаще прочихъ встрѣчается изображеніе этого божества въ видѣ пѣшника съ собачьей головой, съ обручами въ рукахъ, верхомъ на семиглавомъ конѣ. Изъ кумировъ Канона или *Канг-Ву* замѣчательнѣйшій находится на открытомъ полѣ, близъ Міако: это колоссальная статуя двадцатирукаго человѣка, вооруженнаго стрѣлами, съ изображенными на его груди семью дѣтскими головами... Странно, дико, чудовищно, а главное—безсмысленно! Нельзя не подивиться японцамъ, которые изъ буддизма, доктрины чисто спиритуалистической—ухитрились создать такое нелѣпое, ребяческое язычество.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Религія сіу-то.—Ея догматы. — Почести усопшимъ.—Самоубійство. — Князь Сизенъ. — Неудавшаяся реформа. — Брачные обряды. — Угодованіе замужнихъ.—Права ихъ.—Погребальные обряды.—Сожженіе труна.—Поминки, могилы и кладбищ.—Праздникъ мертвыхъ.

Третья религія (владычествующая въ Японіи) есть законъ ***сіуто***: смѣсь китайскихъ доктринъ Тао и Кунг-фу-тси, нѣсколько переиначенная. Основные догматы ея слѣдующіе:

Высшія блага жизни—мудрость и добродѣтель; въ нихъ должно заключаться все настоящее и будущее человѣка. За гробомъ нѣтъ

ни наградъ за заслуги, ни наказаній за преступленія; награда или наказаніе—естественныя послѣдствія добрыхъ или злыхъ дѣлъ человѣка. Человѣкъ обязанъ быть добрымъ и разсудительнымъ: на то данъ ему разумъ, на то онъ—человѣкъ. Живущій наперекоръ законамъ здраваго смысла и правиламъ добродѣтели, человѣкъ только по внѣшности, въ сущности-же, онъ—животное въ образѣ человѣческомъ. Быть мудрымъ и добродѣтельнымъ можетъ тотъ, кто соблюдаетъ слѣдующія пять правилъ:

1) ***Дсинъ***—жизнь, согласная законамъ добродѣтели;

2) ***Ги***—справедливость въ отношеніи ко всѣмъ себѣ подобнымъ;

3) ***Ре***—вѣжливость и обходительность;

4) ***Тси***—умѣніе управлять подчиненными, а царямъ подданными; и

5) ***Синъ***—чистота совѣсти и прямизна сердца.

Все живое одушевлено одною душою, которая есть источникъ и пріемникъ бытія, какъ океанъ источникъ морей, рѣкъ, ручьевъ и ключей всего земнаго шара. Въ океанъ жизни, называемый ***всеобщею душою***, впадаютъ души, покидающія тѣла, изъ него же вытекаютъ всѣ души, оживляющія тѣла, вновь рождающіяся... Таковъ безконечный (какъ и весь видимый міръ) приливъ и отливъ бытія!

Нѣкоторые сектаторы закона сіу-то допускаютъ существованіе верховнаго духа управляющаго всей природою, но самый этотъ духъ безплотный, незримый состоитъ изъ сочетанія двухъ началъ: дѣйствительнаго и страдательнаго, созидающаго и сокрушающаго. Природа и вѣчность одно и тоже, а потому вѣченъ и міръ — ежеминутно измѣняющійся, обновляющійся, но чуждый конечнаго разрушенія.

Послѣдователи закона сіу-то не имѣютъ ни храмовъ, ни кумировъ. Знаки глубочайшаго почтенія оказываютъ они только памяти усопшихъ, выражая его обрядами. Въ день годовщины смерти и въ дни рожденія умершихъ, сектаторы предъ ихъ портретами ставятъ столы *(біо-сіу)*, покрытые тарелками съ мясомъ, уставленные множествомъ горящихъ свѣчей. Предъ этими столами кладутъ земные поклоны, потомъ въ память душъ, отошедшихъ въ жизнь вѣч-

ную, совершаютъ поминальную трапезу. Къ этому торжеству слѣдуетъ приготовлять себя трехдневнымъ строжайшимъ постомъ, частыми омовеньями, а присутствуя на немъ слѣдуетъ быть одѣтымъ въ самыя лучшія и самыя нарядныя платья. Обрядъ погребенія подобенъ европейскому: обмытаго и одѣтаго покойника кладутъ въ гробъ навзничь и скрещенными на груди руками; трупъ его, для предотвращенія порчи, осыпаютъ смолами или сухими душистыми травами. На четвертыя сутки гробъ зарываютъ въ землю, и затѣмъ между живыми и мертвецомъ нѣтъ уже ничего общаго... Ничего, кромѣ воспоминанія и почестей, воздаваемыхъ душѣ, безвозвратно слившейся съ душою всего живущаго. Вмѣняя человѣку въ священную обязанность щадить жизнь ближняго, законъ сіу-то не только разрѣшаетъ, даже поощряетъ самоубійство... Впрочемъ, эта странная манія, какъ увидимъ, составляетъ отличительную, характеристическую черту японскаго народа и трудно рѣшить, что изъ двухъ даетъ этимъ людямъ отвагу на совершеніе этого ***единственнаго преступленія для котораго не существуетъ и покаянія*** (1): твердая ли вѣра въ будущее блаженство или убѣжденіе, что смерть конецъ ***всему?***

Ревностнѣйшимъ послѣдователемъ доктрины сіу-то и покровителемъ сектаторовъ былъ князь ***Сизенъ***, родственникъ даири, царствовавшаго во второй половинѣ XVII столѣтія. Его стараніями доктрина быстро распространялась между среднимъ классомъ и простымъ народомъ; законы синто и Амиды лишались послѣдователей, которые, не довольствуясь своимъ отступничествомъ, явно глумились надъ язычествомъ, надъ его нелѣпыми обрядами и надъ пройдохами жрецами, разоблачая и выводя на свѣжую воду всѣ ихъ мнимыя чудеса... Это было источникомъ великихъ соблазновъ, которые грозили жрецамъ конечнымъ разореніемъ и оно было бы неминуемо, если бы князю Сизену удалось основать духовную коллегію или правильное—университетъ для сектаторовъ сіу-то... Къ счастію, предпріятіе это не осуществилось по повелѣнію микадо. Жрецы успѣли нашептать японскому государю, что въ распространеніи закона сіу-

(1) Слова безсмертнаго Шиллера.

то его погибель, что народъ, отвергающій чудесную силу деревянныхъ и каменныхъ болвановъ и даръ благодати живыхъ, т. е. жрецовъ, не будетъ, разумѣется, признавать и божественнаго происхожденія микадо. Князю Сизену угрожала смерть, которой онъ, однако-же, счастливо избѣжалъ, сложивъ съ себя власть и передавъ ее своему сыну. Вслѣдствіе этого, секта сіу-то пришла въ упадокъ, не имѣя болѣе силъ бороться съ доктринами синто и си-а-ка.

Не ограничиваясь своимъ торжествомъ надъ сектою сіу-то, жрецы, во время гоненій на христіанъ, обвинили сектаторовъ въ сообществѣ съ послѣдователями ученія евангельскаго. Для отклоненія этого обвиненія, впрочемъ, совершенно неосновательнаго, сектаторы принуждены были хотя наружно выказать свое уваженіе къ вѣроисповѣданію синто или си-а-ка, и выставили въ своихъ жилищахъ идоловъ Амиды.

Вообще говоря, всѣ три вѣроисповѣданія Японіи: ***синто, будсдо*** и ***сіу-то*** до такой степени перепутаны между собою въ догматахъ и обрядахъ, что мудрено съ точностью опредѣлить пограничную черту между ними. На богомолья сходятся послѣдователи всѣхъ трехъ толковъ; въ храмахъ синто встрѣчаются идолы Си-а-ка, въ буддійскихъ—идолы Тен-сіо-даи-сина; кумиры Амиды и въ тѣхъ и въ другихъ. Вслѣдствіе этого, не маловажнаго затрудненія, мы приступая теперь къ обзору нравовъ, обычаевъ и обрядовъ японскихъ, займемся исключительно бытомъ послѣдователей ученія синто.

Ограничимся двумя обрядами, которые можно назвать альфою и омегою гражданскаго быта всѣхъ народовъ: описаніемъ брака и похоронъ. ***Бракъ*** заключается по договору родителей; женихъ не видитъ невѣсты до тѣхъ поръ, покуда не приведетъ ее къ себѣ въ домъ, такъ какъ и въ храмѣ при благословеніи жрецовъ, она съ головы до ногъ одѣта покрываломъ. Супруги сопровождаемые, родными и знакомыми, идутъ къ шатру, раскинутому на холмѣ, на который восходятъ по двумъ особымъ лѣстницамъ. Поѣзжане остаются внизу, а новобрачные становятся по бокамъ шатра, въ которомъ стоитъ изображеніе японскаго гименея, въ видѣ человѣка съ собачьей головой (символъ вѣрности), съ пучкомъ веревокъ въ одной рукѣ (символъ крѣпости связи супружеской) и зажженнымъ факеломъ

въ другой. За шатромъ горитъ множество лампадъ и на одной изъ нихъ новобрачная зажигаетъ свой факелъ: подавая съ него огонь своему супругу, она тихо произноситъ клятву любви и вѣрности. Тогда радостные крики присутствующихъ оглашаютъ воздухъ, бонзъ вторично благословляетъ молодыхъ... Затѣмъ новобрачная бросаетъ въ огонь свои дѣтскія игрушки и дѣвическія одежды, и получаетъ подарки отъ всѣхъ присутствующихъ.

Брачныя пиршества продолжаются цѣлую недѣлю въ домѣ молодыхъ, составляющемъ всегда собственность мужа. Въ Японіи, какъ и повсемѣстно въ Азіи, за женами не берутъ ни домовъ, ни приданаго... Тамъ не такъ, какъ въ Европѣ, гдѣ нерѣдко не приданое берется за женой, а жена дается въ придачу къ приданому. За то у японской женщины никогда нѣтъ собственнаго жилища: въ дѣвицахъ она живетъ въ домѣ отца; выйдя за мужъ—въ домѣ мужа; вдовая—въ домѣ своихъ дѣтей.

По обыкновенію странному, необъяснимому, японская дѣвушка, вышедшая за мужъ, обязана, на другой же день брака, обезобразить себя: зачернить ѣдкимъ составомъ свои блестящіе, жемчужные зубы, сбрить брови, выкрасить губы зеленой краской, а лице выбѣлить.... словомъ, принять видъ покойницы, да еще и покойницы то не красивой! Причину этому обыкновенію всего ближе искать въ ревности японцевъ и въ ихъ желаніи застраховать женъ отъ покушеній друзей-пріятелей. Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра и замужнимъ японкамъ это обезображиваніе предоставляетъ право выходить на улицу съ открытымъ лицомъ.

На сколько японки вѣрны мужьямъ, заботливы о дѣтяхъ и о хозяйствѣ—ровно на столько же мужья ихъ вѣтрены, непостоянны и любятъ пользоваться правомъ имѣть по нѣскольку женъ или правильнѣе наложницъ, подчиненныхъ, однако же, законной женѣ. Наложницы должны только брить себѣ брови, но зубовъ чернить не смѣютъ, въ томъ ихъ отличіе отъ жены. По натурѣ человѣческой, вѣтреные японцы ревнивы, а законъ наказываетъ смертію нарушеніе супружеской вѣрности женщиною... Касательно развода—мужчинамъ даны тѣ же самыя права, какъ и вообще на востокѣ, и удивляться нечему, такъ какъ японскіе законы писаны мужчинами же.

По народнымъ повѣрьямъ, чѣмъ пышнѣе погребеніе покойника, тѣмъ лучше ему будетъ въ будущей жизни. Вслѣдствіе этого страннаго убѣжденія, богатые японцы тратятъ на погребенія громадныя суммы; погребенія же совершаются слѣдующимъ порядкомъ:

За час до выхода погребальной процесіи изъ дому, бо́льшая часть родныхъ покойнаго отправляется на мѣсто сожженія трупа: мужчины въ обыкновенныхъ праздничныхъ одеждахъ, женщины же въ бѣломъ траурномъ одѣяніи и пестрыхъ покрывалахъ. За ними является жрецъ съ своими помощниками въ черныхъ креповыхъ мантіяхъ, его же самого несутъ на богатомъ норимонѣ (паланкинѣ) и одѣтъ онъ въ шелкъ и парчу. За нимъ слѣдуетъ человѣкъ въ сѣрой одеждѣ, несущій смоляной факелъ; за факелоносцемъ идутъ пѣвчіе, распѣвая гимны. За пѣвчими по два въ рядъ идутъ участвующіе въ процесіи прислужники съ копьями, на которыхъ навѣшаны картонныя корзинки съ бумажными цвѣтами; этими копьями, по временамъ, потрясаютъ во время шествія. Потомъ идутъ прислужники съ зажженными матерчатыми фонарями и еще другіе въ кожаныхъ трехъугольныхъ шляпахъ, съ привѣшенными къ нимъ полосками бумаги, на которыхъ крупными буквами написано имя усопшаго. Вся эта длинная процесія, будто извилистая пестрая змѣя, тянется отъ самаго дома и взбирается на гору, на которой сложенъ похоронный костеръ. Наконецъ являются носилки съ трупомъ, одѣтымъ въ бѣлое и сверхъ того въ рясу изъ писчей бумаги, исписанной изреченіями изъ священныхъ книгъ. Трупу придаютъ видъ молящагося съ опущенной головой и сложенными руками. Вокругъ носилокъ, несомыхъ шестью носильщиками, идутъ дѣти покойнаго; младшій изъ нихъ несетъ зажженный факелъ, которымъ, по уставамъ религіи, долженъ поджечь костеръ отца.

При приближеніи къ костру, всѣ присутствующіе ревутъ дикими голосами съ акомпаниментомъ множества тамтамовъ. Костеръ слагается изъ сухихъ дровъ, въ видѣ пирамиды, и прикрывается кускомъ шелковой объяри (или, какъ у насъ принято называть—муаре). По бокамъ два стола: на одномъ блюда съ кушаньями, сластями и фруктами, на другомъ жаровня съ угольями и блюдомъ съ кусками алойнаго дерева. Главный жрецъ затягиваетъ гимнъ, который подхватываютъ всѣ присутствующіе. Обведя факеломъ три

раза вокругъ головы покойника, бонзъ передастъ его младшему сыну —тотъ поджигаетъ костеръ со стороны изголовья. Тогда всѣ присутствующіе, на перерывъ, бросаютъ на костеръ пригоршни алойнаго дерева, душистыхъ смолъ, льютъ масло и т. п., и когда костеръ охватитъ пламенемъ, всѣ расходятся въ благоговѣйномъ молчаніи, предоставляя покрытый кушаньями столъ нищимъ, собирающимся обыкновенно на богатыя похороны, будто стаи вороновъ на падалище.

На другой день родные и близкіе знакомые выбираютъ изъ угасшаго костра обуглившіяся кости, пепелъ, зубы покойнаго, складываютъ все это въ фарфоровый сосудъ, покрытый шелковой или парчевой тканью. Семь дней сосудъ этотъ сохраняютъ дома, а потомъ его ставятъ въ фамильный склепъ.

Таковъ похоронный обрядъ у богатыхъ японцевъ; бѣдные хоронятъ своихъ покойниковъ на кладбищахъ: осыпанный душистыми травами и смолами трупъ, зарываютъ въ могилу, которую обсаживаютъ цвѣтами и кустарниками. Дѣти или родные заботятся о могилѣ нѣсколько лѣтъ, а иногда и всю жизнь, смотря по усердію. Опрятно содержимая могила—мѣсто сходбищъ для родственниковъ въ праздничные дни. Японцы вообще питаютъ глубокое уваженіе къ усопшимъ: соблюдаютъ дни поминовенія, чествуя ихъ обѣдами у себя на дому и на мѣстѣ погребенія. Съ кладбища возвращаются съ музыкой, трубами и барабанами, останавливаясь предъ каждымъ храмомъ или богатымъ домомъ для разыгранія концерта. Начиная слезами, кончаютъ смѣхомъ, что по нашему мнѣнію весьма разумно: всѣ *тамъ* будемъ!

Праздникъ мертвыхъ бываетъ ежегодно, при немъ двери домовъ и городскія ворота великолѣпно иллюминовываются фонарями и всѣ жители городовъ и деревень выходятъ толпами изъ домовъ своихъ на встрѣчу тѣнямъ усопшихъ. Выйдя за городъ или за черту деревни, жители раскланиваются пустому пространству, въ полной увѣренности, что привѣтствуютъ невидимыхъ усопшихъ. Потомъ приглашаютъ ихъ къ себѣ на завтракъ или на чай; закуски и сосуды съ чаемъ ставятъ на могилахъ. Народное повѣрье говоритъ, что души покойниковъ въ полночь являются на могилы, ѣдятъ и пьютъ принесенные имъ яства и напитки.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Нищіе и ихъ разряды.—Странники и странницы.—Скоморохи.—Распутство.—Чайные дома и притоны веселья.—Торговля женщинами.—Сваты и свахи.—Характеръ народа.—Ошибки миссіонеровъ.—Замкнутость и скрытность.—Неудачныя сношенія Россіи.—Нота тайкуна.—Обычай распарыванія живота.—Ссора двухъ вельможъ.—Смерть губернатора Нанисаки.—Смятеніе нравовъ.

Послѣ жрецовъ и бонзовъ, ревностнѣйшими эксплуататорами суевѣрія народнаго и ханжества знатныхъ господъ является въ Японіи многочисленный цехъ нищихъ, всевозможныхъ разрядовъ. Въ этой жалкой странѣ, не имѣющей ничего самобытнаго, ни въ хорошемъ, ни въ худомъ,—самое нищенство – рабская копія нищенства всѣхъ странъ востока: встрѣчаете вы здѣсь и подражателей индійскимъ юродивымъ (***джоги***) и магометанскимъ факирамъ, и буддійскимъ отшельникамъ скитальцамъ...

Послѣдній этотъ разрядъ самый многочисленный, состоитъ изъ бродягъ обоего пола, одѣтыхъ въ монашескія рясы, обвѣшанныхъ колокольчиками, четками и т. п. Женщины-странницы, кромѣ прошенія подаянія, занимаются и увеселеніемъ почтеннѣйшей публики пѣніемъ, плясками и... чѣмъ угодно. Есть и еще разрядъ нищихъ—скомороховъ (подобіе нашихъ шарманщиковъ и уличныхъ паяцевъ). Японскіе скоморохи-нищіе выманиваютъ подаяніе хожденіемъ на ходуляхъ, игрою на дудкахъ, кривляньемъ, кувырканьемъ; послѣдній промыселъ—достояніе нищихъ ребятишекъ... Впрочемъ, этимъ промышляютъ малолѣтные пролетаріи и не въ одной Японіи: объ этомъ многое могутъ порасказать намъ люди, бывалые въ благословенной Италіи. Неаполитанскій ***лаццарони*** и японскій нищій родные братья, живущіе въ разныхъ частяхъ свѣта и исповѣдующіе различныя религіи. Кемпферъ посвящаетъ описанію японскихъ нищихъ многія страницы; но, по нашему, это напрасная роскошь,—замѣ-

тѣмъ только, что нищіо тѣмъ многочисленнѣе во всякой странѣ, чѣмъ она суевѣрнѣе. Иное дѣло нищета, доводящая до сумы, иное дѣло бродяжничество и наглое вымогательство подаянія подъ благовидной личиной набожности и смиренномудрія: послѣднее относится къ первой, такъ же точно, какъ контрабанда къ честной промышленности.

Другая общественная язва въ Японіи—распутство, самое утонченное, самое изобрѣтательное. Не слишкомъ распространяясь объ этомъ предметѣ, замѣтимъ, это японцы—очертаніемъ лица напоминающіе обезьянъ, не уступаютъ послѣднимъ и въ сластолюбіи. Кемпферъ совершенно справедливо называетъ Японію домомъ терпимости Китая. Сходство одѣянія мужскаго съ женскимъ не есть дѣло случайности: изнѣженные, *женоподобные* (во всѣхъ отношеніяхъ) японцы—явленіе обыденное. Домовъ извѣстнаго разряда (*тсіайэ*), подъ вывѣсками *чайныхъ домовъ* и гостинницъ—множество: въ одномъ Нангасаки насчитываютъ ихъ до восьмисотъ. Въ этомъ городѣ они занимаютъ особый кварталъ (*казиматцъ*) въ южной части на пригоркѣ *Маріамъ*. Островъ Сикоко славится въ особенности изобиліемъ и доброкачественностью этого живаго товара. Отцы и матери, безъ зазрѣнія совѣсти, продаютъ дочерей свахамъ и сватамъ (*катсува*) съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Содержатели и содержательницы японскихъ трущобъ обучаютъ девицъ грамотѣ, пѣнію, музыкѣ и танцамъ; подобно индійскимъ баядеркамъ, японскія проститутки—образованнѣйшія женщины. Въ каждомъ тсіайэ помѣщается ихъ отъ семи до тридцати, причемъ хозяева окружаютъ ихъ всевозможнымъ комфортомъ, хорошо кормятъ и нарядно одѣваютъ. Исходъ неизмѣнно одинъ—замужство; проститутки въ Японіи въ дѣвицахъ не засиживаются и чаще честныхъ дѣвушекъ находятъ себѣ мужей... Замужнія же внѣ упрека во первыхъ потому, что ведутъ себя безукоризненно, а во вторыхъ въ Японіи, какъ и вездѣ—имя мужа прикрываетъ жену, какъ флагъ—товаръ. Никогда не укоряя замужнюю камелію за ее минувшее, японцы однако же неизгладимымъ позоромъ клеймятъ ея родителей, если она была продана ими, а равно сватовъ и свахъ или сводчицъ (*катсува*). Эти промышленники, вмѣстѣ съ кожевниками, считаются презрѣннѣйшими существами и отребьями рода человѣческаго. Кожевники въ городахъ исправляютъ должность палачей, а слуги публичныхъ домовъ—ихъ помощниковъ.

Что сказать о національномъ характерѣ японцевъ? По совѣсти не скажешь хорошаго, такъ какъ отличительнѣйшими его чертами должно назвать обидчивость, коварство и недовѣрчивость; не столько твердость, сколько упрямство и, наконецъ, жестокость къ себѣ и къ ближнимъ. Истребленіе 37,000 христіанъ 12 апрѣля 1638, введеніе обрядовъ отреченія отъ Христа—надругательствомъ надъ святымъ распятіемъ, инквизиція для преслѣдованія проповѣдниковъ евангелія, долговременное изгнаніе европейцевъ изъ предѣловъ имперіи, наконецъ, постоянныя гоненія христіанъ и въ наше время—все это факты вопіющіе, очевидныя доказательства японской нетерпимости. „Сто лѣтъ тому назадъ“, говоритъ Кемпферъ, бывшій въ Японіи въ исходѣ XVII вѣка—„свѣтъ евангелія сіялъ въ полномъ блескѣ на этой окраинѣ Востока, но онъ скоро угасъ въ крови невѣроятнаго множества мучениковъ (¹)“ Виновниками гоненій онъ называетъ самихъ миссіонеровъ,—іезуитовъ: благоразумно и осторожно веди дѣло пропаганды христіанской въ самомъ его началѣ, они, гордые успѣхами, вздумали совершенно не кстати вмѣшиваться въ государственный строй и ввязываться въ дѣло тамъ, гдѣ ихъ не спрашивали... Эта неловкость была причиною предубѣжденія тогдашняго микадо, видѣвшаго въ христіанахъ ослушниковъ и мятежниковъ; самая религія христіанская казалась ему ученіемъ мятежническимъ. Другая ошибка іезуитовъ (въ Японіи какъ и въ другихъ языческихъ странахъ) заключалась въ томъ, что они не *посѣвали* слова Божія, по примѣру божественнаго сѣятеля, они *прививали* христіанство къ язычеству, дѣлая послѣднему уступки, профанировавшія, такъ сказать, ученіе Христово. Такимъ образомъ вновь обращенные послѣдователи евангелія не могли назваться и христіанами въ прямомъ смыслѣ слова, въ Христѣ они видѣли своего Амиду, въ Богоматери—одну изъ своихъ языческихъ богинь; ходили въ церковь и въ храмъ Будды или синто, носили на шеяхъ кресты и вмѣстѣ съ ними волшебныя амулетки... Такъ, повторяемъ,

(1) Kaempfer, Hisoire de Japon, Tome I, p. 334.

іезуиты сѣяли пшеницу на камняхъ и терніи, прививали лозу истинную къ ядовитому дереву язычества, наливали новое вино въ старые мѣхи... Могли ли они, послѣ этого, ожидать иной жатвы, кромѣ рѣзни и кровопролитій?

Какъ на примѣръ коварства японцевъ укажемъ на плѣнъ нашего *Головина*; какъ на образецъ ихъ недовѣрчивости—на результатъ дипломатическихъ сношеній Россіи въ 1804 году во время посольства *Резанова* ко двору тайкуна. Послѣ долгихъ увертокъ и хитростей министръ японскаго государя вручилъ нашему посланнику слѣдующую ноту отъ тайкуна:

„Въ древнія времена корабли всѣхъ народовъ свободно приходили къ берегамъ Японіи и японцамъ было позволено посѣщать чужіе края. Однако же, полтора вѣка тому назадъ императоръ завѣщаетъ преемникамъ своимъ не выпускать подданныхъ изъ предѣловъ имперіи, а въѣздъ въ нее разрѣшить только китайцамъ, голландцамъ, корейцамъ и жителямъ острова Ріу-кина. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, прекратились торговыя сношенія и съ послѣдними; они поддерживались только съ китайцами и голландцами. Съ этого времени, многіе иноземцы, и неоднократно, пытались установить съ Японіей торговыя и дружественныя сношенія и всегда они были отклоняемы, какъ вслѣдствіе вышеупомянутаго императорскаго указа и завѣта, такъ равно и вслѣдствіе убѣжденія, что опасно входить съ незнакомымъ государствомъ въ дружественныя сношенія, не сложенныя на основахъ равенства.

„Дѣйствительно, дружба, подобна цѣпи: она только тогда соотвѣтствуетъ своей цѣли, когда состоитъ изъ извѣстнаго числа звеньевъ. Если одна часть этой цѣпи крѣпка, другая—слаба, хрупкая звенья скоро сломятся. Такимъ образомъ, цѣпь дружбы всегда невыгодна слабѣйшей сторонѣ.

„Тринадцать лѣтъ тому назадъ русскій корабль, подъ командою капитана-лейтенанта Лаксмана присталъ къ берегамъ Японіи; нынѣ прибылъ другой съ посланникомъ великаго императора Россіи. Перваго приняли мы съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, втораго принимаемъ дружелюбно. Государь японскій охотно исполнилъ все бывшее въ его власти и согласно съ дѣйствующими законами имперіи; ему пріятно видѣть въ прибытіи втораго русскаго корабля доказатель-

ство высокой дружбы, которую питаетъ къ нему государь русскій.

„Этотъ могущественный государь прислалъ ему, вмѣстѣ съ посломъ, множество великолѣпныхъ подарковъ. Принимая ихъ, императоръ японскій долженъ-бы былъ по обычаю страны, равносильному закону, послать, въ свою очередь, своего посланника къ русскому государю, съ подарками одинаковой стоимости... Но всякому жителю и всякому кораблю японскому формально воспрещено удаляться отъ береговъ имперіи; съ другой стороны, Японія слишкомъ бѣдна, чтобы имѣть средства отплатить равно-цѣнными подарками. Вслѣдствіе этого императоръ положительно не можетъ принять ни посланника, ни подарковъ.

„Японія особенно важныхъ нуждъ не имѣетъ и отъ иностранныхъ произведеній не ждетъ себѣ важной пользы. Если почва ея не даетъ ей нѣкоторыхъ дѣйствительно полезныхъ продуктовъ, за то потребность въ другихъ полезныхъ вещахъ щедро удовлетворяетъ торговыми ея сношеніями съ китайцами и голландцами—роскоши же, вообще, поблажать не слѣдуетъ. Трудно было-бы, впрочемъ, и установить здѣсь какія либо новыя торговыя сношенія, такъ какъ законъ строго воспрещаетъ туземцамъ входить въ какія-бы то ни было сношенія съ иностранными моряками."

Эта нота—совершенство дипломатической уклончивости и лукавства—была тогда послѣднимъ словомъ (ultimatum) властителей Іеддо съ русскими императорами (²). Всѣ старанія *Резанова* къ поддержанію сношеній были тщетны и въ апрѣлѣ 1805 года онъ отправился въ обратный путь, негодуя на японскихъ дипломатовъ, а главное на происки голландцевъ, которые были не безъ грѣха въ этомъ дѣлѣ.

Самоубійство—манія японцевъ; независимо отъ обязательнаго для провинившихся вельможъ своеручнаго распарыванія живота—японецъ способенъ на эту операцію изъ за малѣйшей бездѣлицы. Дѣ-

(1) Сношенія возникли чрезъ 60 лѣтъ и, по видимому, довольно дружественныя. Въ 1863 году въ Петербургъ пріѣзжало японское посольство, въ короткое время снискавшее отъ жителей столицы лестное прозвище *друзей*, а отъ барынь и барышенъ чуть-ли не эпитетъ: *очаровательныхъ*... Мы такъ впечатлительны!..

тамъ съ малыхъ лѣтъ даютъ уроки этой прикладной *гастротомiи*, чтобъ въ случаѣ надобности съумѣть сдѣлать все какъ слѣдуетъ и умереть пристойно... „съ достоинствомъ, съ улыбкой“... и вслѣдствіе этого, японецъ съ дѣтства привыкаетъ къ мысли о смерти, свыкается съ нею и жизнь для него ни почемъ. Сердитъ-ли онъ на кого и желаетъ отмстить—онъ распарываетъ себѣ животъ у дверей своего недруга; обидитъ-ли кто японца—то-же самое: онъ убиваетъ не обидчика, а себя самого; разгнѣвается-ли тайкунъ на приближеннаго—онъ посылаетъ ему саблю или бритву—что равносильно смертному приговору, облеченному однако въ вѣжливую, деликатную форму. Законъ повелѣваетъ будущему самоубійцѣ облечься въ бѣлое траурное платье и крестообразно взрѣзать себѣ животъ—что исполняется! Въ этомъ отношеніи Японія напоминаетъ Римъ временъ Тиверія, Калигулы, Клавдія и Нерона: только тамъ была мода отворять себѣ жилы въ теплой ваннѣ, здѣсь иначе... Бритва или бистурей для распарыванія живота необходимая принадлежность костюма каждаго благовоспитаннаго японца; они носятъ ихъ съ собою, какъ мы, наши часы или портсигаръ.

Изъ множества примѣровъ японскаго самоубійства приводимъ два особенно оригинальныя. Два прислужника тайкуна—одинъ, спускавшійся съ лѣстницы дворца, другой входившій на нее съ блюдомъ, которое несъ въ царскую столовую, столкнулись нечаянно и сабли ихъ ударились одна объ другую. Несшій блюдо, очень вѣжливо извинился и замѣтилъ, что одна сабля стоитъ другой. Хозяинъ сабли, понявъ слова эти совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, обидѣлся и отчѣчалъ: вы увидите, что нѣтъ!—и распоролъ себѣ животъ. Противникъ его побѣжалъ въ столовую, сдалъ блюдо и возвращаясь на лѣстницу къ умирающему—сказалъ ему: и моя сабля стоитъ вашей!.. и послѣдовалъ примѣру своего обидчиваго соперника.

Оно глупо, безспорно, однако же, мы не видимъ особенной разницы между японскимъ распарываніемъ животовъ и нашими европейскими дуэлями. Одно другого стоитъ!

Въ 1808 году военный англійскій корабль *Фаэтонъ* вошелъ въ бухту Нангасаки сквозь протокъ, до того времени почитавшійся непроходимымъ. Корабль замѣтили тогда только, когда онъ явился въ виду Папенберга менѣе нежели на одну милю отъ города. Сначала городскія власти приняли его за корабль голландскій, когда же узнали англійскій флагъ, весь городъ взволновался: губернаторъ призвалъ расположенныя за городомъ войска, выслалъ сотню канонирскихъ лодокъ, чтобы отрѣзать англичанамъ отступленіе, а на берегу, для воспрепятствованія вылазкѣ, разставилъ до 11,000 пѣхоты и конницы. Къ счастію для англичанъ, капитанъ Фаэтона замѣтилъ во время эти приготовленія и успѣлъ безпрепятственно выйдти въ открытое море. По европейскимъ законамъ, японскаго губернатора не за что было бы и обвинить: всѣ распоряженія были имъ сдѣланы своевременно, непріятель устрашенъ и отошелъ.... но не такъ судилъ тайкунъ и объявилъ ему свое неудовольствіе. Не желая идти подъ судъ, въ предупрежденіе стыда губернаторъ, по уходѣ изъ дворца, заперся въ павильонѣ своего сада и вскрылъ себѣ животъ; бывшій при этомъ другъ его, для облегченія страданій, перерѣзалъ ему и горло. Князь *Физенъ*, которому бухта Нангасаки тоже была подвѣдомствена, былъ также причастенъ этому несчастному дѣлу, только благодаря своему сану *даміоса* онъ былъ приговоренъ къ стодневному аресту съ обязательствомъ ежедневно выплачивать семейству покойнаго губернатора тысячу кобанговъ (до 7000 рублей серебромъ)...

Можно сказать, безъ малѣйшаго преувеличенія, что въ Японіи соединены утонченная европейская юриспруденція съ деспотизмомъ Турціи и звѣрствомъ людоѣдовъ; страна всяческихъ безобразій и непозволительнаго самодурства. Впрочемъ, по новѣйшимъ извѣстіямъ, нравы японцевъ смягчаются, облагораживаются, являются частые проблески чувствъ человѣческихъ... Тѣмъ лучше и для японцевъ, и для народовъ, имѣющихъ съ ними сношенія!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Государственный строй. — Кастовое дѣленіе. — Законы. — Отзывы о нихъ европейцевъ. — Подачи прошеній. — Наказаніе за клевету. — Казни. — Тюрьмы. — Законы гражданскіе и уголовные. — Законы межевые и земледѣльческіе. — Полиція. — Ея организація. — Стѣснительныя правила. — Подати. — Обыски. — Переклички. — Мѣры предосторожности отъ пожаровъ.

Высшая государственная администрація состоитъ изъ даміосовъ (князей) и вельможъ, образующихъ государственный совѣтъ (*Тсиндіо-но-сіо*), раздѣляющійся на семь министерствъ или совѣтовъ. 1) Совѣтъ законодательства и народнаго просвѣщенія (*сико-буно-сіо*). 2) Совѣтъ внутреннихъ дѣлъ (*дзи-бу-но-сіо*). 3) Совѣтъ народныхъ дѣлъ или полиція (*мин-бу-но-сіо*). 4) Совѣтъ военный (*фин-бу-но-сіо*). 6) Совѣтъ уголовныхъ дѣлъ (*хіо-бу-но-сіо*). 6) Совѣтъ финансовъ (*оико-уро-сіо*). 7) Совѣтъ управленія императорскимъ дворомъ (*ку-наи-на-сіо*).

Народъ по примѣру Индіи дѣлится на касты или категоріи. Микадо и тайкунъ—божества; за ними слѣдуетъ: 1) *даміосы* или князья; 2) *хадамадосы* дворяне; 3) лица духовнаго званія; 4) военные; 5) купцы; 6) ремесленники; 7) земледѣльцы; 8) рабы. Кожевники и содержатели публичныхъ домовъ внѣ кастъ, отверженцы. Первые, какъ мы говорили, исправляютъ должность палачей и тюремщиковъ; они образуютъ особый цехъ и пользуются правомъ собирать милостыню въ опредѣленные дни перваго и послѣдняго мѣсяцевъ.

Многіе европейцы восхищаются японскими законами, а Кемпферъ отдаетъ имъ преимущество предъ европейскими. Организація судовъ проста и единообразна по всей имперіи; судъ если не всегда правый, то, по крайней мѣрѣ, скорый; законы не обремененяютъ новыми статьями и дополненіями, а вслѣдствіе этого они ограничиваются весьма незначительнымъ числомъ статей.

„Наши законы,“ говорятъ японцы, „подобны мѣдному столбу, одинаково противостоящему и громамъ и времени!“ Картинно сказано, но японцы не знаютъ, что законы, писанные въ былые вѣка, могли бы въ наше время быть смягчены и исправлены: давность существованія закона не всегда порука за его совершенство. Благодаря примѣрному устройству полиціи, преступленія въ Японіи довольно рѣдки. Всякое уголовное дѣло, осложненное смягчающими вину обстоятельствами, стараются замять, не доводя до свѣдѣнія высшихъ властей. Это называется *наи-бунъ*. Въ затруднительныхъ случаяхъ судьямъ разрѣшено прибѣгать къ пыткамъ; право, которымъ они, впрочемъ, пользуются весьма рѣдко и то большею частью въ дѣлахъ преступленій государственныхъ. Въ Іеддо и во многихъ губернскихъ городахъ, у дворца и у домовъ губернаторовъ, выставлены ящики, въ которые каждый имѣетъ право класть письменныя жалобы на злоупотребленія чиновниковъ. При ящикѣ два прислужника для надзора надъ приносящими жалобы, которыя должны быть непремѣнно за подписью подателя и съ означеніемъ мѣста его жительства. Просьбы, написанныя сообразно узаконенной формѣ, отсылаются на разсмотрѣніе тайкуна, прочія сожигаются, кромѣ, однако же, безъимянныхъ просьбъ одного и того же содержанія подаваемыхъ въ третій разъ: на нихъ обращаютъ вниманіе наравнѣ съ правильно написанными. По разсмотрѣніи просьбъ, тайкунъ повелѣваетъ сдѣлать розыски; дѣйствительно виновный подвергается наказанію, невиновный и оклеветанный наградѣ, а клеветникъ казни. Его водятъ по городу верхомъ на лошади, неся впереди огромное бумажное знамя, на которомъ прописаны: имя, года преступника и его вина; останавливаясь на каждомъ перекресткѣ, читаютъ во всеуслышаніе смертный его приговоръ, наконецъ, достигнувъ мѣста совершенія казни, преступнику рубятъ голову.

Губернаторы безъ разрѣшенія императора не имѣютъ права подвергать преступниковъ смертной казни. Даміосы (князья) въ этомъ случаѣ независимы, но они не употребляютъ правъ своихъ во зло, по той причинѣ, что сами, за каждое уголовное дѣло, подвергаются строгому взысканію со стороны тайкуна: по японскимъ законамъ губернаторъ и князь отвѣтствуютъ за своихъ подвластныхъ. Впрочемъ, въ удѣльныхъ областяхъ, жить вообще лучше и спокойнѣе,

нежели во владѣніяхъ тайкуна или микадо; администрація не такъ взыскательна и налоги легче, наконецъ, и князья для народа доступнѣе и охотнѣе входятъ въ его нужды.

Смертной казни повинны: убійцы, контрабандисты, поджигатели, воры, игроки и лжецы на судѣ. Казни отличаются звѣрствомъ и лютостью; своеручное распарываніе живота—казнь изящная, аристократическая, казнь наименѣе виновныхъ; прочіе ея виды: сожженіе на кострѣ, свареніе въ кипящемъ маслѣ, распинаніе на крестѣ, прямо или внизъ головою, обезглавленіе, удавленіе, четвертованіе.... словомъ, всѣ ужасы, заимствованные у всѣхъ вѣковъ и народовъ. При всей алчности къ деньгамъ японскихъ властителей, отъ казни или тѣлеснаго наказанія нельзя отдѣлаться никакой пенею. Законодатели говорятъ весьма основательно: если бы пеня замѣняла наказаніе, тогда богатые люди были бы неприкосновенны. Вѣчное тюремное заключеніе, удѣлъ христіанъ японцевъ; сто лѣтъ тому назадъ удѣломъ ихъ были страшнѣйшіе виды казней. Тюрьмы устроены довольно сносно; каждая изъ нихъ снабжена ваннами, залами для рекреацій и обширными дворами для прогулокъ арестантовъ. Тюрьму японцы весьма характеристично называютъ *адомъ* (гокуйя) или клѣткою (*райэ*). Лестные отзывы европейцевъ о японскихъ законахъ были бы справедливѣе, если бы относились къ судопроизводству. Скорость и малосложность послѣдняго дѣйствительно достойны похвалы. Дѣло, на рѣшеніе котораго въ европейскомъ государствѣ употребили бы годъ и два, рѣшается въ Японіи въ одинъ мѣсяцъ: если же оно уголовное — и того скорѣе. Тяжебъ и процесовъ, начинающихся при одномъ поколѣніи, а оканчивающихся при третьемъ, въ Японіи не бываетъ; благодаря этому, тамъ нѣтъ и корпораціи сутягъ и крючкодѣевъ. „Но при скорости судопроизводства неминуемы ошибки?“ замѣтятъ намъ. Разумѣется, неминуемы—отвѣтимъ мы на это возраженіе,—только странно, что въ Японіи случаются онѣ рѣже, нежели въ Европѣ.

Законы межевые или земледѣльческіе, по ясности и простотѣ, достойны вниманія. Вся почва Японіи раздѣлена на три разряда: 1) *Сіо*—почва плодоносная, 2) *Ціу*—посредственная, и 3) *гэ*—скудная. Сообразно разряду воздѣлываемой почвы платятся поземельныя подати казнѣ и аренды землевладѣльцамъ. Арендаторъ казенной земли платитъ со всего урожая 4/10, земледѣлецъ, арендующій пашню у частнаго владѣльца, отдаетъ ему 6/10. Для надзора за исправностью арендныхъ взносовъ есть особые чиновники, до того опытные, что опредѣляютъ съ точностью урожай съ какого бы то ни было разряда почвы.

Полицейское управленіе городовъ доведено до совершенства. Городъ разбитъ на участки, подвѣдомственные надзирателямъ (*оттона*); каждый кварталъ дѣлится на улицы, управляемыя совѣтомъ изъ пяти обывателей. Изъ ихъ же среды избирается и оттона, утверждаемый въ своей должности губернаторомъ. Онъ ведетъ списки всѣмъ обывателямъ своего квартала, миритъ ссорящихся, наказываетъ провинившихся, наблюдаетъ за исправностью содержанія домовъ, предосторожностями отъ пожаровъ и т. п. При оттонѣ находятся три помощника (*ко-гу-ми*): письмоводитель (*физія*), завѣдующій выдачей паспортовъ, книгами о рождающихся, умирающихъ и сочетающихся бракомъ; казначей (*та-куре каку*) онъ же сборщикъ податей и пошлинъ; разсыльный (*нитци іози*), повѣщающій обывателей о повелѣніяхъ губернатора. Кромѣ того, днемъ и ночью ходитъ по кварталу дозоръ, составленный *изъ самихъ же обитателей*; ночной обходъ (*номбанъ*) наблюдаетъ за безопасностью жителей отъ воровъ и пожаровъ. Обыватель одного квартала при переселеніи въ другой подаетъ оттонѣ прошеніе, которое разсматривается пятью членами уличнаго совѣта, имѣющими право отказать переселенцу, если имъ извѣстно, что онъ человѣкъ подозрительный или дурнаго поведенія. Оттона отвѣтствуетъ за обывателей своего квартала, да сверхъ того, они взаимно связаны круговою порукою. Жилецъ или домохозяинъ подвергаются строгому взысканію, если около ихъ жилья случилась ссора или драка; всѣ жители улицы содержанію въ рабочемъ домѣ, если въ ней случилось убійство; оттона въ послѣднемъ случаѣ повиненъ смерти. Благодаря этой строгости, обыватели японскихъ городовъ застрахованы отъ тѣхъ случайностей, которыя чуть не ежедневны въ большихъ европейскихъ городахъ. Мы не думаемъ, чтобы лондонская полиція была организована по образу японской—однако же между ними есть нѣкоторыя черты сходства, именно тѣ, за которыя лондонскую полицію называютъ образцовою. Здѣсь не

мѣсто пускаться въ соображенія о возможномъ улучшеніи полиціи, скажемъ только, что по крайнему нашему разумѣнію, блюстители городской чистоты и порядка, *избранные изъ среды обывателей*, могли бы вездѣ и всюду быть надежными хранителями покоя и безопасности своихъ согражданъ.

Городское уложеніе въ Японіи нѣсколько строго и стѣснительно; въ числѣ податей находимъ двѣ статьи: одну—*фаасакугинъ*, т. е. подать на ежегодные подарки губернатору, другую на содержаніе храмовъ боговъ покровителей города. Та и другая довольно стѣснительны. Кромѣ того, по закону, оттона имѣетъ право, когда ему вздумается, дѣлать ночью повальные обыски въ домахъ, либо смотры и переклички обывателямъ своего квартала; можетъ, въ случаѣ надобности, запереть улицы рогатками, съ воспрещеніемъ жителямъ выходить изъ домовъ. Вслѣдствіе частыхъ землетрясеній, дома въ Японіи деревянные — отсюда частые пожары, во избѣжаніе которыхъ строжайше предписано обходиться осторожнѣе съ огнемъ; эта осторожность доходитъ до нелѣпаго. Въ извѣстный часъ почи всѣ огни въ домахъ и на корабляхъ въ гавани должны быть погашены... Это средневѣковое couvre-feu, стѣснительное даже для привычныхъ къ нему японцевъ, положительно несносно для пріѣзжихъ иностранцевъ. Пожарныхъ командъ въ городахъ нѣтъ, каждый житель обязанъ явиться на пожаръ помогать постигнутому бѣдствіемъ согражданину... что также совсѣмъ не удобно! Вообще говоря, не велико счастье жить въ Японіи, не велика радость быть японцемъ, даже при *кажущемся* совершенствѣ тамошнихъ законовъ и дѣйствительномъ благоустройствѣ тамошней полиціи.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Народное образованіе.—Астрономія.—Ученый невѣжда.—Сказка о происхожденіи астролога Абино-Сеймеи.—Таблица тяжелыхъ дней.—Медицина.—Главнѣйшія лекарства.—Художества.—Степень совершенства ремеслъ.—Земледѣліе и сельское хозяйство. — Причины ихъ цвѣтущаго состоянія.

Умственное развитіе каждаго народа, вездѣ и всегда—въ тѣсной связи съ исповѣдуемой имъ религіей, даже въ прямой отъ нея зависимости. Вслѣдствіе этого соображенія мы считаемъ долгомъ въ трудѣ нашемъ присоединять къ историческому очерку религіи каждой страны небольшой обзоръ ея образованія. Японія, въ этомъ случаѣ, представляетъ мало утѣшительнаго и между восточными странами ея неразвитость и невѣжество составляютъ рѣзкую дисгармонію. Въ каждой наукѣ видимъ примѣсь суевѣрія, почти каждая является не сводомъ неопровержимыхъ истинъ или выводовъ изъ личныхъ наблюденій — а скорѣе какой-то смѣсью смѣшныхъ загадокъ и ни на чемъ не основанныхъ предположеній.

Совершенные невѣжды въ математикѣ, японцы почитаютъ однако же *астрономію* (точнѣе *астрологію*) наукою всѣхъ наукъ. Вѣрованіе во вліяніе планетъ на землю и на людей, въ счастливыя и несчастныя звѣзды — распространено отъ императора до послѣдняго простолюдина. Въ Іеддо существуетъ, по примѣру китайцевъ, ученый комитетъ астрономіи, членамъ котораго поручено составленіе альманаховъ. Одинъ изъ нихъ, нѣкто *Маміо-Ринціо*, въ бытность нашего Головнина въ плѣну, просилъ его дать ему нѣсколько уроковъ въ высшей математикѣ. Этотъ Маміо-Ринціо, почитаемый соотчичами за свѣтило науки, за генія, не зналъ, какъ и на что употребляются секстанъ, буссоль и ртутный нивелиръ. Головнинъ кой-какъ ознакомилъ его съ употребленіемъ этихъ инструментовъ!

Въ народѣ сохраняются преданія о другомъ великомъ астрологѣ и волшебникѣ *Абино-Сеимеи*, вмѣстѣ съ составленной имъ таблицею *несчастныхъ* и *тяжелыхъ дней*. Желая ознакомить читателей съ жизнеописаніемъ Абино и его таблицей, начнемъ съ біографіи.

Абино Сеимеи былъ сынъ царя *Абино Ясимы* и супруги его — лисицы... Чудесный этотъ бракъ совершился такимъ образомъ: однажды царь съ огромной свитой отправился на богомолье въ храмъ *Инари*, бога покровителя лисицъ. Покуда царь молился, спутники его пошли въ сосѣдній лѣсъ на охоту за лисицами, изъ печени которыхъ хотѣли выварить какое-то чудесное лекарство. Напали на слѣдъ молодой лисицы, которая послѣ долгихъ преслѣдованій ея охотниками бросилась въ храмъ и съ испугу прыгнула прямо на грудь къ царю. Эта довѣрчивость его тронула и Ясима рѣшился защищать бѣдную лисичку отъ ея преслѣдователей. Тѣ просятъ ея выдачи—царь отказываетъ: они настаиваютъ, онъ упорствуетъ; доходитъ дѣло до драки и Ясима рубится съ охотниками и обращаетъ ихъ въ бѣгство, а освобожденная лисица уходитъ въ лѣсъ. Обиженные придворные составили заговоръ и рѣшили убить царя; но онъ, во время свѣдавъ о ихъ замыслахъ, казнилъ злодѣевъ. Вскорѣ послѣ ихъ казни къ царю явилась дѣвица удивительной красоты и Ясима, плѣненный ею, на ней женился; она родила ему Абино Сеимеи. Жили царь съ царицею нѣсколько лѣтъ счастливо, вдругъ видитъ онъ однажды у жены по всему тѣлу пробивается лисья шерсть; тамъ выросъ хвостъ, ручки и ножки превратились въ лапы, а вскорѣ и вся царица стала лисицей! Такъ богъ лисицъ *Инари* наградилъ добраго царя за спасеніе подвѣдомственнаго себѣ звѣря (¹).

Абино росъ не по днямъ, а по часамъ, удивляя отца и всѣхъ окружающихъ умомъ и способностями. Всѣ тайны видимаго неба, теченіе планетъ, ихъ сочетанія, затмѣнія, явленія кометъ — все

(¹) Сказки объ оборотняхъ обоего пола почти всѣ на одинъ ладъ и существуютъ повсемѣстно какъ на Востокѣ, такъ и въ Европѣ. Между ними, несомнѣнно, есть какая-то связь... какъ напримѣръ и между этой сказкой и средневѣковой легендой о Мелюзинѣ и Лузиньянѣ.

это было ему извѣстно какъ свои пять пальцевъ. Желая предохранить людей отъ неудачъ и несчастій, онъ составилъ слѣдующую таблицу тяжелыхъ дней, въ которые не слѣдуетъ ни пускаться въ путь, ни предпринимать никакого важнаго дѣла. Вотъ эта таблица, къ свѣдѣнію читателя:

Мѣсяцы.	*Дни.*
I и VII:	3. 11. 19. 27.
II — VIII:	2. 10. 18. 26.
III—IX:	1. 9. 17. 25.
IV—X:	4. 12. 20. 28.
V — XI:	5. 13. 21. 29.
VI—XII:	6. 14. 22. 30.

Такъ какъ бѣдные рабы во времени своемъ не властны, то они, работая въ эти дни, должны читать наизусть двустишіе, которое Абино присоединилъ къ таблицѣ, а Кемпферъ привелъ въ своей исторіи. Это двустишіе—своего рода заклинаніе отъ наважденія злыхъ духовъ. То и другое, т. е. таблица и стихи—руководили японцевъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ и по сіе время, въ чемъ не видимъ ничего смѣшнаго, ни удивительнаго: вѣрованіе въ легкіе и тяжелые дни повсемѣстно, а табличку тѣхъ и другихъ не постыдился составить датскій астрономъ *Тихо-Браге*—европейская знаменитость своего времени! Въ своихъ нелѣпыхъ повѣрьяхъ и предразсудкахъ европейскіе народы могутъ, кажется, смѣло протянуть руки самымъ дураковатымъ язычникамъ; да и что такое *суевѣріе*, если не тоже язычество?

Японская *медицина* въ самомъ плачевномъ состояніи. Не имѣя ни малѣйшаго понятія ни объ одной изъ ея отраслей, врачи отъ всѣхъ болѣзней пользуютъ двумя лекарствами, признаваемыми универсальными: *уколами иглой* и *прижиганьями* (мокса). Есть у нихъ еще порошки отъ колики изъ сушенаго костуса, рецептъ которыхъ сообщенъ былъ одному нищему самимъ *Якузи*, богомъ медицины; питаютъ они кромѣ того глубокое благоговѣніе къ янтарю и вѣруютъ въ цѣлительныя свойства его окуриваній, которыя между прочимъ, по ихъ мнѣнію, имѣютъ свойство разгонять

печальныя мысли и придавать бодрости духу. Травы, употребляемыя для лекарствъ, должны быть срываемы въ счастливые дни — именно въ теченіе первыхъ пяти дней пятаго мѣсяца, которые соотвѣтствуютъ, какъ разъ, двадцатымъ числамъ нашего іюня, когда и европейскіе суевѣры ищутъ папоротника, разрывъ травы и т. п. волшебныхъ снадобьевъ. Могущественнымъ средствомъ отъ эпидемической лихорадки почитается въ Японіи шествіе съ большими четками, состоящими изъ связки 108 четокъ во 108 зеренъ каждыя. Участвующіе въ процесіи должны держаться за зерна и кричать во все горло: *наманда*! *наманда*!! Это заклинаніе отъ демоновъ *ісирс*, которые, вселяясь въ людей, трясутъ ихъ, мучатъ и доводятъ до смерти (¹). Если же это средство не поможетъ, его слѣдуетъ возобновить въ каждомъ храмѣ. Впрочемъ, по замѣчанію Кемпфера, японцы вообще народъ не хворый; сохраненію же его здоровья много способствуетъ опрятное содержаніе тѣла (омовенія, предписываемыя уставами религіи), соблюденіе діэтическихъ правилъ и пользованіе минеральными водами, источники которыхъ въ изобиліи находятся въ Японіи.

О *художествахъ* — говорить нечего. Музыка — дикая, ваяніе чудовищное, живопись — пестрота и безвкусица. Японцы имѣютъ полное право на титулъ художниковъ только въ ремеслахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя доведены до совершенства, особенно требующія терпѣнья и кропотливости. Таковы токарныя издѣлія, тонкостью рѣзьбы могущія поспорить съ драгоцѣннѣйшими кружевами; филиграновыя работы, металлическія отливки. Японскія бронзы, фарфоръ, шелковыя ткани, лаковыя столярныя работы — наконецъ превосходной закалки сабельные клинки давно оцѣнены по достоинству. Для достиженія полнаго совершенства имъ не достаетъ только изящества и вкуса.

Нельзя умолчать еще объ одной важнѣйшей статьѣ народнаго благосостоянія. Статья эта — *земледѣліе*. Густота населенія и скудость земли — главнѣйшія причины, вслѣдствіе которыхъ

(¹) Сказка о сестрахъ-лихорадкахъ пользуется большимъ уваженіемъ и у насъ на святой Руси. Глупость народная заразительна!

японское земледѣліе достигло такой высокой степени совершенства. Нѣтъ клочка земли, мало мальски доступнаго, который бы не былъ воздѣланъ и не былъ превращенъ въ ниву, огородъ или пашню. Пять главнѣйшихъ хлѣбовъ (*гококфъ*), которыми продовольствуются японцы, суть слѣдующіе: 1) *Коме* (рисъ), 2) *Оо-муги* (ячмень), 3) *Коо-муги* — пшеница, 4) *дандзи* (бобы-лупины) и 5) *сидзу* (бобы турецкія-фасоли). Вообще сельское хозяйство въ Японіи въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, которое доказываетъ фактически великую истину, что тамъ, гдѣ бѣднѣе и скупѣе земля, тамъ народъ усерднѣе за нею ухаживаетъ... Хлѣбородныя южныя и юговосточныя губерніи Россіи являютъ собою доказательство обратнаго смысла этой же истины... Здѣсь люди на столько же лѣнивы и нерадивы, на сколько неистощимо щедра земля матушка!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Острова Японіи. — Политическое дѣленіе. — Нангасаки. — Статистическія свѣдѣнія. — Храмъ бога-покровителя. — Трехдневный праздникъ. — Торжественное шествіе. — Театръ и представленія мистерій. — Священное озеро. — Водяной драконъ. — Сказанія о драконахъ у древнихъ и новыхъ народовъ.

Японская имперія въ географическомъ составѣ своемъ представляетъ ту же разрозненность, то же отсутствіе единства, какія представляетъ и въ отношеніи политическомъ. Она состоитъ изъ островововъ: *Нифона* или *Нипона*, *Кіу-сіу* или *Ксимо*, *Сикокфа* или *Сикокко* и *Матцмая* или *Іезо*. Вообще же имперія японская дѣлится на 68 губерній или княжествъ, группирующихся на слѣдующіе восемь отдѣловъ: 1) *Го-ки-наи* или пять внутреннихъ придворныхъ областей; 2) *Токаидо*: страна моря восточнаго, заключающая въ себѣ пятнадцать гу-

берній; 3) *То-зандо*: страна восточныхъ горъ (8 губерній); 4) *Фокурокудо*: страна сѣвернаго материка (7 губерній); 5) *Санипдо*: страна сѣверныхъ отлогостей горъ (8 губерній); 6) *Сани-одо*: страна южныхъ отлогостей (8 губерній); 7) *Нан кандо*: острова (6 губерній) и 8) *Саикандо*: страна западнаго моря (11 губерній).

Нагасаки или *Нангасаки* единственный японскій портъ, открытый иностраннымъ торговымъ кораблямъ. Это снисхожденіе японскихъ деспотовъ, сначала распространялось только на китайцевъ, голландцевъ и португальцевъ, и только съ половины текущаго столѣтія начинаетъ простираться и на прочихъ европейскихъ народовъ. Настойчивость послѣднихъ въ поддержаніи торговыхъ сношеній съ страною, въ произведеніяхъ которой Европа рѣшительно не имѣетъ никакой нужды, настойчивость эта — очень странна. Зачѣмъ въ сферу государствъ, связанныхъ между собою торговыми и политическими интересами, вводить имперію, которую между ними можно назвать какимъ-то уродомъ, физическимъ и нравственнымъ; имперію, которая ничто иное, какъ какое-то безобразное пятно на географическихъ картахъ и фальшивая, дикая нота въ строѣ государствъ всего земнаго шара? Не смотря на заявленія нѣкоторыхъ лицъ, достойныхъ совершеннаго довѣрія, о добрыхъ задаткахъ на будущее, въ національномъ характерѣ японцевъ, въ современныхъ великихъ преобразованіяхъ — трудно повѣрить, чтобы въ самомъ отдаленномъ будущемъ, изъ тупоголоваго японца вышло что нибудь путное.

Нангасаки, благодаря голландскимъ и португальскимъ купцамъ, изъ грязной, ничтожной деревушки, превратился въ городъ довольно привлекательной наружности. Нынѣ въ немъ насчитываютъ: 87 улицъ, 6,000 домовъ и 62 храма всѣхъ трехъ вѣроисповѣданій и ихъ многочисленныхъ сектъ, въ слѣдующей пропорціи: храмовъ будійскихъ 50 (изъ нихъ 26 въ окрестностяхъ города), храмовъ синто 5, храмовъ синсія 7. Мѣстоположеніе, всѣхъ безъ изъятья, самое живописное. Особенной пышностью отличается храмъ бога-покровителя (*удси-ками*) города: Сува-Дан-Міозинъ, на вершинѣ горы Татта, на которую ведетъ каменная лѣстница въ 200 ступенекъ. Дворъ храма обнесенъ галереей, украшенной картинами, статуями и токарными издѣліями, пожертвованными усердными богомольцами; во дворѣ нѣсколько часовень и два храма: Мурозаки и Симіо Дан-сина, идолы которыхъ поставлены въ восьмиугольныхъ нишахъ. По стѣнамъ развѣшаны употребляемые въ религіозныхъ процесіяхъ бамбуковыя жерди съ значками, флагами, изображеніями идоловъ и сохраняемыми въ золотыхъ ящикахъ: волосами, обломками костей и зубами героевъ и отшельниковъ. Нѣсколько поодаль стоитъ храмъ Тысяченогаго бога, со стѣнами, украшенными отлитыми изъ золота, серебра, мѣди и выточенными изъ дерева или слоновой кости изображеніями *ногъ*, пожертвованными богомольцами. Леченіе больныхъ ногами — спеціальность тысченогаго бога, въ которой онъ не имѣетъ соперниковъ.

Главный праздникъ богу-покровителю города *Кунитцъ* бываетъ въ девятый мѣсяцъ года и продолжается съ 7 по 9 день. Начинается онъ торжественными процесіями по городу; это собственно прологъ или вступленіе къ торжеству. Въ 8-й день съ самаго ранняго утра, дѣти поютъ съ акомпаниментомъ оркестровъ гимны, въ память того событія, когда богъ солнца (Тен-сіо-дансинъ) изволилъ, ради каприза, спрятаться въ пещеру вмѣстѣ съ солнцемъ (1). Пѣвцы умоляютъ бога сжалиться надъ людьми и снова появиться на небѣ вмѣстѣ съ дневнымъ свѣтиломъ. Затѣмъ въ храмъ бога-покровителя пускается церемоніальное шествіе, въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Двѣ лошади, разбитыя на всѣ ноги, тощія, ободранныя... какъ говорится - кожа да кости. Ихъ ведутъ, или вѣрнѣе, имъ помогаютъ двигаться два прислужника.

2) Знаменоносцы съ храмовыми значками, между которыми несутъ: посохъ верховнаго жреца, въ видѣ короткаго золоченаго копья; пару огромныхъ тростниковыхъ лаптей и пушистый султанъ изъ писчей бумаги на длинной бамбуковой трости.

---

(1) Такъ народная легенда повѣтствуетъ о первомъ занесенномъ въ лѣтописи затмѣніи, оставившемъ по себѣ вѣчное воспоминаніе суевѣрнаго ужаса.

4) Переносные восьмиугольные шкафчики (*микози*) изъ лакированнаго дерева, украшенные рѣзьбою и позолотою. Во внутренности микози зеркала и полоски бѣлой бумаги. Между наружными украшеніями особенно часто встрѣчается золоченое изображеніе журавля. Аисты и журавли почитаются въ Японіи предзнаменователями добра и удачи.

5) Два деревянные паланкина (*норимона*).

6) Двѣ ободранныя клячи, подобныя открывающимъ процесію, но покрытыя шелковыми попонами.

7) Жрецы, по два въ рядъ, въ парадныхъ одѣяніяхъ.

8) Городскія власти, сопровождаемыя двумя десятками копьеносцевъ. Древка этихъ копьей обмотаны пучками деревянныхъ стружекъ, отчего издали онѣ похожи на одѣтыя перьями длинныя птичьи шеи. Процесію замыкаютъ безчисленныя толпы народа.

По прибытіи процесіи въ храмъ Сува-даи-міозина начинается богослуженіе, т. е. вокальное и инструментальное исполненіе гимновъ въ честь бога-покровителя. Жрецы раздаютъ присутствующимъ въ храмѣ, начальствующимъ и почетнымъ лицамъ — *амазаки*: рисовое пиво, варимое каждый разъ для праздника. Это амазаки черпаютъ золотою ложкою изъ большаго фарфороваго сосуда и разливаютъ въ небольшія глиняныя чашки.

Третій день праздника *Матизри*—самый главный и торжественный. Начинается онъ, подобно предыдущему дню, процесіей, но на этотъ разъ отъ храма въ городъ, на главную площадь, къ временному храму, или правильнѣе, балагану, такъ какъ онъ предназначенъ для представленія мистерій, которыя у японцевъ ничто иное, какъ пошлыя, безсмысленныя арлекинады. Храмъ складываютъ изъ бамбуковыхъ тростей, украшаютъ зелеными вѣтвями священныхъ деревьевъ, по бокамъ сажаютъ двѣ высокія елки. Кругомъ устроиваютъ мѣста для зрителей; ближе къ храму скамья для городскаго начальства и три, постепенно возвышающіяся скамьи для жрецовъ. Изъ храма на площадь съ подобающими церемоніями несутъ идола Сува и неизбѣжныя кружки для сбора. Жрецы по прибытіи на площадь занимаютъ на скамьяхъ мѣста, по чинамъ: на высшую садятся старшіе—въ черныхъ

шелковыхъ мантіяхъ и черныхъ шапкахъ; на среднюю — жрецы въ бѣлыхъ одѣяніяхъ и таковыхъ же головныхъ уборахъ; на низшую — въ одеждахъ и шапкахъ пестрыхъ, бѣлаго и чернаго цвѣта. Градоначальникъ и прочіе чиновники являются въ сопровожденіи копейщиковъ подъ огромными парадными зонтиками или балдахинами. По занятіи, послѣдними и жрецами, предназначенныхъ имъ мѣстъ, изъ всѣхъ улицъ на площадь дефилируютъ горожане особыми отрядами со значками, на которыхъ изображены символы и названія улицъ и городскихъ участковъ. У каждаго отряда оркестръ музыки, за нимъ *хеки* (плясуньи, японскія баядерки): тамъ носильщики театральныхъ принадлежностей: машинъ, декорацій, лѣстницъ и т. п., за ними актеры и актрисы въ костюмахъ. Актеры—молодые школьники, а актрисы—публичныя женщины. Кортежъ замыкаетъ народъ, идущій съ пестрыми флагами и зажженными свѣчами.

Установивъ на сценѣ храма декораціи и машины, начинаютъ представленіе. Прежде всего *восемь* хекъ ([1]) въ красныхъ платьяхъ пляшутъ довольно граціозное па; ихъ смѣняютъ акробаты; за акробатами представляютъ пантомиму, сюжетъ которой неизмѣнно одинъ и тотъ-же—борьба великановъ съ богами и побѣда послѣднихъ. Подобно тому, какъ было въ древнемъ греческомъ театрѣ - хоръ объясняетъ зрителямъ сюжетъ пантомимы. Если на сценѣ изображается убіеніе или страданіе какого-нибудь героя, вслѣдъ затѣмъ (для развлеченія пріунывшихъ зрителей) являются шуты или клоуны и смѣшатъ ихъ своими кривляньями. По окончаніи пантомимы, разыгранной труппою одного городскаго участка, начинается другая, за нею третья и т. д. до полудня. Каждая улица (т. е. жители каждаго околодка) играетъ по пантомимѣ, поочередно. Кемпферъ, видѣвшій эти представленія, говоритъ, что костюмы, декораціи и машины выше всякой похвалы. На сценѣ изъ живыхъ вѣтвей составляютъ цѣлыя рощи съ соблю-

---

([1]) Обращаемъ вниманіе читателя на число восемь, котораго придерживаются японцы: восьмиугольные храмы, шкафики для кумировъ и восемь плясавицъ на театрѣ. Все это заимствовано отъ индусовъ съ тою разницею, что тамъ въ символахъ есть смыслъ, а здѣсь—никакого.

деніемъ всѣхъ условій сценической оптики и перспективы. Дома, храмы, дворцы на сценѣ изъ картонной бумаги, но отличаются мастерской, изящной отдѣлкой. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ, кромѣ людей, являются звѣри и чудовища, изображаемые наряженными акробатами въ совершенствѣ.

По окончаніи представленія, жрецы благодарятъ градоправителя за вниманіе и всѣ съ площади расходятся по домамъ; театръ снимаютъ, принадлежности его, прежнимъ порядкомъ, уносятъ и день заключается повсемѣстными пиршествами.

Замѣчательно, что на всѣхъ праздникахъ раздаютъ рисовое пиво, а временнымъ балаганамъ, воздвигаемымъ на площадяхъ, придаютъ умышленно самую жалкую, убогую наружность... То и другое дѣлается въ воспоминаніе бѣдности прародителей, пившихъ невкусную рисовую бурду и жившихъ въ бамбуковыхъ шалашахъ.

Храмы Будды или Си-а-ка въ Нангасаки, какъ японскіе такъ и китайскіе, отличаются богатствомъ и пышностью. Непремѣнная принадлежность каждаго—идолъ Будды, сидящій въ чашечкѣ бронзоваго, ярко вызолоченаго лотуса (Nymphaea nelumbo L). Буддисты отличаются отъ жрецовъ синто скромностью и отсутствіемъ назойливости, которая несносна въ синтонистахъ. Въ окрестностяхъ Нангасаки близъ деревни Фукафози заслуживаетъ вниманія озеро или прудъ, признаваемое священнымъ и находящимся подъ покровительствомъ особаго духа (ками). Озеро это обрамлено роскошными ивами и, не смотря на то, отличается постоянно чистою зеркальною поверхностью, на которую никогда не падаетъ ни малѣйшій листокъ (т. е. падаютъ листья, но по свойству минеральной воды озера тотчасъ-же погружаются на дно), на которой никогда не появляется ни плесени, ни тины. Рыбная ловля въ этомъ озерѣ воспрещена подъ опасеніемъ смертной казни. Впрочемъ, напрасно было бы и рисковать жизнію, по той причинѣ, что едва-ли въ этомъ озерѣ водится какая нибудь рыба.

Фантастическія сказанія существуютъ въ Японіи о каждой рѣкѣ и каждомъ источникѣ, особенно минеральной воды. О водяныхъ столбахъ (смерчи или тромбы), часто появляющихся на морѣ [1]

---

(1) Точно такое-же электрическое явленіе на морѣ, какъ и гроза—

съ давнихъ временъ сложилось преданіе, что это водяной *драконъ*, изъ пучинъ морскихъ взбирающійся на небо... Также точно у средневѣковыхъ рудокоповъ въ Германіи возникло повѣрье о существованіи подземнаго дракона, умерщвляющаго дыханіемъ: поводомъ къ этой выдумкѣ послужили случаи удушенія работниковъ мефитическими газами, такъ часто отдѣляющимися въ рудокопныхъ шахтахъ. Такъ древніе греки называли ядовитымъ дыханіемъ дракона — болотистыя испаренія, порождавшія моровыя повѣтрія... и миѳъ о ***Лернской гидрѣ***, побѣжденной Геркулесомъ, ни что иное, какъ баснословное сказаніе о моровой язвѣ, искорененной какимъ нибудь героемъ.

Такимъ образомъ, какъ намъ кажется, не столько каждый миѳъ древности, или басня язычества, но и многія суевѣрныя преданія, сохранившіяся у просвѣщенныхъ европейскихъ народовъ [1], могутъ быть объяснены законами природы, и наукѣ, въ свою очередь, суждено современемъ въ отношеніи суевѣрія совершить тотъ же самый подвигъ, каковой одержалъ Геркулесъ надъ лернскою гидрою.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Симмонозеки:—Храмъ Амадинса. Храмъ бога вѣтровъ Аббуто.—Цара: храмъ Кубози. — Міа: храмы мечей.—Храмъ Фанна. — Идолы Будды и Кванвонъ.- Священная гора Іезанъ.—Храмъ дракона.—Іедо.—Мостъ Цифонъ-басъ.—Дворецъ.—Міако.—Божество Годфу-тен-оо. Гора Кіойя.

Городъ ***Симмонозеки*** замѣчателенъ храмомъ, построеннымъ

въ воздухѣ, а землетрясеніе—въ нѣдрахъ земли. Позволяемъ себѣ не вѣрить въ теорію вулканистовъ о происхожденіи землетрясеній.

(1) Съ этой точки зрѣнія мы будемъ впослѣдствіи разсматривать миѳологіи Греціи, Рима и языческія религіи всей древней Европы.

въ память ***Амадаиса***, сына удѣльнаго князя Феки. Во время кровавыхъ распрей партій Феки и Гендзи, князь, глава первой изъ нихъ, тѣснимый непріятелями и принужденный бѣжать изъ своей резиденціи Озаки, былъ настигнутъ врагами и убитъ. Кормилица семилѣтняго его сына Амадаиса, желая спасти своего бѣднаго вскормленника, покинувъ Озаку, пробралась вмѣстѣ съ Амадаисомъ на морской берегъ, гдѣ однако же ее замѣтили убійцы князя Феки. Несчастная женщина стояла на высокомъ утесѣ ***Даири*** и ей оставался выборъ—между гибелью въ волнахъ моря или мучительной смертью подъ саблями злодѣевъ... кормилица Амадаиса выбрала первое: прижавъ къ сердцу своего вскормленника, окрыляемая надеждою—она ринулась со скалы въ море, столь же безжалостное, какъ и люди,—кормилица и Амадаисъ утонули!—Утихли междоусобія, прошли года; память объ убіенномъ князѣ Феки и объ утонувшемъ невинномъ отрокѣ, Амадаисѣ, сохранилась въ народѣ, который наконецъ воздвигъ ему храмъ. Онъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій: притвора и святилища. Стѣны послѣдняго обтянуты чернымъ крепомъ и увѣшаны портретами династіи удѣльныхъ князей Феки; полъ покрытъ большимъ ковромъ, вышитымъ серебряными узорами. По срединѣ храма на столѣ поставленъ портретъ Амадаиса, изображающій полненькаго румянаго мальчика, по сторонамъ портреты его отца и матери. Бонзы, живущіе при храмѣ, одѣваются въ черныя креповыя мантіи съ серебряными украшеніями, что придаетъ храму еще болѣе унынія и мрачности; чѣмъ-то могильнымъ и гробовымъ вѣетъ и отъ его стѣнъ, и отъ разсказовъ бонзовъ о безвременной гибели Амадаиса.

Въ недальнемъ разстояніи отъ Симмонозеки, на берегу моря въ деревнѣ ***Тому***, находится храмъ ***Аббуто***— японскаго Эола. Идолъ его, говорятъ, обладаетъ чудесной силой давать вѣтеръ мореходамъ, не только молящимся ему въ храмѣ, но даже и заочно. Матросы, задерживаемые въ морѣ безвѣтріемъ, призывая Аббуто, бросаютъ за бортъ корабля кусочки дерева, къ которымъ привязываютъ мелкую монету. Теченіемъ, кусочки эти всегда доносятся до берега, именно къ храму Аббуто, который немедленно посылаетъ попутный вѣтеръ усерднымъ богомольцамъ.

На С. З. отъ Міако находится городъ ***Нара***, называемый святымъ за множество своихъ храмовъ, почти всѣхъ посвященныхъ великому Буддѣ. Главнѣйшій и богатѣйшій изъ нихъ ***Кубози***, съ тремя обширными дворами и высокими терассами. На каждомъ дворѣ поставлены исполинской величины кумиры, а у входа въ храмъ не меньшихъ размѣровъ львы, довольно искусной скульптурной работы. Рѣзныя украшенія по стѣнамъ храма и по галереямъ окаймляющимъ дворы—выше всякаго описанія.

Городъ ***Міа*** замѣчателенъ храмами: ***трехъ мечей*** (Атцта) и ***восьми мечей*** (Факконъ). Въ томъ и въ другомъ сохраняются мечи древнихъ героевъ, перенесенные въ Міа, изъ священной области Изе (¹). Мечи замѣняютъ идоловъ; они высоко развѣшаны по стѣнамъ и подъ каждымъ изъ нихъ находится описаніе подвиговъ его владѣльца. Во время торжественныхъ праздничныхъ процессій, мечи эти носятъ по улицамъ на поклоненіе народу.

Близъ деревни ***Токоно*** находится богатый буддійскій храмъ ***Фанна***. Главный идолъ, бронзовый, ярко вызолоченный, изображаетъ Будду, сидящаго въ чашечкѣ священнаго лотуса; голова его покрыта вмѣсто шапки двухстворчатой раковиной и окружена сіяньемъ изъ остроконечныхъ лучей. Сюда ежегодно стекаются тысячи богомольцевъ. По уставамъ храма Фанна, молящіеся обязаны, вставъ предъ идоломъ на колѣни, класть себѣ обѣ руки на головы, подобно тому, какъ на головѣ кумира лежатъ створки раковинъ. Другой замѣчательный идолъ богини ***Кванвонъ***, особенно чтимый женщинами, находится близъ Марико (въ сосѣдствѣ отъ Іеддо). Богиня изображена въ видѣ колоссальной двѣнадцатирукой женщины; двѣ верхнія руки закинуты на голову, на двухъ слѣдующихъ она держитъ двухъ дѣтей; остальныя восемь рукъ заведены за спину. На головѣ кумира корона, состоящая вмѣсто лучей изъ семи держащихся за руки младенцевъ. По толкованіямъ бонзовъ идолъ богини Кванвонъ есть символическое изображеніе происхожденія боговъ; по народ-

(¹) О священной области Изе мы уже говорили выше.

ному повѣрью, она мать всѣхъ героевъ Японіи, даже царица неба. По объясненію европейскихъ путешественниковъ, богиня Кванвонъ и ея кумиры—олицетвореніе природы и ея производительныхъ силъ.

Городъ *Оитцъ* славится находящейся въ его окрестностяхъ священною горою *Іезанъ*, покрытою отъ подножія до вершины дремучими лѣсами, въ которыхъ въ древнія времена находилось до трехъ тысячъ храмовъ, капищъ и часовень. Преступники, преслѣдуемые закономъ, пользовались на горѣ Іезанѣ правомъ неприкосновенности. Во время междоусобій въ XVI столѣтіи тайкунъ *Набунанга* разорилъ храмы, выжегъ часть лѣсовъ и съ той поры гора Іезанъ перестала быть священнымъ пріютомъ богомольцевъ и прибѣжищемъ преступниковъ. Тѣмъ не менѣе, по старой памяти, народъ питаетъ къ ней глубокое благоговѣніе и населяетъ опустѣлыя ея рощи многочисленными ками или вѣрнѣе душами отшельниковъ, убитыхъ злодѣемъ Набунангою.

Близъ деревни *Тавоpатадду* на высокой горѣ находится храмъ Дракона-побѣдителя чудовищной сороконожки (scolopendra). Въ тѣ времена, когда въ Японіи водились драконы и имъ подобныя чудовища, на горѣ жилъ драконъ, которому вся область воздавала божескія почести. Вскорѣ появилась неимовѣрной величины сороконожка (сколопендра), причинявшая людямъ много вреда и дерзнувшая наконецъ напасть на гнѣздо дракона и истребить положенныя въ гнѣздѣ яйца. Драконъ напалъ на хищницу и послѣ долгаго, жестокаго боя, при которомъ земля дрожала и стонала стономъ—одолѣлъ сороконожку. Въ память этого событія и избавленія страны отъ опаснаго врага, благодарные жители соорудили храмъ дракону-побѣдителю на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находилось его гнѣздо.

Впрочемъ, подобнаго рода постройки въ память разныхъ фантастическихъ событій встрѣчаются въ Японіи почти на каждомъ шагу. Заимствовавъ у индусовъ религію со всѣми ея обрядами и повѣрьями, японцы заимствовали у нихъ же и ханжество и изувѣрство. Оно выражается, между прочимъ, дикой маніей разставлять идоловъ въ дуплахъ деревьевъ, на вершинахъ скалъ, въ пещерахъ, на распутіяхъ; либо сопрягать съ какой нибудь

мѣстностью разныя побасенки и фантастическія сказанія. Эти частыя вещественныя напоминанія о Богѣ становятся наконецъ утомительными, несносными и великая мысль тонетъ въ пучинахъ обрядности, а символистика теряетъ всякій смыслъ отъ излишества мишурныхъ прикрасъ и совершенно ненужныхъ атрибутовъ.

Іедо, первая изъ двухъ столицъ Японіи (вторая—Міако), городъ огромный, построенный на островахъ, образуемыхъ многими рукавами большой рѣки его пересѣкающей. Эти естественные пути водянаго сообщенія, усиленные множествомъ каналовъ, содѣйствуютъ торговому движенію и служатъ ему такими же артеріями, какъ желѣзныя дороги въ Европѣ. Жизнь вообще дешева и дневное содержаніе обходится каждому жителю не дороже двадцати копѣекъ серебромъ на наши деньги. Іедо, резиденція императора и всѣхъ удѣльныхъ князей, живущихъ при немъ въ качествѣ аманатовъ. Число домовъ простирается до 300,000; цифра же народонаселенія, достигающая до 2,400,000 душъ, даетъ право японской столицѣ на титулъ одной изъ величайшихъ городовъ въ мірѣ. Дома деревянные, не выше двухъ этажей, по причинѣ частыхъ землетрясеній. Слѣдствіемъ первой мѣры (т. е. того, что дома деревянные). Іедо часто страдаетъ отъ опустошительныхъ пожаровъ, для предотвращенія которыхъ существуютъ пожарныя команды, обязанныя наблюдать денно и нощно за безопасностью города. Къ числу предохранительныхъ мѣръ отъ огня, нельзя не упомянуть объ одной, вызванной страшнымъ событіемъ, причинившимъ жестокій пожаръ въ Іедо, лѣтъ двѣсти тому назадъ. Въ одномъ изъ домовъ на чердакѣ вспыхнуло пламя отъ гнѣздившихся тамъ голубей,—затлѣли, именно, пласты помета (гуано), разогрѣтые лучами солнца. Вслѣдствіе этого, голубей въ Іедо жестоко преслѣдуютъ, и если не истребляютъ бѣдныхъ птицъ, то по крайней мѣрѣ гоняютъ и лишаютъ правъ гражданства. Храмовъ въ Іедо, особенно замѣчательныхъ, нѣтъ; столица Японіи славится единственно своими мостами, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ *Нифонъ-Басъ*, длиною въ 240 футовъ, построенный изъ кедроваго дерева и украшенный рѣзными перилами съ бронзовыми украшеніями. Дворецъ императора до того огроменъ, что составляетъ самъ по себѣ цѣлый городокъ (кремль), обнесенный камен-

ными стѣнами и рвами, чрезъ которые перекинуты подъомные мосты. Окружность дворца пять квадратныхъ верстъ, а всего города — двадцать одна квадратная верста. Главнымъ украшеніемъ дворцу служитъ четырехугольная башня, съ кровлями, украшенными золочеными драконами; стѣны дворца, какъ наружныя, такъ и внутреннія, сложены изъ кедроваго, камфорнаго и другихъ драгоцѣнныхъ деревьевъ. Главная зала, называемая *сен-сіо-сики* (зала ста циновокъ) имѣетъ 85 саженъ 5 футовъ длины и 42 сажени и 1 футъ ширины. Для полноты нашего очерка скажемъ, что гавань въ Іедо до того мелководна, что корабли принуждены становиться на якорь за семь верстъ отъ города, куда перегруженные съ кораблей товары доставляются на каботажныхъ судахъ, состоящихъ изъ плоскодонныхъ барокъ въ родѣ нашихъ тихвинокъ.

Міако, вторая резиденція (*Кіо*), прежняя столица и по нынѣ священнѣйшій городъ въ Японіи, лежитъ въ 230 верстахъ на сѣверо-западъ отъ Іедо на обширной равнинѣ. Городъ этотъ центръ мануфактурной дѣятельности и единственный, въ которомъ чеканятъ монету: здѣсь же дворъ духовнаго государя даири, при которомъ состоитъ до 52,000 жрецовъ разныхъ степеней. Дворецъ его недоступенъ иностранцамъ, а потому о немъ допынѣ нѣтъ никакихъ точныхъ свѣдѣній, кромѣ одного только, что во дворцѣ находится типографія, въ которой печатаются альманахи, календари и всѣ книги духовнаго содержанія. Жителей здѣсь до 500,000; дворцовъ — кромѣ императорскаго (*Кіа-митцъ*) — 130; большихъ храмовъ 3,900, служащихъ при нихъ 38,000; всѣхъ же храмовъ съ часовнями насчитываютъ до 6,000. Особенный отпечатокъ декоративной, языческой святости лежитъ на всемъ городѣ и его зданіяхъ: послѣднія, почти всѣ снаружи и внутри украшены лѣпными, рѣзными и живописными изображеніями идоловъ, особенно же богоохранителя отъ оспы *Годфу-тен-оо*, въ видѣ человѣка косматаго, покрытаго шерстью, съ бычачьей головой и мечемъ въ рукахъ. Это чудовище замѣчается надъ воротами домовъ, надъ дверьми и окнами. Кромѣ своей спеціальности избавлять отъ оспы, Годфу-тен-оо предохраняетъ дома и всѣхъ живущихъ въ нихъ отъ злыхъ духовъ... Въ послѣднемъ случаѣ съ

нимъ конкурируютъ впрочемъ вѣтви священныхъ деревьевъ, вывѣшиваемыхъ надъ дверьми.

Городскіе и пригородные храмы расположены, по обыкновенію, на холмахъ и возвышенностяхъ, окружены прекрасными рощами и садами, и соперничаютъ другъ съ другомъ въ богатствѣ и великолѣпіи. Находящаяся близъ Міако гора *Кіойя* пользуется правами неприкосновеннаго прибѣжища для преступниковъ. Послѣдніе однако же рѣдко прибѣгаютъ подъ ея защиту, предпочитая для своего убѣжища мѣста, хотя и не привелигированныя, но болѣе безопасныя.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Храмъ Чу-га-нинъ. — Фо-кози. — Колоссальный идолъ Будды. — Огромный колоколъ. — Храмъ Курумадо и священный фонарь. — Кощунство европейскихъ народовъ. — Храмъ Гибонъ. — Кіомидса. — Родникъ Отевонтаки. — Храмъ Квановонъ. — 33,333 идола. — Дѣтскій праздникъ въ храмѣ цвѣтовъ. — Церемоніалъ шествія тайкуна. — Его дары микадо.

Первымъ изъ храмовъ, по богатству и красотѣ, признаютъ храмъ императорскій *Чу-га-нинъ* или, правильнѣе, монастырь, заключающій въ своей оградѣ 28 большихъ храмовъ. При каждомъ изъ нихъ сады съ прекраснѣйшими цвѣтниками и алеями, обсаженными душистыми кустарниками.

Храмъ *Фо-кози* изъ бѣлаго мрамора, внутри украшенный 96 колонами изъ кедроваго и орлинаго дерева — славится колосальной статуей Будды (*Даи-бутса*), изображеннаго сидящимъ въ чашечкѣ цвѣтка лотуса съ поджатыми ногами. Высота колосса, по исчисленіямъ *Клапрота*, 81 футъ, изъ которыхъ 71½ принадлежитъ собственно статуѣ, а 9½ — цвѣтку, служащему ей пьедесталомъ. До землетрясенія 1662 года идолъ этотъ былъ изъ зо-

лоченой бронзы, послѣ того его замѣнили такой же величины деревяннымъ вызолоченымъ. Къ этому же храму принадлежитъ огромный колоколъ (*гумъ*) въ 16 футовъ высоты и 2,040,000 фунтовъ (51,000 пудовъ) вѣсомъ. Кемпферъ, видѣвшій и колоссъ Будды, и это диво японскаго литейнаго искуства, говоритъ, что колоколъ больше нашего московскаго, но очень дурно отлитъ; окружность его (по измѣреніямъ Кемпфера) 14 сажень, высота 8 сажень съ нѣсколькими дюймами, толщина $1^1/_2$ аршина. Что же касается до знаменитаго колосса Будды (тогда еще бронзоваго)— онъ изображалъ мужчину съ курчавой головой, большими ушами и черными **круглымъ пятномъ** на лбу, въ родѣ тѣхъ мушекъ, которыя налѣпляли себѣ на лицо европейскія модницы XVII столѣтія [1]. Плечи идола были обнажены, но грудь и часть живота покрыты черной суконной тогой, правая рука поднята, лѣвая сложена на животѣ. По обѣимъ сторонамъ большаго цвѣтка, еще два, поменьше, а за плечами идола, цѣлый кустъ, покрытый цвѣтами и въ чашечкѣ каждаго сидитъ по маленькому идолу.

Другой храмъ Будды—*Курумадо*, также съ идоломъ Амиды, славится хранящимся въ немъ, священнымъ шестиугольнымъ фонаремъ, обтянутымъ шелковой тканью, въ который, какъ гласитъ преданіе, спрятана божественная *книга мудрости*, видимая только очамъ праведныхъ людей. Этимъ фонаремъ гадаютъ для розысканія воровъ и убійцъ: фонарю задаютъ вопросъ и потомъ давъ ему вращательное движеніе, объясняютъ себѣ отвѣтъ по числу оборотовъ. Подобнаго рода гаданье, но не фонаремъ, а рѣшетомъ или ситомъ, было извѣстно древнимъ грекамъ и римлянамъ; отъ нихъ перешло и къ христіанамъ-европейцамъ, которые, не довольствуясь рѣшетомъ—гадали въ минувшіе вѣка (въ иныхъ земляхъ и по сей часъ гадаютъ) псалтирью или другой какой-либо книгою ветхаго завѣта, въ которую вкладывали ключъ, перевязавъ книгу крѣпко на крѣпко веревкою.... Который разъ,

[1] Лобный знакъ индусскихъ отшельниковъ. Японцы, копируя идоловъ съ чужихъ образцовъ, рабски слѣдовали оригиналамъ, не утруждая бы объясненіемъ всѣхъ атрибутовъ своихъ идоловъ.

впродолженіе нашего труда, приходится намъ, съ грустью въ сердцѣ, противупоставлять суевѣріе языческое суевѣрію народовъ просвѣщенныхъ свѣтомъ ученія христіанскаго—и сколько разъ прійдется еще дѣлать это грустное сопоставленіе!

Храмъ цвѣтовъ—*Гиббонъ*, окруженный 40 часовнями, одна другой ниже, издали имѣетъ видъ громадной пирамиды. Расположеніе идоловъ во внутренности его тоже самое: отъ главнаго, въ натуральный ростъ человѣка, на обѣ стороны идутъ другіе идолы поменьше, *горкою*, да кромѣ того, вокругъ главнаго, группируются еще малые идолы въ томъ порядкѣ, какъ разставляются кегли.

Въ концѣ улицы *Сіивонъ-я-сакки* (улица нищихъ и домовъ терпимости) возвышается храмъ *Кіомидса* съ семиэтажной колокольней. Тутъ же, на вершинѣ горы, на которую ведетъ лѣстница въ 85 ступенекъ—находится родникъ *Отевентаки*— святой ключъ, обладающій чудеснымъ свойствомъ дѣлать глупцовъ умными, а опрометчивыхъ—остроумными. Сочинители этого чудеснаго сказанія, думается намъ, не пили воды изъ этого удивительнаго источника, либо она не имѣла на нихъ своей дивной силы.

Въ храмѣ *Кванвонъ* у главнаго идола, сидящаго на алтарѣ, 46 рукъ; онъ окруженъ шестнадцатью черными двадцатирукими идолами, да по обѣимъ сторонамъ, въ два ряда, тянутся еще двадцатирукіе же золоченые идолы, держащіе въ рукахъ цвѣты, гирлянды, музыкальные инструменты и пастушескіе посохи. На головѣ главнаго идола надѣтъ золоченый вѣнецъ изъ остроконечныхъ лучей, на шеѣ ожерелье въ три нити. По сторонамъ алтаря разставлены еще идолы въ ростъ человѣческій, въ двѣнадцать рядовъ съ интервалами и такъ, что стоящіе въ переднихъ рядахъ не загораживаютъ стоящихъ въ заднихъ шеренгахъ. Всѣхъ идоловъ въ этомъ храмѣ 33,333 штуки, а потому и храмъ называется *Сан-ман-сан-синъ:* храмомъ тридцати трехъ тысячъ 333 боговъ. Нѣкоторые японцы по усердію къ этому огромному числу идоловъ прибавляютъ еще триста тысячъ... чтобы еще прикинуть три миліона! На словахъ оно не трудно, а между тѣмъ не мало способствовало бы громкой молвѣ о чудесномъ храмѣ,

напоминающемъ христіанамъ-очевидцамъ огромную игрушечную лавку.

Верстахъ въ двухъ отъ Кванвона находится еще храмъ цвѣтовъ (*Гиббонз*), въ которомъ, при осмотрѣ его Кемпферомъ, былъ праздникъ. Дѣти обоего пола въ бѣлыхъ и пестрыхъ мантіяхъ осыпали алтарь цвѣтами, съ криками *Яссаи! іессайя!* Изъ всѣхъ японскихъ праздниковъ — праздники весны и дѣтей едва ли не единственные, въ которыхъ есть мысль, есть нѣкоторая частица поэзіи.... Дѣти и цвѣты, одни съ другими имѣютъ такъ много сходства: дѣти — живые цвѣты весны жизни человѣческой, а цвѣты въ свою очередь — дѣти весны климатической!...

Въ первый день новаго года, тайкунъ является къ даири съ поздравленіемъ и дарами. Между ними непремѣнно долженъ находиться бѣлый журавль съ черной головой, пойманный на соколиной охотѣ и непремѣнно собственнымъ соколомъ тайкуна. Независимо отъ этого ежегоднаго визита, тайкунъ является къ даири въ Міако на поклонъ каждые пять лѣтъ. Приготовленія къ этому торжеству дѣлаются, по крайней мѣрѣ, за восемь мѣсяцевъ и вотъ что объ этомъ разсказываетъ *Монтанусъ* (¹), у котораго заимствуемъ слѣдующія любопытныя подробности:

Мостовая улицъ Міако, въ день прибытія тайкуна, нарочно усыпанная свѣжимъ бѣлымъ пескомъ, блеститъ какъ серебряная. Кортежъ приближается къ городу съ первыми лучами восходящаго солнца и состоитъ кромѣ конныхъ и пѣшихъ спутниковъ тайкуна, его оруженосцевъ, рабовъ, женъ, знаменщиковъ, — изъ цѣлаго каравана лакированныхъ ящиковъ, биткомъ набитыхъ драгоцѣнными подарками. За авангардомъ слѣдуютъ три рыдвана — совершенство роскоши и изящества, цѣною свыше 100,000 руб. сер. каждый: кузовы ихъ украшены рѣзьбою и позолотой, ободья колесъ красные, спицы ярко вызолочены. Въ эти рыдваны, въ которыхъ ѣдутъ жены тайкуна, впряжены черные волы въ красныхъ шелковыхъ попонахъ; за рыдванами несутъ на носилкахъ другихъ, второстепенныхъ женъ и наложницъ — наконецъ является экипажъ самого тайкуна, экипажъ, который по красотѣ и богатству — внѣ всякаго описанія. Его окружаютъ одѣтые въ шелки и золото всадники, на статныхъ коняхъ, а все шествіе замыкаютъ стройные ряды войскъ пѣшихъ и конныхъ.

(¹) Итальянскій мисіонеръ, бывшій въ Японіи во второй половинѣ XVI вѣка.

Тайкунъ пребываетъ во дворцѣ микадо цѣлую недѣлю, въ теченіе которой между ними идутъ совѣщанія о государственныхъ дѣлахъ; по окончаніи совѣщаній новая церемонія обмѣна подарковъ. Въ бытность Монтануса въ Міако, подарки тайкуна даири состояли изъ трехъ тысячъ серебряныхъ слитковъ, двухъ сабель съ ножнами кованнаго золота, двухъ сотъ облаченій изъ шелковой матеріи съ разводами, трехъ сотъ кусковъ шелковой ткани, двѣнадцати миліаровъ (т. е. 12,000 фунтовъ) шелка сырца, пяти огромныхъ серебряныхъ сосудовъ, наполненныхъ мускусомъ и десяти великолѣпныхъ коней съ златотканными чепраками.

Если путешественникъ даже и преувеличилъ въ своемъ разсказѣ всѣ эти сокровища вдвое, то нельзя не сознаться, что и половина этихъ подарковъ весьма щедрая благостыня свѣтскаго властителя Японіи главѣ ея духовенства.

Свѣденій объ остальныхъ городахъ и храмахъ Японіи — говоря оффиціальнымъ слогомъ — „не имѣется." Нѣтъ сомнѣнія, что въ наше время, когда эта имперія съ каждымъ днемъ становится доступнѣе европейцамъ, мы ознакомимся еще болѣе съ этой страной и будемъ имѣть возможность сличить сказанія старинныхъ туристовъ (нерѣдко и преувеличенныя) съ правдивыми разсказами новѣйшихъ путешественниковъ. Во всякомъ случаѣ, на основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ повѣствованій европейскихъ мисіонеровъ *Кемпфера, Монтануса* и др. можно безъ особенной погрѣшности противъ правды заключить — что въ триста лѣтъ знакомства Европы съ Японіею, послѣдняя немногимъ чѣмъ заимствовалась у просвѣщенной пріятельницы и, не смотря на многія преобразованія въ своемъ правленіи, нравахъ и обычаяхъ, еще многіе десятки лѣтъ будетъ находиться въ состояніи нравственнаго застоя, изображая собой *карикатуру* Китая. Лютыя выходки, которыми на вѣки обезславили себя японскіе императоры XVI, XVII и XVIII столѣтій, легко могутъ повториться и въ

наше время... порукою въ томъ служатъ намъ случаи казней и изгнаній христіанъ, занесенные въ лѣтописи текущаго столѣтія.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Островъ Матцмай или Іезо.—Его положеніе.—Природныя богатства.—Городъ Матцмай.—Племя Аиносовъ.—Нравы и обычаи.—Религіозныя понятія.—Мастерства и промыслы.

Для полноты нашего очерка Японіи, не можемъ не упомянуть объ островѣ Матцмай, данникѣ имперіи. Имя его ***Іезо, Іессо*** или ***Мо-зинъ*** означаетъ: островъ мохнатыхъ. Первыя правдивыя свѣденія о немъ даны были голландскимъ туристомъ ***Вріэсомъ*** или ***Урайэсомъ***. ***Іезо*** самый сѣверный изъ четырехъ главныхъ острововъ въ Японіи лежитъ между 41° 25′ и 45° 51 сѣверной широты и между 137° 4′ и 144° 30′ восточной долготы. Границы его: Японское море съ З., Ла-Перузовъ проливъ, отдѣляющій Іезо отъ Сахалина съ С., Охотское море съ С. В., Охотскій проливъ съ В., Сѣверный океанъ и проливъ Сагоръ съ Юга. Островъ этотъ весьма неправильнаго очертанія, окаймлевъ со всѣхъ сторонъ множествомъ мысовъ и заливовъ; очень гористъ и богатъ хвойными лѣсами; прибережія изобилуютъ тростниками и камышомъ исполинской высоты; почва тощая и скупая: ячмень, просо, горохъ, бобы суть единственныя жита и овощи, на ней произрастающіе. Изъ звѣрей водятся въ изобиліи олени и медвѣди. Послѣднихъ жительницы острова, отнявъ у матокъ, вскармливаютъ своимъ молокомъ, а выростивъ убиваютъ для употребленія въ пищу... Убіеніе медвѣдя сопровождается обрядомъ: вся семья дикарей плачетъ и воетъ, жалѣя медвѣдя. Кромѣ упомянутыхъ звѣрей на поморьяхъ водится множество выдръ, моржей и тюленей; киты загоняютъ въ бухты и заливы несмѣтное количество сардинокъ; семга и лососина водятся также въ изобиліи. Всѣ эти рыбы

и звѣри вмѣстѣ съ водорослями, особенно сахаристыми (Fucus saccharinus L), составляютъ единственную пищу островитянъ. Какъ бы въ вознагражденіе за бѣдность почвы, горы богаты золотомъ, серебромъ и свинцомъ. Климатъ, вопреки географическому положенію острова, чрезвычайно суровъ; зима продолжается съ ноября по апрѣль мѣсяцъ и средняя цифра холода—15° ниже нуля. Лѣтомъ свирѣпствуютъ вѣтры, бываютъ частые дожди.

Матцмай или ***городъ пролива*** находится на южной оконечности острова. Собственно говоря — это крѣпость, построенная японцами въ половинѣ прошедшаго столѣтія —во время завоеванія Курильскихъ острововъ нашими удалыми мореходами. Домы Матцмая -мазанки, крытыя черепицею; есть однакоже нѣсколько храмовъ и театръ; жителей до 50,000. Гавань оживлена множествомъ японскихъ и европейскихъ кораблей. Островомъ Іезо, южной частью Сахалина и южными Курильскими островами управляетъ японскій губернаторъ. Туземцы признаютъ себя подданными даири, однако-же не платятъ податей.

Жители, именующіе себя ***Аиносами***, красивѣе и статнѣе японцевъ и отличаются кромѣ того отъ послѣднихъ густыми, косматыми волосами и бородами (за что и заслужили прозвище косматыхъ). Какъ мужчины, такъ и женщины безобразятъ себя лица татуировкой, изображающей цвѣты и звѣрей; и мужчины и женщины носятъ серьги; богатые одѣваются въ шелки, бѣдные въ одежды изъ ткани, выдѣланной изъ волоконъ ивовыхъ листьевъ.

При жалкихъ климатическихъ условіяхъ страны, изолированной отъ другихъ сколько нибудь цивилизованныхъ странъ, можно-ли ждать отъ бѣдныхъ ея обитателей мягкости нравовъ, или какихъ нибудь признаковъ гражданственности, образованія? Обычаи ихъ предковъ сложились для нихъ въ законы и почти всѣ запечатлѣны грубостью и звѣрскимъ варварствомъ. Прелюбодѣяніе, напримѣръ, наказывается смертью. Виновныхъ кладутъ на землю, придерживая за руки и за ноги, палачъ, отступивъ шаговъ на десять, разбѣгается и раздробляетъ имъ черепы тяжелой палицей. Въ иныхъ округахъ наказаніе ограничивается бритьемъ волосъ на головѣ и на тѣлѣ женщины и штрафомъ, уплачиваемымъ соблазнителемъ мужу или родственникамъ обольщенной. Ес-

ли же женщина сама вовлекла мужчину въ проступокъ и въ знакъ своего расположенія отдала ему свои серьги — этому мужчинѣ стоитъ только показать ихъ судьямъ, чтобы избавиться отъ всякаго наказанія. Многоженство во всеобщемъ обыкновеніи, безъ всякаго вниманія къ кровному родству: братъ женится на сестрѣ, пасынокъ на вдовой мачихѣ. Женъ, смотря по состоянію, бываетъ у аиноса отъ четырехъ до восьми; жены между собою живутъ въ добромъ согласіи, но если супругу угодно взять себѣ еще наложницу—онъ обязанъ дать ей помѣщеніе особо отъ женъ, въ отдѣльной хижинѣ. Беременную женщину также помѣщаютъ отдѣльно отъ прочихъ и мужъ или кто изъ родныхъ мужескаго пола можетъ навѣстить ее не ранѣе трехъ недѣль по разрѣшеніи оя отъ бремени. Причины этого правила не столько благопристойность, сколько особенность устройства жилищъ аиносовъ. Новорожденныя дѣти, бѣлыя тѣломъ, смуглѣютъ по мѣрѣ того, какъ входятъ въ возрастъ. До двѣнадцати лѣтъ они ходятъ совершенно нагіе; однако-же, по чувству врожденной стыдливости, при встрѣчѣ съ постороннимъ присѣдаютъ на корточки, прикрываясь руками. Матери носятъ грудныхъ дѣтей за плечами. Съ десяти лѣтъ мальчиковъ и дѣвочекъ учатъ нырять и плавать, прыгать чрезъ веревку и разнымъ другимъ гимнастическимъ упражненіямъ, такъ часто примѣнимымъ къ быту звѣролововъ-дикарей. Вслѣдствіе этого всѣ аиносы отличные пловцы, славятся ловкостью и быстротою бѣга: по разсказамъ очевидцевъ аиносъ можетъ догнать опрометью несущагося оленя. Въ случаѣ смерти аиноса, его родные выражаютъ свое сожалѣніе кулачными боями, при которыхъ нерѣдко наносятъ другъ другу серьезныя увѣчья. Однако же вообще терпѣливые къ перенесенію боли, они залечиваютъ свои раны купаньемъ въ соленой водѣ. Къ усопшимъ питаютъ глубокое уваженіе; въ годовщину смерти посѣщаютъ могилы родныхъ. Вдова должна удалиться въ горы и во все продолженіе траура, родственники показываются въ народъ не иначе, какъ съ покрытыми головами.

Понятія аиносовъ о божествѣ ограничиваются единственно сознаніемъ (врожденнымъ человѣку), что есть верховное существо—строитель міра и вседержитель видимаго и невидимаго. Они изо-

бражаютъ его себѣ въ лицѣ японскаго идола *Камаи*, которому поклоняются, совершая возліянія и зажигая огни въ его честь. Затѣмъ у аиносовъ нѣтъ ни жрецовъ, ни обрядовъ, ни священныхъ книгъ. Въ недостаткѣ заботливости японскаго правительства о просвѣщеніи этихъ дикарей—залогъ будущаго ихъ образованія и истиннаго просвѣщенія, свѣтъ котораго прольется на нихъ вмѣстѣ съ познаніемъ закона Христова. Просвѣтительницею печальнаго дикаго края суждено быть, конечно, не Японіи, и не Китаю, и не Индіи—а Россіи, по праву ближайшаго сосѣдства. Въ послѣдующихъ частяхъ нашего труда, читатели, сличая дѣйствія миссіонеровъ европейскихъ съ дѣйствіями нашихъ русскихъ проповѣдниковъ Евангелія, убѣдятся на основаніи правдивыхъ фактовъ во многихъ преимуществахъ послѣднихъ надъ первыми. Сфера дѣятельности русскихъ миссіонеровъ гораздо ограниченнѣе и, при всемъ томъ, дѣйствія ихъ, проникнутыя истинно христіанской кротостью и терпѣніемъ, давали всегда счастливѣйшіе результаты. Православная пропаганда безкорыстнѣе римско-католической: она старается пріумножить паству Христову—*братьями*, а не *рабами*; она обращаетъ язычниковъ непосредственно ко Христу, а не къ его самозванному намѣстнику, въ лицѣ римскаго первосвященника!

Скажемъ въ заключеніе о состояніи промысловъ разнаго рода у аиносовъ. Мастерства у нихъ въ младенческомъ состояніи и ограничиваются выдѣлкою звѣриныхъ кожъ, плетеніемъ сѣтей и изготовленіемъ оружія патріархальнаго: копьей, луковъ, стрѣлъ и мечей—впрочемъ отличной закалки. Стрѣлы аиносовъ для сраженія бываютъ отравленныя; какъ ни бѣдна почва, какъ ни ограничены умственныя способности у островитянъ—первая однако же снабжаетъ ядовитыми произрастеньями, а вторые—умѣютъ извлекать изъ нихъ зелья на пагубу ближнему. Дома аиносовъ состоятъ изъ четырехъ бревенъ, стоймя врытыхъ въ землю и прикрытыхъ навѣсомъ изъ древесной коры, пространство между бревнами обшито досками. Средину хижины занимаетъ печь, по бокамъ которой въ потолкѣ сдѣланы отдушины для пропуска свѣта и воздуха и для выпуска дыма. Высота хижины не болѣе $1\frac{1}{2}$ сажени; прорубленная дверь до того низка, что для входа нужно

сгибаться въ три погибели. Не смотря однако-жъ на свою тѣсноту, жилища айносовъ и ихъ убогая домашняя утварь отличаются опрятностью; полъ хижины (т. е. крѣпко утамбованная земля) покрытъ цыновками изъ тростнику и водорослей, искусно сплетенными руками айносовъ.

Пища островитянъ скудная. Китовый жиръ—неизбѣжная приправа рису (доставляемаго изъ Японіи), рыбы, мяса, корней и зелени. Посуда глиняная, весьма порядочной работы, покрытая поливой; вмѣсто ножей и вилокъ, айносы, по примѣру китайцевъ и японцевъ, употребляютъ деревянныя палочки. Въ торговыхъ сношеніяхъ айносовъ замѣтна странная особенность: Товары свои—тюленьи, моржовыя, оленьи и медвѣжьи шкуры—они съ лодокъ своихъ свозятъ на одинъ изъ сосѣднихъ Курильскихъ острововъ и возвращаются въ море. Курильцы, осмотрѣвъ товары, берутъ ихъ, положивъ на ихъ мѣсто свои издѣлія, идущія въ обмѣнъ—и удаляются. Возвратившіеся айносы берутъ эти издѣлія на свои лодки и ѣдутъ домой. Въ этихъ нѣмыхъ торгахъ—самая красноречивая атестація высокой честности дикарей: не бываетъ ни споровъ, ни раздоровъ, по той причинѣ, что дикари не вѣдаютъ что такое плутня... Не худо-бы нѣкоторымъ изъ нашихъ кяхтинскихъ торговцевъ, при ихъ сношеніяхъ съ китайцами, подражать иногда курильцамъ да айносамъ—этимъ бѣднымъ пасынкамъ природы... тогда, можетъ быть нанка и шубы, на которыя китайцы вымѣниваютъ нашимъ свои чаи, были-бы лучшаго качества, не продавались бы въ Китаѣ дешевле, нежели въ Кяхтѣ—а самое главное - тогда порѣже попадались-бы и оловянные цѣлковые вмѣсто серебряныхъ, при уплатѣ иными нашими комерсантами китайцамъ—***чистыми*** деньгами за привозимый ими чай. Это мы говоримъ не въ обиду, а такъ, къ слову... Бывали примѣры!

Айносы вообще, отличные звѣроловы и рыбаки, такъ какъ звѣриный и рыбный промыслы, существеннѣйшее подспорье въ ихъ убогомъ быту. Лодки, употребляемыя на ловлѣ, дѣлаются безъ гвоздей и металическихъ скрѣпъ, а сшиты изъ коры дерева, называемаго ***кокса.*** По возвращеніи съ промысла, айносы распиваютъ ихъ для удобнѣйшей просушки досокъ. Управляются эти

лодки однимъ весломъ и не смотря на то чрезвычайно быстры и легки на ходу.

Вообще, островъ Іезо—эта окраина Азіи—любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ физическомъ, такъ и моральномъ. Естественныя богатства ждутъ руки цивилизованной промышленности; богатыя способности жителей ожидаютъ свѣта правды и науки!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Древняя связь материка Сибири съ островами курильскими и японскими.—Камчатка.—Понятія о душѣ и будущей жизни. — Главнѣйшія божества.—Религіозныя объясненія естественныхъ явленій.—Духи.—Домашніе боги.—Самоубійство.—Древніе законы.—Камчатскій календарь.—Шаманы.—Бѣсы.—Неразвитость.

Внимательно разсматривая карту сѣверо-восточныхъ прибережьевъ Азіи и принимая въ соображеніе геологическое строеніе полуострова Камчатки, гряды острововъ курильскихъ и острововъ образующихъ японскую имперію, не трудно заключить, что въ глубочайшей древности, всѣ эти острова, вмѣстѣ съ Камчаткою, составляли одно неразрывное цѣлое въ видѣ длинной косы, примыкавшей къ материку Восточной Сибири. Изъ этой косы, вслѣдствіе волканическихъ переворотовъ, образовалась теперешняя цѣпь острововъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга множествомъ проливовъ.

Вслѣдствіе физической связи этихъ странъ, должна была, разумѣется, существовать и нравственная связь между ихъ обитателями. Подъ именемъ этой нравственной связи мы подразумѣваемъ единство религіи и языка. Камчадалы, курильцы и японцы, въ древности, составляли безъ сомнѣнія одинъ народъ, изъ котораго вслѣдствіе разъединенія страны и ея раздробленія на острова, въ теченіе вѣковъ образовалось три племени, нынѣ хотя отлича-

ющіяся другъ отъ друга и наружностью и умственнымъ развитіемъ, но еще сохраняющія въ религіи, правахъ, обычаяхъ и даже языкѣ, слѣды древняго единства. Японцы, сравнительно, образованы, курильцы по умственному развитію и мягкости нравовъ занимаютъ мѣсто среднее между японцами и ихъ одичалыми собратьями камчадалами, образуя, такъ сказать, полутѣнь между свѣтомъ и тьмою.

Камчатка, съ первыхъ годовъ XVIII столѣтія, вмѣстѣ съ курильскими островами, присоединена къ Россіи; съ 1741 года начато тамъ проповѣданіе святаго Евангелія и нынѣ, почти всѣ жители полуострова—христіане. Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ и полудикая Камчатка, по образованію своихъ жителей, будетъ въ состояніи занять мѣсто, на ряду съ любой изъ великороссійскихъ губерній, о язычествѣ же, и въ наше время, сохраняются лишь смутныя преданія. Русскій путешественникъ, професоръ Академіи наукъ ***Степанъ Крашенинниковъ***, посѣтившій этотъ угрюмый край въ первые годы царствованіи императрицы Елисаветы Петровны, сохранилъ для потомства всѣ собранныя имъ на мѣстѣ свѣденія о религіи, языкѣ, нравахъ и обычаяхъ тогдашнихъ камчадаловъ, еще язычниковъ, сохранявшихъ преданія праотцевъ о первобытной вѣрѣ. Сличая эти преданія съ догматами религій, исповѣдуемыхъ въ Японіи — нельзя не замѣтить, что они большею частью заимствованы отъ послѣднихъ съ нѣкоторыми перeиначеніями, вызванными большею частью мѣстными условіями. Вотъ, по разсказамъ Крашенинникова, главныя основанія религіи камчадаловъ. Предоставляемъ читателю самому найдти, въ какихъ именно пунктахъ сходятся они съ *буддизмомъ* и закономъ *синто.*

Счастіе и горе зависятъ отъ самого человѣка. Видимый міръ вѣченъ, душа безсмертна; она воскреснетъ вмѣстѣ съ новымъ тѣломъ и будетъ жить вѣчно, для радости и довольства. Вмѣстѣ съ человѣкомъ воскреснутъ и звѣри; не только звѣри, но и малѣйшія насѣкомыя. Рай или обитель блаженства находится подъ нашей землей; наша земля изнанка райской области, въ которой все представляетъ совершенную противоположность землѣ: когда у насъ ночь—тамъ день; огда у насъ зима—тамъ лѣто. Въ

райской области богачи будутъ бѣдняками, а бѣдняки—богачами, голодные сытыми, печальные веселыми. Эти превращенія совершаются по приговору ***Гаэча***—хозяина усопшихъ душъ. Живому можно дѣлать все что ему ни заблагоразсудится; богъ далъ ему право пользоваться всѣми благами жизни. Человѣкъ не долженъ только идти наперекоръ волѣ Божіей: такъ если, напримѣръ, онъ видитъ другаго человѣка тонущимъ, онъ спасать его не долженъ; увязшему или провалившемуся въ снѣгъ также не долженъ помогать—такъ какъ, въ обоихъ случаяхъ, нарушаетъ то, что богомъ предназначено.

Таковы понятія камчадаловъ о будущей жизни и обязанностяхъ человѣка. Преданія ихъ праотцевъ о богѣ и мірозданіи не менѣе странны.

Всѣмъ міромъ (говорили они русскому путешественнику) управляетъ одинъ главный богъ ***Дустехтичъ.*** Мы представляемъ его себѣ въ видѣ столба, который ставимъ гдѣ нибудь на полянѣ или у пролѣска и приносимъ ему въ жертву часть рыбы и звѣря, добытыхъ на ловлѣ. Звѣрей же или птицъ бить около столба не слѣдуетъ, потому что мѣсто святое и всякій звѣрь и всякая птица, на этомъ мѣстѣ встрѣчающіеся, находятся подъ покровительствомъ Дустехтича. Онъ создалъ бога ***Кутху*** и жену его ***Илькхумъ.*** Она родила, еще бывши на небѣ, сына ***Сымскалина***, изъ котораго Кутха сотворилъ землю, т. е. Камчатку. Другіе говорятъ будто Кутха съ сестрой своей ***Хутлыжичь*** создалъ землю, а богъ ***Утлейчынъ***—море. Камчатку Кутха перенесъ на море и самъ въ ней поселился. Здѣсь у него родился еще сынъ ***Тыжиль-Кухту*** и дочь ***Сидуку***, которые, войдя въ возрастъ, сочетались бракомъ. У нихъ родились еще сынъ и дочь и тоже женились и были родоначальниками ***Ительменя***, т. е. народа камчадальскаго. Эти первые люди одѣвались въ древесную листву, питались кореньями и были счастливы. Вообще вѣкъ, въ который Камчаткой управляли боги—былъ самымъ счастливымъ... Послѣ того все стало хуже и хуже: люди злѣе, земля скупѣе, климатъ суровѣе. Тыжиль-Кухту жилъ долго и на его глазахъ выросло большое потомство, происшедшее отъ его внуковъ. Онъ научилъ камчадаловъ плести сѣти изъ волоконъ

крапивы, строить лодки и заниматься скотоводствомъ. Покровителемъ домашняго скота, т. е. собакъ и оленей былъ богъ *Пилячучь*; крошечный ростомъ, разъѣзжавшій лѣтомъ верхомъ на куропаткѣ, а зимой въ санкахъ, запряженныхъ этими птицами. Пилячучь богъ добрый. Находка на снѣгу его слѣдовъ - вѣрный знакъ счастья и удачи. *Слѣдами Пилячуча* камчадалы называли струйчатыя полосы на снѣгу, остающіяся на немъ послѣ мятели. Пилячучь, кромѣ того, завѣдуетъ дождями, громами и молніями; радуга ничто иное какъ цвѣтная обшивка его рубахи. Вѣтрами завѣдуютъ дѣти перваго Кутхы, который съ земли ушелъ на небо; жена его, дважды въ сутки глядитъ на землю, она румяная, красивая (такъ камчадалы объясняли себѣ зори— утреннюю и вечернюю).

Подъ землей живетъ богъ *Туимъ*, постоянно разъѣзжающій по своимъ областямъ на санкахъ, запряженныхъ огромными собаками. Съ чего берутся землетрясенія? Собаки Туима снѣгъ отряхаютъ. Морской богъ и царь всѣхъ рыбъ—*Митгъ*. Онъ изъ моря посылаетъ рыбъ въ рѣки и заливы, но только не на ловлю людямъ, а себѣ за дровами. Кромѣ главныхъ боговъ есть еще множество духовъ или бѣсовъ—*Камули* (японскіе *Ками*). Водятся они въ лѣсахъ и на горахъ, особенно огнедышащихъ. Лѣсные духи *Ушахчу* видомъ похожи на людей и бываютъ обоего пола. Жены ихъ носятъ дѣтенышей за плечами. Эти дѣтеныши капризные, плаксивые. Звѣроловамъ часто приходится слышать ихъ стоны и вопли (вой вѣтра въ лѣсной чащѣ, либо крики зайцевъ и птицъ). Горные духи *Камули* гнѣздятся въ самыхъ нѣдрахъ огнедышащихъ горъ. По ночамъ они ловятъ рыбу въ рѣкахъ и, возвратясь домой, варятъ ее, пекутъ и жарятъ: во время этой стряпни и вылетаютъ изъ горы клубы дыму и пламени.

Въ каждой юртѣ у камчадаловъ-язычниковъ бывало нѣчто въ родѣ пенатовъ—два идола: *Хантай*, человѣческая фигура съ рыбьимъ хвостомъ и *Ажушакъ*—столбикъ съ закругленной верхушкой. Перваго, какъ хранителя огня, становятъ близъ очага; втораго, покровителя хозяйства и защитника отъ злыхъ духовъ— около домашней посуды. Идола Хантая ежегодно въ *праздникъ очищенія* замѣняли новымъ, но стараго не бросали, а только становили поодаль. По числу старыхъ идоловъ можно было опредѣлять сколько лѣтъ стоитъ юрта. Ажушаку ежедневно подносили рыбу или моржевый жиръ. Это дѣлалось, чтобы задобрить идола и попросить у него удачи на охотѣ или въ какомъ другомъ предпріятіи. Въ случаѣ невниманія къ приносящему, идола бранили нехорошими словами, а иногда и били плетками.

Вообще, по замѣчанію Крашенинникова ропотъ и богохульство были отличительнѣйшими чертами характера камчадаловъ. Другая черта—наклонность къ самоубійству, до того сильная, что въ первые годы окончательнаго подчиненія Камчатки русской державѣ, императрица Елисавета издала особый указъ о принятіи мѣръ къ пресѣченію этой маніи. Во время кровопролитныхъ схватокъ съ русскими промышленниками и казаками, камчадалы, будучи не въ силахъ одолѣть непріятелей, рѣзали своихъ женъ, дѣтей и, въ заключеніе, сами себя убивали. Это называлось у нихъ: *приготовленіемъ постели*. Первые русскіе поселенцы застали въ Камчаткѣ остатки древняго уложенія и слѣды законовъ. За смерть наказывали смертью: за кражу—виноватому обжигали руку, обернувъ ее стружками и берестою. Въ случаѣ бѣгства вора, *шаманы* жгли на угольяхъ баранью жилу. въ твердой увѣренности, что какъ она на огнѣ ежится, крутится и корчится, такъ будетъ мучиться и похититель. Мужъ, оскорбленный пріятелемъ, склонившимъ жену его на нарушеніе вѣрности, выходилъ съ нимъ на поединокъ. Вооружившись дубинами, единоборцы поочередно одѣляли другъ друга ударами, до тѣхъ поръ, покуда одинъ изъ нихъ не лишался возможности продолжать драку. Этимъ же самымъ путемъ разрѣшались и тяжбы, между камчадалами, впрочемъ довольно рѣдкія.

О наукахъ—между камчадалами не было ни малѣйшаго понятія. Астрономическія свѣдѣнія ограничивались знаніемъ трехъ созвѣздій: Большой Медвѣдицы (*Краных.ль*), Плеядъ (*Ижичь*) и Оріона (*Укальтежидъ*). При затмѣніяхъ (*кулечаужичь*) солнца и луны. въ юртахъ зажигали огни, требуя съ громкими криками, чтобы свѣтила избавились отъ черныхъ пятенъ и разливали лучи свои попрежнему. Годъ дѣлили на четыре времени:

угаль, адамаль, кьетхсиль и *коелелю* (весна, лѣто, осень и зима) или только на два, т. е. зиму и лѣто, считая каждое за отдѣльный годъ. Годъ состоялъ изъ десяти мѣсяцевъ (*кулечей*), именуя ихъ согласно атмосферическимъ перемѣнамъ, или соотвѣтствующимъ каждому занятіямъ. Вотъ названіе мѣсяцевъ у сѣверныхъ камчадаловъ: 1) *Чужлингачь*, мѣсяцъ очищенія грѣховъ (ноябрь). 2) *Кукамлилиначь*, топорища раскалываются въ щепы отъ морозу. 3) *Балатутъ*, начало оттепелей. 4) *Кыдымкуначь*, начинаются долгіе дни. 5) *Кахтанъ*, время ставить западни на звѣрей. 6) *Куйше*, время улова красной рыбы, т. е. морской. 7) *Ажаба*, время улова бѣлой рыбы. 8) *Кайко*—время улова рыбы кайки. 9) *Кыжу*, уловъ мелкой бѣлой рыбы—и 10) *Кихтеру*, листопадъ, продолжающійся три мѣсяца съ августа по ноябрь. Четыре главные вѣтра имѣютъ свои особыя названія, изъ которыхъ самое характеристичное дано вѣтру западному. Онъ постоянно нагоняетъ дожди и ненастье, а! потому его величаютъ *бабьимъ* или *плаксивымъ*: Гынгы Есшеихтъ.

Ворожеи обоего пола, т. е. *шаманы* и *шаманки* въ старину пользовались великимъ уваженіемъ. Безъ ихъ соучастія не обходилось ни одного важнаго семейнаго событія; безъ совѣщанія съ ними камчадалъ не осмѣливался ничего предпринимать. Шаманы выдавали себя за заклинателей и повелителей злыхъ духовъ, призывая ихъ воплями: *гушь! гушь!!* и отгоняя словами: *гай! гай!!* Одежда шамановъ и шаманокъ состояла изъ шубы, вывороченной мѣхомъ вверхъ и обвѣшанной камнями, раковинами, желѣзными кольцами и гвоздями. Непремѣнной принадлежностью шамана былъ большой бубенъ, въ который онъ ударялъ, во время ворожбы, съ унылыми криками. Гроза и буря почитались лучшею порою для призыванія духовъ. Младенцевъ, рожденныхъ во время грозы, признавали за неугодныхъ бѣсамъ, которые могутъ изъ-за нихъ вредить и всему семейству. Въ старину, младенцевъ, родившихся въ тяжелые, грозные дни, безъ милосердія убивали;—или же, давъ имъ войдти въ возрастъ, совершали надъ ними обрядъ *умилостивленія бѣсовъ*. Для этого, виновника обряда, совершенно нагаго, заставляли бѣгать вокругъ юрты, держа въ

рукахъ рѣчную раковину и повторяя во время бѣга: „не мучьте меня, не преслѣдуйте громами, не мочите дождемъ. Мочите раковину, живущую въ водѣ, а не меня и не родныхъ моихъ!“

За несоблюденіе котораго нибудь изъ своихъ наставленій, шаманъ заставлялъ провинившагося выточить изъ дерева изображеніе бѣса и повѣсить его гдѣ нибудь на деревѣ. Неисполненіе этого приказанія навлекало на ослушника горе, неудачи и всякія бѣдствія. На рѣчкѣ *Шемечь*, въ минувшемъ столѣтіи, былъ заповѣдный лѣсъ, за порубку котораго бѣсы наказывали людей смертію. На вопросы Крашенинникова, почему лѣсъ этотъ признается святымъ, камчадалы отвѣчали, что въ старину, давно, очень давно, на этомъ мѣстѣ стояли станомъ ихъ прадѣды-воины, обложенные со всѣхъ сторонъ сильнѣйшими непріятелями. Не въ состояніи будучи вступить въ бой и въ то-же время избѣгая позора здачи—камчадалы, всѣ до единаго, перемерли съ голоду и лѣсъ выросъ изъ ихъ костей.

Преданіе, очевидно, тѣсно связанное съ смутнымъ вѣрованіемъ въ переселеніе душъ. Камчадалы были твердо убѣждены, что если деревья выросли изъ праха ихъ предковъ, то и души послѣднихъ должны непремѣнно гнѣздиться въ этихъ деревьяхъ. Такъ, ольху камчадалы признавали жилищемъ бѣса *Конна*, называли проклятымъ деревомъ и, проходя мимо его, пускали въ него стрѣлы. „Такъ дѣлали наши прадѣды!“ говорили они Крашенинникову, но причина ненависти дѣдовъ къ ольхѣ терялась въ сумракѣ вѣковъ и этотъ обычай, въ числѣ многихъ другихъ, можно было назвать неразрѣшимой загадкой, завѣщанной первобытными камчадалами ихъ потомкамъ...

Письмена—вотъ вѣрные и надежные хранители древнихъ преданій; но письменъ у камчадаловъ не было! Бѣдный, одичалый и отупѣлый народъ этотъ не умѣлъ, не только выражать видимыми знаками свою мысль, но онъ не былъ въ состояніи даже считать свыше числа своихъ пальцевъ. Отсчитавъ десятокъ, камчадалъ, разводя руками, говорилъ русскому путешественнику: „не откуда взять!“ т. е. нѣтъ возможности продолжать своего счета. Длину пути камчадалы измѣряли усталостью, высоту, ширину—глазами, вѣсъ — тягостью. Этотъ бѣдный народъ представлялъ собою въ

массѣ ту же грустную картину одичалости, какую представляетъ и отдѣльно взятый человѣкъ, стѣнами одиночнаго заточенія, на нѣсколько десятковъ лѣтъ, разобщенный съ себѣ подобными.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Родины.—Сватовство и женитьба. — Прикосновеніе къ невѣстѣ.—Понятіе о цѣломудріи.—Эпидеміи.—Погребеніе.—Устройство юртъ.—Лодки.—Растительность.—Рыбный и звѣриный промыслы.—Оружіе.—Собаки.

Свѣтъ Христовъ, просвѣтивъ большую часть жителей Камчатки, имѣлъ благотворное вліяніе на ихъ нравы и вмѣстѣ со тьмою язычества разогналъ и странные его обычаи; разогналъ отчасти, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ сохраняются еще и между окрещеными и язычниками камчадалами. Представляемъ читателю обзоръ быта послѣднихъ отъ колыбели до могилы.

Чуждая чувства женской стыдливости, камчадалка, чувствуя приближеніе родовъ, не только не удаляетъ изъ юрты мужчинъ-сродниковъ, но еще призываетъ къ себѣ обоего пола родню, для присутствія при ея разрѣшеніи отъ бремени. Имя новорожденному или новорожденной дается всегда въ память дѣда, бабки или кого нибудь другого изъ восходящей родни мужа. Это, большею частью, имена звѣрей или имена прилагательныя, напр. тихій, добрый, злой, сердитый, ласковый и т. п. До восьми, или до десяти лѣтъ, дѣти ростутъ почти безъ малѣйшаго присмотра; ѣдятъ изъ одной чашки съ собаками, грѣются около нихъ, коптятся въ дыму юрты или коченѣютъ отъ ледянаго сѣвернаго вѣтра. Войдя въ лѣта отрочества—сыновья помогаютъ отцу въ рыбной или звѣриной ловлѣ; дочери раздѣляютъ съ матерью тяжкія, хозяйственныя работы.

Сватовство и женитьба сопряжены съ обычаями, до того неблагопристойными, что намъ нѣсколько затруднительно выражаться

прямо, а потому, въ крайнемъ случаѣ, поведемъ рѣчь стороной, полагаясь на догадливость читателя. Камчадалъ, высмотрѣвъ себѣ невѣсту, присоединяется къ юртѣ ея родныхъ и нѣсколько времени принимаетъ участіе въ ихъ работахъ, какъ батракъ или прислужникъ. Это, нѣкоторымъ образомъ, рекомендація своего умѣнья, ловкости на охотѣ и рыбной ловлѣ. Задобривъ этимъ отца и мать своей возлюбленной, камчадалъ получаетъ отъ нихъ позволеніе—***прикоснуться*** къ невѣстѣ. Камчадалка, узнавъ о данномъ жениху разрѣшеніи, надѣваетъ три пары панталонъ, всю нижнюю часть туловища окутываетъ въ нѣсколько рядовъ сѣтями и созываетъ подругъ, вооруженныхъ ременными плетками. Женихъ обязанъ, преодолѣвъ всѣ препятствія, подъ градомъ ударовъ, не смотря на отчаянное сопротивленіе невѣсты, порвать сѣть, одежду и прикоснуться къ ней рукою... Защитницы-подруги прекращаютъ истязанія жениха; невѣста жалобно произноситъ: ***ни***! ***ни***! и съ этой минуты она жена своему дерзкому обожателю, безъ всякихъ дальнѣйшихъ формальностей. Мужъ, кромѣ ея, можетъ брать себѣ еще двухъ женъ; ту, другую или третью, можетъ, если ему заблагоразсудится, прогнать отъ себя, безъ околичностей. При брачномъ союзѣ не обращается вниманія ни на степень родства, ни на нравственность новобрачной... въ послѣднемъ случаѣ, даже напротивъ: чѣмъ больше у нея было обожателей до свадьбы, тѣмъ ей больше чести; мужъ, несравненно болѣе гордится тѣмъ, что онъ обладаетъ своею женою—послѣдній, но мало не домогаясь заманчиваго первенства. ***Крашенинниковъ*** былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ камчадалъ укорялъ тещу свою именно за то, что дочь ея оказалась истинной дѣвицей. „Видно гадкая она, говорилъ онъ,—ежели, кромѣ меня, до сихъ поръ, никому не нравилась?“

Эти оригинальныя понятія о честности женщины донынѣ существуютъ между нѣкоторыми племенами, населяющими сѣверо-восточныя губерніи Россіи, о которыхъ мы еще поговоримъ своевременно.

Въ свою очередь и камчадальскія жены не ревнивы и ни мало не обижаются на сожительство мужей съ ихъ совмѣстницами. А между тѣмъ, Богъ далъ имъ сердце не менѣе нѣжное, привязчи-

вое—какъ и европейскимъ, образованнымъ женщинамъ. Бывали примѣры, что камчадалки, влюбляясь въ заѣзжихъ матросовъ, послѣ отплытія послѣднихъ не рѣшались переживать разлуки и кончали самоубійствомъ.

Въ случаѣ, если камчадалъ сватается себѣ вдову - описаннаго выше обряда не соблюдается: невѣста должна только, до переселенія въ юрту жениха, *очиститься отъ грѣховъ*, т. е. удостоить кого нибудь другаго (особенно изъ иноземцевъ) своею благосклонностью. Въ прошедшемъ столѣтіи этотъ гнусный обычай былъ источникомъ многихъ бѣдствій для всего края, умноживъ длинный списокъ мѣстныхъ болѣзней двумя ужаснѣйшими бичами рода человѣческаго: оспою и сифилисомъ. Такъ, между прочимъ, въ 1768 году, прибывшій изъ Охотска солдатъ завезъ оспенную заразу въ городъ Большерѣцкъ и жертвою эпидеміи погибли 20,000 камчадаловъ!

Погребенія умершихъ у камчадаловъ возмутительны. Мертвецу накидываютъ петлю на шею, вытаскиваютъ изъ юрты и бросаютъ на съѣденіе собакамъ и хищнымъ звѣрямъ. Платья его и вещи, ему принадлежавшія, тоже выбрасываютъ, по той причинѣ, что взявшій ихъ живой погибнетъ неминуемо. Мѣра предосторожности, которой научили камчадаловъ частыя эпидеміи. Возвратившіеся съ похоронъ, для очищенія, пролѣзаютъ сквозь свитыя въ обручъ березовыя вѣтви, а тащившій мертвеца беретъ двухъ птицъ: одну сожигаетъ, другую рветъ на куски, которые раздаетъ присутствующимъ и ѣстъ самъ. Поминки состоятъ въ томъ, что въ огонь бросаютъ рыбьи жабры, съѣдая мясо. Младенцевъ-покойниковъ прячутъ въ древесныя дупла и поминокъ по нимъ не совершаютъ. Юрта, въ которой умеръ камчадалъ, подвергается очищенію, ее разбираютъ, окуриваютъ и переносятъ на другое мѣсто. Послѣднее дѣлается вовсе не съ гигіенической, а съ нелѣпой суевѣрной цѣлью. Камчадалы убѣждены, что душа покойника можетъ возвратиться въ свою юрту за кѣмъ нибудь изъ живыхъ сродниковъ. Въ юрту же, перенесенную на новое мѣсто, она прійдти не смѣетъ!...

Хотя мы увѣрены, что любознательный читатель имѣетъ понятіе о томъ что такое *юрта*, мы однакоже скажемъ нѣсколько словъ

о строеніи этого жалкаго жилища несчастныхъ дикарей. Представьте себѣ ульеобразный шатеръ, сложенный изъ кольевъ и со всѣхъ сторонъ, кромѣ вершины, герметически закрытый олеными, моржевыми и тюленьими шкурами. Отверстіе служитъ для входа по приложенной къ нему лѣстницѣ и для выпуска дыма. Такова камчатская юрта. Бываютъ и такія, въ которыя входятъ сквозь низенькую дверку, створами которой служитъ кусокъ толстой, непроницаемой для вѣтра и стужи—звѣриной кожи. Издали селеніе камчадаловъ кажется купой маленькихъ волкановъ, съ дымящимися верхушками.

И это жилища людей, жилища созданій, именующихся совершеннѣйшими изъ всѣхъ живыхъ и видимыхъ существъ... Жилища, въ сравненіи съ которыми самая грязная европейская тюрьма можетъ быть названа образцомъ роскоши и комфорта!

Лодки (*баты* и *байдарки*) камчадаловъ строятся ими изъ тополеваго дерева, безъ желѣзныхъ скрѣпъ и заклепокъ, но чрезвычайно прочно. Рыба, сушеная—*юкола*, вяленая и печеная замѣняетъ камчадаламъ хлѣбъ; китовая ворвань служитъ для освѣщенія, а иногда и отопленія; убогая растительность употребляется на приправу незатѣйливыхъ кушаньевъ, одинъ видъ которыхъ можетъ произвести тошноту у самаго небрезгливаго человѣка... Попытки къ заведенію въ Камчаткѣ раціональнаго хлѣбопашества, до сихъ поръ неудачныя, едва-ли могутъ когда увѣнчаться желаннымъ успѣхомъ. Скудная почва и суровый климатъ—препятствія непреодолимыя. При всемъ томъ, пробѣгая каталогъ камчатскихъ растеній, нельзя не подивиться мудрой заботливости природы о дѣтяхъ своихъ, по видимому заброшенныхъ и забытыхъ ею на краю-свѣта. Нѣтъ, не совсѣмъ они заброшены, не совсѣмъ забыты: берега рѣкъ и поморья, самыя болота изобилуютъ растеніями противоцынготными, изъ которыхъ особенно указываемъ на бруснику, морошку, цынготную траву (veronica beccabunga L.), пятилистникъ (potentilla L.) и нѣкоторые другіе виды луковичныхъ растеній. Одна изъ болотныхъ травъ, изсушеная въ сѣно, употребляется при *праздникѣ очищенія*,—единственно свято соблюдаемомъ камчадалами. Они тогда усыпаютъ этой травой землю въ юртѣ, убираютъ себѣ ею головы и одежды. Религіозное значеніе ея тоже

самое, что и значеніе травы *дарбы* у индусовъ (см. Томъ I Индія, гл. VI, стр. 46.)

Проблесками поэзіи въ камчадалахъ можно назвать ихъ склонность (особенно у женщинъ) импровизировать стихи, хотя и безъ риѳмъ, но съ соблюденіемъ пѣвучаго размѣра. Стихи импровизируются ими на разныя пріятныя событія: удачную звѣриную или рыбную ловлю, при встрѣчѣ почетныхъ гостей и въ память усопшихъ, прославившихся какими нибудь подвигами храбрости и удальства. Импровизаціи эти, сказать по правдѣ, утомительно скучны и продолжительны; камчадальскій поэтъ читаетъ часа два и болѣе... По примѣру поэтовъ европейскихъ, думая доставить этимъ удовольствіе слушателямъ, камчадальскій поэтъ самъ себя тѣшитъ. Звѣроловы и рыбаки во время промысловъ декламируютъ стихи, обращаясь съ ними къ преслѣдуемымъ звѣрямъ и уловляемой рыбѣ. Смыслъ стиховъ обыкновенно тотъ, что промышленникамъ жаль звѣря, но что же дѣлать, если онъ такъ хорошъ, а съ гибелью его соединены благо и довольство цѣлаго семейства и т. д.

Оружіе камчадаловъ: копья, топоры и стрѣлы—съ каменными и костяными наконечниками, иногда обмазанными растительными ядами, добытыми изъ мѣстныхъ травъ и кореньевъ. Крѣпкія рыбьи кости употребляются камчадалами для шитья, вмѣсто иголъ. Собака неразлучный спутникъ камчадала лѣтомъ и она же вознаграждаетъ его зимою за отсутствіе лошади, служа ему для упряжи. Пара или тройка этихъ рослыхъ собакъ легко мчитъ въ саняхъ одного сѣдока по необозримымъ снѣжнымъ пустынямъ. Лѣтомъ собаки кормятся сами, откапывая изъ земли полевыхъ мышей, кротовъ и землероекъ, и только съ появленіемъ перваго снѣга просятъ хозяевъ дѣлиться съ собою рыбою... Собака камчадаламъ и жителямъ другихъ областей Сибири такой же драгоцѣнный даръ природы какъ сѣверный олень лопарямъ и самоѣдамъ; а верблюдъ—скитальцамъ песчаныхъ пустынь Аравіи.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Мухоморъ и пьянство. — Дѣйствіе этого яда. — Припадки бѣлой горячки.—Яды.—Лекарственныя травы.—Симпатическія средства.—Повѣрья и примѣты.—Праздникъ очищенія —Обряды перваго дня.—Молитва огню.—Священная березa.—Бѣсноватыя.—Идолы бѣсовъ.

Таковы житейскія угодья неприхотливаго въ своемъ быту камчадала. Изъ окружающихъ его произведеній природы онъ извлекаетъ не только все необходимое, но даже находитъ въ числѣ растеній одно, которое камчадалу замѣняетъ водку. Говоримъ о *мухоморѣ* (agaricus muscarius L.)

Кто первый изъ камчадаловъ вздумалъ употреблять этотъ ядовитый грибъ въ пищу для самоодуренія?—отвѣчать на этотъ вопросъ невозможно. Извѣстно только, что мухоморъ въ отдаленнѣйшія времена уже былъ во всеобщемъ употребленіи — въ видѣ питья, ѣды и курева. Отъ туземцевъ переняли это обыкновеніе и русскіе переселенцы. Извѣстно, что многіе грибы, ядовитые на югѣ, могутъ быть безопасно употребляемы въ пищу на сѣверѣ. Бѣлые грибы и березовики, которыми мы лакомимся, вредны для желудка даже въ средней Германіи, а потому и почитаются тамъ нечистыми и подозрительными.

Въ свою очередь мухоморъ—ядовитый у насъ, менѣе вреденъ въ Камчаткѣ: говоримъ: менѣе вреденъ, такъ какъ динамическія его дѣйствія на организмъ и тамъ почти тѣже самыя, что и у насъ, только не влекутъ за собою смерти паціента. Камчадалы ѣдятъ сушеный мухоморъ, курятъ его въ трубкахъ или пьютъ его отваръ. Отъ этого трояказо употребленія зависитъ и дѣйствіе болѣе или менѣе сильное. По отзывамъ путешественниковъ мухоморъ, принятый внутрь въ маломъ количествѣ, разливаетъ по тѣлу пріятную теплоту, освѣжаетъ мысли, пріободряетъ или сладостно раздражаетъ нервы. Усиленный пріемъ производитъ голо-

вокруженіе, бредъ, соединенный съ обманчивостью зрѣнія, наконецъ и потерю самосознанія. Частые пріемы, подобны хлѣбному вину или опіуму, ведутъ къ бѣлой горячкѣ, исходъ которой, какъ извѣстно, почти всегда одинъ—*самоубійство*. Больнымъ бѣлою горячкою отъ пьянства слышатся какіе-то незнакомые голоса, побуждающіе ихъ на какое-нибудь, большею частью, сумасбродное дѣйствіе; мерещатся имъ (вслѣдствіе раздраженія глазныхъ нервовъ) черныя, вертящіяся точки, головастики, мошки, змѣи — наконецъ маленькіе бѣсенята (откуда и выраженіе: *допиться до чертиковъ*). Припадки бѣлой горячки отъ употребленія мухомора въ Камчаткѣ почти тѣже, съ тою однако же разницею, что больной дѣйствуетъ и дурачится, какъ онъ самъ сознается, „по приказанію мухомора,“ или, правильнѣе, „духа, который живетъ въ этомъ грибѣ.“ Этотъ духъ мухомора не послѣднее лице въ камчадальской демонологіи. Окружающіе одержимаго бѣлою горячкою почитаютъ за грѣхъ препятствовать ему въ сумасбродствахъ и вслѣдствіе этого случаются (или, по крайней мѣрѣ, случались въ старину) ужасныя событія. Бѣсноватый вдругъ объявляетъ, напримѣръ, что мухоморъ велитъ ему изрѣзать всѣхъ своихъ собакъ, разрушить юрту, удавить жену и, не задумываясь, приводитъ въ исполненіе всѣ приказанія своего незримаго демона! Въ бытность Крашенинникова въ Камчаткѣ одинъ изъ русскихъ поселенцевъ, по приказанію мухомора, распоролъ себѣ животъ, а другой обезобразилъ себя ужаснѣйшимъ образомъ...

Нѣтъ сомнѣнія, что шаманы и шаманки при своихъ гаданьяхъ одуряютъ себя куреньемъ мухомора. Оно замѣняетъ имъ опьяняющіе пары пещеры Дельфійской, въ древней Греціи, вдохновлявшіе прорицательницу Пиѳію. „Правда въ винѣ,“ говаривали древніе; почему же дикарю-камчадалу не думать, что и правда въ мухоморѣ?

Какъ бы то ни было, но ядовитый этотъ грибъ непремѣнная принадлежность камчадальскаго пиршества, какъ вино — европейскаго. Не осмѣливаемся брать на себя роли проповѣдниковъ трезвости, но просимъ только благосклоннаго читателя указать намъ на ту разницу, которая существуетъ между оргіей просвѣщенныхъ европейцевъ, на которой рѣкою льется шампанское — и пиршествомъ дикихъ камчадаловъ, наѣдающихся мухоморомъ? Не въ томъ ли она единственно, что европеецъ живота себѣ не распоретъ и на собесѣдниковъ съ ножемъ не бросится? Но вѣдь и у насъ иногда тоже случается... Въ такомъ случаѣ бутылка вина и мухоморъ могутъ быть названы сестрою съ братомъ, а европеецъ можетъ протянуть руку камчадалу: сынъ просвѣщенной націи или дитя природы — дикарь — равны между собою во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда порокъ низводитъ ихъ на степень животныхъ. Наука со временемъ, вѣроятно, разрѣшитъ этотъ важный физіологическій вопросъ: почему всегда, вездѣ и всюду человѣкъ, не довольствуясь дѣйствительностью, стремится въ область фантазіи, употребляя для этого средства, вредъ которыхъ не можетъ не сознавать, хотя инстинктивно?

Кромѣ мухомора камчадалы для опьянѣнія употребляютъ и пиво, вывариваемое изъ сладкой травы (sphondylium L), которую они, кромѣ того, употребляютъ въ пищу сушеную и квашеную. Свѣжій сокъ ея до того ѣдокъ и остеръ, что производитъ опухоль и прыщи на губахъ и на деснахъ. Стрѣлы свои для звѣриной ловли (а въ старину и для войны) камчадалы отравляли сокомъ травы лютика (ranunculus L), въ сѣверныхъ странахъ весьма ядовитаго. Очевидцы говорятъ, что моржъ и даже китъ, раненый отравленной стрѣлою, съ ужаснымъ ревомъ мечется на волнахъ и вскорѣ издыхаетъ въ страшныхъ мученіяхъ. Тутъ невольно приходятъ на память слова великаго естествоиспытателя (Плинія), сказавшаго тысячу лѣтъ тому назадъ: „Всякое животное обороняется тѣми органами, которые даетъ ему природа; одинъ только человѣкъ ими не довольствуется: одному человѣку нужны еще *яды*, которые онъ умѣетъ извлекать изъ произведеній природы... хотя кромѣ ядовъ у него есть еще и *языкъ* — орудіе смертоноснѣе ядовитаго жала ехидны!“ (Ист. міра, кн. XVIII, гл. 1). Дикари, умѣющіе добывать ядъ изъ немногихъ растеній бѣдной своей родины, могутъ служить живыми доказательствами истины этихъ словъ. Они перезабыли большую часть религіозныхъ преданій своихъ праотцевъ, но не забываютъ изъ рода въ родъ передавать ихъ наставленія, какъ извлекать яды для стрѣлъ и оружія. Будемъ однако же справедливы: вмѣстѣ съ ядовитыми

свойствами растеній, камчадаламъ извѣстны и цѣлебныя ихъ свойства. Такъ они лечатся отъ ломоты втираніями въ тѣло сока травы устеликамня или, какъ они называютъ, *чагбана* (dryas L); отъ сифилиса — отваромъ травы *катанагча* (багульникъ: andromeda L); отъ изнурительнаго поносу отваромъ морскаго дуба (fucus vesiculosus L). Кромѣ этихъ лекарствъ, въ камчатской фармакологіи существуютъ еще нѣсколько симпатическихъ средствъ, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ внутреннее употребленіе въ пищу пауковъ: камчадалки съѣдаютъ этихъ насѣкомыхъ затѣмъ, что по ихъ убѣжденію, пауки разрѣшаютъ женское неплодіе и облегчаютъ роды. Кромѣ этого отвратительнаго лекарства, камчадалы и камчадалки ѣли своихъ собственныхъ чужеядныхъ насѣкомыхъ — чѣмъ окончательно уподоблялись безсмысленнымъ животнымъ!!. Крашенинниковъ, съ омерзеніемъ разсказывая объ этой гнусной привычкѣ камчадаловъ, упоминаетъ и о тѣхъ крутыхъ мѣрахъ, которыя противу нея принимали русскіе переселенцы и казаки: они за это немилосердно били и сѣкли камчадаловъ.

Изъ пресмыкающихся, которыми, впрочемъ, Камчатка вообще не богата, особенной антипатіей жителей пользуется безвредная и невинная ящерица. Завидя ее, камчадалъ тотчасъ же бросается къ ней, топчетъ ногами и рветъ на части. Въ отвѣтъ на вопросъ: за что такая немилость? онъ отвѣчаетъ, что ящерица животное опасное: ее изъ подъ земли высылаетъ богъ мертвецовъ, *Тулъ*, чтобы подслушивать и подглядывать за живыми и доносить обо всемъ ему, своему повелителю... Повѣрье, безспорно, очень смѣшное и нелѣпое, но чѣмъ же оно хуже нашихъ русскихъ? У насъ вѣрятъ, напримѣръ, что Богъ прощаетъ сорокъ грѣховъ тому, кто убьетъ паука: либо, что черный таракавъ приноситъ счастье, а жучекъ — древоточенъ (издающій звукъ очень похожій на стукъ карманныхъ часовъ) непремѣнно предвѣщаетъ чью нибудь смерть — „изъ дому выживаетъ,“ какъ выражается наше умное простонародье... Указываемъ на примѣты, первыя, пришедшія намъ на память, найдутся еще тысячи другихъ и того нелѣпѣе. Чѣмъ онѣ лучше примѣтъ камчадальскихъ? Всякое *повѣрье*, всякая *примѣта* — принадлежность язычества: въ вѣрѣ Христовой не должно быть ни того, ни другаго. Повѣрье и примѣты въ христіанствѣ — соръ и грязь язычества, ядовитые плевела на нивѣ слова Божія: прямая обязанность служителей церкви и частныхъ служителей науки выметать этотъ соръ изъ понятій людскихъ, съ корнемъ исторгать эти плевела изъ сердецъ людей... Только при этихъ условіяхъ мыслимо достиженіе тѣхъ благъ, къ которымъ ведетъ религія и то самоусовершенствованіе, къ которому долженъ стремиться человѣкъ просвѣщенный свѣтомъ Христовымъ.

Праздникъ очищенія, о которомъ мы упоминали въ предъидущихъ главахъ, былъ единственнымъ религіознымъ торжествомъ у камчадаловъ-язычниковъ. Обряды его, завѣщанные стариной, напоминаютъ, въ нѣкоторыхъ чертахъ, обряды буддистовъ и браманитовъ. Самое въ немъ замѣчательное — божескія почести, воздаваемыя *огню*, играющему вообще такую важную роль во всѣхъ языческихъ вѣрованіяхъ. Въ старину праздникъ очищенія продолжался у камчадаловъ въ теченіе цѣлаго ноября мѣсяца; Крашенинниковъ, бывшій его очевидцемъ въ 1738 году, говоритъ, что празднество длилось только два дня; нынѣ, съ водвореніемъ христіанства въ Камчаткѣ, оно, можетъ быть, уже и вовсе не совершается. Праздникъ начинался метеніемъ юрты. Два старика, собравъ соръ и пошептавъ надъ нимъ заклинанія, выбрасывали его вонъ. Старую лѣстницу, приставленную къ верхней отдушинѣ, отнимали и на ея мѣсто ставили новую, закопавъ подъ нее въ землю щеночку, обернутую сѣномъ изъ сладкой травы (sphondylium L). Со стѣнъ юрты снимали и выносили всю упряжь, надѣваемую на собакъ при ихъ закладкѣ въ сани. Это дѣлалось затѣмъ, что ея не любятъ духи, на празднествѣ присутствующіе. Послѣ этихъ приготовленій, подъ лѣстницею набрасывали на полъ нѣсколько охапокъ сѣна, надъ которымъ старикъ шепталъ заклинанія и затѣмъ, съ тремя старухами, становился по правую сторону лѣстницы, а всѣ присутствующія на праздникѣ женщины, по лѣвую. Предъ старикомъ и старухами постилали на землѣ рогожи, а на нихъ раскладывали: сушеную рыбу (*юкола*), икру, сладкую траву и тюлений жиръ, налитый въ пузыри. Изъ юколы старухи вылѣпляли небольшіе топорики и обертывали ихъ травою, потомъ

вызывали изъ толпы присутствующихъ четырехъ человѣкъ для отсылки ихъ въ лѣсъ, за священной березой. Каждому изъ нихъ старухи вручали топорикъ изъ юколы, привязывая къ ихъ поясамъ, шапкамъ и топорамъ пучки сѣна и одѣляя каждаго разложенными на рогожкахъ закусками. Снарядивъ, такимъ образомъ, дровосѣковъ—старикъ и старухи, размахивая пучками *тоншича* (мягкой травы, замѣняющей у камчадаловъ зажигательный трутъ), трижды обходили вокругъ лѣстницы, восклицая нѣсколько разъ: *„акхалалалай!“* что повторяли за ними и отправлявшіеся въ лѣсъ дровосѣки. По уходѣ послѣднихъ, старикъ и старухи бросили на очагъ часть бывшаго у нихъ тоншича, другую отдавали присутствовавшимъ на праздникѣ дѣтямъ, которыя его съѣдали.

Затѣмъ приступали къ лѣпкѣ кита изъ юколы—что совершалось женщинами. Вылѣпленную рыбу выносили на время изъ юрты; старикъ зарывалъ подъ очагомъ (нашептывая заклинанія) камбалу, завернутую въ сѣно, послѣ чего трижды перевертывался, а за нимъ и всѣ присутствующіе. На очагѣ раскладывали огонь и разставляли вокругъ него новыхъ идоловъ: *Хантая* и *Ажушака* (см. гл. XV), которымъ повязывали на шею жгуты изъ тоншича. По установленіи идоловъ, старикъ, нашептывая, зарывалъ по бокамъ очага два камня, обернутые сѣномъ и прибавлялъ огня. Въ это время дѣти обставляли лѣстницу вокругъ маленькими идолами; захвативъ стараго идола за горло арканомъ, свитымъ изъ тоншича, его таскали вокругъ очага съ криками *„алхалалалай!“* и опять становили къ стѣнкѣ, къ очагу приближались старики и распорядитель, взявъ въ руки лопату, обернутую сѣномъ, обращался къ пылающему огню со слѣдующей молитвой:

„Кутха приказалъ дѣдамъ нашимъ однажды въ годъ приносить тебѣ жертвы и молиться тебѣ, а дѣды тоже самое завѣщали намъ, что мы и исполняемъ! Молимся тебѣ, огонь: храни насъ, милуй, не обижай, береги отъ пожаровъ!“

Молитва эта читалась нѣсколько разъ и заключалась общимъ возгласомъ: „акхалалалай!“ съ оглушительными рукоплесканьями и топотней. Старики, взявшись за руки, хороводомъ плясали вокругъ очага. По окончаніи пляски, изъ глубины юрты выбѣгали женщины и дѣвушки: страшно искрививъ лице, поднявъ руки

надъ головами, онѣ принимались плясать и кружиться вокругъ лѣстницы до одурѣнія; многія упадали въ безпамятствѣ съ пѣною у рта, съ другими дѣлалась истерика. Тѣхъ и другихъ относили въ глубину и старикъ шепталъ надъ ними заклинаніе. „Во время пляски въ женщинъ вселяются бѣсы!“ объясняли камчадалы (¹). Покуда женщинъ приводили въ чувство, всѣ присутствующіе, взявъ золы съ очага, по два раза взбрасывали ее на воздухъ; два камчадала, набравъ по полному ковшу золы, вышли изъ юрты и насыпали на снѣгу узенькую тропинку. Надобно замѣтить, что въ этотъ день въ юрту входили сквозь боковыя дверки, прорѣзанныя въ стѣнкахъ: входить по лѣстницѣ сквозь верхнее отверстіе почиталось величайшимъ грѣхомъ, такъ какъ оно назначалось въ этотъ день исключительно для входа духовъ или бѣсовъ. Вышедшіе съ золою обматывали наружныя стѣны юрты длиннымъ жгутомъ изъ сѣна съ привѣсками изъ тоншича.

Всѣ эти обряды занали время отъ утра до вечера перваго дня праздника. Къ вечеру возвратились изъ лѣсу дровосѣки, неся огромную вырубленную ими березу. Они стучали ею по наружнымъ стѣнамъ юрты, изрѣдка наклоняя ее надъ верхнимъ отверстіемъ, такъ, чтобы вѣтви просовывались внутрь. Во все это время, присутствовавшіе вели съ дровосѣками оживленный, по видимому, заученый разговоръ. Принесенная береза, по древнему повѣрью, была населена бѣсами, гнѣздившимися въ каждомъ ея сучкѣ, въ каждой вѣткѣ. Когда береза въ третій, или четвертый разъ показалась надъ верхнимъ отверстіемъ, одна изъ дѣвушекъ взбѣжала по лѣстницѣ и, обѣими руками уцѣпясь за вѣтку, стала втаскивать березу въ юрту; къ ней присоединилось еще десять женщинъ и дѣвушекъ. Соединенными силами имъ удалось протащить березу, и въ ту самую минуту, когда вѣтви ея касались земли, всѣ женщины (кромѣ первой дѣвушки) попадали замертво; съ одной сдѣлался сильный припадокъ эпилепсіи и ста-

(¹) Обращаемъ вниманіе читателей на сходство камчадальскихъ плясавицъ съ индійскими джогами, вертящимися дервишами у магометанъ— и нашими идіотами-раскольниками: скопцами, хлыстами и скакунами.

рикъ объявилъ, что это наказаніе ей отъ духовъ за грѣхъ, отъ котораго она забыла очиститься, не бросивъ въ огонь рыбьихъ жаберъ. Втащивъ березу въ юрту, присутствовавшіе стали бросать въ верхнее отверстіе тюленьи кожи, жиръ въ пузыряхъ, сладкую траву и сушеную рыбу: это были дары для умилостивленія бѣсовъ. Изъ сучьевъ березы старики вырѣзали *пятьдесятъ пять* куколокъ, долженствовавшихъ изображать бѣсовъ. Болванчикамъ вымазали лица надавленными ягодами брусники, на шеи навязали снурки изъ тоншича, на головы надѣли колпаки изъ сладкой травы и, разставивъ куколокъ на землю, подали имъ три большія чашки, наполненныя рыбою. Осушивъ чашки съ великимъ апетитомъ, камчадалы, связавъ болванчиковъ по три, по четыре штуки, побросали ихъ на горящій очагъ вмѣстѣ со стружками и обрѣзками, оставшимися отъ приготовленія болванчиковъ... Время близилось къ полуночи.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Последующіе обряды праздника.—Окуриваніе.—Волкъ изъ юколы.—Очищеніе грѣховъ.—Пиршество. Обжорство.—Обрядъ дружбы.—Курильцы.—Сходство ихъ идоловъ съ буддійскими.—Обрядъ утишенія бури.—Заключеніе.

Въ полночь въ юрту вползла на четверинкахъ камчадалка, таща на спинѣ кита, вылѣпленнаго изъ юколы; ее подгоняли тюленьими кишками двое камчадаловъ. Когда они, такимъ образомъ, обошли вокругъ очага, кита сняли съ плечъ бабы и бросили на растерзаніе всѣмъ присутствовавшимъ. Камчадалка вышла изъ юрты, гдѣ ее поймали и спустили обратно въ юрту сквозь верхнее отверстіе, головою внизъ. Здѣсь ее приняли на руки прочія женщины и дѣвушки, снова пустившіяся въ пляски и круженье до потери сознанія. Отдохнувъ отъ усталости, женщины, каждая въ особой посудѣ, принялись толочь рыбью икру съ жиромъ и

кипрейнымъ корнемъ. Старикъ-распорядитель взялъ у каждой по ложкѣ этого мѣсива въ особую чашку, пошепталъ надъ нею, часть мѣсива бросилъ въ огонь, остальное отдалъ женщинамъ, которыя все доѣли. Этимъ окончились торжества перваго дня праздника.

На второй день утромъ подъ лѣстницею разостлали рогожу, а по бокамъ ея двѣ тюленьи шкуры. На рогожу встали три старухи съ большими пучками ремней въ рукахъ. Взявъ ремни, старикъ сжогъ ихъ кончики на очагѣ и возвратилъ старухамъ. Одна изъ нихъ обошла вокругъ юрты, помахивая курящимся ремнемъ, къ которому прикасались всѣ присутствующіе; остальныя двѣ старухи, точно также окурили столбы и подпорки юрты... Послѣ того, всѣ три, съ дикими воплями, припялись плясать и скакать до упаду. Старикъ взялъ въ руки огромную связку дымящихся ремней, вставъ у лѣстницы: присутствовавшія на праздникѣ камчадалки подходили къ нему и, принимая отъ него ремни, окуривали себя, дѣтей и мужей. Послѣднимъ онѣ навязывали эти ремни на шеи (¹). Ремни носятся камчадалами цѣлый годъ до новаго праздника. Когда всѣ ремни были разобраны, къ двумъ главнымъ подпоркамъ юрты привязали двухъ мальчиковъ. Къ нимъ подошли два старика и спросили когда возвратится ихъ отецъ? Зимою! хоромъ отвѣтили всѣ присутствующіе. Вслѣдъ за этимъ возгласомъ, въ юрту какъ и вчера вползла женщина, таща на плечахъ вылѣпленное изъ юколы изображеніе волка. Вооруженный лукомъ и стрѣлами, старшина юрты (*тойонъ*) пустилъ въ него стрѣлу... тотчасъ же волка растерзали въ куски и съѣли ихъ, а мальчиковъ отвязали. На вопросъ о значеніи этого обряда, камчадалы дали Крашенниникову два разные отвѣта. Одни сказали, что это дѣлается въ память двухъ сыновей богатаго камчадала, который, уходя на охоту, привязывалъ ихъ къ столбамъ. Однажды въ его отсутствіе въ юрту забѣжалъ волкъ и навѣрное растерзалъ бы дѣтей, еслибъ отецъ, подоспѣвшій во время, не застрѣлилъ его.

(¹) Значеніе ремня то же, что значеніе снурка у индусовъ. Для сличенія см. Т. I Индія гл. VII, стр. 51.

Другіе объясняли, что изображенія кита и волка — символы обильной ловли рыбной и звѣриной.

По окончаніи вышеупомянутой комедіи, юрту опять окурили тончишемъ. Принесли огромный пукъ березовыхъ прутьевъ, по числу семей присутствующихъ. Изъ каждаго прута свернули широкій обручъ, сквозь который мужья, жены и дѣти по два раза пролѣзали, а потомъ три раза перевертывались — спачала въ юртѣ, а послѣ на открытомъ воздухѣ. Это называлось *очищеніемъ грѣховъ*. Затѣмъ, каждый отецъ семейства раскручивалъ свой обручъ и втыкалъ прутъ въ снѣгъ, наклонивъ его къ востоку. Старикъ приносилъ въ юрту небольшую мертвую птицу и рыбу. Пошептавъ надъ ними, рвалъ ихъ на куски, которые трижды бросалъ въ огонь, въ жертву бѣсамъ. Праздникъ заключился пиромъ, на которомъ поѣдали непомѣрное количество рыбы, тюленьяго жира и сладкой травы. Вино изъ нея и мухоморы тоже не были забыты. Вообще, по замѣчанію Крашенинникова, камчадалы страстные охотники подчивать и если гость не въ силахъ уже ѣсть, радушный хозяинъ насильно суетъ ему куски въ горло. Это дикое обыкновеніе особенно соблюдалось при *обрядѣ дружбы*. Желая войдти съ сосѣдомъ въ дружественныя связи, камчадалъ приглашаетъ его къ себѣ въ юрту, жарко затопивъ очагъ и наготовивъ всевозможныя яства. По прибытіи друга, хозяинъ начиналъ его подчивать непрерывно, въ тоже время подбрасывая дровъ въ огонь и поливая водою раскаленные на немъ камни. Черезъ полчаса температура въ юртѣ достигала степени жарко натопленной бани, желудокъ сосѣда, переполненный пищею, не могъ принимать ни малѣйшаго куска. „Ѣшь!“ повторилъ неумолимый хозяинъ, насильно набивая ротъ своему гостю. Разыгрывая въ лицахъ „Демьянову уху“ Крылова, хозяинъ доводилъ друга до плачевнаго положенія: задыхаясь отъ жара, гость возвращалъ верхомъ насильно поѣденную пищу — а хозяинъ повторялъ свое неумолимое: „Ѣшь!“ Отказъ гостя почитался кровавой обидой, но онъ могъ откупиться отъ продолженія пытки, предложивъ хозяину *въ обмѣнъ* — оружіе, сани или собакъ... Обмѣнъ бывалъ всегда невыгоденъ для друга: за желѣзное оружіе онъ получалъ отъ своего амфитріона — каменное, за прочныя сани — старыя, поломанныя,

а за здоровыхъ и сильныхъ собакъ — больныхъ и заморенныхъ!

Курильцы въ нравахъ и обычаяхъ имѣютъ съ камчадалами много общаго, разница только въ томъ, что головы деревянныхъ своихъ идоловъ они украшаютъ *кудрявыми* стружками. Указывая на эту особенность, напоминаемъ, что *курчавые волосы* отличительный признакъ идоловъ Будды. Трудно только рѣшить, существуетъ ли это обыкновеніе у курильцевъ издревле или они заимствовали его у японцевъ? Какъ бы то ни было, стружкамъ они придаютъ такое важное значеніе, что во время бури бросаютъ ихъ въ море для умилостивленія разгнѣваннаго морскаго божества.

Здѣсь мы заключаемъ нашъ историческій обзоръ *буддизма*, начатый съ просвѣщенныхъ странъ Азіи и оканчиваемый дикими племенами, населяющими отдаленнѣйшія ея окраины. Слѣды ученія великаго Сакія-Муни, процвѣтающаго въ Индіи, въ Тибетѣ, Китаѣ и Японіи — теряются въ снѣжныхъ сугробахъ восточной Сибири.

Іезуиты въ Китаѣ.

Ученыя заслуги іезуитовъ.—Характеръ ихъ мисіонерской дѣятельности.—Основаніе ордена. — Францискъ Ксаверій Рогерісусъ.—Маттео Риччи.—Хитрость и обманъ — орудія обращенія.—Примѣръ изъ нашего времени.—Антоній Альмеида.—Мисіонеры въ Пе-кинѣ. — Успѣхи пропаганды.—Интриги.—Смерть Риччи. — Сближеніе чиселъ.—Подвиги іезуитовъ въ Европѣ.—Николай Триго.—Антоній Андрада.—Альвореццъ Семмедо.—Адамъ Шалль.—Милости императора.—Опала іезуитовъ.—Судъ.—Чудесное спасеніе.—Случай изъ лѣтописей инквизиціи. — Казнь Жанны д'Арвилье.—Папская непогрѣшимость.—Смерть Шалля.—Его сочиненія.—Мартино Мартини. — Александръ де Родъ.—Книга о его странствіяхъ.

Мисіонерамъ іезуитскаго ордена неотъемлемо принадлежитъ честь ознакомленія Европы съ первыми достовѣрными свѣдѣніями объ Индіи, Китаѣ и Японіи, разсказы о которыхъ, до исхода XVI столѣтія, были, большею частью, лживы и баснословны. Въ этомъ отношеніи заслуги іезуитовъ достойно оцѣнены ученымъ міромъ и славныя имена многихъ членовъ общества Іисусова перейдутъ къ позднѣйшему потомству... Фазисъ *ученой* дѣятельности іезуитовъ чистъ, свѣтелъ, безукоризненъ.

За то какія грустныя мысли наводитъ обзоръ ихъ дѣятельности на поприщѣ распространенія ученія евангельскаго! Не въ томъ

вина іезуитовъ, что вѣрные своему правилу: ***цѣль оправдываетъ средства*** они, для обращенія язычниковъ, хитрили, лукавили и вкрадывались въ ихъ довѣріе, не пренебрегая никакими масками... нѣтъ! Главное ихъ преступленіе предъ человѣчествомъ заключается въ томъ, что христіанство въ ихъ рукахъ было орудіемъ къ осуществленію своекорыстныхъ видовъ римскаго двора. За неослабную энергію, постоянство, неистощимое терпѣніе, нерѣдко и великодушное мужество—іезуиты достойны были бы назваться истинными апостолами Христа... еслибъ не были рабами и клевретами ***Каіафы!***

О мисіонерской дѣятельности ихъ напечатаны тысячи томовъ; издано множество сборниковъ и журналовъ; существуютъ географическія карты съ означеніемъ вѣтвистыми линіями тѣхъ странъ, въ которыя проникла католическая пропаганда стараніями учениковъ Игнатія Лойолы. Сѣть, сплетенная изъ этихъ линій (говоримъ безъ всякаго преувеличенія), охватываетъ весь земной шаръ; завоеванія Рима папскаго далеко оставляютъ за собою завоеванія Рима языческаго, но эта сѣть не та, которую вручилъ Спаситель ученикамъ своимъ, изъ простыхъ рыбарей призванныхъ быть „ловцами человѣковъ...“ Не истинную братскую любовь проповѣдывали іезуиты-пропагандисты, а вѣрнѣе ненависть ко всѣмъ народамъ, не признающимъ папской власти; не смиренію, а позорному рабству научали они язычниковъ, превращая то ***иго***, „которое есть ***благо***“ въ невыносимое ярмо для прозелитовъ; перековывая „***легкое бремя***“ ученія Христова — въ тяжкія цѣпи, налагаемыя на разумъ и совѣсть!.. Да неужели же читателю нашему не вѣдомо, что между распространеніемъ ***ученія евангельскаго*** и ***пропагандою римскою*** — точно такая же разница, какъ между святымъ и первоверховнымъ Апостоломъ, основнымъ камнемъ церкви Христовой и... первосвященниками Рима, самозванными его намѣстниками, величающими самихъ себя и святыми, и непогрѣшимыми?

Въ предлагаемомъ очеркѣ мы коснемся дѣятельности римскихъ пропагандистовъ XVI и XVII столѣтій, только въ двухъ главнѣйшихъ государствахъ Азіи — въ Китаѣ и отчасти въ Японіи. Впослѣдствіи, нами разумѣется не будутъ забыты и прочія страны,

въ которыя проникали іезуиты, то мучениками, то мучителями... одновременно съ храмами Богу, который есть Любовь и Милосердіе, воздвигая инквизиціонные костры; проповѣдуя ***жизнь*** будущую и въ тоже время предавая мучительной ***смерти*** упрямцевъ.— И все это, какъ говорили іезуиты: къ вящей славѣ Божіей— Ad majorem Dei gloriam!..

1534 года, 15 августа въ день Успенія Пресвятой Богородицы, послѣ обѣдни въ парижской церкви Монмартра, семь человѣкъ въ монашескомъ одѣяніи, приблизясь къ алтарю, дали торжественный обѣтъ посвятить жизнь свою скитаніямъ по языческимъ странамъ для обращенія ко Христу евреевъ и язычниковъ. Душою этого союза былъ испанецъ ***Иниго*** или ***Игнатій Лойола***, въ числѣ его товарищей находился професоръ философіи парижской колегіи святой Варвары — ***Францискъ Ксаверій*** (François Xavier). Эти семь союзниковъ были первыми членами общества Іисусова, день ихъ клятвы — днемъ основанія ордена іезуитскаго.

Получивъ отъ папы Павла III благословеніе на свое апостольское путешествіе, товарищи Лойолы были рукоположены въ священниковъ. По приказанію Игнатія, ***Ксаверій*** и ***Бабадилья*** отправились въ Болонью, отсюда, по повелѣнію папы, Ксаверій былъ призванъ въ Римъ, гдѣ въ 1540 году присоединился въ качествѣ мисіонера къ португальскому посольству, отправлившемуся въ восточную Индію. Корабль посланники 7 апрѣля 1541 г. отплылъ изъ Лиссабона, а 6 мая слѣдующаго 1542 г. прибылъ въ Гоа. Тогда-то начались подвиги Ксаверія, великіе подвиги духовнаго завоеванія областей языческихъ. Въ теченіе десяти лѣтъ начатки христіанскаго ученія были насаждены въ ***Гоа***, на ***Коморинѣ***, въ ***Малаккѣ*** на ***островахъ Малукскихъ*** и, наконецъ, въ ***Японіи***. Отсюда ревностный мисіонеръ отправился въ Китай, но не достигнувъ предѣловъ имперіи умеръ, и былъ похороненъ на островѣ Сянь-сянѣ 2 декабря 1552 г. Біографы Франциска Ксаверія сравниваютъ его съ Моисеемъ, умершимъ на рубежѣ обѣтованной земли. Папа Павелъ V сопричелъ его съ праведными (беатифировалъ) 25 октября 1619, а Григорій XV,

преемникъ Павла, чрезъ три года причислилъ къ лику святыхъ (12 марта 1622).

Гробница Ксаверія на островѣ Сянь-сянѣ, который можно назвать преддверіемъ Китая, была первымъ камнемъ къ прочному сооруженію въ этой странѣ зданія католицизма. Въ 1579 году на островъ Сянь-сянь прибылъ іезуитъ о. ***Валиньянъ*** и стараніями его было дозволено католическимъ священникамъ тогдашнимъ императоромъ ***Шан-тсунг-хіен-ти*** посѣщать предѣлы его имперіи для проповѣданія Евангелія. Первыми мисіонерами въ Китаѣ были: о. Михаилъ ***Роже*** или ***Рогеріусъ***, ***Илли***, ***Пазіо***, ***Маттео Риччи*** и ***Альварецъ Семмедо***.

Роже, отправившійся изъ Макао въ Чанг-кинг-фу, былъ очень милостиво принятъ намѣстникомъ и получилъ отъ него позволеніе поселиться въ этой области. Съ помощію Илли и Пазіо, онъ приступилъ къ устройству іезуитской колегіи — однако же намѣстникъ, будучи за что-то смѣщенъ, попросилъ иноземцевъ возвратиться въ Макао, опасаясь навлечь на себя новый гнѣвъ императора за покровительство проповѣдникамъ невѣдомой религіи. Отступать отъ начатаго, значило портить все дѣло и тутъ-то пришлось іезуитамъ пустить въ ходъ весь запасъ хитростей, лукавства и — вошедшей въ пословицу вкрадчивости. Они возвратились въ Макао, но съ помощью оставленныхъ агентовъ и щедрыхъ взятокъ, привлекли на свою сторону одного изъ чиновниковъ приближенныхъ новаго намѣстника. Чиновникъ выхлопоталъ имъ разрѣшеніе возвратиться въ Шан-Кингъ, гдѣ они были приняты на аудіенціи намѣстникомъ, вручившимъ имъ граматы на свободное прожитіе гдѣ они ни заблагоразсудятъ, въ предѣлахъ имперіи. Воспользовавшіеся милостивымъ разрѣшеніемъ, оо. ***Роже*** и ***Риччи***, въ особенности послѣдній — въ короткое время снискали всеобщую любовь и уваженіе. Отцу Риччи много помогли (кромѣ обширнаго ума и богатѣйшихъ способностей) его познанія въ математическихъ наукахъ.

Онъ составилъ прекрасную географическую карту имперіи и великодушно предложилъ дѣлиться своими познаніями съ желающими. Желающихъ явилось очень много и тогда-то Риччи отъ математическихъ и естественныхъ наукъ, которыя преподавалъ уче-

никамъ, сталъ, мало по малу, вести ихъ къ познанію истинъ ученія христіанскаго, основныя правила котораго изложимъ въ особомъ катехизисѣ. Мы уже говорили (см. Японія. Гл. VIII, стр. 315) о той системѣ обученія закону христіанскому, которой придерживались іезуиты: не исторгая язычества съ корнемъ, они ***прививали*** къ нему ученіе евангельское, подыскивая въ языческомъ законѣ тѣ общечеловѣческія черты, которыя дѣйствительно встрѣчаются и въ законѣ Христовомъ. Такъ, напримѣръ, проповѣдуя буддистамъ о братской любви и милосердіи, они, вмѣстѣ съ Евангеліемъ, ссылались в на книги Сакія-муни; отвергая идолослуженія, они предлагали только ученикамъ замѣнить изображенія Будды — изображеніями Спасителя; наконецъ, одобряя ношеніе на тѣлѣ разныхъ волшебныхъ амулетокъ, они присоединяли къ нимъ и святой крестъ — символъ нашего спасенія. Съ перваго взгляда эти уступки, дѣлаемыя истиною — лжи, христіанствомъ — язычеству, могли показаться остроумными, но, вникая въ нихъ, нельзя не замѣтить и страшнаго вреда, неминуемаго ихъ послѣдствія. Въ религіи неумѣстны тѣ пріемы постепеннаго ознакомленія, которые можно употреблять въ наукѣ. Такъ, напримѣръ, въ наше время педагогика допускаетъ обученіе дѣтей первымъ правиламъ ариѳметики посредствомъ игрушекъ, но можно-ли эту систему примѣнить къ обученію ребенка закону божію? Можно-ли, напримѣръ, для ознакомленія дитяти съ литургіею, дать ему въ руки, вмѣсто игрушекъ, священную утварь и облаченія? Не будетъ-ли это гнуснымъ кощунствомъ?.. Поступая именно такъ, въ великомъ дѣлѣ обращенія язычниковъ, іезуиты не считали этого и за грѣхъ: испорченные основными уставами своего ордена, они, благой цѣлью пропаганды оправдывали самыя возмутительныя средства, не сознавая (или вѣрнѣе — ***не желая сознаться***), что лукавство и вкрадчивость не могутъ быть совмѣстны съ проповѣдями чистаго, искренняго ученія Того, Кто въ молитвѣ своей, завѣщанной людямъ, училъ ихъ просить Отца небеснаго „избавлять ихъ отъ лукаваго!“

Не можемъ здѣсь не привести примѣра, очень недавняго, какъ іезуиты уловляютъ въ свои сѣти не только язычниковъ, но и христіанъ иныхъ вѣроисповѣданій. Случай этотъ переданъ намъ очевидцемъ, а былъ онъ въ Парижѣ лѣтъ одинадцать тому назадъ.

Передаемъ его, умалчивая объ именахъ, на что имѣемъ многія уважительныя причины:

Двѣ знатныя дамы (не католички), знатныя и очень богатыя, жившія въ Парижѣ, наслышавшись отъ своихъ знакомыхъ объ удивительномъ проповѣдникѣ собора Парижской Богоматери, пожелали его послушать. Дѣло было въ великомъ посту, предметъ проповѣди: прощеніе грѣшницы Спасителемъ. Витія превзошелъ ожиданія любознательныхъ барынь и привелъ ихъ въ восторгъ своею, дѣйствительно прекрасной проповѣдью. Онѣ дали себѣ слово послушать проповѣдника еще и не одинъ разъ, и сдержали слово... Знакомые предупредили ихъ, что особенно хороша будетъ проповѣдь въ Великій четвергъ; что она превзойдетъ всѣ донынѣ произнесенныя и барынями слышанныя. И точно! ораторъ превзошелъ самъ себя: онъ говорилъ о послѣдней тайной вечери Спасителя съ учениками; о великомъ таинствѣ причащенія спасающаго душу, врачующаго тѣло... Слушательницы, болѣе знакомыя съ французскимъ языкомъ, нежели съ догматами своего вѣроисповѣданія, предались обаянію увлекательной проповѣди и въ волненіи вслушивались въ вкрадчивыя слова витіи, говорившаго между прочимъ... „и такъ, нынѣ великій день воспоминанія объ установленіи таинства святаго причащенія и вы, *всѣ* здѣсь присутствующіе въ эту минуту, тѣ же ученики Христовы! Кто изъ васъ осмѣлится отказаться отъ блаженства быть соучастникомъ тайныя вечери Спасителя міра... Кто изъ васъ, если онъ только не Іуда—отвернется отъ воспринятія тѣла Христова?"

Послѣдній вопросъ былъ обращенъ къ нашимъ слушательницамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, дрожащая рука подошедшаго къ нимъ проповѣдника протягивала имъ св. причастіе, по уставу римско-католической церкви, состоявшее изъ освященной облатки (остіи). Дамы пріобщились—и ораторъ тутъ же поздравилъ ихъ съ обращеніемъ въ лоно едино-спасающей (т. е. римско-католической) церкви!.. Бѣдныя жертвы іезуитскаго краснорѣчія остались вѣрны тому исповѣданію, на которое промѣняли исповѣданіе своей далекой родины—и, каждый изъ насъ скажетъ, конечно, что стыдъ и позоръ не на ихъ сторонѣ.

Если подобные случаи возможны въ наше время, въ столицѣ

Франціи, можно же представить себѣ что творилось іезуитами въ странахъ языческихъ, триста и двѣсти лѣтъ тому назадъ? Не кротость, не ласка употреблялись ими къ обращенію язычниковъ на путь истинный, нѣтъ! Заблудшихъ овецъ уловляли они чуть не волчьими капканами... Отецъ Риччи и его товарищи, льстя китайцамъ, носили одѣяніе бонзовъ со всѣми ихъ странными атрибутами. Еще уступка, недостойная проповѣдниковъ слова божія!.. Но, какъ бы то ни было, они сблизились со всей знатью и ученымъ сословіемъ города Чанг-кинга; народъ глухо ponталъ и нерѣдко высказывалъ явное свое негодованіе на пришлецовъ. Для усмиренія готовящагося къ вспышкѣ мятежа, Роже былъ высланъ въ Макао; когда же волненія утихли, на подмогу оставшимся въ Чанг-кингѣ прибылъ о. ***Антоній Альмеида.*** Мисія держалась еще семь лѣтъ, по прошествіи которыхъ, новый намѣстникъ попросилъ Риччи съ товарищами выѣхать изъ предѣловъ имперіи. Рѣшеніе это было неизмѣнно... іезуиты повиновались и, прибывъ въ Кантонъ, были пріятно изумлены разрѣшеніемъ поселиться въ городѣ Чау-чеу. Здѣсь они смѣнили костюмы бонзовъ на одежду ученаго сословія и это переодѣванье снискало имъ всеобщее уваженіе. Риччи, не довольствуясь тѣсной сферой для своей дѣятельности, устремилъ виды на столицу Китая, объявивъ сотоварищамъ, что обратитъ въ католицизмъ императора и весь дворъ (¹).

Около этого времени, японскій даири ***Таико-сама*** собралъ многочисленное войско съ цѣлію завоевать Корею и вторгнуться въ Китай. Императоръ созвалъ военный совѣтъ и сосредоточилъ въ Пе-кингѣ главнѣйшія силы. Познакомясь съ однимъ изъ военачальниковъ, Риччи доѣхалъ съ нимъ до губерніи Кіанг-си, въ надеждѣ добраться до Пе-кинга, но буря побудила мандарина продолжать свой путь по сушѣ и разстаться съ мисіонеромъ, не доѣзжая Нанг-кинга. Къ несчастью и отсюда Риччи былъ высланъ, а китайцы, давшіе ему пріютъ, строго наказаны. Риччи возвратился въ областъ Кіанг-си, гдѣ ласковый пріемъ, оказанный губернато-

(¹) См: Du Halde t. II и Histoire générale des voyages P. 1748 t. VI p. 359.

ромъ, утѣшилъ его за досадную неудачу. Здѣсь къ нему присоединились товарищи и, между ними—о. о. *Катанео* и *Лонгабарди*. Риччи удалось вмѣстѣ съ ними пристать къ свитѣ губернатора, отправлявшагося въ Пе-кингъ, но война помѣшала имъ какъ пробыть долго въ этомъ городѣ, такъ равно и заняться дѣломъ пропаганды. Война однако же окончилась счастливо: японцы были разбиты, Таико-сама умеръ и Риччи поселился въ Нанг-кингѣ. Прибытіе въ Макао португальскаго посольства съ подарками къ императору дало возможность неутомимому Риччи осуществить свое давнишнее намѣреніе проникнуть въ Пе-кингъ. Онъ присоединился къ посольству, которое и отправилось въ путь. Въ городѣ Линг-тсинг-чу тамошній губернаторъ (евнухъ), осматривая европейскія диковинки, назначенныя въ подарокъ императору, плѣнился ими и сталъ просить, чтобы нѣкоторыя изъ нихъ уступили ему, — посланники, разумѣется, отказали и тогда китайскій крючкодѣй, отыскавъ между вещами Риччи изображеніе св. Распятія, призналъ его чарою для изуроченія императора... За таковой *злой умыселъ*, Риччи и его товарищи были посажены въ тюрьму, изъ которой хотя и были выпущены, но все же не безъ матеріальныхъ убытковъ. Наконецъ-то, Риччи, призванный въ Пе-кингъ, сопровождаемый *о. Пантойею* и четырмя учениками, былъ благосклонно принятъ императоромъ *Шин-тсунгомъ*. Въ числѣ подарковъ, іезуитъ поднесъ государю прекрасные стѣнные часы и карманные, съ репетиціей — невиданные до того времени въ Китаѣ. Восхищенный Шин-тсунгъ отвелъ для помѣщенія мисіонеровъ прекрасный домъ, далъ значительную сумму на ихъ содержаніе и позволилъ имъ безпрепятственно бывать во дворцѣ... Такимъ образомъ Риччи достигъ наконецъ той желанной цѣли, къ которой стремился двадцать лѣтъ и, пользуясь милостями императора, усердно принялся за пропаганду. Изъ множества обращенныхъ въ католицизмъ были: министръ *Ли*, цѣлое семейство удѣльныхъ князей *Нан-шанг-фу*, вельможа *Павелъ Сіу* съ дочерью Кандидою. Послѣдняя на собственный счетъ напечатала катехизисъ, христіанскіе учебники и многія другія книги іезуитовъ; строила церкви, больницы и дѣтскіе пріюты... Дѣло пропаганды достигло, наконецъ, такой степени успѣховъ, что въ одной только области *Кіанг-нань* было построено девяносто католическихъ церквей, 45 молитвенныхъ домовъ (ораторій) и четыре конгрегаціи: св. Дѣвы, св. Ангеловъ, страстей Христовыхъ и св. Игнатія. Въ послѣднюю собирались разъ въ мѣсяцъ для обсужденія ученыхъ трактатовъ на разные догматы христіанства, —добренные мисіонерами читались вмѣсто проповѣдей по воскресеньямъ, не мало способствуя обращенію многихъ язычниковъ (¹).

За ясными днями неминуемо слѣдуютъ грозы—и надъ іезуитами надвигались двѣ грозныя тучи: съ одной стороны бонзы, предчувствуя въ успѣхахъ новаго ученія конечную гибель язычества, старались всячески вредить мисіонерамъ; съ другой, врагомъ ордена явился его же генеральный викарій въ Макао. Мисіонеры францисканскаго ордена о чемъ-то поспорили съ іезуитами и разрѣшеніе спора предоставили ихъ ректору: онъ призналъ правыми францисканцевъ. Никогда самый адъ, по словамъ историка (²), не изобрѣталъ ничего гнуснѣе мщенія, измышленнаго однимъ изъ приверженцевъ генеральнаго викарія, который готовъ былъ разрушить христіанство въ Китаѣ, лишь бы іезуиты погибли подъ его развалинами. Онъ распустилъ слухъ между китайцами, что честолюбіе іезуитовъ непомѣрно, что проповѣданіе евангелія только предлогъ для возведенія на императорскій престолъ мисіонера *Катанео*, что этому намѣренію способствуютъ самыя тѣ мѣста въ Кантонѣ и Пе-кингѣ, на которыхъ они поселились, что недавно показавшійся у береговъ Китая голландскій флотъ, будетъ содѣйствовать имъ; что губернаторъ Макао, со всѣми ему подчиненными войсками, держитъ сторону іезуитовъ — и, что, наконецъ, къ мятежникамъ-китайцамъ присоединятся японцы-христіане.

Эти страшныя клеветы распространялись по всему Кантону, а затѣмъ встревожили и многіе другіе города. Разнесся слухъ, что Риччи казненъ, а товарищъ его, *Мартинецъ*, схваченъ и посаженъ въ темницу въ Кантонѣ; его (какъ гласила молва) выдалъ

(¹) См. Histoire général des voyages. p. 1748 T. VI, p. p. 360 et 361.

(²) См. Histoire gén. des voyages, p. 1748 t. VI, p. 361.

одинъ новоокрещенный, и Мартинецъ умеръ подъ палками... Къ счастію для іезуитовъ, градоправители китайскіе убѣдились въ лживости этихъ слуховъ (1). Потрясенный этими позорными событіями, Риччи умеръ въ Пе-кингѣ, 58 лѣтъ, 11 мая 1610 года. Похороны его происходили съ необыкновенной пышностью; императоръ пожалѣлъ о немъ и отдалъ для его погребенія старый храмъ съ большимъ участкомъ земли. Храмъ этотъ іезуиты обратили въ церковь, а окружавшее его мѣсто—въ кладбище. Рано, слишкомъ рано умеръ Маттео Риччи, этотъ герой католической пропаганды въ Китаѣ... Если бы угодно было Богу продлить ему жизнь еще лѣтъ на десять, сколько бы еще великихъ подвиговъ могъ совершить этотъ апостолъ Рима? Но смерть его была и не безвременна, напротивъ, она избавила мисіонера отъ стыда и ужаса, которые неминуемо поразили бы его, если бы онъ дожилъ до прибытія въ Китай изъ Европы страшной вѣсти о событіи, кровавымъ пятномъ заклеймившемъ лѣтописи Франціи и іезуитскаго ордена. Ровно за девять дней до кончины Риччи, т. е. 2 мая, того-же 1610 года, въ Парижѣ, въ улицѣ Ферронери, король Франціи, Генрихъ IV, испустилъ послѣдній вздохъ подъ ножемъ *Равайльяка*, ножемъ отточеннымъ и вложеннымъ въ руку убійцы—тѣми же іезуитами, собратьями Риччи...

Однако, это еще вопросъ: смутился ли бы онъ, при вѣсти о смерти Генриха IV, или порадовался ей отъ всего сердца? Риччи вступилъ въ орденъ іезуитовъ 15 августа 1571 года. Ровно черезъ годъ Парижъ отпраздновалъ Вароломеевскую ночь; благочестивый папа Григорій XIII украсилъ стѣны ватиканскаго дворца картиной, изображавшей убіеніе Колиньи... Риччи, бывшій тогда въ Римѣ, не могъ не видать ее, не могъ не любоваться подписью, гласившей, что святой отецъ одобряетъ это убійство и радуется Вареоломеевской бойнѣ! Риччи прибылъ въ Гоа въ 1578 году и съ тѣхъ поръ уже не возвращался въ Европу; однако же въ Макао и въ Китай доходили извѣстія о европейскихъ событіяхъ къ мисіонерамъ едва ли не въ первыя руки...

(1) Ibid. p. p. 362—363.

Такимъ образомъ Риччи не могъ не знать объ убіеніи Генриха III, *Іаковомъ Клеманомъ*, клевретомъ іезуитовъ; не могъ не знать о неудачномъ покушеніи на жизнь Генриха IV *Жана Шателя*, ученика тѣхъ-же іезуитовъ, повѣшеннаго въ 1594 г. Знать о всѣхъ этихъ злодѣйствахъ—и повиноваться ихъ виновникамъ, принимать благословенія отъ руки, запятнанной кровью, сочувствовать братоубійцамъ—и, въ тоже время, проповѣдывать ученіе Христово... Признаемся! Разсудокъ и сердце отказываются примирять между собою эти вопіющія противорѣчія.

Въ самый годъ кончины Маттео Риччи, въ Китай прибылъ *Николай Триго* (Trigault), который видя, что „жатва многа, дѣлателей же мало", возвратился въ Европу, гдѣ собравъ новое ополченіе пропагандистовъ, изъ 44 членовъ, занялся съ ними въ Китаѣ подвигами обращенія до самой своей смерти 14 ноября 1628 года. Онъ оставилъ драгоцѣнныя лѣтописи мисіонерской дѣятельности въ Японіи, исторію экспедиціи Риччи въ Китаѣ и исторію христіанскихъ мучениковъ въ Японіи; кромѣ этихъ сочиненій *Триго*, превосходный синологъ, издалъ китайскій словарь въ трехъ большихъ томахъ.

Іезуитъ *Антоній Андрада*, современникъ, отчасти и сподвижникъ Риччи, прославился мисіонерскими трудами въ Восточной Индіи и Татаріи. Въ 1624 году онъ открылъ страну Тибетскую. Есть предположеніе, что онъ умеръ отъ яда, 19 марта 1634 года, даннаго ему... своими же собратьями. Португалецъ *Альварецъ Семмедо* прибылъ въ Нан-кингъ въ 1613 году. Черезъ четыре года возникли первыя гоненія на мисіонеровъ, продолжавшіяся шесть лѣтъ. Семмедо былъ заточенъ въ темницу, потомъ запертъ въ желѣзную клѣтку; его посылали въ ссылку въ Кантонъ и въ Макао, но онъ былъ неутомимъ. По возвращеніи въ Европу и послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Римѣ (1642—1644), собравъ значительное число сподвижниковъ, подъ чужимъ именемъ возвратился въ Китай, гдѣ и умеръ въ 1658 году. Историческія и филологическія его сочиненія не утратили достоинствъ и въ наше время. Но достойнѣйшимъ преемникомъ Риччи на поприщѣ мисіонерскомъ былъ *Адамъ Шалль*, уроженецъ Кельнскій (въ 1589 году). Ученый китаецъ, христіанинъ

Павелъ Сіу, предложилъ императору Хоай-тсунгу содѣйствіе Шалля для предпринятаго въ 1631 году преобразованія календаря. Призванный ко двору, іезуитъ своими математическими познаніями въ короткое время снискалъ благоволеніе императора и всѣхъ вельможъ. Въ этомъ же году для содѣйствія іезуитской мисіи прибыли въ Китай доминиканы и францисканы, однакоже соединенныя дѣйствія этихъ трехъ соединенныхъ орденовъ не увѣнчались особенными успѣхами, по причинѣ внѣшнихъ войнъ Китая съ татарами и внутреннихъ междоусобій. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе десяти лѣтъ Шалль успѣлъ обратить въ католицизмъ: Ѳому Кина, намѣстника области Кванг-си, главнокомандующаго Луку Шина, евнуха Пан-Ахиллеса, а съ нимъ и 50 придворныхъ дамъ; наконецъ приняли крещеніе, въ 1646 году: провозглашенный войсками императоръ Юнг-ли и его супруга; первый нареченъ Константиномъ, вторая—Еленою. Въ исторіи Китая *о. Дю-Гальда* сохранилось письмо императрицы, писанное къ папѣ Инокентію X въ 1650 году, вмѣстѣ съ отвѣтомъ его святѣйшества. Къ несчастію воцареніе новой монгольской династіи замедлило дальнѣйшіе успѣхи пропаганды.

Родоначальникъ династіи, *Шун-чи*, удостоившій о. Шалля своимъ вниманіемъ, поручилъ ему закончить начатое дѣло преобразованія календаря, возводя его въ санъ президента Суда математическихъ дѣлъ. Шалль принялъ эту должность, съ условіемъ, что труды его будутъ ограничиваться исключительно областью чистой *астрономіи*, чуждой всякихъ астрологическихъ бредней, которыми до того времени увлекались китайцы. Успѣшное исполненіе даннаго Шаллю порученія окончательно расположило къ нему молодаго императора. Онъ въ разговорахъ называлъ іезуита дѣдушкой (*ма-фа*), посѣщая его скромную келью, садился запросто на кровать, любовался архитектурными чертежами новой церкви, предположенной къ постройкѣ, ѣлъ плоды изъ сада о. Шалля, которыми тотъ подчивалъ императора... Наконецъ Шун-чи разрѣшилъ мисіонеру во всякое время, за чѣмъ-бы то ни было обращаться къ нему непосредственно. Въ уваженіе ходатайства Шалля, императоръ милостиво принялъ четырнадцать человѣкъ вновь прибывшихъ мисіонеровъ и въ томъ числѣ знаменитаго

впослѣдствіи *о. Фердинанда Вербье* (Verbiest). Историки говорятъ (¹), что императоръ охотно принялъ бы крещеніе, если бы отъ этого намѣренія его не отклоняли жены, послушныя бонзамъ... Послѣднія же были причиною и охлажденія государя, который впрочемъ, умирая, призвалъ Шалля къ себѣ и простился съ нимъ съ прежнею благосклонностью. Замѣчательно, что при этомъ императорѣ, мисіонеръ, кромѣ титла президента математическаго приказа, именовался также *учителемъ всякихъ хитростей* и былъ инспекторомъ литейной пушечнаго двора... Пушки отливались, безъ сомнѣнія, не для пальбы холостыми зарядами, что доказывало употребленіе ихъ во время войнъ съ инсургентами. Странно немножко видѣть мисіонера, занимающагося отливкою смертоносныхъ орудій, но, какъ быть! *Цѣль оправдывала средства* и въ этомъ случаѣ.

Императоръ Шун-чи умеръ 24 лѣтъ, завѣщая престолъ *Канг-хи*—восьмилѣтнему своему сыну. Мальчикъ, искренно любя Шалля, удалилъ отъ себя бонзовъ, а іезуита назвалъ своимъ наставникомъ. Состоя въ этой должности, Шалль ознаменовалъ себя спасеніемъ города Макао отъ разрушенія, предположеннаго въ видахъ обороны отъ нападенія страшнаго морскаго разбойника, вскорѣ усмиреннаго; кромѣ того, пользуясь довѣріемъ юнаго Канг-хи, іезуитъ искусно разрушалъ происки и интриги бонзовъ противъ христіанъ... Эта борьба была ему однако же не по силамъ: бонзы составили обширный заговоръ противъ мисіонеровъ, душою котораго былъ ученый *Янг-кванг-сіенъ*, человѣкъ умный и лукавый. Орудіемъ для пагубы мисіонеровъ былъ избранъ навѣтъ — вѣковое орудіе подлости и коварства. Янг-кванг-сіенъ издалъ книгу противъ христіанскаго ученія и въ тоже время четыремъ правителямъ имперіи подалъ формальную жалобу на происки мисіонеровъ и ихъ непрошенное вмѣшательство въ дѣла государственныя. Онъ утверждалъ, что іезуиты, „изъ своей родной страны изгнанные за постоянныя смуты, прибыли въ Китай съ цѣлію

(¹) См. Du Halde: Description de la Chine Tome I p. 464, T. III, p. 104.

взбунтовать народъ. Намѣренія Шалля, возвысившагося при дворѣ, заключались въ привлеченіи въ Пекинъ множества иноземцевъ, которые, разойдясь по губерніямъ, должны были снять планы городовъ и крѣпостей для успѣшнѣйшаго завоеванія имперіи. Слѣдомъ за этими соглядатаями должны были явиться несмѣтныя полчища, которымъ на подмогу явятся войска изъ Макао." Въ подтвержденіе этой грубой клеветы Янг-кванг-сіенъ ссылался на книгу Шалля, содержавшую въ себѣ, кромѣ увѣщаній язычникамъ обращаться ко Христу— длинный списокъ церквей, въ разныхъ областяхъ построенныхъ, и всѣхъ лицъ, принявшихъ св. крещеніе. Указывая на изображеніе распятія въ книгахъ іезуитовъ, доносчикъ говорилъ: „Богъ европейцевъ былъ распятъ за то, что хотѣлъ быть царемъ іудейскимъ: такъ же точно какъ и іезуиты хотятъ быть властителями Китая!"

Вслѣдствіе доноса — семидесятипятилѣтняго Шалля, со всѣми его сотрудниками, схватили и, заковавъ въ цѣпи, посадили въ темницу, 12 ноября 1664 года. При допросахъ его заставляли стоять на колѣняхъ; за больнаго, изнуреннаго старика отвѣчалъ ***Вербіе***. Іезуитовъ обвиняли въ злыхъ умыслахъ на спокойствіе имперіи; главою заговора называли Шалля. Судъ не внималъ ни оправданьямъ, ни ходатайствамъ знатныхъ лицъ. Процесъ мисіонеровъ окончился въ 1665 году слѣдующимъ приговоромъ: „Религія христіанская — ученіе лживое и опасное, мисіонеръ Шалль со всѣми сообщниками подлежатъ наказанію, которое присуждаетъ законъ мятежникамъ и распространителямъ лжи. По этимъ соображеніямъ — Шалль, какъ глава заговора, подлежитъ смертной казни чрезъ удавленіе." Приговоръ этотъ найденъ былъ однако же слишкомъ милостивымъ и его измѣнили: Шалль былъ приговоренъ ***къ разъятію по суставамъ***— мучительнѣйшему и позорнѣйшему изъ всѣхъ наказаній. Приговоръ этотъ былъ представленъ на утвержденіе четырехъ правителей и всѣхъ членовъ императорской фамиліи.—Здѣсь, по словамъ Дю-Гальда - небо очевидно выразило свое состраданіе къ вѣрнымъ своимъ служителямъ. Каждый разъ, какъ только приступали къ чтенію приговора, ***страшное землетрясеніе колебало весь городъ***. Смущеный народъ и императрица-

мать приписывали это явленіе несправедливости судей и правотѣ осужденныхъ. Приговоръ смягчили: тысяча двѣсти христіанъ, замѣшанныхъ въ эти дѣла, были освобождены немедленно; мисіонеры были оставлены въ темницѣ и исполненіе приговора пріостановлено...

Дю-Гальдъ, не ограничиваясь однимъ чудомъ, повѣствуетъ еще о пожарѣ дворца, о разныхъ видѣніяхъ и т. д., что положительно отвергаетъ въ своей исторіи другой іезуитъ ***о. Наваретта***, но, какъ-бы то ни было, мисіонеры были помилованы и отъ заточенія освобождены... Не дерзая отрицать проявленій милости Господа къ его избранникамъ, мы, однако же, не осмѣливаемся въ число послѣднихъ включить о Шалля и К°. Легко можетъ быть, что землетрясеніе случайно совпало съ днемъ чтенія смертнаго ихъ приговора; историкъ долгомъ счелъ прикрасить это событіе цвѣтами своего краснорѣчія (по обычаю іезуитскому: ad majorem Dei gloriam) и сочинить ***чудо*** тамъ, гдѣ его и не было. Мы бы дерзнули только спросить почтеннѣйшихъ отцевъ іезуитовъ: почему они, желая видѣть ***чудо*** въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ благополучное окончаніе процеса ихъ собрата о. Адама Шалля, не только отринаютъ очевидное проявленіе божественнаго промысла, но еще и приписываютъ его навѣтамъ злаго духа при другомъ событіи, занесенномъ въ лѣтописи римско-католической церкви? Такъ какъ событіе это читетелямъ нашимъ неизвѣстно, мы его раскажемъ со всѣми подробностями, предоставляя самимъ читателямъ сдѣлать изъ него какой имъ угодно нравственно-религіозный выводъ (¹).

Знаменитый въ свое время юристъ и кровопійца, ***Боденъ***, авторъ книги ***Демономанія***, разсказываетъ въ ней между прочимъ о процесѣ нѣкоей ***Жанны д'Арвилье*** изъ Верберп, близъ Компьеня, проговоренной стараніями Бодена 30 апрѣля 1578 года къ сожженію на кострѣ, за чародѣйство и связь съ дьяволомъ. Что демономанія, т. е. вѣрованіе въ вмѣшатель-

---

(¹) Разсказъ этотъ извлекаемъ мы изъ готовящейся для печати, составляемой нами *Исторіи Суевѣрія*.

ство дьяволовъ въ людскія дѣла, была какимъ-то религіознымъ догматомъ въ XVI и XVII вѣкѣ, это, мы полагаемъ, извѣстно читателямъ, но едвали извѣстно имъ, что Боденъ, этотъ палачъ, это лютое животное, клевретъ инквизиціи, приписывалъ бѣсамъ неограниченную власть надъ людьми, утверждая, что бѣсы рѣютъ въ воздухѣ, кишмя кишатъ въ водѣ, копошатся въ землѣ и вьются въ струяхъ пламени; что они, *въ видѣ огоньковъ, заманиваютъ путниковъ въ болота* (1)... И этому самому Бодену было поручено быть слѣдователемъ въ дѣлѣ Жанны д'Арвилье, обвиненной, какъ мы говорили, въ чародѣйствѣ.

Дѣло въ двухъ словахъ: Одинъ изъ мужиковъ той деревни, гдѣ жила Жанна, ни за что ни про что прибилъ ея пятнадцатилѣтнюю дочь. Суевѣрная мать, желая отмстить негодяю, пустила на него порчу, т. е. бросила въ его сторону соль, золу и уголь, на которые *нашептала* какая-то мѣстная старушонка, выдававшая себя за колдунью. Одновременно съ порчею, пущенною Жанною на мужика, послѣдній заболѣлъ разслабленіемъ.... (вѣроятно сифилисомъ) и донесъ судьямъ, что его испортила Жанна. Ее схватили, пытали и, благодаря послѣднему средству, довели до сознанія, что она въ связи съ дьяволомъ, бываетъ на шабашѣ и пр. Ее приговорили къ костру... но, въ день казни, въ ту самую минуту, когда вели бѣдную мученицу на костеръ, прыснулъ проливный дождь, возобновлявшійся трижды во время зажиганія костра! Мудрые судьи, имѣвшіе во главѣ высокоумнаго Бодена, рѣшили, что это навожденіе *діавола и ангеловъ его*: Жанну все-таки сожгли, а Боденъ занесъ это обстоятельство на страницы своей исторіи къ неизгладимому позору и себѣ самому и судьямъ, а главное — современнымъ духовнымъ властямъ, т. е. прислужникамъ инквизиціи. Вотъ образецъ логики клерикаловъ: дождь, заливающій костеръ невинной жертвы изувѣрства — есть навожденіе бѣсовское; землетрясеніе, во время произнесенія, приговора надъ интриганомъ іезуитомъ — есть про-

(1) Bodin, Démonomanie Liv. I. Chap. VI p. 135 verso. Такъ этотъ невѣжда объяснялъ блуждающіе огоньки.

явленіе небесной благодати! Не ясное-ли доказательство, что въ нечистыхъ, окровавленныхъ рукахъ инквизиторовъ, христіанская вѣра превращалась въ грубѣйшій, чисто языческій *дуализмъ?* Защитники папства возразятъ на это, можетъ быть, что Шалль жилъ почти чрезъ сто лѣтъ послѣ Жанны д'Аравилье, что съ того времени взглядъ католическаго духовенства на вмѣшательства царя вѣчной тьмы въ дѣла міра сего могъ измѣниться. Какъ же такъ? отвѣтимъ и мы въ свою очередь. Вѣдь папа *непогрѣшимъ*, стало и велѣнія его безошибочны — и, если Григорій XIII издавалъ буллы о сожженіи чернокнижниковъ на кострахъ, могъ-ли Климентъ IX отрицать эти премудрыя постановленія? Непогрѣшимость не должна знать ни прогреса, ни образованія, — она превыше того и другаго. Она внѣ условій обыкновеннаго человѣческаго развитія. По догмату католицизма непогрѣшимъ былъ знаменитый *Урбанъ II*, виновникъ крестовыхъ походовъ, изъ гнусныхъ, корыстолюбивыхъ видовъ натравившій Европу на Азію богохульнымъ кликомъ: „Богу такъ угодно!“ Непогрѣшимъ былъ и Александръ VI *Борджіа*, т. е. чудовище злости и распутства; непогрѣшимъ былъ и *Сикстъ V*, такъ адски изобрѣтательный на истязанія людей... Но мы бы не кончили нашего перечня, еслибъ стали перечислять всѣхъ этихъ *непогрѣшимыхъ!..*

Перетолковывая въ свою пользу естественное явленіе, которому Шалль и его товарищи были одолжены спасеніемъ жизни, іезуиты впали въ самое смѣшное противорѣчіе. Шалль, вступая въ должность президента приказа математическихъ дѣлъ, предупредилъ императора, что онъ не намѣренъ вдаватися въ астрологическія бредни, называя грѣхомъ вѣковыя вѣрованія китайцевъ въ таинственное вліяніе звѣздъ на судьбу людей, въ вѣщее значеніе затмѣній, кометъ и метеоровъ. Доказывая китайцамъ всю суетность этихъ вѣрованій, отецъ Шалль, безъ всякаго сомнѣнія, долженъ былъ, въ числѣ прочихъ доводовъ, сказать ту простую истину, что между движеніями свѣтилъ небесныхъ, естественными явленіями, и событіями историческими не можетъ быть никакой связи... Зачѣмъ же его приверженцы и сотоварищи указывали на землетрясеніе, случившееся во время процеса

іезуитовъ, какъ на проявленіе гнѣва Господня на судей? Не подали ли они этимъ сами противъ себя могущественное оружіе бонзамъ, не дали ли они право язычникамъ издѣваться надъ шаткостью ихъ убѣжденій?

О. Адамъ Шалль умеръ черезъ два года послѣ своего освобожденія, 15 августа 1666 года, и послѣ сорока четырехъ лѣтъ усердной своей мисіонерской дѣятельности. Въ теченіе четырнадцати послѣднихъ лѣтъ имъ было обращено свыше ста тысячъ китайцевъ. Въ его отчетѣ, или какъ онъ называлъ: ***Историческомъ повѣствованіи о началѣ и успѣхахъ мисіи общества Іисусова въ Китаѣ*** (¹), находится много любопытныхъ данныхъ какъ касательно исторіи католицизма, такъ равно и исторіи Китая. Преемникомъ его былъ о. Фердинандъ Вербіе, о которомъ мы поговоримъ подробнѣе въ послѣдующихъ страницахъ; теперь же назовемъ еще нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ современниковъ и сотрудниковъ Шалля.

Мартино Мартини, уроженецъ тарентскій и долгое время мисіонеръ въ Китаѣ, умершій въ Макао въ 1662 году, прославился особенно своею ученою дѣятельностью. Ему обязана Европа драгоцѣннымп собраніями самыхъ точныхъ географическихъ, историческихъ и статистическихъ свѣденій о Китайской имперіи. Составленныя имъ карты пятнадцати губерній, въ особенности генеральная карта Китая, могутъ назваться своего рода совершенствами. По ученымъ своимъ заслугамъ Мартини выше Риччи и Шалля.

Александръ де-Родъ (de-Rhodes), вступившій въ орденъ іезуитовъ въ 1612 году, родился въ Авиньонѣ, 15 марта 1591 года. По повелѣнію папы и по собственному желанію, 4 апрѣля 1619 года онъ, съ тремя товарищами, отплылъ на кораблѣ „св. Тереза“ изъ Лиссабона въ Гоа, куда и прибылъ 9 октября послѣ труднаго, шестимѣсячнаго плаванія.

Съ первыхъ же дней прибытія, всматриваясь въ дѣйствія та-

(¹) Оно было издано на латинскомъ языкѣ два раза: въ Вѣнѣ 1665 in. 8 и въ Регенсбургѣ — 1672. Последнее изданіе признано лучшимъ и полнѣйшимъ.

мошнихъ мисіонеровъ, онъ не одобрялъ ихъ, и вотъ подлинный его отзывъ: „Не могу скрыть двухъ вещей, доставившихъ мнѣ крайнее неудовольствіе, которыя, по моему мнѣнію, не мало способствуютъ упорству невѣрныхъ. Знаю очень хорошо, по крайней мѣрѣ, что склонять ихъ къ тому или другому было мнѣ весьма трудно. Во первыхъ, у мисіонеровъ принято за правило: ***некрещеныхъ всячески чествовать и ласкать, а потомъ, окрестивъ ихъ, едва удостоивать своимъ вниманіемъ.*** Во вторыхъ, какъ только язычники окрестятся, ихъ заставляютъ покидать туземное одѣяніе, носимое ихъ некрещеными земляками. Трудно повѣрить, какъ тяжелы для нихъ эти переодѣванія. Я не могъ понять зачѣмъ отъ нихъ требуютъ такихъ вещей, которыхъ Господь нашъ ни отъ кого не требуетъ? Что касается лично до меня, я въ Китаѣ всегда спорилъ съ тѣми, которые заставляли вновь окрещеныхъ стричь свои длинные волосы... Я говорилъ имъ, что евангеліе повелѣваетъ человѣку исторгать грѣхи изъ души своей, а не волосы съ своей головы!“

Этихъ немногихъ строкъ достаточно, чтобы читатель имѣлъ понятіе о прекрасномъ, истинно христіанскомъ характерѣ Александра и о ***его*** системѣ обращенія. Этотъ мисіонеръ, котораго можно назвать счастливымъ исключеніемъ изъ общаго правила, въ бытность свою въ Гоа, обращалъ особенное вниманіе на дѣтей язычниковъ и въ ихъ чистыя сердца посѣвалъ слово божіе, какъ на воспріимчивую почву.

Послѣ проповѣдей въ Японіи, въ Кохинхинѣ и на Малаккѣ, Александръ прибылъ въ Макао, откуда перебрался и въ Кантонъ... Отсюда, послѣ двухлѣтняго пребыванія, въ декабрѣ 1624 года, онъ отправился опять въ Кохинхину съ о. ***Маттосомъ*** и пятью іезуитами, прибывшими изъ Европы. Въ Кохинхинѣ Александръ въ четыре мѣсяца выучился трудному тамошнему языку и говорилъ на немъ проповѣди. Черезъ три года онъ отправился въ Тонкинское королевство. Король очень ласково принялъ мисіонера и былъ очень доволенъ поднесенными ему подарками, состоявшими изъ часовъ песочныхъ, механическихъ и книги: Курсъ математики и астрономіи на китайскомъ языкѣ. „Отъ объясненій теченія звѣздъ“, сказалъ при этомъ Александръ „надѣюсь дойд-

ти съ нами, государь, и до всемогущей руки, направляющей ихъ путь!“ Король пригласилъ его къ обѣденному столу, во время котораго Александръ объяснилъ механизмъ боевыхъ часовъ, звонъ которыхъ привелъ въ восхищеніе короля и весь дворъ. Александру для помѣщенія отдѣлали цѣлый домъ на лучшей улицѣ столичнаго города...

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ Тонкинѣ, мисіонеръ снова принужденъ былъ скитаться по языческимъ странамъ, частію для проповѣдей, частію же избѣгая гоненій. Наконецъ, высшее духовное начальство поручило ему ѣхать въ Европу за сборомъ для мисіонеровъ. Ѣхать ему было приказано чрезъ Малакку, куда онъ и прибылъ 14 января 1646 года. Вступая въ городъ, онъ невольно прослезился: въ этотъ день голландцы, обладатели Малакки, праздновали свою побѣду. Шесть лѣтъ тому назадъ, пользуясь слабостью гарнизона, они вытѣснили португальцевъ и, овладѣвъ островомъ, истребили всѣ слѣды учрежденій религіи римско-католической... Послѣ сорока дней ожиданія корабля, Александръ отправился на островъ Яву. Здѣсь, по приказанію батавскаго городничаго, *за служеніе католической обѣдни*, Александръ былъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ просидѣлъ три мѣсяца. Онъ былъ освобожденъ стараніями новаго голландскаго губернатора, отправился на Макассаръ, гдѣ нашелъ англійскій корабль, отправлявшійся въ Европу, однако же за противными вѣтрами, вмѣсто того, чтобы обогнуть мысъ Доброй Надежды, корабль прибылъ въ Суратъ. Эти неудачи побудили Александра пуститься въ Европу инымъ путемъ: чрезъ Персію и Натолію до Смирны и оттуда на кораблѣ Средиземнымъ моремъ. Онъ отправился въ дорогу въ мартѣ 1648 года и ровно чрезъ годъ прибылъ наконецъ въ Римъ, гдѣ занялся изданіемъ ученыхъ своихъ трудовъ, изъ которыхъ самый любопытный, его: *Путешествія*, впервые изданныя въ Парижѣ въ 1653 году. По отзывамъ безпристрастной критики, авторъ заслуживаетъ вниманія только въ тѣхъ мѣстахъ своей книги, въ которыхъ не касается вопросовъ религіозныхъ; въ послѣднихъ же вызываетъ у читателя невольную улыбку своимъ ребяческимъ легковѣріемъ. Такъ, между прочимъ, разсказывая о своемъ плаваніи въ Макао (28 мая 1622 года),

Александръ говоритъ, что корабль глубоко врѣзался въ песчаную мель въ виду мыса Рачадо. Всѣ старанія матросовъ были напрасны; корабль мгновенно сдвинулся съ мѣста и вышелъ на фарватеръ, благодаря реликвіи, которую мисіонеръ погрузилъ въ воду на длинной веревкѣ!

Послѣднимъ подвигомъ Александра до Родъ была мисія его въ Персію. Онъ умеръ въ Испагани 5 ноября 1660 года.

II.

Фердинандъ Вербіе.—Дипломатическія сношенія Россіи съ Китаемъ.—Посольство Головина.—Перейа и Жербійонъ.—Причины ихъ вмѣшательства.—Ученые труды іезуитовъ.—Ходатайство президента Кунутаи. — Указъ о свободѣ католическаго вѣроисповѣданія.—Торжество іезуитовъ.—Распря съ доминиканами. — Неудовольствіе императора. — Папскій легатъ.—Паденіе іезуитовъ.—Примѣръ ихъ двуличія въ Японіи.—Уничтоженіе храмовъ.—Изгнаніе мисіонеровъ.—Повсемѣстный удѣлъ іезуитовъ.—Вѣроятное ихъ будущее.—Дѣло пропаганды въ XIX столѣтіи.

Годъ кончины Адама Шалля совпалъ съ годомъ единодержавія императора Канг-хи (1666). Ему исполнилось еще только тринадцать лѣтъ, но онъ объявилъ народу, что регентство упраздняется. Одинъ изъ регентовъ, по имени *Суи*—умеръ; другой, обвиненный въ государственной измѣнѣ, былъ казненъ съ восьмерыми сыновьями... Ужасъ, весьма часто, бываетъ спутникомъ первыхъ дней единовластія великихъ государей. Канг-хи, по своимъ душевнымъ качествамъ, дѣйствительно имѣлъ право на названіе великаго. Врагъ роскоши, строгій, справедливый, онъ въ то же время страстно любилъ науки и покровительствовалъ ученымъ. Эта любовь сблизила его съ іезуитами, особенно съ *Фердинандомъ Вербіе*. Императоръ назначилъ его начальникомъ астрономическа-

го приказа. Вербіе ознакомилъ императора съ правилами геометрики, геометріи, наконецъ и музыки. По прежнимъ примѣрамъ, Вербіе избралъ науку въ посредничество между язычествомъ и христіанствомъ.

Внутренніе мятежи, вспыхнувшіе въ среднихъ областяхъ, отвлекли императора отъ мирныхъ занятій науками. ***Рыжіе варвары*** (голландцы и англичане) вошли въ торговыя сношенія съ Кантономъ... За усмиреніемъ мятежа слѣдовала двадцатилѣтняя война съ монголами-элетами, окончившаяся покореніемъ Тибета и присоединеніемъ къ Китаю великой степи ***Гоби*** или ***Шамо***. Въ самомъ началѣ этой войны ***Петръ Великій*** послалъ въ Китай графа Ѳеодора Алексѣевича Головина съ воеводой Власовымъ, дьякомъ Семеномъ Корницкимъ и огромной свитой, для переговоровъ съ императоромъ Канг-хи, о точномъ опредѣленіи границъ между Китаемъ и Россіею. Мѣстомъ конференцій избранъ былъ городъ Нерчинскъ (12 августа 1689). Кромѣ главнѣйшихъ сановниковъ китайскихъ, въ переговорахъ, по порученію Канг-хи, приняли участіе и мисіонеры іезуиты: ***Перейя*** и ***Жербійонъ*** (Gerbillon). Чрезъ 15 дней былъ заключенъ первый нашъ договоръ съ китайскимъ дворомъ (***вынужденный обманомъ и силою***, какъ говоритъ историкъ (¹). Границами между обѣими имперіями назначены рѣки Горбица и Аргунь; городъ ***Албазинъ***, построенный русскими, постановлено срыть до основанія, подданнымъ обеихъ императоровъ разрѣшено въѣзжать въ оба государства для торговыхъ сношеній... Ревнуя о пользахъ и о чести своего царя, Головинъ выразилъ желаніе, чтобы на дипломатическихъ граматахъ прописывался полный царскій титулъ; но іезуиты отклонились отъ исполненія этого желанія, а равно и отъ утвержденія нѣкоторыхъ статей договора, клонившихся къ выгодамъ Россіи. Задушевной мыслію іезуитовъ было разореніе Албазина. Въ этомъ городкѣ, населенномъ русскими и обратившимися въ православіе китайцами, іезуиты опасались встрѣтить

(¹) Бантышъ Каменскій: Біографіи Генералиссимусовъ — см. ***Головинъ***, стр. 9 и слѣд.

сильное противодѣйствіе ихъ пропагандистскимъ замысламъ... Въ исполненіе договора, 2 октября того же года, было приступлено русскими къ разоренію Албазина, но вмѣстѣ съ тѣмъ и укрѣпленію Нерчинска. Ни русскій посолъ, ни китайскіе вельможи не проникли настоящей причины вмѣшательства іезуитовъ въ дипломатическія сношенія; послѣдніе, вмѣстѣ съ императоромъ, радовались уничтоженію русскаго города въ предѣлахъ китайскихъ. Они видѣли въ Альбазинѣ опасный стратегическій пунктъ, іезуиты же — разсадникъ ненавистнаго для нихъ православія.

Ученые труды іезуитовъ, въ царствованіе Канг-хи — неоцѣненны. По его повелѣнію о.о. ***Буве***, ***Режи***, ***Жарту***, ***Фраделли***, ***Кордозо***, ***де-Тартръ***, ***де-Майя*** (de Mailla) и ***Бонжуръ*** составили карты многихъ областей, по европейской методѣ, т. е. употребляя тріангуляцію, дѣлая наблюденія астрономическія и надъ склоненіемъ магнитной стрѣлки. Карты эти, изданныя сначала на китайскомъ языкѣ, были впослѣдствіи перепечатаны по латыни и приложены къ сборнику Дю-Гальда. Старанія іезуитовъ, особенная заслуга ихъ при переговорахъ съ русскими, снискали имъ наконецъ отъ императора давно желанное разрѣшеніе о свободномъ богослуженіи и невозбранномъ посѣщеніи китайцами храмовъ римско-католическихъ. Въ 1692 году, ***Купутаи***, президентъ приказа богослужебныхъ обрядовъ, представилъ на утвержденіе Канг-хи нижеслѣдующую докладную записку, на которую послѣдовало утвержденіе императора:

„Я, вѣрноподданный вашего величества, ***Купутаи***, президентъ приказа богослужебныхъ обрядовъ и начальникъ многихъ другихъ судовъ, повергаю это объясненіе на благоусмотрѣніе ваше, съ готовностью всепокорно повиноваться велѣніямъ вашего величества. Я и совѣтники мои обсудили сообщенное вами дѣло и порѣшили его тако: Находимъ, что эти европейцы переплыли обширныя моря и прибыли съ разныхъ концовъ земли — привлеченные высокою мудростью вашею и добродѣтелью несравненною, всѣ народы чарующею и всѣхъ вамъ подчиняющею. Нынѣ эти иноземцы завѣдуютъ приказами астрономіи и математическихъ дѣлъ. Они съ прилежаніемъ занимались строеніемъ военныхъ машинъ и отливкою пушекъ, которыя употреблялись въ дѣло во время послѣд-

нихъ мятежей. Посланные въ Нинтчу (т. е. въ Нерчинскъ), вмѣстѣ съ нашими уполномоченными для мирныхъ переговоровъ съ москвитянами, они нашли способъ уладить эти переговоры, чѣмъ оказали имперіи великія услуги. Европейцевъ, живущихъ въ областяхъ, никто не обвинялъ въ томъ, чтобы они кому вредили, либо производили безпорядки. Проповѣдуемое ими ученіе — не худое, для народа невозмутительно и не содержитъ въ себѣ никакого соблазна. Всѣмъ и каждому дозволяется ходить въ храмы *ламайскіе*, исповѣданій *Хо-шангъ* и *Тао-ссе*; въ церкви же европейцевъ ходить не позволяютъ, хотя они не дѣлаютъ ничего противнаго закону. Подобное распоряженіе кажется намъ неосновательнымъ. Слѣдовало бы оставить всѣ европейскія церкви, по всей имперіи, въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ были древле и разрѣшить всѣмъ и каждому ходить въ нихъ и поклоняться Богу—никого за это не безпокоя и не преслѣдуя. Ожидаемъ повелѣній вашего величества для исполненія предлагаемаго указа во всѣхъ предѣлахъ имперіи. Составлено членами министерства въ полномъ составѣ, въ третій день второй луны, въ тридцать первое лѣто вашего царствованія“ (т. е. 20 марта 1692 года).

Императоръ, какъ мы уже сказали, утвердилъ этотъ указъ, къ совершеннѣйшему торжеству іезуитовъ... Великое зданіе католицизма, надъ созиданіемъ котораго, въ теченіе болѣе вѣка, трудились величайшіе умы братства Лойолы; зданіе — въ основаніе котораго многіе клали свои головы, проливали кровь,—зданіе это, наконецъ, было возведено во всю свою высоту и увѣнчанное крестомъ, призывало подъ его сѣнь милліоны язычниковъ, въ близкомъ будущемъ (какъ казалось) готовыхъ присоединиться къ стаду римскаго пастыря... Но суждено было, однако же, осуществиться этимъ блестящимъ надеждамъ пропагандистовъ: надъ ними и строеніемъ ихъ сбылись пророческія слова царя-псалмопѣвца: *„Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи“*... (Пс. 126, ст. 1).

Зданіе іезуитской пропаганды въ Китаѣ рухнуло.

Вскорѣ послѣ указа о свободѣ римско-католическаго вѣроисповѣданія, между іезуитами и миссіонерами доминиканскаго ордена возникли споры и распри. Поднятъ былъ вопросъ о значеніи нѣкоторыхъ китайскихъ словъ и о характерѣ нѣкоторыхъ обрядовъ. Мисіонеры спорили, *во первыхъ* о томъ: видимое небо или царя небеснаго разумѣютъ китайцы подъ именами *Тіенъ* и *Шангъ-ти?* Во вторыхъ: праздники въ память предковъ и Кунг-фу-тси слѣдуетъ ли признавать обрядами религіозными или просто гражданскими обычаями?

Іезуиты, будучи уступчивѣе доминиканов, рѣшили оба вопроса въ смыслѣ, соотвѣтствующемъ ихъ видамъ, т. е. не придали имъ никакого религіознаго значенія. По ихъ мнѣнію, крещеные китайцы могли называть Бога тѣми же именами, которыми называли его и въ язычествѣ и праздники свои въ память предковъ и великаго законодателя могли соблюдать попрежнему. Доминиканы возстали противъ этого рѣшенія, заспорили: споръ ожесточился и окончился тѣмъ, что они, предоставивъ самому императору Канг-хи разрѣшить спорный вопросъ, въ тоже время увѣдомили и папу, испрашивая его мнѣніе.

Кромѣ устныхъ диспутовъ между мисіонерами, къ великому соблазну ихъ учениковъ, завязалась ядовитая полемика, при которой противники язвили другъ друга колкостями, высказывая другъ другу истины, которыя всего благоразумнѣе было бы, для обѣихъ сторонъ, не выводить на свѣжую воду. Императоръ принялъ сторону іезуитовъ; папа рѣшилъ вопросъ въ пользу доминикановъ. Іезуиты, въ докладной своей запискѣ императору, говорили, между прочимъ: „Умоляемъ ваше величество дать намъ положительныя инструкціи касательно слѣдующихъ пунктовъ: *Европейскіе ученые* (¹), узнавъ, что въ Китаѣ совершаются церемоніи въ честь Кунг-фу-тси, при которыхъ приносятъ жертву Богу, и что, кромѣ того, соблюдаются нѣкоторые обряды въ честь предковъ, — эти ученые, въ то же время, не имѣя понятія о точномъ смыслѣ и значеніи этихъ обрядовъ, всепокорнѣйше просятъ васъ, дать имъ по этому предмету объясненія. *Мы* полагали всегда, что Кунг-фу-тси чествуютъ въ Китаѣ какъ законодателя, что единственно въ этомъ смыслѣ соблюдаютъ цере-

(¹) Такъ іезуиты называли доминикановъ.

меніи, въ память его установленныя. *Мы* думаемъ, что обряды въ память предковъ установлены единственно въ видахъ изъявленія любви къ нимъ и увѣковѣченія памяти о добрыхъ дѣлахъ, содѣянныхъ ими при жизни. Что же касается до жертвъ, приносимыхъ небу, мы думаемъ, что онѣ приносятся не именно видимому небу, но властителю небесъ, создателю и блюстителю неба, земли, всего видимаго и невидимаго! Въ этомъ смыслѣ мы понимали китайскіе обряды—но не дерзая брать на себя подобнаго объясненія (можетъ быть и произвольнаго), мы осмѣливаемся просить ваше величество разрѣшить наши сомнѣнія."

Іезуиты знали очень хорошо, что императоръ приметъ ихъ подъ свою защиту, но и доминиканы. въ свою очередь, опирались на согласіе папы съ ихъ мнѣніемъ: положеніе тѣхъ и другихъ было ложно и безвыходно. Папа имѣлъ право негодовать на іезуитовъ за то, что въ дѣлѣ религіи они осмѣлились обратиться къ посредничеству язычника; императоръ, въ свою очередь, еще болѣе имѣлъ права осуждать доминиканов за то, что они отдали вопросъ объ обрядахъ его религіи на обсужденіе главы церкви, не имѣющаго никакого права вмѣшиваться въ государственныя дѣла Китая. Іезуиты говорили себѣ въ оправданіе (съ чѣмъ соглашался и папа), что успѣхъ пропаганды зависѣлъ отъ расположенія къ нимъ императора. Доминиканы (по своему, тоже правые) утверждали, что кромѣ папы, не хотятъ знать иной власти!.. Гордіевымъ узломъ завязался этотъ вопросъ и *Канг-хи* разрѣшилъ его—*по александровски*. Китайскіе ученые и бонзы, пользуясь распрями мисіонеровъ, поколебали въ императорѣ прежнее его благоволеніе къ христіанамъ; послѣднимъ же они прямо говорили:

— Какъ же вы хотите, чтобы мы вѣрили вашимъ проповѣдямъ, какъ непреложнымъ истинамъ, когда между собою вы не умѣете поладить?

Папа, для объясненій съ пекинскимъ дворомъ, прислалъ, въ качествѣ легата, кардинала *Турнона*. Въ декабрѣ 1705 года кардиналъ вручилъ императору меморію, писавную, такъ сказать, медомъ, млекомъ и елеемъ. „Повинуясь велѣніямъ Вашего величества, говорилъ въ ней легатъ—и я скажу, что его святѣйшество, прилагая ревностное попеченіе *о спасеніи души вашей*, желаетъ имѣть постоянную переписку съ вашимъ дворомъ для полученія свѣденій объ особѣ вашей, для сообщенія вамъ всякаго рода новостей, для увѣдомленія васъ обо всемъ что только можетъ быть вамъ пріятно. Для этого, его святѣйшество желалъ бы поселить въ Пе-кингѣ *одну особу* благоразумія обширнаго—*въ качествѣ главнаго начальника надъ европейцами*" (¹).

— Все это пустые, безполезные разговоры! холодно отвѣчалъ императоръ. Неужели вашему патріарху не о чемъ болѣе говорить?

Обиженный и раздосадованный предложеніемъ этой непрошенной, иноземной опеки, *Канг-хи* въ началѣ 1706 года издалъ указъ: разрѣшавшій европейскимъ мисіонерамъ проживать въ Китаѣ, съ условіемъ признавать и одобрять доктрину Кунг-фу-тси и номинальные обряды въ память предковъ. Другими словами, желавшіе жить въ Китаѣ должны были сознавать превосходство язычества надъ христіанствомъ... Трудно было, при этихъ условіяхъ, заниматься пропагандою!.. Правда, въ исходѣ XVII вѣка, іезуиты въ Японіи подчинялись еще тягчайшимъ условіямъ: въ видахъ благой цѣли, они исполняли даже *обрядъ отреченія* отъ христіанства, состоявшій, какъ мы уже говорили (см. Японія гл. III, стр. 275) въ плеваніи на святыя изображенія и въ попраніи ногами св. распятія—но едва-ли что этимъ выиграли, кромѣ развѣ презрѣнія и негодованія христіанъ!.. Любопытно, впрочемъ, и оправданіе отцовъ іезуитовъ: „въ минуту этого *наружнаго* оскорбленія святыни", говорили они—„покорявшіеся тяжкой необходимости сознавали, что попираютъ ногами не крестъ именно, *а только его деревянное или металлическое изображеніе*" (!!!) Да не удивляется читатель: эластичность совѣсти—одна изъ первыхъ обязанностей истиннаго члена общества Игнатія Лойолы!..

Въ 1717 году, преслѣдованія мисіонеровъ китайскимъ прави-

(¹) Другими словами его святѣйшество желалъ учредить въ Китаѣ митрополію, посадивъ во главѣ ея іезуитскаго генерала!

тельствомъ приняли характеръ открытаго гоненія. Къ печальной правдѣ о происках іезуитовъ примѣшивали нелѣпыя клеветы; то и другое привело къ конечному воспрещенію проповѣдывать христіанство: крещеныхъ китайцевъ предавали казнямъ и истязаніямъ; католическіе храмы разрушали и упраздняли; слово мисіонеръ сдѣлалось синонимомъ мятежника... Грустный результатъ многолѣтнихъ трудовъ и геройскихъ стараній іезуитовъ, — а между тѣмъ, результатъ этотъ былъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ дикой системы проповѣданія... Іезуитамъ не слѣдовало упускать изъ виду тѣхъ великихъ истинъ, что проповѣдуя *правду*, никогда не слѣдуетъ прибѣгать ко *лжи*; что хитрость — орудіе недостойное истиннаго сына церкви Христовой... что, наконецъ, самое христіанство дѣлать орудіемъ политическихъ видовъ — гнусно, безчестно, безбожно!..

За годъ до кончины Канг-хи (въ 1721 г.) прибылъ изъ Рима новый легатъ, принятый императоромъ необыкновенно ласково, съ увѣреніями, что отнынѣ между мисіонерами будетъ царствовать ненарушимое согласіе. Легатъ былъ въ восторгѣ; но іезуиты очень хорошо понимали, что подъ словами императора кроется злая насмѣшка. Дѣйствительно, черезъ два дня послѣ аудіенціи, Канг-хи возвратилъ легату вѣрющія его граматы съ припискою на *конституціи*, относившейся до мисіонеровъ: „Этотъ указъ касается только подлыхъ европейцевъ. Можетъ ли въ немъ быть рѣшеніе вопроса о великой религіи китайцевъ, которыхъ и языкъ-то невѣдомъ въ Европѣ? Изъ папскихъ писемъ я усматриваю только, что существуетъ великое сходство между вѣрой европейцевъ и вредною сектою бонзовъ *Тао-ссе*. Во избѣжаніе смутъ, я положительно воспрещаю проповѣданіе христіанства въ предѣлахъ моей имперіи!"

Отвѣтъ ясный и категорическій; опала очевидная. Съ воцареніемъ *Юнг-тчинга*, преемника Канг-хи, дѣла мисіонеровъ приняли еще худшій оборотъ. Губернаторъ *Фу-кіэна*, по имени *Тсунг-ту*, подалъ государю докладную записку, въ которой умолялъ его, въ видахъ спокойствія имперіи и блага подданныхъ, окончательно изгнать изъ Китая мисіонеровъ и *всѣ* ихъ храмы истребить. Императоръ передалъ записку въ приказъ религіозныхъ

обрядовъ на разсмотрѣніе. Приказъ, соглашаясь съ мнѣніемъ губернатора объ истребленіи христіанскихъ храмовъ, полагалъ однако же оставить при дворѣ только тѣхъ изъ европейцевъ, которые могли быть полезны государству своими познаніями въ искуствахъ и научными свѣденіями — прочихъ же всѣхъ высылать изъ предѣловъ имперіи. Пекингскіе мисіонеры обратились къ брату императора, умоляя его заступиться за нихъ...

— Мы въ Европу, подобно вамъ, не ѣздимъ! отвѣчалъ князь. Васъ сгубили ваши глупые споры о нашихъ обрядахъ и обычаяхъ... Повѣрьте, что и безъ васъ Китай не пропадетъ!

Мисіонеры просили, чтобы собратьи ихъ, вмѣсто Макао, были высланы только въ Кантонъ... И эта просьба не была уважена! Наконецъ имъ удалось вымолить аудіенцію у императора, но и то, какъ говорится, не на радость: эта аудіенція была послѣдней каплей въ чашѣ горестей іезуитовъ.

— Что бы вы сказали, говорилъ имъ императоръ, — что бы вы сказали, еслибъ и въ вашу землю вздумалъ наслать цѣлыя шайки *нашихъ*, буддійскихъ жрецовъ? При покойномъ вашемъ собратѣ, Риччи, васъ было немного; но имѣли вы тогда ни учениковъ, ни множества церквей во всѣхъ областяхъ имперіи. При покойномъ отцѣ моемъ вы размножились и ученіе ваше распространилось... Все это мы замѣчали еще тогда, но говорить противъ васъ не смѣли... Не надѣйтесь же теперь обмануть меня, какъ вы обманывали моего покойнаго родителя; я въ обманъ не дамся и вамъ меня не провести!.. Чего вы хотите? чтобы всѣ китайцы сдѣлались христіанами... знаю! Но что же тогда съ нами будетъ? Въ минуту смятенія они не станутъ слушать инаго голоса, кромѣ вашего!.."

„По платью встрѣчаютъ—по уму провожаютъ!" Въ эту правдивую нашу пословицу можно резюмировать всю всемірную исторію іезуитскаго ордена. Участь ихъ, вездѣ и всюду, одна и та же: сначала ихъ принимаютъ радушно, удостоиваютъ довѣрія, въ которое іезуиты (надобно отдать имъ справедливость) всегда и всюду умѣютъ вкрасться; потомъ ихъ проникаютъ, такъ сказать — *раскусываютъ* и, болѣе или менѣе учтивымъ образомъ — указываютъ имъ на двери. Такъ было съ ними во всѣхъ языческихъ и

христіанскихъ государствахъ, такъ будетъ съ ними, безъ сомнѣнія, даже въ странахъ католическихъ. Придетъ время — они будутъ изгнаны изъ Австріи (пойметъ же она наконецъ, что іезуиты ея враги); изъ благочестивой Бельгіи, гдѣ отъ іезуитовъ нѣтъ прохода; изъ *свободной* Швейцаріи (которая, рано или поздно, пойметъ, что съ помощью іезуитовъ сама на себя надѣваетъ ярмо папскаго деспотизма...). Испанія, послѣ недавняго государственнаго переворота, смотритъ на іезуитовъ не тѣми глазами, какими смотрѣла на нихъ десять лѣтъ тому назадъ; одна только Италія... Но и она, подобно всему свѣту, въ недалекомъ будущемъ сознается, что орденъ іезуитовъ точно такой же анахронизмъ въ наше время, какъ и отжившая инквизиція!

Преемники *Юнг-тчинга* придерживались, въ отношеніи іезуитовъ, тѣхъ же, какъ и онъ, правилъ строгости. Въ послѣдній разъ о іезуитахъ упоминаютъ лѣтописи Китая, подъ 1761 годомъ. Императоръ *Хіан-лунгъ* праздновалъ первое десятилѣтіе своего царствованія. Два іезуитскіе мисіонера — *Галлерштейнъ* и *Бенуа* поднесли ему составленную ими карту Китайской имперіи. Императоръ благосклонно принялъ подарокъ, но... званіемъ мандариновъ не удостоилъ почтенныхъ отцовъ и управленія астрономическимъ приказомъ имъ не довѣрилъ. Прошли золотыя времена *Риччи*, *Шалля* и *Вербіе*; во сто лѣтъ китайцы перестали быть простяками, да и іезуиты, въ свою очередь, не сдѣлались хитрѣе прежняго... Въ 1810 году о. *Маркини*, прокуроръ пропагандистской мисіи въ Макао, представилъ отчетъ ея дѣятельности: окрещеныхъ китайцевъ насчитывали тогда до 200,000; духовенства католическаго было, всего на все — двадцать девять человѣкъ. Съ тѣхъ поръ и они были повысланы изъ Пе-кинга, но въ провинціяхъ еще оставались и донынѣ существуютъ тайные агенты пропаганды; ихъ стараніями число христіанъ въ 1841 году возросло въ Китаѣ до трехсотъ двадцати тысячъ; незначительная цифра въ сравненіи съ массою всего народонаселенія, исчисленнаго тогда въ 367,460,000 душъ... Строгіе указы, изданные противъ европейскихъ мисіонеровъ, въ послѣдніе годы, довольно надежно охраняютъ Небесную имперію отъ покушеній католическихъ пропагандистовъ.

III.

Сравненіе іезуитовъ съ доминиканами.—Мисіонерская дѣятельность послѣднихъ въ Гоа. — Инквизиція. — Ауто-да-фе.—Ханжество жителей.—Іезуитская колегія.—Религіозный балетъ.—Превращеніе праздниковъ въ народныя зрѣлища.—Великій постъ.—Страстная седмица.—Праздникъ тѣла Господня.—Община братьевъ милосердія.—Праздникъ жатвы.

Іезуиты и доминиканы, въ мисіонерской ихъ дѣятельности, представляютъ двѣ самыя рѣзкія противоположности. Первые, какъ мы уже говорили, въ дѣлахъ обращенія язычниковъ вкрадчивы, льстивы и нерѣдко неприлично уступчивы; вторые — строгіе формалисты, ни на шагъ не отступаютъ отъ буквы догматовъ римско-католическаго вѣроисповѣданія. Вѣрный девизу своего ордена — *цѣль оправдываетъ средства*, іезуитъ-мисіонеръ переодѣвается въ платье язычниковъ — будущихъ своихъ учениковъ, поддѣлывается къ ихъ нравамъ и обычаямъ; доминиканъ, напротивъ, съ перваго шага на языческую землю желалъ бы всѣхъ вырядить въ монашескія рясы, требуя себѣ безусловнаго повиновенія. Іезуитъ опутываетъ неофита непримѣтной паутиной; доминиканъ сразу заковываетъ его въ цѣпи; іезуитъ старается дѣйствовать на воображеніе обращаемаго, очаровывая ему слухъ и зрѣніе, присоединяя изящество къ обрядамъ духовнымъ... доминиканъ старается поразить ужасомъ. Тамъ, гдѣ іезуиты устраиваютъ праздничную процесію, суровый доминиканъ строитъ костры и празднуетъ *ауто-да-фе*. Іезуитъ, наконецъ, тонкій дипломатъ: доминиканъ — даже не воинъ, а зачастую палачъ: первый ограничивается чернилами да устными спорами; второй прибѣгаетъ къ крови и рѣзнѣ...

До чего въ былыя времена доводила доминикановъ слѣпая ревность и зависть къ мисіонерамъ другихъ орденовъ, образчикъ того мы видѣли въ разсказанномъ нами выше столкновеніи ихъ съ

іезуитами въ Китаѣ. Іезуитская уступчивость разбилась о суровую доминиканскую нетерпимость...

Въ 1510 году португальскій адмиралъ *Альфонсъ Альбукеркъ* безъ боя овладѣлъ островомъ Гоа на прибережьяхъ Малабара. Испуганные жители покорились ему, умоляя единственно о пощадѣ ихъ жизни, имущества и личной свободы. Законный властитель два раза отнималъ у португальцевъ неблагопріобрѣтенное владѣніе, но сила *по обыкновенію* превозмогла правду и Гоа осталась во владѣніи европейцевъ. Закипѣла торговая и промышленная дѣятельность, явились мисіонеры и съ усердіемъ принялись за дѣло обращенія; одновременно съ ихъ прибытіемъ учреждено было и верховное судилище *святой* (!!) *инквизиціи*. Какъ мисіонеры, такъ и инквизиція дѣлали свое дѣло. Мы не будемъ разсказывать о всѣхъ ея ужасахъ былыхъ временъ; достаточно сказать нѣсколько словъ о ея дѣятельности въ исходѣ минувшаго столѣтія. Судилище въ Гоа состояло подъ управленіемъ двухъ президентовъ: *великаго инквизитора*, принадлежавшаго къ бѣлому духовенству, и его *помощника*, доминиканскаго монаха. Власть перваго простиралась на всѣхъ жителей, мірянъ и духовныхъ, кромѣ епископа—намѣстника и губернаторовъ, но и ихъ, въ случаѣ преступленія, великій инквизиторъ имѣлъ право заточить въ темницу и судить, донеся о томъ португальскому двору. При великомъ инквизиторѣ состояла огромная свита: камергеры, камеръ-юнкеры, пажи, конюшіе и пр. Содержаніе его равнялось содержанію вице-рея (намѣстника). Чиновники суда инквизиціи состояли изъ монаховъ орденовъ: Доминиканскаго, Августинскаго и босоногихъ Кармелитовъ. Сыщики суда именовались *фамиліарами*. Ихъ набирали изъ дворянъ первѣйшихъ фамилій; быть сыщикомъ считалось занимать почетнѣйшую должность: ея домогались многіе какъ особенной милости. Жалованья не полагалось,—сыщики служили единственно ради чести... и дѣйствительно—ужъ если быть предателемъ, такъ изъ любви къ искусству! Впрочемъ, сами сыщики -жертвы инквизиціи—были убѣждены, что служба ихъ - дѣло богоугодное, такъ какъ касается спасенія душъ заблудшихъ братій; тоже думалъ и каждый добровольный доносчикъ. Бывали примѣры, что сынъ доносилъ на отца, братъ

на брата, мать на сына; извѣты рабовъ и малолѣтнихъ дѣтей принимались во вниманіе; придавалось значеніе и безъимяннымъ доносамъ. Само собою разумѣется. что каждый духовникъ былъ агентомъ инквизиціи: все сказанное ему на исповѣди записывалось, передавалось на разсмотрѣніе инквизиторамъ и если встрѣчалось въ числѣ грѣховъ признаніе въ вольнодумствѣ, виновный на другой же день исчезалъ съ лица земли, попадая въ казематы инквизиціи, въ которыхъ, смотря по степени вины, содержался годъ, два, нѣсколько лѣтъ или всю жизнь; либо выходилъ на допросъ (приправленный пыткою), а съ допроса на костеръ. Жгли въ клѣткахъ, въ смоленыхъ или пропитанныхъ сѣрою рубахахъ, украшенныхъ изображеніями чертей и огненныхъ языковъ!.. Въ видѣ особой милости, по ходатайству родныхъ, за щедрыя взятки (т. е. благостыни), осужденныхъ къ костру удавляли предъ его зажженіемъ!..

Героиня первой французской революціи, *г-жа Роланъ*, готовясь склонить голову подъ топоръ гильотины, воскликнула глядя на статую свободы, стоявшую на площади: „Свобода, свобода! Сколько преступленій совершаютъ люди во имя твое...“ Замѣните слово: *свобода* именемъ божіимъ и вы услышите послѣдній вопль жертвы инквизиціи. Никогда, со времени своего бытія, человѣчество не совершило такого кощунства, какимъ оно запятнало себя изобрѣтеніемъ инквизиціи. Нѣтъ въ мірѣ изверга и злодѣя, котораго имя могло бы быть поставлено на ряду съ именемъ учредителя инквизиціонныхъ судилищъ... Эту честь, къ сожалѣнію, оспариваютъ другъ у друга: король Франціи Лудовикъ IX (не за это ли признанный *святымъ* папою римскимъ?) и Фердинандъ и Изабелла испанскіе (¹).

Приговоренные къ костру, предъ шествіемъ на казнь, слушали обѣдню въ соборѣ, откуда отправлялась торжественная процесія въ Гоа, на поле *святаго Лазаря*. Эта церемонія называлась у инквизиторовъ *ауто-да-фе*, т. е. дѣяніемъ вѣры.... *какой*

(¹) Все разсказываемое нами здѣсь объ инквизиціи составляетъ отрывокъ изъ приготовляемой нами для печати *Исторіи Суевѣрія*.

именно вѣры этого мы не знаемъ, но что *не христіанской*, такъ въ этомъ, кажется, грѣшно было бы и сомнѣваться! Что, кромѣ ужаса, могли чувствовать жители Гоа, видѣвшіе впервые это зрѣлище? Не имѣли ли они полное право спросить у инквизиторовъ: зачѣмъ же вы заставляете насъ отрекаться отъ Брамы и вѣровать въ *вашего* бога? При нашихъ обрядахъ, правда, люди бросаются подъ колесницы идола Яггернаута, по собственному усердію уродуютъ себя, вѣшаются, топятся... но вы тащите на ваши костры насильно и, большею частью, людей не вашей вѣры... Зачѣмъ же вы запрещаете намъ приносить въ жертву нашимъ богамъ *животныхъ*, когда своему богу приносите въ жертву *людей*?..

Но смрадный дымъ инквизиціонныхъ костровъ, захватывая дыханье зрителей, леденилъ ихъ ужасомъ, сковывая уста,—а именно этого только и нужно было инквизиторамъ. Не требовали они отъ людей внутренняго, искренняго сознанія въ превосходствѣ христіанства надъ язычествомъ, не проповѣдывали они ни любви къ Богу, ни любви къ ближнему: имъ нуженъ былъ ужасъ, только ужасъ; отъ обращенныхъ въ католицизмъ требовали они только внѣшняго выраженія ихъ вѣрованія, обрядности, ханжества... И добились этого, достигли своей цѣли! Въ нѣсколько лѣтъ Гоа со своими прозелитами и неофитами превратился въ уголокъ Испаніи или Италіи: вмѣсто истинной вѣры Христовой воцарились ханжество и суевѣріе. Не добрыми дѣлами и не состраданіемъ къ ближнему люди выражали свою вѣру въ Бога—а только количествомъ молитвъ да пышностью процесій. Оставаясь въ душѣ и убѣжденіяхъ тѣми же *язычниками*, жители Гоа перемѣнили только предметы обожанія; идоловъ замѣнили имъ святыни иконы, вмѣсто имени Брамы—они призывали имя Іисуса Христа!..

Въ исходѣ минувшаго столѣтія у іезуитовъ въ Гоа было пять монастырей или колегій. Не вмѣшиваясь въ дѣла доминикановъ, они тѣмъ оградили себя отъ всякихъ притѣсненій. Въ дѣлѣ пропаганды (¹) они неизмѣнно придерживались своей обычной программы:

(¹) Слово: обученіе закону христіанскому мы замѣняемъ словомъ *пропаганда* потому, что одно съ другимъ не имѣетъ да и не можетъ имѣть ничего общаго.

шутя учить закону божію. Одинъ французскій путешественникъ въ Гоа провелъ цѣлый день у іезуитовъ въ загородномъ монастырѣ *св. Роха*. Послѣ вкуснаго обѣда его угостили домашнимъ спектаклемъ на театрѣ, устроенномъ въ рекреаціонной залѣ. Представляли *балетъ* подъ названіемъ: *Водвореніе христіанской вѣры въ Индіи и труды, понесенные мисіонерами въ основаніи божіей церкви, коей единый столбъ есть Іисусъ Христосъ.*

Танцерами и дѣйствующими лицами въ балетѣ были молодые крещеные индійцы. Сначала вышелъ танцмейстеръ съ молодыми танцорами въ цвѣточныхъ вѣнкахъ. Послѣдніе принесли обломки столба, изъ которыхъ сложили цѣлый, который послѣ обвили цвѣтами и гирляндами. Вершину столба увѣнчивала роза, развернувшая лепестки: въ сердцевинѣ ея былъ поставленъ образъ Пресв. Богородицы съ предвѣчнымъ младенцемъ. Изъ столба съ разныхъ сторонъ били фонтаны душистой воды. Затѣмъ, на сцену вышли двѣнадцать индійцевъ и сыграли очень недурно концертъ на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ; потомъ, арабы проплясали очень граціозное pà съ кастаньетами... Явился клоунъ и посмѣшилъ зрителей своими кривляньями и шуточками. Въ заключеніе опять танцовали двѣнадцать мальчиковъ. Іезуиты сказали гостю, что они часто устраиваютъ эти увеселенія, какъ для привлеченія язычниковъ и магометанъ въ христіанскую вѣру (?), такъ и для забавы семинаристовъ послѣ ученія...

Доминиканы, въ свою очередь, вѣроятно съ этой же благой цѣлью, почти изъ каждаго церковнаго праздника дѣлали зрѣлище для народа. Въ теченіе великаго поста, по улицамъ ходили процесіи для напоминанія страстей Господнихъ. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ шествовалъ молодой монахъ, изображавшій Іисуса Христа, несущаго крестъ; за нимъ слѣдовали бичевавшіеся богомольцы... Процесія останавливалась на площадяхъ и перекресткахъ у временныхъ алтарей: здѣсь изображавшій Іисуса Христа говорилъ приличныя проповѣди... Всѣ присутствующіе выли и причитывали! Въ день Великой пятницы, въ церквахъ и на улицахъ выставляли на показъ народу картины, изображавшія страданія Спасителя... Женщины, отчасти по собственному побужде-

нію, отчасти ради страха наказанія, вопили и стонали. Богатыя барыни приводили служанокъ—били и щипали ихъ, чтобы заставить плакать и стонать за себя, чѣмъ и доказывали свое усердіе...

Впрочемъ, зачѣмъ говорить въ прошедшемъ наклоненіи? Въ Италіи и другихъ католическихъ странахъ, религіозныя мистеріи разыгрываются и въ наше время. Въ одномъ изъ нашихъ духевныхъ журналовъ, лѣтъ пять тому назадъ, было напечатано письмо очевидца мистеріи, разыгранной гдѣ-то за границей на страстной недѣлѣ... остатки средневѣковаго суевѣрія, когда грамотѣи-монахи и писаря представляли народу божественныя комедіи, въ которыхъ идіотическая наивность авторовъ и импровизаторовъ доходила до возмутительнаго цинизма. Не что было извинительно въ средніе вѣка, то едва-ли можетъ быть терпимо въ наше время!..

Въ день праздника тѣла Господня (совершившагося въ Гоа въ четвергъ Ѳоминой недѣли), на улицахъ и площадяхъ разыгрывали цѣлый маскарадъ. Въ процесіи везили (на людяхъ) колесницы съ изображеніями святыхъ, съ цѣлыми рощами и кораблями. Участвовавшіе въ процесіи пѣли религіозные гимны и приплясывали подъ звуки музыки. Очевидцы утверждають, что между подобной религіозной процесіей и торжествомъ джагернаутскимъ почти не было никакой разницы... Напрасно было бы и утверждать; можно не вѣрить на слово!

Въ исходѣ августа, въ Гоа совершался христіанско-языческій *праздникъ жатвы.* Въ соборной церкви святили первые пшеничные колосья; потомъ ихъ приносили губернатору. По городу везили слона, сплетеннаго изъ соломы, потомъ запирали его въ особый балаганъ, гдѣ онъ оставался до празднества жатвы слѣдующаго года. Не то ли же самое этотъ слонъ, что идолъ *Джагганата* у индусовъ, что чучелы кита и волка у камчадаловъ? Другой вопросъ: какъ назвать служителей церкви Христовой, низводящихъ Его ученіе на степень язычества?

Разъ въ годъ, по улицамъ Гоа, проходила длинная вереница *братьевъ милосердія.* Въ сѣрыхъ рясахъ, съ головами, покрытыми башлыками съ прорѣхами для глазъ, участвовавшіе въ процесіи несли два гроба, направляясь къ мѣсту казней. Здѣсь они отрывали изъ подъ висѣлицы кости казненныхъ, приносили

въ соборъ, отпѣвали и хоронили близъ престола. Изъ всѣхъ предыдущихъ процесій, только эта одна еще носила на себѣ слабый отпечатокъ христіанства; только эта процесія хотя не совсѣмъ внятно говорила зрителямъ о прощеніи и состраданіи...

Впрочемъ, не лучше-ли было бы, если бы и *прощеніе* и *состраданіе* распространялись на живыя души, а не на мертвыя кости... Тогда и процесія братьевъ милосердія не напоминала бы пословицы, о тѣхъ — которые, снявши голову, плачутъ по волосамъ!

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ.

КИТАЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Стр.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Стр.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Стр.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Стр.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

ЯПОНІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Іезуиты въ Китаѣ.

I.

II.

III.